СЕРИЯ

ТРАНССИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ПУТЬ

TSSW

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Д.Н. ШЕВЕЛЕВ

«РОЛЬ ПЕЧАТНОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ НЕ МЕНЬШЕ ПУЛИ И ШТЫКА…»:

Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России

Под редакцией
д-ра ист. наук, профессора С.Ф. Фоминых,
канд. ист. наук, доцента Е.В. Лукова

Издательство Томского университета
2017

УДК 94(47)084.3(571)
ББК 63.3(2)612 – 414.81
Ш37

Рецензенты:
д-р ист. наук, профессор *Н.С. Ларьков* (ТГУ)
д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин* (ИИ СО РАН)
канд. ист. наук, доцент *В.В. Журавлев* (ИИ СО РАН)

Шевелев Д.Н.
Ш37 «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка…»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России / под ред. д-ра ист. наук С.Ф. Фоминых, канд. ист. наук Е.В. Лукова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 268 с.

ISBN 978-5-7511-2472-4

Исследуется одно из ключевых для периода Гражданской войны направлений деятельности государственной власти – осведомительная работа, сочетавшая в себе элементы политического контроля и пропаганды. На основе широкого круга архивных и опубликованных источников, материалов периодической печати того времени рассматривается процесс зарождения, организационного становления и развития информационно-пропагандистских учреждений Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала А.В. Колчака правительств. Автором изучены основные направления деятельности осведомительных органов, выявлены и проанализированы формы, методы и приемы работы правительственных и неправительственных учреждений, занятых в сфере государственной политической пропаганды, показаны особенности дискурсивной репрезентации государственной власти антибольшевистских политических режимов востока России, установлен комплекс причин как объективного, так и субъективного характера, обусловивших конечную неудачу антибольшевистской пропаганды в годы Гражданской войны.
Для специалистов и всех интересующихся историей Гражданской войны в России и Сибири.

УДК 94(47)084.3(571)
ББК 63.3(2)612 – 414.81

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формирование информационного пространства»). Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Научного фонда Д.И. Менделеева Томского государственного университета (исследовательский проект № 8.1.44.2015 «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации»).

ISBN 978-5-7511-2472-4
© Д.Н. Шевелев, 2017
© Томский государственный университет, 2017

FEDERAL STATE AUTONOMOUS INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY

DMITRIY N. SHEVELYOV

"PRINTED WORD IN MODERN WAR AS IMPORTANT AS BULLET AND BAYONET…":

Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920)

Edited by
Doctor of History, Professor S.F. Fominykh,
Candidate of History, Associate Professor E.V. Lukov

Tomsk University Publishing House
2017

Reviewers:
Doctor of History, Professor *N.S. Larkov* (TSU)
Doctor of History, Professor *V.I. Shishkin*
(Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)
Candidate of History, Associate Professor *V.V. Zhuravlyov*
(Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)

Shevelyov D.N.
"Printed word in modern war as important as bullet and bayonet…": Ideology, informant work and political propaganda of anti-Bolshevik governments in the east of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920) / Ed. by Doctor of History S.F. Fominykh, Candidate of History E.V. Lukov. – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2017.

ISBN 978-5-7511-24

The monograph explores one of the state authorities' key activities during the Civil War, namely informant work which included elements of political control and propaganda. Drawing on a wide spectrum of archival and published sources as well as on periodical press of that time, the monograph studies the emergence, organizational establishment and development of information-and-propaganda institutions of the Siberian Provisional and All-Russian Provisional Governments as well as of the Government of Russian Admiral A.V. Kolchak. The author studied major activities of informant work bodies, identified and analyzed the forms and methods of work of governmental and non-governmental institutions involved in state political propaganda. Also, the specificities of state discursive representation of anti-Bolshevik political regimes in the east of Russia are demonstrated and the set of both objective and subjective reasons that account for the eventual failure of anti-Bolshevik propaganda in the Civil War is identified.

The monograph is intended for specialists and all interested in the history of the Civil War in Russia and Siberia.

The study is conducted with financial support of the Russian Science Foundation for the Humanities (research project № 14-01-00395 "State ideology of anti-Bolshevik governments in Siberia during the Revolution and the Civil War: the role of media discourse in the institutionalization of political power and in the creation of information space"). The monograph is prepared and published with financial support of the D.I. Mendeleev Science Foundation of Tomsk State University (research project № 8.1.44.2015 "Textual heritage of Siberia: tasks and prospects of scientific attribution and discourse analysis of conventional sources of historical information").

ISBN 978-5-7511-24

© D.N. Shevelyov, 2017
© Tomsk State University, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Переломные периоды в жизни любого общества всегда вызывали и вызывают повышенный интерес исследователей. Время в такие промежутки истории как бы «уплотняется», оказывается чрезвычайно насыщенным событиями и явлениями, а исторические процессы протекают особенно бурно. Старый привычный мир рушится, ему на смену приходят новый социальный порядок, новые социальные институты и практики. Прежние механизмы общественной интеграции перестают работать, уступая место новым коллективным идентичностям. Именно в такие периоды чрезвычайно возрастает роль идеологий. Не случайно один из ведущих современных специалистов в области теории революций, американский социолог Д. Голдстоун, определил идеологию, «предлагающую убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления», как один из пяти элементов, являющихся «необходимыми и достаточными условиями неустойчивого социального равновесия»[1]. С другой стороны, идеологии могут превратить массу людей в организованное сообщество, придать смысл коллективным действиям, направив их на созидание, задать вектор общественного развития.

Гражданская война в России стала не только широкомасштабным вооруженным противостоянием, в основе которого лежали острые политические, экономические и социальные противоречия, но и первым в истории страны крупным внутренним конфликтом, в котором на первый план выходит антагонизм мировоззрений. Как верно отметил новосибирский исследователь М.В. Шиловский, «немаловажное значение в рассматриваемом типе конфликта имеет идеологический фактор, наличие у воюющих сторон четкой, понятной населению программы действий и соответствующих лозунгов. В гражданской войне зачастую побеждает не только лучше организованный и вооруженный, но и сумевший привлечь на свою сторону основные слои населения государства»[2]. Это прекрасно понимали и многие участники тех событий. «Роль печатного слова в современной войне, – писал осенью 1919 г. один священник, – не меньше роли пули и штыка. Если пуля и штык решают дело, наносят решительный удар, то печатное слово подготовляет почву для нанесения этого удара»[3].

Впервые в истории России противостоящие стороны стремились не только уничтожить противника физически, но и подавить морально, низвести его в глазах населения до уровня темной, злой силы, лишенной каких-либо человеческих качеств. Идейный раскол вовлек в свою орбиту многомиллионное население великой империи и придал противостоянию особенно ожесточенный и непримиримый характер.

Начавшаяся Гражданская война требовала от образовавшихся в большом количестве на территории бывшей Российской империи правительств обеспечить приток новобранцев в армию и мобилизовать тыл для успешной вооруженной борьбы. Эта стало своеобразной проверкой политических режимов на жизнеспособность. При этом «красные» и «белые» отстаивали противоположные по своему содержанию социальные проекты, олицетворявшие собой альтернативные модели развития российского общества.

Таким образом, и перед белыми, и перед красными в равной степени стояла непростая задача. Им предстояло не только убедить преобладающую часть российского населения в привлекательности своей программы, в преимуществах предложенной ими модели развития страны, но и принести значительные жертвы для ее воплощения. Учитывая усталость общества от войны, политическую пассивность и преобладание обывательских настроений среди значительной части населения страны, правительствам противоборствующих сторон необходима была действенная система мер идейной мобилизации. Необходимы были новые политические технологии, позволявшие не просто массово воспроизводить господствующие идеологические установки, а сильнее, чем прежде, воздействовать на людей, изменяя их политические настроения.

---

[1] *Голдстоун Д.* Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 31, 34.

[2] *Шиловский М.В.* Как изучали историю белой Сибири (1995–2005 гг.) // Сибирь в период Гражданской войны : материалы международной научной конференции (6–7 февраля 2007 г.). Кемерово, 2007. С. 177.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 80.

За последнее десятилетие отечественными исследователями изучены многие аспекты функционирования антибольшевистских правительств, образовавшихся в период 1918–1922 гг. в разных регионах России. В то же время следует признать, что политическая история антибольшевистского движения остро нуждается в расширении исследовательского поля, применении новых подходов, обновлении научного инструментария, междисциплинарном синтезе. «На смену политико-идеологическому дискурсу с неизбежной для него конфронтацией, – по мнению В.И. Голдина, – должен прийти культурный и культурологический, с переносом центра исследовательской деятельности на культурные фронты познания: поиск культурных смыслов, изучение символов, ритуалов, ценностей, межкультурных коммуникаций»[1].

Одним из перспективных направлений в изучении политической истории российской контрреволюции, на наш взгляд, является исследование идеологии антибольшевистского движения, ее репрезентации в институционализированных политических практиках и дискурсах. В борьбе за обывателя и «красные», и «белые» довольно активно использовали пропаганду, на практике постигая законы и оттачивая методы информационной войны. Парадоксально, но, выиграв в Гражданской войне на полях сражений, коммунисты гораздо позднее, на рубеже XX–XXI вв., проиграли в войне информационной, в противостоянии интерпретаций Гражданской войны, в борьбе за культурную память российского общества. Поэтому наш интерес к этой теме обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, необходимостью формирования целостного представления о Революции 1917 г. и Гражданской войне как переломном для российского общества и дальнейшего развития страны периоде истории. В отличие от многих проработанных отечественными исследователями аспектов истории, идеология противоборствующих сторон изучена недостаточно полно. Именно идейно-политическое противостояние послужило причиной «мировоззренческого разлома» в российском обществе, последствия которого ощущаются до настоящего времени.

Во-вторых, насущной потребностью изучения ключевых исторических событий, переходных эпох, когда целые народы находились на распутье, мучительно выбирая свою дальнейшую судьбу. Детальное изучение особенностей идеологии и пропаганды Белого движения, возможно, дает ключ к пониманию перспектив либерализма в современной России.

В-третьих, возможностью выхода на новые аспекты в изучении политической истории России антибольшевистской, расширении и углублении представлений об идеологии Белого движения как знаковой системе, символическом универсуме, механизме порождения политических смыслов и интерпретаций.

В-четвертых, необходимостью расширения исследовательского поля, включения в него изучения институционализации новых политических практик, механизмов внедрения новых политических технологий.

Таким образом, в настоящее время представляется возможным и необходимым рассмотреть осведомительную работу как *особое направление внутренней политики* правительств Белого Востока и *инструмент утверждения новой государственной идеологии*, «осведомление» как новую для того времени *политическую практику*, а политическую пропаганду – в качестве конкурирующих между собой *дискурсов*.

В развитии научных знаний по проблеме идеологии антибольшевистского движения, содержания и организации правительственной пропаганды на востоке России в годы Гражданской войны следует выделить два основных этапа, каждому из которых был присущ ряд специфических черт. На первом этапе, охватывавшем временной отрезок с начала 1920-х по начало 1990-х гг., освоение данной темы шло в рамках двух диаметрально противоположных традиций: в советской исторической науке и исследованиях белоэмигрантов. На современном этапе (1990-е гг. – до настоящего времени) идет творческое переосмысление прежнего опыта историописания Белого движения, активное расширение проблематики исследований, обновление методологического инструментария.

Теоретической основой *советской историографии* выступал марксистский классовый подход, который обусловил как круг исследуемых проблем, отбор ключевых сюжетов, так и их интерпретацию. Первые оценки лагеря контрреволюции были даны В.И. Лениным, который рассматривал гражданскую войну как неотъемлемую часть классовой борьбы. «Мы, – утверждал он, – напрягаем все силы для того, чтобы в этой гражданской войне победить буржуазию и подорвать в корне возможность классового гнета»[2].

---

[1] *Голдин В.И.* Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 7.

[2] *Ленин В.И.* Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1969. Т. 38. С. 339.

«Никогда мы не скрывали от народа, что мы на этот риск идем», говорил Ленин, признавая тем самым ответственность большевиков за начало гражданской войны. С другой же стороны, он неоднократно подчеркивал, что война была развязана господствующими классами, выступившими в защиту своих имущественных интересов. «Всем известно, – писал он весной 1919 г., – что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас»[1].

Установившиеся на юге и востоке России политические режимы В.И. Ленин расценивал как «самое грязное и кровавое господство буржуазии». Колчак и Деникин, писал он, несут «восстановление порядков хуже, чем царские, восстановление рабства рабочих и крестьян». Власть контрреволюционных правительств, подчеркивал он, держится исключительно на жесточайшем терроре: «Расстрелы десятков тысяч рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине»[2].

Репрессии, по мнению большевистского лидера, дополнялись самым грубым обманом политически малограмотного населения. «Экономическая программа Колчака, Деникина и всех русских белогвардейцев, – констатировал Ленин, – свободная торговля… Крестьян стараются обмануть, говоря: “Не лучше ли было жить по старинке? Разве не лучше было жить себе свободной, вольной продажей земледельческого труда? Что может быть справедливее?” Так говорят сознательные колчаковцы, и они правы с точки зрения интересов капитала»[3].

Умеренных социалистов Ленин также относил к контрреволюционному лагерю, отвергая саму возможность «третьего пути»: «О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата». Два этапа русской революции («керенщина» и «колчаковщина»), по мнению Ленина, наглядно показали, что называющие себя социалистами меньшевики и эсеры «на деле – пособники белых, пособники помещиков и капиталистов» и «защищают как раз колчаковские идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело»[4].

Именно эти ленинские оценки были положены в основу советской научной парадигмы истории Гражданской войны в целом и интерпретации роли Белого движения в частности.

В изучении Гражданской войны особое внимание обращалось на анализ опыта идеологической работы большевистской партии с точки зрения ее содержания, форм, методов и средств убеждающего воздействия. В целом ряде работ отечественных историков был досконально проработан и обобщен опыт политико-просветительной и агитационно-пропагандистской деятельности РКП(б), направленной как на идейную мобилизацию населения Советской России, так и на дискредитацию и разложение лагеря противника[5].

В вопросах же исследования идеологии антибольшевистского движения, ее проявления в различных политических практиках ситуация оказалась более сложной и своеобразной. Контрреволюционный лагерь, по мнению

---

[1] *Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений... Т. 38. С. 51.

[2] *Ленин В.И.* Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 47.

[3] *Ленин В.И.* Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства… С. 363–364.

[4] *Ленин В.И.* Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Ленин В.И. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 156–157.

[5] *Белков А.К.* Партийная и советская печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1956; *Петров Ю.П.* КПСС – руководитель и воспитатель Красной Армии (1918–20 гг.). М., 1961; *Юрко А.И.* Становление партийной советской прессы (октябрь 1917–1918 гг.). Саратов, 1965; *Максимов А.А.* У истоков советской журналистики. Л., 1967; *Щербак В.М.* Большевистская агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.). М., 1969; *Мишурас А.Л.* Печать, рожденная Октябрем. М., 1968; *Марьин В.Д.* Подпольная большевистская печать на Алтае (1905–1919). Барнаул, 1971; *Якушевский А.С.* Пропагандистская работа большевиков среди интервентов 1918–1920 гг. М., 1974; *Шилко К.П.* Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти (октябрь 1917 – март 1919 гг.). Минск, 1975; *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977; *Посадсков А.Л.* Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977; *Он же.* Книжное дело в Сибири 1919–1923. Новосибирск, 1979; *Колычев В.Г.* Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918–1920. М., 1979 и т.д.

Ю.А. Полякова, служил для советских историков лишь фоном, на котором развертывались действия большевиков как основной силы, решившей судьбу страны и определившей ход истории. Роль контрреволюционных сил при этом считалась вспомогательной, а их место в истории – второстепенным[1].

В силу указанных обстоятельств изучение идеологии Белого движения оказалось на периферии советской исторической науки, а сама она появлялась в трудах историков зачастую лишь в качестве противопоставления победно шествовавшему большевизму. Лишь отдельные аспекты этой многогранной проблемы рассматривались в работах В.В. Гармизы, К.В. Гусева, Н.Г. Думовой, Г.З. Иоффе, В.В. Комина, В.Д. Поликарпова, Л.М. Спирина[2] и некоторых других исследователей. В целом доминировал подход, в соответствии с которым идеологические установки антибольшевистского движения были обусловлены социальным происхождением, классовой ограниченностью и реакционной сущностью его участников. Все это существенно схематизировало и упрощало суть проблемы.

Те же тенденции прослеживаются и в историографии гражданской войны в Сибири. К наиболее исследованным темам, в первую очередь, следует отнести вооруженную борьбу населения с контрреволюционными правительствами[3], в рамках которой наиболее пристальное внимание уделялось становлению большевистского подполья и партизанского движения, образованию военно-политического союза рабочего класса и крестьянства[4].

Кроме того, советскими историками был достаточно хорошо изучен ход боевых действий на Восточном фронте, разгром колчаковских армий[5]. В 1960–1980-е годы появляются серьезные историографические и источниковедческие работы И.М. Разгона, М.Е. Плотниковой, С.Ф. Фоминых, В.И. Шишкина, Л.Г. Гариповой, А.П. Штыки[6], имевшие большое значение для дальнейших исследований и формирования общей картины истории гражданской войны в Сибири.

---

[1] *Поляков Ю.А.* Поиск новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 282.

[2] *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982; *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Он же.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России 1905–1917 гг. М., 1990; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) М., 1968; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX века – 1920 г.). М., 1977.

[3] *Плотникова М.Е.* Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1953; *Шелестов Д.К.* Борьба за власть Советов на Алтае. М., 1959; *Гудошников М.А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959; *Познанский В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973; *Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. Деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981.

[4] *Мирзаев В.Г.* Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1919). Кемерово, 1957; Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1968; *Он же.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918–1919). Свердловск, 1978; *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) М., 1962; *Дворянов Н.В., Дворянов В.Н.* В тылу у Колчака. М., 1966; *Кадейкин В.А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. Кемерово, 1959; *Он же*. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968; *Логвинов В.К.* В борьбе с колчаковщиной. Очерки о красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии 1918–1920 гг. Красноярск, 1980 и т.д.

[5] См.: *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку. Военно-исторический очерк. Л., 1926; *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957; *Болтин Е.А.* Контрнаступление южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919). М., 1959; *Путна В.К.* Восточный фронт. М., 1959; *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (март–апрель 1919). М., 1960.

[6] *Разгон И.М., Плотникова М.Е.* Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. С. 3–15; *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974; *Она же.* Современная советская историографическая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. М., 1974. С. 420–430; *Она же.* Современная советская историография гражданской войны в Сибири // История СССР. 1985. № 5. С. 101–116; *Плотникова М.Е., Шишкин В.И.* Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 177–187; *Историография* крестьянства Советской Сибири. Новосибирск, 1976; *Фоминых С.Ф.* Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1969; *Он же.* К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988; *Он же.* Американская дипломатическая переписка как источник по истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1969; *Шишкин В.И.* Современная советская историография интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 20–40; *Он же.* Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 20 – начала 30-х гг. // Социальная активность советской сибирской деревни. Новосибирск, 1988. С. 6–29; *Гарипова Л.Г.* Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е годы) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1991; *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991.

Значительно слабее были изучены «идеологические аппараты» противостоявших большевикам в годы Гражданской войны политических сил. В советский период лишь некоторые аспекты деятельности пропагандистских органов правительств белой Сибири освещались в работах отечественных историков. В этой связи следует назвать монографическое исследование Н.Ф. Каткова[1], один из разделов которого отводился анализу «контрреволюционной сущности» идеологии белого движения, а также «организации антисоветской обработки белогвардейцами солдат и населения своего тыла». В указанной работе подробно освещаются формы и методы белой пропаганды, описывается структура информационно-осведомительных органов контрреволюционных режимов (А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А.В. Колчака, Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера). Используя главным образом мемуарную литературу и материалы периодической печати, автор пришел к выводу о том, что идеологическая обработка населения и солдат в антисоветском духе велась в огромных масштабах, продуманно и целеустремленно, а тиражи выпускаемой агитационной литературы и периодики были весьма значительны. Во многом это стало возможно, по мнению Каткова, благодаря участию в работе правительственных, гражданских и военных органов пропаганды и агитации высококвалифицированных идеологических работников – кадетской профессуры, крупных писателей и журналистов, видных политических деятелей белого движения, работников искусства, церковников и т.д.

Характеризуя же в общем деятельность идеологического аппарата российской контрреволюции, он писал: «Содержание обработки населения и солдат сводилось к тому, чтобы любыми средствами воспитать ненависть к большевикам, советской власти, Красной Армии, обелить контрреволюционную власть белогвардейцев, политическую платформу белого движения, любым способом укрепить и пополнить белогвардейскую армию, ликвидировать массовое дезертирство, протащить в жизнь черносотенно-кадетское требование “Единой, неделимой России”»[2].

Роль периодической печати в общественной жизни Сибири периода Гражданской войны, ее место в политическом и информационном пространстве Белого Востока рассматривались в статьях и диссертационных исследованиях Н.М. Семеновой, А.П. Волгина, монографии А.Н. Никитина[3]. Отдельные стороны деятельности органов политической пропаганды Белого Востока нашли отражение в работах В.Л. Соскина и И.Д. Эйнгорна[4]. Если в первой из них пристальное внимание уделяется белой печати как средству «духовного оболванивания масс» и укрепления политической власти буржуазии, а также методам и приемам антибольшевистской пропаганды, то во второй освещается идеологическая работа церковных организаций Сибири в годы Гражданской войны.

Достаточно подробно советскими историками была изучена идеологическая экспансия иностранных держав, прежде всего США, в годы Гражданской войны, а также меры большевистской контрпропаганды. Весьма плодотворными в этом направлении являются работы Н.М. Балалаевой, Е.И. Бреслав, Г.Э. Эйхе, К.Л. Селезнева, А.Г. Евтушевского, А.С. Якушевского, Е.А. Приваловой[5]. «Идеологическая интервенция» Антанты рассматривалась в тесной взаимосвязи с пропагандистской деятельностью антибольшевистских пра-

---

[1] *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977.

[2] *Катков Н.Ф.* Указ. соч. С. 26.

[3] Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; *Она же.* Печать об отношении крестьян к социально-экономической политике Временного Сибирского правительства // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 137–145; *Она же.* Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286; *Волгин А.П.* Буржуазная пресса Сибири и подготовка военной диктатуры Колчака // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984. С. 108–109; *Он же.* К характеристике периодической печати как источнике по истории колчаковщины // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 64–75; *Он же.* Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: автореф. … канд. ист. наук. Томск, 1990; *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

[4] *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965; *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма (1917–1937). Томск, 1982.

[5] *Балалаева Н.М.* Контрреволюционная деятельность зарубежных христианских миссий на Дальнем Востоке (1917–1922) // Дальний Восток. 1970. № 10; *Бреслав Е.И.* Большевистская печать Приморья (1918–1922). Владивосток, 1958; *Эйхе Г.Э.* Большевистская печатная пропаганда среди войск противника и населения оккупированных районов в годы гражданской войны и иностранной интервенции : дис. … канд. ист. наук. М., 1968; *Селезнев К.Л.* Революционная работа большевиков в войсках интервентов // История СССР. 1960. № 1; *Евтушевский А.Г.* Идеологическая интервенция США на Советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1980; *Якушевский А.С.* Пропагандистская работа большевиков среди войск интервентов в 1918–1920 гг. М., 1974; *Привалова Е.А.* В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России (1917–1920-е годы). М., 1990.

вительств, выявлялся и анализировался характер этой взаимосвязи. В частности, на тесные контакты, существовавшие между Американским бюро печати (АБП) и контрреволюционной прессой, указала Е.А. Привалова. Основываясь на анализе 33 газет и 9 журналов Северной области, Урала, Сибири и Дальнего Востока за 1918–1920 гг., она пришла к заключению о том, что АБП стремилось подчинить своему влиянию антибольшевистскую периодическую печать и тем самым воздействовать на русскую общественность. При этом интервенты не только осуществляли контроль над содержанием белой прессы, но и оказывали прямое давление на газеты и журналистский корпус. В числе газет, «вовлеченных в орбиту американских информационно-пропагандистских интересов», автор называет омскую «Зарю», «Народную Сибирь», «Сибирскую жизнь», «Русскую речь» и «Сибирскую речь», в то время как на англичан ориентировалась «Русская армия».

Своего рода квинтэссенцией представлений о структуре и деятельности пропагандистских учреждений Белого Востока в советский период стала статья о них в энциклопедии «Гражданская война и иностранная интервенция в СССР». Осведомительные органы колчаковских армий наряду с деникинским Освагом признавались «крупнейшими идеологическо-диверсионными центрами “белого дела”». Считалось, что их организационное оформление произошло в середине 1919 г. в условиях «начавшегося разложения режима колчаковщины». Основными структурными элементами пропагандистского аппарата Омского правительства авторы статьи называли Осведверх, ошибочно причисляя его к Главному штабу, осведармы, правительственный Отдел печати и акционерное объединение «Русское общество печатного дела»[1].

В отличие от советской, в *русской эмигрантской историографии* «белая идея», рассматривавшаяся в качестве духовной основы борьбы с большевизмом в годы Гражданской войны и в какой-то мере интерпретируемая даже как продолжение «русской идеи», оценивалась положительно. Этому в немалой мере способствовали публицистические работы П.Б. Струве[2] и И.А. Ильина[3].

«Движущая идея белой борьбы, – писал И.А. Ильин, – *проста,* как сердце честного патриота; *сильна,* как его воля; *глубока,* как его молитва о родине. Она вела белых с самого начала; и тогда, когда их сознание еще не могло формулировать ее; она поведет их и далее, после того, как она будет до конца осознана и выговорена. Без нее вооруженная белая борьба была бы обычною гражданскою войною; с нею и через нее – она возрождала древнюю русскую патриотическую традицию и знаменовала зарождение новой, государственно-здоровой России»[4].

Фундаментом «белой идеи», считал Ильин, была преданность родине, патриотизм. Именно поэтому белые «не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело – дело России – родины, дело русского государства». Их цель «жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело – в патриотическом и государственном»[5]. Людей, исповедующих «белую идею», Ильин полагал свободными и «от революционных, и от реакционных предрассудков». «То, чего мы желаем для России, – отмечал он, – это – исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому негодующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением»[6].

По мысли И.А. Ильина, Белое движение не следовало идеализировать. Однако, представляя цели и мотивы его участников в героически-возвышенных тонах, он в немалой степени способствовал именно его идеализации и мифологизации.

Необходимо отметить, что в эмигрантской периодической и непериодической печати тех лет превалировала мемуарная литература и публицистика. Качественных научных исследований, посвященных анализу исторического опыта российской Революции и Гражданской войны, было написано сравнительно немного. Особенности идеологических установок антибольшевистского движения, влияние их на формирование политического курса правительств Белой России, деятельность пропагандистских органов получили освещение в работах М.В. Вишняка, Н.Н. Головина, А.И. Деникина, С.П. Мельгунова, П.Н. Милюкова[7].

---

[1] *Осведомительные* органы колчаковских армий // Гражданская война и иностранная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1983. С. 418.

[2] *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М., 2004; *Он же.* Избранные сочинения. М., 1999; *Он же.* Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

[3] *Ильин И.А.* Родина и мы. Смоленск, 1995; *Он же.* Наши задачи // Ильин И.А. Собрание соч. : в 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 1–2.

[4] *Ильин И.А.* Родина и мы... С. 222.

[5] Там же. С. 223.

[6] Там же. С. 224.

[7] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; *Он же.* Из истории гражданской войны // Современные записки (Париж). 1929. № 40. С. 472–502, 1930. № 41. С. 312–346, 1931. № 45. С. 306–322, 1932. № 48. С. 378–408; *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. : в 12 кн. Париж, 1937; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты : в 5 т. Париж, 1921–1923; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы

Значительный интерес для нашего исследования представляют многотомные фундаментальные «Очерки русской смуты», в которых сочетаются широта охвата исторических сюжетов с яркостью изложения. Своим вниманием ее автор, лидер Белого Юга генерал-лейтенант А.И. Деникин, не обошел такую важную проблему, как мотивация участников антибольшевистского движения. «Противобольшевистские движения, – отмечал он, – не создавались отдельными людьми – они вырастали стихийно и непредотвратимо… Стимулы для борьбы с советской властью были крайне разнообразны, находя отклик почти во всех слоях русского народа и затрагивая самые чувствительные стороны народной психики»[1].

В качестве таких «стимулов борьбы с советской властью» Деникин, с одной стороны, указал ущемленное Брест-Литовским мирным договором национальное сознание. Однако, как он полагал, «завершение в столь чудовищных формах длительного процесса разрушения армии, страны и ее международного значения» пробудило национальные чувства только «верхних слоев русского народа».

С другой стороны, А.И. Деникин выделил целый ряд мотивов социального, экономического и психологического характера: «классовое или личное самосохранение», «распад государственной и народной жизни», развал экономики, «красный террор» и гонения на религию». «Казалось, – резюмировал он, – во всех слоях населения и во всех областях жизни были глубокие обоснования и стимулы к борьбе с ненациональной, негосударственной и ненародной властью»[2]. Такие представления, которые «психологически владели» не только рядовыми участниками антибольшевистского движения, но и политическим руководством Белой России, во многом способствовали недооценке политической пропаганды как целенаправленного и массированного воздействия на общество.

Достаточно подробно Деникин останавливается на идеологических и политических приоритетах, заложенных в основу политического курса Белого Юга, а также тех факторах, которые влияли на его изменения. Правда, далеко не со всеми оценками автора можно согласиться. Так, в рецензии на четвертый том «Очерков» историк В.А. Мякотин, во время Гражданской войны являвшийся одним из организаторов и руководителей Союза возрождения, справедливо указал на то, что «вряд ли все читатели книги генерала Деникина найдут возможным вполне согласиться с той оценкой, какая дается в ней политике, проводившейся им и состоявшим при нем правительством – Особым совещанием». Мякотин высказывает серьезное сомнение в деникинской интерпретации этого правительства как «коалиции правых и либеральных элементов, вне которой возможно было только однородное правое правительство, так как никакого другого армия не потерпела бы»[3].

Кроме того, рассматривая различные аспекты деятельности Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, он дает емкую характеристику работы отдела пропаганды (Освага). В целом «Очерки русской смуты» позволяют более полно представить панораму Гражданской войны, уяснить идеологические и политические сходства и различия южного и восточного регионов антибольшевистского движения.

Для понимания тех идеологических доминант, которыми руководствовались лидеры белого движения, значительный интерес представляет статья русского историка-эмигранта Н.П. Полторацкого, основанная на материалах Белого Юга. Автор проанализировал политические программы А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и пришел к заключению, что «белое движение было реакцией духовно здоровых сил страны на национальное, государственное, политическое и культурное разложение и падение, связанное с революцией и насильственным захватом власти большевиками-ленинцами, развязавшими в России гражданскую войну»[4].

Он считал, что по своей идеологии белое движение не являлось помещичье-буржуазным. Оно также не стремилось к реставрации монархии и старого режима вообще. Заявлять же обратное, по мнению Полторацкого, «значит или демагогически искажать действительное положение вещей, или заблуждаться, или, наконец, выдавать часть за целое»[5].

гражданской войны. Париж, 1929; *Он же.* Трагедия адмирала Колчака: в 3 кн. Белград, 1930–1931; *Милюков П.Н.* Россия на переломе : в 2 т. Париж, 1927.

[1] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты : в 5 т. Берлин, 1924. Т. 3. С. 6.

[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... Т. 3. С. 15.

[3] *Мякотин В.* Четвертый том «Очерков» генерала Деникина // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 4. С. 287.

[4] *Полторацкий Н.П.* «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 303.

[5] Там же. С. 303.

Признавая определенные различия в политических программах двух лидеров Белого Юга, Полторацкий выделил несколько общих моментов, которые, по его мнению, символизировали сам «дух Белого движения»:

- «за Россию, за ее спасение (деникинское; “я призывал Армию бороться просто за Россию”; врангелевское: “Помогите мне, русские люди, спасти Родину”)»;
- «за свободу, право и правопорядок»;
- «за все иные высшие духовные ценности (вера, Церковь и народные святыни – Святая Русь, любовь к ближнему – а не ненависть к так называемым классовым врагам, общечеловеческие и общекультурные ценности, честь, исполнение долга, самопожертвование)»[1].

Особое значение он придавал понятию чести как одной из основных духовных ценностей, вдохновлявших участников Белого движения. Причем «честь» Полторацкий понимал в широком смысле. «Как неоднократно отмечалось, – подчеркивал он, – если бы Россия тогда не ответила Белым движением на революцию и насильственный захват власти большевиками, честь России и русского народа была бы погублена, они были бы обесчещены навсегда. Честь эта была спасена тем, что среди массового развала и духовного онемения из самых различных слоев народа сразу же выдвинулось героическое и жертвенное меньшинство, готовое до смерти отстаивать не эгоистически-личные или классово-корыстные материальные интересы, а сверхличные религиозные, патриотические, государственные и культурные ценности»[2].

В целом, как в советской, так и в русской эмигрантской историографии содержательная сторона идеологии антибольшевистского движения рассматривалась лишь на уровне общих установок. Организация противниками большевиков политической пропаганды оценивалась главным образом как слабая и неэффективная, а потому – не заслуживающая внимания.

Современная отечественная историография. Существенные коррективы в развитие отечественной исторической науки внесли политические процессы, начавшиеся в середине 1980-х гг. Происходит постепенное ее теоретико-методологическое обновление.

Новые подходы в изучении революции и Гражданской войны находят свое воплощение в серии научных публикаций, среди которых, в первую очередь, следует отметить статьи Ю.А. Полякова, П.В. Волобуева и В.П. Булдакова[3], в материалах научных конференций и «круглых столов», таких как «Россия, 1917 г.: выбор исторического пути» (Москва, 1988), «Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник?» (Москва, 1989), «Гражданская война и интервенция: новые подходы и поиски» (Архангельск, 1990), «Гражданская война и интервенция: новые подходы в изучении проблемы» (Симферополь, 1990), «Гражданская война в России» (Москва, 1993), «Революция и человек: социально-психологический аспект» (Москва, 1993). Кроме того, было опубликовано несколько совместных с западными авторами сборников, посвященных ключевым моментам отечественной истории XX в.[4] В начале 1990-х гг. появляется даже проект издания 5-томной «Гражданской войны в России»[5], который, однако, не был реализован.

Проявившийся в это время интерес к духовному наследию российской эмиграции выразился в широкой волне переиздания мемуарной литературы, представленной как именами военных и политических лидеров Белого движения (А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, М.Г. Дроздовского, К.В. Сахарова, А.П. Будберга, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина), так и рядовых участников Гражданской войны. Были переизданы многие исследования историков-эмигрантов С.П. Мельгунова, Р.Б. Гуля, Д. Леховича; теоретические работы И.А. Ильина, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого и других. В сентябре 1988 г. коллегия Госкомиздата СССР одобрила перспективный план издания научных трудов, памятников русской общественной мысли и доку-

---

[1] *Полторацкий Н.П.* «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения // Русское прошлое. 1991. № 1.С. 301.

[2] Там же. С. 301.

[3] *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–114; *Он же.* Поиск новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 280–288; *Он же.* Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 277–286; *Гражданская* война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. №6. С. 32–41; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.

[4] См.: *Анатомия* революции. 1917 г. в России: Массы, партии, власть. СПб, 1994; *Гражданская* война в России: перекресток мнений. М., 1994; *Первая* мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; *Россия* в XX в. Историки мира спорят. М., 1994.

[5] См.: *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения). Приложение: План-проект 5-томного издания «Гражданская война в России» // История СССР. 1990. № 2. С. 115–117.

ментов прошлого, длительное время не издававшихся в нашей стране, в который было включено значительное количество мемуаров представителей Белого движения[1].

В 1990-е гг. появляется ряд отечественных исследований, посвященных указанной проблематике, среди которых особенно выделяются работы волгоградского историка В.Д. Зиминой[2], а также монография В.В. Шелохаева[3].

В целом следует отметить, что идеологический и политический кризис, в котором оказался СССР к началу 1990-х гг., пробудил научный интерес к альтернативным моделям общественного развития, в том числе и к теоретическому наследию антибольшевистского движения. Снятие идеологических ограничений привело к всплеску исследовательской активности в отношении полузакрытых ранее страниц истории Гражданской войны. Достаточно быстро оформилось несколько ключевых направлений в изучении противников большевиков: политическая, экономическая, социальная и военная история Белой России. Однако научное освоение различных сторон исторического опыта антибольшевистского движения происходит довольно неравномерно.

Специальных работ, в которых бы исследовалась идеология противостоящих большевикам сил, ее проявление в различных политических практиках того времени (законодательной и административной деятельности, пропаганде и т.д.), до сих пор нет.

В то же время целый ряд существенных для данной темы аспектов нашел отражение в работах современных отечественных исследователей. Речь идет, прежде всего, о произведениях «малых историографических форм» (тезисы докладов, статьи).

Деятельность органов политической пропаганды антибольшевистских правительств востока России рассматривалась в работах А.Л. Посадскова[4]; Л.А. Молчанова[5]; Е.В. Лукова и Д.Н. Шевелева[6]. Эта же тема нашла отражение в двух коллективных монографиях, посвященных книжной культуре Сибири[7]. В них, на основе впервые введенных в научный оборот архивных документов и материалов периодической печати, анализируется структура органов политической пропаганды Белого Востока, ключевые направления их деятельности. В наибольшей степени изучена пропагандистская работа квазиобщественной информационно-пропагандистской организации – «Русского общества печатного дела», гораздо более слабо – военные (Ставки, Главного штаба, армий, тыловых и внутренних округов) осведомительные учреждения.

---

[1] См.: *Книжное* обозрение. 1988. № 38. С. 7–9.

[2] *Зимина В.Д.* Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995; *Она же*. Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 9–16; *Она же* (в соавторстве с Ю.Д. Граждановым). Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1996; *Она же*. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1998.

[3] *Шелохаев В.Д.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991.

[4] *Посадсков А.Л.* К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 140–143; *Он же.* Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропа-гандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII – XX вв.). Омск, 1998; *Он же.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 196–198; *Он же.* К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 135–139; *Он же.* «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 99–104, 2000. № 1. С. 63–69; *Он же.* Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С.162–167.

[5] *Молчанов Л.А.* Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. М., 1998. С. 150–164; *Он же.* Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. М., 1998. № 2. С. 17–23; *Он же.* «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 137–139; *Он же.* «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: К истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны. М., 2007.

[6] *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007; *Они же.* Белая идеология как альтернатива большевизму (на примере антибольшевистских правительств Сибири) // Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября 2007 г.). Томск, 2008. С. 244–251.

[7] *Пайчадзе С.А., Лютов С.Н., Савенко Е.Н.* Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.). Новосибирск, 1998; *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. 1917–1930 гг. Новосибирск, 2002.

В исследованиях Л.А. Молчанова[1], Д.Л. Шереметьевой[2] рассматриваются вопросы, связанные с функционированием антибольшевистской прессы, информационным обеспечением и распространением, составом и содержанием газетных изданий. Особо следует выделить статью В.М. Рынкова[3], в которой взаимодействие власти антибольшевистских правительств и общества в восточных регионах России исследуется в рамках единого информационного пространства. «В период существования антибольшевистских правительств на востоке России, – отмечал он, – информационное пространство представляло собой мощную и сложную систему, стержнем которой являлась периодическая печать. Её отличало многообразие форм собственности, общественно-политической направленности, ориентация на потребителей разного интеллектуального и социального уровня»[4]. Важнейшим субъектом информационного процесса, по мнению В.М. Рынкова, выступало государство, которое хотя и имело возможность «сильно корректировать идеологический облик значительной части изданий», но это влияние не было «абсолютным и целиком определяющим».

Государственная политика в сфере надзора над периодической печатью, деятельность на территории Сибири органов цензуры нашла отражение в статьях Л.А. Молчанова[5], С.П. Звягина[6], С.С. Балмасова[7].

В период Гражданской войны на востоке России некоторые направления осведомительной работы (контроль политических настроений населения, пропагандистская работа на территории противника) находились в руках специальных служб. Кроме того, военное командование, как правило, объединяло пропагандистскую, культурно-просветительную, разведывательную и контрразведывательную работу в рамках одних и тех же организационных структур. В этой связи значительный интерес представляют работы Н.В. Грекова[8], Н.С. Кирмеля[9], Е.А. Корневой[10], А.А. Иванова[11], посвященные истории становления и развития спецслужб Белого Востока.

До настоящего времени специальных работ, анализирующих политический дискурс антибольшевистского движения на востоке страны в целом, и дискурс политической пропаганды в частности, написано немного. Эта, без сомнения, важная тема еще ждет своего исследования. Лишь некоторые аспекты проблемы изучались В.В. Журавлевым[12] и Е.В. Луковым[13].

---

[1] *Молчанов Л.А.* Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1997; *Он же.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2001; *Он же.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2002.

[2] *Шереметьева Д.Л.* Власть и пресса Сибири в период «демократической» контрреволюции (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Т. 8, вып. 1. Новосибирск, 2009. С. 129–134; *Она же.* Газетная пресса органов государственной власти в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 138–144; *Она же.* Газеты Сибири в в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

[3] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 105–125.

[4] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество... С. 126.

[5] *Молчанов Л.А.* Цензура «белой» Сибири // История «белой» Сибири. Кемерово, 1999. С. 76–78.

[6] *Звягин С.П.* Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 68–78.

[7] *Балмасов С.С.* Функционирование органов военной цензуры Российского правительства в 1918–1919 гг. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. М., 2003. С. 53–62.

[8] *Греков Н.В.* Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 209–221; *Он же.* Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 59–61.

[9] *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008; *Он же.* Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 91–98.

[10] *Корнева Е.А.* Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 63–77.

[11] *Иванов А.А.* Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009.

[12] *Журавлев В.В.* К вопросу о легитимации антибольшевистских правительств Сибири (май – ноябрь 1918 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 100–104.; *Он же.* «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353–388.; *Он же.* Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 3–20.

[13] *Луков Е.В.* Нормативные акты как источник для реконструкции идеологических и программных установок антибольшевистских правительств Сибири // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 174–177; *Он же.* Формирование образа власти антибольшевистскими правительствами Сибири (по материалам периодической печати) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 140–143; *Он же.* Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 183–188.

Для понимания самой природы Гражданской войны, причин неудачи Белого движения весьма значимыми являются исследования В.П. Булдакова[1], рассматривающего революционный процесс в контексте кризиса империи. Большевики, по его мнению, сумели идейно обезвредить своих противников тем, что «взяли на свое вооружение насилие и мессианизм – то, чем была изначально пропитана русская история, и от чего ни у кого, даже просвещенных людей, не находилось иммунитета»[2].

Для понимания политических процессов, протекавших на востоке России в 1918–1920 гг., особенностей функционирования государственной власти антибольшевистских правительств, деятельности отдельных ведомств большое значение имели исследования В.В. Журавлева, С.П. Звягина, А.С. Кручинина, Н.С. Ларькова, Е.В. Лукова, Л.В. Некрасовой, А.Н. Никитина, Г.А. Трукана, В.Ж. Цветкова, М.В. Шиловского, В.И. Шишкина, Ю.Н. Ципкина[3] и целого ряда других авторов.

Значительный интерес представляет монография В.М. Рынкова[4]. Это первая в отечественной историографии обобщающая работа, посвященная одному из важнейших направлений внутренней политики антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири. В ней поднят широкий круг вопросов, связанных со спецификой взаимодействия государства и общества в период Гражданской войны: регулирование прав собственности, заработной платы, рынка труда, социальных трансфертов и т.д.

Различные аспекты, связанные с формированием и особенностями содержания идеологии антибольшевистского движения, отражены в монографии В.Д. Зиминой[5], диссертационных исследованиях Н.П. Бучко, В.Н. Романишиной, И.В. Швец[6] и ряда других.

За последние полтора десятка лет появилось значительно число историографических работ, в которых показаны основные направления современных исследований истории Гражданской войны, обозначен ряд дискуссионных проблем в изучении и интерпретации антибольшевистского движения[7].

---

[1] *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Он же.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 5–27.

[2] *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 240.

[3] *Журавлев В.В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 3–30; *Он же.* К вопросу о легитимации антибольшевистских правительств Сибири (май – ноябрь 1918 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 100–104; *Он же.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май–ноябрь 1918 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010; *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995; *Он же.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук, Томск, 1996; *Он же.* Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX в. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы Гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 54–64; *Луков Е.В.* Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории Гражданской войны в Сибири (конец мая – начало ноября 1918 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Некрасова Л.В.* Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. С. 96–110; *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004; *Трукан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; *Он же.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003; Он же. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008; *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 103–119; *Он же.* 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.

[4] *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

[5] *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.). М., 2006.

[6] *Бучко Н.П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2006.; *Романишина В.Н.* Социальный состав и идеология Белого движения в годы Гражданской войны в России, 1917–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Швец И.В.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке России: борьба республиканской и монархической тенденций: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007.

[7] *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1998; *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000; *Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М.* «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблемы белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.) М., 2001; *Немчинова Т.А.*: Современная российская историография Белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Скипина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской

Зарубежными историками также исследовались только некоторые проблемы, связанные с содержанием и особенностями идеологии антибольшевистского движения, организацией политической пропаганды правительствами Белой России. В первую очередь следует выделить работы профессора Калифорнийского университета П. Кенеза. В статье «Идеология белого движения», опубликованной в нашей стране в середине 1990-х гг. в двух различных переводах[1], он анализирует мировоззренческие установки военного элемента антибольшевистского движения. «По ходу гражданской войны и по мере того как офицеры вынуждены были формулировать свои программные цели, – писал П. Кенез, – становилось заметно, что они чувствовали себя неуютно и не могли идти далее самых общих формулировок, которые никого не устраивали»[2]. В проведении идейной мобилизации большевики, по его мнению, были «куда более способными и имели больший успех». Коренное отличие заключалось в том, что у большевистской идеологии была единая теоретическая основа – марксизм и признанный теоретик – В.И. Ленин. У белых же «не имелось такого вождя или трибуна» и их идеология не базировалась на одной философской концепции. «Трудно даже найти ряд объединяющих их идей, – отмечал П. Кенез, – ибо белое движение не было однородным. Одни белые являлись монархистами, другие – республиканцами; одни настаивали на сохранении верности союзникам, другие втягивались в германскую сферу влияния; одни хотели идти на уступки, такие как обещание земельной реформы, другие решительно выступали против всяческих перемен, происшедших со времени падения дома Романовых»[3].

Тем не менее, с точки зрения П. Кенеза, «вожди белой армии имели достаточно общих позиций и идей, чтобы можно было говорить об общей идеологии». Причем их политические взгляды во время Гражданской войны, по его мнению, в значительной степени были обусловлены мировоззренческими установками, унаследованными от прошлого.

В монографическом исследовании «Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918» П. Кенез обращается к истории начального периода Гражданской войны. В числе прочих сюжетов он касается и организации белыми политической пропаганды, называет причины его низкой эффективности: «отсутствие ясной идеологии», а также «недостаток творческого потенциала и опыта»[4]. И хотя выводы П. Кенеза основываются на анализе пропагандистского аппарата Белого Юга, они вполне применимы к другим регионам, контролировавшимся антибольшевистскими правительствами.

Влияние идеологических установок антибольшевистского движения на формирование политического курса правительств Белого Востока рассматривалось в работах Н. Перейры, П. Флеминга, Д. Смела[5].

Таким образом, отечественными и зарубежными учеными проделана значительная работа по изучению различных аспектов истории антибольшевистского движения на востоке России в период Гражданской войны. Все это создает вполне достаточные предпосылки для более глубокого и детального изучения идеологии антибольшевистского движения, представленной в организационных структурах, институционализированных политических практиках, дискурсах и нарративах. Однако осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России, рассматриваемая как инструмент утверждения новой государственной идеологии и новая для того времени административная практика, не стала до сих пор предметом специальных исторических исследований.

Объектом исследования выступают антибольшевистские политические режимы, сформировавшиеся на территории Сибири в период Гражданской войны. При этом политический режим понимается в достаточно узком смысле, как совокупность приемов и методов осуществления государственной власти, т.е. сложившаяся

войны в России. М., 2004; *Он же.* Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2004; *Рынков В.М.* Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2007. С. 13–22; *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008; *Гришанин П.И.* Современная отечественная историография Белого движения: традиции и новации. Пятигорск, 2009.

[1] *Кенез П.* Идеология белого движения // Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 268–279; *Он же.* Идеология белого движения // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105.

[2] *Кенез П.* Идеология белого движения // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 94.

[3] *Кенез П.* Идеология белого движения // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 95.

[4] *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007. С. 210.

[5] *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996; *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М., 2006; *Smele J.D.* Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. New York, 1996.

в определенных условиях политическая система в действии. Таким образом, в работе рассматриваются действовавшие на востоке России антибольшевистские государственные образования, находившиеся под управлением сменявших друг друга Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала А.В. Колчака правительств.

Мы подробно рассмотрим деятельность антибольшевистских правительств Сибири, направленную на завоевание и удержание симпатий населения края, мобилизацию общества на достижение поставленных государственной властью задач, обратив пристальное внимание на новую для периода Гражданской войны в России (1918–1922 гг.) политико-административную практику – «осведомительную работу», включавшую «правильное» информирование населения и правительственных учреждений, надзор за общественными настроениями, меры агитационно-пропагандистского воздействия и культурно-просветительную деятельность в войсках. При этом осуществлявшаяся антибольшевистскими правительствами востока России осведомительная работа рассматривается, с одной стороны, как совокупность институциональных, функциональных и дискурсивных элементов; с другой – в целостном единстве ее составляющих: информационного обеспечения государственной власти, политической пропаганды, культурно-просветительной работы в войсках и контроля настроений населения.

Основной целью исследования является выявление роли, с одной стороны, осведомительной работы, проводившейся антибольшевистскими правительствами, в политических процессах в восточных регионах страны в период Гражданской войны, с другой – правительственных информационных служб, официальной периодической печати в генерировании новых интерпретаций политической и исторической реальности, конструировании новых коллективных идентичностей.

Исходя из поставленной цели, необходимо:

❑ определить место правительственных служб осведомления и политической пропаганды антибольшевистских государственных образований в информационном пространстве востока России как совокупности характерных для того времени информационных ресурсов, средств информационного взаимодействия и информационной инфраструктуры;

❑ выявить факторы, влиявшие на интенсивность и направленность информационно-психологического воздействия, осуществлявшегося правительственными учреждениями Белой Сибири на различных этапах Гражданской войны;

❑ установить основные направления развития информационно-пропагандистских учреждений Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств, особенности их структурной, организационной и функциональной трансформации в период с конца мая 1918 г. до начала января 1920 г.;

❑ выявить и охарактеризовать основные направления деятельности осведомительных органов, рассмотреть формы, методы и приемы работы правительственных и неправительственных учреждений, занятых в сфере государственной политической пропаганды;

❑ определить особенности дискурсивной репрезентации государственной власти антибольшевистских политических режимов востока России;

❑ установить комплекс причин как объективного, так и субъективного характера, обусловивших конечную неудачу антибольшевистской пропаганды в годы Гражданской войны.

В качестве рабочей гипотезы нами принято утверждение – осуществлявшаяся правительственными службами информации и политической пропаганды осведомительная работа играла важную роль во внутренней и внешней политике антибольшевистских государственных образований востока России.

Для этого нам предстоит подробно обсудить следующие положения:

❑ В период Гражданской войны и большевики, и их противники широко использовали «осведомление» – административную практику, сочетавшую в себе элементы политического контроля и пропаганды. Осведомительная работа, которая велась антибольшевистскими правительствами, утвердившимися на территории Сибири, включала «правильную» информацию населения, культурно-просветительную деятельность в войсках и надзор за общественными настроениями. У политического руководства Белого Востока сформировалось двойственное отношение к использованию в своей практике политической пропаганды. С одной стороны, узкая социальная база антибольшевистского движения вынуждала его лидеров к поиску эффективных механизмов консолидации. К этому же подталкивали впечатляющие результаты политико-просветительной работы в Советской России.

С другой же стороны, зло большевизма казалось столь очевидным, а необходимость борьбы с ним столь естественной, что целенаправленное и долговременное пропагандистское воздействие представлялось излишним. Такая двойственность предопределила и противоречивую государственную политику в сфере информации: от полного отрицания применения чисто пропагандистских мер до признания их важнейшим фактором достижения победы.

❑ В рамках политической системы Белой Сибири сложился свой осведомительный аппарат, понимаемый как совокупность информационных, пропагандистских, культурно-просветительных и цензурных учреждений и ведомств, как гражданских, так и военных, деятельность которых была направлена на информационное и пропагандистское обеспечение проводимого Омским правительством политического курса, идейную мобилизацию населения востока России с целью достижения победы над большевиками.

Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Как особая подсистема в государственном механизме правительственный аппарат осведомления и политической пропаганды выполнял следующие функции:

- генерирование новых интерпретаций политической и исторической реальности;
- конструирование новых коллективных идентичностей;
- идейную мобилизацию населения на борьбу с противниками режима.

❑ Основными направлениями в деятельности осведомительных органов антибольшевистских правительств на территории Сибири являлись информационное обеспечение функционирования государственной власти, пропагандистская и культурно-просветительная работа. Особое место отводилось периодической печати как эффективному средству пропаганды, способному в короткий срок охватывать значительные пространства и быстро воздействовать на большие группы людей.

❑ Каждый из антибольшевистских политических режимов, сменявших друг друга на территории Сибири на протяжении 1918–1920 гг., выработал и адекватный своей природе дискурс политической пропаганды. На короткий период (конец мая – начало июля 1918 г.) господствующей идеей становится защита «истинного народоправства». С переходом власти к Временному Сибирскому правительству в дискурсе политической пропаганды явственно обозначилась попытка совместить национальные и демократические ценности. После переворота 18 ноября 1918 г. в качестве своего основного идеологического приоритета новый политический режим выдвигает «национальную идею».

❑ В основе государственной идеологии и политической пропаганды Омского правительства лежала идея непримиримой смертельной борьбы с большевизмом. При этом искусственная драматизация официальной пропагандой сложившейся ситуации придавала вооруженной борьбе «белых» и «красных» черты апокалипсической «последней битвы» сил света и тьмы, добра и зла.

Другим ключевым образом антибольшевистской пропаганды становится главная действующая сила в противостоянии красных и белых – армия. Военные лидеры Белого движения (Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак) преподносятся пропагандой в качестве ключевых фигур позитивной идентичности.

❑ Низкая эффективность политической пропаганды правительств Белого Востока была обусловлена комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, это было связано с особенностями самой идеологической доктрины Белого движения. Во-вторых, являлось прямым следствием имевшихся недостатков в содержании, организации и техническом оснащении осведомительной работы. В-третьих, недоверие к правительственной информации и пропаганде было вызвано проводимым Омским правительством политическим курсом и действиями агентов власти на местах.

❑ В итоге свои основные задачи – конструирование новой национально-государственной идентичности, формирование на ее основе этнополитической общности и мобилизацию ее на борьбу с большевиками – система государственной политической пропаганды антибольшевистских правительств, как на востоке страны, так и в других регионах Белой России не выполнила. В информационном пространстве не удалось завоевать сколько-нибудь господствующее положение. Политическая пропаганда Омского правительства не только не привлекла на свою сторону широкие слои населения, но и со временем вынуждена была фиксировать рост числа противников колчаковского режима, включая в их состав все новые политические и социальные группы.

Мы рассмотрим события, который пришлись на период с конца мая 1918 г. до начала января 1920 г. Выбор нижней временной границы непосредственным образом связан с моментом зарождения антибольшевистской государственности на территории Западной Сибири в конце мая – начале июня 1918 г. Именно в это время создаются первые правительственные органы, перед которыми ставились задачи информационного обеспечения государственной власти и ведения политической пропаганды. 31 мая был образован административный или организационно-инструкторский отдел Западно-Сибирского комиссариата, занимавшийся осведомлением населения о произошедшем в регионе перевороте. В начале июня при Управлении делами ЗСК создается информационное бюро.

4 января 1920 г. адмирал Колчак передал полномочия Верховного правителя генералу Деникину, что в реальности означало падение колчаковской диктатуры в Сибири. Эта дата и обусловила верхний временной рубеж данного исследования. Наряду с общим параличом власти в это время происходило свертывание работы правительственных информационно-осведомительных органов, прекращение издания официальной правительственной периодики.

Территория, на которой происходили описываемые события, включает регионы, которые в течение второй половины 1918 – начала 1920 г. контролировались сменявшими друг друга антибольшевистскими политическими режимами – Временным Сибирским, Временным Всероссийским и Российским адмирала А.В. Колчака правительствами. На востоке эта территория включала области Дальнего Востока (Амурскую, Приамурскую и Приморскую) и была ограничена водами Тихого океана; на западе – границей служила подвижная линия фронта.

При этом следует учитывать, что деятельность осведомительных органов Омского правительства в наибольшей степени проявилась на территории Урала и Западной Сибири. Эти регионы служили основным источником пополнения и комплектования сражающихся на фронте белых армий. Идеологическая обработка Восточной Сибири и Дальнего Востока, как районов более удаленных от столицы, была менее интенсивна и носила выборочный характер. К тому же в этих областях, особенно в Забайкалье и Приморье, были сильны позиции местных атаманов (Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова, Р.Ф. Унгерна фон Штернберга), сводивших на нет усилия, в том числе и пропагандистские, центральной власти. Осенью 1919 г. колчаковское правительство из Омска эвакуировалось в Иркутск, что означало попытку перенести центр антибольшевистской борьбы в Восточную Сибирь. В Иркутск были переведены и некоторые учреждения, занимавшиеся политической пропагандой (Русское бюро печати, редакция «Русской армии» и т.д.).

Анализируя государственную идеологию Белого Востока, ее репрезентацию в институциях и дискурсах политической пропаганды, мы исходим из понимания того, что власть не представляет собой некую внешнюю данность, а проявляет себя в повседневных жизненных практиках. Таким образом, любой политический порядок – это, прежде всего, социальный конструкт, результат сложного социального взаимодействия, находящийся в состоянии непрерывного структурирования и институционализации образующих его практик. Такой подход позволяет соединить в рамках исторического анализа три проблемных поля: политический режим как целостную систему государственных институтов, политические практики и дискурсы.

Базовым общенаучным принципом исследования является системный подход. Осведомительная работа правительств Белого Востока рассматривается как целостное образование, система, включавшая организационные структуры (информационные, пропагандистские, цензурные, культурно-просветительные учреждения), специфические практики («пропаганда», «перлюстрация частной переписки», «цензура») и дискурсы. В свою очередь, по отношению к политическому режиму Белого Востока осведомление и пропаганда выступали как особая подсистема, активность которой была направлена на поддержание динамического равновесия политической системы в целом. Примененный в исследовании системный анализ позволил выявить структуру, функции, среду и свойства системы.

Другим фундаментальным принципом, положенным в основу исследования, является принцип историзма. Политическая система антибольшевистских государственных образований востока России в целом, структура осведомительных органов как ее особая подсистема рассматриваются в динамике их становления во времени, развития и изменения.

Исследовательская парадигма и базовые методологические принципы обусловили выбор частных методов анализа исторического материала: историко-сравнительного и историко-генетического.

Политическая пропаганда представляет собой разновидность политической коммуникации. Поэтому к анализу деятельности осведомительного аппарата Белого Востока вполне применима схема, предложенная еще в 1948 г. американским политологом Г.Д. Лас-суэллом: «*Кто* говорит – *что* сообщает – по какому *каналу* – *кому* – с каким *эффектом*?». В соответствии с этой формулой в качестве объекта исследования выделяются: *коммуникатор*, то есть инстанция, организующая и контролирующая процесс взаимодействия; *сообщения* как таковые; *технические средства; аудитория*, ее социальные и психологические характеристики; *результаты* – изменения в сознании аудитории.

Одним из элементов политической пропаганды являются транслируемые ею *сообщения*, которые представляют собой совокупность текстов, зафиксированных в письменном виде и подлежащих интерпретации. Такой подход, в свою очередь, заставляет по-новому взглянуть на место историка в процессе познания прошлого, пересмотреть устоявшиеся некогда подходы к историческим источникам.

Как верно заметил в свое время Ю.М. Лотман, «…историк обречен иметь дело с текстами. Между событием “как оно произошло” и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историку предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. *Он сам создает факты* (выделено мной. – *Д.Ш.*), стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие»[1]. Поставленный представителями французской школы «Анналов» вопрос об активном отношении историка к исследуемому материалу получает новое осмысление в рамках постоянно развивающейся постмодернистской эпистемы.

Так, по мнению американского исследователя С. Смита, в настоящее время уже невозможно вернуться к представлениям о прошлом как зафиксированной объективной реальности, которая должна быть бесстрастно описана историками. Прошлое приобретает смысл только тогда, когда оно получает отражение в научных трудах историков[2]. Такой подход является определяющим для данной работы.

При изучении пропагандистских текстов использовались элементы дискурс-анализа в варианте, разработанном Э. Лакло, Ш. Муфф, Т.А. Ван Дейком и Р. Водак[3]. Применение данного метода позволило выявить идеологические установки, ценности и ключевые смыслы, транслируемые правительственной пропагандой Белого Востока.

В отличие от большевизма идеология белого движения не представляла собой целостную концепцию. Тем не менее социально-политические установки, которыми руководствовались ее сторонники, можно реконструировать из пропагандистских текстов, где они были воплощены в общепонятную систему образов и символов.

Источниковая база исследования сформировалась в процессе изучения широкого круга как опубликованных, так и неопубликованных документов и материалов, призванных решить поставленные задачи. В работе использованы материалы из 42 фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА) и Государственного архива Томской области (ГАТО), периодическая печать (более 150 наименований газет и журналов Урала, Сибири и Дальнего Востока) и источники личного происхождения.

В зависимости от происхождения, характера и особенностей информации весь комплекс использованных при написании данной работы источников можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют *законодательные и иные нормативно-правовые документы*. Большинство актовых материалов правительств Белого Востока было обнародовано еще в период Гражданской войны на страницах правительственных и местных изданий. Ряд документов был опубликован в 1920-е гг.[4]

---

[1] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 301–302.

[2] *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 159.

[3] *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; *Ван Дейк Т.А. Язык.* Познание. Коммуникация. М., 1989; *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004; *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.

[4] *Гражданская* война в России (1918–1921 гг.). М., 1925; *Хроника* гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. М.; Л., 1926; *Конституция* Уфимской директории // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 189–193; *Уфимское* Государственное Совещание // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 57–280.

С конца 1990-х гг. была издана часть законодательных актов и других нормативно-правовых документов Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского и Российского правительств[1]. Значительная часть такого рода документов отложилась в архивных фондах, преимущественно в ГАРФ. В работе использовались документы из фондов: Р-131 «Административный совет Временного Сибирского правительства»; Р-151 «Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства» и Р-176 «Совет министров Российского правительства». Они дают представление как о нормативно-правовой основе политических режимов Белого Востока, так и о государственной политике в сфере информации, правовых основах деятельности пропагандистских служб. Кроме того, законодательные акты дают возможность уяснить политический курс антибольшевистских правительств, выявить лежавшие в его основе идеологические установки.

Ко второй группе относятся *политические декларации и воззвания*. Значительная их часть была опубликована в периодических изданиях, листовках. Часть правительственных деклараций была включена в сборники опубликованных документов. Эти материалы позволяют реконструировать идеологические установки, ценности и смыслы антибольшевистского движения на востоке России, проследить их динамику, выявить те ключевые образы и мифологемы, на которые опиралась правительственная пропаганда Белого Востока.

Третью группу источников образуют *официальные заявления, речи, выступления, интервью* политических и военных деятелей антибольшевистского движения, опубликованные в прессе того времени или извлеченные из архивов. Такого рода материалы дают возможность определить круг внутри- и внешнеполитических, экономических и социальных вопросов, значимых для государственных деятелей, спектр мнений по тем или иным ключевым проблемам.

Четвертая группа включает *обзоры о настроениях населения*. В Сибири уже летом 1918 г. большая группа правительственных и земских инструкторов отслеживает политические настроения крестьянства. В дальнейшем политический надзор вели губернские и уездные комиссары (управляющие губерниями и уездами), сотрудники местных подразделений контрразведки и Государственной охраны. Кроме того, специальные службы регулярно проводили перлюстрацию частной переписки.

Большая часть собранных различными правительственными инстанциями сведений не опубликована и хранится в центральных и местных архивах. В исследовании использовались материалы ГАРФ (фонды: Р-147 «Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства»; Р-1561 «Информационно-агитационный отдел Министерства внутренних дел (Временное Сибирское правительство)»; Р-1700 «Министерство внутренних дел Российского правительства»), РГВА (фонды: 39499 «Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России»; 39504 «Штаб Омского военного округа»; 39617 «Управление Сибирской армии (бывшей Западно-Сибирской армии)») и ГАТО (фонды: Р-1 «Томская губернская земская управа» и Р-1362 «Управляющий Томской губернией»).

Обзоры содержат богатейший фактический материал. Они не только дают представление о настроениях и поведении различных слоев населения, их реакции на действия правительства, но и позволяют выявить степень осведомленности в этом вопросе самой власти. Кроме того, по этим материалам можно представить круг интересующих политические силы Белого Востока вопросов, специфику организации самой процедуры осведомления.

В пятую группу вошли *следственные и судебные материалы*. Наибольший интерес представляют опубликованные протоколы допросов А.В. Колчака[2] и материалы процесса над колчаковскими министрами[3]. Они чрезвычайно важны для понимания скрытых механизмов функционирования государственной власти.

Шестую группу составила *делопроизводственная документация*. В эту категорию документов входят разнообразные положения, протоколы и стенограммы заседаний и обсуждений, тезисы докладов к ним, проекты

---

[1] *Законодательная* деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск, 1998. Вып. I–III; *Законодательная* деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Томск, 2002–2003. Вып. 1–2; *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сборник документов и материалов. Новосибирск, 2005; *Временное* Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов, 2007; *Временное* Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2010.

[2] *Протоколы* допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе – феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 177–321.

[3] *Процесс* над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

решений, ведомственные приказы, распоряжения и инструкции, докладные записки, сводки и обзоры, сопроводительные письма и дипломатическая переписка.

Для понимания политических процессов, происходивших в Сибири летом – осенью 1918 г., выявления базовых для начального этапа антибольшевистской государственности политических ценностей и принципов значительный интерес представляют хранящиеся в Государственном архиве Томской области материалы Томского губернского народного собрания (фонд Р-1138), Первого Сибирского областного съезда (фонд Р-552), Чрезвычайного общесибирского областного съезда (фонд Р-578), Сибирской областной думы (фонд Р-72).

Наиболее значимая для реконструкции структуры правительственных органов осведомления и политической пропаганды, рассмотрения основных составляющих их деятельности информация сосредоточена в Государственном архиве Российской Федерации: фонды Сибирского телеграфного агентства (Р-4886), Русского телеграфного агентства при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Р-952), Русского бюро печати (Р-4626), Совещания по делам печати при управлении делами Совета министров и Верховного правителя Российского правительства (Р-4910), конторы газеты «Правительственный вестник» (Р-4856), редакции газеты «Русская армия» (Р-4911).

Материалы ГАРФ дополняют документы Российского государственного военного архива, дающие представление о работе пропагандистского аппарата в армии. В исследовании были использованы материалы фондов Главного штаба военного министерства (39466), штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (39499), штаба Омского военного округа (39504), управления Иркутского военного округа (39515), Главного штаба Народной армии (39551), управления Сибирской армии (39617).

В целом такого рода материалы позволяют составить представление о сфере компетенции, внутренней структуре правительственных учреждений и ведомств Белого Востока, основных направлениях и результатах работы. Небольшая часть делопроизводственных документов была опубликована в периодической печати еще во время Гражданской войны.

Специальных же научных изданий, в которых были бы представлены делопроизводственные материалы осведомительных органов Омского правительства, немного. Так, в 1928 г. «Красный архив» опубликовал отчет об организационном совещании представителей осведомительных органов колчаковской армии[1].

В 1990-е годы последовали две публикации, подготовленные Л.А. Молчановым. Первая из них – краткий отчет о деятельности заграничных отделений Русского бюро печати[2], изданный журналом «Исторический архив» в 1996 г. Вторая – подборка материалов, связанных с введением военной цензуры Временным Сибирским правительством[3].

Ряд материалов (обзоры с мест, доклады, телеграммы, отчеты, сводки), которые содержат сведения о работе пропагандистского аппарата Белого Востока, опубликован в 1920–1960-х гг. в сборниках документов, посвященных партизанскому движению и борьбе трудящихся Сибири за советскую власть[4].

Материалы региональной *периодической печати* образуют седьмую группу использованных в данном исследовании источников. В период Гражданской войны на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока выходило несколько сотен газет и журналов. Необходимо отметить, что их точное количество в настоящее время неизвестно. Можно предположить, что значительная часть экземпляров периодических изданий была уничтожена или использована населением в хозяйственно-бытовых целях еще в период Гражданской войны и вскоре после ее окончания.

Оставшаяся периодика оказалась рассредоточенной по многим книго- и архивохранилищам. Наиболее крупными коллекциями газет и журналов времен Гражданской войны обладают Российская государственная библиотека в Москве, Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, Научная библио-

---

[1] *Из истории* колчаковщины // Красный архив. 1928. Т. 3 (28). С. 225–228.

[2] «*Необходимо* усилить пропаганду» : отчет о деятельности Русского бюро печати. 1919 г. // Исторический архив. 1996. № 3.

[3] «*В настоящий* момент является крайняя необходимость в издании закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле» : документы Временного Сибирского правительства // Белая гвардия. № 5 : Белое движение на востоке России. М., 2001. С. 92–97.

[4] *Партизанское* движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л, 1925; *Последние* дни колчаковщины. М.; Л., 1926; *Борьба* за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Свердловск, 1967; *Борьба* за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.). Томск, 1957; *В борьбе* с контрреволюцией (1918–1920 гг.). Омск, 1959; Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.). Омск, 1952; *Партизанское* движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Новосибирск, 1959.

тека Томского государственного университета. Их значительная рассредоточеность является серьезным препятствием для учета всех периодических изданий.

Подсчет всех повременных изданий, выходивших как в Сибири, так и в целом на востоке России, проводился еще в период Гражданской войны. «Общее количество известных нам периодических изданий общественно-политического характера, издававшихся на территории от Челябинска и до Иркутска, – указывалось в составленном Информационным бюро Временного Сибирского правительства обзоре сибирской печати за июль 1918 г., – в текущем месяце равняется 64»[1]. Со временем количество повременных изданий увеличивалось. В брошюре А.В. Адрианова содержится перечень 201 газеты и журнала, выпускавшихся в 1918 г. в Тобольской, Томской, Алтайской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областях и в Маньчжурии[2].

Статистика периодических изданий велась Отделом печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. Так, в начале апреля 1919 г. он располагал данными о 107 газетах и 34 журналах, выпускавшихся в Сибири и на части Европейской России, «освобожденной от советской власти»[3]. В конце сентября 1919 г., когда площадь районов, контролируемых Омским режимом, изрядно уменьшилась, по сведениям правительственного Отдела печати, на территории Сибири и Дальнего Востока выходили 122 периодических издания, в том числе 71 газета и 51 журнал. Распределение их по регионам показано в таблице.

Таблица 1

Количество периодических изданий, выходивших на территории Сибири осенью 1919 г.

Регион	Количество издававшихся газет	Количество издававшихся журналов
Западная Сибирь и прифронтовая полоса	34	30
Восточная Сибирь	17	15
Дальний Восток	20	6

Источник: Правительственный вестник. 1919. 24 сент.

Из общего количества газет 20 выпускалось ежедневно, в формате «большой газеты», при этом 10 являлись официальными изданиями, 15 – военными, из которых 10 выходило на фронте[4].

После окончания Гражданской войны отечественными исследователями неоднократно предпринимались попытки подсчитать все выходившие на востоке России периодические издания. В составленном томскими историками Е.Н. Косых и С.Ф. Фо-миных указателе «Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.)» содержится информация о 231 газете и 102 журналах, издававшихся в Тобольской, Томской, Алтайской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акмолинской, Забайкальской и Якутской областях[5].

Согласно библиографическим каталогам свыше 280 наименований газет, выпускавшихся в восточных регионах России во время Гражданской войны, находится в фондах литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки и свыше 360 наименований – в фондах Российской национальной библиотеки[6].

По подсчетам новосибирского исследователя В.М. Рынкова, с «учетом полосы отчуждения КВЖД удалось зафиксировать около 800 периодических изданий»[7]. При этом «учитывались издания, даже если известен единственный сохранившийся номер или выявлена представляющаяся достоверной информация о его существовании в других источниках». В настоящее время это наиболее полный подсчет повременных изданий, выходивших в период Гражданской войны на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

[2] *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири с указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. С. 24–31.

[3] *Правительственный* вестник (Омск). 1919. 11 апр.

[4] *Правительственный* вестник. 1919. 24 сент.

[5] *Косых Е.Н., Фоминых С.Ф.* Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.) : указатель газет и журналов. Томск, 1991.

[6] *Газеты* 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки : библиографический каталог. М., 1994. Вып. 1–2.; *Несоветские* газеты (1918–1922 гг.) : каталог собрания Российской национальной библиотеки. СПб., 2003.

[7] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 109.

Использовавшуюся в исследовании периодическую печать можно разделить на несколько групп.

Во-первых, для исследования политического курса, идеологических и пропагандистских установок антибольшевистских правительств, образованных на территории Сибири в годы Гражданской войны, особый интерес представляет *официальная пресса*. К этой категории относятся центральные правительственные издания и печатные органы губернских и областных комиссариатов, комиссаров и управляющих.

Процесс создания своего официального печатного органа у Временного Сибирского правительства затянулся, и первый номер «Сибирского вестника» вышел только в середине августа 1918 г. В конце сентября того же года в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство (ВВП). Однако своим официальным изданием оно обзавелось только после переезда в Омск. 4 ноября 1918 г. был сформирован «Всероссийский» Совет министров, а 6 ноября выходит первый номер «Вестника Временного Всероссийского правительства». 19 ноября 1918 г., на следующий день после государственного переворота, начинает издаваться «Правительственный вестник». До начала ноября 1919 г. «Правительственный вестник» выпускался в Омске, а с конца ноября – в Иркутске, куда к этому времени были эвакуированы правительственные учреждения.

К правительственной периодике следует отнести также журналы, издававшиеся отдельными министерствами. В данной работе были использованы материалы «Вестника финансов, промышленности и торговли» и «Известий министерства земледелия и колонизации».

Категория официальной прессы включает в себя периодические издания, выпускавшиеся должностными лицами или учреждениями, представлявшими на местном (губерния, область) уровне центральную власть – комиссариатами, комиссарами, управляющими губерниями. К этой группе относятся: «Вестник Тобольской губернии» (Тобольск), «Акмолинские областные ведомости» (Омск), «Официальные известия Томского губернского комиссариата Временного Сибирского правительства», «Вестник Томской губернии» (Томск), «Алтайские губернские известия», «Алтайский вестник» (Барнаул), «Воля Сибири», «Енисейский вестник» (Красноярск) и др.

Во-вторых, в период Гражданской войны широкое распространение получает *военная пресса*. На востоке России она берет свое начало осенью 1918 г.: 22 сентября под девизом «За веру и верность» вышел первый номер газеты «Сибирский стрелок» (издание штаба 3-го Уральского корпуса горных стрелков). Официальным печатным органом военного ведомства являлась газета «Русская армия», издававшаяся с середины ноября 1918 г. поочередно Информационным отделом штаба Верховного главнокомандующего, Главным штабом и Осведверхом. В дальнейшем Осведфронт выпускал газеты «Вперед» и «Родина». К лету 1919 г. штабы всех армий, большинства корпусов, части дивизий и даже некоторых полков располагали своими печатными органами. Кроме того, в тылу свои газеты издавали штабы военных округов.

В-третьих, следует выделить *партийную периодику*. Одним из четырех конкурирующих в информационном пространстве Белого Востока политических дискурсов был дискурс «государственно мыслящей» общественности, транслятором которого выступала *либеральная пресса*. Одним из наиболее авторитетных изданий данного типа являлись выходившие в Екатеринбурге под редакцией известного дореволюционного публициста А.С. Белевского-Белоруссова «Отечественные ведомости».

В городах Сибири широко была представлена кадетская пресса: «Алтай» (Бийск), «Народная свобода» (Барнаул), «Наша мысль» (Томск), «Свободная речь» (Семипалатинск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Свободный край» (Иркутск), «Сибирская речь» (Омск) и ряд других изданий. Особое место в ряду либеральной прессы занимала томская «Сибирская жизнь», стоявшая на платформе «Потанинского кружка».

В исследовании широко использовались материалы социалистической, или вернее – *умеренно социалистической периодической печати*. Это направление было представлено эсеровскими и меньшевистскими изданиями. Летом – в начале осени 1918 г. социалистическая (в особенности эсеровская) пресса стремилась занять господствующее положение в информационном пространстве Белого Востока.

После ноябрьского переворота она переходит в оппозицию государственной власти, количество периодических изданий сокращается. Из эсеровских изданий следует выделить омскую газету «Дело Сибири», томские – «Голос народа», «Голос Сибири» и «Наш голос», иркутские – «Сибирь» и «Новая Сибирь». К наиболее значимым печатным органам социал-демократов (меньшевиков) можно отнести

«Зарю» (Томск), «Алтайский луч»[1] (Барнаул). Кроме того, издавались коалиционные газеты эсеров и меньшевиков: «Земля и труд» (Курган), «Новый путь» (Енисейск).

В-четвертых, *земская и кооперативная периодическая печать* по политическим настроениям весьма близкая к эсеровским изданиям. Печатные органы кооперативных союзов Сибири представлены такими газетами и журналами, как «Вестник Закупсбыта» (Томск), «Вестник совета Всесибирских кооперативных съездов» (Омск), «Заря» (Омск), «Известия Центросоюза» (Омск), «Кооперативное слово» (Новониколаевск), «Народная газета» (Омск), «Народная Сибирь» (Новониколаевск), «Народные мысли» (Мариинск), «Сибирская кооперация» (Новониколаевск), «Трудовая Сибирь» (Омск).

Земские органы различных уровней имели свои периодические издания, среди которых необходимо назвать «Народную газету» (Томск), «Известия Всесибирского союза земств и городов» (Томск), «Сибирскую земскую деревню» (Тобольск), «Ялуторовскую жизнь» (Ялуторовск) и ряд других.

Наряду с *информационными* (телеграммы телеграфных агентств, сводки, хроники, заметки и т.д.), периодическая печать содержит *аналитические* (корреспонденции, комментарии, статьи, обзоры и рецензии) и *публицистические* (очерки, эссе, памфлеты, фельетоны) материалы.

Официальные издания антибольшевистских правительств Сибири («Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник») выполняли, прежде всего, информационные функции: публикация разнообразных законов, постановлений, указов, приказов, циркуляров, деклараций, сведений о должностных перемещениях, материалов о деятельности Совета министров, а после переворота 18 ноября 1918 г. и Верховного правителя и т. п. Эти газеты и позиционировались как «служебные орудия» правительства, призванные вести борьбу с «антигосударственными течениями» посредством «правильного освещения» современной им российской действительности. Поэтому в них в значительно меньшей степени были представлены материалы собственно пропагандистского характера. В связи с этим обстоятельством в статье широко использовались материалы либеральных («Сибирская жизнь», «Отечественные ведомости», «Свободная Сибирь»), военных («Русская армия», «Сибирские стрелки», «Военные ведомости») и даже крайне правых, маскировавшихся под «беспартийные, общественно-политические и литературные», газет. То есть тех периодических изданий, которые поддерживали правительственный курс и вели пропагандистскую работу в русле официального направления.

В целом пресса является источником, содержащим богатейший материал о социально-экономических, политических и военных событиях и процессах того времени. Выступая своеобразным рупором правительства и различных политических групп и партий, она чрезвычайно интересна для изучения механизмов формирования общественного мнения.

К восьмой группе относятся *источники личного происхождения.* В процессе подготовки данной работы было изучен значительный объем мемуарной литературы. Прежде всего, это воспоминания и дневники руководителей и сотрудников осведомительных учреждений Омского правительства – Л.В. Арнольдова, В.Н. Иванова, Г.И. Клерже, П.Ф. Рябикова, Н.В. Устрялова[2]. Помимо этого, в представленном исследовании использовались мемуары и дневники политических и общественных деятелей Белого Востока: Н.Д. Авксентьева, Н.А. Андрушкевича, В.П. Аничкова, А.А. Аргунова, П.В. Вологодского, Г.К. Гинса, В.М. Зензинова, П.Д. Климушкина, Е.Е. Колосова, Л.А. Кроля, М.А. Кроля, В.И. Моравского, В.Н. Пепеляева, И.И. Серебренникова, И.И. Сукина[3] и ряда других, а также военных руководителей восточной

[1] В течение лета – осени 1918 г. газета неоднократно меняла название: «Свободный луч», «Новый луч», «Новый алтайский луч».

[2] *Арнольдов Л.В.* Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935; *Иванов В.Н.* В гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921; *Он же.* Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 3–73; *Он же.* Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922). Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Исторические повести. М., 1992. С. 380–541; *Клерже Г.И.* Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 262–325; *Он же.* Ледяной поход // Великий Сибирский Ледяной поход. М., 2004. С. 467–494; *Рябиков П.Ф.* У адмирала Колчака // ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г; *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1993. № 2. С. 283–338; *Он же.* Былое – Революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.). Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000; *Он же.* 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.

[3] *Авксентьев Н.Д.* Государственный переворот Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.;Л, 1927. С. 64–135; *Андрушкевич Н.А.* Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 2004. № 75. С. 228–254; 2005. № 76. С. 241–265; А*ничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998; *Аргунов А.А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919; *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.). Рязань, 2006; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) : в 2 т. Пекин, 1921; *Зензинов В.М.* Борьба российской демократии с большевиками в 1918

контрреволюции: В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, К.И. Гоппера, М.А. Иностранцева, В.М. Молчанова, П.П. Петрова, К.В. Сахарова, Г.М. Семенова, С.А. Щепихина[1].

Наряду с воспоминаниями представителей Белого Востока, интересный фактический материал содержат мемуары военных, политических и общественных деятелей других регионов Белой России[2]. Так, сопоставление содержащейся в них информации о деятельности осведомительных учреждений позволяет выявить как общие черты, так и региональную специфику в их структуре, формах и методах работы.

Большинство воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны представляют собой мемуары – «современные истории». Так, в источниковедении принято называть вид источников личного происхождения, целью которых является «индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом». По своей сути воспоминания такого типа представляют исследование тех исторических событий, участником или очевидцем которых был автор.

В 1920-е гг., когда в эмиграции появляется большое количество самых разных мемуаров, рецензентами было принято критиковать их авторов, прежде всего за предвзятое изложение тех или иных событий. Так, в рецензии на первый том воспоминаний Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» А.А. Аргунов, в прошлом один из деятелей Директории, писал: «Трудно определить характер книги г. Гинса. В ней есть все, что угодно: и попытка нарисовать широким размахом историческую картину событий во всероссийском масштабе, с включением в эти рамки сибирской действительности, некоторые итоги и размышления о причинах явлений и оценка их, и все это вперемешку с рассказами из виденного и слышанного, причем это виденное и слышанное преподносится читателю в сыром, необработанном виде… Его суждения и оценки… весьма часто огульны, произвольны и пристрастны»[3].

Однако для историка именно эта «огульность», «произвольность» и «пристрастность» мемуарной литературы зачастую и представляет самую главную ценность. Дневники и мемуары, как никакие другие источники, вносят «человеческое измерение» в академическое исследование, наполняют его эмоциями, чувствами, впечатлениями. Воспоминания позволяют посмотреть на те или иные события и явления сквозь призму политических, идеологических пристрастий автора, понять его мировоззренческие установки.

Кроме того, мемуарная литература нередко выступает единственным источником информации о некоторых эпизодах, не зафиксированных в документах и не попавших на страницы периодической печати. Чаще всего это

году. Москва – Самара – Уфа – Омск: Воспоминания// Россия антибольшевистская : из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 11–26; *Он же.* Из жизни революционера. Париж, 1919.; *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага, 1930. С. 38–102; *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке : воспоминания, материалы, документы. Петроград, 1923; *Кроль Л.А.* За три года : воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922; *Кроль М.А.* Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской областной думы (Из воспоминаний) // Вольная Сибирь (Прага). 1928. № 4. С. 69–82; *Лебедев В.* Борьба русской демократии против большевиков // 1918 год на Востоке России. М., 2004. С. 173–202; *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Л., 1923; *Моравский В.И., Моравский Н.В.* Из воспоминаний. Томск, 2006; *Дневник* Виктора Николаевича Пепеляева // Окрест Колчака : документы и материалы. М., 2007. С. 43–108; *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М, 2003; *Он же.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008; *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы. М., 2005. С. 325–510.

[1] *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925; *Дневник* барона А. Будберга // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIV. С. 225–341; Берлин, 1924. Т. XV. С. 254–345; *Гоппер К.* Четыре катастрофы : воспоминания. Рига, 1935; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932; *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело : летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Т. 1. С.96–108; *Молчанов В.М.* Последний белый генерал : устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009; *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых : воспоминания, документы. М., 2011; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; *Семенов Г.М.* О себе : воспоминания, мысли и выводы. М., 2002; *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага, 1930. С. 165–214.

[2] *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // Минувшее : исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 435–635; *Врангель П.Н.* Записки // Трагедия казачества. М., 1994. С. 179–276; *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу// Архив русской революции : в 22 т. Берлин, 1924. Т. XIV. С. 5–84; *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции : в 22 т. Берлин, 1921. Т. 3. С. 5–146; *Долгоруков П.Д.* Великая разруха : воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте : мемуары. М., 1993; *Кирдецов Г.* У ворот Петрограда (1919–1920). Берлин, 1921; *Маргулиес М.С.* Год интервенции : в 3 кн. Берлин, 1923. Кн. 2; *Дневник* П.Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004; *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 : в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921; *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии // Диалог. 1996. № 1. С. 89–94; № 2. С. 91–96; № 3. С. 89–96; № 4. С. 90–96; № 5–6. С. 93–96; № 7. С. 94–96; № 8. С. 82–89.

[3] *Аргунов А.* Г.К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1, ч. I, Пекин, 1921 [Рец.] // Современные записки. 1921. № 6. С. 316–317.

касается сведений, полученных в личных разговорах, индивидуальных впечатлений и наблюдений, личностных оценок. Так, используемые в данной работе дневники и воспоминания содержат обширный фактический материал об особенностях формирования и деятельности осведомительных органов Омского правительства, непростых взаимоотношениях между отдельными пропагандистскими учреждениями и их сотрудниками, отношении к осведомлению других ведомств.

В целом тот методологический инструментарий, которым располагает в настоящее время историк, предшествующие историографические традиции, комплекс выявленных источников и уже введенный в научный оборот фактический материал позволяют решить поставленные задачи.

Глава 1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ

1.1. Антибольшевистские правительства в информационном пространстве востока России в годы Гражданской войны: модель коммуникации, теоретические основания и определение основных понятий исследования

Понятие «информационное пространство», несмотря на свое от-носительно недавнее происхождение, прочно вошло как в научный дискурс, так и в нашу повседневную речь. Весной 2016 г. поисковый запрос в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU выдал 12 988 публикаций, в которых использовалось это словосочетание. Исследователи Гражданской войны также не обошли своим вниманием данное общетеоретическое понятие, адаптируя его к суровым условиям изучаемой ими исторической реальности. Применительно к востоку России первым это сделал новосибирский историк В.М. Рынков. «Время революции 1917 г. и гражданской войны, – писал он, – период массового вовлечения населения в политику. Поэтому принципиально важно понять, какие факторы определяли состояние информационного пространства, находившегося под контролем противоборствовавших сил, каков был удельный вес двух разнонаправленных процессов: идейной мобилизации общества государственной властью и информационной самоидентификации различных групп населения»[1].

Благодаря молодому поколению исследователей понятийный аппарат предметной области «история Гражданской войны в России» подвергся интервенции со стороны теории политической коммуникации, обогатившись такими заимствованиями, как коммуникационные процессы, информационная политика, носители информации, кризисная коммуникация, информационная война. Так, информационные процессы в Сибири в период Гражданской войны иркутский историк О.С. Шилова рассматривает в рамках модели кризисной коммуникации. «Во время кризисной ситуации, – полагает она, – в обществе роль информации значительно возрастает, коммуникационные процессы протекают в особых условиях. Происходит изменение каналов сообщений, усиление роли неофициальных каналов, резкое увеличение тиражей печатной продукции, поиск новых форм воздействия на общественное мнение. “Первые модели” “революционной” (кризисной) коммуникации оттачивались на территории России в период Первой мировой войны, а затем во время Гражданской войны. Сибирь в период Гражданской войны также стала полигоном, где происходило апробирование на практике методов информационных войн»[2].

В контексте нашего исследования под информационным пространством будет пониматься обусловленное технологическими возможностями своего времени «пространство, в котором создается, перемещается и потребляется информация»[3], а также осуществляется «взаимодействие различных субъектов, производящих или потребляющих информацию». Сама модель коммуникации, в самом общем виде представлена на рис. 1.

---

[1] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 105.

[2] *Шилова О.С.* Основные носители информации в условиях Гражданской войны в Сибири (1918–1920 гг.) // Коммуникационные технологии: история и современность: сборник статей. Иркутск, 2013. С. 47.

[3] *Добровольская И.А.* Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С.143.

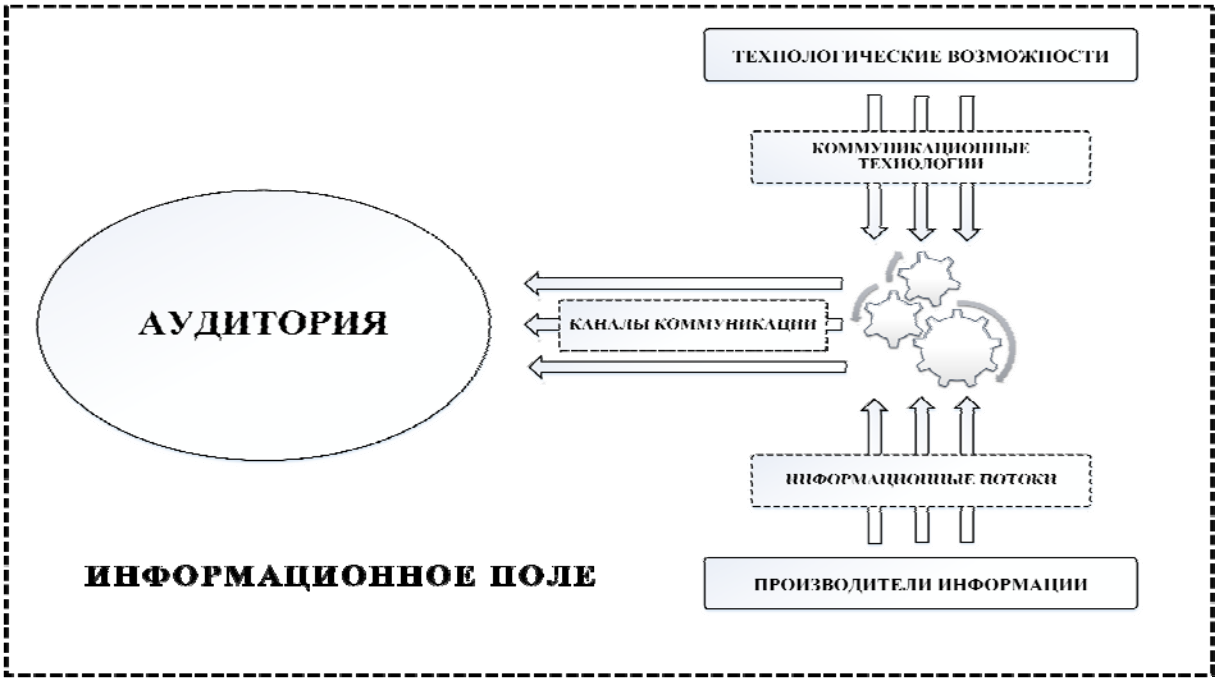


Рис. 1. Модель коммуникации

В годы Гражданской войны на востоке России сформировалось особое информационное пространство, которое являлось частью социального пространства и представляло собой совокупность характерных для того времени информационных ресурсов, средств информационного взаимодействия и информационной инфраструктуры (рис. 2). «Информационное пространство, – полагает В.М. Рынков, – представляло собой мощную и сложную систему, стержнем которой являлась периодическая печать. Её отличало многообразие форм собственности, общественно-политической направленности, ориентация на потребителей разного интеллектуального и социального уровня»[1]. Отдельно следует упомянуть такие специфические каналы информационного взаимодействия, как «письма во власть»[2], а также адресованные Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку приветственные послания[3].

При этом сама организация информационного пространства и политическая коммуникация внутри его имели свою специфику. «Транссибирская магистраль в Сибири, – отмечает по этому поводу О.С. Шилова, – была главной артерией жизни, вокруг которой концентрировалась вся жизнедеятельность региона. Поэтому информация генерировалась и циркулировала в городах, находящихся вдоль железной дороги. Коммуникационными центрами стали города: Омск, Новониколаевск (Новосибирск), Томск, Красноярск, Иркутск, Барнаул. Основными источниками информации на тот момент являлись газеты, информационные агентства, агитаторы, печатные издания, почтовая связь, кинофильмы, просветительские кампании, военные парады, слухи. Радио было малоразвитым явлением, телевидения еще не существовало. В условиях разрушенной экономической жизни Сибири расцветают такие виды информационного обеспечения, которые не требуют серьезных вложений. Это стенные газеты, плакаты, бюллетени, телеграфные сводки, выездные редакции, “живая” агитация»[4].

---

[1] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 125.

[2] *Письма* во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – ноябрь 1919 г.) : сборник документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015.

[3] *Приветственные* послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сборник документов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб., 2012.

[4] *Шилова О.С.* Основные носители информации в условиях Гражданской войны в Сибири (1918–1920 гг.) // Коммуникационные технологии: история и современность: сборник статей. Иркутск, 2013. С. 47.

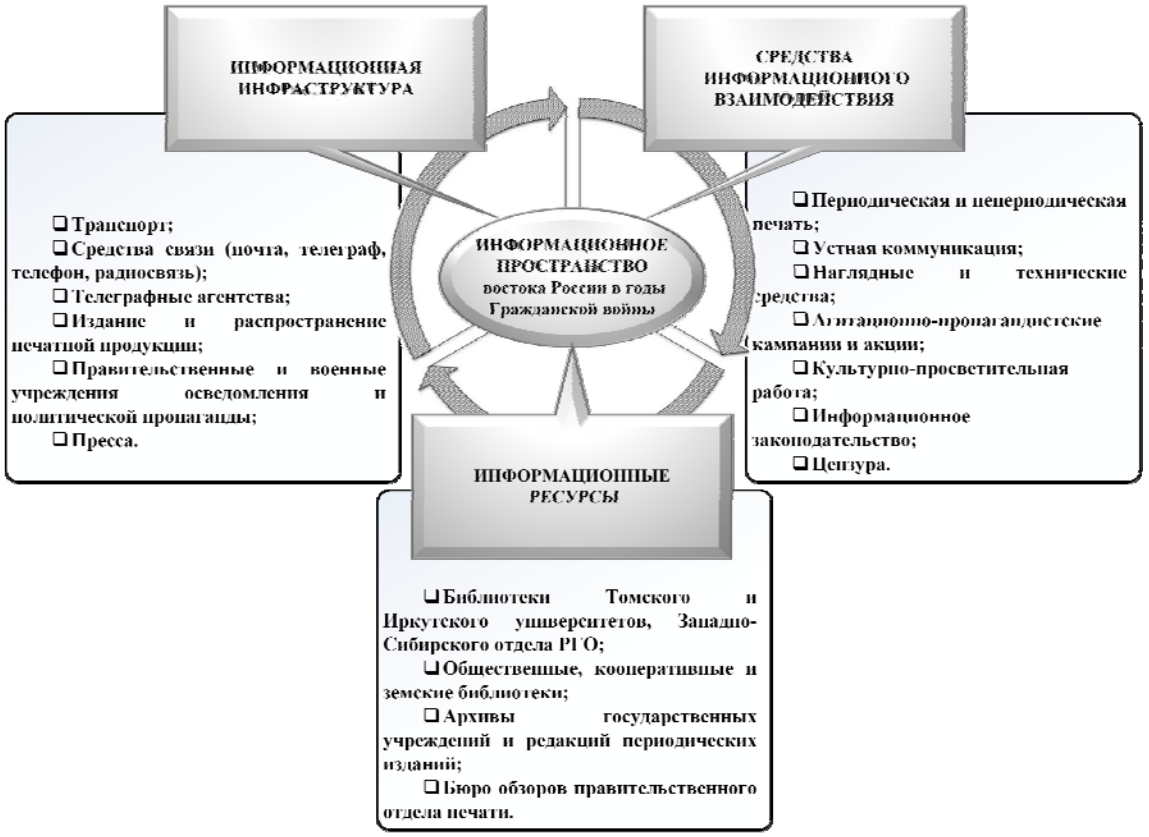


Рис. 2. Структура информационного пространства востока России в годы Гражданской войны

Также можно выделить и основных участников (акторов) информационно-пропагандистской коммуникации (рис. 3) и основные каналы информационного воздействия (рис. 4) в этот период.

Важнейшим субъектом информационных процессов выступали действовавшие на территории Сибири антибольшевистские государственные образования, находившиеся под управлением сменявших друг друга Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств.Другими определяющими концептуальную схему нашего исследования категориями являются такие понятия, как «идеология», «пропаганда», «осведомление», «дискурс».

Наиболее значимыми для формирования теоретической основы исследования стали работы П. Бурдье, П. Бергера и Т. Лукмана, А. Щюца, М. Фуко, К. Касториадиса, А. Грамши, Л. Альтюссера, К. Гирца, П. Холквиста[1].

[1] *Социоанализ* Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001; *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007; *Он же.* Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995; *Щюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003; *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996; *Он же.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005; *Грамши А.* Избранные произведения. М., 1980; *Он же.* Искусство и политика: в 2 т. М., 1991; *Он же.* Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991; *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006; *Он же.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Журнальный зал [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (дата обращения: 12.11.2012); *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004; *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 83–102; *Он же.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 45–93.

Рис. 3. Основные акторы информационно-пропагандистской коммуникации на востоке России в годы Гражданской войны

Ключевое значение в исследовании имеет понятие «идеология». В научный оборот этот термин ввел французский философ, политик и экономист А.Л.К. Дестют де Траси (1754–1836). При этом сам французский философ под идеологией понимал науку об общих принципах формирования идей исходя из содержания чувственного опыта. Основы науки об идеях Дестют де Траси изложил в работе «Элементы идеологии».

Новый смысл понятие «идеология» получает в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В одной из своих ранних работ «Немецкая идеология», написанной в 1846 г., они подвергли концептуальной критике идеализм младогегельянцев (Д.Ф. Штрауса, Л. Фейербаха, Б. Бауэра, М. Штирнера). «Итак, – писали Маркс и Энгельс, – дело обстоит следующим образом: определённые индивиды, определённым образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определённые общественные и политические отношения… Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определённых индивидов – не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности, т.е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действенно проявляют себя в определённых материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях. Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»[1].

Критикуя младогегельянцев, К. Маркс и Ф. Энгельс под идеологией понимали такую идеалистическую концепцию, в соответствии с которой мир представляет собой воплощение идей, мыслительных конструкций, не обусловленных существующими в обществе экономическими отношениями, отношениями господства – подчинения. Именно поэтому в идеологии, по их мнению, «люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре».

«Идеологии» Маркс и Энгельс противопоставляют материалистическое понимание механизма «производства идей». «Мысли господствующего класса, – считали они, – являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производст-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1955. Т. 3. С. 24.

ва, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»[1].

Рис. 4. Основные каналы информационного воздействия, осуществлявшегося на востоке России в годы Гражданской войны

В письме историку и публицисту Францу Мерингу, написанном в середине июля 1893 г., Ф Энгельс вводит понятие «ложного сознания». «Идеология, – отмечал он, – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника»[2].

Таким образом, в интерпретации К. Маркса и Ф. Энгельса идеология предстает как многозначное понятие. С одной стороны, это иллюзорное, ложное сознание, в котором социальная реальность предстает в искажённом, перевернутом виде. Идеология формирует воображаемые представления, которые выдаются за действительность. С другой стороны, под идеологией понимается детерминированное сложившимися в данном обществе производственными отношениями сознание определенного социального класса.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология… С. 45–46.
[2] *Энгельс Ф.* Письмо Францу Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1966. Т. 39. С. 83.

В дальнейшем феномен идеологии широко разрабатывался именно в рамках марксистской и неомарксистской традиции.

В формировании современных взглядов на природу идеологии важную роль сыграла работа немецкого социолога Карла Манхейма (Маннгейма) «Идеология и утопия» (1929 г.). «Идеологиями, – писал он, – мы называем те трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания. Хотя отдельные люди часто совершенно искренне руководствуются ими в качестве мотивов своего поведения, в ходе реализации их содержание обычно искажается»[1]. К. Манхейм противопоставил идеологии, которая «стремится к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни», утопию – «“трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»[2].

Он выделил два исторически сложившихся значения понятия: идеологию частичную и тотальную. «О понятии частичной идеологии мы говорим в тех случаях, – полагал он, – когда это слово должно означать, что мы не верим определенным “идеям” и “представлениям” противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам»[3].

Частичную идеологию К. Манхейм связывал с психологией интереса и противопоставлял тотальной идеологии, понимая под последней «своеобразие и характер всей структуры сознания» определенной эпохи или социальной группы. «Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания), – указывал он, – то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника»[4].

Рассматривая данный феномен в динамике исторического развития, К. Манхейм пришел к выводу, что происходит объединение понятий тотальной и частичной идеологии; причем первое вытесняет второе. «Непредвзятому наблюдателю это предстает в следующем виде: раньше противника упрекали в том, что он в качестве представителя определенной социальной группы в ряде случаев сознательно или бессознательно искажает истину. Теперь нападение на противника усугубляется посредством полной дискредитации структуры его сознания во всей ее целостности, отрицается даже возможность того, что он способен правильно мыслить»[5].

Весомый вклад в развитие научных представлений об идеологии внес французский философ Л. Альтюссер, соединивший в своих работах марксистскую концепцию с идеями структурализма. К проблеме идеологии он обращается в книге «За Маркса» (1965) и небольшом эссе «Идеология и идеологические аппараты государства». В интерпретации Альтюссера структура любого общества по Марксу состоит из нескольких «уровней» или «инстанций», определенным образом взаимосвязанных.

Основными элементами этой системы он называет *инфраструктуру* (экономический базис) и *суперструктуру* (надстройку), в которой выделяет две основные «инстанции»: юридически-полити-ческую (государство и право) и идеологическую (религия, мораль, философия). При этом, как полагал Л. Альтюссер, существуют, с одной стороны, «относительная автономия» надстройки по отношению к базису, и с другой – «обратное воздействие» надстройки на базис[6].

Согласно Л. Альтюссеру, «идеология – это система (которая имеет собственную логику и строгость) представлений (которые могут выступать в форме образов, мифов, идей или понятий), обладающая определенным историческим бытием и определенной исторической ролью в пределах того или иного конкретного общества»[7].

В различных своих формах (религиозной, морально-этической, философской) идеология «представляет собой органическую составную часть всякой социальной тотальности», т.е. свойственна любому человеческому сообществу. «По-видимому, – писал Альтюссер, – человеческие сообщества не способны существовать без этих специфических формаций, этих систем представлений (различных уровней сложности), которыми

---

[1] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 166.
[2] Там же. С. 164.
[3] Там же. С. 56.
[4] Там же. С. 57.
[5] Там же. С. 65.
[6] *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Журнальный зал [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (дата обращения: 12.11.2012).
[7] *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006. С. 327–328.

являются идеологии. Человеческие общества выделяют идеологию как среду, как атмосферу, необходимую для их дыхания, для их исторической жизни»[1].

При этом идеология, с точки зрения Альтюссера, в виде образов или понятий воздействовала на людей, минуя их сознание. «Они (идеологические образы. – *Д.Ш.*), – утверждал Альтюссер, – суть воспринимаемые-признаваемые-переживаемые объекты культуры, которые воздействуют на людей функционально, посредством такого процесса, который для них самих остается скрытым. Люди "переживают" свою идеологию… не как некую форму сознания, но как объект их "мира", больше того, как сам их "мир"… Люди воспринимают и переживают в идеологии, *через идеологию и благодаря идеологии*; другими словами, этим хотят сказать, что "непосредственно переживаемое" отношение людей к миру, в том числе и их отношение к Истории (которое выражается в политическом действии и бездействии), проходит через идеологию, более того, что оно и есть сама идеология. Именно в этом смысле следует понимать высказывание Маркса, что в идеологии (как области политической борьбы) люди осознают свое место в мире и в истории: как раз в среде этого идеологического бессознательного люди изменяют свои "переживаемые" отношения к миру и приобретают ту новую, специфическую форму бессознательного, которую называют "сознанием"»[2].

Таким образом, в представлении Альтюссера идеология, с одной стороны, воплощает в себе «не систему реальных отношений, которым подчинено существование индивидуумов, а воображаемое отношение этих индивидуумов к реальным отношениям, в которых они живут». С другой стороны, «идеология всегда существует в некоем аппарате, в его практической деятельности или практиках», ее существование материально.

Любая государственная власть воздействует на своих подданных не только принуждением, но и убеждением. По мнению Л. Альтюссера, «государственный аппарат включает в себя два корпуса институтов: институты, которые представляют собой репрессивный государственный аппарат, и институты, которые представляют собой совокупность идеологических аппаратов государства».

Основное назначение идеологических аппаратов – трансляция «господствующей идеологии». «Именно посредством господствующей идеологии, – писал французский философ, – обеспечивается "гармония" (иногда не очень стройная) функционирования репрессивного государственного аппарата и идеологических аппаратов государства, а также "гармония" различных идеологических аппаратов государства». Альтюссер выделил религиозный, школьный, семейный, юридический, политический, профсоюзный, информационный, культурный идеологические аппараты государства. «Ни один политический класс не может длительное время удерживать государственную власть, – утверждал Альтюссер, – не осуществляя при этом своего господствующего влияния на идеологические аппараты государства»[3].

Государственный аппарат, включающий в себя правительство, администрацию, армию, полицию, суды, тюрьмы, и идеологические аппараты, представляющие совокупность специализированных общественных институтов, таких как политические партии, образовательные учреждения, средства массовой информации, церковь и т.д., взаимосвязаны, «плетут между собой тонкую сеть явных или неявных отношений».

Научное освоение феномена идеологии происходило не только в рамках марксистской парадигмы. Интересные выводы относительно идеологии и пропаганды сделал американский политолог, представитель бихевиористского подхода в политической науке Г.Д. Лассуэлл (Лассвелл). С точки зрения Лассуэлла, в каждом обществе «ценности организованы и распределены в соответствии с более или менее четкими структурными установлениям (институтами)». При этом «институты предполагают коммуникацию, которая направлена на поддержание сообщества как такового».

К коммуникации Лассуэлл относит и идеологию, которую рассматривает как «часть мифов конкретного общества»[4]. «Политический миф, – писал он, – содержит в себе "фундаментальные допущения", касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти. Неверно полагать, что термин "миф" обя-

[1] *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006. С. 328.
[2] Там же. С. 330–331.
[3] *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства...
[4] *Лассвелл Г.* Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М., 2003. С. 238–239.

зательно придает вымышленный, ложный или иррациональный оттенок входящим в его состав символам, хотя зачастую имеются основания для подобной интерпретации»[1].

Следуя традиции К. Манхейма, Лассуэлл выделил два типа мифов: идеологию и утопию. «Тотальный миф любой общности людей, – указывал он, – всегда имеет один неизменный компонент: оправдание и высокое положение власти. Для характеристики этой части мифа принято использовать термин “идеология”. В некоторых группах присутствует другой элемент, а именно, неприятие существующей идеологии… Когда критикуются фундаментальные принципы власти, которыми руководствуется правительство, и вся система распределения благ в обществе, мы наблюдаем столкновение “утопического” мифа и существующей идеологии»[2].

Любая идеология, по мнению Лассуэлла, содержит в себе несколько компонентов: политическую доктрину, политическую формулу и миранду.

Изложенная в официальных документах (конституциях, уставах, декларациях) и содержащая «основные ожидаемые результаты и требования, касающиеся политических отношений и практик в данном обществе»[3], *политическая доктрина* является теоретической основой, руководящими принципами любого политического режима.

«Детально описывающая и определяющая рамки социальной структуры», *политическая формула*, согласно Лассуэллу, уточняет содержание политической доктрины для «специфических и более или менее конкретных политических моделей» и «воплощает в себе основной общественный закон государства»[4].

Термином *миранда* Г.Д. Лассуэлл обозначил символическую составляющую идеологии. «Миранда – отмечал он, – это символы, выражающие отношение и самоидентификацию в политическом мифе. Их функция заключается в том, чтобы вызвать восхищение и энтузиазм, укрепляющие веру и чувство лояльности индивида к власти. Они не только вызывают необходимые для существования данной социальной структуры эмоции, но способствуют осознанию необходимости разделить эти эмоции с другими людьми, тем самым стимулируя всеобщую классовую идентификацию и создавая основу для солидарности… Флаги и гимны, церемонии и демонстрации, народные герои и окружающие их легенды – все это примеры, иллюстрирующие важность миранды в политическом процессе»[5].

В 1964 г. была опубликована статья американского антрополога и социолога К. Гирца «Идеология как культурная система», которая в дальнейшем вошла в сборник «Интерпретация культур». К этому времени в интеллектуальных кругах европейских стран и США понятие «идеология» приобретает откровенно негативный смысл. «Сегодня в вихре страстных дискуссий, – писал по этому поводу американский политолог Д. Белл, – идеологией называют почти каждый предлагаемый символ веры, поддерживаемый желанием верить, догматизмом или просто созданным шумом... Историческое понятие перестает соответствовать социальному контексту. Ясности его понимания уже нет. Понятие становится уничижительным, вызывающим возмущение, отторжение. Идеология – слово падшее – теперь таится в полумраке. Там же, где пребывает грех»[6]. Целый ряд философов и социологов (Р. Арон, Д. Белл, С. Липсет, Т. Парсонс, Э. Шиллз) объявили о «конце идеологии» как субъективного, искажающего действительность выражения интересов отдельных социальных групп.

«Сейчас почти везде распространена формула: “У меня социальная философия; у вас – политические взгляды; у него – идеология”»[7], – писал К. Гирц по поводу сложившейся ситуации. Он постарался придать скомпрометированному в научной среде понятию научный статус, преодолеть его «изоляцию от основного русла общественной мысли».

К. Гирц выделил две основные сложившиеся к тому времени исследовательские традиции в интерпретации социальной роли идеологии, обозначив их как «теорию интересов» и «теорию напряжений». «Для первого подхода, – считал он, – идеология – это маска и оружие, для второго – симптом и лекарство. В теории интересов идеологические заявления рассматриваются на фоне всеобщей борьбы за выгоду, в теории

---

[1] *Лассвелл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 270.
[2] *Лассвелл Г.* Язык власти... С. 274–275.
[3] Там же. С. 271.
[4] Там же. С. 272.
[5] Там же.
[6] *Белл Д.* Конец идеологии // Новое время. 1990. № 27. С. 42.
[7] *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 226.

напряжений – на фоне постоянных попыток выправить социально-психологический дисбаланс. Согласно первой, люди все время стремятся к власти, согласно второй – все время избавляются от тревоги»[1].

В целом и в той и в другой теории, по мнению К. Гирца, были как сильные, так и слабые стороны. Преимущества теории интересов заключались в «помещении идейных систем на твердую основу социальных структур», «акценте на мотивации тех, кто такие системы признает, и на зависимость, в свою очередь, такой мотивации от социального положения, прежде всего от классовой принадлежности». «Кроме того, – писал К. Гирц, – теория интересов сплавила воедино политические теории и политическую борьбу, заявив, что идеи – это оружие и что наилучший способ внедрить в общество какую-то картину мира (принадлежащую данной группе, классу или партии) – это захватить политическую власть и укрепить ее»[2]. Эти основные положения теории интересов, полагал он, не устарели до сих пор.

Потерю же прежнего влияния К. Гирц связывал со слабостью теоретического аппарата, не способного объяснить сложное взаимодействие социальных, психологических и культурных факторов. «Главные дефекты теории интересов в том, – резюмировал К. Гирц, – что ее психология слишком анемична, а социология – слишком мускулиста»[3]. Из-за недостаточно разработанного анализа мотиваций, с точки зрения Гирца, теория интересов была обречена на «постоянные метания между узким и поверхностным утилитаризмом, согласно которому человеком движет рациональный расчет осознанной личной выгоды, и более широким, но не менее поверхностным историзмом, который с заученной неопределенностью твердит, что идеи человека каким-то образом “отражают”, “выражают” его социальную принадлежность, “соответствуют” последней, “возникают” благодаря ней, ею “обусловлены”»[4].

Отправной точкой для теории напряжений выступала идея об отсутствии внутреннего равновесия в обществе. «Нет общественного устройства, которое вполне успешно справлялось бы с неизбежно возникающими функциональными проблемами, – отмечал К. Гирц. – Любое общество сталкивается с неразрешимыми антиномиями: между свободой и политическим порядком, между стабильностью и необходимостью перемен, между экономической эффективностью и гуманностью, между педантичностью и гибкостью»[5].

На индивидуальном уровне такая разбалансировка «конфликтующих желаний, архаических чувств и самодельных защитных приспособлений» проявляется в виде психологического напряжения и переживается как личная незащищенность, приводящая человека в состояние «организованного отчаяния». В таком случае идеология является своеобразным ответом на это отчаяние, «символическим выходом» для порожденных общественным дисбалансом эмоциональных нарушений», механизмом «компенсации породивших их возмущений».

Свое психологическое напряжение индивид снижает переключением на «символических врагов», рассматривая свое приниженное социальное положение с точки зрения высших общественных ценностей, или находит удовлетворение в «общей идеологической ориентации» с другими людьми.

Теория напряжений, полагал К. Гирц, также имеет свои недостатки, начиная буксовать при «исследовании социальных и психологических уже не факторов, а функций идеологии», не давая вразумительного объяснения возможных последствий идеологического воздействия на человека.

Основную причину слабости и теории интересов, и теории напряжений К. Гирц видит в отсутствии в них «хоть сколько-нибудь развитой концепции относительно того, как формулируются символы». «Связь между причинами идеологии и ее следствиями, – отмечает он, – кажется случайной, потому что связующий элемент – автономный процесс формирования символов – фактически обходится молчанием. И теория интересов, и теория напряжений от анализа источников переходят сразу к анализу последствий, не исследуя сколько-нибудь серьезно идеологию как систему взаимодействующих символов, как структуру взаимовлияющих смыслов»[6]. Новаторский подход К. Гирца заключался в том, что он предлагал рассматривать идеологию, прежде всего, как символическую структуру, основной задачей которой являлось генерирование концептов, придающих смысл политическим действиям, и убедительных образов, делающих данную идеологию доступной для восприятия значительной аудитории.

---

[1] *Гирц К.* Указ. соч. С. 232–233.
[2] Там же. С. 233.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 235.
[6] *Гирц К.* Указ. соч. С. 239.

Интересен и, по нашему мнению, весьма плодотворен с исторической точки зрения подход к идеологии нидерландского лингвиста Тёна Адриануса Ван Дейка, много лет занимающегося анализом языка средств массовой коммуникации. «Хотя идеологию иногда определяют (а чаще всего используют) как совокупность идей, – писал он, – большинство исследователей полагают, что она представляет собой нечто большее. Так, идеология должна содержать в себе идеи, которые выражают групповые интересы, а следовательно, и материальные условия жизни соответствующих групп. Она также ассоциируется с “практикой”: идеология проявляется не только в том, что люди думают, но и в том, что они делают. Далее, идеология не сводится к неформальной, межличностной деятельности или коммуникации, но обычно распространяется и на институционально закрепленные формы воспроизводства, такие как образование или средства массовой информации»[1]. Исходным пунктом, как мы видим, послужили марксистские идеи. Однако, по мнению автора, они не объясняют, «как развиваются идеологии, как они порождаются и как воспроизводятся в обществе».

Т.А. Ван Дейк убежден, что любые идеологические образования имеют двойственную природу: с одной стороны, они зафиксированы у людей в структуре памяти (т.е. когнитивны), с другой – они социальны, поскольку «их разделяют другие люди в качестве членов той или иной группы; они усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных же социальных же обстоятельствах (экономических, исторических) и имеют социальные последствия»[2].

Кроме того, по мнению ван Дейка, идеологии не являются простыми перечнями «идей», а «должны воплощать социальное знание и мнение». Зафиксированные в структуре памяти модели отношений должны касаться широкого комплекса актуальных проблем (безработица, жилищный вопрос и т.п.), а также выражаться через различные «формы обработки социальной информации» (повседневная речь, сообщения СМИ) и содержать оценочные суждения, согласующиеся с социальными нормами данной группы.

Совсем необязательно, утверждает Ван Дейк, чтобы идеологические принципы были внутренне логичны, напротив, они зачастую противоречивы и непоследовательны. Для субъекта идеологии более важное значение имеет «компонент оценки», «обеспечивающий субъективные доводы, пригодные для аргументации и дискурсивного убеждения» в процессе коммуникации.

Обобщив вышеприведенные теории и концепции, сформулируем наше видение проблемы. В исследовании под политической идеологией понимается *относительно упорядоченная и внутренне связанная система политических идей, служащая основой для организованных политических действий.* Идеология как форма общественного сознания обладает своей спецификой.

Во-первых, любая политическая идеология, по справедливому замечанию американского политолога Д. Шварцмантеля, это «масштабное представление о природе “политического” и “хорошего” общества». «В самом широком смысле, – полагал он, – идеология дает ответ на вопрос – какой тип общества предпочтителен»[3].

Во-вторых, политическая идеология выступает движущей силой как общественной интеграции, так и конфронтации. «Идеология, – указывал английский политолог К. Флад, – способна обосновать справедливость сложившегося политического устройства, равно как и распределения богатства, власти и авторитета. Следовательно, она в состоянии способствовать приятию существующей власти, установлению стабильности, так как необходимость в насилии отпадает, когда граждане обладают ощущением политического долга. Но при этом идеология является и орудием противостояния»[4]. Причем, как показывает история, «эффективнее всего работают расплывчатые или утопические обещания лучшей жизни в сочетании с подробным и эмоционально убедительным изображением невыносимой несправедливости и неизбежных пороков существующего режима»[5].

В-третьих, ключевая роль в распространении господствующих в обществе мировоззренческих установок принадлежит элитам. Так, американский социолог Д. Цаллер, много лет изучавший закономерности формирования и изменения общественного мнения, определил идеологию как «механизм, посредством которого обычные граждане налаживают контакт со специалистами, обладающими знанием о спорных вопросах и разделяющими предрасположенности граждан»[6].

---

[1] Ван *Дейк Т.А.* Расизм и язык. М., 1989. С. 23–24.
[2] Там же. С. 27.
[3] *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. Харьков, 2009. С. 49.
[4] *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 20.
[5] *Голдстоун Д.* Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 35.
[6] *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 488.

Идеология в его понимании не являлась «цельным произведением индивидуального творчества гениев, таких как Маркс, Бёрк или Локк», а представляла собой «агломерацию взглядов различных специалистов, разделяющих общие идеологические предрасположенности». Простой человек, по мнению Д. Цаллера, мог не вникать в детали сложных теоретических дискуссий, ему достаточно было «распознавать, какие элиты разделяют эти предрасположенности, и принимать их подсказки».

«Когда элиты предлагают ясную картину того, что следует делать, – писал Цаллер, – общественность склонна рассматривать события именно с их точки зрения и наиболее внимательные к политике люди особенно готовы принимать позицию элит. Когда элиты разделяются, граждане склонны принимать позицию тех элитных групп, чьи убеждения, идеологию они разделяют»[1].

Т.А. Ван Дейк выделяет два слоя элит, осуществляющих в обществе контроль над дискурсом. Первый слой – это властные группы и их представители, которые «контролируют или имеют доступ к бесконечно широкому и разнообразному спектру дискурсивных ролей, жанров, условий и стилей». Эти группы, по его мнению, «не только являются активными участниками большинства коммуникативных ситуаций, но и выступают в роли инициаторов вербальных дискуссий или публичного дискурса, устанавливают “тон” и стиль дискурса, определяют его темы и решают, кто будет участником или реципиентом их дискурсов»[2].

Другой слой – научная и творческая интеллигенция (журналисты, писатели, художники, режиссеры, ученые), своего рода «символические элиты», реализующие власть на основе описанного П. Бурдье «символического капитала». «Их символическая власть, – отмечает Т.А. Ван Дейк, – не сводится исключительно к артикуляции как таковой, но также распространяется и на способы воздействия: эти группы могут устанавливать повестки дня для публичных дискуссий, определять тематическое соответствие текстов, управлять объемом и типом информации, особенно в отношении того, кто и как изображается в публичной коммуникации. Они являются производителями общедоступных знаний, убеждений, оценок, норм, ценностей, морали и идеологий. Это значит, что их символическая власть является также формой идеологической власти»[3].

В-четвертых, каждая идеология представляет собой символическую систему, иерархически упорядоченный набор эмоционально насыщенных символов.

Политическая идеология имеет сложную структуру. Как теоретическое построение, она содержит в себе смысловые и ценностные компоненты – концепты. Известный отечественный лингвист В.И. Карасик определил концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта»[4]. В структуре концепта можно выделить ценностный, образный и понятийный элементы[5].

Концептуальная составляющая политической идеологии включает в себя несколько уровней. Фундаментом такой теоретической конструкции выступает комплекс представлений о характере и направленности исторического развития, о том месте, которое занимает политическое движение в историческом процессе, об идеальных и реальных властных отношениях, об отношениях собственности, о той социальной общности (раса, нация, класс), от лица которой эта идеология выступает, о морально допустимых действиях. Концепты разных уровней связаны между собой, образуя внутреннюю структуру, специфическую для каждой идеологии.

Можно выделить несколько основных социальных функций политической идеологии:

– *Мировоззренческая ориентация*. Политическая идеология развертывает перед своими сторонниками особым образом сконструированную картину мира.

«Каждая идеология, – писал по этому поводу К. Флад, – по-своему, объясняет человеческую природу и, исходя из этого, раскрывает и оценивает существующее общественное устройство, соотнося его с собственными воззрениями на то, каким мир должен быть. Став общественным достоянием, идеология предоставляет в наше распоряжение карту, позволяющую нам ориентироваться в политической реальности, понимать ее и прочитывать ее смысл»[6]. В то же время политические идеологии не только упорядочивают

[1] *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 42.
[2] *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2015. С. 50–51.
[3] Там же. С. 51–52.
[4] *Карасик В.И.* Языковые ключи. М., 2009. С. 24.
[5] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 91.
[6] *Флад К.* Указ. соч. С. 20.

коллективные представления своих сторонников, но и приводят новые данные о социальной реальности в соответствие с уже имеющимися когнитивными схемами.

«Идеологии, – отмечал Т.А. Ван Дейк, – создают интерпретативный механизм, который для каждого типа социальной ситуации решает, соответствует ли он целям или интересам группы. Под контролем идеологического механизма могут формироваться и более частные, отрицательные или положительные мнения о различных социальных ситуациях, они, согласуясь, друг с другом, организуются в установки, относящиеся к этим ситуациям»[1].

Кроме того, принадлежность к определенной идеологии дает ее приверженцам способность игнорировать любую противоречащую их учению информацию. «Происходит это потому, – утверждал К. Флад, – что сама система верований представляет собой фильтр, через который проходит информация и который придает этой информации желаемый смысл»[2].

– *Конструирование коллективной идентичности*. Политические идеологии являются определяющим фактором, объединяющим политическое движение, они играют ключевую роль в формировании вокруг определенных идей, ценностей и установок «мы-группы». Уверенность в принадлежности к сообществу подобно мыслящих, исповедующих одни и те же установки, является важным связующим звеном любого политического движения. При этом, «идеологии могут рассматриваться как развивающиеся снизу вверх обобщенные ментальные модели, так и воздействующие сверху вниз идеологические “инструкции”»[3].

– *Идейная мобилизация*. Политическая идеология выступает в качестве интеллектуальной основы для организованных действий своих приверженцев, осуществляет координацию совместных групповых действий, мобилизацию своих сторонников для достижения коллективных целей.

Политическая идеология приобретает социальную значимость в институционализированных практиках и дискурсах. Государственная идеология, представляющая собой своеобразную сумму траекторий мировоззренческих, экономических и культурных установок господствующих в обществе элитных групп, свое институциональное воплощение находит в «идеологических аппаратах государства», инстанциях, осуществляющих культурную гегемонию.

Одним из таких идеологических государственных аппаратов являются правительственные и проправительственные информационно-пропагандистские учреждения и ведомства. Политическая пропаганда представляет собой важный инструмент осуществления культурной гегемонии.

За рубежом, особенно в США, интерес исследователей к пропаганде как действенному инструменту воздействия на общественное мнение обозначился после Первой мировой войны.

Проанализировав пропагандистский опыт основных стран, участвовавших в войне, политолог Г.Д. Лассуэлл (Ласвель) назвал пропаганду – «непосредственное применение внушения» – одним из трех, наряду с военным и экономическим нажимом, «главных орудий борьбы с ведущим войну неприятелем».

При этом, как он полагал, пропаганда не ставила задачу «управлять настроением умов» «путем изменения материальных условий» или «спокойным и доверчивым настроением». «Она, – указывал Лассуэлл, – сводится исключительно к управлению мнениями и взглядами при помощи “выразительных символов”, или, – говоря более конкретно, но менее точно, – при помощи рассказов, слухов, сообщений, картин и т.п. Пропаганда управляет мнениями и отношениями скорее путем непосредственной обработки общественной мысли, чем путем изменения каких-либо условий в самом организме или около него»[4].

В 1928 г. вышла книга Э. Бернейса «Пропаганда». «Современная пропаганда, – писал один из крупнейших в то время специалистов по PR, – это последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе»[5].

Пропаганда, по мнению Бернейса, в своем исконном значении – «вполне пристойное, честное слово, имеющее почтенное происхождение и заслуживающую уважения историю». Кроме того, утверждал он, «практика создания нужных событий и нужных образов в сознании миллионов людей распространена очень

[1] *Ван Дейк Т.А.* Расизм и язык… С. 28–29.
[2] *Флад К.* Указ. соч. С. 20.
[3] *Мусихин Г.И.* Очерки теории идеологий. М., 2013. С. 72.
[4] *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929. С. 27–28.
[5] *Бернейс Э.* Пропаганда. М., 2010. С. 19.

широко». «Любое сообщество, – считал Бернейс, – социальное, религиозное или политическое, имеющее определенные убеждения и письменно либо устно знакомящее с ними окружающих, занимается именно пропагандой»[1].

Сходным образом определил пропаганду американский социолог Г. Блумер. «Пропаганда может пониматься как умышленно спровоцированная и направляемая кампания с целью заставить людей принять данную точку зрения, настроение или ценность. Ее особенность состоит в том, что, стремясь достичь этой цели, она не представляет беспристрастного обсуждения противоположных взглядов. Цель доминирует, а средства подчинены этой цели»[2].

Цель пропаганды, с точки зрения Блумера, – «навязать некую установку или ценность, которая начинает восприниматься людьми как нечто естественное, истинное и подлинное и, таким образом, как нечто такое, что выражается спонтанно и без принуждения».

В России термин «пропаганда» получает широкое распространение в период Гражданской войны, когда в условиях длительного вооруженного противостояния «белых» и «красных», обусловленного непримиримостью мировоззренческих установок большевиков и их противников, и та, и другая сторона активно использовали метод убеждения.

Именно в это время понятия «пропаганда», «агитация», «осведомление» входят в политический лексикон, используются в периодической печати и в обыденной речи.

Так, определение термина «пропаганда» можно найти в «Словаре непонятных слов», напечатанном в марте 1919 г. в одном из номеров челябинской газеты «Вестник Приуралья»: «Распространение в обществе какой-нибудь мысли, какого-нибудь учения путем школы, чтения, беседы».

Близким по смыслу, но не тождественным считалось понятие «агитация». «Агитация, – отмечалось в том же “Словаре непонятных слов”, – почти то же, что пропаганда, но с тем различием, что агитация, в пользу какой-нибудь мысли или в пользу какого-нибудь лица делается в очень широких размерах, и не обращается особенного внимания на доказательства, а больше бьют на впечатление. Агитировать можно расклейкой на заборах громадных воззваний, рисунков, произнесением перед толпой на улице зажигательных речей и т.д. Пропагандировать же – означает постепенно, но основательно внедрять в сознание путем убеждения, доказательств»[3].

В Советской России пропаганда являлась стержнем политико-просветительной работы большевиков. В первом издании «Большой советской энциклопедии» дается следующее определение этого понятия: «*Пропаганда*, разъяснение, распространение определенных политических воззрений, идей, взглядов и знаний, орудие воспитания масс.

В современном капиталистическом обществе политическая борьба классов неизбежно является борьбой партий. Поэтому и всякая пропаганда является сугубо партийной, отражающей интересы того класса, частью которого является данная партия. Пропаганда была и остается постоянным и сильным оружием политических партий в борьбе за свои классовые интересы.

В руках буржуазных партий она служила и служит укреплению расшатанного господства загнивающего, умирающего капитализма, а в руках пролетарской коммунистической партии она служит задаче выработки марксистско-ленинской идеологии у рабочего класса, организации и подготовке его к свержению капитализма»[4].

В представленной работе пропаганда является одним из ключевых понятий и определяется как *целенаправленное и политически мотивированное убеждающее воздействие на политические группы. С его помощью те или иные социально-политические идеи, взгляды и теории должны быть доведены до сознания каждого человека и оказать влияние на формирование его поведения в желательном направлении*[5].

Идеология оказывается растворенной в многочисленных пропагандистских текстах, а политическая пропаганда выступает как основной инструмент трансляции идеологии, репрезентации ее установок, ценностей и смыслов.

---

[1] *Бернейс Э.* Указ. соч. М., 2010. С. 16.
[2] *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 191.
[3] *Вестник* Приуралья (Челябинск). 1919. 27 марта.
[4] *Большая* советская энциклопедия : в 65 т. М., 1940. Т. 47. Стб. 291.
[5] *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981. С. 44.

Один из крупнейших современных психологов С. Московичи выделил три основные стратегии пропаганды, нацеленные на «превращение индивидов в толпу и вовлечение их в определенную деятельность»: представление, церемониал и убеждение.

«Первая, – отмечал он, – управляет пространством, вторая – временем, третья – словом»[1]. Первое условие любой пропаганды, по мнению Московичи, – это ясное и не допускающее возражений *утверждение* однозначной позиции, господствующей идеи. При этом его информационное содержание может быть поверхностным и неглубоким и даже не нести в себе чего-либо нового для аудитории.

Важен сам стиль выступления: «Чем решительнее и точнее суждение, тем больше силы имеет утверждение, так как в этом видят доказательство убежденности и правоты говорящего». Утверждение в любой речи, – полагал Московичи, – означает отказ от обсуждения, поскольку «власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие»[2].

Сама пропаганда основана на действии своеобразной магии не вызывающих сомнения повторяемых слов и формулировок. «Она распространяется, подобно заражению, с быстротой электрического тока и намагничивает толпы. Слова вызывают четкие образы, крови или огня, воодушевляющие или мучительные воспоминания о победах либо о поражениях, сильные чувства ненависти или любви».

Таким образом, *повторение* является вторым условием пропаганды. Именно повторение, считал Московичи, наделяет утверждения дополнительной убеждающей силой и превращает их в навязчивые идеи. «В то же время повторение возводит обязательный барьер против всякого иного утверждения, всякого противоположного убеждения с помощью возврата без рассуждений тех же слов, образов и позиций. Повторение придает им осязаемость и очевидность, которые заставляют принять их целиком, с первого до последнего, как если бы речь шла о логике, в терминах которой то, что должно быть доказано, уже случилось»[3].

К тому же, сводя к минимуму рассуждения, повторение быстро переводит мысль в действие. Результатом утверждения и повторения является коллективное внушение. «Они сливаются в поток верований, – резюмировал Московичи, – которые распространяются со скоростью эпидемии. Заражение происходит тем быстрее, чем сильнее вызванные чувства и чем скорее действие соединилось, словно в коротком замыкании, с мыслью»[4].

Основное назначение пропаганды заключается в постоянном *расширении, консолидации и мобилизации* «мы-группы», будь то участники политического движения или общество в целом, изменении ценностей, взглядов, убеждений, установок аудитории. По своей сути политическая пропаганда решает две основные задачи:

- Формирует в сознании своих реципиентов определенное видение социальной реальности («картину мира»), в которую интегрированы «общественно значимые» и «исторически обоснованные» цели коммуникатора (партии, политического движения или государственной власти). При этом пропаганда стремится расширить «мы-группу», отделить ее от враждебных «они», завуалировать противоречия между элитными группами и рядовыми участниками движения.
- Придает вектор действиям своих последователей, мобилизует участников политического движения или общество в целом на решение поставленных лидерами задач. Пропаганда актуализирует политическую активность как позитивную мировоззренческую установку (играя, в зависимости от ситуации, на патриотизме, национализме или интернационализме, классовой солидарности и т.д.), формирует и поддерживает образ политически активного «гражданина» в противовес индифферентному и пассивному «обывателю».

Проявляясь и утверждаясь в дискурсах, дискурсивных формациях и практиках, политическая идеология вступает в конкурентные, а зачастую и конфронтационные отношения с другими политическими идеологиями. Борьба за «правильное» использование стержневых политических и социально значимых понятий, фиксация их нового значения представляет собой не только борьбу за гегемонию в дискурсе, но и борьбу за формирование новой политической реальности.

---

[1] *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 182.
[2] Там же. С. 188.
[3] Там же. С. 190.
[4] Там же. С. 192.

Важнейшим инструментом завоевания и удержания господства, власти в самом широком смысле является язык, речь, воплощенная в дискурсах и дискурсивных практиках. В настоящее время дискурс является весьма популярным, широкоупотребительным, многозначным и расплывчатым по смыслу понятием. Швейцарский лингвист П. Серио выделил восемь значений термина «дискурс»:

1) «любое конкретное высказывание»;

2) «единицу, по размеру превосходящую фразу, высказывание в глобальном смысле»;

3) «воздействие высказывания на его получателя» с учетом коммуникативной ситуации;

4) «беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания»;

5) «речь, присваиваемую говорящим, в противоположность “повествованию”, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания»;

6) «диверсификацию на поверхностном уровне, связанную с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам» (при противопоставлении языку как «системе мало дифференцированных виртуальных значимостей»);

7) «система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» (например, «феминистский» или «административный» дискурсы);

8) «высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет»[1].

В широкий научный оборот термин «дискурс» вошел во многом благодаря работам известного французского философа, теоретика культуры и историка М. Фуко.

«Будем называть дискурсом, – писал он, – совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации. Дискурс не образует риторической, формальной или бесконечно повторяющейся общности, появление и применение в истории которой можно было бы предсказать (и объяснить в случае необходимости); он конституируется ограниченным числом высказываний, для которых можно определить совокупность условий существования»[2].

Дискурсы, по мнению Фуко, выступают мощным инструментом господства. Устанавливая правила «истинного» видения мира, власть не только формирует необходимую ей социальную реальность, но и обеспечивает свою гегемонию в этой реальности. «Я хочу сказать, – отмечал он, – что в обществе, подобном нашему, – а, в конечном счете, в любом обществе – многочисленные властные отношения проникают в общественный организм, характеризуют его и конституируют; они не могут ни распасться, ни установиться, ни функционировать без производства, накопления, обращения, функционирования подходящего дискурса. Нет власти без рационального использования дискурса об истине, который проявляется во власти, исходит от власти и действует посредством нее. Под влиянием власти мы обречены на производство истины и можем использовать власть только с помощью производства истины»[3].

М. Фуко не использовал понятия «идеология», поскольку считал, что представления о реальности, в том числе отношения «власти» и «истины», создаются и проявляются непосредственно в дискурсе. По мнению же французского лингвиста М. Пеше, «область дискурса следует понимать как один из материальных аспектов того, что мы назвали идеологической “материальностью”». «Иначе говоря, – писал он, – дискурс как *вид* принадлежит *роду* идеологии»[4].

Несколько в другом ключе использует понятие «дискурс» Т.А. Ван Дейк. Он рассматривает дискурс как «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта»[5].

Преимущество такого понимания, с точки зрения Т.А. Ван Дейка, состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. «Анализ разговора, – считает он, – с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному собы-

---

[1] *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 26–27.

[2] *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 117.

[3] *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005. С. 43.

[4] *Пеше М., Фукс К.* Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 107.

[5] *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.

тию». В письменных или печатных текстах «интеракциональная природа» дискурса менее заметна, поскольку «писатель, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени». Но и в этом случае, полагает Ван Дейк, следовало бы проанализировать тексты с точки зрения «динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия»[1].

Примерно в том же аспекте понимает дискурс австрийский социолингвист Р. Водак. Дискурс, по ее мнению, «следует рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую ценностями и социальными нормами, условностями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, всегда ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов»[2].

Дискурсы отражают сложившиеся в обществе властные отношения. «Различные дискурсы – каждый из которых представляет особый способ общения и понимания социального мира – вовлечены в постоянную борьбу за достижение превосходства в том, чтобы зафиксировать свое значение в языке»[3].

Государственная власть, политические и экономические элиты в борьбе за гегемонию используют это важное свойство дискурса, его способность формировать социальную реальность. «Значения формируются в дискурсе, в нем же создаются миры, – констатировала Р. Водак. – Этот момент также важен для нашего анализа и нашего понимания политического языка. Идеологии образуют с помощью своего языка или своей языковой системы специфические воображаемые миры, которые кажутся истинными и вполне определенным образом структурируют и объясняют логическую реальность. Идеологии поставляют концептуальные схемы и категории, с помощью которых можно интерпретировать новые события»[4].

Язык, таким образом, не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а своеобразный «механизм», воспроизводящий и в результате создающий социальный мир. Посредством приписывания значений в дискурсе формируется социальная идентичность и социальные отношения. То есть приписывание значения в дискурсе является средством изменения мира. Борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздает социальную реальность[5].

В итоге государственная власть как господство на определенной территории определенных групп элиты конституирована не только институционально, но и дискурсивно. Соответственно, любая форма политической борьбы, конкуренции элиты и контр-элиты представляет борьбу за гегемонию в дискурсе. Важную роль в осуществлении «социальной гегемонии и политической власти», по мнению выдающегося итальянского философа А. Грамши, играет интеллигенция, которую он назвал «приказчиками» господствующей группы. С одной стороны, полагал он, интеллигенты необходимы «для обеспечения “спонтанного” согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое задано основной господствующей группой, – согласия, которое “исторически” порождается престижем господствующей группы (и, следовательно, оказываемым ей доверием), обусловленным ее положением и ее функцией в мире производства». С другой – «для приведения в действие государственного аппарата принуждения, “законно” обеспечивающего дисциплину тех групп, которые не “выражают согласия” ни активно, ни пассивно»[6].

Таким образом, в дальнейшем под *дискурсом* мы будем понимать *словесно либо письменно артикулированную форму объективации содержания сознания, обусловливаемую доминирующим в данной социокультурной традиции рациональности*[7]. Дискурс обладает рядом сущностных характеристик:

– дискурс – сложное единство языковой практики и внешних к ней факторов, это «речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст»;

– как конечная совокупность высказываний, дискурс ограничен определенными (профессиональными, идеологическими, социальными) условиями коммуникации;

– в дискурсе артикулируются определенные идеологические установки участников коммуникации;

– посредством номинации и категоризации дискурс формирует новую реальность.

---

[1] *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 122.
[2] *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997. С. 11.
[3] *Филлипс Л., Йоргенсон М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. С. 22.
[4] *Водак Р.* Указ. соч. С. 27.
[5] *Филлипс Л., Йоргенсон М.* Указ. соч. С. 26.
[6] *Грамши А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 332–333.
[7] *Новейший* философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 148.

Долгое время считалось, что массированное информационно-психологическое воздействие на население, использование сочетания политического контроля и политической пропаганды начиная со времени Гражданской войны были характерны только для большевиков. Такую точку зрения высказывали как российские эмигрантские авторы, так и зарубежные историки.

Так, на решающее значение коммунистической идеологии и пропаганды для организации советских вооруженных сил указывал западногерманский историк М. Хильдермайер. «Основатели новой армии, – полагал он, – были достаточно умны, чтобы видеть, что одним принуждением невозможно обеспечить лояльность. Столпами новой структуры в равной мере являлись неоднократно теоретически обоснованные Троцким “политическая работа” и агитация в тылу. Для выполнения этой задачи имелись политические комиссары... Когда советский режим, в отличие от Временного правительства, несмотря на высокий процент дезертирства, овладел ситуацией в армии, это было достигнуто не в последнюю очередь благодаря эффективному сочетанию жестоких наказаний, политической агитации и контроля»[1].

В отличие от царской армии и вооруженных сил антибольшевистских правительств, стремившихся вытравить из военной среды любую «политику», большевики сделали ставку на партийно-идеологический контроль и политико-просветительную работу в войсках. Это коренное отличие, являвшееся вообще качественно иным, новым моментом в организации вооруженных сил, подчеркнул в свое время американский исследователь Марк фон Хаген, который писал: «Партийное и государственное руководство стало рассматривать армию как школу строителей социализма, как армию нового типа для нового социального строя. Оно мотивировало значительные расходы на политработу... российской отсталостью, отсутствием сети общественных организаций, особенно в деревне, и большими задачами строительства, которые стояли перед советским обществом. Сотни тысяч красноармейцев проходили школу грамотности, политграмотности, санграмотности и культпросвещения»[2].

По мнению же американского историка Р. Пайпса, до большевиков пропаганда вообще никогда не занимала такого значительного места в жизни людей. «Если раньше, – указывал он, – она была призвана приукрасить или преподнести реальность в нужном ключе, то в Советской России она должна была полностью подменить собой действительность. Коммунистическая пропаганда стремилась создать – и, надо заметить, весьма успешно – в разительном противоречии с повседневным опытом вымышленный мир, в который должны были уверовать советские люди»[3]. Этому, как считал Р. Пайпс, в немалой степени способствовал партийный контроль над средствами массовой информации и общественным сознанием.

Русский социолог и правовед Н.С. Тимашев, эмигрировавший в начале 1920-х гг. в Европу, существенным отличием Советского государства от других стран считал присутствие в нем «официального мировоззрения, проводимого с использованием всей мощи государственного аппарата и той же мощью защищаемого от прозелитических усилий других мировоззрений»[4]. Он относил Советскую Россию к «наставническим государствам», противопоставляя такой тип политического режима государствам автократическим и демократическим. Основанием для такого рода классификации для Н.С. Ти-машева послужило различие во взаимоотношениях между государственной властью и общественным мнением. В автократических государствах, к которым он относил абсолютные монархии и диктатуры, государственная власть общественное мнение игнорирует, в демократических (парламентские монархии, республики) – подчиняется ему. В наставническом же государстве власть «добивается единства с ним, но способом, диаметрально противоположным демократическому: не она приспособляется к общественному мнению, а наоборот, общественное мнение оказывается принужденным приспособиться к указаниям власти»[5].

Распространение официального мировоззрения происходит путем массированной пропаганды. Н.С. Тимашев выделял организованную и неорганизованную пропаганду. К основным каналам организованной пропаганды он относит большевистскую партию, школу, советы и профсоюзы. Еще более многочисленны, на его взгляд, формы неорганизованной пропаганды: выступления партийных руководителей, пресса, литература, кино, радио, изобразительное искусство и театр. Основное различие в организации пропаганды в Советской России по сравнению с другими странами Н.С. Тимашев видел не столько в качестве пропаган-

[1] *Хильдермайер М.* Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М, 1994. С. 309.
[2] *Хаген М. фон*. Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 59.
[3] *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 344.
[4] *Тимашев Н.С.* Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда. Париж, 1931. С. 3.
[5] *Тимашев Н.С.* Указ. соч. С. 4.

дистского воздействия, сколько в его количестве. «Те силы, – писал он, – которые в государствах нормального типа распыляются между множеством несогласованных друг с другом и часто противоречащих друг другу пропаганд, в советском государстве объединяются в одно мощное русло»[1].

Другой эмигрантский автор, В.М. Левитский, также подчеркивал роль политической пропаганды в Советской России. «Для правильного понимания существа, методов и целей работы коммунистов, – отмечал он, – необходимо помнить, что Советское государство возникло, развилось, держится и живет невиданной в мире по размерам организацией политической пропаганды и агитации, и на ту же пропаганду и агитацию опирающейся партийной организацией. Органы пропаганды и агитации насквозь пропитали и кругом оплели весь партийный советский аппарат, всю систему коммунистического управления, ими направляется и вся деятельность коммунистов за границей. Наглядно можно себе представить всю систему советского правительственного властвования в современной России только как огромный злокачественный нарост на народном организме, созданный микробом-возбудителем – политической пропагандой и им же питающейся партийной организацией»[2].

Массированное воздействие большевистской пропаганды, по мнению В.М. Левитского, затронуло все слои населения. «В Советской России, – утверждал он, – все – рабочие и крестьяне, интеллигенция и учащиеся, верующие и атеисты, идейные коммунисты и непримиримые враги коммунистической власти – поразному, но одинаково сильно испытывают на себе постоянное и разнообразное влияние пропагандно-агитационных лозунгов. Они перестроили всю их психологию, их настроения, взгляды на роль и значение государства, на самих себя»[3].

Интересную концепцию относительно организации политического надзора и пропаганды противоборствующими сторонами во время Гражданской войны выдвинул американский историк П. Холквист. По его мнению, российскую революцию необходимо рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг. В годы Первой мировой войны, считает П. Холквист, все воюющие державы применяли для мобилизации населения похожие меры. При этом следует учитывать те серьезные политические, институциональные и административные изменения, которые произошли в стране, как в период «тотальной мобилизации» военного времени, так и в предшествующие годы[4].

XIX в., с точки зрения П. Холквиста, был отмечен «неуклонным ростом сознательного интереса к “населению” как объекту государственной политики, выражением которого стала концепция “политики населения”». Исходя из, как ее назвал Холквист, «правительственной» концепции, «государство стремится не просто править землями, но управлять населением», которое в новых условиях «воспринималось в качестве отдельного, целостного объекта»[5]. Идеал «правительственной» концепции власти заключался, по мнению П. Холквиста, в том, «чтобы вооруженное надлежащей информацией и правильно использующее ее государство могло изменять в лучшую сторону как общество в целом, так и отдельных граждан»[6]. Если полицейские меры были направлены лишь на поддержание порядка в обществе, то политический «надзор – как составная часть правительственной концепции власти – был призван это общество трансформировать»[7].

В России ключевыми событиями, ознаменовавшими переход от «территориальной» концепции государственной власти к политике управления «населением» как специфической социальной общностью, стали революция 1905–1907 гг. и Первая мировая война. Одной из новых государственных практик является «осведомление», представлявшее собой «сбор информации для изучения настроений в обществе и последующего их изменения». Причем, как полагал П. Холквист, процесс этот не ограничивался только наблюдением. «Определив контуры общественных настроений, – отмечал он, – технократы от осведомления стремились их трансформировать посредством государственного вмешательства – процедуры, которая практически во всех стра-

---

[1] *Тимашев Н.С.* Указ. соч. С. 15.

[2] *Левитский В.М.* Коммунистическая пропаганда и борьба с нею. Париж, 1931. С. 7.

[3] Там же. С. 71.

[4] *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 84.

[5] *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 48–49.

[6] *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы» … С. 49–50.

[7] Там же.

нах именовалась не иначе как “просвещение”. Причем целый ряд недавних исследований показывает, что осведомление возникло в России вовсе не с приходом большевиков, как принято полагать, а еще в годы Великой войны, в качестве одного из элементов целого спектра государственных мер, направленных на мобилизацию общества для участия в тотальной войне»[1].

Новая административная практика, по утверждению П. Холк-виста, существенно отличалась от прежних. «Функции осведомления не совпадали с функциями полицейского надзора. В задачу полицейского надзора входило наблюдение за отдельными людьми – преступниками, оппозиционерами или революционерами с целью охраны существующего порядка. Осведомление же занималось сбором информации о населении в целом, имея задачу накопления обобщенных данных о его настроениях и выработки наиболее действенных мер контроля. Полиция стояла на страже общественного порядка. Осведомление же стремилось получить информацию для того, чтобы максимально использовать имеющийся потенциал как всего общества, так и каждого отдельного его члена». Таким образом, считает Холквист, осведомление было «одним из элементов новой концепции власти, переносившей акцент с принципа территориального управления на принцип управления правительственного». Процедура осведомления была основана на сочетании двух основных методов: «системы перлюстрации почтовых отправлений граждан и особого бюрократического аппарата, единственной задачей которого было отслеживать преобладающие в народе настроения»[2].

После Февральской революции, по мнению П. Холквиста, все новые правительства также «претендовали на то, чтобы представлять не территорию, а проживающих на ней людей». Поэтому для «наиболее продуктивного вовлечения населения в нужную им деятельность государства нуждались в новой дисциплине, регулирующей мнения масс: в надзоре за настроениями населения»[3].

В период Гражданской войны «для антисоветских движений осведомление о настроениях населения было такой же упорядоченной и организованной процедурой, как и для большевиков». «В белых правительствах, – писал П. Холквист, – неизменно создавался “осведомительный отдел”, в задачу которого входило составление регулярных сводок о настроении населения»[4]. В эти сводки входила информация, собранная как через обширную сеть местных филиалов, так и с помощью специальных агентов, тайно разъезжавших по всей контролируемой белыми территории. Изучив архивные документы, Холквист сделал интересный вывод: «антибольшевистские сводки до удивления похожи на свои советские аналоги». И та, и другая сторона рассматривали население как «иерархию четко выделяемых “элементов”, построенную по принципу их предполагаемой политической благонадежности», и опирались «на одну и ту же морфологию политических движений, основанную на социальной теории репрезентативности». В частности, и красные, и белые «дружно обрушивались на “спекулянтов” и уповали на “более сознательные элементы” среди населения». Единственное различие между «белыми и красными специалистами по осведомлению» состояло, по мнению Холквиста, лишь в «ракурсе их взгляда на ситуацию»[5].

Однако задача органов осведомления не ограничивалась одним лишь сбором сведений о настроениях населении. «В нее, – как отмечает американский исследователь, – также входило воздействие на политические настроения людей и доведение их до требуемого уровня посредством спонсируемых государством просветительных мероприятий. Вооружившись достижениями новейшей отрасли науки о человеке, специалисты по осведомлению из антисоветского лагеря предприняли попытку описать “психологическое состояние крестьянских масс” и стремились к “психологическому закреплению вновь занятой территории”».

В деле «доведения необходимой информации до населения» и организации культурно-просветительной работы формы и методы, применяемые антибольшевистскими правительствами, также напоминали те, что использовались и советской стороной. «Пропагандируя свои идеи, основанные, в соответствии с политикой нового образца, на верховенстве народа и методике просвещения, – констатировал Холквист, – белые прибегали к мерам, которые по традиции связывают только с большевиками. Они использовали избы-читальни, укомплектованные газетами и брошюрами (изданными, естественно, информационными отделами), агитпоезда, агитпароходы, официальные газеты и журналы и даже агитационные пьесы и фильмы. Сходство между

[1] *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения… С. 91.
[2] *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы» … С. 48–49.
[3] Там же. С. 49.
[4] Там же. С. 95.
[5] Там же.

белыми и красными заключалось не только в том, что они широко использовали афиши и плакаты, но и в том, что эти плакаты были похожи друг на друга, как по стилю, так и по содержанию».

В то же время следует признать, что модели осведомительной работы у белых и у красных все-таки отличались. Так, в Сибири эта правительственная практика хотя и включала меры надзора за настроениями населения и меры информационно-психологического воздействия на эти настроения, сочетая в себе, таким образом, элементы политического контроля и политической пропаганды, тем не менее имела свою специфику. В частности, в силу географических условий и ограничений кадрового и технического характера функция политического надзора была выражена слабее, чем в Советской России и даже на Белом Юге.

Подведем итоги. Любая политическая идеология – это относительно упорядоченная и внутренне связанная система политических идей. Ее воспроизводство происходит институционально и дискурсивно. Институционально идеология воплощается в «идеологических аппаратах государства» и связанных с ними политических, административных и культурных практиках. Государственная пропаганда – один из таких аппаратов, деятельность которых направлена на достижение и поддержание социальной гегемонии господствующей в обществе группы. Дискурсивно идеология представляет собой совокупность иерархически упорядоченных концептов, придающих смысл политическим действиям. В годы Гражданской войны и у красных, и у белых широкое распространение приобретает «осведомление» – идеологическая и административная практика, нацеленная на идейную мобилизацию населения.

1.2. Особенности дискурсивной репрезентации государственной власти антибольшевистских политических режимов востока России

«Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, – писал известный русский мыслитель Н.А. Бердяев, – власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит»[1].

На переломе эпох, которым для России стали события революции и последовавшей за ней гражданской войны, значение убеждения, роль устного и печатного слова многократно возрастают. «Теперь, – отмечала одна из сибирских газет осенью 1919 г., – в атмосфере гражданской войны у нас, в исчерпывающей сущности жизненного процесса, вовсе нет мирных граждан, непричастных к войне людей. Мы все «армия», ибо каждый из нас, как бы ни был он нейтрален и аполитичен, он все-таки принадлежит к той или иной партии. Как бы ни была слаба его политическая окраска, каждый из нас все-таки красный или белый! Но так как среди этой “армии” громадные массы населения не принимают в войне активного непосредственного участия, то они-то и создают или, по крайней мере, должны создавать ту психическую атмосферу, которая должна быть насыщена жаждой победы, уверенности в ней. Мы, воины гражданственности, должны проникнуться сознанием опасности момента и горячей веры в правоту своего дела. И такую атмосферу может создать яркое, убеждающее, всепроникающее слово, иначе говоря – пропаганда»[2].

К середине 1919 г. многие руководители и рядовые участники Белого движения настолько уверовали в силу и мощь пропагандистского воздействия, что «главную причину существования до сих пор большевистской власти» видели исключительно в «очень сильной и широкой агитации среди населения и красноармейцев агентами их строя». Они вполне серьезно полагали, что «большевистская власть существует до настоящего времени на основе полнейшего обмана русского народа, который привык всему услышанному верить и не думать о том, что может из этого получиться»[3].

«Еще лет 15 тому назад, – отмечала «Сибирская жизнь», – военные авторитеты утверждали, что в современной войне одним из главных, решающих факторов явится психическое состояние той или другой армии, той или другой страны. Ту же мысль высказал и Гинденбург своей фразой: “победит тот, у кого окажутся бо-

[1] *Бердяев Н.А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 188.
[2] *Восточный* курьер. 1918. 12 окт. (29 сент.).
[3] *Русский* голос. 1919. 31 (18) окт.

лее крепкие нервы". Большевики поняли всю важность этого положения и неотступно руководствуются им. Они не жалеют на агитацию ни сил, ни средств»[1].

В свою очередь, разрушающему воздействию большевистской идеологии и пропаганды лидеры Белого движения постарались противопоставить свое «убеждающее слово», воплощенное в «правильной» информации и осведомительной работе. В результате взаимодействия государственной власти в лице антибольшевистских политических режимов, сменявших друг друга на востоке России на протяжении второй половины 1918 – начала 1920 г., и общества здесь сформировался свой специфический политический дискурс (или, вернее, дискурсы), своя особая политическая лексика и правила ее употребления. Дискурс, в данном случае, это не только особый способ организации речевой деятельности, но и особый способ понимания и интерпретации окружающего мира, социальной и политической действительности.

С точки зрения коммуникатора, политический дискурс нацелен на пропаганду определенных идей, эмоциональное воздействие на аудиторию и побуждение ее к определенным действиям. Стратегическая задача – убедить население в преимуществах своей модели общественного развития, своего социального проекта; тактическая – сделать образ самой власти привлекательным, близким народу. В зависимости от той инстанции, которая выступала в качестве коммуникатора, а также от специфики отношений между адресантом и адресатом в политическом дискурсе Белого Востока можно выделить несколько уровней:

- институциональный политический дискурс;
- медийный политический дискурс;
- административный дискурс.

Кроме того, дискурсы можно сгруппировать по типу их идеологической направленности, определив несколько дискурсивных формаций:

- большевистский дискурс;
- дискурс «революционной демократии»;
- либерально-консервативный дискурс;
- дискурс правых.

Ключевую роль в политической коммуникации того времени, в борьбе конкурирующих в области политического убеждения дискурсов за гегемонию играла периодическая печать. «Основным результатом воздействия газетной информации на общество, – писал Л.А. Молчанов о российской прессе периода Гражданской войны, – было закрепление в сознании масс политических установок господствующих политических сил, что накладывало отпечаток на состав и содержание газетных материалов»[2]. Периодические издания того времени, по его мнению, включали в себя все жанры газетной публицистики: статьи и заметки, корреспонденции, обзоры, комментарии, газетную информацию, очерки, репортажи, фельетоны, а также произведения беллетристики, в основном рассказы и стихотворения. В прессе были представлены также сообщения собственных и специальных корреспондентов газет. «Такой широкий спектр публикуемых материалов, – отмечал Л.А. Молчанов, – способствовал более действенной мифологизации общественного сознания»[3].

Первостепенное значение в организации политической пропаганды как противоборства дискурсов приобретало целенаправленное использование языковых средств. Речь является тем инструментом, с помощью которого формируются, распространяются или видоизменяются идеи, формулируются, обосновываются или защищаются решения. Это инструмент, с помощью которого можно поднять людей на борьбу, вызвать ненависть, посеять страх. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что дискурс, в данном случае дискурс политический, не только отражает социальную и политическую действительность, но и в значительной степени ее формирует.

В переломные, революционные эпохи ключевое значение в политической деятельности приобретает борьба за «правильное» употребление ключевых политических понятий. Различные политические силы стремились доказать, что именно их словоупотребление является истинным, в то время как противники искажали смысл слов. Борьба за «правильное» использование ключевых политических понятий, фиксация их нового значения представляет собой не только борьбу за гегемонию в дискурсе, но и борьбу за формирование новой политической реальности. Не стал исключением и период революции и гражданской войны в России. В Сиби-

[1] *Сибирская* жизнь. 1919. 4 сент.
[2] *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2002. С. 177.
[3] Там же.

ри на искажение в употреблении некоторых слов еще летом 1917 г. обратил внимание томский профессор И.И. Аносов. В частности, речь шла о чрезмерно расширительном толковании слова «буржуй».

«В наследство еще от времен крепостного права, – писал Аносов, – нам остался антагонизм между «барином» и «народом»… Сейчас это антагонизм между буржуем и «трудящимся». Однако за все это время, при всем внутреннем разнообразии данной формулы, существовали непоколебимые признаки, коими отличались лица, входившие в ту или иную группу. Очки, шляпа, штиблеты и т.п. характеризовали «барина» во всем многообразии его превращений. Эти же признаки определяют и теперь буржуя. Под эту категорию занесены все, носящие очки и шляпы, шляпки и т.п. И им приходится во имя "классовой борьбы" выносить и выслушивать многое такое, чего им вовсе слушать и выносить не хотелось бы, и что не слушать и не выносить они вполне вправе»[1].

Таким образом, политический дискурс, вовлекая в свою орбиту слово из повседневного языка, принимает непосредственное участие в структурировании социальной реальности, порождая вполне конкретные сценарии поведения. «Все эти мысли (о словах), – отмечал в заключении своей статьи Аносов, – были у меня давно… А окончательно оформились они на первом заседании Сибирского областного съезда, когда какой-то лысоватый господин в публике объяснял двум девицам, ссылаясь на свой опыт сельского учителя, буржуазность, контрреволюционность и вообще непригодность педагогического персонала русских гимназий и университетских преподавателей, а несколько минут спустя некто в форме прапорщика с воодушевлением угрожал «демократии» цепкими руками буржуазии… Первого собеседницы слушали с вниманием, второму хлопала публика»[2].

В период господства большевиков томская «Земская газета» в разделе фельетонов опубликовала «Политический словарь», в котором с изрядной долей иронии, но довольно точно зафиксировала изменение значения многих политических терминов. Приведем несколько примеров: «Буржуи – все, за исключением рабочих, крестьян и солдат… Народ – нечто, целиком монополизированное большевиками и «левыми» эсерами... Реакционеры – все, кто против большевиков… Социалисты-революционеры – кандидаты на звание враги народа, если будут упорствовать в своей защите Учредительного собрания»[3].

Но это было лишь начало. В дальнейшем на страницах периодических изданий различной направленности (правительственных, партийных, военных, земских, кооперативных и иных) развернулась широкомасштабная, упорная, с переменным успехом борьба за «правильное» словоупотребление, за гегемонию в дискурсе. Характерным атрибутом этой борьбы стало использование эпитета «истинное» («истинный») в сочетании с целым рядом политических понятий (народоправство, патриотизм и т.д.). «Почти полтора года, – писал летом 1918 г. профессор Аносов, – у нас боролись и сменяли друг друга у кормила правления наши политические партии. То та, то другая гордо могла заявить, что она, и только она, является истинным отражателем народной воли, защитницей народных интересов и т.д.»[4].

В начале января 1919 г. «Народная газета» на своих страницах опубликовала «Карманный словарь», в ироничном ключе наглядно иллюстрирующий, какие смыслы стремилась навязать некоторым понятиям теперь уже колчаковская власть: «Блок (омский) – незамысловатая штука, придуманная для фабрикации общественного мнения… Народ – великий молчальник, именем которого все говорят… Партии – откуда все практические люди бегут как от чумы… Учредительное собрание – станция, через которую «проскочили» большевики слева в своем быстром беге в царство социализма и до которой боятся пуще огня доехать большевики справа»[5].

Пропагандистская коммуникация является разновидностью коммуникации политической и представляет собой двусторонний процесс (коммуникатор – реципиент). При этом и передающая информацию сторона и принимающая имеют достаточно представлений о самой ситуации, в которой происходит передача информации (знание контекста).

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1917. 6 авг.
[2] Там же.
[3] *Земская* газета (Томск). 1918. 25 янв.
[4] *Сибирская* жизнь. 1918. 8 июня.
[5] *Народная* газета (Томск). 1919. 1 янв.

Политическая пропаганда навязывает своей аудитории некоторый набор ценностей и установок, которые являются составной частью определенной картины мира. Следовательно, пропаганда предлагает нам некоторые, особым образом интерпретированные представления о социальной реальности. Ценности и установки, представленные в пропагандистском дискурсе, не охватывают все стороны человеческого бытия. Пропагандистский дискурс не тотален, его тематический репертуар ограничен значимыми для коммуникатора в данной политической ситуации проблемами. Но само дискурсивное пространство вписано в определенную картину мира, образующую своеобразный контекст для политической коммуникации. Речь в данном случае идет не о когнитивных моделях вполне реальных коммуникативных ситуаций, а о субъективных интерпретациях, воображаемой среде, в которой логика пропаганды выглядит безупречно.

Важной составляющей легитимации власти новых политических режимов была конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине. Ключевым моментом этого процесса является идеологическое обоснование формирующегося порядка, его преимуществ относительно других потенциально возможных моделей общественного развития.

Кроме того, в ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Зададим вопрос: какую идентичность конституировали и поддерживали антибольшевистские правительства, действовавшие на территории Сибири в годы Гражданской войны?

Первоначально, в ситуации кризиса и распада центральной власти, активизации политических сил на местах, на востоке страны предпринимались попытки актуализации региональной идентификации. Более того, в Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны.

20 апреля 1917 г. в Томске, в актовом зале университета, состоялось, по словам газеты «Голос свободы», «историческое заседание». Начало свою работу губернское народное собрание. «В первый раз за все время существования Российского государства, – писала газета, – собрались у нас, в Томске, для решения сложных вопросов политической и хозяйственной жизни края истинные, полномочные представители той сермяжной Руси, которая сотни лет не имела права голоса. Первый раз раздалось под сводами сибирского университета свободное слово новых строителей жизни»[1]. Значимость собрания подчеркнул в своем выступлении председатель временного комитета общественного спокойствия и порядка Б.М. Ган. «Граждане! – заявил он. – На мою долю выпала честь приветствовать от имени временного комитета *первое народное представительство* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*) в самом широком значении этого слова»[2].

На одном из заседаний, 10 мая 1917 г., делегаты приняли резолюцию «Об областной думе». «Губернское народное собрание, – говорилось в постановлении, – находит, что Сибирь, ввиду своей географической обособленности от Европейской России, ввиду своей обширности и совершенно обособленных этнографических, климатических и некоторых других местных условий, должна получить права самого широкого самоуправления. Не нарушая своей органической связи с Российской республикой, Сибирь должна иметь свою Всесибирскую областную думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири; в общегосударственных же вопросах Сибирь будет подчиняться общероссийским законам»[3].

18 мая, в последний день заседания губернского народного собрания, с докладом от комиссии по областному самоуправлению выступил помощник томского губернского комиссара Временного правительства М.Б. Шатилов. «Я обращаюсь к вам, – заявил он, – как к представителю сибирского крестьянства. Вы завершаете большую работу. 4 ½ млн населения ждут результатов ваших работ, вынесенных вами законов. Вы слышали неоднократно, что Сибирь от Челябинска и до Тихого океана представляет область, которая имеет свои нужды, свои интересы»[4]. От лица комиссии Шатилов предложил созвать в ближайшем будущем в Томске общесибирский съезд «для детальной разработки основных положений областно-

[1] *Голос* свободы (Томск). 1917. 22 апр.
[2] Там же.
[3] *Постановления* первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.). Томск, 1917. С. 26.
[4] ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.

го самоопределения Сибири», которые в дальнейшем предполагалось передать на рассмотрение Всероссийскому Учредительному собранию[1].

Инициативы Томского губернского народного собрания нашли одобрение и горячую поддержку со стороны признанного лидера сибирских областников Г.Н. Потанина. «Идея об областной думе, – писал он в статье «Прекрасный финал», – достаточно распространена по всей Сибири до Тихого океана. Сибирские города: Благовещенск, Верхнеудинск, Новониколаевск, Курган – высказались за федеративное устройство России: в этих заявлениях заключается мысль о сибирской областной думе… Нас нисколько не удивляет, что мысль об областной думе сочувственно принята томским народным собранием. Избранники народа, в течение месяца занимавшиеся обсуждением местных общественных нужд, осознали важное значение той работы, которую они произвели. Эта работа подняла их в их собственных глазах; они разъехались не теми людьми, какими приехали сюда… Им предлагается стать законодателями не одной только губернии, а целой области, в состав которой входит несколько губерний… Местный законодатель возводится в высший ранг, так как ему теперь придется обсуждать отношения своей области к остальному государству (отношения эксплуатируемой колонии к эксплуатирующей метрополии), то его будущая работа получит государственное значение»[2].

Полемизируя с социал-демократами (меньшевиками), выступившими против создания областной думы, Г.Н. Потанин указал на очевидные преимущества федеративного государства. «Федеративное устройство России, – полагал он, – создает богатую экономическую жизнь провинции. Многочисленные умственные центры покроют лицо России, и в провинциальных городах жизнь сделается столь же приятной, занимательной и умственно богатой, как и в столицах; при теперешнем же централистическом строе русскому человеку живется весело только в Петрограде и в Москве, в провинции же он скучает, живет и проклинает провинциальные будни»[3].

Федеративное государственное устройство, по его мнению, должно было положительно сказаться и на «культуре человеческой личности», приблизив законодательную власть к обывателю и превратив его в законодателя. «Совершившийся переворот, – отмечал Г.Н. Потанин, – переименовал обывателя в гражданина, но только переименовал, а не преобразовал. Когда мы обращаемся к аудитории с воззванием “Граждане!”, разве мы не чувствуем, что перед нами не граждане, а простые обыватели? Если мы видим из окна республиканскую демонстрацию, то разве мы не понимаем, что эти красные знамена с плакатами “Да здравствует демократическая республика” – несут и песню “Отречемся от старого мира” поют не ситуайэны, а давным-давно знакомые нам Петры Ивановичи Бобчинские и Петры Ивановичи Добчинские. Ближайшему будущему предстоит важная работа: преобразовать обывателя в гражданина. Эту работу совершит федеративный строй. Обыватель только тогда почувствует себя гражданином своей земли, когда приобщится к государственной деятельности в качестве законодателя»[4].

Главную задачу будущей областной думы Г.Н. Потанин видел в «выяснении конфликтов с государством и в открытии способов к их устранению». Приветствуя предложения Томского губернского народного собрания созвать общесибирский съезд и создать областную думу, он расценивал их как проявление «здорового инстинкта народа»[5].

Выполняя решение народного собрания, Томский губернский исполнительный комитет развернул организационную работу по созыву областного съезда, открытие которого было назначено на начало августа.

2 августа 1917 г. в Томске «обширный, светлый зал новой университетской библиотеки… стал наполняться делегатами областей, губерний и городов Сибири». «Назначенный час для открытия съезда давно миновал, – писала «Сибирская жизнь», – но все чего-то ждали, не решаясь объявить съезд открытым. Не верилось, что эта сотня собравшихся, среди которых так много знакомых томских лиц, есть всесибирский съезд, слово которого будет словом края, насчитывающего свыше ста миллионов квадратных верст и свыше десятка миллионов населения. Ожидавшие чего-то внушительного, торжественного были глубоко разочарованы»[6]. Один из делегатов профессор Левченко, указав на малочисленность собравшихся, предложил считать съезд «пред-

[1] ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
[2] *Потанин Г.Н.* Прекрасный финал // Сибирские записки (Красноярск). 1917. № 3. С. 153.
[3] Там же. С. 158.
[4] Там же. С. 159.
[5] *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 160.
[6] *Сибирская* жизнь. 1917. 4 авг.

варительным». На следующий день выяснилось общее количество полномочных делегатов – 63, в том числе 46 человек представляли Томск и Томскую губернию. В итоге, первоначально позиционировавшееся как «сибирский областной съезд», совещание обрело статус «сибирской конференции общественных организаций»[1]. Немногочисленность делегатов, по мнению одного из видных областников И.А. Якушева, была обусловлена, с одной стороны, «общей неопределенной политической обстановкой», вызванной июльским кризисом и поражением на фронте, а с другой – «спешной работой на местах по выборам в местные органы самоуправлений и подготовке к выборам в Учредительное собрание», что «требовало присутствия всех общественно-политических деятелей на местах»[2].

8 августа 1917 г. участники конференции принимают постановление «Об автономном устройстве Сибири». «Было бы совершенно неправильно, – утверждалось в нем, – рассматривать народное представительство Сибири как особый тип областного самоуправления. Последнее, как деятельность подзаконная, ничего общего с требуемым автономным устройством Сибири не имеет»[3]. Таким образом, на первый план выдвигалась идея широкой территориальной автономии. «Определяя взаимоотношение Сибири к России в ее целом, – отмечалось в постановлении, – мы находим, что Сибирь, в качестве автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, каковой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях»[4]. В то же время, считая необходимым создание «для Сибири народного представительства с самостоятельной властью», мы, подчеркивалось в постановлении, «отнюдь не посягаем на целость российской республики».

Предполагалось, что в дальнейшем, «при постепенном расширении областной автономии», Сибирь «сможет передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий ее отдельным областям и национальностям, заселяющим определенную территорию». Автономная Сибирь, следовательно, сама должна была трансформироваться в федерацию «областей и национальностей, пользующихся более или менее широкой автономией». Широкими правами планировалось наделить будущий сибирский парламент, в том числе в вопросах формирования местного бюджета, тарифной и переселенческой политики, народного образования, природопользования, общественной безопасности и т.д. В целом в постановлении был намечен лишь общий контур будущего общественно-политического устройства Сибири.

Свое дальнейшее развитие идея автономного устройства Сибири находит на Первом областном съезде[5], проходившем в Томске с 6 по 17 октября 1917 г. В последний день работы было принято положение об областном устройстве Сибири. «При единстве Российской республики, – отмечалось в положении, – отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем первый сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организации всей Российской республики на федеративных началах»[6]. Предполагалось, что высшим региональным законодательным органом станет Сибирская областная дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с «соблюдением начала пропорционального представительства». Высшей исполнительной властью планировалось наделить кабинет министров, ответственный перед Сибоблдумой.

Таким образом, летом – осенью 1917 г. «революционная демократия» определила основные ориентиры будущего общественно-политического устройства Сибири: «федеративное устройство» и «народовластие». Вокруг этих базовых политических ценностей организуются «узловые точки» нарождавшегося сибирского политического дискурса: *областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума*. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

---

[1] Подробнее о ее работе см.: *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 227–228.

[2] *Якушев И.А.* Февральская революция и сибирские областные съезды (К истории областного движения в Сибири) // Вольная Сибирь. Прага, 1927. № 2. С. 21.

[3] *Сибирская* жизнь. 1917. 13 авг.

[4] Там же.

[5] О его работе см.: *Шиловский М.В.* Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 42–57; *Он же.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 228–229; *Журавлев В.В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 3–4.

[6] *Сибирская* жизнь. 1917. 21 окт.

В начале декабря 1917 г. в Томске собирается Чрезвычайный сибирский областной съезд[1]. В день начала его работы эсеровская газета «Путь народа» писала: «Условия, при которых созывается этот второй чрезвычайный сибирский съезд, чрезвычайно тяжелы… Контрреволюция, свившая уже давно гнездо на Дону, начинает поднимать голову и в Сибири… Время не ждет. Необходимо дружно выступить на защиту завоеваний революции, сомкнуть единый революционный фронт»[2]. Съезд, как вспоминал видный областник И.И. Серебренников, должен был «выявить свое отношение к факту захвата большевиками государственной власти в России и приступить к организации сибирской краевой власти, которая должна была изыскать меры к спасению Сибири от надвигающегося разрушения ее хозяйственной и государственной жизни»[3].

В декларации съезда по текущему моменту говорилось: «В дни государственного распада, в дни гражданской борьбы и небывалой катастрофы Великого Российского государства – съезд полагает, что единственным источником зарождающейся общегосударственной власти, среди царящего безвластия, может быть только Всероссийское Учредительное собрание, пришедшее закрепить свободный и демократический строй великой Республики нашей и самоопределение всех народов и областей ее»[4].

В воззвании съезда, обращенном к народам Сибири, указывалось: «Чрезвычайный сибирский съезд в сознании необходимости безотлагательного решения глубочайшей ответственности и важности выдвинутых жизнью вопросов твердо решил приступить к организации временной всесибирской социалистической власти. Социалистическая власть Сибири, служащая интересам всех народностей и полагающая все свои силы на уврачевание хозяйственных, продовольственных и многих других недугов, должна сплотить всех трудящихся в мощном стремлении к лучшему будущему Сибири и всей России. Власть только тогда будет жить и питаться доверием народа, когда она будет истинно народной, когда она будет работать и творить все для народа и через народ»[5].

Принятая на съезде формула перехода предполагала, что до созыва Всесибирского Учредительного собрания «орган, контролирующий и законодательный, должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов». Исполнительная же власть «должна быть социалистической, причем в состав органа исполнительной власти могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда»[6]. Этой резолюцией, полагал И.И. Серебренников, съезд, «состоявший по своему партийному составу на 90% из социалистов и, в частности, из эсеров… отдал свою дань демагогии, надеясь в этой плоскости вышибить почву из-под ног большевиков и мало заботясь о принципах истинного народоправства»[7].

Сибирский политический дискурс, таким образом, получает дальнейшее развитие. Его новыми «узловыми точками» становятся *Учредительное собрание* (как источник легитимности) и *социалистическое правительство* (от народных социалистов до большевиков).

На съезде происходит размежевание с «цензовыми элементами», а лишенные права решающего голоса представители торгово-промышленных кругов покидают съезд. Обозначились разногласия и в стане областников. Как писал в своих воспоминаниях И.И. Серебренников, «у беспартийных областников стали возникать подозрения в том, что партия социалистов-революционеров пытается использовать областническое движение в своих интересах; отсюда возникла оппозиция притязаниям эсеров на гегемонию в областном движении и стремление областников стать на собственные ноги»[8]. Съезд, декларировавший необходимость «немедленно найти путь мира внутри страны и прекратить гражданскую братоубийственную войну», сыграл ключевую роль в поляризации политических сил Сибири. В то же время съезд, несмотря на настроения значительной части делегатов, официально не занял антибольшевистскую позицию.

---

[1] О его работе см.: *Шиловский М.В.* Декабрьский (1917 г.) Сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 59–67; *Он же.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 231–234.

[2] *Путь* народа (Томск). 1917. 6 дек.

[3] *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 311.

[4] *Путь* народа. 1917. 13 дек.; *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. Б. д. № 1.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 312.

[8] Там же. С. 291.

Четко выраженный *антибольшевистский* (но не антисоветский) *характер* региональной власти проявляется в заявлениях Сибирской областной думы. «Надежда всех областей и народностей, составляющих великую революционную Россию, отмечалось в декларации Сиблоблумы, – всенародное Учредительное собрание – преступно растоптано большевиками и так называемыми «левыми эсерами». То, что составляло мечту и цель многих революционных поколений в тяжелой борьбе с царизмом; то, что являлось единственным якорем спасения великой революции; то истинное полное народоправство, которое только и могло закрепить и углубить завоевания революции – разбито и предано большевиками»[1].

Образ областной власти, ее политический дискурс, как мы видим, со временем эволюционировал. С одной стороны, получила развитие сама идея особой сибирской государственности. «Идея организации Сибирского правительства, – писал Г.К. Гинс, – выросла постепенно. Сначала, в августе 1917 г., представители революционных демократических организаций Сибири созвали в г. Томске конференцию для обсуждения вопроса о создании в Сибири истинных основ народоправства, и здесь уже впервые стал на реальную почву вопрос о необходимости конструировать сибирскую власть на особых основаниях. Далее, в октябре месяце, созывается всесибирский съезд представителей тех же организаций, который уже решает созвать в декабре того же года чрезвычайный Сибирский областной съезд… На этом съезде уже прямо был поставлен вопрос о настоятельной необходимости организовать особую сибирскую власть для управления автономной Сибирью»[2].

Содержательно эволюционировал и сибирский политический дискурс, со временем наполнявшийся не только областнической, но и эсеровской риторикой. Формировавшаяся на его основе политическая идентичность приводит к дальнейшей поляризации сил. Как отмечал тот же Г.К. Гинс, «искусственность подбора представителей в Сибирской областной думе вооружила против нее значительную часть интеллигенции, особенно из партии народной свободы. Вызывала сомнения и сама идея сибирской автономии, которая казалась проявлением сепаратизма. Вооружились против думы и большевики»[3].

Летом 1918 г., после того как советская власть была свергнута, в Западной Сибири государственное строительство развивается в русле восстановления «попранных прав народовластия», «народоправства в лучшем смысле этого слова». На практике это означало попытку реализации эсеровской модели демократического государственного устройства.

«В области государственного устройства, – отмечалось в предвыборной платформе «Что будет отстаивать в Учредительном собрании партия социалистов-революционеров», опубликованной в конце октября 1917 г., – партия будет стоять за то, чтобы весь народ участвовал в управлении страной. Она будет требовать, чтобы было создано краевое и областное самоуправление, которое бы и решало все местные дела, чтобы страной не управляли чиновники из Петрограда, чтобы земское и городское самоуправление имело больше влияния на управление страной»[4].

В дальнейшем этот тезис получил подтверждение в решениях состоявшегося в мае 1918 г. VIII Совета ПСР. «Государственная власть, которая сменит власть большевистскую, – указывалось в «Резолюции по текущему моменту», – должна быть основана на началах народоправства. Очередной задачей будет при таких условиях восстановление разрушенных органов местного самоуправления»[5].

В том же духе выдержано и обращение Всесибирского краевого комитета ПСР «Ко всем рабочим и крестьянам». «Партия социалистов-революционеров, – говорилось в нем, – всегда указывала трудящимся и эксплуатируемым, что только через народовластие, построенное на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, трудящимся удастся осуществление их извечного идеала прийти в царство братства и справедливости, к социализму. И этот лозунг нашей партии мы выдвигаем с особенной силой теперь, когда ряды революционной демократии разрознены и разбиты. Немедленное восстановление всех органов народовластия, начиная с сельских и городских общин и кончая Всесибирским и Всероссийским Учредительным собранием, вот на каком требовании должны сплотиться рабочие и крестьяне. Вот где единственный выход для революционной демократии. Этот выход тем правильнее и вернее для дела укрепления завоеваний Российской революции, что только восстановление органов истинного народовластия сможет спасти в настоящий

[1] *Вестник* Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). 1918. 11 июля.
[2] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак… Т. 1. С. 53.
[3] Там же.
[4] *Партия* социалистов-революционеров : документы и материалы. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М., 2000. Т. 3, ч. 2. С. 33.
[5] *Голос* народа. 1918. 4 июня.

момент Россию от окончательного порабощения германскими хищниками, а Сибирь – от захватов с Востока. Только при всеобщей сплоченности, только при общепризнанных органах власти, опирающихся на весь народ, возможно создание мощи, способной противостоять вожделениям и наскокам международных хищников»[1].

В самом общем виде целевые установки и перспективы развития антибольшевистских государственных образований на территории Сибири были отражены в правительственных декларациях, воззваниях и заявлениях официальных, принадлежащих к верхнему эшелону власти лиц.

Уже в телеграмме уполномоченных Временного Сибирского правительства, направленной 28 мая 1918 г. из Новониколаевска в Томскую городскую думу и опубликованной в начале июня как правительственное воззвание в газетах «Сибирская жизнь» и «Голос народа», утверждалось: «Наши задачи – защита родины и спасение революции через Сибирское Учредительное собрание»[2].

30 мая в связи с распространением на местах самых разных слухов о новой власти уполномоченные Временного Сибирского правительства А. Сазонов, М. Линдберг и Е. Пославский обратились с воззванием к населению. «Задачей уполномоченных правительства, – указывалось в декларации, – является уничтожение советской власти, установление власти Временного Сибирского правительства, организация вооруженных сил и охрана жизни и достояния всех граждан»[3]. Законодательные мероприятия и реформы, как отмечалось в воззвании, в сферу компетенции уполномоченных не входят и могут быть «произведены лишь по установлении на территории Сибири власти Временного Сибирского правительства»[4].

В наиболее упорядоченном и концентрированном виде задачи новой власти были представлены в адресованном всем самоуправлениям циркуляре уполномоченных Временного Сибирского правительства от 31 мая 1918 г. Циркуляр был опубликован во многих сибирских газетах, его также рекомендовалось перепечатать в достаточном количестве экземпляров и распространить среди населения[5]. Основные задачи Временного Сибирского правительства были сформулированы следующим образом: «спасение страны от внешнего и внутреннего разгрома»; «соединение разрозненных большевистской властью частей России в единое целое»; «восстановление попранных прав народовластия»; «созыв Сибирского Учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права»; «установление твердого правопорядка, который обеспечит волю, свободу, труд и землю»[6].

На территории Западной Сибири «впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории» вся полнота власти перешла к коллегии уполномоченных Временного Сибирского правительства – Западно-Сибирскому комиссариату. Круг его полномочий был четко обозначен в декларации «Ко всему населению Западной Сибири»: «создание правильно организованной военной силы, достаточной для утверждения народовластия и охраны жизни и достояния граждан от всех покушений врагов демократического строя как извне, так и изнутри»[7].

В тот же день П.Я. Михайлов, выступая на заседании Томской городской думы, заявил: «Задачи Временного правительства: немедленное восстановление всех демократических учреждений, разрушенных большевиками, и принятие мер к скорейшему созыву Всесибирского Учредительного собрания»[8]. 25 июня 1918 г. на заседании Красноярской городской думы уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Н.В. Фомин также определил цели и задачи новой власти. «У Временного Сибирского правительства автономной Сибири, – заявил он, – две идеи – защита родины, и в частности Сибири, чтобы она не стала колонией того или иного иностранного капитала, и восстановление попранного большевиками народовластия»[9].

Таким образом, абсолютной политической ценностью на этом этапе государственного строительства признавалось народовластие. Правда, от слишком частого употребления смысл этого слова, особенно в политически малограмотной среде, начал искажаться, а само понятие толковаться чересчур расширительно. Этим, по мнению

---

[1] *Голос* народа. 1918. 6 июня.

[2] *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 29.

[3] *Народная* Сибирь (Новониколаевск). 1918. 1 июня; *Омский* вестник (Омск). 1918. 18 (5) июня; *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 40–41.

[4] *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 41.

[5] *Сибирская* жизнь. 1918. 19 июня.

[6] *Омский* вестник (Омск). 1918. 15 (2) июня; *Сибирская* жизнь (Томск). 1918. 19 июня; *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 44–45.

[7] *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства… С. 57.

[8] *Голос* народа. 1918. 4 июня.

[9] *Воля* Сибири (Красноярск). 1918. 27 июня.

редактора томской «Народной газеты» Д. Розенберга, во многом объяснялось, почему «многие из народа так быстро и легко поверили большевикам, что народовластие – буржуазная, мол, выдумка, а рабочим и крестьянам нужна лишь советская власть»[1]. Даже многими сторонниками народовластия, писал Розенберг, оно понималось неправильно. «Они, – указывал Розенберг, – думают, что народовластие есть власть народа в том смысле, что каждая часть народа, скажем, каждое собрание граждан, каждая деревня или волость, имеют всю полноту власти – и могут делать все, что им вздумается»[2]. Так понимать народовластие, считал он, нельзя, «это не только неправильно, но и очень опасно», поскольку грозит появлением в России «сотни тысяч властей». Народовластие, разъяснял Розенберг, «есть власть, избираемая в определенном порядке всем народом». «Власти, таким образом, – указывал он, – народ сам не осуществляет: весь народ в целом собираться и законодательствовать или править страною не может, а части народа власть не принадлежит, ибо власть не предмет, который может быть поделен между разными гражданами. Народ осуществляет свою власть через своих избранников»[3]. Граждане же должны беспрекословно подчиняться всем законам, исходящим от выборных представительных органов. Однако на новых выборах, если народ остался недоволен своими избранниками, он может выбрать других. Именно в таком смысле понятие «народовластие» периодическая печать стремилась зафиксировать в сознании населения.

Свое значение базовый концепт «народовластие» в дискурсе «революционной демократии» получает в комбинации с такими ключевыми знаками, как «местное самоуправление», «Учредительное собрание», «единый демократический фронт». Все три основные задачи, стоявшие перед Западно-Сибирским комиссариатом: вооруженная борьба с большевиками, восстановление земских и городских самоуправлений как фундамента народовластия и созыв Сибирского Учредительного собрания, – были связаны с установлением народовластия и борьбой с его противниками.

Свою первоочередную задачу уполномоченные Временного Сибирского правительства видели в организации местной власти. В воззвании «К населению», подписанном уполномоченными ВСП А. Сазоновым, М. Линдбергом и Е. Пославским в Новониколаевске еще 30 мая, говорилось: «Во всех местностях, занятых войсками правительства, заведование местными делами передается местным земским и городским самоуправлениям, избранным всеобщим голосованием»[4].

31 мая на места был разослан специальный циркуляр, согласно которому всем сельским, волостным и городским народным собраниям надлежало принять дела от исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов[5]. «Абсолютно во всех городах, от Читы до Екатеринбурга, – заявил П. Михайлов, выступая на заседании Томской городской думы, – вся власть до полного восстановления демократических учреждений будет находиться в руках Временного Сибирского правительства, в лице его уполномоченных. Когда же сконструируются земства, городские думы, соответствующая власть, подлежащая им, перейдет им в руки»[6].

1 июня последовала декларация ЗСК «Ко всему населению Западной Сибири». Уполномоченные Временного Сибирского правительства, отмечалось в ней, «организуют местные губернские, уездные и городские эмиссариаты, на обязанности которых лежит восстановление органов местного самоуправления в законно избранном их составе там, где выборы были уже произведены, и производство выборов на основании существующего избирательного закона в тех местностях, где выборы эти почему-либо не имели места». С возобновлением деятельности демократически избранных муниципалитетов предполагалось немедленно передать им «всю полноту местной власти». Таким образом, земства на этом этапе рассматривались центральной властью как важное, если не ключевое, звено всей системы управления.

«Земство, – отмечала «Народная газета», – это *действительно народная власть*, избранная *всем населением без исключения* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*), путем всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права… и дающая во всем полный отчет народу – крестьянам, рабочим и всем гражданам, во всех своих действиях, во всех расходах – до последней копейки»[7]. Демократическая печать противопоставляла земства больше-

[1] *Народная* газета. 1918. 7 июля (24 июня).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства… С. 40.
[5] Там же. С. 45.
[6] *Голос* народа (Томск). 1918. 4 июня.
[7] *Народная* газета. 1918. 21 (8) июня.

вистским Советам, которые расценивало как «господство кучки людей, действовавших путем насилия, ради корысти и обогащения, безответственно хозяйничавших и никому не дававших отчета»[1]. Земства же, с точки зрения «революционной демократии», являлись воплощением народовластия. «Через земство *сам народ, в лице своих избранных, управляет собою*, своими делами, – писала по этому поводу «Народная газета», – устраивает свою жизнь, как он хочет, чтобы жилось всем свободно и привольно. Это есть настоящее *народное управление*, правление, в котором участвуют сами трудящиеся. Поэтому оно правильно называется *самоуправлением*, потому-то земство и есть местный орган *народовластия* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*)»[2].

На демократический характер земств обращал внимание «Голос народа». «Принцип, на котором построено наше местное самоуправление, – отмечалось в газете, – есть принцип народоправства. К выборам в органы городского и земского самоуправления привлечен весь народ. Всем группам населения, благодаря принципу пропорциональности выборов, обеспечивающему права меньшинства, предоставлена возможность плодотворного и деятельного участия в работе городских муниципиций и земств»[3].

С точки зрения новой власти, решение задачи по восстановлению местного самоуправления существенно упрощалось в связи с прошедшими осенью 1917 г. по всей Сибири выборами в городские думы, волостные, уездные и губернские земства. «Эти самостоятельные органы местного земского и городского управления, – сообщала красноярская газета «Воля Сибири», официальное издание Енисейского губернского комиссариата, – были выбраны на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Сибирское население выразило свою волю путем этих выборов, и, следовательно, люди, выбранные в эти органы, остаются избранниками, доверенными лицами всего населения. Поэтому для организации местного самоуправления на основах народоправства достаточно только восстановить деятельность этих уже сформированных и только разогнанных советской властью учреждений в том самом [состоянии] в каком они были избраны». Правительство при этом, по мнению «Воли Сибири», «не может посягнуть на удаление или перевыборы народных представителей», не исключая и тех случаев, когда «большинство в земских и городских самоуправлениях оказалось в руках большевиков»[4].

Таким образом, отчетливо наблюдается стремление умеренных социалистов восстановить органы земского и городского самоуправления в прежнем составе. То есть в том составе, когда благоприятно сложившиеся летом – осенью 1917 г. условия обеспечили эсерам значительное количество мест. Перевыборы же могли изменить расклад сил в пользу более правых – «государственно мыслящих элементов». В итоге скрытое, завуалированное желание умеренных социалистов сохранить властные позиции на медийном уровне облекалось в благородную идею «восстановления попранной демократии и истинного народоправства».

Особую, знаковую роль в политическом дискурсе «революционной демократии» играл концепт «Учредительное собрание». «Борьба с большевиками шла и идет под лозунгом Всероссийского Учредительного собрания, – констатировала газета «Голос народа». – Восстановление Всероссийского Учредительного собрания определяет собою все содержание того строя, который должен заменить собою «советскую республику», выродившуюся в диктатуру небольшой группы, даже отдельных лиц»[5].

С одной стороны, Учредительное собрание рассматривалось как выход из тупика, в котором оказалась страна. «Действительный хозяин земли русской Всероссийское Учредительное собрание – вот кто скажет свое веское слово о судьбах страны, – писал «Голос народа». – Вокруг Всероссийского Учредительного собрания должны будут объединиться все-все силы народа, и это положит предел всяким толкам и разговорам о составе и характере власти»[6]. Именно с Учредительным собранием «революционная демократия» связывала надежды на возрождение страны. «Восходит всероссийское солнце – общенародное Учредительное собрание, – патетически восклицала «Народная газета», – и посылает свои живительные и освежающие лучи во все уголки нашей многострадальной родины. Еще несутся черные кровавые тучи, готовые проглотить, заслонить от нас его, но надо надеяться, что это уже последние тучи, рассеиваемые бурей… бурей народного гнева и возмущения.

---

[1] *Народная* газета. 1918. 21 (8) июня.
[2] Там же.
[3] *Голос* народа. 1918. 23 июня.
[4] *Воля* Сибири. 1918. 22 июня.
[5] *Голос* народа. 1918. 20 июня.
[6] Там же. 18 июня.

Прояснится российское небо, и заиграет во всем своем блеске солнце в наши окошки. Вновь собрана будет русская земля под властью Всероссийского Учредительного собрания»[1].

С другой стороны, для «революционной демократии» Учредительное собрание являлось символом надежды на светлое будущее, олицетворением грядущего. «Народ русский, – писала «Народная газета», – свергнув ненавистное самодержавие, должен теперь самоопределиться и создать такие формы государственного устава, при которых он мог бы чувствовать себя не только господином положения, но и творцом новой, более справедливой свободной жизни. Учредительное собрание должно явиться основанием к этому и волю народа превратить в законы для всех граждан, населяющих Россию… Учредительное собрание – это якорь спасения, который соберет вокруг себя самые здоровые демократические силы и восстановит равновесие в жизни погибающей России»[2].

С приходом к власти Временного Сибирского правительства набор базовых политических ценностей: народоправство, национальная государственность и правопорядок, – не изменился. «Избранное Сибирской областной думой правительство в лице Совета министров, – указывалось в грамоте Временного Сибирского правительства от 30 июня 1918 г., – вступая в верховное управление страной, в полном сознании стоящих перед ним исторических задач, неуклонно пойдет по пути создания и укрепления на всей территории Сибири, как нераздельной части Великой Всероссийской Демократической Республики, незыблемого правопорядка и мощной государственности»[3]. Омское правительство, таким образом, признавало Сибирь частью России.

Не было забыто и «народоправство». В той же грамоте Совет министров призывал «все население, без различия национальностей, классов и партий, все государственно мыслящие элементы, всех, кому дороги возрождение России и свобода Сибири, объединиться вокруг правительства в его государственном строительстве на предуказанных Сибирской областной думой началах народоправства». Правда, со временем сходит на нет революционная риторика, и из политического лексикона постепенно исчезает «Всесибирское Учредительное собрание». Кроме того, корректируется и смысловое содержание идеологических концептов «национальное государство» и «правопорядок».

Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. «После изгнания Авксеньтьева, – писал П.Н. Милюков, – умеренная часть эсеров совершенно стушевалась, а среди кадетов, после ухода Виноградова, окончательно возобладали правые настроения. Элементы возможного умеренного центра были отброшены переворотом 18 ноября к противоположным полюсам политической жизни. На сцену выступили крайние фланги, немедленно вступившие друг с другом в самую острую борьбу»[4].

Похожую оценку ноябрьского переворота дает и М.В. Вишняк, который охарактеризовал его как поворотный пункт в истории Гражданской войны. «После 18 ноября 1918 г., – отмечал он, – по-иному переставились участвовавшие в борьбе против большевиков силы, по-иному и надолго установились отношения между партиями, до того более или менее согласно выступавшими против советской власти»[5]. Происходит и определенная переоценка политических ценностей.

Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак обозначил вначале в своем обращении «К населению», а затем во время встречи с представителями прессы. В обращении, опубликованном «Правительственным вестником» 20 ноября, задачи нового политического режима были сформулированы кратко, в самом общем виде. «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности, – заявлял Колчак. – Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»[6]. Более детально задачи верховной власти, ее идеологические ориентиры были изложены Верховным правителем в беседе с журналистами, состоявшейся 28 ноября. Таким образом, с одной стороны, на первый план выходят задачи воссоздания «русской государственности» и защита

[1] *Народная* газета. 1918. 18 (5) июля.
[2] Там же. 30 (17) июня.
[3] *Временное* Сибирское правительство… С. 102.
[4] *Милюков П.Н.* Россия на переломе: в 2 т. Париж, 1927. Т. 2. С. 53.
[5] *Вишняк М.В.* Из истории гражданской войны // Современные записки. 1932. № 48. С. 390.
[6] *Правительственный* вестник. 1918. 20 нояб.

«державных интересов России». На деле это означало, что прежняя, основанная на ценностях сибирского областничества официальная риторика Омского правительства уступает место общероссийской гражданской идентичности. Один из главных идеологов Омского режима Н.В. Устрялов справедливо заметил: «Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступать. Но ведь и сама личность Колчака была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное «крепким сибирским корням», Омск не мог себе не ставить всероссийских задач, они навязывались ему сами, логикой всероссийской революции»[1].

С другой стороны, в публичном пространстве дискурс «революционной демократии» окончательно сдает свои позиции стремительному натиску «государственно мыслящих элементов», а демократические идеалы приносятся в жертву политической целесообразности «настоящего момента». «Когда Россия замучена всесторонней разрухой и безвластием, – отмечалось в передовице с характерным названием «Наш манифест» рупора сибирских кадетов, газеты «Сибирская речь», – мы видим единственное спасение в сосредоточении всего внимания государственно разумеющих сил на укреплении сильной единоличной власти в государстве, которая системой быстрых, твердых и, когда надобность укажет, неумолимо суровых мер введет в границы взволнованное море безначалия и, утвердив на русской земле порядок, откроет саму возможность государственного строительства в России»[2].

Выстраивая свою «осведомительную» деятельность, официальные и проправительственные издания востока России стремились сформировать особую картину мира и распространить в рамках этой картины необходимый, по их мнению, набор ценностей и установок, закрепив при этом за собой право на их интерпретацию. Данная картина мира выстраивалась в соответствии с ключевыми идеологическими доминантами, образующими смысловой каркас избранной модели («Национальное государство»). В настоящее время известно несколько форм экспликации таких смысловых доминант – идеологема, мифологема, концепт, нарратив, реконструировать которые возможно при рассмотрении материалов правительственной и официозной периодики. Моделирование и анализ данных элементов позволяет рассмотреть и уточнить содержательную составляющую государственной идеологии; выявить стратегии и тактики представления идеологических установок в пропагандистских текстах; зафиксировать те политические мифы, которыми оперировала антибольшевистская пропаганда для создания положительного образа политических режимов востока России и конструирования новой национально-государственной идентичности.

Анализ официальной и проправительственной периодической печати, выходившей на востоке России в годы Гражданской войны, позволяет выделить несколько ключевых форм дискурсивной репрезентации национальной идентичности.

1. Само формирование национально-ориентированной «Мы-группы» происходило через *жесткое структурирование политического пространства*. Успех идеологического воздействия, его мобилизационная эффективность во многом зависят от того, каким образом государственная власть сформулирует общие цели своей деятельности, насколько они близки и понятны населению, отвечают его настроениям и интересам. Именно на основе совпадения интересов и единства цели происходит формирование политической общности «Мы» и противопоставление ее враждебной «Они». При этом следует понимать, что и у того («белые») и другого («красные») сообщества имелось четко выраженное ядро – люди, составлявшие идейную основу движения. Достижение согласия между этими «ядрами» было принципиально невозможно ввиду непримиримости целевых установок. Кроме того, имелась довольно зыбкая, неустойчивая, колеблющаяся периферия, которую составляла основная часть населения бывшей Российской империи, где были потенциально СВОИ и потенциально ЧУЖИЕ.

В Сибири основная цель антибольшевистского движения, организационно оформленного в несколько сменяющих друг друга политических режимов, на протяжении всей Гражданской войны оставалась неизменной. Это бескомпромиссная борьба с «большевистским игом» до полной победы. Такая установка четко прослеживается во всех официальных декларациях и воззваниях Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала Колчака правительств. Именно через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать востока России очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества, выстраивала своеобразные идентификационные коридоры:

«Мы» («все честные граждане России») – «Они» (наши враги – большевики)

---

[1] *Устрялов Н.В.* 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 228.
[2] *Сибирская* речь (Омск). 1919. 1 (14 янв.).

Пропаганда Белого Востока представляла большевиков «врагами народа», «узурпаторами», «путем обманчивых обещаний и насилий» захватившими власть над русской землей, разрушившими «целостность и единство государства Российского» и подвергнувшими «величайшей опасности свободу и независимость российских граждан». «Большевистская власть, – отмечалось, в частности, в обращении Временного Всероссийского правительства к правительству США, – исповедующая на словах демократические принципы, на деле попирает их ногами и осуществляет лишь партийную диктатуру. Всеобщее избирательное право, основа истинного демократизма, уничтожено. Разогнано избранное на основе этого права Учредительное собрание, а также городские и земские самоуправления»[1].

Установленная большевиками власть именовалась «кошмарным гнетом», «новым самодержавием», «преступной», «самочинной» и «безответственной». На них возлагалась ответственность за развязывание гражданской войны и террор. «Этот режим вызывает неукротимую оппозицию со стороны наиболее сознательных слоев населения, – указывалось в опубликованном в конце февраля 1919 г. правительственном сообщении, – и советской власти приходится поддерживать его тремя чудовищными средствами: голодом, террором и гражданской войной. Голодом она загоняет на службу в свои учреждения обессилевшую интеллигенцию; террором, неслыханно жестоким и беспощадным, подавляет массовые движения и истребляет все наиболее стойкое и сильное, а гражданской войной, провозглашаемой как постоянный принцип жизни, искусственно раздуваемой и расширяемой, она поддерживает разделение и бессилие враждующих групп»[2].

В своих воззваниях к населению правительства Белого Востока выражали твердую уверенность в том, что «всем опостылевшая большевистская власть» решительно отвергается всеми слоями и классами российского общества. «Временное Всероссийское правительство, – указывалось в адресованной «ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского» грамоте Директории, – глубоко верит, что все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороне германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководительством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу исстрадавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения»[3].

В такой ситуации, полагало политическое руководство Белого Востока, «цель, которую ставит себе правительство, должна стать общей целью честных граждан России – освободить страну от большевистского гнета, спасти последние остатки народного достояния и приступить затем в полном порядке и разумно к переустройству народной жизни»[4]. Любые переговоры, перемирие, компромисс с большевиками были невозможны. Непоколебимость такой установки наиболее отчетливо выразил адмирал А.В. Колчак в своем воззвании к населению летом 1919 г. «Я, – говорилось в этом документе, – обращаюсь к населению свободной от гнета комиссаров России: мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами. Против нас нет честных способов ведения борьбы: есть путь мучения безвинных, насилия над беззащитными и всеобщее разграбление. И укрыться от борьбы и ее последствий нет возможности, пока враг не уничтожен»[5].

Кроме того, довольно часто пропагандисты прибегали к использованию контрастных альтернатив. Так, сравнивая Россию с былинным богатырем с картины Васнецова «Витязь на распутье», газета «Голос сибиряка» отмечала в начале 1919 г.: «С одной стороны, перед ней «революционный» путь, продолжение того, каким шла она в истекшем году, обильно политый кровью, усеянный острыми камнями злобы и ненависти, с другой – новый, ведущий не к разрушению, но к созданию, сохранению того, что есть… Возьмет ли она в руки красный флаг интернационала или поднимет милый русскому сердцу национальный бело-красно-синий?» [6].

---

[1] *Вестник* Временного Всероссийского правительства. (Омск). 1918. 8 нояб.
[2] *Правительственный* вестник. (Омск). 1919. 21 февр.
[3] *Вестник* Временного Всероссийского правительства. (Омск). 1918. 6 нояб.
[4] *Правительственный* вестник. (Омск). 1919. 14 янв.
[5] *Правительственный* вестник. (Омск). 1919. 26 июля.
[6] *Голос* сибиряка (Екатеринбург). 1919. 1 янв.

Подобную метафору использовал и публицист В. Покровский. В статье «Памятная годовщина» он писал: «Многострадавшая от самодержавия, растоптанная сапогами пьяных комиссародержавцев и немецких шпионов, она пришла, наконец, к тому часу своего существования, когда надолго решается ее судьба, когда лежит перед ней несколько путей, несколько дорог. Одни скользкие и заманчивые – вниз. Другие узкие, тяжелые, затруднительные вверх – к свободе, мирному труду и благосостоянию» [1].

Политически активный «Гражданин» – безучастный к судьбе Родины «Обыватель»

Кроме того, новая власть столкнулась с пассивным, индифферентным отношением города и деревни к правительству и его мероприятиям, с тем страшным для любого политического режима явлением под названием «обыватель». «Странное и, говоря по совести, сквернейшее существо – это наш многоликий дряблый кислый обыватель, – отмечала «Народная Сибирь». – Он только и делает, что от зари до зари надрывно канючит. Канючит и поет, словно черти жилы из него тянут. Он всегда и всем недоволен. Все критикует, ко всему прикладывает свой замызганный обывательский аршин… Вечером в 9 ч. наглухо закрываются ставни, спускаются с цепи собаки, – вот и вся защита, а что дальше там, что бог даст или… моя хата с краю»[2].

В прессе официального направления равнодушный, безучастный обыватель противопоставлялся деятельному и сознательному гражданину. «Гражданин думает об общем благе, – писала по этому поводу «Народная газета», – обыватель – только о собственном. Гражданин заботится о своем государстве, о своей стране, о родине; обыватель лишь о своей хате, своей семье, своих делах. Гражданин свое свободное время посвящает служению обществу, государству, народу; обыватель свой досуг убивает в сплетнях, болтовне, пустых играх и… попойках»[3].

Цивилизация и право – варварство, беззаконие, грубая сила

Мировая и гражданская войны рассматривались как столкновение «двух культур, даже двух миросозерцаний». На одном полюсе, по мнению белых, находились Западные демократические страны – «носительницы старой европейской культуры», с примкнувшими к ним противниками большевизма. На другом – Германия и большевики. «Большевизм и германизм, – по мнению редакции газеты «Военные ведомости», – родственные по психике, тесно связанные между собою, как проявления одного и того же материалистического понимания мира, права «силы и меча», права только одной стороны (народа или класса) на мировое господство – ныне всем миром признаны как зло»[4].

Заявления о верности антибольшевистских сил странам Антанты, адресованные как союзникам, так и собственно населению России, выступали средством выстраивания коллективной идентичности на основе утверждений «мы – европейцы», «мы – полноправные участники сообщества демократических, цивилизованных стран». Победа стран Антанты в мировой войне трактовалась белыми как победа демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Г.К. Гинс, выступая с речью на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия»[5]. Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав рассматривалось как вполне закономерный итог войны. Окончательное установление мира в Европе связывалось с разгромом большевиков при активном участии союзных стран. Пока же Россия, «претерпев всю тяжесть большевистских бесчеловечных преступлений», являлась, по мнению белых, тем буфером, который неоднократно спасал Европу от ужасов разрушения ее культуры»[6]. Таким образом, в рамках выстраивания оппозиции «союзники и белые – Германия и большевики» осуществлялось конструирование положительного образа антибольшевистских режимов Белой Сибири, а также происходил поиск обоснований для вмешательства стран Антанты в гражданскую войну в России на стороне белых.

Лидеры и идеологи Белого движения не только стремились доказать необходимость союзной помощи антибольшевистскому движению, но и рассматривали социальное и политическое устройство стран Антанты как образец для подражания, призывая использовать опыт «просвещенного Запада» при построении новой государственности. «Мы должны помнить, что культурные ценности, данные миру Англией и Францией, никогда не

[1] *Надежда* России (Новониколаевск). 1919. 7 авг.
[2] *Народная* Сибирь (Новониколаевск). 1918. 26 июня.
[3] *Народная* газета (Томск). 1919. 16 марта.
[4] *Военные* ведомости (Новониколаевск). 1919. 29 июня.
[5] *Правительственный* вестник (Омск). 1918. 29 нояб.
[6] *Военные* ведомости. 1919 (Новониколаевск). 12 июня.

утратят своей силы и потому не перестанут освещать мир своим ярким светом. И нам, вступившим в семью европейских культурных народов слишком поздно и отставшим в своем развитии, необходимо быть поближе к этому свету, в особенности сейчас, когда мы так жестоко потратили и то немногое, что имели», – отмечалось в кадетской газете «Свободный край»[1].

2. Для конституирования и репрезентации национальной идентичности особую значимость имело *транслирование* официальной и проправительственной периодической печатью антибольшевистского Востока *консолидирующих «Мы-группу» ценностей.*

Выше уже говорилось, что базовые ценности Российского правительства адмирал А.В. Колчак проговорил в первом же своем обращении «К населению», а также на встрече с представителями прессы 28 ноября 1918 г. На основании этих материалов, а также более поздних выступлений Верховного правителя складывается вполне определенное представление об идеологической направленности колчаковского режима.

Во-первых, это *политический центризм* как основа государственного курса. «Я сказал, “я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности”. И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом, – заявлял адмирал А.В. Колчак. – Я сам был свидетелем того, как гибельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И, конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным»[2].

Во-вторых, это *бескомпромиссная борьба с большевиками*. «Мне нет нужды говорить о том, какой вред принесли эти люди для России, – заявил А.В. Колчак на встрече с представителями прессы. – Вот почему и дело восстановления Родины не может не быть связанным с беспощадной, неумолимой борьбой с большевиками. Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась русская земля; только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности»[3].

Твердую уверенность в невозможности каких-либо переговоров с Советской Россией и ее политическими лидерами адмирал А.В. Колчак выражал и позднее. «Вопрос должен быть решен только одним способом – оружием и истреблением большевиков, – подчеркнул Верховный правитель в Екатеринбурге в конце февраля 1919 г. – Эта задача и эта цель определяет характер власти, которая стоит во главе освобожденной России, власти единоличной и военной»[4].

В-третьих, это *демократическое государственное устройство*. «С глубокой искренностью скажу вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжкой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании»[5], – говорил А.В. Колчак на встрече с представителями прессы в конце ноября 1918 г. Демократическое государственное устройство Верховный правитель связывал с развитием местного самоуправления. «Новая свободная Россия, – отметил он, выступая в Екатеринбурге, – должна строиться на фундаменте единения власти и общественности… Я и правительство, мною возглавляемое, отчетливо представляем себе всю тяжесть условий, в которых приходится начинать свою созидательную работу молодой русской общественности. В программу правительства входит поэтому как широкая помощь земствам и городам в деле выполнения ими задач общегосударственных, так и оказание им содействия всякого рода по восстановлению разрушенного хозяйства и развитию муниципальных предприятий»[6].

В-четвертых, это *порядок и законность*. На протяжении всего правления А.В. Колчак позиционировал себя как «сторонник порядка и государственной дисциплины». «Порядок и закон, – говорил он вскоре после переворота, – в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом. Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного

[1] *Свободный* край (Иркутск). 1919. 27 апр.
[2] *Правительственный* вестник (Омск). 1918. 30 нояб.
[3] Там же.
[4] *Правительственный* вестник. 1919. 26 февр.
[5] Там же. 1918. 30 нояб.
[6] *Правительственный* вестник. 1919. 26 февр.

строительства, но и возрождению Родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков»[1].

В будущем, считал Колчак, законность и порядок должны были составить фундамент «великой, свободной демократической России». В своем же настоящем основную угрозу установлению в стране правопорядка он видел в «большевизме справа». «Большевизм справа, – отметил он в своем выступлении в Екатеринбурге, – как отрицание морали и долга перед родиной и общественной дисциплины, базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева имеет общего с демократизмом, подрывающим государственные основы страны, еще много времени после этого потребует упорной борьбы с собой»[2].

Первостепенную задачу возглавляемого им правительства Колчак видел в создании сильной боеспособной армии. «Без армии нет государства; без армии нет возможности охранять достоинство и честь родины, – утверждал Верховный правитель. – Печальный развал армии на фронте в прошлом году лучше всего подтверждает мою мысль. Если интеллигенция является мозгом страны, то армия является источником ее силы и крепости»[3].

Другой ближайшей задачей, стоявшей, по мнению Колчака, перед Российским правительством и неразрывно связанной с воссозданием армии, являлось «соглашение с остальными государственными образованиями, которые стремятся в разных областях освобожденной от большевиков России охранить русскую государственность». «К этому соглашению, – заявлял Верховный правитель, – должны быть приложены все усилия, чтобы державные интересы России не пострадали и не умалились, и мне думается, что и здесь единоличная форма власти в такой переходный период облегчит соглашение между людьми, стоящими во главе отдельных правительств»[4].

Только после объединения всех российских территорий в единое государство, только после создания в стране «нормальных условий жизни», воцарения законности и порядка, могут, полагал Колчак, быть «поставлены на очередь и те вопросы, которые, вне всякого сомнения, вполне законно волнуют разные общественные круги, – именно, вопросы о том, какой же образ правления будет в конце то концов установлен в России». Решить же этот вопрос было правомочно только Национальное собрание.

«Я избегаю называть Национальное собрание – Учредительным собранием, – заявлял А.В. Колчак после переворота, – так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного собрания собралось партийное, которое запело интернационал, и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я и говорю о созыве Национального собрания, где народ в лице своих полномочных представителей установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России. Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное собрание»[5].

3. Существенную роль в коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России играли *встроенные в пропагандистский дискурс идеологически маркированные истории, рассказы, повествования.* Рассмотрим, как работал такой идентифицирующий механизм на примере повествования, прослеживающегося в официальной и проправительственной периодической печати, выходившей на территории, подконтрольной Временному Сибирскому, Временному Всероссийскому и Российскому правительствам на протяжении всей Гражданской войны. Но вначале небольшое отступление.

«Пришла, наконец, она, долгожданная радостная весть, которая всколыхнет всю Россию, зажжет огнем высокого воодушевления все патриотически настроенные сердца. Получено телеграфное сообщение о решении Версальской конференции – послать немедленно через Германию в Россию союзные войска для скорейшей ликвидации большевизма… Брошенные с Запада союзные войска, действуя в возможно полном контакте с армиями, движущимися с севера, с юга и востока, охватят большевистско-мадьярские банды со всех сторон, и в самом ближайшем будущем будут нанесены большевизму последние смертель-

[1] *Правительственный* вестник. 1918. 30 нояб.
[2] Там же. 1919. 26 февр.
[3] Там же. 1918. 30 нояб.
[4] Там же.
[5] Там же.

ные удары»[1], – так в конце 1918 г. газета «Русская армия» рисовала картину предстоящего скорого излечения страны от «ужасающей болезни» – «большевистской заразы».

На протяжении всей Гражданской войны стратегия антибольшевистских сил строилась на поддержке извне. Главным образом речь шла о различных формах помощи стран Антанты – союзников России в Первой мировой войне. Официальное признание великими державами могло придать легитимность контрреволюционным политическим режимам, обеспечить решающие экономические и военные преимущества в борьбе с большевиками, гарантировать возвращение России в цивилизованное мировое сообщество.

10 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство выступило с обращением к союзным державам. «Близится день, – указывалось в нем, – когда Сибирская армия вместе с другими братскими и союзными силами станет в ряды борцов на новом русско-германском фронте»[2].

Одной из первых инициатив Российского правительства адмирала А.В. Колчака стало принятие на себя всех денежных обязательств царского и Временного правительств. «Государство Российское всегда свято выполняло принятые на себя обязательства перед своими гражданами и перед народами, связанными с ним договорными актами, – подчеркивалось в опубликованном по этому поводу правительственном воззвании. – Так было и в разные моменты великой войны 1914 года, когда своею верностью договорам Россия оказала спасительную помощь своим союзникам»[3].

В начале декабря 1918 г. последовала декларация Российского правительства в связи с окончанием Первой мировой войны. «С глубоким удовлетворением, – отмечалось в ней, – видит Россия, что не забыты великие усилия, приложенные ею к общему делу, не забыты ее бесчисленные кровавые жертвы. Союзные державы принудили Германию отказаться от Брестского мира, обязали ее очистить русские земли и прекратить расхищение русского народного достояния… В этом акте ожидающая воссоединения Россия усматривает залог того, что она получит возможность возвысить свой голос при мирных переговорах и внести свою долю участия в устроении жизни народов на новых, незыблемых основах тесного содружества»[4].

Все эти и другие подобные воззвания можно интерпретировать как обращённые к правительствам стран Антанты сигналы, направленные на восстановление в новых условиях разрушенной большевиками политической коммуникации, возвращение утраченного статуса «своих», позиционирование себя в общемировом политическом пространстве.

К этому времени Россия не располагала ни единым правительством, ни территориальной целостностью, ни сильной армией. Однако у антибольшевистских правительств оставался символический капитал – само участие России в «Великой войне», запечатленный в памяти и зафиксированный в непосредственном жизненном опыте подвиг солдат и офицеров русской армии на полях сражений, жертвы, которые принесла страна на алтарь общей победы. Именно этим нематериальным ресурсом, аккумулированным в прошлом, антибольшевистские силы попытались воспользоваться в настоящем.

Тема Первой мировой войны, связанные с ней образы широко представлены на страницах периодических изданий, выходивших на востоке России со второй половины 1918 до конца 1919 г. В прессе тех лет не сформировалось устойчивого определения для обозначения событий 1914–1918 гг. Использовались названия «великая война», «великая война народов», «мировая война», «война народов», «европейская война», «германская война», «нынешняя война», «война 1914–1918 гг.» и даже «великая германо-франко-русская война». Хорошо прослеживается несколько контекстов, в рамках которых актуализировались тема и образы Первой мировой войны, их можно объединить тематически:

- ❑ Вызванная началом Гражданской войны вербовка добровольцев в Сибирскую армию, а затем мобилизация.
- ❑ Возвращение военнопленных.
- ❑ Биографии военачальников Белого движения.
- ❑ Обсуждение полученного в ходе мирового конфликта нового военного опыта, в том числе применения конницы, артиллерии, авиации, танков и т.д.
- ❑ Национальные и государственные ценности возрождающейся России.
- ❑ Армия как символ возрождающейся России, преемственность «старой» и «молодой» армии.

---

[1] *Русская* армия. 1918. 17 дек.
[2] *Временное* Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 275.
[3] *Правительственный* вестник. 1918. 24 нояб.
[4] Там же. 10 дек.

❑ Взаимоотношения с бывшими союзниками России по Антанте.

❑ Взаимоотношения России с другими славянскими народами.

❑ Завершение Первой мировой войны и работа Парижской мирной конференции.

Можно также говорить и о вполне определенных целевых аудиториях, для которой транслировались эти тексты:

❑ население подвластных антибольшевистским правительствам территорий;

❑ правительства, политические и общественные круги стран-союзниц России по Первой мировой войне;

❑ представители славянских народов (чехи, словаки, сербы, поляки, карпатороссы (русины)), оказавшиеся вовлеченными в российскую Гражданскую войну.

Таким образом, перед нами своеобразное повествование, история со своим сюжетом, контекстами актуализации и аудиторией. Назовем его рассказом о «Великой войне» и будем понимать под ним реконструкцию, осмысление и репрезентацию в периодической печати официального направления опыта участия России в Первой мировой войне, представленные в медийных текстах различных жанров (заметках, интервью, статьях, обозрениях, обзорах прессы, очерках и фельетонах). Эти тексты объединены ключевой темой, последовательностью изложенных в них событий, единой историей. Именно эта общая история объединяет и связывает разрозненные тексты в один нарратив, единое сверхтекстовое повествование. «В качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, которая в ней излагается; в качестве дискурса оно существует благодаря связи с наррацией, которая его порождает»[1].

Фабула повествования изложена в уже упоминавшейся правительственной декларации от 7 декабря 1918 г.: «Четырехлетняя война против германской коалиции закончилась полным торжеством тех, кто стремился обеспечить народы от насилия и произвола. Надломленной исключительными тягостями длительной борьбы России не суждено было остаться в рядах союзников до счастливого дня победы. Но вместе с союзниками она празднует эту победу, ожидая ее благодетельных результатов для всего мира и для исстрадавшегося русского народа… Российское правительство в сознании того, что союзные державы руководятся великими идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности, с признательностью примет их содействие в трудах своих по воссозданию России, ибо Россия не должна оставаться в современном ее состоянии, угрожающем цивилизованному миру новыми великими потрясениями и длительным лишением утомленных народов благ мирной жизни, а победителей – плодов их подвигов» [2].

Используя ставшую классической актантную модель А. Грей-маса[3], можно представить структуру нарратива о «Великой войне», определить основных акторов и схему взаимодействий между ними (рис. 5).

В качестве главного *субъекта*-героя повествования выступает антибольшевистское Российское правительство адмирала А.В. Кол-чака, действия которого направлены на *объек*т – заключение справедливого (в его понимании) мира. *Отправителем* (адресантом) в нарративе о «Великой войне» является некая трансцендентная сила – высшая историческая справедливость, которая должна вознаградить *получателя* (адресата) – Россию – за совершенные подвиги и принесенные жертвы.

Не все так просто с тем местом, которое должны занимать в этой схеме страны Антанты. По существу, «союзники» представляют собой расщепленную инстанцию. С одной стороны, им уготована роль «помощника», той самой персонифицированной силы, которая должна прийти на помощь главному субъекту, действовать с ним в союзе. В то же время они в какой-то мере олицетворяют собой ту самую «высшую историческую справедливость», основанную не на силе, а на праве. Постепенно же они вообще перемещаются в категорию «антагониста», препятствующего достижению главным героем (субъектом) заветной и желанной цели (объекта).

---

[1] *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 66.

[2] *Правительственный* вестник. 1918. 10 дек.

[3] *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. С. 261.

Рис. 5. Структура нарратива о «Великой войне»

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы «Великой войны». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетных компонентов, первый из которых («Истоки Великой войны») относится к экспозиции, второй («Подвиг») – к завязке, третий, четвертый и пятый («Грехопадение и отлучение», «Мученичество», «Покаяние и искупление») – к кульминации, а шестой («Воздаяние») – к развязке повествования.

Истоки Великой войны: Ответственность за начало войны лежит на Германии и лично ее кайзере Вильгельме II. «“Европа слишком мала, чтобы делить ее на куски”, – говорил Вильгельм и проводил ту мысль, что надо объединить Европу и во главе всех народов поставить великую немецкую нацию». Гегемонистским устремлениям Германии противостояли Великобритания и Франция. Ими двигали благородные идеи защиты свободы, демократии, прогресса и культуры. «Война продемонстрировала пред нами две силы: огня и железа – со стороны Германии, духа и национального самосознания в рядах союзников. Одна сила нарушала международное право, другая отстаивала его. Одна армия явилась символом насилия, другая – светлым вестником мира всего мира». Германия и Австро-Венгрия – «извечные враги славянства». Поэтому закономерно, что Россия в «великой войне народов» выступила на стороне Антанты.

Подвиг: Мировая война стала для России тяжелейшим испытанием. Страна оказалась не готова к широкомасштабным и долговременным военным действиям. «Без снарядов, без оружия, голодная, временами неодетая, Русская армия совершала чудеса, пред которыми преклонялся весь мир». За годы войны Россия не раз, с огромными для себя потерями, спасала союзников. «Россия дала возможность сделать западный фронт непреодолимым… Россия ни разу не позволила германцам сосредоточить все свои силы на западе». Именно Россия вынесла на себе основную тяжесть «Великой войны». Весомым доказательством ее вклада являются данные о потерях русской армии. «Общая цифра этих потерь потрясающа, она определяется в 9 миллионов человек. Огромная, страшная цифра, которая превышает собой количество населения некоторых государств Европы. Таковы жертвы, принесенные русским народом на алтарь общечеловеческой свободы».

Грехопадение и отлучение: Понимая, что она проигрывает войну, Германия «сумела подло использовать революционные брожения масс в России, бросив в него и умело раздув пламя социальной вражды». Обессиленная Россия не выдержала. «Русский фронт распался вследствие истощения страны, принесшей непосильные жертвы. Яд революционной демагогии, так искусно использованный германской рукой, разложил стойкость и выносливость русских солдат». К власти в стране пришли подкупленные Германией «большевики-

предатели», заключившие с ней Брестский мир. «Он опозорил всю Россию: нас всех назвали изменниками наши союзники, потому что мы их бросили в очень опасное время, оставили одних и отказались воевать».

Мученичество: Страданиями, унижениями, многочисленными жертвами заплатила Россия за предательство. «Вся русская жизнь превратилась в Голгофу. Мы распяты за Россию, мы распяты за человечество. Наши потери – искупительные жертвы европейской и всемирной свободы».

Покаяние и искупление: Брест-Литовский мирный договор стал несмываемым национальным позором. «Эта измена гнетет нас и отравляет чистоту нашей радости». Вина за это целиком и полностью лежит на большевиках. «Народная Россия, как известно, отвергла Брестский договор. Тем самым она осталась в отношениях войны с Германией». «Мы, русские, с Германией никогда не мирились. Мы продолжали бороться, как могли, и если не активным, та пассивным сопротивлением помогали победе до конца». Подняв оружие против изменников, восстанавливая российскую государственность и армию как воплощение нации, «государственно мыслящие» люди России искупают позор Бреста. «Мы вновь летом этого года начали войну с центральными державами и с того времени сделали все, что могли».

Воздаяние: Антибольшевистские силы с восторгом встретили окончание «Великой войны». «Пережив величайшие несчастия, испив до дна чашу унижения, мы все же чувствуем в своих сердцах мощь многомиллионного народа, и хотя еще носим раны в груди, но как равные, как верные и искренние союзники шлем поздравления братьям по оружию. Мы верим, что нас встретят те же объятия, что и в 1914 году, и никто из наших друзей не захочет вложить свои персты в наши раны». Несмотря на преждевременный выход России из войны, ее нынешнее правительство и объединившаяся вокруг него «государственно мыслящая» общественность надеялись, что союзники учтут былые заслуги страны. Они пригласят Россию на Парижскую мирную конференцию, признают Российское правительство адмирала А.В. Колчака, окажут ему экономическую и военную помощь. «Конференция мира не будет праздником свободы и справедливости, если во время ликования освобожденных нашей кровью народов она предоставит нам лишь право считать свои раны».

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы «Великой войны». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетных компонентов, первый из которых («Истоки Великой войны») относится к экспозиции, второй («Подвиг») – к завязке, третий, четвертый и пятый («Грехопадение и отлучение», «Мученичество», «Покаяние и искупление») – к кульминации, а шестой («Воздаяние») – к развязке повествования.

Следует обратить внимание на два ключевых параметра нарратива о «Великой войне»: *дискретность* и *когерентность*. С одной стороны, анализируемое повествование представлено не в одном произведении, а распылено по многим медийным текстам самых различных жанров. С другой – объединяющий эти тексты рассказ отличается содержательной цельностью и смысловой завершенностью изложенной в этих текстах истории. «Нарратив – это основная и базовая форма когерентности, поскольку она объединяет элементы в последовательность причины и следствия»[1].

Таким образом, воспроизводимый в периодической печати рассказ о «Великой войне» представляет собой ярко выраженный *политический нарратив*, рассматриваемый как «совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события»[2].

В нарративе о «Великой войне» оказались соединены недавнее героическое *прошлое*, в котором Россия продемонстрировала всему миру свою жертвенность ради союзников, а ее армия совершила беспримерный подвиг, и *будущее*, где справедливый мир должен стать лучшим для нее воздаянием. В рассказе происходит постоянная отсылка к мифологическому *первовремени* (периоду Первой мировой войны до Февральской революции), времени, когда Россия была велика и могуча, времени расцвета Антанты, времени эпических героев и злодеев. Осмысливая и интерпретируя в дискурсе героическое прошлое, «государственно мыслящая» пресса стремилась, с одной стороны, к преодолению унизительного для России настоящего, а с другой – конституированию благоприятного будущего.

---

[1] *Матисон Д.* Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков., 2013. С. 127.
[2] *Шейгал Е.И.* Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 87.

Подчеркнем, что воспроизводимый в официальной и проправительственной периодической печати нарратив о «Великой войне» не представлял собой рассказа о прошедшей войне как таковой, а являлся тенденциозным преломлением прошлого через настоящее. Участие России в Первой мировой войне интерпретировалось исходя из выбранной Омским правительством модели «национального государства» и тех смысловых доминант, на которых она базировалась.

Вплоть до середины лета 1919 г., по вполне понятным причинам, нарратив о «Великой войне» был незавершенным повествованием с открытым сценарием развязки. В прессе официального направления широко обсуждалась возможность как выигрышного, так и неблагоприятного для России варианта развития. Подписание Версальского мирного договора, казалось, должно было бы поставить окончательную точку в развертывании повествования о «Великой войне», однако до падения колчаковского режима в сибирской печати обсуждалась допустимость потенциально иного финала, вероятность пересмотра.

Подведем некоторые итоги. Для политических и общественных кругов Белой Сибири воспроизводившийся правительственной и официозной прессой вплоть до падения колчаковского режима нарратив о «Великой войне» являлся формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, развертывания новой картины мира, обращения к союзникам, напоминания об их долге перед Россией. Подвиг русской армии, жертвы, принесенные русским народом, наглядно демонстрировали *асимметричность* отношений со странами Антанты. Встроенный в пропагандистский дискурс нарратив о «Великой войне» участвовал в структурировании политического пространства Белого Востока, выстроенного в соответствии с семантико-идеологической оппозицией «свой – чужой», на одной стороне которой находились антибольшевистские силы и союзники, а на другой – Германия и большевики.

Свою конституирующую роль нарратив о «Великой войне» играл на всех уровнях формируемой национальной и наднациональной идентичности:

- ❑ принадлежность к русским людям («Мы – русские»);
- ❑ принадлежность к сообществу славянских народов («Мы – братья-славяне»);
- ❑ принадлежность к сообществу «культурных европейских народов» («Мы – европейцы»).

Причем если первоначально отражающая правительственную точку зрения пресса стремилась укрепить веру в союзников, усилить чувство единения с западными демократиями, то к осени 1919 г., когда разочарование в союзниках достигает своего апогея, благополучная Европа все отчетливее противопоставлялась униженной и страдающей России.

В начале октября 1919 г. в «Нашей газете», издававшейся Русским бюро печати, была опубликована басня с характерным названием «Соседская благодарность». В форме аллегории в ней была представлена Первая мировая война. Когда на лес обрушился страшный Зверь, его обитатели заспорили о том как «смирить опасного соседа».

Да вдруг Медведь явился на совет.
Все ну его просить: «Сосед!
Ты – красота лесов: отвага, опыт, сила.
Все за тобой!
Нас, Миша, выручи – иди вперед на бой:
Свою отвагу покажи,
Врага на месте удержи.
А мы его потом, не торопясь, по-свойски
Блокируем в лесу геройски.

Когда же Медведь одолел Зверя, «благодарные соседи» о нем забыли:

Как только звери победили.
Тотчас к дележке приступили.
А перед тем сошлись потолковать,
Кому что дать:

Позвали даже крыс, Медведя лишь забыли,
Что весь израненный лежал,
Покинутый, голодный, слабый.
И от берлоги утомленной лапой
Волков нахальных отгонял[1].

В такой ситуации «союзнической ориентации» стала противопоставляться «русская ориентация», общеевропейской наднациональной идентичности – «великая Россия в свободном славянстве». «Розовые очки, сквозь которые мы смотрели на союзников, сняты и, кажется, разбиты, – констатировала в начале ноября 1919 г. красноярская «Свободная Сибирь». – Много говорят о разных ориентациях и снова донкихотствуют из-за них. Для нас же понятно только одно – славянство. Мы – славяне, а все славяне в таком же положении, как и русские»[2].

Определить результаты использования данной пропагандистской стратегии, степень ее эффективности довольно сложно. Свою мобилизующую роль, особенно на начальном этапе Гражданской войны, она, безусловно, сыграла. Так, один из влиятельных омских политиков Г.К. Гинс масштабность Гражданской войны напрямую связывал с непризнанием значительной частью населения России Брестского мира, который и «расколол страну на два не только непримиримых внутренне, но и разнородных по внешней ориентации лагеря». Унизительный для России договор, полагал он, «заставил тех, кто желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты»[3].

Не следует забывать, что решающую роль в свержении советской власти на востоке России сыграл Чехословацкий корпус. «И не случайно, – писала осенью 1919 г. газета «Русская армия», – пролилась на русской земле, на пустынных полях Сибири и Приволжья, благородная чешская кровь... В самую трудную пору жизни России представители чехословацкого народа оказали ей неоценимые услуги»[4]. В течение второй половины 1918 – 1919 г. на территории Урала, Сибири и Поволжья формировались русско-чешские, русско-сербские, югославянские, польские, карпаторусские части для борьбы с «германо-большевизмом». В такой ситуации тема и образы «Великой войны» органично вплетались в развертывание идеологемы панславизма, что приносило определенные плоды. «В то время, как другие все еще торгуются, все еще решают вопрос, – что для них выгоднее: признать или не признать, или, быть может, “самоопределить” Россию на клочья, героический сербский народ, – один среди всех, признал только одну, единую Россию и это свое признание теперь иллюстрирует реальной, недвусмысленной помощью»[5]. Так прокомментировала прибытие на юг России, в армию генерала А.И. Деникина, офицеров сербской армии красноярская «Свободная Сибирь.

Однако расчеты антибольшевистских сил на признание заслуг России бывшими союзниками по Четверному согласию не оправдались. Претендовавшее на роль всероссийского правительство адмирала А.В. Колчака не было приглашено для участия в Парижской мирной конференции. Кроме того, не состоялось и его признание странами Антанты. «Мы с чрезвычайной болью переживаем наши страдные дни. Мы испытали радость поражения Германии. Мы испытали горькое удовлетворение [от] нашей общей победы»[6] – такими словами одной из сибирских газет можно подвести итог сложившегося для Российского правительства адмирала А.В. Колчака положения.

Подводя итог анализу ключевых форм дискурсивной репрезентации национальной идентичности, выделим два существенных, с нашей точки зрения, аспекта:

Первый аспект подразумевает определенную форму *представления* и *трансляции*. Это:

Во-первых, жесткое структурирование политического пространства с помощью использования упорядоченной системы бинарных оппозиций, которые позволяли определить, чем субъект («Мы-сообщество») является и чем не является.

Во-вторых, транслирование посредством официальной и проправительственной периодической печати антибольшевистского Востока консолидирующих «Мы-группу» ценностей.

---

[1] *Наша* газета (Новониколаевск). 1919. 7 окт.
[2] *Свободная* Сибирь (Красноярск). 1919. 4 нояб. (21 окт.).
[3] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. М., 2009. С. 32.
[4] *Русская* армия (Омск). 1919. 29 окт.
[5] *Свободная* Сибирь (Красноярск). 1919. 11 нояб. (29 окт.).
[6] *Сибирская* речь (Омск). 1919. 4 (17) янв.

В-третьих, использование политических нарративов, которые являлись особой формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, конституирования новой картины мира.

Другой аспект репрезентации национальной идентичности связан с *содержанием* пропагандистской риторики. Для коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России ключевую роль играл образ врага – большевиков. Особенностью содержания пропаганды белых являлось то, что собственный положительный образ являлся менее четким и детализированным, чем отрицательный образ врага. Анализ публикаций на эту тему позволяет выделить основные аргументы, которыми оперировала политическая пропаганда:

❑ Борьба с большевиками необходима. Это естественная реакция российского общества на губительные для страны, ее государственности и народа действия большевиков.

❑ Борьба с большевиками морально оправдана, это противостояние сил Добра и Зла, поэтому она носит справедливый характер.

❑ Борьба с большевиками не является делом отдельных социальных групп или политических партий, она общественно значима.

❑ Борьба с большевиками исторически обоснована. Все, кто ведет борьбу с большевизмом, спасают от варварства не только Россию, но и всю мировую цивилизацию.

❑ Борьба с большевиками может завершиться только полным уничтожением большевизма.

В условиях Гражданской войны официальная и проправительственная периодическая печать, выходившая на востоке России, выступала одновременно и как поле идеологического производства, и как поле пропагандистской репрезентации. На страницах прессы официального направления шло формирование идеологических смыслов и ценностей: осмысление политического и исторического опыта – концептуализация – трансляция пропагандистских установок. В дискурсе официального направления происходило конституирование модели «Национальное государство», которую антибольшевистские правительства противопоставляли «Диктатуре пролетариата», «Советской республике».

Правительственная пропаганда Белого Востока строилась на соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, парламентаризм, политические права и свободы). В целом дискурс политической пропаганды антибольшевистских правительств Сибири был организован вокруг нескольких ключевых бинарных оппозиций и концептов. Эти бинарные оппозиции играли определяющую роль в процессе производства и воспроизводства политических мифов Белого движения и в конечном итоге в структурировании политического пространства и формировании политической идентичности. Однако социальная и политическая разнородность антибольшевистского движения вкупе с политикой непредрешенчества обусловливала размытость содержания пропагандистских установок белых и их непривлекательность для широких слоев населения. Как в конечном итоге справедливо отметил Н.В. Устрялов: «У нас не хватило разума, прозорливости, таланта, влияния наполнить диктатуру Колчака той ударной социальной демагогией и вместе с тем той народной, реально-крестьянской начинкой, которые одни могли, быть может, ее спасти»[1].

[1] *Устрялов Н.В.* 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 274.

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ОСВЕДОМЛЕНИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ (ЛЕТО 1918 – ВЕСНА 1919 г.)

2.1. Информационно-пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства (конец мая – начало ноября 1918 г.): от замыслов к воплощению

В конце мая – начале июня 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири в борьбу с большевиками вступают части продвигавшегося во Владивосток Чехословацкого корпуса. «Движение чехословацких эшелонов, двигавшихся на восток, – писала в годовщину антисоветского переворота газета «Военные ведомости», – намеренно тормозилось большевистскими властями и, под давлением Мирбаха, они, очевидно, должны были быть разоружены и задержаны. К моменту переворота они небольшими сравнительно кучками были разбросаны по более или менее крупным станциям Сибирской магистрали, но связи между собой не теряли, а наоборот, завязали новые с военными боевыми организациями русских патриотов»[1].

В ночь с 24 на 25 мая по сигналу горна чехословаками во главе с капитаном Э. Кадлецем был разоружен красногвардейский отряд на станции Мариинск, осуществлен захват вокзала, Дома Советов, телеграфа и других учреждений. Под арестом оказались руководители местной большевистской организации. К двум часам ночи город был захвачен.

Вечером 25 мая в Новониколаевске внешне все было спокойно. На вокзале около эшелонов играл оркестр 7-го Татранского стрелкового полка, послушать музыку собралось много горожан. Ничто не выдавало намерений чехов. Поздно вечером капитан Р. Гайда получил телеграмму от Кадлеца, что Мариинск им захвачен. После полуночи все затихло в городе и на станции. В наступившей темноте части чехов выступили на город к заранее намеченным пунктам, к городку военнопленных, советским учреждениям. По сигналу – красная ракета – было совершено нападение. Внезапность решила исход дела: через 40 минут город был захвачен. В руках чехов оказались богатые трофеи – 1623 винтовки, 2 пулемета, 20 тыс. патронов. Потери чехов – один убитый, двое раненых. Одновременно с захватом Новониколаевска командиру 1-го батальона 6-го Ганацкого полка был отдан приказ о занятии станции Чулымской и движении на Барабинск[2].

31 мая 1918 г. советская власть была свергнута в Томске, 7 июня – в Омске. В дальнейшем, по словам одного из участников военной организации капитана А.А. Кириллова, «восстание в Сибири приобретало все более стихийный характер и разрасталось из центрального инсуррекционного района Томск – Омск на восток и запад»[3]. 11 июня большевики изгнаны из Тобольска, 15 июня – из Барнаула, 20 июня – из Красноярска и Бийска, 11 июля – из Иркутска, 20 июля – из Тюмени, 26 августа – из Читы. Таким образом, за сравнительно короткий срок усилиями местного вооруженного подполья и чехословацких войск советская власть в регионе пала.

---

[1] *Военные* ведомости (Новониколаевск). 1919. 5 июня.
[2] *Голос* Сибирской армии. 1919. 26 мая.
[3] *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 46.

В Западной Сибири «высшей местной властью» провозглашают себя уполномоченные Временного Сибирского правительства: М.Я. Линдберг, Б.Д. Марков, П.Я. Михайлов и В.О. Сидоров[1]. Правительство, которое они представляли, было сформировано еще в конце января во время тайного совещания части делегатов Сибирской областной думы[2].

Выдвижение на авансцену общественной жизни Сибири такого игрока, как Временное Сибирское правительство, означало политическое обособление региона, конфронтацию с контролируемой большевиками европейской частью страны и, по существу, дальнейшую эскалацию Гражданской войны.

«Борьба внутри Сибири может закончиться в сравнительно короткий срок поражением сибирских большевиков, – утверждал «Голос народа». – Но нет никакого сомнения в том, что падение большевизма в Сибири встревожит центральную большевистскую власть, которая попытается оказать вооруженную помощь провалившимся сибирским “совдепам”»[3]. Конечно, гипотетически не исключалась и возможность двух правительств (Временного Сибирского и Совнаркома) договориться на взаимоприемлемых условиях. «Организуя спешно армию, оно (Временное Сибирское правительство. – *Д.Ш.*) в то же время, – как полагал «Омский вестник», – должно принимать все усилия к тому, чтобы избежать всяких кровавых столкновений. И, пожалуй, прежде всего, новым сибирским дипломатам необходимо сговориться с Россией. Как в свое время сообщало еще большевистское телеграфное агентство, в киевской конференции принимает участие представитель сибирского правительства, между прочим, официально заявивший, что Сибирь не входит в состав Российской Социалистической Федеративной Республики. При теперешней оторванности от всего мира неизвестно, признали все участвующие на этой конференции представителя самостоятельной Сибири или нет. Во всяком случае, такое признание вполне возможно даже со стороны правительства Ленина – Троцкого, как они, например, признали спокойно на Украине правительство Скоропадского и в Финляндии Свинхуда[4]. Так что с этой стороны при умелой внешней политике Временного Сибирского правительства опасность не угрожала бы даже при слухах о движущихся будто бы на Омск бронированных поездах и матросских отрядах»[5].

Как возможность перемирия с большевиками можно рассматривать телеграмму уполномоченных Временного Сибирского правительства П.П. Иванова и А.А. Кузнецова, адресованную Совету народных комиссаров РСФСР, в которой выражалась готовность «обеспечить скорейшую и непрерывную отправку продовольствия в голодающие губернии России и вступить в переговоры относительно условий снабжения Великороссии, которую Временное Сибирское правительство считает неразрывно и кровно связанной с Сибирью»[6].

«Но снабжение голодной России, – отмечалось далее в телеграмме, – будет невозможно в случае попыток со стороны Совета народных комиссаров вторгнуться в пределы Зауралья с целью восстановления низвергнутых совдепов. Эти попытки я встречу вооруженной силой, и тогда движение продовольственных грузов в Россию должно будет приостановиться».

Однако в конечном итоге возобладал другой подход, ставка была сделана на беспощадную борьбу с большевизмом и вынесение военных действий за пределы Сибири. При этом в лояльной новому режиму периодической печати подчеркивалась необходимость скорейшего разгрома «советской республики» и завершения гражданской войны. «Возможно быстрая ликвидация большевизма в Сибири и России – единственный способ избежать всех новых ужасов, которые надвинулись на страну, – утверждал «Голос народа». – Пусть подумают об этом внимательно все, кто стоит еще из тех или иных соображений в стороне от происходящей борьбы, кто “выжидает”. Чем больше в России и Сибири “выжидающих” в среде демократии, тем дольше затянется про-

---

[1] Об организации и деятельности Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства подробнее см.: *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский комиссариата Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 103–119.

[2] О первой сессии Сибирской областной думы и формировании Временного Сибирского правительства подробнее см.: *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 6–9.; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 183–188; *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири: сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 54–61.

[3] *Голос* народа (Томск). 1918. 4 июня.

[4] Правильно: Свинхувуд. Пер Эвинд Свинхувуд – финский политический деятель, в мае–декабре 1918 г. – исполняющий обязанности главы государства.

[5] *Омский* вестник (Омск). 1918. 11 июня (29 мая).

[6] *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 90.

цесс неизбежной ликвидации большевизма, а каждый лишний день промедления уносит тысячи жизней там, за Уралом, в тисках голода и преступных фанатиков, предателей страны и революции»[1].

В такой ситуации новому политическому режиму необходимо было общественное признание, поддержка самых широких слоев населения. Только опираясь на народ Временное Сибирское правительство могло успешно реализовать стоявшие перед ним задачи, важнейшими из которых являлись организация аппарата управления и формирование боеспособной армии. Общественные круги Сибири это прекрасно понимали. «Для всякого государства, – констатировал «Омский вестник», – прежде всего, необходима теснейшая сплоченность населения проникнутого одним духом, одними стремлениями»[2]. Тем более что, позиционируя на первых порах свои действия как «защиту истинного народоправства», новый режим противопоставлял свою власть, опирающуюся на восстановленные демократические органы самоуправления, «всем опостылевшей» власти большевиков, «поправших дело Русской революции и предавших свободу нашей родины».

Первоначально сибирская пресса рисовала довольно радужную картину массовой общественной поддержки новой власти. Так, в беседе с сотрудником новониколаевской газеты «Народная Сибирь» командующий Западно-Сибирским военным округом А.Н. Гришин-Алмазов сообщил: «…все без исключения слои населения, особенно рабочие и крестьяне, относятся более чем сочувственно к нам, помогают нам, рискуя своей жизнью, без всяких распоряжений с нашей стороны, по своей инициативе восстанавливают органы всеобщего избрания, свергая большевиков»[3].

Своеобразным показателем общественного признания новой власти, отношения к ней различных групп населения (интеллигенции, служащих, рабочих, крестьян) становятся публикуемые сибирскими периодическими изданиями резолюции, принятые на собраниях, совещаниях, конференциях и съездах самых разных социальных, политических и профессиональных организаций Сибири.

Особенно важным для нового режима было положительное отношение к перевороту со стороны сибирской деревни. В условиях революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны крестьянство оставалось преобладающей социальной группой в структуре населения бывшей Российской империи. В частности, в сельской местности шести сибирских губерний и областей (Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской) проживало около 10 млн человек, что составляло свыше 90 % всех жителей региона. В период Гражданской войны социальная активность крестьянства во многом определяла траекторию развития политических и экономических процессов. Кроме того, деревня выступала для противоборствующих сторон важным источником материальных и людских ресурсов.

Летом 1918 г. сибирская пресса неоднократно заявляла о том, что крестьянство края приветствовало падение советской власти. «Из разговоров с крестьянами – рядовыми обывателями деревни, моими случайными собеседниками по вопросу о свержении большевистского ига, – говорилось в заметке одного из корреспондентов томской «Народной газеты», – я вынес крайне отрадное впечатление. Все они с большой радостью и чувством удовлетворения относятся к падению красноармейского режима. Они говорят, что теперь крестьянство вздохнуло свободно и готово, насколько у него хватит сил и умения, оказать помощь новой власти, вставшей на защиту народовластия и народоправства»[4].

«Крестьяне с чувством глубокого удовлетворения встретили весть о падении большевистской власти в городах и стали сбрасывать ее у себя в деревне, – отмечал «Голос народа». – Они ловят скрывающихся по деревням “комиссаров” и препровождают их в очищенные от большевиков города и предают их в руки новых властей. И нужно отметить сознательность и истинную демократичность крестьян: они не чинят ни малейшего насилия над изловленными представителями “рабоче-крестьянской” власти, а сдают их новой власти, которой доверяют и от которой ждут нелицеприятного суда над задержанными».

В той же статье отмечалось, что крестьяне и иным способом выражают «свое удовлетворение падением большевистской власти» – воссозданием органов местного самоуправления. Кроме того, деревня повезла в город хлеб и иные продукты сельского хозяйства. «Крестьяне, – отмечалось в газете, – терроризированные большевистскими приемами “борьбы” с политической разрухой, естественно, воздерживались от снабжения города продовольственными припасами, тем более что город, в свою очередь, не давал почти ничего деревне.

[1] *Голос* народа. 1918. 13 июня.
[2] *Омский* вестник. 1918. 21 (8) июня.
[3] *Народная* Сибирь (Новониколаевск). 1918. 2 июня.
[4] *Народная* газета (Томск). 1918. 23 (10) июня.

И как только по деревням разнеслась весть о падении красноармейского режима, так сразу крестьяне потянулись с возами, нагруженными сельскохозяйственными продуктами. И обилие последних на городских рынках сразу же отразилось на понижении цен… И это обстоятельство, пожалуй, является наиболее ярким показателем того, как отрицательно относилась подлинная деревня к большевизму, и как она живо реагирует на перемену политического строя»[1].

Однако довольно скоро и политическое руководство Сибири, и сибирская общественность убеждаются в том, что настроения значительной части населения края по отношению к Омскому правительству скорее неопределенные, выжидательные, а со стороны отдельных социальных групп (рабочие, фронтовики) – откровенно враждебные. Настроения деревни также оказались весьма переменчивыми. «Неустойчивость крестьянских настроений – вот что сильно поразит вас в деревне, – писала в начале ноября газета «Думы Алтая». – Каких-нибудь 7–8 месяцев назад социалистические партии были здесь властителями дум; скоро большевизм опутал их своими сетями; при свержении коммунистической кабалы большинство населения праздновало свой великий праздник освобождения, а теперь наблюдается еще новый перелом в настроении. Словом, форменное хождение по ветру. И курьезнее всего здесь то, что некоторые заядлые черносотенцы, до мозга костей монархисты, теперь неожиданно стали ультрабольшевиками; недавние искатели порядка, нынче они горячо исповедуют принципы анархии и т.д. Идеи государственности, проблески коих хоть немного когда-то замечались среди массы, теперь окончательно пропали или сменились узкоэгоистическими стремлениями. “Я и хата моя – превыше всего, а на весь подлунный мир наплевать” – так можно охарактеризовать настроения большинства массы. Даже сознательный элемент, и тот совершенно устраняется от общественной работы, махнул на нее рукой и погрузился в свои обыкновенные заботы до ушей. Чем дальше, тем чувство общественного интереса все слабеет и слабеет в народе»[2].

Определенные представления об этих настроениях дают материалы, собранные направленными для работы в деревню земскими и правительственными инструкторами. Так, к началу августа инструкторы посетили 110 волостей пяти уездов Томской губернии. Выяснилось, что в 70 волостях высказались в поддержку Временного Сибирского правительства, в 15 – против и в 25 волостях ответ был неопределенный[3].

«Значение падения власти большевиков и переход власти к Временному Сибирскому правительству, – отмечалось в одном из сообщений с мест, – плохо постигается нашими крестьянами, так как мы еще не знали власти, которая бы сумела на деле показать нам пользу просвещения и высокого хозяйственного развития»[4].

В августе 1918 г. из обследованных 25 волостей Новониколаевского уезда Томской губернии только одна безоговорочно поддерживала новую власть, из 10 волостей Томского уезда – 5. Очень часто в крестьянской среде звучал один и тот же мотив: «Мы готовы поддерживать Временное Сибирское правительство только в том случае, если оно будет защищать интересы крестьян и рабочих».

Сельского обывателя настораживала частая смена власти. Как указывалось в решении общего собрания крестьян одной из волостей Тобольского уезда, «волостное земское собрание отказывается от обсуждений вопроса [в] отношении и признании Временного Сибирского правительства ввиду неуверенности, что Временное Сибирское правительство удержится у власти»[5].

Трижды сменившаяся за полтора года власть дезориентировала крестьян, наглядно демонстрировала слабость государства. Кроме того, в сознании обывателя размывались веками формировавшиеся универсалистские ценности централизованного политического порядка. «Сотни лет сидел русский в своей деревне, – писала по этому поводу одна из томских газет, – и знал, что в главном городе живет во дворце губернатор и управляет всей губернией. Всегда так было, и люди привыкли к этому… Теперь… новая власть утвердилась, только одно плохо: слишком часто эта власть меняется… При этом каждая новая власть в деревню людей (инструкторов) посылает, которые и говорят мужикам, что вот на этот раз уже действительно хорошая власть утверди-

[1] *Голос* народа. 1918. 15 июня.
[2] *Думы* Алтая (Бийск). 1918. 8 нояб. (26 окт.).
[3] *Народная* газета. 1918. 6 авг. (24 июля).
[4] Там же.
[5] *Борьба* за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967. С. 257.

лась, самая что ни на есть народная… В первый раз мужик поверил и резолюцию подписал: новую власть приветствуем… А в третий раз в затылке почесал и молвил за все просто:

– А лешак вас разберет, которая власть лучше! Которую и за что приветствовать.

И мужик прав. Власти меняются, себя хвалят, других ругают, а порядка все нет как нет»[1].

Как сообщали земские инструкторы, в ряде волостей власть нового правительства поддерживалась «постольку поскольку оно этого требует». Это свидетельствовало о том, что традиции и механизмы подчинения, характерные для подданнической культуры, еще действовали. Но деревня быстро уловила и изъяны новой власти: неопределенность ее программы, слабые позиции на местах. На сельских и волостных сходах крестьяне заявляли примерно следующее: «Мы от распределения податей не отказываемся, но воздерживаемся до тех пор, пока нам не станут хорошо известными задачи нового правительства и пока земство не станет на твердой почве».

Следует учитывать и социальную неоднородность сибирского крестьянства, а также целый ряд других факторов, обусловивших экономические и политические предпочтения сельского населения. «Чем дальше находится деревня от города, – отмечала газета «Барабинская степь», – тем меньше там чувствовался большевистский террор, и тем дальше стоит [крестьянство] от понимания смысла и значения происходящего освободительного движения Сибири»[2]. Представители Салаирской волости Кузнецкого уезда Томской губернии на вопрос редакции «Народной газеты» об отношении населения к падению советской власти ответили: «Честное и трудовое население относится к падению власти большевиков с восторгом, а праздношатающийся элемент и любители жать там, где не сеяли, – удрученно»[3].

«Крестьяне переворот восприняли неодинаково, – писала в июле 1918 г. томская «Заря», – и их отношения можно разложить на три вида. Одни из крестьян, наиболее ярко ощутившие на себе диктатуру большевиков в форме контрибуций, с неограниченным доверием относятся к Временному Сибирскому правительству, жертвуют деньгами и лошадьми для армии. Есть категория, не определившая свое отношение, от которой нередко слышишь: “Посмотрим, мы народ темный, много разных правительств у нас было, если будет нам легче жить, то поддержим”. Третья группа, не так часто встречается, но нередко в бедных селах недоумевает, почему народ не поддержал большевиков: “Ведь они, если брали контрибуцию, то делились и с нами, бедняками, и нам жилось лучше”»[4].

Не до конца был изжит большевизм. На наш взгляд, политические настроения сибирской деревни очень точно охарактеризовал профессор Томского университета И.И. Аносов. «Сказать, что все крестьянство стоит за большевиков, нельзя, – писал он в «Сибирской жизни» в начале августа 1918 г., – но нельзя сказать, что оно против них»[5].

Следует также учитывать, что сибирская деревня устала от тягот многолетней войны. Крестьяне, многие из которых лишь недавно вернулись с фронта, воевать не хотели и под различными предлогами стремились уклониться от призыва на военную службу. Жители одной из волостей Томской губернии прямо заявили, что «лучше повеситься, чем идти на войну».

Одним из приемов затягивания решения вопроса о формировании армии, практиковавшимся на уездных и губернских крестьянских съездах, проходивших летом 1918 г., было перенесение обсуждения на нижестоящий уровень. Так, состоявшийся в начале июля 1918 г. крестьянский съезд Ишимского уезда Тобольской губернии, признав необходимость создания регулярной Сибирской армии, тем не менее, постановил «предложить этот вопрос волостям обсудить на волостных сходах и свои решения сообщить в приговорах имеющему быть в г. Ишим в июле месяце (по старому стилю. – *Д.Ш.*) крестьянскому съезду». Свое решение делегаты объясняли тем, что «большая часть волостей Ишимского уезда вопроса об организации армии не обсуждала»[6].

Участники III Томского губернского крестьянского съезда также, с одной стороны, заявили, «что при создавшемся положении страны отсутствие общенародной армии влечет к гибели страну и потерю всех завоева-

---

[1] *Народная* газета. 1918. 11 июля (28 июня).

[2] *Барабинская* степь (Каинск). 1918. 21 сент.

[3] *Народная* газета. 1918. 31 (18) авг.

[4] *Заря* (Томск). 1918. 29 (16) июля.

[5] *Сибирская* жизнь (Томск). 1918. 6 авг.

[6] *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. С. 185–186.

ний Февральской революции», и высказались «за необходимость создания армии на основе всеобщего народного вооружения». С другой же стороны, вопрос о том, в какой форме будет осуществляться набор в армию, «путем ли всеобщей мобилизации или путем призыва отдельных возрастов», съезд предложил обсудить на местах, «с тем, чтобы решения по этому вопросу были вынесены на уездных крестьянских съездах и должны быть представлены на всероссийский крестьянский съезд»[1]. «Прения велись долго и страстно, – писала по поводу возникшей на съезде дискусси газета «Сибирская жизнь», – но видно, что несогласная сторона имела что-то особенное, что не позволяло делегатам дать своих согласий. В перерыве это выяснилось.

– Как я могу дать согласие на это, ежели я приеду и меня спросят: а кто тебя уполномочил давать такие согласия?

– Совесть, товарищ! – ответил противник.

– Да ведь меня сход разнесет. Я сюда ехал, так мне наказывали: смотри, говорят, не объяви там мобилизацию.

– Это же не законопроект! Если мы вынесем резолюцию, это не значит, что так сейчас мобилизация; это принципиальное решение вопроса.

– Вот они не знают деревни. Меня ведь разорвут…»[2]

К тому же летом 1918 г. в Сибири большевики еще не воспринимались в качестве абсолютного, тотального врага, борьба с которым не может завершиться примирением, а только полным уничтожением противника. Не вполне определенное отношение к коммунистам, комиссарам и красноармейцам пока еще было характерно как для большинства населения, так отчасти даже для тех политических и общественных сил, которые с оружием в руках выступили против советской власти. Так, поначалу не было полной ясности, как поступать в отношении большевиков и их сторонников, оказавшихся в результате переворота на территории, контролируемой силами Временного Сибирского правительства, как арестованных, захваченных в плен, так и находившихся на свободе.

Об этом, в частности, свидетельствует сообщение полковника А.Н. Гришина-Алмазова командиру Степного корпуса. «Необходимо приказать начальнику гарнизона г. Кургана, – говорилось в нем, – ввести представителя военного ведомства в следственную комиссию, т.к. имеются сведения о том, что эта комиссия трактует большевиков как политических противников и освобождает их. С нашей же точки зрения, они являются военнопленными или жителями враждебной страны»[3].

В тот же день из Барнаула в Омск, в комиссариат юстиции Западной Сибири была направлена телеграмма, подписанная местным комиссаром юстиции Ненарокомовым и прокурором Шавровским. «Просим срочно телеграфировать, – отмечалось в ней, – подлежат ли уголовной ответственности лица, вступившие в красную гвардию, выступавшую против войск Временного Сибирского правительства, [и] как должно быть квалифицировано это деяние. Подлежат ли уголовной ответственности лица, служившие в бывших советских учреждениях, за преступления [по] должности»[4].

26 июня подобная телеграмма была направлена из Павлодара: «Какой проектируется тип суда над арестованными большевиками и как предполагается квалифицировать их деяние. Не предполагается ли упрощение порядка предварительного следствия над ними и предания суду и в чем упрощение выразится. Не встретится [ли] препятствий к временному освобождению занятых в следственной комиссии судей от прямых обязанностей. Комиссия находит желательным учреждение особого упрощенного и скорого суда, не связанного формальными требованиями судопроизводственного устава»[5].

Даже на уровне правительства позиция в отношении «партии большевиков-коммунистов» была четко обозначена лишь в конце июня 1918 г.: большевистская партия признавалась антигосударственной и деятельность ее законом запрещалась[6].

Еще сложнее было заставить сибирского обывателя смертельно ненавидеть большевиков. О том, что идея гражданской войны среди широких слоев населения края поддержки не имела, свидетельствовали

---

[1] *Рабочее* знамя (Томск). 1918. 1 авг. (19 июля).
[2] *Сибирская* жизнь. 1918. 31 июля.
[3] ГАРФ. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 229.
[4] Там же. Л. 246.
[5] ГАРФ. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 443.
[6] *Временное* Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 99.

постановления волостных народных собраний, созывавшихся повсеместно летом 1918 г. «Стоим за создание народной регулярной армии, для несения внутренней военной службы, – говорилось в одном из таких постановлений, – но не желаем, чтобы созданная армия шла против своего же русского народа. Созданная народная армия не должна участвовать в партийной борьбе, она должна быть абсолютно беспартийной и не проливать братской крови»[1].

Не видели крестьяне своих смертельных врагов и в тех скрывавшихся в глухих таежных лесах «красногвардейцах» и «комиссарах», которых они ловили и в отношении которых, как писали сибирские газеты того времени, проявляли «сознательность и истинную демократичность». Вот что писала о ситуации, сложившейся в Алтайской губернии, газета «Новый луч»: «Немало красногвардейцев убежало в тайгу, где они слоняются до сих пор, боясь показаться в свою деревню. Часть из них пробираются постепенно к красногвардейским отрядам под Славгород, Камень. Арестованных сажают в каталажку, человек по 20–30. Потом им предлагают выкупаться, по 150–200 руб. с души. Или, как официально говорилось, вернуть контрибуцию сельскому обществу. Кто не уплачивал, то оставался под стражей. Разрешались и торги. Иногда кое-кому из заключенных сбрасывали десятку, другую». Когда же работавший в этом районе правительственный инструктор указал на недопустимость подобных взиманий «контрибуций», «крестьяне соглашались с этим очень туго»[2].

Кроме того, далеко не во всех случаях крестьяне были готовы выдать представителям Временного Сибирского правительства скрывавшихся в деревнях. Вот как, к примеру, описывала положение в одной из деревень Томской губернии газета «Голос народа»: «В связи с происшедшим переворотом замечается наплыв сюда “пришлых” элементов, которым почему-либо, очевидно, нельзя оставаться в городах. Тут и фронтовики, и тыловики, тут и военнопленные. Для всех них гостеприимно открыты двери крестьянских изб, ибо деревне нужны сейчас рабочие силы»[3].

Все это говорило о том, что сибирская деревня, возможно, и рассматривала советскую власть как «самую для народа вредную», а ее сторонников как «захватчиков» и «насильников» «народной власти», но не видела в большевиках того смертельного врага, которого необходимо уничтожить во что бы то ни стало. «Что же касается политических разногласий, – писал «Голос народа», – то их не наблюдается, особенно в тех острых формах, как в городах, ибо политическое “сознание” крестьянства недостаточно еще дифференцировано»[4].

Все вышеперечисленные обстоятельства серьезно повлияли на организацию правительственных информационных и пропагандистских служб. Как указывалось в докладе руководителя одного из осведомительных учреждений этого периода – инструкторско-информационного отдела МВД, «перед Западно-Сибирским комиссариатом, объявившим освобожденную территорию под властью Временного Сибирского правительства, встал вопрос об успокоении деревни, и не только успокоении, но и направлении жизни ее в нормальное русло, в русло законности и порядка, привлекая население на свою сторону». «Как средство к достижению поставленных себе задач, – отмечалось далее в докладе, – Западно-Сибирский комиссариат избрал информацию населения о происходящих событиях, агитацию в пользу Временного Сибирского правительства и организацию деревни на культурно-правовых началах»[5].

В целом обозначилось несколько направлений работы осведомительных учреждений вначале Западно-Сибирского комиссариата, а затем Временного Сибирского правительства. Во-первых, это организация «правильной» информации, с одной стороны, населения о происходящих событиях и мероприятиях власти, а с другой – правительства о настроениях общества. Во-вторых, пропагандистское обеспечение жизненно важных мероприятий новой государственной власти.

Такая схема прослеживается в подготовленном в начале июня 1918 г. в Новониколаевске «Проекте организации информационного отдела и бюро печати». «Правильная постановка информации населения и правительственных учреждений, – говорилось в проекте, – представляется настолько насущно необходимой, что создание особенного информационного органа является одной из настоятельнейших задач при конструкции государственного аппарата внутреннего управления. Не останавливаясь подробно на обосновании необходимости информации, можно указать как на следствие отсутствия правительственной информации на распро-

[1] *Народная* газета. 1918. 7 сент. (25 авг.).
[2] *Новый* луч. (Барнаул). 1918. 28 авг.
[3] *Голос* народа. 1918. 4 июля.
[4] Там же.
[5] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.

странение среди населения массы разноречивых и в достаточной мере вредных слухов. Несомненно, отсутствием официальных и строго достоверных сведений была вызвана резолюция Новониколаевской организации РСДРП (меньшевиков) по поводу “расстрела” бежавших большевиков, а надо обратить внимание, что решения и мнения таких веских организаций, как социал-демократы, влияют в значительной степени на настроения и мнения широких масс демократии»[1].

По мнению авторов проекта, все «информационное дело» подразделялось на печать и инструкторскую часть. Первое направление, которое должно было находиться в ведении бюро печати, включало издание известий Западно-Сибирского комиссариата, информационных бюллетеней и деятельность телеграфного агентства. Второе – «живую инструкцию» и «передачу сведений в местную печать»[2].

Осуществление этих задач возлагалось на инструкторский отдел. При этом взаимоотношения двух отделов должны были складываться следующим образом: «инструкторский отдел, состоящий при местном секретариате, получает от первого отдела – бюро печати – комплекс готовых сведений, которые сообщаются агитаторам и инструкторам, а также собирает от них сведения о настроении масс той или другой местности, об общем положении дел и передает их в бюро печати, где они подвергаются соответствующей обработке, систематизируются и где составляются, на основании всех имеющихся сведений, подробные сообщения о состоянии различных местностей, причем обзоры эти составляются в двух видах – один годный для опубликования, другой секретный – для правительства»[3].

Практически сразу после переворота «на маленьком клочке Сибирской территории, включающем части Новониколаевского, Кузнецкого и Томского уездов, откуда началось освободительное движение, распространившееся впоследствии на запад и восток», пришедшие к власти эсеры начинают вести политическую пропаганду. Пропагандистская работа, проводимая под руководством уполномоченных Временного Сибирского правительства, была направлена на разъяснение населению политики новой власти, привлечение его на свою сторону, обеспечение поддержки правительственным мероприятиям. Организующими эту работу центрами становятся Новониколаевск и Томск.

«Падение большевистской власти для широких кругов населения было довольно неожиданно, – писала томская «Заря», – поэтому сразу наметилась необходимость широкого оповещения населения о происходящих событиях. Инициатива в этом отношении принадлежала Западно-Сибирскому комиссариату в момент нахождения его в г. Новониколаевске»[4]. Еще 27 мая 1918 г. на заседании Военно-революционного штаба Временного Сибирского правительства было принято решение об организации агитационной комиссии[5].

Сформировать комиссию, в которую предполагалось включить по одному представителю от социалистических партий, поручалось бывшему редактору местной газеты «Голос Сибири» Н.А. Гудкову. 31 мая уполномоченным Временного Сибирского правительства М.Я. Линдбергом начинается работа по формированию исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата.

В частности, им был образован «административный, он же организационно-инструкторский» отдел во главе с бывшим председателем Томской уездной управы эсером М.П. Рудаковым[6].

Чуть позднее, 4 июня, на заседании ЗСК структура его исполнительного аппарата была утверждена[7]. Заведующим административным отделом назначался В.С. Сизиков, возглавлявший агитационно-пропагандистский отдел Томского губернского комитета эсеров, а ранее занимавший должность управляющего делами милиции Томского губернского земства. При административном отделе было организовано информационное бюро. К 1 июня 1918 г. отделом в качестве инструкторов было привлечено 17 человек, которые «с целью информации населения и восстановления органов местного самоуправления были отправлены в Новониколаевский, Томский и Кузнецкий уезды»[8].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
[4] *Заря* (Томск). 1918. 5 авг. (23 июля).
[5] *Временное* Сибирское правительство… С. 36.
[6] *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства… С. 46.
[7] *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства… С. 70.
[8] *Заря* (Томск). 1918. 5 авг. (23 июля).

В Томске в пропагандистскую работу активно включилась Томская губернская земская управа. 6 июня 1918 г. управа постановила восстановить инструкторский отдел, «организовать кадр инструкторов для посылки в волости и селения с целью восстановления земских самоуправлений»[1]. Для командированных на места инструкторов было решено разработать специальную инструкцию «по восстановлению земских самоуправлений и ревизии бывших волостных и сельских совдепов». Руководство отделом временно возлагалось на А.П. Львова.

1 июня 1918 г. уполномоченный ВСП по Западной Сибири М.Я. Линдберг, заведующий военным отделом ЗСК Н.В. Фомин и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа полковник А.Н. Гришин-Алмазов утвердили «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе». Согласно этим условиям в Сибирскую добровольческую армию принимались все граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия»[2]. Первостепенное значение для новой власти в таких условиях приобретает привлечение в армию добровольцев, что требовало соответствующего пропагандистского обеспечения.

«Со свержением власти совдепов функции инструкторского отдела самою жизнью были в значительной степени расширены, – писала по этому поводу «Сибирская жизнь», – включением в его компетенцию деятельности по агитации в пользу Временного Сибирского правительства, Учредительного собрания, по вербованию добровольцев в армию»[3]. Исходя из необходимости решения новых задач, инструкторский отдел Томской губернской земской управы был разделен на два подотдела: военный и гражданский. «Для осуществления этих новых, продиктованных самой жизнью, заданий в инструкторский отдел был влит новый кадр лиц до 100 человек, а прежние инструктора-учетчики были также привлечены к означенным выше работам по агитации и пропаганде»[4].

10 июня состоялось заседание инструкторов по местному самоуправлению Томского губернского земства. Новый заведующий инструкторским отделом Е. Блюгерман высказал пожелание, чтобы «каждый инструктор не покидал волости, пока не убедится в том, что идея земских самоуправлений привита более или менее основательно»[5]. «С 11 июня, – писала газета «Голос народа», – губернская земская управа начала рассылать отряды инструкторов по восстановлению разогнанных большевиками волостных земских самоуправлений.

В обязанности инструкторов входит также организация на местах народной охраны. Произведены будут перевыборы волостных земских самоуправлений только в случаях крайней необходимости. Инструктора снабжены особыми опросными листами, какое отношение крестьян к земству и другие вопросы, относящиеся к земству, а также литературой по вопросам земства, разными листовками и летучками политических партий и общественных организаций»[6].

Такая форма работы, наряду с организационным, имела важное пропагандистское значение. «Значение инструкторского дела, несомненно, велико, – отмечала «Сибирская жизнь». – Разосланный во все деревни Томской губернии кадр инструкторов в количестве 200 человек разнесет по всем глухим уголкам Сибири истинное значение идей народоправства, попранных большевистским правлением»[7].

8 июня постановлением Западно-Сибирского комиссариата «формирование отрядов добровольческой армии Временного Сибирского правительства» поручалось товарищу (заместителю) председателя Томской губернской земской управы М.П. Рудакову[8]. 10 июня при ЗСК был учрежден отдел по формированию добровольческой народной армии. Заведующим отделом был назначен В.С. Сизиков. Но поскольку он до конца июля 1918 г. работал под непосредственным руководством товарища министра П.Я. Ми-хайлова в Восточной Сибири, то временно руководство отделом осуществлял поручик Александровский. «К организации формирования добровольческой армии в Томской губернии приступлено в качестве первых шагов – посылкой на места приглашенных инструкторов и рассылкой плакатов и воззваний»[9], – докладывал он Рудакову. На мес-

[1] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.
[2] *Временное* Сибирское правительство... С. 50.
[3] *Сибирская* жизнь. 1918. 19 июля.
[4] Там же.
[5] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.
[6] *Голос* народа. 1918. 13 июня.
[7] Там же. 19 июня.
[8] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
[9] *Народная* газета. 1918. 11 июля (28 июня).

тах при содействии земств началась пропагандистская кампания по привлечению в Сибирскую армию добровольцев. Со специальным воззванием отдел обратился к крестьянам[1].

Основой для организации отдела по формированию добровольческой народной армии послужил инструкторский отдел Томской губернской земской управы. 20 июня 1918 г. в его состав было включено информационное бюро административного отдела ЗСК. «Отдел, – отмечалось в томской «Заре», – распадался на два подотдела: 1) военный, 2) гражданский и преследовал следующие задачи: первый – информирование населения о текущих событиях и способствовать созданию добровольческой армии; второй – восстановление и инструктирование разрушенных органов местного самоуправления»[2].

Отделом был сформирован штат военных и гражданских инструкторов. «С этой целью в деревню были влиты вполне осведомленные обо всем происходящем интеллигентные силы, контингент которых составлялся главным образом из студентов томских высших учебных заведений и служащих земств и кооператоров»[3].

Кроме того, был налажен выпуск воззваний, листовок. Для издания необходимой литературы при отделе было создано информационное бюро в составе 5 человек. К 25 июня отделу по формированию народно-добровольческой армии удалось направить для работы на местах (преимущественно в уезды Томской и Алтайской губерний, а также и Акмолинской области) 84 инструктора, которые «совмещали и обязанности военно-гражданского инструктирования населения». С 25 июня по 20 июля 1918 г. им удалось из 230 волостей объехать 114.

1 июля 1918 г. на заседании Совета министров Временного Сибирского правительства был заслушан доклад М.П. Рудакова о «действиях организованного в Томске агитационного бюро по формированию добровольческих отрядов и предположениях о его реорганизации». Правительство поручило «гр. Рудакову совместно с представителями министерств военного и внутренних дел выработать общие положения организации агитационного бюро и суммарную смету, каковая и будет в случае утверждения ее Советом министров авансирована с тем, чтобы в ближайшее время был бы выработан детально разработанный проект и смета»[4].

На следующий день на заседании Временного Сибирского правительства с инициативой создания специального «агитационного бюро для успешного проведения предполагаемого набора» выступил начальник штаба Западно-Сибирской отдельной армии полковник П.П. Белов. Совет министров признал «необходимость спешной организации агитационного бюро», перед которым была поставлена задача «подготовки общественного мнения к проведению набора». Правительство постановило «просить начальника штаба в возможно непродолжительном времени представить разработанный проект и смету», а также «разрешить министру финансов по соглашению с начальником штаба выдать необходимый аванс на организацию агитационного бюро»[5].

Вновь к вопросу об «организации агитационного бюро для подготовки успешного проведения в жизнь мероприятий правительства, в частности предполагаемого набора солдат», Совет министров Временного Сибирского правительства возвращается 5 июля, постановив создать такое бюро при министерстве внутренних дел[6].

В итоге в составе МВД начинает формироваться информационно-инструкторский отдел, «на который и была возложена информация населения, агитация, организация земства и снабжение их как работниками, так и руководящими указаниями (издание законоположений по введению земского и городского хозяйства и управления и земского журнала)»[7]. Новый отдел организуется в Томске на основе отдела по формированию добровольческой народной армии.

«Информационно-инструкторский отдел, – говорилось в одном из докладов, опубликованном в томской «Заре», – создается в период организации государственно-демократического аппарата автономной Сибири. Своими функциями (действиями) отдел разрешает две основных задачи момента государственного созидания: 1. Путем печати и живого слова подготовляет население Сибири к крупнейшим государственным мероприятиям, требующим необходимых жертв со стороны народа. 2. Содействует населению в создании органов городских и земских самоуправлений и по выборам в Учредительное собрание».

---

[1] *Воля* Сибири (Красноярск). 1918. 12 июля.
[2] *Заря* (Томск). 1918. 5 авг. (23 июля).
[3] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.
[4] *Временное* Сибирское правительство... С. 110.
[5] Там же. С. 112.
[6] Там же. С. 122.
[7] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

Инструкторско-информационный отдел состоял из двух подотделов: осведомительного и инструкторского. Решение первой задачи возлагалось на осведомительный подотдел. Структура подотдела включала три стола: личного состава, редакционное бюро и экспедицию. В его ведении находились инструкторы-инфор-маторы. Осведомительному подотделу поручалось составление, издание и распространение воззваний, информационных бюллетеней, правительственных постановлений. В июле 1918 г. усилия подотдела были направлены на пропагандистскую подготовку населения к призыву в армию и платежу налогов.

Осуществлением второй задачи занимался инструкторский подотдел. Предполагалось, что он будет руководить земскими инструкторами, организовывать курсы земского хозяйства и управления, разрабатывать и издавать руководства по земским вопросам. С целью координации действий МВД и губернских земств, формирования единой структуры земских управ планировалось созывать съезды представителей органов местного самоуправления[1].

Руководство новым отделом было возложено на уполномоченного при министерстве внутренних дел М.П. Рудакова, составлена смета в 175 750 руб. в месяц. К работе отдела было решено привлечь профессоров Томского университета Н.Я. Новомбергского, В.М. Грибовского и некоторых других[2].

Однако, еще фактически не приступив к работе, отдел был реорганизован. «Этой стройной организации, – отмечал в своем докладе А.Г. Козлов, – обещавшей молодой земской Сибири огромную пользу, не суждено было развернуться, причиной чему было неожиданное и совершенно непонятное утверждение советом министров второго проекта организации – “информационно-агитационного отдела”, с возложением на него только информации населения о происходящих событиях и агитации в пользу Временного Сибирского правительства. Часть же организационная была совершенно исключена, а томский инструкторско-информационный отдел ликвидирован (рис. 6).

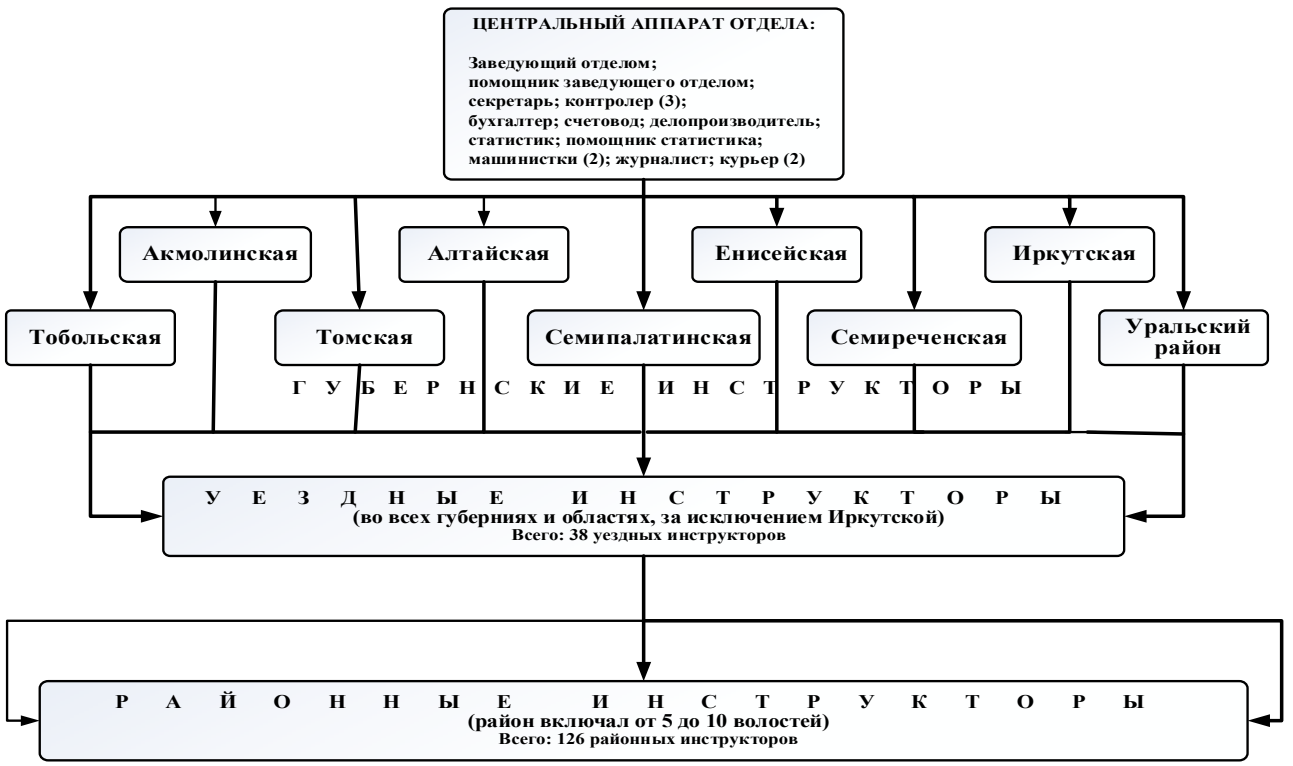


Рис. 6. Схема организации информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства (ноябрь 1918 г.)

Таким образом, столь необходимая в области государственного строительства в самый критический момент возрождения государственности работа была в самом начале прервана»[1].

[1] *Заря* (Томск). 1918. 5 авг. (23 июля).
[2] *Временное* Сибирское правительство… С. 690.

По мнению новосибирского исследователя А.Л. Посадскова, такой «поворот событий в сфере организации пропаганды» был не случаен и отражал «наступление генеральско-чиновничьей контрреволюции»[2]. С таким выводом нельзя не согласиться.

В середине июля 1918 г. реорганизованный информационно-агитационный отдел МВД приступил к работе. Теперь он располагается в Омске. В составе отдела планировалось создать три подотдела, сформированных по территориальному принципу: Западно-Сибирский (в его ведении были Тобольская губерния, Акмолинская и Семипалатинская области), Средне-Сибирский (Томская, Иркутская, Енисейская и Алтайская губернии) и Восточно-Сибирский (предполагалось, что он начнет свою работу по мере освобождения этой территории от большевиков). С 12 августа отдел возглавил А.Г. Козлов.

Новый руководитель циркулярно предлагал «инструкторам попутно с информацией вновь приступить к организации волостного земства, милиции и содействию последним в проведении предстоящего тогда принудительного набора в армию»[3]. Кроме того, он рекомендует инструкторам «привлечь к работе местную интеллигенцию, побуждая ее к организации культурно-просветительных кружков, обществ и т.п.».

К началу ноября в центральном аппарате отдела работало 16 сотрудников. Кроме того, в подчинении отдела находились 7 губернских, 38 уездных и 126 районных инструкторов-организаторов. Таким образом, к моменту прекращения своей деятельности отдел располагал «173 интеллигентными работниками, разбросанными по всей Западной и Средней Сибири от Урала (Златоустовский уезд) до Байкала»[4]. На содержание отдела правительство выделяло ежемесячно 30 тыс. руб.

Инструкторы-организаторы должны были формировать собственный штат информаторов. «В задачу информаторов, – указывалось в «Плане организации отдела», – входит не только информация и агитация согласно данным инструкциям, но и подыскание при волостных земствах агентов информации из среды местной интеллигенции (учителей, священников, фельдшеров, волостных писарей, кооператоров и т.д.)»[5]. В идеале организация отдела должна была «получить такую стройность и чувствительность, чтобы малейшее колебание политических настроений на местах по периферии передавалось в центр и наоборот – все распоряжения, приказы, события тотчас спускались в самую гущу населения»[6].

Однако и реорганизованному, лишенному части своих прежних функций информационно-агитационному отделу развернуть свою работу не дали. «В составе омского отдела, – пишет по этому поводу А.Л. Посадсков, – было куда меньше радикалов-социалистов и больше консерваторов. Но даже этот отдел рассматривался консервативными силами в сибирском правительстве как прибежище эсеров… Немудрено поэтому, что усиливающаяся консервативно-монархическая часть сибирского правительства в сентябре–ноябре 1918 г. ведет определенную линию на сворачивание работы информационно-агитационного отдела МВД, на его поэтапное уничтожение»[7].

В конечном итоге вся пропагандистская работа отдела на местах была прекращена. В ноябре уездным инструкторам направляется инструкция, подписанная заведующим отделом. «Сообщаю план ликвидации работы по информации населения и перевыборам в земство, – говорилось в ней. – К ликвидации приступить немедленно, по получении сего. Конечный срок ликвидации 15 ноября сего года. С ликвидацией отдела всякая работа на средства правительства на местах прекращается; если же земство пожелает продолжить работу силами, занятыми в данное время, то оно может пригласить на службу на свои средства к себе, в противном случае все инструкторы увольняются»[8]. Практическая целесообразность была, таким образом, принесена в жертву политической конъюнктуре.

Другим важным направлением работы стало информационное обеспечение деятельности нового правительства.

В начале июня 1918 г. при управлении делами ЗСК создается информационное бюро (рис. 7). Точная дата создания бюро неизвестна. На заседаниях Западно-Сибирского комиссариата вопрос об организации прави-

[1] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–35 об.
[2] *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. 1917–1930 гг. Новосибирск, 2002. С. 90–91.
[3] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 35 об.
[4] Там же. Л. 36.
[5] Там же. Л. 41.
[6] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
[7] *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока… С. 91.
[8] ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

тельственного информационного бюро не рассматривался, по крайней мере, в опубликованных протоколах заседаний такого решения нет. Однако сохранилось удостоверение, выданное первому руководителю информационного бюро Григорию Никитичу Бутакову, в котором говорилось, что «он, как заведующий бюро, имеет право на беспрепятственный вход во все правительственные и общественные учреждения, а также на все съезды и заседания»[1].

Всем лицам и учреждениям предписывалось оказывать ему всяческое содействие. Удостоверение было выдано 2 июня 1918 г. В начале же июня от имени «информационного отдела Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства» был подготовлен и напечатан военный бюллетень, в котором сообщалось о событиях в Мариинске[2]. Все это позволяет датировать создание правительственного информационного бюро самым началом июня 1918 г., вероятно, 1-м или 2-м числом.

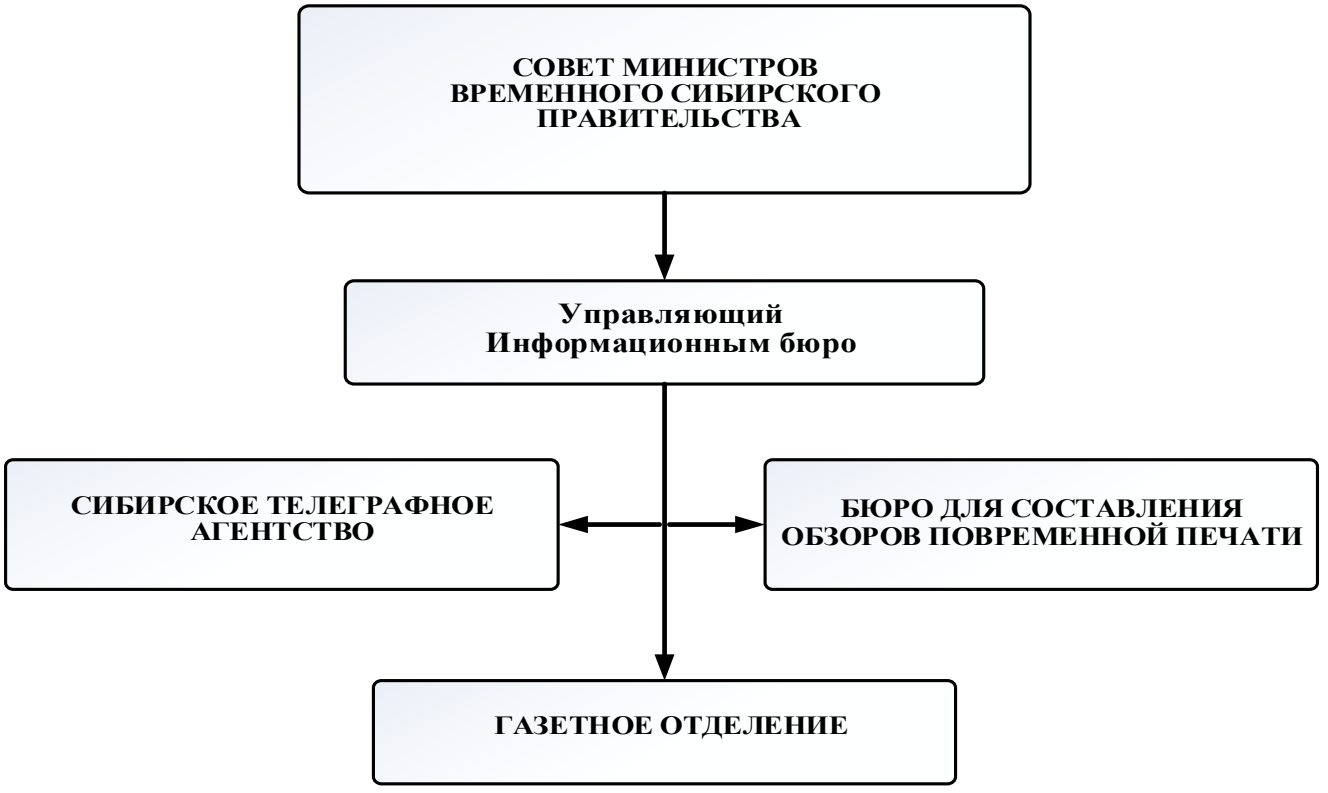


Рис. 7. Схема организации правительственного Информационного бюро, предложенная в проекте «Положения об Информационном бюро при Сибирском правительстве» (июль 1918 г.)

Первоначально штат сотрудников бюро состоял из 9 человек[3]. Его деятельность преимущественно сводилась к распространению по телеграфу важнейших сведений о мероприятиях Комиссариата. Своей официальной газеты у ЗСК не было. Правительственные распоряжения, как правило, публиковались в омских изданиях «Заря» и «Омский вестник».

С увеличением контролируемой антибольшевистскими силами территории и переходом власти к Временному Сибирскому правительству сфера полномочий информационного бюро была существенно расширена. В начале июля 1918 г. секретарем Инфбюро ЗСК Н.А. Вадзинским был разработан проект «Положения об Информационном бюро при Сибирском правительстве» как «главном осведомительном учреждении Сибирской республики»[4].

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 49.
[2] *Западно*-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства… С. 69.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

9 июля 1918 г. в томской «Народной газете» появляется небольшая заметка: «Информационное бюро Временного Сибирского правительства поручено организовать известному писателю-сибиряку Г.А. Вяткину»[1]. Вяткиным была подготовлена и направлена в Совет министров докладная записка, в которой он изложил свое видение предстоящей работы. «Информационная деятельность, – полагал он, – правительственной власти необходима, прежде всего, для тесной связи этой власти с народом – между им и правительством должен быть поставлен своего рода резонатор, ровно на все радиусы передающий вести сверху вниз и обратно. Информацию надлежит понимать в самом широком смысле слова, т.е. не только как осведомление, но и как уяснение, толкование и популяризацию правительственных идей, заданий и мероприятий. Это особенно необходимо в сложных условиях современной действительности, когда путаница понятий и неосведомленность масс приводят нередко [к] крупным недоразумениям и когда нашей Сибирской области, имеющей 60% неграмотного взрослого населения, приходится самостоятельно приступать к государственному и общественному строительству»[2].

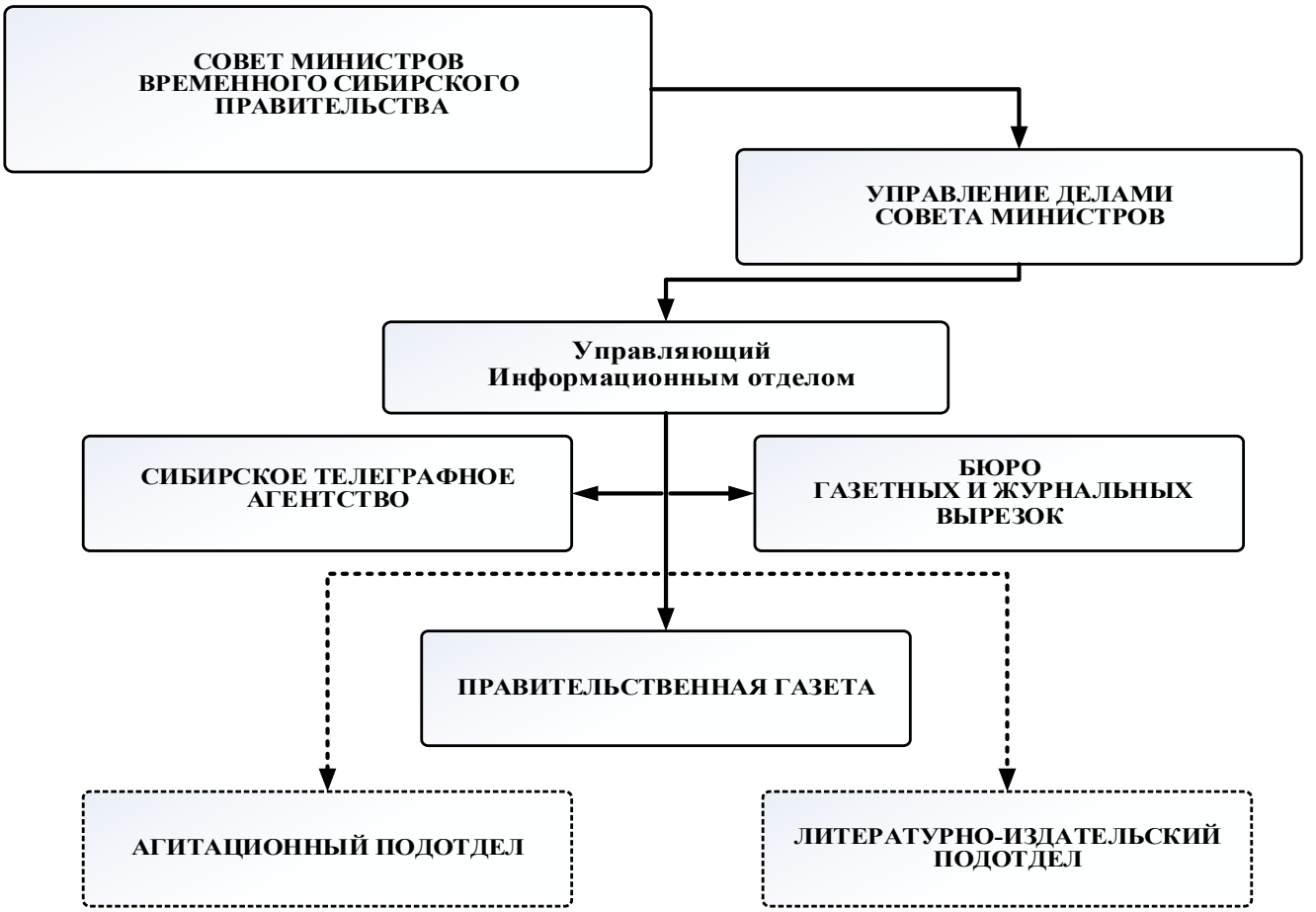


Рис. 8. Схема организации правительственного Информационного отдела, предложенная Г.А. Вяткиным (июль 1918 г.). Пунктиром обозначены подразделения, создание которых автор считал делом «перспектив, более или менее отдаленных, приблизиться к которым в данный момент не позволяет состояние государственных финансов»

Решение этой задачи, по мнению Вяткина, следовало возложить на информационный отдел, входивший в состав управления делами Совета министров на правах автономной единицы (рис. 8). В своей докладной записке Вяткин обозначил и основную схему деятельности правительственной информационной службы:

[1] *Народная* газета. 1918. 9 июля (28 июня).
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.

«одновременная и параллельная работа в двух направлениях: информации правительственной (от центра к периферии) и информации общественной (от периферии к центру)». При этом всю «правительственную информацию для большей точности и правильности отдел получает непосредственно от управляющего делами Совета министров и от секретарей министерств за их подписью, а также от секретариата областной думы, по возможности в срочном порядке и с подписью “к опубликованию”»[1].

Вяткиным предложены и конкретные меры, необходимые для продуктивной работы отдела: «1) организация информационной агентуры на местах и Сибирского телеграфного агентства в центре; 2) издание официальной правительственной газеты с неофициальным отделом и 3) организация газетных и журнальных вырезок из всех периодических изданий Сибири, а также главнейших печатных органов Европейской России и заграницы»[2].

Приказом по канцелярии Совета министров 15 июля 1918 г. Г.Н. Бутаков «ввиду преобразования информационного бюро и приглашения специалиста для организации бюро на новых началах» от должности заведующего был освобожден[3]. Пост управляющего информационным бюро занял, однако, не Вяткин, а А.И. Манкевич, до этого исполнявший обязанности секретаря Западно-Сибирского комиссариата. Г.А. Вяткин же был назначен его помощником. Новые руководители представили на рассмотрение Г.К. Гинса проект реорганизации правительственной информационной службы, в основе которой лежала уже известная докладная записка Вяткина. В частности, была принята его схема работы:

1) информировать население о деятельности властей (от центра к периферии) посредством правительственного телеграфного агентства;

2) информировать правительство о положении дел на местах (от периферии к центру) «путем представления министрам обзоров всей повременной прессы, как выразительницы общественного мнения»[4]. Наряду с этим, предлагалось начать издание официальной правительственной газеты[5].

Все эти предложения были одобрены управляющим делами Совета министров ВСП. Кроме того, по соглашению с Г.К. Гинсом Инфбюро в «целях формального удобства» было причислено к канцелярии Совета министров в качестве ее 4-го отделения. По существу же, за ним было оставлено право автономной работы и самостоятельного внутреннего распорядка[6].

24 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства были утверждены «Временные правила об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров» и «Положение о Сибирском телеграфном агентстве».

В соответствии с этими нормативными актами правительственное Информационное бюро состояло из двух подотделов: бюро печати и Сибирского телеграфного агентства (СТА). Согласно «Временным правилам» информационное бюро получало статус «центрального официального учреждения» Временного Сибирского правительства, имевшего «целью своей деятельности своевременное и достоверное осведомление печати правительственных учреждений, общественных организаций и населения» (рис. 9). Для обеспечения большей точности и надежности передаваемых сообщений предполагалось, что правительственная информация будет получаться непосредственно «и по возможности в срочном порядке» от государственных учреждений и ведомств[7].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43–43об.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43–43об.
[3] Там же. Д. 5. Л. 20.
[4] *Сибирский* вестник (Омск). 1918. 22 авг.; *Правительственный* вестник (Омск). – 1918. 25дек.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.
[6] Там же.
[7] *Временное* Сибирское правительство… С. 187.

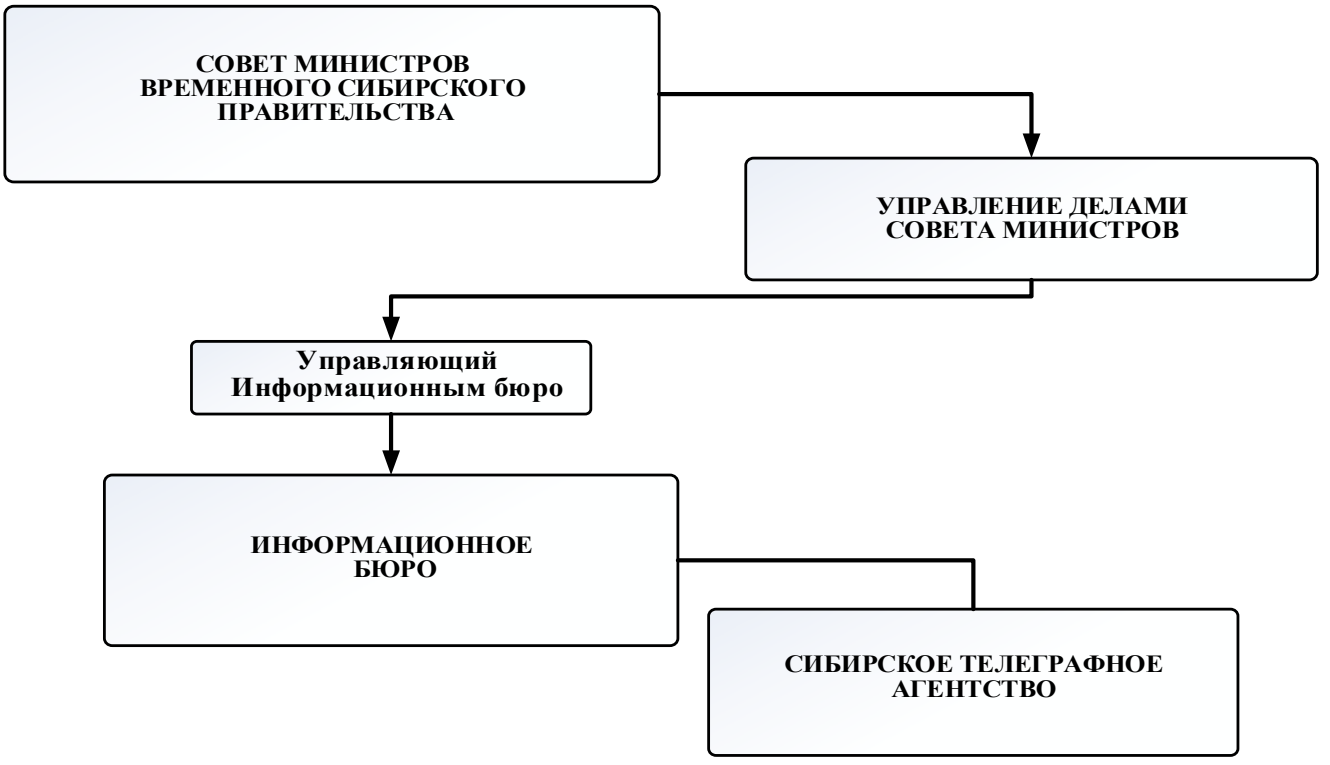


Рис. 9. Схема организации правительственной информационной службы в соответствии с «Временными правилами об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров» (июль 1918 г.)

Для реализации возложенных на него задач Информационное бюро должно было организовать Сибирское телеграфное агентство в центре и его агентуру на местах, а также составлять обзоры печати из всех периодических изданий Сибири и ведущих печатных органов Европейской России и заграницы[1].

Уже летом 1918 г. была предпринята первая попытка централизовать деятельность информационных органов. В августе товарищ министра внутренних дел П.Я. Михайлов направил в Совет министров доклад, в котором обрисовал деятельность информационно-агитационного отдела при МВД и Информационного бюро при Совете министров (рис. 10).

По его словам, в период организации и развития своей деятельности оба аппарата «резко отмежевались один от другого», не было установлено ни контакта между ними, ни общей координации действий. Таким образом, весь ценный материал, поступающий с мест, а также исходящий от центра, оставался неиспользованным, поскольку он поступал от информационно-агитационного отдела сразу в министерский архив, а материал, исходящий от центра, публиковался лишь в нескольких газетах Сибири.

По мнению П.Я. Михайлова, информационно-агитационный отдел, распространяя свою деятельность на всю Сибирь, информировал население о происходящих событиях, пользуясь случайно попавшими под руку материалами. Попутно через своих инструкторов-информаторов отдел собирал сведения о положении и настроении на местах. Весь этот материал, за неимением органа, обрабатывающего его и дающего ему надлежащее назначение, частично попадал в местную прессу и в виде «компиляции» в МВД.

Другой же отдел, информационный при Совете министров, который, по существу своему, должен был информировать и население, и правительство обо всем происходящем, занимался только опубликованием оперативных сводок, получаемых от штаба армии, и правительственных распоряжений, путем рассылки телеграмм по губернским городам. «Но вряд ли отдел знает, что творится на местах, – указывалось в докладе, –

[1] *Временное* Сибирское правительство… С. 187.

если он не прочитает случайно газетной статьи, освещающей положение на местах в газетах разного направления с различных точек зрения, и вряд ли отдел может правильно информировать правительство о том, что происходит на местах в самой гуще населения и каково там отношение к правительству»[1].

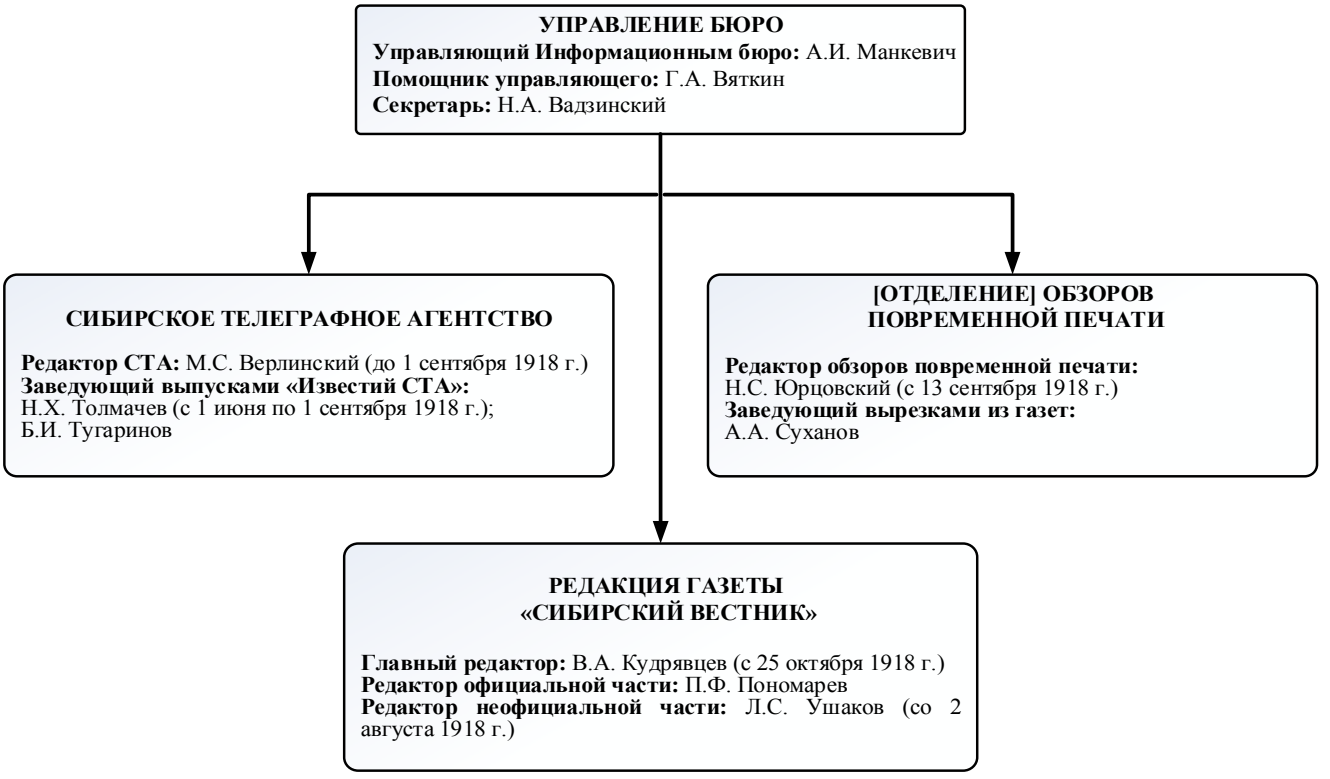


Рис. 10. Схема организации Информационного бюро при Канцелярии Совета министров ВСП (октябрь 1918 г.)

Подобное положение вещей, по мнению П.Я. Михайлова, вызывало только непроизводительную бесцельную трату средств и энергии и не могло рассматриваться иначе, как просто недоразумение, имеющее свои глубокие корни в неправильной постановке дела вследствие отсутствия единого информационного аппарата. Чтобы поставить дело информации на надлежащую высоту, он предлагал на рассмотрение правительства проект организации информационного отдела при Совете министров на новых основаниях.

Предлагаемый проект в целях координации действий предусматривал объединение информационного подотдела инструкторско-информационного отдела при МВД с информационным отделом при Совете министров с целью создания единого Информационного отдела при Совете министров. Основными задачами этого отдела являлись бы: а) информация населения о происходящих событиях; б) информация правительства о положении на местах; в) сбор материалов о жизни страны и сосредоточение их в общем для всей Сибири музее печати (Книжной палате) и г) осуществление связи с центральным правительством Российской Федеративной Республики.

На этом проекте управляющий Информационным бюро А.И. Манкевич 20 августа 1918 г. сделал запись: «Мысль о слиянии двух организаций в одно учреждение здоровая и осуществимая. Указанные здесь задачи воплощены в жизнь, но координирование действий необходимо, дабы затраты были производительны и лучше использовались. Если министр внутренних дел положительно пожелает передать свой отдел Инфбюро, последнее не откажется»[2]. Однако Советом министров Временного Сибирского правительства предложенный П.Я. Михайловым проект принят не был.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 52.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 53, 53 об.

Летом 1918 г. одновременно с созданием правительственных информационных и пропагандистских органов начинается формирование осведомительных структур в армии. Правда, в вооруженных силах этот процесс протекал гораздо медленнее. Связано это было с общим непониманием в военной среде роли целенаправленной разъяснительной работы в современных условиях, негативным отношением к пропаганде как политической практике и отсутствием необходимого опыта в организации осведомления. Именно поэтому развитие организационных форм военной пропаганды происходит по весьма специфической траектории.

В июле 1918 г. в составе штаба Западно-Сибирской отдельной армии создается военно-исторический отдел (рис. 11). С 15 июля его возглавил генерал-майор В.Р. Романов[1], занимавший до этого ответственные посты начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и главного начальника снабжений Западно-Сибирской армии. 24 июля он обратился к населению Сибири, всем военным и гражданским учреждениям со специальным воззванием.

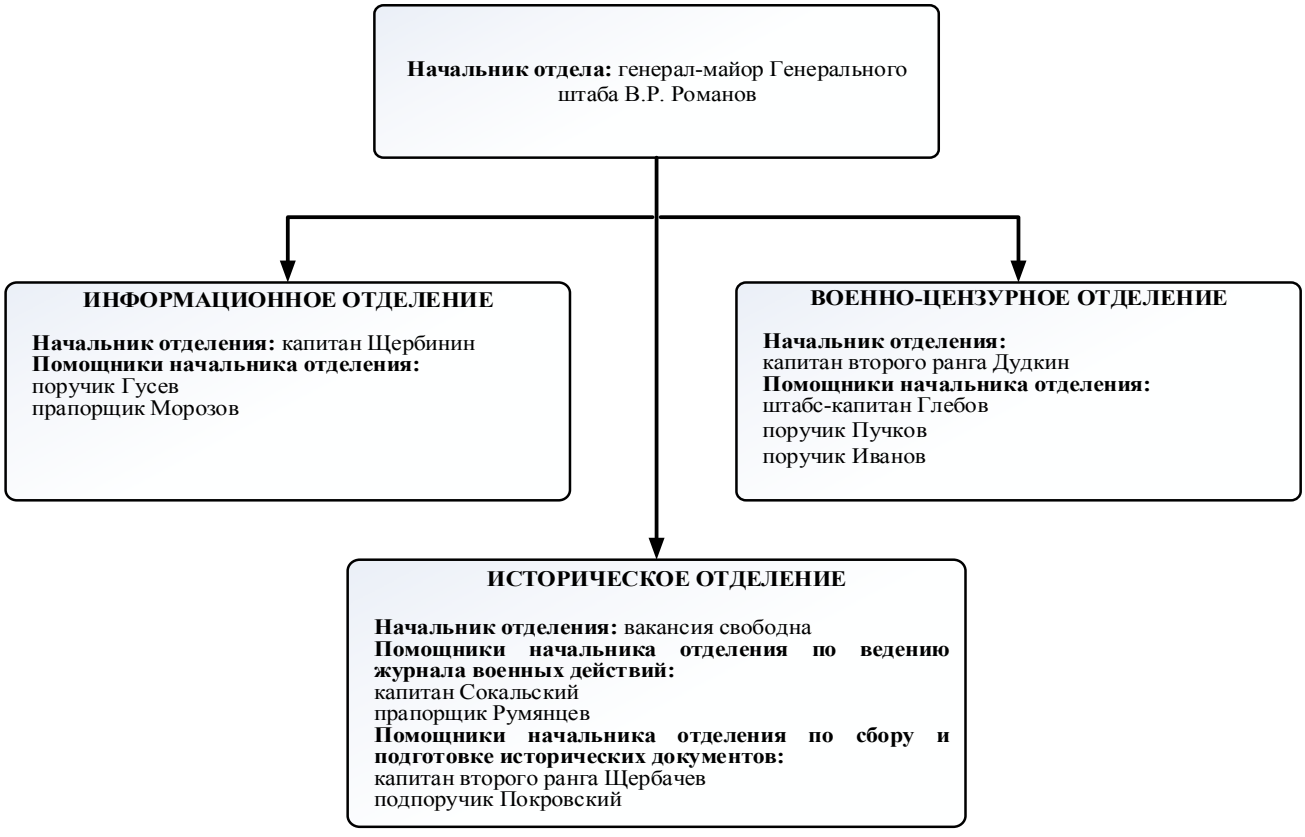


Рис. 11. Схема организации военно-исторического отдела штаба Сибирской армии (конец августа 1918 г.)

Задачей военно-исторического отдела, говорилось в этом обращении, «является собирание исторических материалов, относящихся к свержению советской власти в Сибири и к истории Сибирской армии, разбор их, составление подробных исторических справок и издание о происходящих событиях». Генерал-майор Романов призывал население передавать в отдел любые материалы, относящиеся к указанной тематике (газеты, прокламации, брошюры, приказы, фотографии, рисунки и т.п.), «наши и большевистские». В обращении подчеркивалось: «Будут представлять из себя особую ценность и записи, сделанные очевидцами переворота, или описания интересных событий в том или ином городе или селении, в произ-

[1] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 287. Л. 13.

вольной редакции, подписанные тем лицом, кто произвел запись, с указанием его адреса и времени записи, дневники, частные письма (или выдержки из них)»[1].

Руководитель нового отдела справедливо полагал, что «незначащий в отдельном случае материал (какой-нибудь обрывок приказа)» в сочетании с другими документами «принесет громадную пользу и восстановит целую серию событий». «Военно-исторический отдел, – указывалось в обращении, – по мере своих сил поможет своей работой будущему нашему поколению вполне объективно и со всеми подробностями разобраться в июньском перевороте в Сибири, а также и последующих событиях»[2]. Таким образом, основной упор в работе отдела был сделан на сбор материалов по истории антибольшевистского переворота.

30 июля управляющий военным министерством и командующий Сибирской армией генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов утвердил временный штат штаба армии. Наряду с управлениями генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, инспектора артиллерии и начальника инженеров в структуре штаба значился и военно-исторический отдел[3]. Первоначально отдел состоял из исторического, информационного и военно-цензурного отделений. Штатное расписание предусматривало 27 сотрудников, в том числе 16 офицеров. При этом 15 человек, из них 8 – офицеры, т.е. более половины сотрудников отдела составляли историческое отделение.

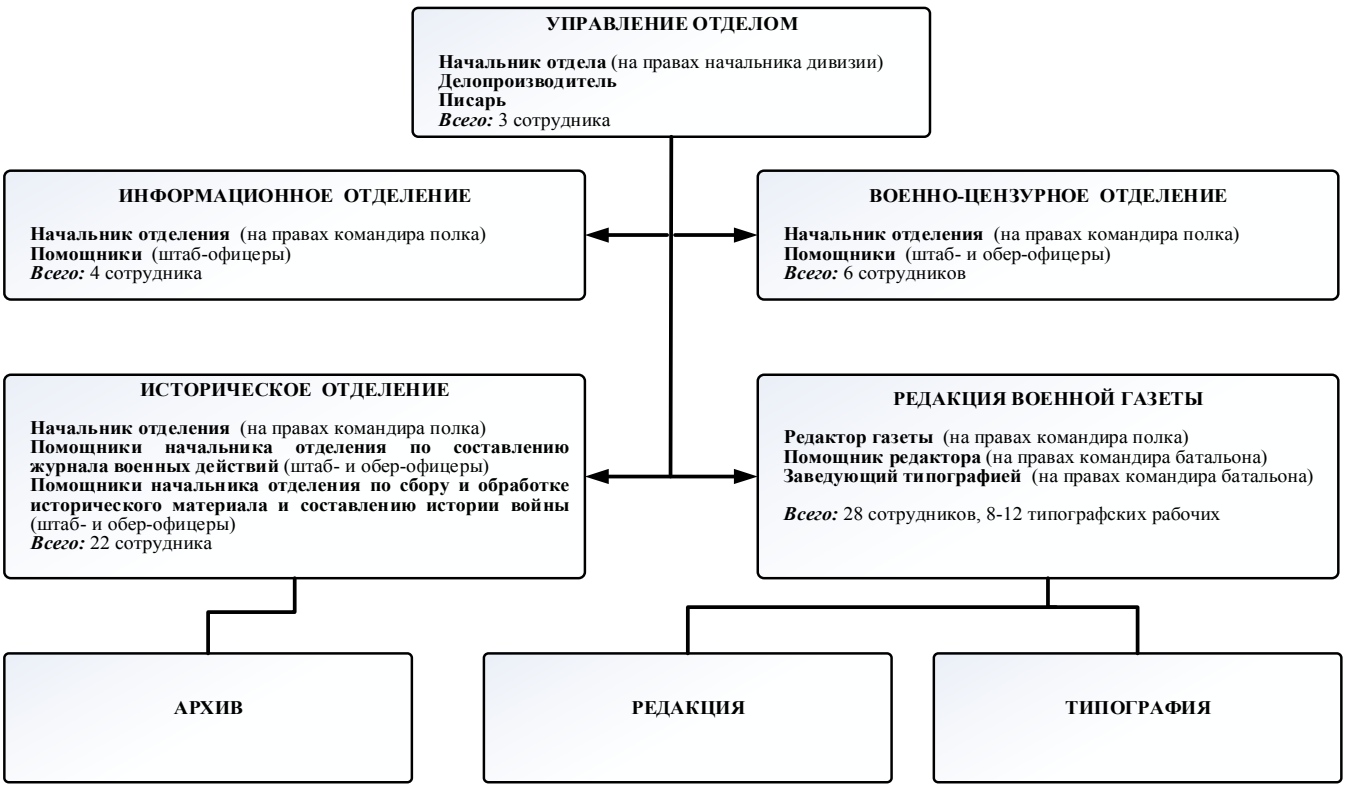


Рис. 12. Схема организации военно-исторического отдела штаба Сибирской армии, предложенная капитаном Пресницким (сентябрь 1918 г.)

Формирование отдела происходило медленно. 26 июля 1918 г. приступает к исполнению своих обязанностей штаб-офицера исторического отделения капитан Сокальский, ответственный за ведение журнала военных действий. 1 августа начальником военно-цензурного отделения был назначен капитан второго ранга Дудкин. 16 августа должность начальника информационного отделения занимает капитан Щербинин, штаб-офицера исторического отделения, ответственного за сбор и подготовку исторических документов, – капитан

[1] *Народная* газета. 1918. 8 авг. (26 июля).
[2] *Народная* газета. 1918. 8 авг. (26 июля).
[3] *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 99–100.

второго ранга Щербачев. К 20 августа вакантными оставались 12 мест, в том числе и должность начальника исторического отделения.

В дальнейшем функции отдела были уточнены, дополнились и расширились. В частности, для хранения «всевозможного материала, получаемого от частей и учреждений армии» в структуре отдела предполагалось создать архив. Кроме того, предполагалось издание военной газеты, что подразумевало включение в состав отдела редакции и типографии. 11 сентября 1918 г. временно исполняющий обязанности начальника военно-исто-рического отдела капитан Пресницкий направил начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору П.П. Белову проект нового штатного расписания, предусматривавшего в составе отдела уже 63 сотрудника и 8–12 типографских рабочих[1] (рис. 12). Однако в связи с общей реорганизацией военного управления этот проект осуществлен не был.

Подведем итоги. Подготовленные в июне – начале июля 1918 г. проекты организации государственной службы информации и политической пропаганды предполагали:

Во-первых, весьма амбициозные цели. Правительственный информационный отдел рассматривался в качестве основного посредника между государственной властью и обществом, «своего рода резонатора, равно на все радиусы передающего вести сверху вниз и обратно»[2]. Само же создание «особенного информационного органа» расценивалось как одна из «настоятельнейших задач при конструкции государственного аппарата внутреннего управления»[3].

Во-вторых, высокий статус информационного отдела, подчиненного непосредственно Совету министров Временного Сибирского правительства[4].

В-третьих, четкое разделение полномочий и тесное взаимодействие всех подразделений правительственной службы информации и политической пропаганды, и даже их централизацию[5].

В-четвертых, простую и понятную схему работы: от центра к периферии («информацию правительственную») и от периферии к центру («информацию общественную»)[6].

В-пятых, как информационную («осведомление»), так и хорошо выраженную пропагандистскую («уяснение, толкование и популяризацию правительственных идей, заданий и мероприятий»)[7] направленность своей работы.

Как же была организована правительственная служба информации и политической пропаганды на практике? В течение лета – осени 1918 г. в Сибири было сформировано три государственных учреждения, так или иначе занимавшихся информационной и пропагандистской деятельностью – Информационное бюро при Совете министров Временного Сибирского правительства, информационно-агитационный отдел МВД и военно-исторический отдел штаба Сибирской армии. При этом статус правительственного информационного бюро был понижен («состоит при канцелярии Совета министров»[8]). Действовавшие на этом этапе сами по себе осведомительные органы Белой Сибири не представляли собой единую систему, их централизации и тесному взаимодействию препятствовали ведомственность, местнические интересы, партийные и аппаратные интриги. Кроме того, даже к концу 1918 г. как администрация самих осведомительных учреждений, так и политическое руководство антибольшевистского движения на востоке России в целом, четко не представляли себе ни структуру государственной службы информации и политической пропаганды, ни круг решаемых ею задач. Об этом хорошо свидетельствуют постоянные реорганизации, а также сохранившиеся в архивах многочисленные проекты переустройства структурных подразделений правительственных осведомительных органов. Первоначальная структура отличалась слабо дифференцированным в функциональном отношении центральным аппаратом с небольшим штатом сотрудников и рудиментарными региональными подразделениями. Так, например, в начале октября 1918 г. Сибирское телеграфное агентство располагало сетью всего из 14 корреспондентов в 10 населенных пунктах[9] (рис. 13).

---

[1] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 287. Л. 35–35 об.
[2] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 10.
[5] Там же. Л. 3–3об.
[6] *Сибирский* вестник (Омск). 1918. 22 авг.
[7] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.
[8] *Сибирский* вестник (Омск). 1918. 22 авг.
[9] ГА РФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

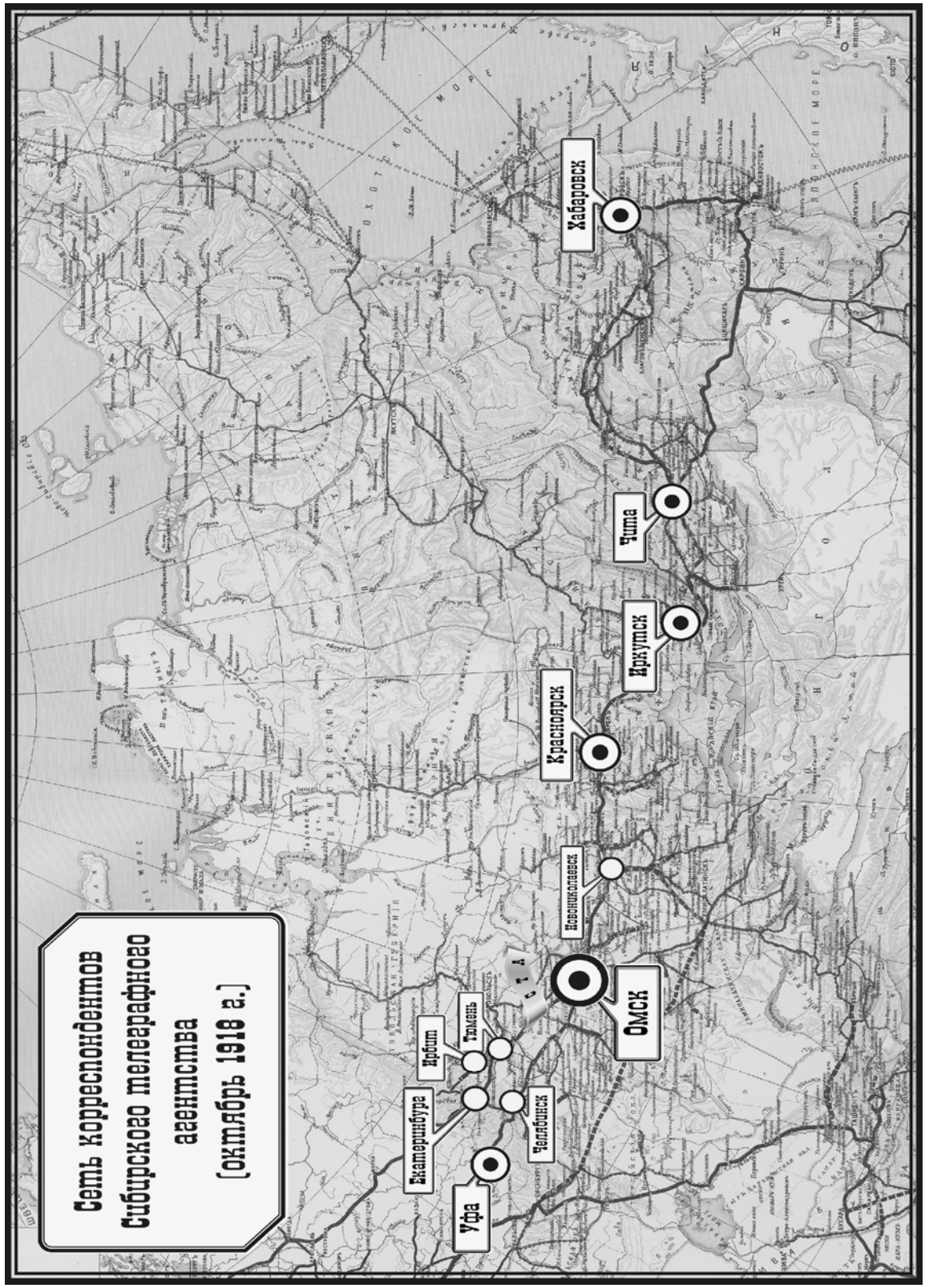


Рис. 13. Сеть корреспондентов Сибирского телеграфного агентства (октябрь 1918 г.)

В работе правительственного осведомительного аппарата в этот период наблюдается явная недоработка в сфере политической пропаганды. Ни в Инфбюро, ни в военно-историческим отделе штаба Сибирской армии не было сформировано специализированного пропагандистского подразделения. К тому же на военно-исторический отдел изначально было возложено несколько задач и политическая пропаганда занимала среди них далеко не первое место. По существу, вся непосредственная работа с населением, «живая инструкция» в терминах того времени, была сосредоточена в информационно-агитационном отделе МВД, но его деятельность осенью 1918 г. была свернута.

Далеко не все благополучно обстояло и с информационной работой. Долгое время (причем время ключевое) у Временного Сибирского правительства не было своего официального печатного органа, в котором бы «компетентные лица разъясняли бы в виде статей» постановления и распоряжения новой государственной власти[1]. Специальная же газета для армии, призванная, по словам Г.А. Вяткина, удовлетворить «духовную жажду» огромной массы новобранцев, газета, «главной и, может быть, единственной аудиторией» которой должна была стать «солдатская масса», несмотря на все усилия, так и не вышла.

В результате сибирская деревня на протяжении нескольких недель «совершенно не уяснила себе смысла переворота и идеи оздоровления центра через автономию окраин». «Благодаря отсутствию официального органа печати» на местах был неизвестен даже персональный состав Временного Сибирского правительства, что давало «неиссякаемый источник волнениям и противоправительственной агитации среди демократии». Население же села Бердского Новониколаевского уезда даже в августе 1918 г., указывалось в одном из отчетов о настроениях населения Томской губернии, «до сих пор еще не [было] уверено в падении большевистской власти, так как однажды уже был такой пример, что после падения власти большевиков село Бердское подверглось нападению красногвардейцев, которые арестовали приверженцев Временного Сибирского правительства и три дня властвовали в селе»[2]. Важная деталь: указанное село, как отмечал автор доклада, было «соединено проводом через Ординское с городом Камнем и Славгородом, возле которых действительно шляются красногвардейцы».

В то же время следует отметить, что за несколько месяцев работы информационно-пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства получили полезный опыт и извлекли из своей практики определенные уроки. Так, 21 декабря 1918 г. в Управление делами Совета министров и Верховного правителя был направлен пакет документов (объяснительная записка о деятельности Информационного бюро (Отдела печати) с 10 июля по 15 декабря 1918 г., докладная записка о необходимости приобретения собственной типографии, проекты нового штатного расписания и месячной сметы) о реорганизации правительственного Отдела пе-чати. «Информационное бюро Сибирского правительства, – указывалось в объяснительной записке, – подкрепленное новыми техническими средствами и переименованное в Отдел печати Российского правительства, надеется более полно и тщательно выполнять лежащие на нем ответственные задачи, твердо памятуя, что правильная информация является залогом успеха правительственной работы»[3]. В пояснительной же записке управляющий отделом указывал, что подготовленное штатное расписание «явилось результатом полугодовой деятельности Информационного бюро, двухмесячной Отдела печати и совместной практики».

В первую очередь это касалось осмысления роли информационной работы в функционировании государственного аппарата того времени. «В настоящий исторический момент, – отмечалось в уже цитированной объяснительной записке о деятельности правительственного Информационного бюро, – в сложной политической ситуации, когда на целые века вперед определяется судьба стран и народов, роль государственной информации становится чрезвычайно важной, какою не была никогда до сих пор… Политическою необходимостью диктуется и для России иное отношение к этой отрасли государственного дела»[4].

Полученный опыт, а также расширение сфер деятельности (цензура, культурно-просветительная работа в войсках) непременно должны были сказаться на организационных формах и структуре осведомительных учреждений. В частности, заведовавший в течение трех месяцев выпуском телеграфных известий Б.И. Тугаринов рекомендовал управляющему Информационным бюро «для пользы дела» выделить СТА в

[1] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об–4.
[2] ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.
[3] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 55 об.
[4] Там же. Л. 56.

«автономный отдел со своим особым делопроизводством, бухгалтерией и денежной отчетностью»[1]. Пришедшими к власти на востоке России «государственно-мыслящими элементами» начинает формироваться новая модель осведомительной работы, основанная на сочетании «правильно» поставленной информации, цензуры и культурно-про-светительной работы в армии.

2.2. Организационная и функциональная эволюция осведомительных учреждений антибольшевистских правительств востока России (осень 1918 – весна 1919 гг.): путь проб и ошибок

С образованием на Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. Временного Всероссийского правительства (ВВП), претендовавшего на власть в общероссийском масштабе, начинается новый этап в истории антибольшевистского движения на востоке России. Получивший статус «всероссийского» государственный аппарат политической пропаганды и осведомления Белого Востока также вступает в новую стадию своего развития (осень 1918 – весна 1919 г.), которую можно охарактеризовать как *период становления*. Для понимания осведомительной работы как особого направления внутренней политики антибольшевистских правительств востока России, инструмента утверждения новой государственной идеологии и новой для того времени политико-административной практики данный этап не менее важен, нежели предыдущий. По существу, речь идет о формировании качественно иной модели государственной пропаганды. Связано это было с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, государственный аппарат осведомления и политической пропаганды приобретает статус «всероссийского», в соответствии с которым перестраивается его организационная структура, расширяются штаты, увеличивается финансирование. На новый уровень выходит и масштаб решаемых осведомительными органами задач.

Во-вторых, в это время происходит и определенная переоценка политических ценностей, смещение идеологических акцентов от «народовластия», демократических свобод и Учредительного собрания в сторону «единой, неразделимой и великодержавной России», «принципа государственного интереса» и «власти национального вождя».

В-третьих, руководящая роль в формировании новой модели государственной пропаганды от эсеров переходит к кадетам – «партии государственного переворота», отдавшей «все свои силы… на прямую службу правительству»[2].

В-четвертых, в организацию осведомительной работы активно включаются военные, которые привносят в этот процесс свою специфику.

Организационная работа в это время проводилась как по линии Временного Всероссийского, а в дальнейшем – Российского правительства, так и по линии военного ведомства.

Формирование правительственного отдела печати началось еще во время пребывания Директории в Уфе. Занимался этим управляющий делами А.Н. Кругликов. Заведующим отделом печати им был назначен депутат Всероссийского Учредительного собрания от Саратовской губернии, член Комуча, эсер Александр Аркадьевич Минин. 28 сентября 1918 г. назначение А.А. Минина было утверждено на заседании Временного Всероссийского правительства[3]. Днем ранее члены Директории постановили «приступить немедленно (еще в Уфе) к изданию официального органа – “Вестника Всероссийского Временного правительства”»[4]. 10 октября специальной телеграммой «до сведения всей прессы Европейской и Азиатской России» доводилась информация об образовании при Временном Всероссийском правительстве телеграфного агентства с условным обозначением «ВТА» (Всероссийское телеграфное агентство)[5].

25 октября 1918 г. А.Н. Кругликов направил членам Директории доклад об организации, структуре и задачах правительственного отдела печати. «Правительство, – указывалось в нем, – заинтересовано в том, чтобы общество было своевременно и надлежащим образом осведомлено о его работах, о тех или иных шагах и ме-

[1] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
[2] *Съезды* и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. М., 2000. Т. 3, кн. 2: 1918–1920 гг. С. 68, 72.
[3] *Временное* Всероссийское правительство… С. 40.
[4] Там же. С. 36.
[5] ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

роприятиях, как самого правительства, так его органов и агентов». Точно так же, по мнению автора доклада, правительство заинтересовано и в «надлежащем освещении тех или иных явлений общественно-политической жизни страны через посредство повременной прессы». Наконец, отмечал управляющий делами ВВП, государственная власть нуждалась в «информационном аппарате, который своевременно и правильно освещал бы перед правительством настроение общественного мнения, поскольку оно выявляется на страницах повременной прессы»[1].

Таким аппаратом и должен был стать правительственный отдел печати. При этом ему ставилась та же двусторонняя задача «широкого осведомления общества» и «осведомления правительства», что и Информационному бюро Временного Сибирского правительства, но теперь уже во «всероссийском» масштабе.

Устройство нового отдела также напоминало Инфбюро Омского правительства: телеграфное агентство – официальный правительственный печатный орган – бюро по обзору печати.

1. *Телеграфное агентство* при Отделе печати, «в отличие от всех остальных агентств называемое Всероссийским телеграфным агентством (ВТА)», рассматривалось в качестве «технического аппарата», который бы использовался Отделом печати для распространения информации. Предполагалось, что ВТА будет пользоваться телеграфом на «основании особо утвержденного правительством положения».

2. *«Вестник Временного Всероссийского правительства»* (именуемый в докладе также «Правительственным вестником». – *Д.Ш.*) определялся в докладе как официальный правительственный печатный орган. В нем планировалось публиковать законоположения и постановления правительства. Вместе с тем на страницах правительственной газеты предполагалось помещать статьи по общественно-политическим и хозяйственно-экономическим вопросам, «освещая в них мероприятия правительства», а также те или иные общественно-политические события с официальной точки зрения. «Вестник» должен был снабжаться достаточно полной информацией, чтобы «быть интересным для чтения широких слоев населения»[2].

3. В задачу *Бюро по обзору печати* входило составление ежедневных обзоров российской периодики. При этом его сотрудники должны были выбирать все наиболее существенные материалы как в публицистическом, так и информационном отношении. Подготовленные Бюро обзоры должны были направляться членам правительства, руководителям департаментов, зарубежным представителям и т.д. Эти же обзоры могло использовать Бюро печати, поскольку в них содержались «те или иные свежие информационные материалы», или излагались и цитировались «такие статьи, которые Бюро печати нашло бы нужным распространить в выдержках путем телеграфного агентства или на страницах “Вестника”».

Структурно в качестве самостоятельного подразделения добавилось *бюро печати*. В его задачу входило, с одной стороны, собирать или, как говорилось в докладе, «концентрировать» у себя все сведения, поступавшие от «правительства, его министерств, департаментов, отделов, канцелярий», «агентов, находящихся на местах (сотрудники, агенты, отделения)», а также от «бюро по обозреванию печати». С другой – отредактированные материалы должны были передаваться непосредственно членам правительства, а также и через телеграфное агентство и правительственную газету сообщаться «русскому и заграничному обществу»[3].

Предполагалось существенно расширить масштабы работы правительственного телеграфного агентства. ВТА должно было организовать на территории, подконтрольной Директории, (особое значение придавалось Дальнему Востоку) и в зарубежных странах «сеть агентур и отделений», а также наладить деловые связи с иностранными информационными агентствами. Отделения Всероссийского телеграфного агентства планировалось открыть в Оренбурге, Екатеринбурге, Омске, Иркутске и Владивостоке. «Владивостокское и Екатеринбургское [отделения], – отмечалось в докладе, – имеют еще и специальные задания – первое организует связь с иностранными телеграфными агентствами, второе – обслуживает Европейскую Россию и ускоряет получение из нее сведений»[4].

Согласно представленной смете ежемесячно на содержание Отдела печати со всеми его отделениями необходимо было 106 527 рублей 50 копеек[5]. При этом основная часть расходов (74 932 руб. 50 коп.) приходилась на содержание центрального аппарата телеграфного агентства и его местных отделений. Подробнее статьи предполагаемых расходов представлены в табл. 2.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 9.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.
[4] Там же. Л. 3.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 8.

Таблица 2

Смета расходов Отдела печати Всероссийского Временного правительства

Статья расходов	Сумма (в руб.)
Расходы по управлению Отделом печати	**10 005**
в т.ч.: наем помещения, отопление, освещение	2 525
содержание личного состава	6 680
канцелярские расходы	800
Расходы по телеграфному агентству	**74 932,5**
в т.ч.: на содержание отделения в Оренбурге	1 600
на содержание отделения в Екатеринбурге	19 332,5
на содержание отделения в Иркутске	1 600
на содержание отделения во Владивостоке	18 085
Расходы по бюро печати	12 490
Расходы по бюро обзоров печати	9 100
Всего	106 527, 5

Источник: ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 4–8.

2 ноября на заседании Временного Всероссийского правительства, теперь уже в Омске, А.Н. Кругликов вновь вернулся к вопросу «о необходимости приступить теперь же к изданию “Вестника Временного Всероссийского правительства”, назначить редактора этого органа и разрешить вопрос о составлении штатов конторы и редакции». Он представил редакцию соответствующего постановления и проект положения о правительственном отделе печати. Управляющий делами предложил также объединить Сибирское и Всероссийское телеграфные агентства в одно – ВТА. После непродолжительного обсуждения внесенные А.Н. Кругликовым проекты были приняты без поправок[1].

Полемика развернулась вокруг возможных претендентов на должность редактора официального правительственного печатного органа. Управляющий делами ВВП категорически отверг кандидатуры редакторов «Вестника Комитета членов Учредительного собрания» эсера С.А. Волкова и «Сибирского вестника» кадета В.А. Кудрявцева как «партийных работников с ярко выраженной политической окраской, между тем как во главе правительственного органа, который должен освещать события вполне беспристрастно и объективно, следует поставить лицо беспартийное». В качестве кандидатов на должность редактора «Вестника Временного Всероссийского правительства» А.Н. Кругликов рекомендовал профессорского стипендиата Казанского университета, секретаря редакции журнала «К свету» И.И. Крыльцова и магистранта Московского университета, члена редакции журнала «Голос минувшего», члена совета и секретаря московского издательства «Задруга» А.Л. Фовицкого (Оболенского). В итоге обязанности редактора правительственного «Вестника» временно были возложены на Алексея Леонидовича Фовицкого как «человека науки и абсолютно беспартийного»[2].

Временное Всероссийское правительство высказалось за слияние СТА с ВТА, причем постановило «приступить к этой работе немедленно». Тогда же один из членов Директории П.В. Вологодский предложил наладить взаимодействие Всероссийского телеграфного агентства с международным информационным агентством «Рейтер». С учетом высказанных замечаний было решено доработать положения о «Вестнике» и отделе печати и вновь представить их на рассмотрение Директории[3].

Обсуждение состоялось на следующий день. Новая редакция проекта постановления «Об издании “Вестника Временного Всероссийского правительства”» была принята без особых прений, с незначительной поправкой, внесенной В.А. Виноградовым. Наиболее же жаркие споры вызвали вопрос о целесообразности подчинения редакции правительственного «Вестника» отделу печати, а также сама кандидатура его руководителя. По мнению А.Н. Кругликова, включение «Вестника» в состав отдела печати осуществляется исключительно «в целях технического удобства», поскольку «политическое направление газеты будет диктоваться непосредственно волею правительства через управление делами»[4]. После чего обсуждение перешло на личность руководителя правительственной информационной службы.

[1] *Временное* Всероссийское правительство… С. 202.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 203.
[4] Там же. С. 207.

Первым в этом отношении высказался В.Г. Болдырев, указав, что, не имея ничего против него лично, он считает нежелательным назначение А.А. Минина управляющим отделом печати, так как тот является членом партии эсеров и даже входит в состав ЦК (последнее опроверг другой член Директории В.М. Зензинов), «ввиду чего широкие круги общества будут говорить, что вся официальная печать находится в заведовании партийного человека»[1]. Примерно в том же ключе выступил и П.В. Вологодский, охарактеризовав А.А. Минина как «ярко выраженную партийную фигуру».

По поводу же структуры правительственной информационной службы мнения разделились: П.В. Вологодский признал целесообразным включение редакции «Вестника» в состав отдела печати, Н.Д. Авксентьев предложил подчинить А.А. Минина и А.Л. Фовицкого параллельно управляющему делами, оставив, таким образом, в отделе печати только три отделения: ВТА, бюро печати и бюро по обзору печати. В итоге проект постановления было решено вновь доработать[2].

4 ноября Временное Всероссийское правительство окончательно утвердило постановление об отделе печати, который учреждался при Управлении делами ВВП и состоял из трех подотделов: 1) Всероссийского телеграфного агентства, 2) Бюро печати и 3) Бюро по обзору печати. Информационное бюро при Временном Сибирском правительстве упразднялось. Кредиты и ассигнования, а также обязанности по договорам переносились на отдел печати Директории, а его заведующему поручалось срочно выработать штаты нового учреждения и представить их на утверждение Временному Всероссийскому правительству[1]. К середине ноября 1918 г. структура правительственной информационной службы выглядела следующим образом (рис. 14):

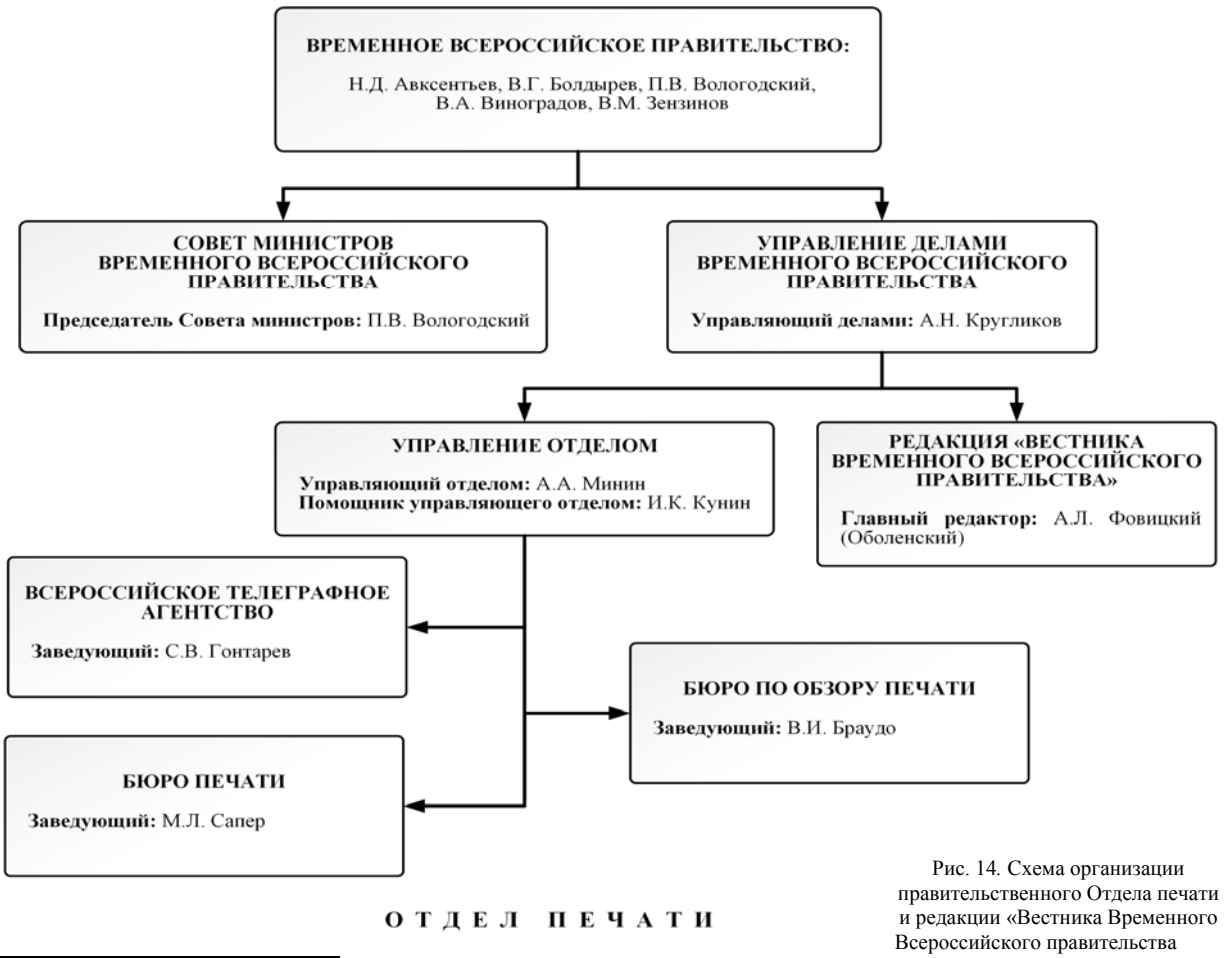


Рис. 14. Схема организации правительственного Отдела печати и редакции «Вестника Временного Всероссийского правительства (ноябрь 1918 г.)

[1] *Временное* Всероссийское правительство. С. 208.
[2] Там же.

Всего в отделе печати Временного Всероссийского правительства значилось 40 сотрудников[2].

Однако вплоть до переворота 18 ноября 1918 г. вопрос о передаче всех дел упраздненного Инфбюро ВСП отделу печати Временного Всероссийского правительства решен не был, так же как не были утверждены новый штат сотрудников и его бюджет.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака Отдел печати Временного Всероссийского правительства и редакция правительственной газеты перешли в состав Управления делами Совета министров. При этом некоторые подразделения были переименованы: «Вестник Временного Всероссийского правительства» получает название «Правительственный вестник», а ВТА становится Российским телеграфным агентством (РТА)[3]. Руководителем РТА был назначен С.Б. Сверженский. Структура же отдела была сохранена. С 20 ноября 1918 г. Отдел печати возглавил бывший управляющий Информационным бюро Временного Сибирского правительства А.И. Манкевич[4]. 27 ноября он принял от управляющего Отделом печати Временного Всероссийского правительства А.А. Минина принадлежавшие отделу денежные суммы в размере 90 136 рублей 65 копеек[5].

Необходимо отметить, что преобразование отдела и перестройка его работы шли крайне медленно. В начале декабря 1918 г. все еще поступали доклады в адрес Информационного бюро Совета министров, то есть учреждения Временного Сибирского правительства, официально упраздненного еще Директорией. Фактически Отдел печати начал формироваться лишь в конце ноября – декабре 1918 г. и лишь к февралю 1919 г. в общих чертах завершил свою организацию[6]. В это время он располагался в Омске по адресу: ул. Александровская, дом 19.

В ноябре 1918 г. по распоряжению помощника управляющего информационным бюро Совета министров заведующий конторой газеты «Правительственный вестник» С.Г. Кохан подготовил проект преобразования информационного бюро, выделения из его состава конторы, бухгалтерии и экспедиции правительственной газеты. Все три подразделения планировалось объединить в самостоятельный отдел, который подчинялся бы непосредственно управляющему информационным бюро[7]. 6 декабря 1918 г. С.Г. Кохан направил подготовленный им доклад своему руководству.

В это время была предпринята еще одна попытка объединить в рамках одного учреждения информационные подразделения Совета министров и МВД. Так, 14 декабря 1918 г. канцелярия Совета министров и Верховного правителя направила управляющему Отделом печати Манкевичу представление министерства внутренних дел от 10 декабря того же года за № 5015, подписанное А.Н. Гаттен-бергером.

«В переживаемое страною переходное время борьбы за возрождение государственности, – говорилось в представлении, – печать должна проявить огромную организующую силу. К сожалению, в своем большинстве она находится в руках лиц, более или менее отрицательно настроенных к возможности возрождения единой великодержавной России, управляемой не из партийных комитетов. При таких условиях государственная власть должна проявить последовательность и твердость в борьбе с органами печати, ведущими противогосударственную работу».

Проблема, по мнению министра, заключалась в том, что реализация государственной политики в сфере информации осуществлялась различными правительственными учреждениями. С одной стороны, в связи с объявлением во многих местностях военного положения дела печати оказались разделены между гражданским ведомством и военной властью. «С другой же стороны, – писал Гаттенбергер, – в порядке гражданского управления правительственный аппарат по делам печати раздроблен между Советом министров и министерством внутренних дел». С целью устранить такое ненормальное с точки зрения министра положение он предлагал объединить наблюдение за печатью как в центре, так и на местах в рамках единого органа (департамента печати) в структуре МВД.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 96. Л. 20; *Вестник* Временного Всероссийского правительства. 1918. 6 нояб.

[2] ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 26–26 об.

[3] *Приказом* от 24 января 1919 г. № 29 А.Л. Фовицкий был освобожден от исполнения обязанностей главного редактора «Правительственного вестника» с 19 ноября 1918 г. (Правительственный вестник. 1919. 29 янв.).

[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

[5] Там же. Л. 7.

[6] Там же. Оп. 3. Д. 210. Л. 36–38.

[7] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 48.

В этом случае МВД получило бы свой центральный осведомительный аппарат, который бы возглавил местные, губернские и уездные органы по делам печати, отчасти уже состоящие при комиссариатах. Одновременно информационные учреждения («Правительственный вестник», телеграфное агентство, бюро обзоров и вырезок и информационное бюро), передаваемые от Совета министров в МВД, приобрели бы на местах агентов «официального характера». Кроме того, такая мера, полагал Гаттенбергер, позволила бы министерству внутренних дел оказывать необходимое воздействие на печать и «парализовать ее противогосударственное влияние на массы»[1].

Однако управляющий Отделом печати категорически отклонил это предложение. В своем заключении по докладу министра внутренних дел Манкевич привел следующие соображения:

«1. “Правительственный вестник” уже по самому своему названию есть орган правительства в целом, отражающий работу отдельных ведомств и этим самым объединяющий ее. Министерство внутренних дел имеет в газете свое постоянное почетное место, но весь правительственный орган никоим образом не может быть в его ведении.

2. Телеграфное агентство есть аппарат, одинаково обслуживающий информацию внутреннюю и внешнюю (подчеркнуто в документе. – *Д.Ш.*), а также Совет министров, т.е. все официальные правительственные сообщения, распоряжения и пр., и министерство внутренних дел является в нем лишь частью, которая, конечно, не может поглотить целого.

3. Бюро по обозреванию печати рассчитано в одинаковой степени на обслуживание правительства в целом, т.е. Совета министров, и каждого ведомства в отдельности. При соответствующем расширении его штатов оно может с успехом и вполне исчерпывающе обслуживать в частности и министерство внутренних дел»[2].

Поэтому, как считал Манкевич, «всем этим трем подотделам Отдела печати целесообразнее оставаться при центральном правительственном органе – Совете министров». «Остается лишь организация наблюдения за печатью и регистрация печатных произведений, функции бывшего Главного управления по делам печати, – писал он далее. – Это всегда находилось в ведении министерства внутренних дел и принадлежит ему по праву»[3].

Во второй половине декабря 1918 г. для Управления делами Совета министров и Верховного правителя была подготовлена объяснительная записка о деятельности Информационного бюро (Отдела печати) с 10 июля по 15 декабря того же года. Помимо анализа опыта предшествующей работы в документе намечались «дальнейшие перспективы для дальнейшего расширения дела»[4].

«В настоящий исторический момент, – указывалось в объяснительной записке, – в сложной политической ситуации, когда на целые века вперед определяется судьба стран и народов, роль государственной информации становится чрезвычайно важной, какою не была никогда до сих пор. Многие державы уже осознали эту роль и отвели информации должное почетное место, – достаточно указать на такие примеры, как грандиозный масштаб работы Американского правительственного бюро печати или назначение в новой Германии специального комиссара информации, включенного в состав министерского кабинета. Политическою необходимостью диктуется и для России иное отношение к этой отрасли государственного дела. В этих целях являются весьма ценными: полнота, согласованность, цельность и стройность информации, солидная постановка ее в целом»[5].

С целью улучшения работы правительственного Отдела печати был намечен ряд мер. Во-первых, предполагалось приобрести собственную типографию для «печатания “Правительственного вестника” и других официальных изданий». Во-вторых, «для более тесной и разносторонней связи с заграницей» и широкого осведомления местного населения признавалось крайне необходимым организовать филиал Российского телеграфного агентства на Дальнем Востоке. В-третьих, планировалось создать собственно информационное бюро, для работы в котором привлечь группу находящихся при управлении Отделом печати сотрудников во главе с заведующим информацией.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 9.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 14.
[5] Там же. Л. 56.

Кроме того, «в видах экономии, цельности и согласованности» предлагалось «всю информацию от правительства к населению и обратно» сосредоточить в руках Отдела печати. Информационные же подразделения отдельных министерств предполагалось упразднить. При этом «наличный персонал с инвентарем прикомандировывается к отделу печати, по соответствующей специальности, причем отдел печати берет на себя все обязательства информационных органов отдельных министерств»[1].

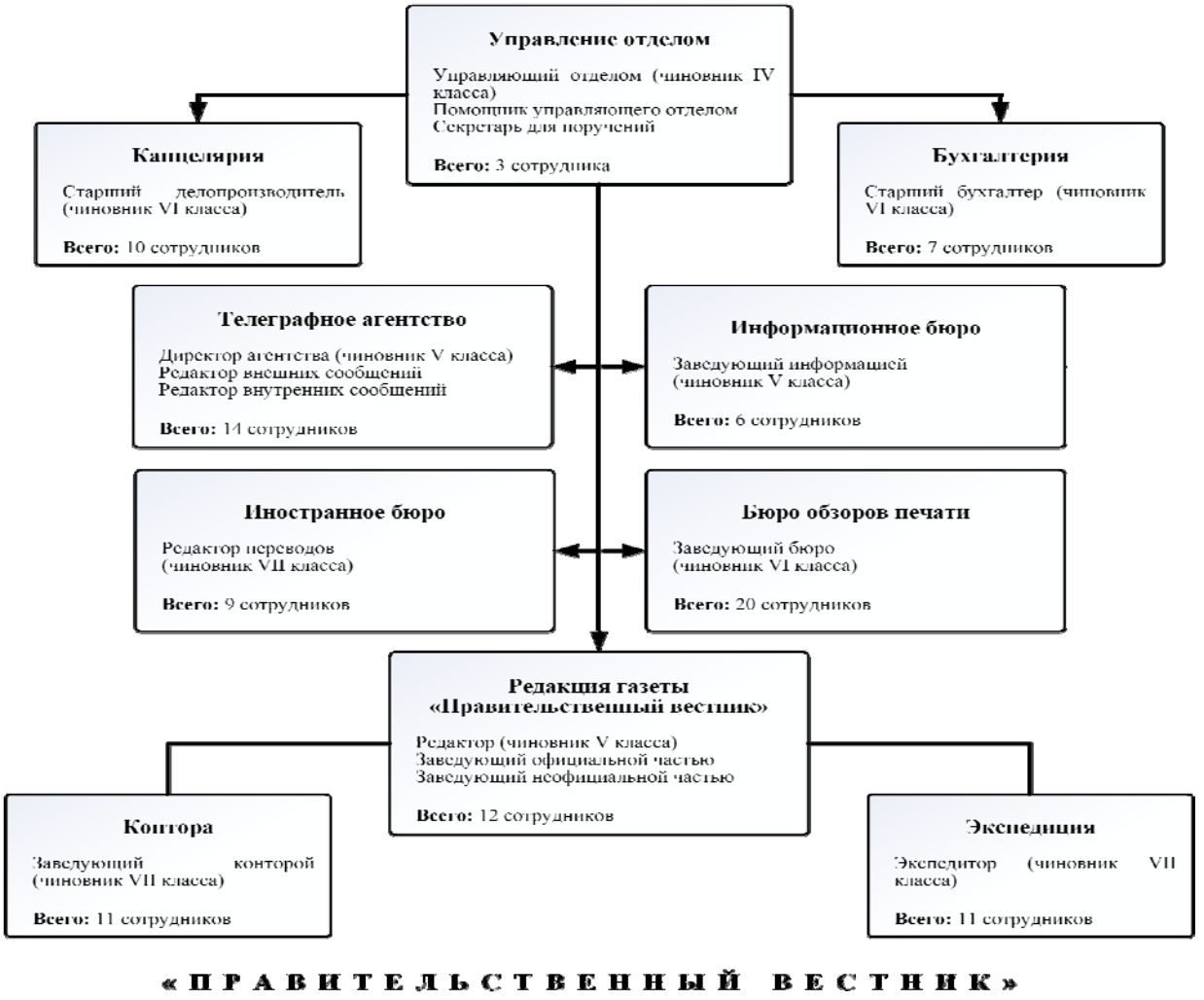


Рис. 15. Схема организации Отдела печати Управления делами Совета министров и Верховного правителя (декабрь 1918 г.)

Тогда же было разработано новое штатное расписание правительственного отдела печати, которое, как отмечалось в пояснительной записке, «явилось результатом полугодовой деятельности Информационного бюро, двухмесячной Отдела печати и совместной практики». А.И. Манкевич предполагал увеличить количество сотрудников, как основных (телеграфное агентство, информационное бюро, бюро обзоров печати и иностранное бюро информации), так и вспомогательных (контора, экспедиция) подразделений отдела. Например, в связи с «появлением новых телеграфных сообщений от Американского бюро печати, новых корреспонден-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 56.

тов и абонентов, а также при более широкой постановке дела, ввиду рассылки срочных бюллетеней до появления их в прессе высшим административным лицам», намечалось штатное расширение РТА. «Значительно расширившаяся деятельность учреждения, с увеличением почти втрое личного состава, – отмечал Манкевич, – увеличивает делопроизводство. Количество поступающей корреспонденции, кроме телеграмм, рукописей и газет, с 300 входящих номеров в месяц, бывших в начале деятельности Информационного бюро возросло до 3000. Разборка, пометка, направление их, справки и переписка значительно увеличивают деятельность лица, стоящего во главе канцелярии, почему ему и определяется оклад старшего делопроизводителя»[1]. Планировалось даже создание самостоятельной бухгалтерии (ранее она была общей с канцелярией Совета министров), увеличение числа служащих конторы и экспедиции. Всего же по новому штатному расписанию в отделе печати Управления делами Совета министров и Верховного правителя предусматривалось 103 должности. Подробнее структура отдела представлена на рис. 15.

Согласно представленной смете ежемесячно на содержание Отдела печати со всеми его отделениями, а также с изданием «Правительственного вестника» необходимо было 200 000 рублей. Подробнее статьи предполагаемых расходов показаны в табл 3.

Таблица 3

Смета расходов Отдела печати Российского правительства адмирала А.В. Колчака (декабрь 1918 г.)

Статья расходов	Сумма (в руб.)
Расходы по управлению Отделом печати	**16 000**
в т.ч.: содержание личного состава	13 000
канцелярские расходы	2 400
хозяйственные расходы	600
Расходы по телеграфному агентству	**27 500**
в т.ч.: содержание личного состава	8 750
канцелярские расходы	1 000
вознаграждение агентам-корреспондентам	9 375
командировочные расходы	1 000
оплата телеграмм	6 525
оплата сверхурочных работ	850
Расходы по информационному бюро	**5 000**
в т.ч.: содержание личного состава	4 437,5
канцелярские расходы	562,5
Расходы по иностранному бюро	7 500
в т.ч.: содержание личного состава	6 687, 5
канцелярские расходы	662,5
оплата сверхурочных работ	150
Расходы по бюро обзоров печати	**13 000**
в т.ч.: содержание личного состава	11 125
канцелярские расходы	1 425
оплата сверхурочных работ	450
Расходы по «Правительственному вестнику»	**131 000**
в т.ч.: содержание личного состава	33 325
оплата типографских работ	66 700
закупка бумаги	22 200
канцелярские расходы	1 675
оплата сверхурочных работ	1 000
гонорар сотрудникам	15 000
наем помещения, отопление и освещение	2 600
перевозка газеты на почту	1 000
оплата почтовых услуг по пересылке	3 200
покупка шпагата и других упаковочных материалов	500
Всего	***200 000***

Источник: ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 18–20 об.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 14.

Часть расходов, по мнению составителей сметы, должна была покрыть прибыль, полученную от коммерческого использования телеграфного агентства и правительственной газеты. На тот момент существовало несколько основных источников доходов. От поступления подписной платы за информационные бюллетени телеграфного агентства ожидалось получить 67 500 руб. в месяц и еще 35 000 руб. – от подписчиков «Правительственного вестника». Розничная продажа газеты должна была дать 24 375 руб. в месяц. Кроме того, ожидалась ежемесячная прибыль в 12 500 руб. от публикации объявлений. Таким образом, общий доход должен был составить 139 375 рублей[1].

В начале 1919 г. было подготовлено еще одно штатное расписание правительственного отдела печати. В сопроводительной записке указывалось, что «главная разница между штатами прежними и новыми заключается в повышении ответственных должностей на один класс». Это было сделано с «целью придания большего веса и большей самостоятельности руководителям отдела печати, ибо работа их в сравнении с работой первого периода естественно и широко разрослась и требует увеличения масштаба и соответствующего расширения компетенции руководителей»[2]. Повышение класса должности коснулось следующих служащих: управляющего отделом, его помощника, директоров телеграфного агентства, Бюро обзоров, Бюро иностранной информации, редакторов «Правительственного вестника», телеграфного агентства, редакторов переводов и ответственных обозревателей печати.

Кроме этого, в штатах были произведены некоторые изменения и дополнения. В частности, учреждалась должность чиновника особых поручений VI класса при управляющем отделом, «необходимость в коей чувствовалась давно и без которой никак нельзя обойтись ныне, при напряжении и развитии работы». Также вводилась должность старшего бухгалтера для руководства сложными денежными операциями телеграфного агентства, «Правительственного вестника», вновь организованного пресс-бюро и приобретенной правительственной типографии. Предусматривалось и наличие в составе отдела «владеющего языками» секретаря бюро иностранной информации, в «связи с все возрастающим количеством [передаваемой] за границу информации, охватывающей всю творческую работу правительства».

Новое штатное расписание зафиксировало и сложившуюся к началу 1919 г. структуру отдела. Помимо уже известных подразделений (телеграфного агентства, редакции правительственной газеты и бюро обзоров печати), сформировались новые: информационное бюро, пресс-бюро и бюро иностранной информации. Информационное бюро являлось «центром ведомственной информации, согласовывающим поступающий материал и планомерно его добывающим». Основная задача пресс-бюро заключалась в проведении «агитации и пропаганды в тылу, на фронте и в Советской России», распространении циркулярных статей для газет, а также издании пропагандистской литературы (брошюр, листовок). Бюро иностранной информации должно было осуществлять регулярную, авторитетную и широкую информацию Европы, Америки и Японии путем ежедневной отправки в адрес специальных правительственных корреспондентов в Париж, Лондон, Нью-Йорк и Токио обширного осведомительного материала»[3].

Таким образом, в течение лета 1918 – зимы 1919 г. структура правительственной информационной службы заметно усложнилась. Увеличивается объем работы, связанной с информационным обеспечением деятельности государственной власти, методом проб и ошибок идет создание новых специализированных подразделений, возрастает количество сотрудников.

Организационная работа проводилась и по линии военного ведомства. Сразу же после образования Временного Всероссийского правительства для руководства всеми вооруженными силами российской контрреволюции на востоке страны создается Ставка Верховного главнокомандующего. С 24 сентября 1918 г. должность Верховного главнокомандующего занял бывший командующий 5-й армии, один из руководителей «Союза возрождения России» генерал-лейтенант В.Г. Бол-дырев. «Чрезвычайно сложным, – вспоминал он впоследствии, – оказался вопрос о формировании моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было»[4].

Отношения между Народной и Сибирской армиями были напряженными и даже враждебными. В такой ситуации, считал Болдырев, «брать людей из их состава – это значило бы только еще больше усилить их рознь». Поэтому при комплектовании штаба Главковерха «пришлось остановиться на небольшой группе мо-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 20 об.
[2] Там же. Л. 60.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 60 об.
[4] *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 58.

лодежи, главным образом из состава бывшей академии Генерального штаба». 25 сентября временно исполняющим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего назначается бывший начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенант С.Н. Розанов. 1-м генерал-квартирмейстером Ставки был утвержден подполковник А.Д. Сыромятников, возглавлявший до этого оперативный отдел штаба Народной армии Самарского Комуча.

«Главные роли в ставке, – вспоминал главный комендант штаба Верховного главнокомандующего, полковник, впоследствии генерал К.Я. Гоппер, – были распределены между профессорами полковниками Слижиковым, Леоновым, Сыромятниковым и Касаткиным, остальные должности – между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами»[1].

Первоначально штаб Главковерха располагался в Уфе. Несколько суматошную обстановку первых дней его существования довольно красочно обрисовал генерал К.В. Сахаров. «И штаб, и Директория, и все ее канцелярии, – писал он, – помещались в большой «Национальной гостинице». Здесь сразу пришлось окунуться в обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лета и осени 1917 года. Та же беспорядочная снующая без дела толпа, масса юрких штатских брюнетов с горбатыми носами, всюду грязь, неубранный сор, стучат пишущие машинки, здесь же доступный для всех телеграф с армейскими аппаратами Юза. Шел длинными коридорами, ни от кого не мог добиться толку, как пройти к начальнику штаба»[2].

В составе штаба Верховного главнокомандующего был создан информационный отдел. «Главными задачами инфотдела, – указывалось в одном из докладов, – помимо определенной его наименованием роли осведомительного органа Штаверха, является осведомление общественных кругов и воспитание и подготовка общественного мнения в военном отношении. Последнее достигается путем издания органа печати, выпусков брошюр и устранения из периодической печати всего препятствующего возрождению армии. На инфотделе лежат также задачи ориентировки по военным вопросам иностранных миссий и частных лиц и выдача им всевозможных справок»[3].

Первоначально отдел возглавил ротмистр С.А. Скрябин. 24 сентября 1918 г. он издает приказ № 1: «По личному приказанию Верховного главнокомандующего я сего числа вступил в должность начальника информационного отдела и приступил к его формированию»[4]. Формирование отдела шло медленно, видимо, сказывалось отсутствие опыта и подходящих для осведомительной работы кадров. Только в начале октября были назначены первые руководители структурных подразделений нового отдела: 3 октября подпоручик Денике утвержден в должности начальника отделения печати, 5 октября гвардии подпоручик Ган – начальника общего отделения.

В начале октября 1918 г. в связи с угрозой захвата Уфы наступающими советскими войсками было решено перевести Ставку на восток. 6 октября личному составу информационного отдела было приказано «свернуться и приступить к погрузке имущества для следования в г. Омск». В Уфе руководить отгрузкой типографии остался заведующий хозяйственно-технической частью Г.М. Жаровников. В Омске штаб Верховного главнокомандующего неожиданно столкнулся с проблемой размещения. «Враждебные отношения Сибирских военных властей с первого же дня прибытия Директории и ставки в Омск, – отмечал К.Я. Гоппер, – ярче всего выразились в так называемом “квартирном вопросе”, который был ими обращен в вопрос политики. Для расквартирования ставки и штаб-квартиры Всероссийского временного правительства омскими властями были отведены помещения, достаточные для размещения разве только штаба дивизии: на все же требования о дополнительном отводе помещений получался ответ, что ничего более невозможно отвести»[5].

Информационный отдел прибыл в Омск 10 октября. Спустя три дня его руководитель ротмистр Скрябин направляет помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего рапорт, свидетельствовавший о наметившихся в работе отдела трудностях. «До сего времени, – указывалось в рапорте, – деятельность Инфотдела находится в зачаточном состоянии». Скрябин называет три причины, обусловившие, по его мнению, такое положение дел: «1. Отдел не имеет необходимых работников, которыми в ближайшее время будет пополнен.

[1] *Гоппер К.* Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1935. С. 82.
[2] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 13.
[3] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 10.
[4] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
[5] *Гоппер К.* Указ. соч. С. 95.

2. Нет оборудования. 3. Нет помещения, и все дела до сих пор решаются на ходу»[1]. В конечном итоге информационный отдел Ставки размещается по адресу: Костельная улица, 11, дом Липатникова.

Трудности, с которыми с самого начала своей деятельности столкнулись и руководитель информационного отдела, и его сотрудники, во многом были связаны с тем, что офицеры белой армии оказались совершенно не подготовлены ни организационно, ни психологически к ведению пропагандистской работы, не знали ее специфики. Опыт же, приобретенный в годы Первой мировой войны, был весьма ограниченным.

В первую очередь, необходимо было определить структуру нового учреждения, разработать и утвердить штатное расписание. 23 октября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант С.Н. Розанов утвердил штат сотрудников информационного отдела. Всего предусматривалась 71 штатная единица[2]. На следующий день в своих должностях были утверждены 16 сотрудников отдела[3]. Структура отдела и его руководящий состав представлены на рис. 16.

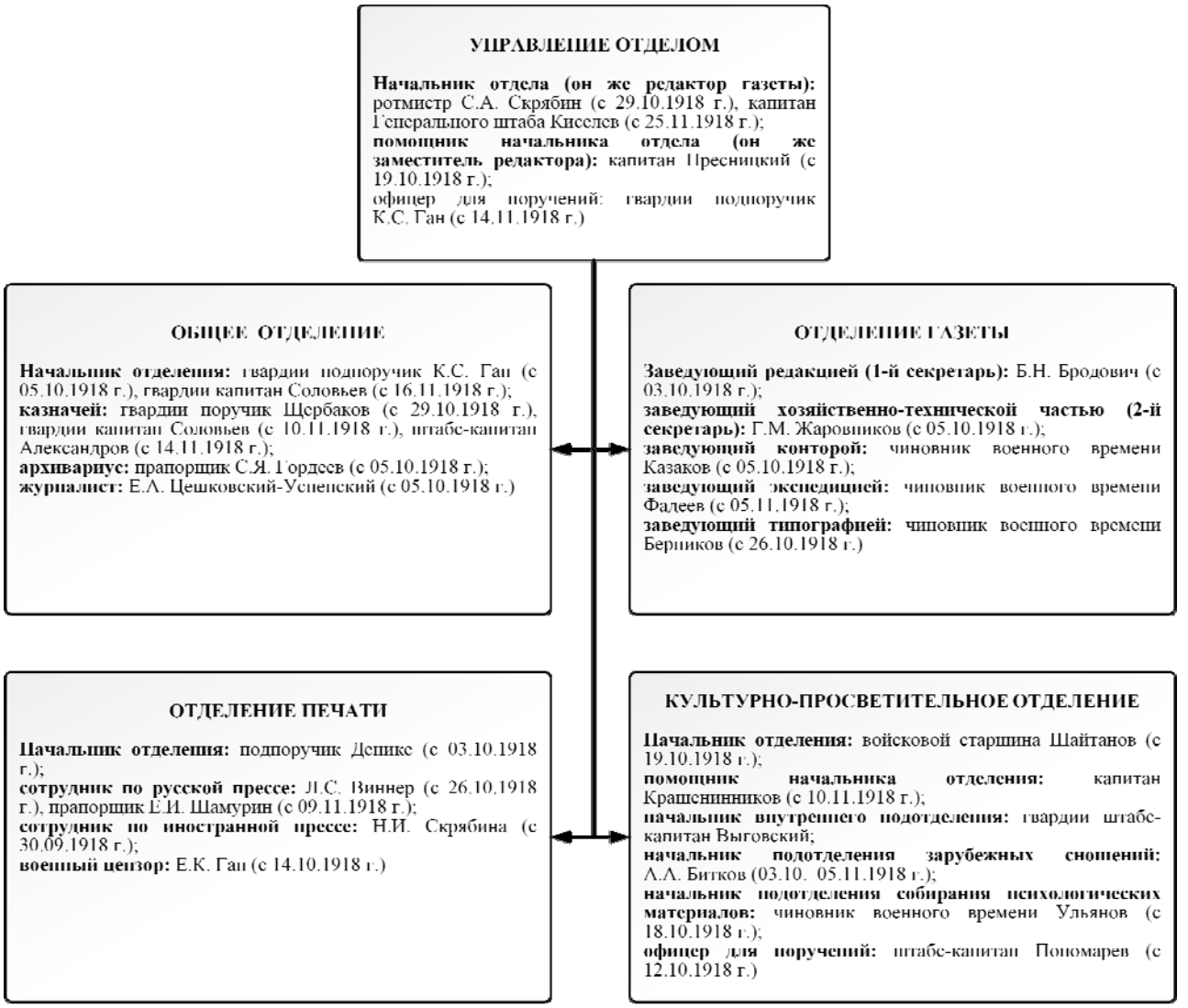


Рис. 16. Схема организации информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего (октябрь – ноябрь 1918 г.)

[1] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
[2] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.

В дальнейшем структура и состав отдела претерпели изменения. Уже в первой половине ноября были введены две новые должности: офицер для поручений и помощник начальника культурно-просветительного отделения. Было подготовлено новое штатное расписание, предусматривавшее выделение военно-цензурного отделения в качестве самостоятельного подразделения. Все это говорит о поиске оптимальной структуры нового отдела.

В качестве руководителя отдела ротмистр Скрябин весьма пристальное внимание уделял поддержанию среди подчиненных воинской дисциплины. Приказом № 14 от 14 ноября 1918 г. все офицеры и классные чины отдела должны были «при ношении военной формы строго руководствоваться существующими правилами»[1]. Обязательным являлось ношение оружия. Кроме того, предписывалось немедленно завести журналы регистрации входящих и исходящих телефонограмм с общей по отделу нумерацией.

На следующий день ротмистром Скрябиным «для руководства и исполнения» подчиненным было объявлено предписание начальника штаба Верховного главнокомандующего, в котором указывалось: «Для пользы службы ваш отдел во всех отношениях подчиняется 1-му генерал-квартирмейстеру. Вся деятельность информацион-ного отдела и газеты “Русская армия” должна строго соответствовать всем указаниям Генкварха первого»[2]. С 16 ноября в отделе вводилось дежурство офицеров, классных чинов и вольнонаемных служащих, занимавших штатные должности. Дежурный по отделу был обязан в течение суток постоянно находиться в отделе при холодном оружии. В его обязанности входил прием посетителей, выдача им необходимых справок, переговоры по телефону и т.д.

17 ноября последовал инцидент с прибывшим на службу в отдел прапорщиком Рожновым. «Названный обер-офицер, – говорилось в приказе по отделу, – был без кокарды на фуражке. Офицер должен быть всегда и во всем примером солдатам, быть по форме одетым… Ставя это на вид прапорщику Рожнову, предупреждаю, что в будущем в отношении офицеров и классных чинов за нарушение обязанностей военной службы мною будут накладываться самые строгие дисциплинарные взыскания»[3].

21 ноября в приказе № 22 ротмистр Скрябин вновь обращает внимание подчиненных на неукоснительное соблюдение своих должностных обязанностей. «Обойдя вчера вечером после занятий, – отмечал он, – помещения отделений культурно-просветительного и печати, мною замечено, что эти отделения были не заперты на замки, а бумага и дела разбросаны на столах. Кроме того, во всех лампочках горело электричество»[4].

Следует отметить, что и в дальнейшем с поддержанием воинской дисциплины и порядка в отделе будет далеко не все благополучно. Так, 12 декабря 1918 г. под грифом «Секретно. В собственные руки» начальник разведывательного отдела управления 1-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего направил руководителю информационного отдела сообщение, в котором указывалось, что, по агентурным данным, в помещении отдела «ведется крупная карточная игра». В том же сообщении отмечалось, что сотрудники информационного отдела своими «неосторожными разговорами порождают панические слухи в городе»[5].

Опыт работы очень скоро показал, «что сосредоточение в руках начальника информационного отдела редактирования газеты и совмещение должности помощника начальника инфотдела с должностью помощника редактора и ведение всей хозяйственной стороны издания с одновременным заведыванием всеми отделениями инфотдела дает огромный ущерб правильной постановке дела»[6].

С 27 ноября 1918 г. информационный отдел возглавил капитан Генерального штаба Киселев, ротмистр Скрябин вступил в должность редактора «Русской армии». Ознакомившись с организацией отдела, его новый руководитель пришел к заключению, что для «пользы дела необходимо произвести реорганизацию отдела, а именно, сократив одни отделения, увеличить отделение газеты, а остальные развить». Задачи, которые стояли перед информационным отделом Ставки, по мнению капитана Киселева, заключались в следующем: «1. При посредстве газеты информировать армию и население, разъясняя те или иные положения в рамках, определяемых штабом Верховного главнокомандующего. 2. При посредстве приложения к газете солдатского

[1] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.
[2] Там же. Л. 15.
[3] Там же. Л. 18–18 об.
[4] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 78. Л. 23.
[5] Там же. Д. 135. Л. 30.
[6] Там же. Д. 83. Л. 25.

номера разъяснять солдатам события и давать материалы для заполнения солдатского досуга. 3. Руководство военно-цензурным органом на всей территории и цензуры в Омске (Ставка). 4. Составление официальных сообщений и обращений; составление и издание прокламаций, воззваний и брошюр; учет общественных настроений путем обзора печати»[1] (рис. 17).

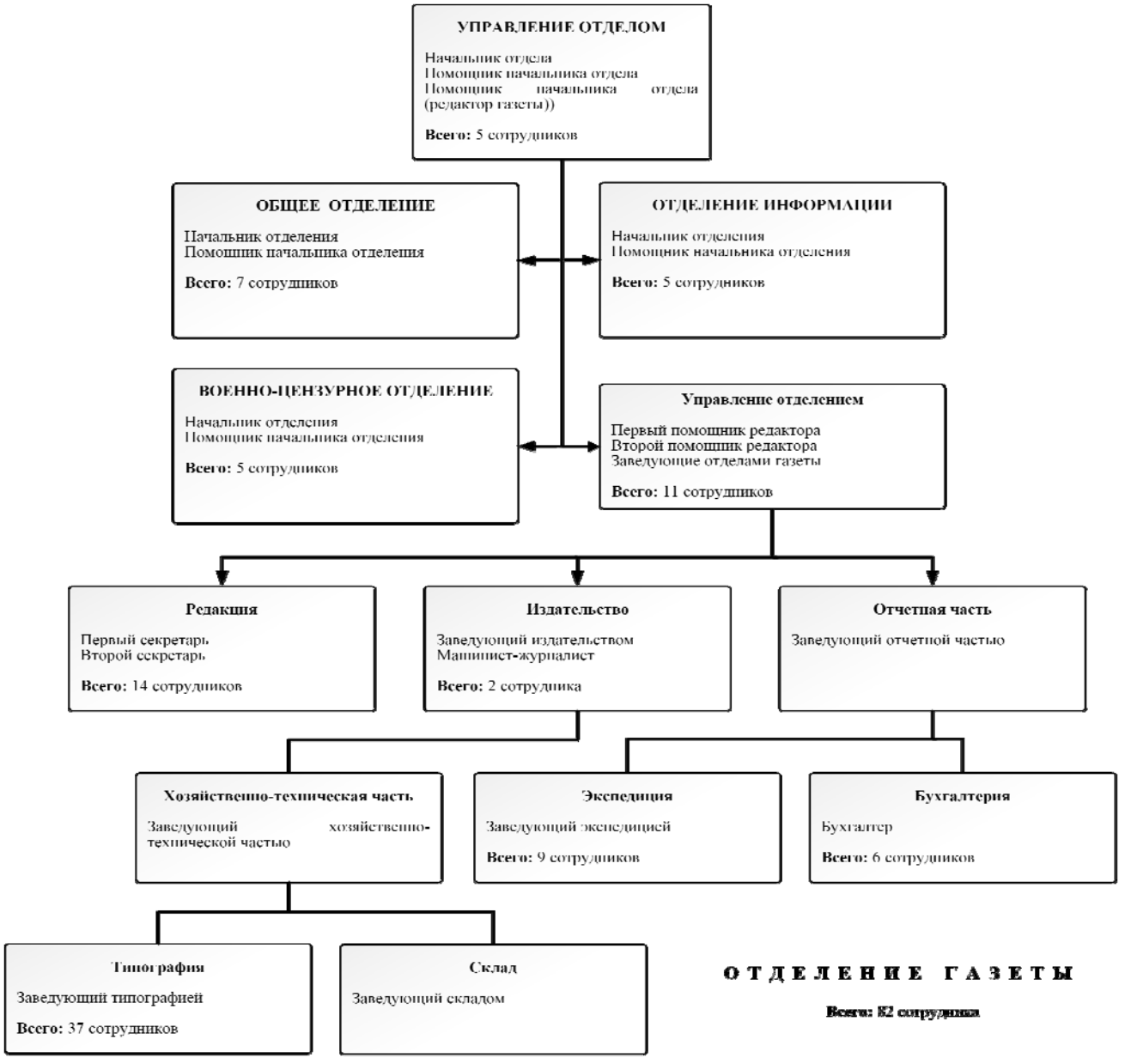


Рис. 17. Схема организации информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, предложенная капитаном Киселевым (декабрь 1918 г.)

Исходя из поставленных задач, два отделения (культурно-просветительное и печати) как самостоятельные подразделения, с точки зрения нового начальника отдела, были лишними и «могут быть слиты в одно для выполнения задач группы четвертой». Понимал капитан Киселев и определенную ограниченность возможностей

[1] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 55.

своего отдела. «Задаваться более обширными задачами, а именно агитацией и пропагандой при посредстве агитаторов, лекторов и т.д. отделу нельзя, – докладывал он 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки, – ибо [дело] это чрезвычайно сложное, требует большого размаха и не терпит каких-либо рамок. Средствами отдела оно выполнено быть не может»[1]. В своем докладе капитан Киселев предложил следующую структуру информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего.

Предложенное им штатное расписание предусматривало 104 должности. Однако Ставка его не утвердила. Капитан Киселев получил указания начальника штаба Верховного главнокомандующего пересмотреть и исправить штаты отдела. В результате проделанной им работы «штаты сокращены до предела, имея в виду оставление только самых необходимых должностей для выполнения поставленных задач». В представленном им 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки проекте нового штатного расписания отдела количество сотрудников сокращалось до 96[2].

С организацией информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего произошли изменения и в деятельности информационного отделения, действовавшего в составе штаба Сибирской армии. К концу октября военно-исторический отдел был расформирован, а входившие в него подразделения – историческое, информационное и военно-цензурное отделения – переданы в управление генерал-квартирмейстера штаба армии. При этом некоторые функции информационного отделения были переданы информационному отделу при Ставке, а военно-цензурного – военному почтово-телеграфному контрольному бюро штаба Западно-Сибирского военного округа. В новых условиях к ведению информационного отделения стали относится: «а) обзор печати, как материал для разведки и как материал для освещения настроения прессы и общества; б) сбор, разработка и передача в периодическую печать сведений: описание боевых действий и подвигов сибирских частей, приказов по Сибирской армии общественно-популярного характера и прочих выдающихся событий политической и общественной жизни; в) воззвания и обращения к населению; г) воззвания и обращения к армии противника и населению занятых им областей; д) наблюдение за периодической печатью, дабы не оставлять ложных сообщений или показаний злонамеренных лиц без опровержения и е) сведения о потерях и отобранных у противника трофеях»[3].

С введением на фронте полевых почтово-телеграфных контор военно-цензурному отделению штаба Сибирской армии была поставлена задача осуществления общего руководства цензурой писем, телеграмм и посылок, проходивших через все полевые и главную конторы армии. Сотрудники отделения должны были следить за работой цензоров на местах и «через их посредство контролировать настроение, как армии, так и тыла»[4].

Организуя управление антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России, адмирал А.В. Колчак следующим образом разграничил полномочия Ставки и военного министерства: «действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша – военному министру»[5]. С ноября 1918 до конца февраля 1919 г. в структуре Главного штаба (начальник – генерал-майор В.И. Марковский) было создано несколько подразделений, деятельность которых относилась к сфере осведомления и политической пропаганды (рис. 18).

В конце 1918 г. при Главном штабе начинается формирование отделения по внешкольному образованию в войсках. По сообщению газеты «Русская армия», его задачи заключались в следующем: 1) заполнить отдых солдат «разумными развлечениями»; 2) «развить в нем (т.е. в солдате. – *Д.Ш.*) понимание прекрасного вообще», что, по мнению организаторов, «несомненно, должно отразиться на его моральном уровне»; 3) «пробудить в русском солдате интерес и любовь к национальному русскому искусству, в котором выявляется богатство души русского народа»[6]. При этом грамотная и целенаправленная организация культурного досуга должна была, по мнению сотрудников отделения, разбудить в русском солдате «нормальное чувство патриотизма, любви к своему национальному, русскому, особенности и величие которого открывает русское искусство»[7].

---

[1] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 55–55 об.
[2] Там же. Д. 83. Л. 12–14.
[3] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 288. Л. 32.
[4] Там же.
[5] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 54.
[6] *Русская* армия (Омск). 1919. 28 февр.
[7] *Русская* армия. 1919. 28 февр.

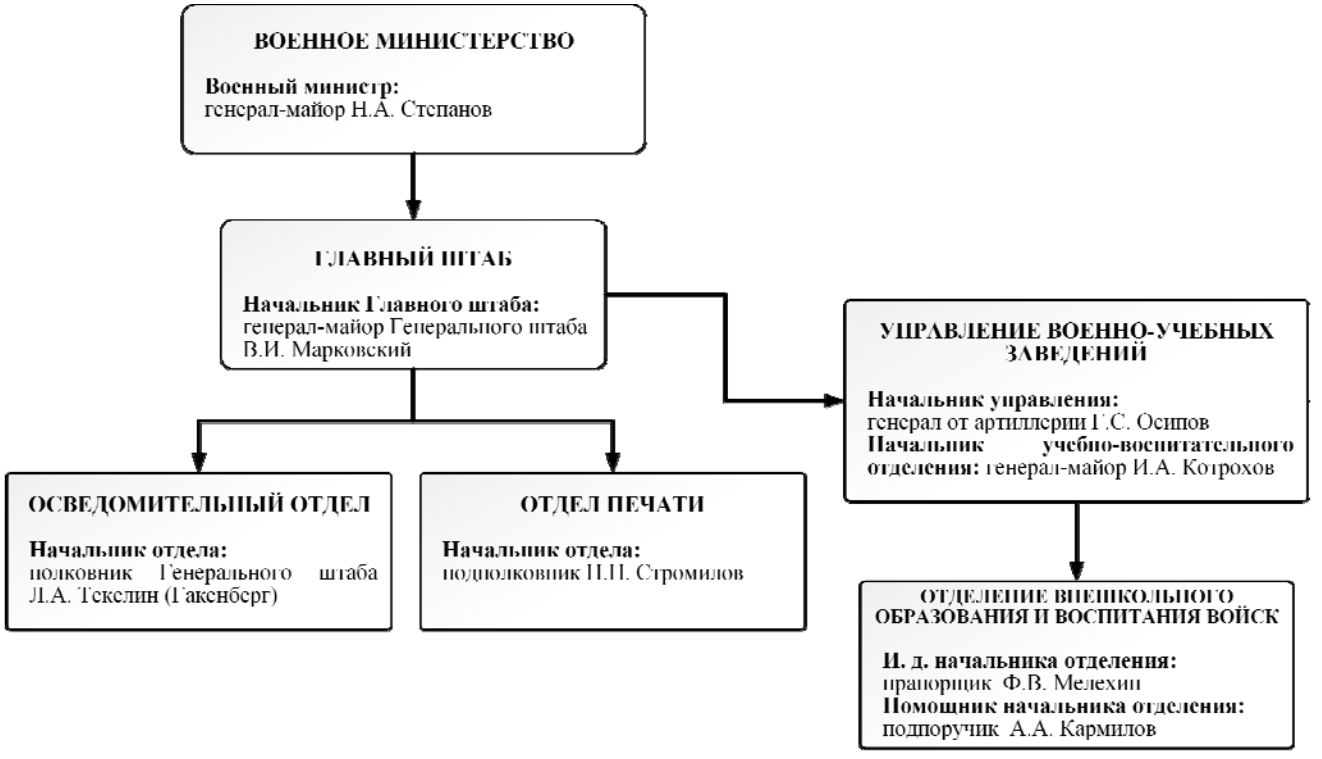


Рис. 18. Подразделения осведомления и политической пропаганды Главного штаба (февраль – март 1919 г.)

Кадровой основой этого подразделения стали сотрудники внешкольного отделения Главного управления Генерального штаба военного ведомства (начальник – полковник А.П. Слижиков) Самарского правительства. Отделение входило в состав отдела формирований и непосредственно подчинялось начальнику строевой части, 1 августа 1918 г. было утверждено его штатное расписание[1]. В это время в отделении работало всего 4 человека, но, несмотря на такой кадровый дефицит, его сотрудники развернули активную культурно-просветительную работу в войсках.

Перевод отделения в Омск вызвал ряд трудностей, связанных с расширением штатного состава, поиском подходящего для работы помещения, отсутствием необходимых наглядных пособий. «Перенесение деятельности в Сибирь, – отмечалось в отчете о работе отделения, – потребовало также значительного времени на установление связи с сибиряками, встретившими работы отделения как незнакомые, с недоверием и даже недоброжелательством»[2].

12 декабря 1918 г. начальником отделения внешкольного образования и воспитания войск был назначен прапорщик Ф.В. Мелехин, 22 декабря в должности его помощника утвержден подпоручик А.А. Кармилов[3]. К маю 1919 г. в составе отделения значилось 15 сотрудников, в том числе 8 инструкторов.

В середине весны 1919 г. в сибирских газетах стали распространяться слухи о том, что военное министерство собирается передать отделение внешкольного образования в войсках в ведение Главного управления военно-учебных заведений, ликвидировав его как самостоятельное учреждение. Доказывая нецелесообразность подобного решения, омская «Наша заря», в частности, писала: «Такое подчинение не нормально. Живая работа в солдатской массе будет вестись через учреждение, не имеющее никакой непосредственной связи с армией, через людей, быть может, опытных педагогов, но работавших в совсем другой области воспитания,

[1] РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.12. Л. 59.
[2] Там же. Л. 61.
[3] РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.12. Л. 15 об.

в других условиях и с другими заданиями»[1]. Главный штаб, однако, не прислушался к мнению прессы и к началу мая подчинил отделение Главному управлению военно-учебных заведений военного министерства.

В начале 1919 г. в структуре Главного штаба был создан отдел печати во главе с подполковником Н.Н. Стромиловым (рис. 19). Отдел включал печатное, экспедиционное и хозяйственно-издательское отделения. В это время структура центрального военно-осведомительного аппарата кардинальным образом перестраивается. 20 января генерал-майор Д.А. Лебедев подписал приказ о создании при штабе Верховного главнокомандующего нового пропагандистского органа – Особой канцелярии (Осканверха)[2], в связи с чем информационный отдел Ставки расформировывался. Редакция «Русской армии» передавалась в состав отдела печати Главного штаба. Приказом генерала В.И. Марковского от 1 февраля ротмистр С.А. Скрябин был отстранен от должности редактора и переведен в отдел Генерального штаба. В тот же день новым редактором «Русской армии» был назначен делопроизводитель 1-го отделения отдела личного состава Главного штаба подполковник Ю.С. Геркен. По распоряжению начальника Главного штаба с целью «документальной поверки сумм, дел, документов, имущества и инвентаря редакции газеты “Русская армия” и ее типографии» создается специальная комиссия под руководством подполковника Н.К. Павловского.

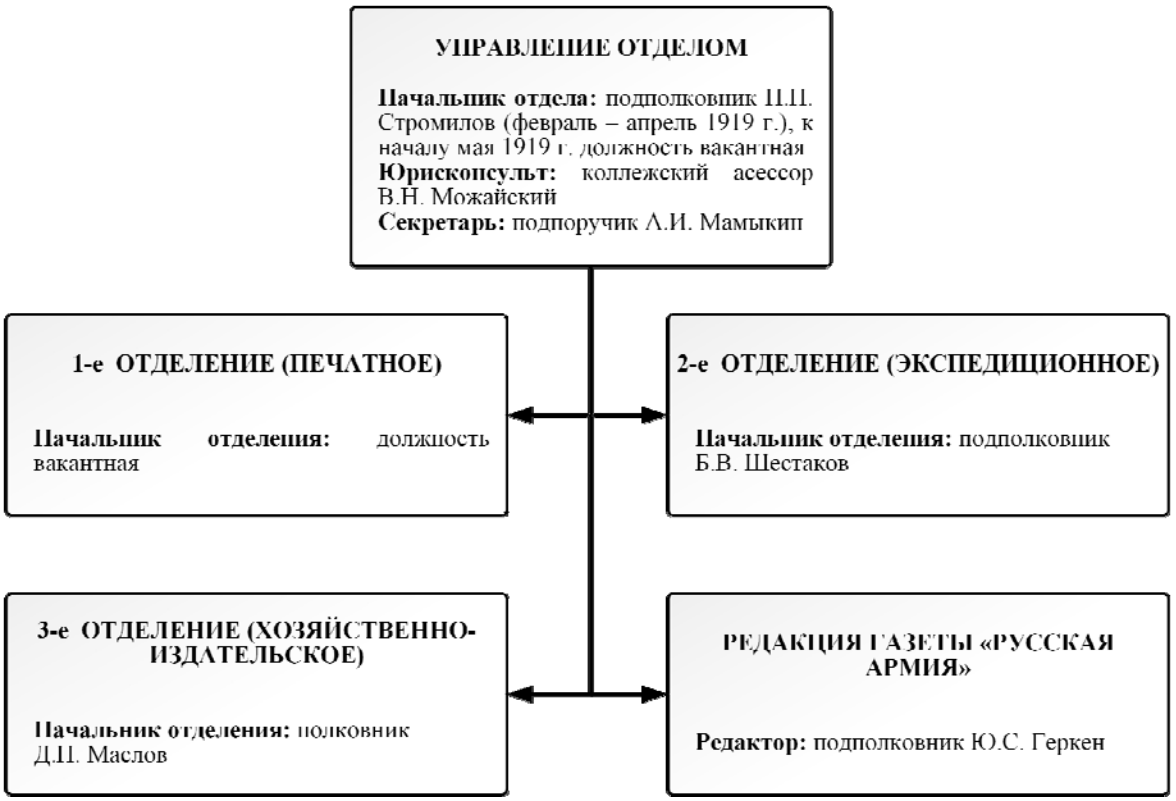


Рис. 19. Схема организации отдела печати Главного штаба (февраль – март 1919 г.)

26 февраля 1919 г. были утверждены временные штаты Главного штаба, включавшие несколько новых структурных подразделений. Одним из таких подразделений был осведомительный отдел (освеглавштаб)[3]. Первоначально в состав отдела входили четыре отделения: контрразведывательное (центральная часть контрразведки), цензурно-контрольное, информационное и разведывательное (военно-статистическое). С февраля

[1] *Наша* заря. 1919. 27 апр.

[2] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 янв. 1919 г. (Научная библиотека Томского государственного университета – далее НБ ТГУ).

[3] *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 51.

осведомительный отдел возглавил полковник Генерального штаба Л.А. Текелин (Гакенберг), до этого руководивший мобилизационным отделом Главного штаба (рис. 20).

Как и в случае с другими осведомительными подразделениями, формирование отдела шло с трудом. «К великому огорчению, – говорилось, в частности, в рапорте полковника Л.А. Текелина, направленном 2 марта помощнику начальника Главного штаба, – при формировании осведомительного отдела я встречаю массу препятствий, что подрывает веру в возможность что-либо сделать при данной обстановке. Так, до сих пор никак нельзя остановиться на определенной схеме организации, не освобождаются необходимые для отдела помещения, не снабжают необходимой обстановкой и не отпускают авансы на приобретение ее, приглашенные с Вашего разрешения служащие не уверены, что они получат содержание за март месяц, и многие, давшие ранее согласие, уходят на службу в другие учреждения, и, наконец, непосредственные доклады безответственных лиц моим начальникам в области дел, порученных вверенному мне осведомительному отделу, – [все это] ставит меня в затруднительное положение»[1]. Все это, по мнению Текелина, «бодрит врагов порядка, и они собираются напрячь все силы, не брезгуя средствами, чтобы затормозить организацию необходимых государству органов управления на неопределенное время»[2].

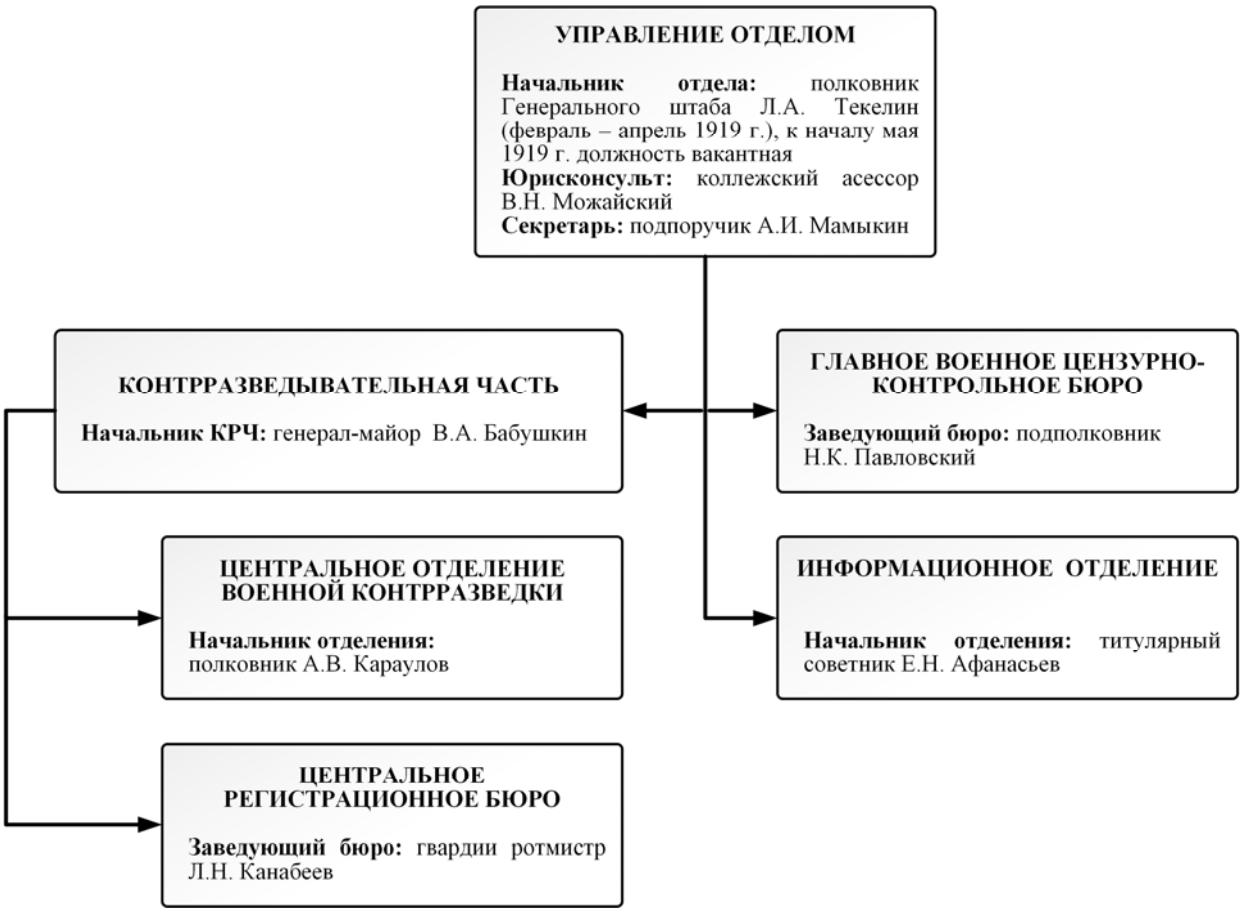


Рис. 20. Схема организации осведомительного отдела Главного штаба (февраль – март 1919 г.)

Только 22 марта 1919 г. руководитель осведомительного отдела направил рапорт своему непосредственному начальнику, в котором сообщал о том, что вверенное ему подразделение Главного штаба «можно счи-

[1] РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 51. Л. 76 об.
[2] Там же. Л. 76 об – 77.

тать окончательно сформированным»[1]. К этому времени были одобрены штаты отдела, разработаны временные положения о военной контрразведке, о правах и обязанностях чинов военной контрразведки, инструкции для главного цензурно-контрольного бюро, подготовлены и представлены примерные сметы и перечень секретных расходов. «Информационное отделение, – говорилось в рапорте, – при полном отсутствии технических средств приступило к составлению ежедневных обзоров печати».

Как отмечалось выше, в конце января 1919 г. в структуре Ставки создается Особая канцелярия. Осканверх состоял из 4 отделений: общего, цензурного, осведомительного и политических сношений[2]. Штат новой организации предусматривал 18 сотрудников, в том числе 13 офицеров. На организационные расходы первоначально отпускалось 5 тыс. руб. и, кроме того, «натурой 3 пишущие машинки или деньгами их стоимость»[3].

Для издания агитационной литературы Осканверху дополнительным приказом на первые три месяца выделялось 120 тыс. руб.[4] Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 января 1919 г. руководителем Особой канцелярии временно, с 1 января, был назначен штабс-капитан П.Н. Зубов. Должность начальника Осканверха по окладу содержания приравнивалась к начальнику дивизии. В своем первом приказе по вверенному ему подразделению штабс-капитан Зубов выразил уверенность «в энергичном содействии моих сотрудников и готовности приложить все свои силы и знания к созидательной работе на благо Единой, Великой, Могущественной России и возрождающейся Русской армии»[5].

25 февраля 1919 г. П.Н. Зубовым был подписан приказ о первых назначениях штатных сотрудников Осканверха. Начальником общего отделения становится бывший старший делопроизводитель Временного Главного управления Красного Креста барон А.П. Шлиппенбах, цензурного – бывший помощник начальника штаба 2-й стрелковой дивизии капитан Г.В. Ставров, осведомительного – причисленный к Министерству народного просвещения коллежский советник В.Г. Янчевецкий, политических сношений – ранее состоявший в распоряжении коменданта Омска ротмистр гвардейской кавалерии С.М. Толстой-Милославский. 3 марта приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 180 первоначальный штат сотрудников Особой канцелярии был утвержден (рис. 21).

Рис. 21. Схема организации Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего (май 1919 г.)

[1] РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 51. Л. 31.
[2] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 янв. 1919 г. (НБ ТГУ).
[3] Там же.
[4] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 293 от 16 апр. 1919 г. (НБ ТГУ).
[5] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

Примечательно, что из десяти назначенных по этому приказу только трое (коллежский асессор М.Г. Гурин – делопроизводитель общего отделения (по совместительству казначей), поручик Романов – помощник начальника цензурного отделения и прапорщик Е.И. Шамурин – обер-офицер для поручений и делопроизводства осведомительного отделения) до этого являлись сотрудниками прежнего Информационного отдела при штабе Верховного главнокомандующего и имели соответствующий опыт работы[1].

В Омске Особая канцелярия штаба Верховного главнокомандующего располагалась в двух зданиях. Цензурное и осведомительное отделения продолжали оставаться на Костельной улице в доме Липатникова, занимая две комнаты на первом и втором этажах. Два же других отделения с 1 февраля переехали в здание Общественного собрания на углу Новой и Дворцовой улиц. Там же расположился и начальник Осканверха штабс-капитан П.Н. Зубов.

Позднее, 13 апреля 1919 г., приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего ранее утвержденный штат Осканверха был пересмотрен. Количество сотрудников было увеличено до 28 человек (из них 17 – офицеры)[2].

Подбор квалифицированных кадров продолжал оставаться сложной проблемой. В некоторых случаях дело доходило до курьезов. Так, в середине декабря 1918 г. тогда еще информационным отделом штаба Верховного главнокомандующего в распоряжение коменданта телеграфа Ставки штабс-капитана Глебова в качестве военного контролера был направлен генерал-лейтенант в отставке И.Т. Шевелев. В начале марта 1919 г. от штабс-капитана Глебова начальнику теперь уже Осканверха последовал весьма примечательный рапорт.

«Наблюдая за работой генерала Шевелева в должности военного контролера, – говорилось в нем, – я убедился, что ему как по возрасту, так и по чину чрезвычайно трудно исполнять свои обязанности. Цензура телеграмм требует постоянного присутствия контролера на своем месте, ибо по существующим телеграфным правилам депеши должны незамедлительно направляться на передаточные аппараты и обязательно с пометкой “Д. Ц.”. Генерал Шевелев в ночное время спит, а утром, не дожидаясь смены, уходит домой, никому не докладывая об этом. На смену приходит с опозданием на 30–40 минут… Его отношение к другим офицерам комендатуры и контроля крайне грубое, обращается на “ты” и держится даже в служебном отношении обособленно»[3].

Возможно, что при другом стечении обстоятельств на поведение отставного генерала и не обратили бы внимания, но 6 марта 1919 г. он на 7 часов задержал телеграмму «срочного характера», в которой сообщалось о необходимости ускорить продвижение английского эшелона с «боевым грузом». Проблема заключалась и в том, что обладавший в отношении своих подчиненных дисциплинарной властью командира полка комендант телеграфа Ставки использовать эту власть в отношении престарелого генерала посчитал «совершенно невозможным». В итоге 70-летний генерал был заменен другим офицером – полковником (тоже в отставке) С.М. Голубовским.

Особенно сложно было найти для работы в Осканверхе талантливых литераторов и художников. В середине апреля 1919 г. руководитель осведомительного отделения В.Г. Янчевецкий направил штабс-капитану Зубову рапорт, в котором «ввиду необходимости расширить агитационную деятельность, как в войсках, так и в освобожденных от большевистской власти местностях» просил о назначении в его распоряжение писателя и поэта Георгия Маслова и художника Евгения Спасского. И тот, и другой были мобилизованы и проходили службу, первый в егерском батальоне 11-й дивизии, а второй – в учебной команде 3-го степного кадрового полка, но к этому времени был арестован по доносу и ожидал в тюрьме своей участи.

«Почти каждое утро, – вспоминал впоследствии Е.Д. Спасский, – приходили в тюрьму от коменданта сербские солдаты, которые охраняли тюрьму, и, если было нужно, они же и расстреливали. И это все знал татарин, каким-то особым даром ясновидения. Он всегда всех будил и говорил: столько-то пришло сербов, сегодня из нашей камеры никого не возьмут, или сегодня возьмут у нас двоих, одного расстреляют, одного отпустят. И в один из дней он поднял страшную панику. Говорил взволнованно: “Пришло много сербов, возьмут из тюрьмы до сорока человек, из нашей камеры троих-двоих на расстрел, одного отпустят”. И все, как сума-

[1] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 180 от 3 марта 1919 г. (НБ ТГУ).
[2] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 326 от 13 апр. 1919 г. (НБ ТГУ).
[3] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 33. Л. 146–146 об.

сшедшие, ловили по стенам мух и смотрели самец или самка, если самка – расстреляют. И из этих троих попал и я. Нас построили в две шеренги, какую шеренгу на расстрел было неизвестно. Это мучительное состояние продолжалось около часа. Через час вызывают меня и спрашивают: “Такой-то? – Такой-то. – Забирай свои вещи и уходи, есть приказ тебя освободить, благодари человека, который за тебя похлопотал”. И я, как во сне, вышел за ворота и ослеп от дневного света, которого давно не видел. Стою, не могу открыть глаза, больно и катятся слезы. Так прошло с полчаса, пока глаза освоились со светом. Кто же оказался моим благодетелем? Скоро я наталкиваюсь на одного казака-офицера в чине капитана, который был на поэзоконцерте, где я выступал, и поэтому знает меня. Он остановил меня и сказал, что все знает и что вытащить меня, приговоренного к расстрелу, было очень трудно, и чтобы я не оставался в городе ни одной минуты и тотчас шел бы на вокзал и уехал куда угодно, чтобы тут меня никто не видел.

Так я и сделал, повернул и пошел на вокзал с пустыми руками и пустым карманом. Но мир не без добрых людей и не без доброго водительства. На вокзале меня останавливает человек в чине штабного полковника и говорит: “Я вас знаю. Вы такой-то. Куда вы идете?”. Я увидел добрые, ласковые глаза и рассказал ему все со мной случившееся. Он предложил мне место и работу у себя в передвижной типографии. Итак, я попадаю в вагон на колесах и почти два года путешествую по железной дороге. Делаю клише, режу из линолеума заставки, виньетки и рисунки. Сюда же на работу к себе редактор берет поэта Бориса Четверикова и писателя Всеволода Иванова, который работал наборщиком. С редактором, начальником нашей типографии, я снова встретился в Москве лет через восемнадцать… Он писал повести и рассказы для детей и был членом союза писателей. Впоследствии выпустил целый ряд книг под именем Василия Яна»[1].

В начале весны происходит новая реорганизация местного осведомительного аппарата. 9 марта 1919 г. агитационные отделы армий были преобразованы в Особые канцелярии армий (осканармы), на организацию каждой из которых предполагалось выделить 10 тыс. рублей. Они создавались с целью «организованного осведомления действующей армии, для пропаганды в ее рядах здоровых государственных идей, а также для распространения среди красноармейцев нашей (т.е. антибольшевистской. – *Д.Ш.*) литературы».

Приложенная к приказу инструкция конкретизировала обязанности осканармов: «а) Распространять в своей армии все то, что посылается Особой канцелярией при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверх); б) освещать все вопросы, так или иначе волнующие действующую армию, изданием газет для фронта и ближайшего тыла и выпуском брошюр, листовок и телеграмм; в) в важные политические моменты для борьбы с ложными слухами информировать части действующей армии путем посылки в толщу ее лиц для правильного освещения событий; г) посылки в части армии, до рот включительно, лекторов; д) борьба с большевистскими идеями, распространяемыми на территории действующей армии; е) иллюстрации проводимых Осканармом идей посредством кинематографа; ж) посылки агитаторов в действующую армию Советской России с целью разложения ее; з) распространение прокламаций на территории Советской России»[2].

Кроме того, еще до «организации гражданскими властями органов осведомления жителей территории, занятой колчаковскими войсками», в обязанности Осканарма входило «распространение правильной политической ориентировки среди гражданского населения прифронтовой полосы». Особая канцелярия армии могла иметь собственную типографию и походный кинематограф. Она состояла из пяти человек (три офицера, два вольнонаемных писаря) и подчинялась генерал-квартирмейстеру армии. По отношению к нему канцелярия являлась «органом, собирающим и систематизирующим сведения» о моральном состоянии и политических настроениях, как своих, так и советских войск. Помимо этого, в задачу Осканарма входило «подготавливать благоприятное политическое настроение своих войск в предвидении боевых операций».

По линии военной пропаганды («для урегулирования своей деятельности в освещении политических вопросов») работу осканармов курировал Осканверх, для связи с которым использовались специальные курьеры[3].

---

[1] *Спасский Е.* Воспоминания. Автобиографический очерк // Фонд наследия Евгения Спасского [сайт]. URL: http://e-spassky.ru/about/2/3.html (дата обращения: 10.10.2012).

[2] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 191 от 9 марта 1919 г. (НБ ТГУ).

[3] Там же.

Смена на государственном уровне самой модели осведомительной работы скорректировала и круг решаемых информационно-пропагандистскими учреждениями задач. При этом основная схема работы: «одновременная и параллельная работа в двух направлениях: информации правительственной (от центра к периферии) и информации общественной (от периферии к центру)»[1], предложенная в свое время Г.А. Вяткиным, оставалась неизменной. Целевые аудитории, на которые была направлена деятельность центрального осведомительного аппарата государственных образований востока России, показаны на рис. 22.

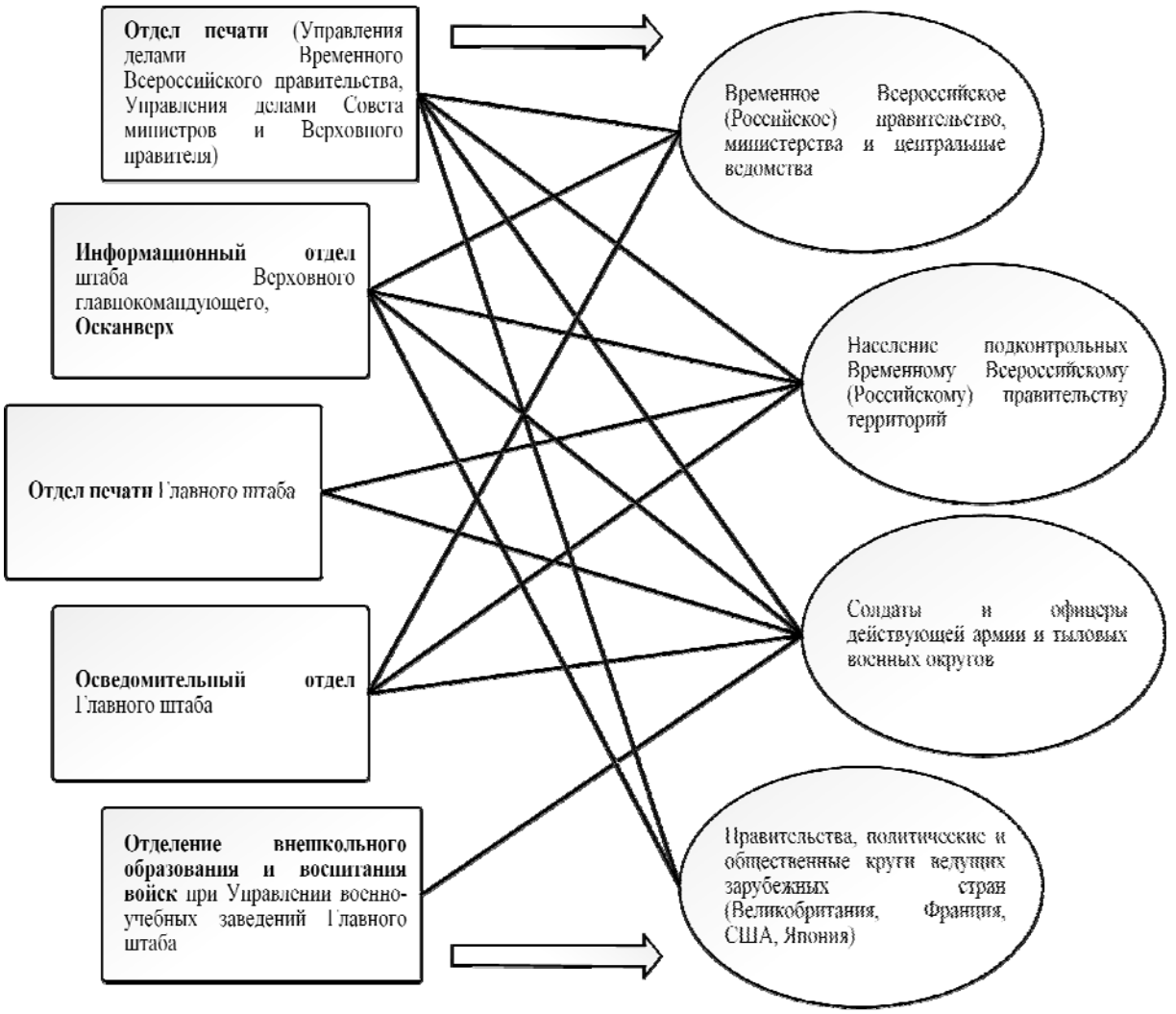


Рис. 22. Целевая аудитория правительственных органов осведомления и политической пропаганды (осень 1918 – весна 1919 гг.)

Ключевыми направлениями их деятельности в этот период стали «правильно поставленная информация» населения подконтрольных антибольшевистским государственным образованиям территорий, правительственных и общественных кругов ведущих зарубежных стран (Великобритания, Франция, США и Япония), осведомление Совета министров, Верховного правителя, руководства всех центральных ведомств о ситуации в стране и за рубежом, культурно-просветительная и воспитательная работа в армии. Распределение функций между отдельными структурными подразделениями представлено на рис. 23.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.

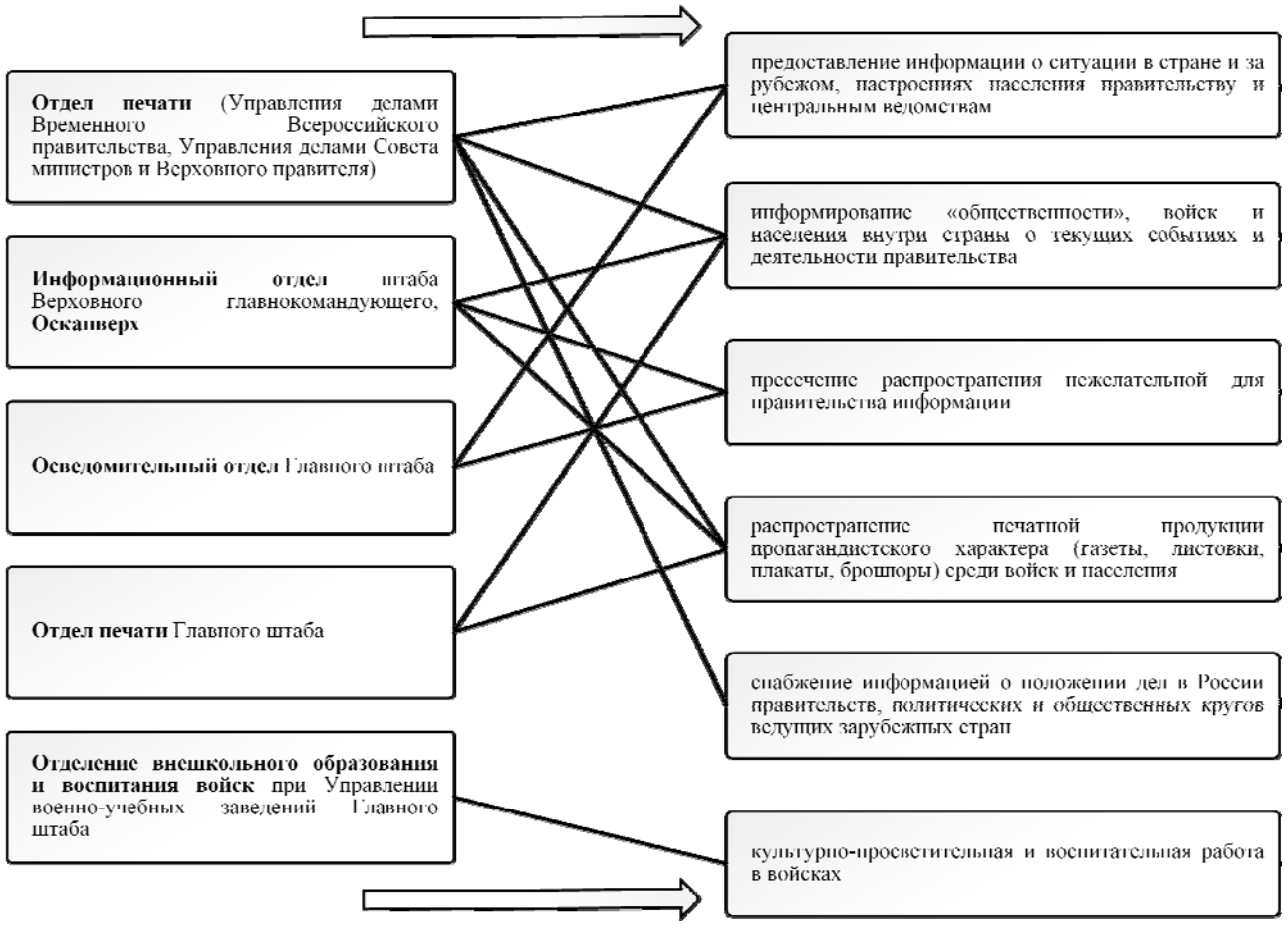


Рис. 23. Функции правительственных органов осведомления и политической пропаганды (осень 1918 – весна 1919 гг.)

Принципиально новым направлением становится культурно-просветительная работа в войсках, прежде всего тыловых округов, осуществляемая централизованно отделением внешкольного образования и воспитания Главного штаба.

Подведем итоги. Начиная с осени 1918 и вплоть до весны 1919 г. масштабы проводимой антибольшевистскими правительствами востока России осведомительной работы значительно возрастают, сеть центральных и местных информационно-пропагандистских учреждений расширяется. При этом осведомление и политическая пропаганда как особое направление внутренней политики находились исключительно в ведении государства. Руководство осведомительной работой в этот период было сосредоточено непосредственно в центральном аппарате правительства (Управление делами Временного Всероссийского правительства, Управления делами Совета министров и Верховного правителя), штабе Верховного главнокомандующего и Главном штабе военного министерства. Информационные подразделения отдельных министерств были ликвидированы, а их сотрудники включены в правительственный Отдел печати. Всего с конца сентября 1918 до начала мая 1919 г. существовало 6 центральных учреждений осведомления и политической пропаганды, из них 5 – в структуре военного ведомства. Все они, за одним исключением, являлись учреждениями специализированными и узкопрофильными. Лишь осведомительный отдел Главного штаба сочетал в своей деятельности решение информационно-пропагандистских, разведывательных и контрразведывательных задач.

Организация центрального осведомительного аппарата отражала и основную тенденцию государственного строительства – стремление к всероссийскому масштабу при формировании министерств и ведомств. Стремление к «немедленному развертыванию государственных учреждений в общероссийском масштабе» хорошо видно на примере правительственного Отдела печати. Если в середине ноября 1918 г. в нем значилось 40 сотрудников, то штатное расписание, подготовленное в конце декабря, предусматривало уже 103 должности. Сходная тенденция была характерна и для других осведомительных органов.

«Для громоздкого аппарата в 15 министерств и нескольких десятков подсобных к ним учреждений, естественно, понадобились обширные специальные помещения, значительные финансовые средства». В итоге, по справедливому замечанию публициста Анатолия Гана (А.Я. Гутман), значительную часть беженцев вместо отправки на фронт «разместили в многочисленных правительственных канцеляриях на спокойное и сытное дело», «худшие элементы военных и военнообязанных находили убежище в этих канцеляриях как “незаменимые специалисты”»[1]. В то же время ощущался дефицит в опытных, квалифицированных руководителях информационно-пропагандистских подразделений. К началу мая были вакантными должности начальников осведомительного отдела, отдела печати и отделения внешкольного образования Главного штаба.

Таким образом, в рассматриваемый период Российскому правительству адмирала А.В. Колчака методом проб и ошибок удалось сформировать вполне работоспособный и адекватный сложившимся условиям информационно-пропагандистский аппарат. Произошло это невзирая на позднее осознание белыми роли пропаганды в военно-политической борьбе. Проблема заключалась не в этом. Даже к весне 1919 г. ни политическое руководство востока страны, ни высшее военное командование, ни руководители осведомительных учреждений не разработали сколько-нибудь четкой концепции государственной пропаганды. Кроме того, в отношении развития информационно-пропагандистских служб у военных и политических кругов омского режима отсутствовал системный подход. В итоге штатное расписание формируемых осведомительных органов длительное время находилось в состоянии разработки и утверждения, что порождало их неопределенное положение. Многочисленные реорганизации, характерные для рассматриваемого периода, говорили о поиске оптимальной организационной структуры. Так, правительственный Отдел печати в течение осени 1918 – весны 1919 г. трижды менял штатное расписание, Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего и Осканверх за недолгое время своего существования – дважды.

Довольно противоречивым образом решались на этом этапе вопросы финансирования правительственных органов осведомления и политической пропаганды. С одной стороны, речь шла о максимальной экономии государственных средств. «Нет сомнения в том, что в будущем все расходы на нужды просвещения армии будут относиться за счет государственной казны, – писала по этому поводу «Русская армия», – но сейчас, когда наш военный бюджет отягощен исключительно материальными нуждами армии, когда армия нуждается во всем, – желательно не обременять его ассигнованиями на культурно-просветительное дело, близкое всему народу и, надо думать, этот призыв к общественной поддержке этого дела вызовет полное сочувствие здоровых элементов населения»[2]. С другой – и эта линия в конечном счете возобладала, государственное финансирование увеличивается. Это также хорошо иллюстрирует ситуация с правительственным Отделом печати: по смете, представленной в конце октября 1918 г. ежемесячно на содержание Отдела печати Временного Всероссийского правительства планировалось отпускать 106 527,5 руб., составленная же в конце декабря смета предусматривала расходы уже в размере 200 000 руб.

В целом же влияние информационно-пропагандистского аппарата Российского правительства адмирала А.В. Колчака на формирование общественных настроений на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке продолжало оставаться незначительным. «Важными задачами правительства, – говорилось в одном из подготовленных осведомительным отделом Главного штаба обзоров печати, – являются также усиление информации фронта и организация Пресс-бюро как вспомогательного аппарата для самого широкого осведомления населения о планах и способах государственного строительства и национального возрожде-

[1] *Ган А.* Организация Омской власти // Часовой (Париж). 1934. № 137–138. С. 28–29.
[2] *Русская* армия. 1918. 13 дек.

ния России»[1]. Особенно неблагополучно дело обстояло с деревней. «Гражданское население, преимущественно сельское, местностей, освобождаемых от большевиков, – сообщал в середине мая 1919 г. начальник военно-административного района Западной армии, – остается без должной информации, правильно освещающей положение вещей. Среди крестьян на почве неустойчивого настроения распространяются разные провокационные слухи о событиях на фронте и в тылу»[2]. Скандальная же для всех антибольшевистских сил ситуация вокруг организации конференции на Принцевых островах, а также постоянное затягивание признания Омского правительства странами – бывшими союзниками России по Антанте, наглядно демонстрировали откровенную слабость и неэффективность государственной пропаганды за рубежом. «Теперь, – указывал в обзоре корреспонденции начальник Главного военного цензурно-контрольного бюро подполковник Н.К. Павловский, – говорится не о том, что у нас почти отсутствует хорошо поставленная за границей информация, а речь уже идет о том, что информация за границей носит для нас злостный характер»[3]. Все это говорило о необходимости существенной реорганизации и дальнейшего совершенствования правительственного осведомительного аппарата.

[1] ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 16.
[2] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
[3] ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 45.

Глава 3

ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (МАРТ 1919 – ЯНВАРЬ 1920 г.)

3.1. Русское бюро печати

Начиная с весны 1919 г. на территории, контролируемой Омским правительством адмирала А.В. Колчака, в работе государственных информационно-пропагандистских учреждений наблюдается заметное оживление. Происходит и существенная реорганизация правительственного осведомительного аппарата. Все это было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, политическое руководство Белого Востока осознает, насколько слабо информированы правительства и общественные круги западных стран о событиях в России. Выступая в Перми, адмирал А.В. Колчак прямо заявил: «За границей не дают отчета, что делается в России, ввиду слабой информации о положении русских дел. Например, в Америке существует до сих пор мнение, выразителем которого является президент, что большевизм выражает истинную идею русской демократии, лишь несколько увлекшейся вследствие революционных условий. Все противоположные большевизму течения считаются реакционными, стремящимися к реставрации»[1].

В течение весны 1919 г. «государственно мыслящая» пресса неоднократно возвращалась к этой теме. 4 апреля газета «Русская армия» писала: «“Я не знаю, как быть с русским вопросом”, – такая приблизительно фраза была обронена недавно лордом Черчиллем в палате общин. Заявление, характерное для наших дней, которое ясно обнаруживает, как мала осведомленность даже у наших старых друзей относительно того, что сейчас происходит в России… С нашей же стороны нужно желать усиленного осведомления о каждом шаге, который подвигает вперед созидательную работу нашего национального возрождения. Чем больше будут знать о нас наши друзья, тем лучше»[2].

В особенности Омское правительство заботило положение дел в США. «Прибывающие из Соединенных Штатов авторитетные лица, – отмечала 10 апреля омская «Наша заря», – констатируют, что дело взаимного осведомления двух наций о внутренних делах и настроениях их по-прежнему обстоит весьма печально, благодаря [чему] не налаживаются с должным успехом и взаимные отношения»[3]. Далее в статье приводилось несколько примеров того, до каких, по мнению автора публикации, «гомерических пределов глупости или недобросовестности доходят безответственные информаторы». В частности, некий Робинс, бывший представитель Красного Креста в России, заявил в Сенате о том, что «русский народ хочет большевизма».

Комментируя это заявление, «Наша заря» писала: «Как вам понравится этот американский “бум”? Русский крестьянин, видите ли “желает”, чтобы его продолжали грабить тунеядцы-коммунисты; русская интеллигенция “желает”, чтобы ее продолжали в застенках пытать и расстреливать, русский рабочий “желает”, чтобы им деспотически управляли фабричные комитеты коммунистов и так далее? Чем объясните вы появление в заграничном обращении подобных глупостей? Полным отсутствием наблюдательности г. Робинса? Совершенным неумением логически мыслить? Смелостью говорить о том, чего он не знает?».

На недостаточность пропагандистской работы за рубежом неоднократно обращал внимание начальник Главного военного цензурно-контрольного бюро подполковник Н.К. Павловский. «Сугубо важной является информация заграничного общественного мнения, – указывал он в обзоре печати от 17 апреля 1919 г. – Мно-

[1] *Освобождение* России (Пермь). 1919. 22 февр.
[2] *Русская* армия. 1919. 4 апр.
[3] *Наша* заря (Омск). 1919. 10 апр.

гие недоразумения и расхождения союзников с нами обязаны своим происхождением отсутствию правильной информации с нашей стороны даже в таких крупнейших центрах мировой жизни, как Париж, Лондон, Нью-Йорк. Превратные суждения о внутренних делах России, традиционную "развесистую клюкву", не раз мы видели даже в самые последние месяцы в целом ряде заграничных газет. Правильная информация блистательно отсутствовала, заменяемая тенденциозными измышлениями большевиков или той части социалистов, которые не брезгуют оппозицией ради оппозиции. Периодически мы читаем речи Керенского, Авксентьева и других, которые с набитыми карманами говорят иностранцам о нуждах России. В каждом слове этих деятелей слышится призыв к развалу существующей в России власти, и нет людей, могущих открыть иностранцам глаза на истинное положение вещей в возрождающейся России, подавить разрушительную агитацию демагогов, сумевших уничтожить армию, толкнуть Россию в междоусобицу и нагло ее обокрасть»[1].

В такой ситуации, по мнению политического руководства и «государственно мыслящих» представителей общественности Белого Востока, необходимо было расширить правительственную пропаганду за рубежом. «А между тем, – писал секретарь американской комиссии Всероссийского земского союза Н.К. Степанов, – положение могло быть иным. Живя в Соединенных Штатах последние 6 лет, в течение которых я по роду своей работы находился в постоянном соприкосновении с руководящими центрами американского общественного мнения, я беру на себя смелость категорически утверждать, что при условии существования в Штатах осведомительного бюро, которое стало бы на страже истинно русских интересов, которое занялось бы систематической организованной и правдивой пропагандой [наших] интересов – общественное мнение Америки могло бы быть направлено в желательном для России направлении, что, в свою очередь, заставило бы американское правительство оставить курс неопределенной по отношению к России политики и оказать действительную, широкую и сознательную помощь возрождающейся России»[2].

Во-вторых, именно в этот период более рельефно обозначились контуры политической программы Омского правительства. Еще во время февральской поездки на фронт адмирал Колчак посетил ряд крупных городов (Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Тюмень), в которых он встречался с местными общественными деятелями, представителями земского и городского самоуправления. В ходе этих встреч Верховный правитель неоднократно высказывал свои взгляды на дальнейшее развитие страны.

Наибольший резонанс имело его выступление в Екатеринбурге 23 февраля 1919 г. на торжественном заседании городской думы, которому официальная и проправительственная печать тут же придают статус программного. В этой речи Колчака обращают на себя внимание два момента. С одной стороны, Верховный правитель подчеркнул важность единения власти и общественности. «Не в первый раз за настоящую мою поездку, – говорил Колчак, – мне приходится встречаться с представителями земств и городов и с представителями общественности, и я с глубоким удовлетворением должен установить отсутствие разногласий взглядов моих и правительства, которое я возглавляю, с положениями, что я слышал до сих пор от местных людей. Я должен отметить глубокое значение этого факта, ибо в безвозвратное прошлое ушло то время, когда власть могла себя противопоставить общественности как силе, ей чуждой и даже враждебной. Новая свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности». С другой стороны, Верховный правитель четко и однозначно высказал свою приверженность демократическому пути развития. «Я не мыслю будущего ее (т.е. России. – *Д.Ш.*) строя, – заявил Колчак, – иначе, как демократическим, не может он быть иным, и теперь, быть может, только суровые военные задачи заставляют иногда поступаться и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающим от тех начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности правительство»[3].

Комментируя это выступление, «Сибирская речь» писала: «Речь Верховного правителя дает широкую струю свежего воздуха в спертую и удушливую среду нашей тыловой политической жизни. Она поднимает нас на ту неподлежащую забвению высоту наших исторических задач, с которой до очевидности явными становятся требования и направления основных нужд государственной жизни, тех жертв и самоограничений, которые с нашей стороны должны быть совершены, и той политической дисциплины, которая должна сковать нашу общественную и государственную волю в настоящий период вооруженной борьбы за внутреннее осво-

[1] ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 15–16.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 10 апр. (28 марта).
[3] *Сибирская* речь. 1919. 26 (13) февр.

бождение России и за основные условия восстановления ее международного законного состояния»[1]. Таким образом, формировалась идеологическая и политическая основа для деятельности пропагандистского аппарата Омского правительства.

Следует принять во внимание и еще одно обстоятельство. В начале марта 1919 г. войска адмирала Колчака переходят в наступление. Наибольших успехов достигает Западная армия генерала М.В. Ханжина: были взяты Бирск, Уфа, Мензелинск, Белебей, Бугульма, Бугуруслан. Части белых быстро продвигались к Волге, подойдя к ней у Казани и Самары на расстояние до 80 км. Продвижение колчаковских войск в глубь европейской части России ставило перед омским правительством ряд новых задач. «Армия творит чудеса, – писала в конце апреля 1919 г. «Сибирская речь», – ее вожди, ее офицеры и солдаты – день за днем поднимают упавшую мощь и славу России. Но в той задаче, которая стоит перед силами национального возрождения, вопросы управления гражданского не менее важны, чем вопросы военные. Успехи армии, ее быстрое продвижение вперед открывают все новые и новые местности России, до основания разгромленные большевичеством, остро нуждающиеся в порядке и устройстве управления»[2].

Помимо организации управления освобожденными от большевиков территориями, необходимо было обеспечить общественную поддержку новой власти, а армию – притоком новобранцев. Мобилизовать население для продолжения вооруженной борьбы с «ленинской ордой», наряду с мерами административного характера, могла правильно организованная пропаганда. В уже цитировавшемся обзоре прессы от 17 апреля 1919 г. говорилось: «Последнее время печать уделяет совершенно исключительное внимание вопросу государственной информации, как делу чрезвычайно важному, сложному, ответственному и крайне необходимому. От правильной и широкой постановки информации зависит половина успеха всякого государственного начинания, как в политике внутренней, так и в политике внешней… Важными задачами правительства являются также усиление информации фронта и организация Пресс-бюро как вспомогательного аппарата для самого широкого осведомления населения о планах и способах государственного строительства и национального возрождения России»[3].

Выход колчаковских войск в европейскую часть страны обострил ряд социально-экономических проблем, прежде всего земельный вопрос. В связи с этим в начале апреля 1919 г. Верховным правителем и Советом министров была принята специальная декларация. «Доблестная армия Российского правительства, – говорилось в ней, – продвигается в пределы Европейской России. Она приближается к тем коренным русским губерниям, где земля служит предметом раздоров, где никто не уверен в своем праве на землю и в возможности пожать плоды своего труда. Богатая раньше хлебом, Родина наша ныне голодна и бедна. Долгом правительства является создать спокойную и твердую уверенность земледельческого населения в том, что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей, кто ее запахал и засеял. Правительство заявляет поэтому, что все, в чьем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай»[4].

В-третьих, к середине мая положение колчаковских войск на фронте заметно ухудшается. «Первые дни мая, – вспоминал комиссар 26-й стрелковой дивизии В.К. Путна, – прошли в боях, не только вернувших нам инициативу, но и предрешивших откат колчаковцев за Урал. Поражения колчаковцев следуют с калейдоскопической быстротой. 4 мая нами занят Бугуруслан, 13-го – Бугульма, 17 – Белебей… Хотя река Белая и представляет серьезную естественную преграду, но белым не удалось закрепиться на ней. Части Пятой армии переходят Белую южнее Уфы и занимают город 9 июня. Мы… подошли вплотную к реке Уфимке, а за ней уже громоздился Урал»[5].

В ходе Бугурусланской, Белебейской и Уфимской операций (28 апреля – 19 июня 1919 г.) части Красной армии нанесли серьезное поражение Западной армии и Волжскому корпусу генерала В.О. Каппеля, Сибирская армия также начала отход ввиду угрозы ее левому флангу. «К июню 1919 то, что вначале было лишь временной неудачей на центральном участке Поволжского фронта, превратилось в полномасштабное отступление, –

[1] *Сибирская* речь. 1919. 1 марта (16 февр.).
[2] Там же. 25 (12) апр.
[3] ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 15–16
[4] *Правительственный* вестник. 1919. 10 апр.
[5] *Путна В.К.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контр-революцией. М.; Л., 1926. С. 13.

констатировал историк С.П. Петров[1]. – По приказу Тухачевского красные должны были окружить и вывести из строя Западную армию белых до того, как она пересечёт Урал, но белые выскользнули из окружения и к концу июня успешно пересекли горный хребет, прибыв в челябинскую низину более или менее в целости. Отступление Северной (правильно Сибирской. – *Д.Ш.*) армии с её передовых позиций в Вятской губернии было менее удачным. Северная армия прибыла к концу июня на восточные склоны Урала, развалившись на мелкие части. Для продолжения войны требовалась капитальная реорганизация»[2].

Таким образом, решительная перестройка осведомительного аппарата Белого Востока, значительное расширение сети его центральных учреждений и местных отделений, активизация усилий Омского правительства в сфере политической пропаганды происходили уже на фоне крупных военных неудач белых армий.

В такой ситуации колчаковский режим все явственнее начал ощущать неустойчивость общественных настроений, а со стороны отдельных социальных групп и прогрессирующий кризис доверия. В то же время следует отметить, что некоторые тревожные симптомы в массовых настроениях начали проявляться значительно раньше.

Еще в марте 1919 г. один из управляющих губернией писал товарищу министра внутренних дел В.Н. Пепеляеву: «За последнее время настроение широких слоев сельского и особенно городского общества повышается, разрыв правительства с народом углубляется все больше и больше… Деревню возмущают налоги и отсутствие товаров. При самодержавии у них были товары, а при большевиках не собирали налогов. Эти воспоминания их настраивают против нынешней власти… Поднимают вражду к власти и все усиливающиеся, часто беспричинные гонения на печать. Наблюдалось, что первоначально народ искренне принимал заявления Совета министров. Воззвания Верховного правителя у многих поддерживали веру в либеральную политику правительства, но практические мероприятия агентов власти так не согласованы со словами деклараций, что скоро от этой веры оставалось одно оппозиционное раздражение»[3].

Отношение различных слоев общества к колчаковскому режиму было довольно переменчивым. Правительство Белого Востока не имело той степени легитимности, которая гарантировала бы ему поддержку населения в случае военного разгрома или иного кризиса.

В-четвертых, к середине весны 1919 г. в лагере антибольшевистских сил происходит окончательное политическое размежевание: умеренные социалисты переходят от крайне неустойчивой коалиции с белым движением к политике условной поддержки большевиков и советской власти.

В конце декабря 1918 – начале января 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское партийное совещание РСДРП. На нем меньшевики отказались от блоков с «партиями имущих классов» и с демократическими партиями, связанными с контрреволюцией. В начале апреля 1919 г. в той же Москве прошел пленум ЦК партии социалистов-революционеров. Пленум признал ошибочным участие эсеров в коалиции с либералами в прошлом, в том числе делегирование своих представителей на Уфимское государственное совещание, вхождение в состав правительств Сибири и Урала, Директории. Участники пленума подчеркнули, что у «трудовой демократии» не может быть ничего общего с теми силами, которые ориентируются на то же самодержавие, но лишь в модернизированной форме личной диктатуры (старой бюрократией во главе с военщиной, дворянством и буржуазией)[4].

Комментируя опубликованный в московских «Известиях» призыв ЦК меньшевистской партии удесятерить агитацию «против вооруженной помощи союзников русскому народу в деле свержения большевиков», «Сибирская речь» писала: «Единый социалистический фронт сомкнулся. Истории угодно рисовать линиями резкими и грубыми, не знающими оттенков и переходов. Она учитель наглядного приема. Всей России, всему русскому народу она показывает заключительную картину. Злосчастный в темноте своей, – говорит она ему – смотри, осязай и убедись, где твой враг и где твой убийца, где виновник твоего разложения, твоих болезней, твоей нищеты, твоего позора. Его зовут социализмом, его слуг зовут социалистами»[5]. Таким образом, социа-

---

[1] Сын полковника, впоследствии генерал-майора П.П. Петрова. До конца мая 1919 г. полковник Петров был начальником штаба 6-го Уральского корпуса. С июня исполнял должность дежурного генерала штаба Западной армии.

[2] *Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и Сибири, 1918–1920 гг. М., 2006. С. 237.

[3] ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 7. Д. 29. Л. 9

[4] *Политические* партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 359, 446.

[5] *Сибирская* речь. 1919. 13 апр. (31 марта).

листы делались не только объектом яростной критики официальной печати и официозов Омского правительства, но и с этого времени позиционировались как непримиримые противники колчаковского режима, выступая составной частью образа врага для государственной пропаганды.

В то же время силы «национально-государственного возрождения» опасались угрозы и с правой стороны политического спектра. О большевизме как «слева», так и «справа» говорил Верховный правитель в Екатеринбурге в конце февраля 1919 г. «Сейчас, – отмечал на страницах «Сибирской речи» известный публицист С.А. Ауслендер, – они по всем темным углам закопошились и заворчали по поводу аграрной декларации… Конечно, у них нет не только реальной силы, но даже живого реального лица, а лишь иступленная, мертвенная маска… Но чтобы обезвредить все эти слухи, сплетни, шорохи и шепоты, все общественные силы, стоящие на точке зрения государственной и патриотической, должны еще плотнее, еще решительнее направить все свои дела и помыслы к одному – к помощи власти в ее борьбе с растлителями душ – как левыми, так и правыми большевиками»[1].

Кроме того, «государственно мыслящие» политические и общественные круги пугала довольно призрачная, но, тем не менее, потенциально возможная опасность объединения большевиков и крайне правых. «Крайне правые политические элементы, – писала «Наша заря», – теряющие вместе со старым строем многие классовые привилегии, в большинстве своем теряют вместе с тем и всю государственную идейность, ибо для них идея государства была слита с идеей своего классового благополучия. Для большевиков все вопросы в корне связаны с той же моральной основой: счастье народа, человечества в их устах – громкие слова, покрывающие самые низменные групповые вожделения. Этим, в конце концов, и объясняются все невероятные возможности близкого сожития правого монархиста с разудалым анархистом-большевиком»[2].

В-пятых, неудачи на фронте вскрыли просчеты и недостатки идеологической работы Омского правительства, его пропагандистского аппарата. Примечательной в этом отношении является резолюция командира 6-го Уральского корпуса генерал-майора Н.Т. Сукина на докладе одного из начальников дивизий, в котором содержалась просьба об отводе дивизии в тыл для отдыха и пополнения. «Никакие пополнения не помогут, – говорилось в резолюции. – Разложение будет увеличиваться, ибо тыл остается мертвым»[3].

В рапорте генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева командующему Сибирской армией Р. Гайде от 21 июня 1919 г. прямо указывалось: «Помимо... материальных недочетов, которые все же исправимы и не одни решают дело, есть более глубокая причина наших неудач... при наличии которой никакой порядок тыла не даст победы, – это апатия общества к делу возрождения России, отражающаяся на духе солдат и офицеров и способная превратить небольшую неудачу в крупную катастрофу». И далее: «Настала такая минута, когда не знаешь, что будет завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком. Должен быть какой-то перелом, новый взрыв патриотизма, без которого мы все погибнем»[4]. Таким образом, отчетливо проявились преимущества большевиков в укреплении морально-политического состояния действующих войск и тыла.

«Основное же наше превосходство, – писал по этому поводу военный историк Г.Х Эйхе[5], – партийно-политическая работа в армии, среди местного населения и среди солдат противника и в его тылу. Весь армейский организм Красной армии был пронизан и охвачен снизу доверху партийными и политическими организациями. Если в условиях гражданской войны политика… была одним из элементов обстановки, то партийно-политическая работа в ходе подготовки и осуществления оперативно-стратегических планов командования и ведения боев становилась материальной силой»[6].

Наиболее слабым звеном в деятельности осведомительных и культурно-просветительных организаций (правительственных, кооперативных, земских), и эту характерную особенность отчетливо можно проследить на протяжении всей Гражданской войны, была работа на периферии. В частности, об этом свидетельствует доклад начальника разведки штаба Иркутского военного округа, датированный 1 мая 1919 г.: «В Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде отсутствует какая-либо правительственная информация. Не только кресть-

---

[1] *Сибирская* речь. 1919. 11 апр. (29 марта)

[2] *Наша* заря. 1919. 1 июня.

[3] Цит. по: *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (Март – апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960. С. 191.

[4] «Россия погибнет в волнах новой анархии» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 82

[5] Во время описываемых событий командовал 26-й стрелковой дивизией.

[6] *Эйхе Г.Х.* Указ соч. С. 257.

яне и горожане систематически питаются вздорными, провокационными слухами, но подчас и представители власти, как начгары и земские деятели, ввиду полного отсутствия газет, живут слухами, распространяемыми с провокационными целями главарями большевистского движения»[1].

В телеграмме полковника Белаша, направленной 1 июня 1919 г. из Орска, указывалось, что главной причиной восстания в Кустанайском уезде и других глухих местностях, удаленных от железных дорог и телеграфа, является полная неосведомленность населения о событиях и правительственных мероприятиях. Вследствие чего, по его мнению, большевистская агитация имела успех. Создающиеся осведомительные канцелярии отдельных армий (осканармы) работают главным образом в прифронтовой полосе, что не позволяет им, по мнению Белаша, без ущерба для фронта уделять много внимания тылу. Исходя из этого, предлагалось для укрепления престижа государственной власти в тылу учредить особые канцелярии при военно-административных управлениях армий, при штабах округов и при органах гражданского управления для широкого осведомления населения и контрагитации. Наряду с этим, полковник Белаш указывал на то, что необходимо обязать местные военно-административные и гражданские организации немедленно и широко распространять важнейшие акты правительства вплоть до деревень[2].

В-шестых, кардинальная перестройка осведомительных органов Ставки и Главного штаба происходила в связи с общей реорганизацией центрального военного аппарата.

На протяжении весны – осени 1919 г. в «государственно мыслящей» прессе неоднократно поднимался вопрос о том, как в условиях низкой политической сознательности подавляющей части населения страны противостоять усиливающейся идеологической и информационной экспансии большевиков. На наш взгляд, все высказанные в периодической печати соображения заслуживают самого пристального внимания, поскольку отражают крайне важные изменения в отношении политических и общественных кругов Белого Востока к самой проблеме пропаганды.

«Работы по дезинфекции тыла, – писала, к примеру, «Сибирская речь», – должны вестись в двух направлениях: в области информации населения и пропаганды в ее среде здоровых государственных идей и в области борьбы с антигосударственными элементами, вылавливания гнилостных, разлагающих бацилл». В борьбе с большевистской агитацией, полагал автор статьи, приемлемы любые меры, в том числе материальное поощрение. «Нужно реально, существенно заинтересовать каждого гражданина в поимке неприятельского агента. В крайнем случае, не надо останавливаться ни перед чем, *вплоть до назначения крупной денежной награды за доставку властям безусловно уличенного в пропаганде большевистского агента* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*)»[3].

Одной из мер борьбы с распространением слухов в то время являлось разъяснение в периодической печати их вздорного и «провокационного» характера. С этой целью публиковались разнообразные советы о том, как следует реагировать на слухи. Чаще всего они исходили от своего рода «сторонних наблюдателей»: беженцев, крестьян, солдат-фронтовиков и т. д. «Прежде всего, нужно быть спокойным, – говорилось в одной заметке, автором которой выступал некто «Деревенский», – и вместо того, чтобы слуху поверить, надо его проверить. Нужно поговорить с таким лицом, которое опытнее и хорошо в делах разбирается, нужно читать газеты. Газета никогда не станет распространять нелепостей: ей посылают сведения по телеграфу и в письмах, и кто посылает, газета всегда знает... Вообще, теперь нужно быть очень осторожным к слухам и помнить, что много слухов пускается большевиками для того, чтобы тревожить население, мутить покой»[4].

Газеты того времени буквально пестрели сообщениями о реальных и мнимых происках «красных» лазутчиков-провокаторов. Распространение любой антиправительственной информации, в том числе и самых разных слухов, приписывалось деятельности большевистских агитаторов. Большинство таких слухов, по мнению прессы, носило «провокационный» характер, то есть были направлены на подрыв колчаковского режима. «Провокация, – разъясняла газета «Надежда России», – есть ложное, обманное сообщение, которым враги государства стараются ввести общество в заблуждение ради своих интересов. К этому средству особенно прибегают большевики. Там, где не берет сила, они направляют своих агентов, чтобы сеять среди населения слухи, выгодные только большевикам. Такие “агенты” забираются и к нам, в наши города и деревни. Притворяются

[1] *Партизанское* движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 149.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 25 об.
[3] *Сибирская* речь. 1919. 24 (11) авг.
[4] *Надежда* России. 1919. 23 июля.

истинными русскими гражданами, говорят иногда приятные вещи, а потом вдруг и пустят такой слух, который вызывает часто испуг или уныние»[1].

Особую тревогу у правящих кругов колчаковского режима вызывала прокатившаяся в тот период по Сибири волна крупных крестьянских выступлений. Как разъясняла официальная периодическая печать, эти восстания не имели ни реальной причины, ни поддержки населения, а являлись следствием целенаправленной большевистской провокации. «Все эти большевистские вспышки, имевшие место за последнее время в пределах Сибири, – указывалось в газете «Русская армия», – есть результат работы предателей и большевистских агентов. Не останавливаясь ни перед какими средствами и имея привычку действовать из-за угла, они прибегают к своему любимому способу действий – к провокации». Газета предостерегала население от участия в подобных выступлениях, подчеркивая, что «расплачиваться за это приходиться темным, малосознательным массам», поддавшимся на «провокационную удочку», в то время как «вожаки и организаторы этих восстаний обыкновенно успевают скрыться значительно раньше, чем наступает час возмездия»[2].

Поддерживавшие Омское правительство периодические издания огонь своей критики направляли не только на большевистских агитаторов, как врагов явных, но и на «их пособников» – распространителей слухов и паникеров. «Горе тому, кто жадно бросается на каждый обман, на каждое сообщение, выгодное красному врагу!.. Всякая провокация, каждая утка, выпущенная врагом, бьет, прежде всего, нас же самих! Нужно доверять только самим себе, нужно идти неуклонно вперед, не задумываясь и не утешая себя лживым туманом провокации... Привет всем бодрым, мужественным, стойким! Позор всем, живущим слухами и обманом!»[3] – писала в октябре 1919 г. газета «Надежда России».

Однако главную роль в «дезинфекции тыла», по мнению прессы официального направления, должна была сыграть осведомительная работа среди населения, прежде всего в сельской местности. Так, «Сибирская речь» полагала, что для прекращения крестьянских выступлений наравне с репрессивными мерами необходимы также действия, направленные на «устранение причин». «Единственной кардинальной мерой в этом направлении, – отмечала газета, – является правильная постановка дела информации деревни. Достигнуть этого можно как распространением в деревне возможно большего количества газет и литературы, так и массовой посылкой специального кадра информаторов и агитаторов, вербуемых хотя бы из числа мобилизованной интеллигенции. Устная агитация положительно необходима. Никакая газета, никакая брошюра не заменит живого слова».

При этом, признавая несомненную пользу, которую может принести деревне «интеллигент-агитатор», автор статьи считал такую меру недостаточной, поскольку к «интеллигенту-барину» крестьяне отнесутся не с таким доверием, как к своему «брату-мужику». Поэтому «надо посылать, обставив эти поездки известным контролем, в самые глухие деревни специально для этой цели мобилизованных крестьян и рабочих, беженцев Пермской и Вятской губерний, самолично испытавших ужасы большевистского режима». Говоря об организации устной агитации, автор особо настаивал на материальном поощрении разъездных пропагандистов. Всем агитаторам, как «мобилизованным», так и из числа добровольцев, указывалось в статье, «должны, конечно, даваться соответствующие их тяжелой работе [оклады] содержания, так как опыт показал, что одной филантропии и идейности в этом деле далеко не достаточно»[4].

Материалы прессы того времени показывают, как по сравнению с предыдущим периодом менялось само отношение к политической пропаганде. На всем протяжении весны – осени 1919 г. периодическая печать официального направления призывает к усилению информационно-психологического воздействия. «К делу пропаганды, – указывалось в одной из газет, – должны быть привлечены все средства, имеющиеся в нашем распоряжении... Почему бы нам не организовать кадры “белых агитаторов” из людей убежденных, честных, талантливых, изнывающих от вынужденного бездействия?.. Почему не вербовать священников на роль “политических миссионеров”, возложив на них миссию распространителей честных, отрезвляющих идей, составляя для них примерные программы речей для избежания церковно-назидательного стиля, набившего оскомину у народа и для него непонятного?»[5].

---

[1] *Надежда* России. 1919. 26 окт.
[2] *Русская* армия. 1919. 24 мая.
[3] *Надежда* России. 1919. 26 окт.
[4] *Сибирская* речь. 1919. 23 (10) авг.
[5] *Восточный* курьер (Чита). 1919. 12 окт. (29 сент.).

Политическое руководство, идеологи и пропагандисты Белого Востока начинают понимать, что для того, чтобы народ сам дошел до неприятия большевизма, потребуется значительный период времени, которым они не располагали. «Чтобы поднять ее (деревню. – *Д.Ш.*) до понимания всего, что совершается, – признавали «Военные ведомости» в конце июня 1919 г., – нужен долгий и трудный путь не только образования умственного, но и путь воспитания, воспитания целого ряда общественных привычек, навыков, ставших для культурного европейца *бессознательными* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*), целого ряда моральных, эстетических и даже просто органических потребностей»[1].

Еще более пессимистический вывод газета сделала в середине июля: «При той темноте народных масс, какая констатируется всеми у нас в России, чрезвычайно трудно поднять эти массы до высоты сознания всемерной борьбы с большевизмом»[2].

Поэтому в прессе поднимается вопрос о необходимости мер «морального воздействия», способных обеспечить видимый результат в самые сжатые сроки.

Одним из эффективных средств сибирские газеты называли умелое использование устного и печатного слова. Так, в статье с характерным названием «Свет в казармы» некто В. Абрамович писал: «Истина, что с врагом следует бороться его же оружием, давно известна и, безусловно, бесспорна. И если мы примем в соображение, что враг наш деятелен и энергичен, как искушение и тлен, что в числе орудий, употребляемых им против права и справедливости, с которыми он борется с такой сатанинской настойчивостью, едва ли не первое место занимает слово, слово живое и слово печатное... то мы получим ясное представление того, какое орудие надо приготовить нам в борьбе с нашим врагом, куда должны быть направлены наши усилия, чтобы создать для армии надежную броню против предательских ударов врага»[3].

Другой автор, М. Васильев, на страницах «Восточного курьера», полемизируя с известным эсеровским деятелем Б. Савинковым, утверждал: «Знаменитый герой русской революции отводил... действенности слова, действенности пропаганды второстепенное место в ряду прочих побуждающих факторов[4]. Между тем все знают, что погубило армию именно *слово* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*)... Само собой разумеется, что на одном слове далеко не уедешь. Всякому ясно, что для увеличения боеспособности армии нужно и боевое снаряжение, одежда, пища, выучка, дисциплина. Но нужно и слово! В трудные минуты уныния, отчаяния, усталости умело сказанное, талантливое слово может сделать воистину чудеса»[5].

В такой ситуации отношение к политической пропаганде менялось. Она перестает восприниматься исключительно как орудие «одурманивания» простого народа, а начинает рассматриваться в качестве необходимого инструмента государственной политики. «Чтобы избежать ошибок прошлого и обеспечить себя от грубых промахов в будущем, – писала в августе 1919 г. одна из сибирских газет, – надо научиться смело и открыто смотреть правде в глаза. Мы должны смело, открыто признать, что в тяжелых неудачах последнего времени едва ли не решающее значение имела крайне неудовлетворительная постановка в армии и тылу дела пропаганды здоровых государственных идей и осведомления населения и войск об истинном характере происходящих событий»[6].

В различных изданиях того времени все чаще проскальзывает мысль о том, что большевистская пропаганда, наряду со значительными расходами, приносит свои реальные, вполне ощутимые результаты. «Одновременно с успехами на Уральском фронте, – отмечала, к примеру, «Сибирская речь», – большевики усилили свою агитацию в глубоком тылу. В разных местах Сибири им удалось вызвать ряд восстаний, направленных к отвлечению от боевой работы части воинских сил, к разрушению административного аппарата, повреждению железнодорожного полотна, станций и мостов»[7].

Связь информационной войны и боевых действий на фронте, носившая до этого несколько отвлеченный характер, становится для колчаковских пропагандистов очевидной, зримой и осязаемой, и этот факт вызывает некоторое потрясение. В периодической печати официального направления к тому времени сформировалось

---

[1] *Военные* ведомости. 1919. 21 июня.
[2] Там же. 17 июля.
[3] Там же. 29 авг.
[4] Автор статьи приводит цитату Б.В. Савинкова: «Ошибаются те, которые полагают, что армию можно вести в бой только словом».
[5] *Восточный* курьер. 1919. 12 окт. (29 сент.).
[6] *Сибирская* речь. 1919. 24 (11) авг.
[7] Там же. 23 (10) авг.

устойчивое мнение о том, что успех большевиков основан исключительно на умело организованной ими пропаганде. Ее роль начинает абсолютизироваться, она представляется чрезвычайно грозным, разрушительным, но в то же время весьма эффективным оружием невиданной силы. Так, газета «Русский голос» прямо заявляла: «Главной причиной существования до сих пор большевистской власти служит очень сильная и широкая агитация среди населения и красноармейцев агентами их строя. Они не жалеют и не останавливаются ни перед какими деньгами, лишь бы только вдолбить в голову своим красноармейцам и гражданам, живущим на их территории, всякие верные и неверные сведения, как о себе, так и об их врагах»[1].

Причина эффективности большевистской пропаганды виделась политическому руководству Белого Востока, сотрудникам осведомительных органов и официальной прессы, не столько в ее содержательной, сколько в технической стороне. Газета «Друг армии и народа» констатировала: «Одновременно с обильным снабжением снарядами и патронами, большевистский фронт засыпается прокламациями, воззваниями, газетами и брошюрами. Каждая, даже самая незначительная воинская часть получает аккуратно и, главное, *своевременно* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*) газету, написанную простым, понятным солдату языком. Приехавший на днях с фронта офицер рассказывал нам, что одна деревня Челябинского уезда три раза переходила из рук в руки, причем оставалась в руках противника не более суток и, тем не менее, наши каждый раз находили в ней свежий экземпляр газеты»[2].

Сами понятия «агитация» и «пропаганда» теряют свой негативный оценочный компонент и начинают использоваться в их «инструментальном» значении. «Война у нас гражданская. Решающее значение имеет сознание и настроение масс. А массовое сознание и настроение создается пропагандой»[3], – писала в сентябре 1919 г. газета «На страже свободы». Другое военное издание утверждало еще более категорично: «Разложение духа красной армии может быть достигнуто широко и правильно организованной пропагандой»[4].

Более пристальное внимание пресса начинает уделять большевистской пропаганде, которая из мишени разоблачительной критики превращается в источник ценного опыта. Так, газета «На страже свободы» заострила внимание на техническом превосходстве большевиков. «Если любому человеку каждый день твердить одно и тоже, – говорилось в одной из статей, – то он поневоле начнет верить, что бы ему ни говорили. За примером далеко ходить не нужно, стоит только посмотреть на постановку этого дела в красной армии и является мысль: “Вот нам бы следовало у них поучиться”. Классные поезда, чуть ли не из пульмановских вагонов, ежедневно курсируют у них по фронтам и развозят сотни пудов газет, прокламаций и обращений. Великолепно оборудованные типографии, в этих же поездах при помощи электричества, вновь выбрасывают сотни тысяч экземпляров могучего средства пропаганды. Результаты получаются блестящие, нечего и говорить»[5].

М. Васильев из «Восточного курьера», в свою очередь, обратил внимание на умелое использование языковых средств. «У красных, – писал он, – пропаганда ведется более деятельно, с налетом юмора, с задорностью, с хлесткостью жаргона, который заинтересовывает, вызывает улыбку и очень легко запоминается»[6].

В новониколаевской «Надежде России» была опубликована заметка одного беженца из Советской России, в которой проскальзывало откровенное восхищение пропагандистским талантом большевиков. «И нужно сказать по справедливости, – отмечал ее автор, – что агитация, пропаганда у большевиков ведется неутомимо, деятельно. Просто даже иногда удивляешься, насколько они изобретательны и изворотливы на этом пути... Чуть не в каждом городе у них имеются агитаторские курсы, выпускающие тысячи бойких, речистых, “нашпигованных” всякой советчиной “товарищей”, проникающих в самые глухие места необъятной России». Особое внимание автор заметки обратил на разнообразие пропагандистских приемов, их гибкость и мобильность. «Когда большевики заметили, что ихние митинги и собрания надоели народу и не стали привлекать публику, – подметил он, – они пустились на всякие ухищрения. То затеют какую-нибудь процессию с флагами, с плакатами, с пением и чуть не на каждом квартале – речи; то выдумают какие-нибудь торжественные похороны “товарища”: возят его тело по всему городу с музыкой, пением, стрельбой, и опять речи на каждом перекрестке; то устроят какой-нибудь “народный праздник”, вроде 1 мая... И народ идет на эти торжества, на

[1] *Русский* голос (Томск). 1919. 31 (18) окт.
[2] *Друг* армии и народа. 1919. 1 июля (18 июня).
[3] *На страже* свободы. 1919. 23 сент.
[4] *Друг* армии и народа. 1919. 1 июля (18 июня).
[5] *На страже* свободы. 1919. 23 сент.
[6] *Восточный* курьер. 1919. 12 окт. (29 сент.).

эти “представления”, как у нас говорили, слушает красных ораторов, несмотря на полное несогласие с ними, и, кто знает, может быть, даже соглашается с ними»[1].

Автор статьи «Будем учиться у врагов», опубликованной в «Сибирской речи», приводя известные слова Петра I: «Пью за здоровье наших учителей – шведов!», сказанные им после Полтавской битвы, усматривал в этом историческом случае прямую аналогию с современной ему ситуацией. «Как шведы в области искусства военного, – писал он, – так и большевики в деле пропаганды своих сумасбродных идей достигли высокого совершенства, и нам не мешает у них усердно учиться, если мы хотим их победить»[2].

«Государственно мыслящая» пресса все активнее и активнее настаивала на необходимости противодействия большевистской пропаганде адекватными пропагандистскими мерами со стороны белых. «Когда же при помощи немцев, мадьяр, латышей и других инородцев, – указывала газета «Друг армии и народа», – большевикам удалось захватить власть в свои руки и они получили возможность располагать государственными станками для печатания “керенок”, Троцкие и Ленины дело агитации и пропаганды своих идей в народных массах довели до небывалых, неслыханных ранее размеров. И это не только у нас, в России, но и за границей. Они не жалели никаких усилий, не останавливались ни перед какими затратами, хотя бы они выражались в целых миллиардах, с целью возможно шире распропагандировать свои идеи. Печальные, роковые результаты этой деятельности у всех перед глазами. Что же нужно делать, чтобы парализовать эту зловредную деятельность, ведущую Россию к неизбежной гибели, что нужно делать, чтобы остановить то разрушение, ту деморализацию, которые вносят большевики-коммунисты в солдатско-народную среду? Ответ напрашивается сам собой: бороться с агитацией изуверских, анархических идей возможно только путем такой же агитации и пропаганды, прививая армии и народу здоровые, национальные и государственные идеи, взгляды, убеждения»[3].

Обозначила периодическая печать и ключевые направления пропагандистской работы. «Работа осведомительных ячеек, – писала по этому поводу газета «Третья армия», – направляется к укреплению и поддерживанию государственной власти, собиранию воедино Великой России и установлению народовластия путем созыва Учредительного собрания. Необходимо осветить для каждого гражданина, что настоящая борьба с большевизмом ведется не [за] какой-либо один класс или лицо, не за частные интересы, а за возрождение поруганной и преданной на разграбление нашей несчастной Родины; за восстановление порядка, права и справедливости, равного и обязательного для всех закона; за справедливое разрешение векового земельного вопроса в интересах трудящихся; за то, чтобы каждый русский гражданин был спокоен за свою жизнь от разного рода авантюристов, грабителей и разбойников, какими бы громкими словами, высокими идеями и широкими льстивыми обещаниями они ни прикрывали свою преступную, грязную кровавую затею и разрушительную провокацию»[4].

Таким образом, материалы периодической печати показывают изменение отношения политического руководства и «государственно мыслящей» общественности Белого Востока к политической пропаганде в целом, ее содержанию и методам. Наряду с «правильной информацией» и «культурно-просветительной работой», политическая пропаганда стала рассматриваться как важнейшая составляющая всей осведомительной работы.

Зимой – весной 1919 г. выдвигается и ряд конкретных предложений по упорядочению и повышению эффективности пропагандистской работы. Так, в феврале начальник информационного отделения штаба Сибирской армии капитан Н.С. Калашников направляет командующему армией генерал-лейтенанту Р. Гайде доклад, в котором обосновывает необходимость расширения агитационной и культурно-просветительной работы в войсках. «Судя по попавшим к нам номерам газет, – начинает свой доклад Калашников, – большевиками развита как в армии, так и среди населения, огромная культурно-просветительская работа и агитационная деятельность. Цель этой деятельности вполне точно определяет Н. Подвойский в своих очень интересных статьях “Военно-революционное воспитание населения республики в ближайшее время” и “Работа коммунистической партии по созданию трехмиллионной армии”. Он говорит: “Политическая сознательность Красной армии – это 90 % ее боеспособности. Нужно, чтобы каждый красноармеец знал, за что он борется, знал великие революционные цели правительства РСФСР и знал также замыслы врагов рабочего класса, стремящихся удушить

[1] *Надежда* России. 1919. 4 сент.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 26 (13) авг.
[3] *Друг* армии и народа.1919. 20 (7) июня.
[4] *Третья* армия. 1919. 14 (1) окт.

советскую республику. Нельзя воевать, имея в своем распоряжении просто солдата: нам нужны солдаты-революционеры. Необходимо, чтобы революционерами стали все наши солдаты. Опыт показал, как сильно партийная работа в частях поднимает дисциплину и боевой дух. Об этом говорят все политические сводки". И еще "Армия должна быть проникнута коммунистическим патриотизмом, разжигаемым до фанатизма и экзальтированности, проникнутый которыми красноармеец будет готов идти в бой против всего буржуазного мира"»[1].

Калашников выделяет несколько, по его мнению, ключевых направлений политико-просветительной работы большевиков в войсках. Во-первых, это культурно-просветительная работа в тыловых частях, важной составной частью которой являлась организация чайных, библиотек, клубов. «Цель последних, – отмечал Калашников, – с одной стороны, культурно-просветительная, а с другой – создание более тесной связи красноармейцев друг с другом». Особое внимание начальник информационного отделения обратил на опыт работы клуба моряков в Петрограде. «При нем, – указывал Калашников, – например, существует народный университет с: 1) отделом общеобразовательным, 2) отделом специальным с курсами механизаторов, электротехников, штурманов, бухгалтерии, сельского хозяйства, 3) отделом искусств с классами музыки, живописи, рисования, лепки, а также с театром и кинематографом, 4) отделом спорта с секциями гимнастики, фехтования, бокса, борьбы, легкой атлетики и подвижных игр, 5) отделом литературно-общественно-философским с кружками литературно-общественно-философским, любителей ораторского искусства, общественно-политическим. При клубе имеется богатейшая библиотека и читальня»[2].

Во-вторых, это усиленная агитация среди возвращающихся из германского плена солдат. Для них устраивались лекции, распространялась пропагандистская литература, им оказывалась материальная помощь.

В-третьих, что, по мнению Калашникова, представляло наибольший интерес, это работа большевиков среди фронтовых частей, на которую они обращают особое внимание. Одной из интересных и эффективных форм такой работы, выделенной Калашниковым, является организация агитпоездов. «Так, например, – говорилось в докладе, – военной комиссией при ЦИК был сформирован целый ряд (до 12) "литературно-инструкторских фронтовых поездов". На обязанности такого поезда лежит: снабжение литературой, агитация, инструктирование работников на местах. При каждом поезде имеется вагон-кинематограф. Кроме того, на фронт посылаются чайные, библиотеки, клубы, в состав принадлежностей которых входят – между прочим – музыкальные инструменты, шахматы, шашки. Здесь работают целые кадры опытных работников, под руководством которых обучаются инструктора»[3].

В своем докладе капитан Калашников обратил внимание и на такой ключевой момент, как организация пропагандистской работы на местах. «Находя недостаточной работу только центральных органов, – отмечает он, – большевики создают соответствующие органы и на местах. Так, при штабах армий имеются особые политические отделы, таковые же имеются и при штабах дивизий». Первоначально работа политотделов «была направлена на возможно более продуктивное и рациональное распределение получаемой из центра литературы»[4]. В частности, в политотдел 2-й армии ежедневно поступало от 20 до 26 тыс. экз. газет, а также популярных брошюр. Пропагандистская литература рассылалась не только в войсковые части, но и в деревни прифронтовой полосы. «Ввиду недостатка литературы, на которую – по словам большевиков – спрос чрезвычайно возрос, а также ввиду запоздания сообщаемых сведений и необходимости обмена мнений между входящими в армию красноармейцами политодел нашел необходимым издавать собственную газету, печатающуюся в количестве 10 тыс. экз.»[5].

Помимо газеты, тираж которой постоянно увеличивался, политотдел 2-й армии выпускал политические сводки, воззвания, брошюры. В частности, были изданы воззвания для населения районов, занятых сибирскими войсками. «Эти воззвания, – говорилось далее в докладе, – разбрасываются в тылу сибирских войск. Для указанной работы в распоряжении политотдела имеется большая типография со штатом 40 человек и, кроме того, еще 2 походные типографии. Такие же маленькие походные типографии имеются и при политических отделах обеих дивизий (28-й и 5-й Уральской), где печатаются различные воззвания. Кроме изданий на рус-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 4.
[2] Там же. Л. 4–4 об.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 4 об.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 5.

ском языке, политотделом 2-й армии издано несколько воззваний и листовок на черемисском, чувашском и татарском языках. Решено также издавать татарскую газету “Алга” (Вперед), для чего уже составлена редакционная коллегия из мусульман – сотрудников политотдела»[1].

Интерес Калашникова вызвало и то, каким образом большевиками решался кадровый вопрос. «Так, широко поставленная деятельность требует, конечно, большого кадра опытных работников. Это и служит одной из причин того, что большевики считают существенно необходимой работу по созданию в каждой красноармейской части коммунистических ячеек. Эти ячейки, объединяясь в более крупные объединения, подчиняются центральному комитету коммунистической партии, который из них именно и набирает кадры необходимых работников, через них знает о настроении красноармейских масс и влияет на них»[2]. Тщательно проанализировав формы, методы и приемы культурно-просветительной и агитационной работы большевиков в войсках, начальник информационного отделения штаба Сибирской армии предложил комплекс мер, повышающих эффективность пропаганды в своих частях.

Весной 1919 г. в Совет министров поступает доклад одного из сотрудников правительственного Отдела печати Б.А. Деминова, человека с достаточно интересной биографией. В 1918 г. он записался в Красную армию, работал в Агитационно-мобилизационном отделе, занимался пропагандой в красноармейских частях на Восточном фронте. Осенью того же года он дезертирует из Красной армии, переходит линию фронта и оказывается у белых, в Омске. Сменив работу в нескольких правительственных учреждениях, он в конечном итоге оказывается под началом Н.В. Устрялова в Пресс-бюро Отдела печати[3]. В своем докладе Деминов говорит о необходимости кардинальной перестройки пропагандистской работы Омского правительства. «Методы морального, психологического воздействия на массы в целях управления ими, – утверждал Деминов, – являются в наше время оружием слишком могущественным, чтобы оставаться привилегией общественных организаций, прессы и пр. Государство должно овладеть этим способом управления»[4]. Предлагая серьезную реорганизацию осведомительного аппарата Белого Востока, Деминов считал целесообразным разделить информационно-пропагандист-скую работу «между пятью специально сорганизованными правительственными учреждениями»[5].

Можно согласиться с утверждением А.Л. Посадскова о том, что «ранняя весна 1919 г. стала определенным рубежом в развитии аппарата белой пропаганды в Сибири». Именно в это время, считает новосибирский исследователь, «получила оформление идея государственного руководства печатной и устной агитацией на фронте и в тылу»[6].

Действительно, для решения вопросов в области печати Совет министров Омского правительства 7 марта 1919 г. принял постановление о создании специального, постоянно действующего органа. В его состав вошли управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг, фактически возглавивший его работу (в конце августа его сменил Г.К. Гинс), министр финансов И.А. Михайлов (в дальнейшем его заменил Л.В. фон Гойер), военный министр П.А. Степанов (впоследствии его сменил генерал-лейтенант А.П. Будберг), а также управляющие министерствами: внутренних дел – А.Н. Гаттенбергер (позднее его сменил В.Н. Пепеляев) и иностранных дел – И.И. Сукин. Практически на всех заседаниях присутствовал помощник управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т.В. Бутов. В ряде заседаний участвовали товарищ министра внутренних дел М.Э. Ячевский, начальники Осведверха Г.И. Клерже и Д.Н. Сальников, 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего П.Ф. Рябиков[7].

На следующий день состоялось его первое заседание, а с 7-го заседания (29 апреля) вновь созданный орган стал называться Совещанием по делам печати (СДП). В рамках Урала и Сибири это был, по мнению А.Л. Посадскова, «координационный центр белой идеологии»[8]. На территории Поволжья, Урала и Сибири

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 5.

[2] Там же.

[3] *Посадсков А.Л.* Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 162–163.

[4] Цит. по: *Посадсков А.Л.* Особый отдел Российского правительства… С. 163–164.

[5] Там же. С. 164.

[6] *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока… С. 94.

[7] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1.Д. 14. Л. 1–61.

[8] *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 1998. С. 196.

Совещание возглавляло всю издательскую деятельность. Оно определяло общий правительственный курс в области печати, осуществляло финансовую поддержку газет, журналов и издательств официального направления, решало кадровые вопросы, руководило пропагандистской работой за границей.

Анализ журналов заседаний Совещания позволяет выделить следующие основные направления его деятельности:

❑ Организация, финансирование и общее руководство акционерным обществом «Русское общество печатного дела».

❑ Решение вопросов, так или иначе направленных на преодоление бумажного дефицита. Распределение бумаги по ведомствам и между печатными органами.

❑ Финансирование проправительственных периодических изданий.

❑ Организация и финансирование Особого отдела по дезорганизации советского тыла при Управлении делами Совета министров.

❑ Финансирование различных проправительственных пропагандистских структур, созданных за границей с целью формирования положительного образа колчаковского режима.

Всего с середины марта по конец октября 1919 г. на организацию пропаганды Совещанием по делам печати было израсходовано свыше 20 млн рублей[1].

Характерное свидетельство о работе Совещания оставил генерал А.П. Будберг. «Мне по должности, – писал он с присущим ему сарказмом, – пришлось войти в состав комитета по делам печати и видеть, как все это налаживается, причем выдумываются все новые и новые методы кормления; заправляет комитетом очень юркий и пронырливый Т.В. Бутов. Я вошел в комитет очень резким диссонансом и очень определенно высказал свой отрицательный взгляд на все покупаемые и субсидируемые газеты, на разные плакаты и иные способы осведомления, заявив, что, кроме кормежки разных паразитов, ничего путного из всех этих затей не выходит, ибо мы покупаем всякую дрянь, не способную своей работой нам помочь. Кроме того, вся работа идет не по тому направлению, и главное – деревня остается такой же темной и ничего не понимающей, как и тогда, когда на осведомление не тратили теперешних миллионов»[2].

С конца лета 1919 г. СДП включается в работу по организации взаимодействия пропагандистских учреждений Белой Сибири. Так, 9 августа на заседании Совещания рассматривался вопрос «об объединении работ по агитации и пропаганде», в рамках которого было заслушано сообщение начальника Осведверха полковника Г.И. Клер-же. Участники совещания пришли к заключению, что «в связи с событиями на фронте нет возможности осведомительному отделу (имеется в виду Осведверх. – *Д.Ш.*) самостоятельно наладить дело распространения литературы на фронте, и что поэтому является необходимость в помощи со стороны частных учреждений (Русское бюро печати), а также Особого отдела Управления делами Российского правительства»[3].

Русскому бюро печати было предоставлено 157 500 руб. на организацию «распространительного аппарата по линиям железных дорог в прифронтовой полосе: Омск – Тюмень, Омск – Челябинск и Омск – Новониколаевск». Распространение пропагандистской литературы в прифронтовой полосе от линии железных дорог должно было осуществляться «при содействии Особого отдела Управления делами Российского правительства»[4].

18 сентября на заседании СДП с докладом выступил представитель Осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего. Совещание признало «необходимым принятие энергичных мер к согласованию деятельности учреждений, работающих в деле агитации и пропаганды (Русское бюро печати, Особый отдел Управления делами Российского правительства), в целях избежать дублирования и конкуренции в работе». Было принято решение о создании особой комиссии из представителей трех пропагандистских ведомств Белой Сибири (Осведверх, РБП и Особый отдел) для «предварительного обсуждения вопроса о разграничении сфер деятельности и согласования работ сих учреждений»[5].

В то же время анализ журналов заседаний Совещания наглядно демонстрирует, что оно не являлось в полном смысле идеологическим центром Омского правительства. Данная структура не только не имела ни-

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 19. Л. 3, 6.
[2] *Дневник* барона А. Будберга // Архив русской революции. Т. XIV. Берлин, 1924. С. 302–303.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 44.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 55.

какого отношения к выработке общей идеологической линии, но и не проявляла особого интереса к содержательной стороне пропагандистских изданий.

История возникновения акционерного общества «Русское общество печатного дела», этого, по словам Л.В. Арнольдова, «министерства пропаганды» Белого Востока, уже рассматривалась в ряде публикаций[1]. Однако те материалы, которые в настоящее время доступны исследователям, позволяют более детально проследить зарождение этой уникальной для Гражданской войны организации.

Идея создания формально независимой от государственной власти «частной информационной организации», или «общественного информационного бюро», появилась в кругах близкой к колчаковскому правительству либеральной интеллигенции в начале 1919 г. В тот момент решался вопрос об организации в составе Отдела печати Омского правительства специального Пресс-бюро, главной задачей которого стало бы ведение агитации и пропаганды в тылу, на фронте и в Советской России, распространение циркулярных статей для газет, а также печатание брошюр, листовок и т.д.

В конце февраля в Екатеринбург был командирован помощник управляющего Отделом печати Г.А. Вяткин для обсуждения этого вопроса с редактором влиятельной газеты «Отечественные ведомости» А.С. Белевским (Белоруссовым), которого вместе с помощниками предполагалось привлечь к работе в Пресс-бюро. Однако Белоруссов оказался в отъезде, и в переговорах приняли участие его ближайшие помощники и соредакторы Е.С. Синегуб и В.К. Самсонов. Они заявили, что «создание Пресс-бюро при правительстве, хотя бы и в замаскированном виде, не достигнет своей цели, даже будучи хорошо поставленным, так как не рассеет известных предубеждений, укоренявшихся веками, для того, чтобы их преодолеть, нужен очень осторожный подход к борьбе с ними, нужны долгие годы»[2].

В своем отчете по итогам поездки Вяткин также отмечал, что «представители “Отечественных ведомостей”, сочувственно относящиеся к правительству и чистосердечно считающие адмирала Колчака чрезвычайно умным и незаменимым государственным деятелем и благородным человеком», будут и «в дальнейшем поддерживать правительство, оставаясь группой свободных журналистов, преданных делу национального возрождения России»[3]. Таким образом, сотрудники пользующегося значительным влиянием прокадетского издания отчетливо дали понять, что они не имеют желания связывать себя формальными обязательствами с Омским правительством.

Во время процесса над колчаковскими министрами руководитель Восточного отдела ЦК кадетской партии А.К. Клафтон, бывший до этого также редактором популярной самарской газеты «Волжский день», сообщил, что к нему неоднократно обращался управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг с предложениями возглавить «правительственный информационный орган». Впоследствии, показал далее Клафтон, «неудовлетворенность внутренней информацией вызвала целый ряд обращений к правительству о создании частных информационных организаций по типу заграничных». В частности, к самому Клафтону «для устройства такой частной телеграфной информации» обращался бывший редактор-издатель московского «Коммерческого телеграфа» А.Я. Гутман (Анатолий Ган)[4].

В свою очередь, Клафтон, вынашивавший план создания «большого информационно-агитационного предприятия» под патронатом Временного центрального военно-промышленного комитета, предложил сотрудничество приват-доценту Пермского университета Н.В. Устрялову «С первых же слов, – писал в своих воспоминаниях Устрялов, – Клафтон стал убеждать меня предпочесть работе в “бюрократическом” Отделе печати[5] участие в “независимой” и “общественной” организации, которая намечается помимо правительственной инициативы. Несравненно легче и успешнее пойдет дело, если его не будет стеснять “табель о рангах” и казенная формалистика. Само правительство заинтересовано в наиболее целесообразной постановке агитационного и информационного аппарата, а такая постановка возможна лишь тогда, когда на нем не будет офи-

[1] *Молчанов Л.А.* «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 137–139; *Посадсков А.Л.* К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 140–143; *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока... С. 94–95.

[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 2.

[3] Там же.

[4] *Процесс* над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 165–166.

[5] У*правляющий* делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг, в свою очередь, предлагал Устрялову занять пост управляющего Отелом печати Омского правительства.

циального, казенного штампа. В политическом отношении намечающаяся организация будет всецело стоять на точке зрения всемерного признания и всесторонней поддержки Верховного правителя и предполагает установить тесный контакт с правительством. Но прямого, служебного подчинения быть не должно – оно гибельно для живого дела. Мы должны остаться, – горячо доказывал Клафтон, – свободными и независимыми общественными деятелями и не превращаться в правительственных чиновников. Только тогда наш голос будет иметь вес, и только тогда мы сможем создать действительно жизненное и актуальное дело»[1].

В середине февраля 1919 г. в омской газете «Сибирская речь» появляется небольшая заметка. В ней сообщалось о том, что руководством Временного центрального военно-промышленного комитета направлено ходатайство Верховному правителю «об отпуске из казны средств на общественное издательство, которое информировало бы население Сибири и фронт, а также занятые большевиками местности о деятельности Российского правительства, направленной к созиданию и объединению России». «Этим, – констатировала газета, – издательство будет обслуживать идею государственного оздоровления»[2].

8 марта 1919 г. в Омске, как уже говорилось выше, состоялось первое заседание Совещания по делам печати, правительственного учреждения, осуществлявшего на Урале и в Сибири государственное руководство издательской деятельностью. Его участники заслушали и обсудили ходатайство Временного центрального (бывшего Омского) военно-промышленного комитета (ЦВПК) об организации при ЦВПК издательства и о выделении для этого средств. Совещание приняло решение «оказать поддержку издательской деятельности Временного центрального военно-промышленного комитета с тем, чтобы названный комитет организовал для этой цели новое товарищество, в котором большая половина паев принадлежала бы Управлению делами Верховного правителя и Совета министров»[3]. Был также выделен аванс в 500 тыс. рублей.

Этими постановлениями было положено начало созданию акционерного общества «Русское общество печатного дела» (АО РОПД) (рис. 24). 23 марта СДП рассмотрело и с небольшими поправками одобрило устав нового акционерного общества. Было признано необходимым включить в состав учредителей наряду с Н.С. Лопухиным, Н.В. Устряловым и А.И. Коробовым, директора Омского отделения Русско-Азиатского банка Н.Д. Буяновского, увеличить количество членов правления с шести до семи и повысить до 250 руб. цену за акцию (вместо первоначальных 200). На том же заседании участники Совещания по делам печати признали «возможной и необходимой» передачу акционерному обществу правительственного Пресс-бюро. Окончательно же вопрос о передаче Пресс-бюро, а также Отдела заграничной информации был решен 4 мая 1919 г. Ранее, 13 апреля, СДП принимает решение о передаче АО РОПД Российского телеграфного агентства (РТА).

Формально «Русское общество печатного дела» было создано как частное акционерное общество, т. е. неправительственное, негосударственное предприятие. Его устав был утвержден 25 апреля 1919 г. министром торговли и промышленности. В § 1 устава говорилось, что акционерное общество под названием «Русское общество печатного дела» учреждается «для издательского дела, организации телеграфного и иностранного агентства, внутренней и иностранной информации, издания, продажи брошюр и всякого рода книг, листков, газет, журналов, плакатов, картин и прочих печатных произведений, устройства лекций и чтений, а также содействия организациям и отдельным лицам, преследующим аналогичные цели»[4] (рис. 25).

Уставной капитал первоначально составлял 3 млн рублей. Однако журналы заседаний Совещания по делам печати показывают, что негосударственный характер АО РОПД не более чем видимость.

29 апреля СДП поручило помощнику управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т.В. Бутову, директору правительственного Пресс-бюро Н.В. Устрялову, директору Российского телеграфного агентства С.Б. Сверженскому, начальникам отделений канцелярии Совета министров Н.М. Горяинову и А.Г. Прорвичу и чиновнику для особых поручений при Управлении делами Совета министров В.Г. Владыкину в течение трех месяцев приобрести для правительства акции АО РОПД (Бутов 2 500 акций, остальные – по 1 500) на общую сумму 2 млн рублей. Для этой цели Т.В. Бутову было выдано 500 тыс. руб., а остальным – по 300 тыс. рублей[5].

---

[1] *Устрялов Н.В.* 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 209.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 27 (14) февр.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
[4] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 157.
[5] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

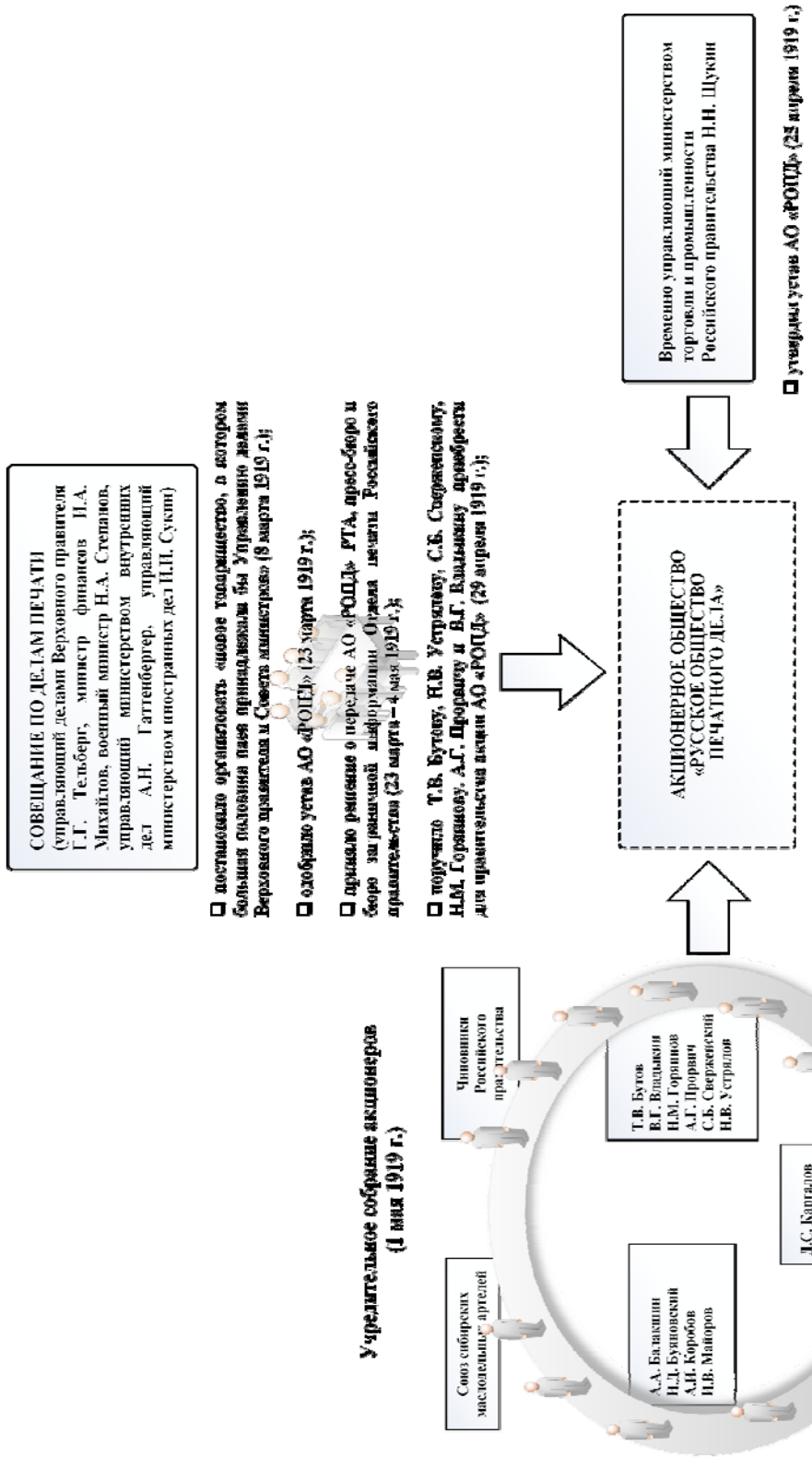


Рис. 24. Учреждение акционерного общества «Русское общество печатного дела» (весна 1919 г.)

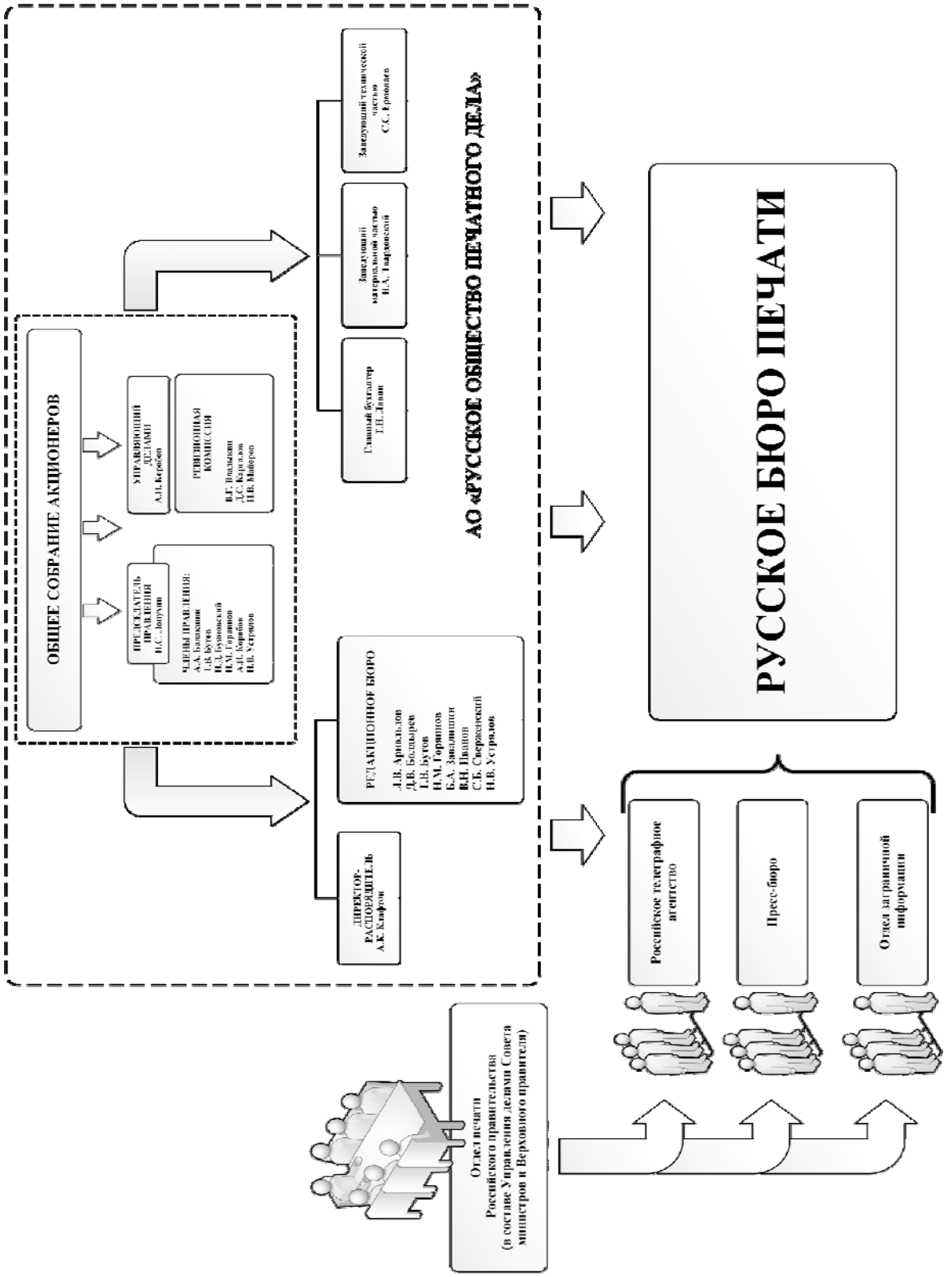


Рис. 25. Организация Русского бюро печати (май – июнь 1919 г.)

Таким образом, большая часть акций РОПД ($^2/_3$) фактически находилась в руках правительства, которое таким образом могло его контролировать. Наряду с правительством, акционерами стали Союз сибирских маслодельных артелей и Временный центральный военно-промышленный комитет. Последний на своем заседании 28 апреля 1919 г. принял решение о приобретении акций нового общества на сумму 500 тыс. рублей. На заседании 21 июня Совещание по делам печати постановило приобрести 5 000 акций АО РОПД на сумму в 1 млн руб. из дополнительного выпуска. В результате правительство стало контролировать $^3/_5$ всех акций «Русского общества печатного дела». Исходя из этого, можно согласиться с утверждением вице-директора Пресс-бюро и редактора «Нашей газеты» В.Н. Иванова о том, что АО РОПД являлась «фиктивной акционерной компанией». «Таким образом, – пишет в своих воспоминаниях Н.В. Устрялов, – достигалась независимость организации от прямого давления правительства и от пресловутой «табели о рангах». Таким образом, общественные деятели, возглавляющие Бюро, получили возможность оставаться общественными деятелями, свободными в своем отношении к правительству и поддерживающими его не «по должности», а за совесть. Сохранялась и весьма ценная для нас возможность критики правительства, даже известного политического расхождения с ним (в Иркутске эта возможность стала до некоторой степени действительностью). Вместе с тем правительство мы имели перед собою как целое – оно не заслонялось от нас ведомственной иерархией, что неизбежно произошло бы, если бы мы были правительственным учреждением, подчиненным управделу и его помощникам. Все это представлялось нам чрезвычайно важным для актуальности предстоящих работ и их успеха»[1].

1 мая 1919 г. в помещении Омского военно-промышленного комитета состоялось учредительное собрание АО РОПД. Шестеро из присутствовавших являлись правительственными чиновниками (Т.В. Бутов, Н.В. Устрялов, С.Б. Сверженский, Н.М. Горяинов, А.Г. Прорвич и В.Г. Владыкин), двое представляли ЦВПК (Н.С. Лопухин и Д.С. Каргалов) и четверо – Союз сибирских маслодельных артелей (А.А. Балакшин, И.В. Майоров, Н.Д. Буяновский и А.И. Коробов). Учредители сформировали правление (Балакшин, Бутов, Буяновский, Горяинов, Коробов, Устрялов) и ревизионную комиссию (Владыкин, Каргалов и Майоров). Председателем правления единогласно был избран известный земский деятель Н.С. Лопухин[2].

Был утвержден и ежемесячный размер заработной платы: председателю и членам правления, «несущим по обществу техническую работу» – 3 тыс. руб., членам правления, «работ не несущим», – 1,5 тыс. руб. Собрание акционеров учредило должность директора-распорядителя с окладом 4 тыс. руб. в месяц. На эту должность планировалось пригласить председателя президиума Восточного отдела ЦК кадетской партии А.К. Клафтона. Собрание поручило правлению «в первую очередь озаботиться организацией Русского общественного информационного бюро в составе: а) телеграфного агентства (первоначально его планировали назвать «Русь». – *Д.Ш.*), б) заграничного информационного отдела, в) пресс-бюро с издательством “Русское дело”»[3].

Учредители разрешили правлению «до представления и утверждения сметы расходовать… средства общества на развитие деятельности до 2 млн руб.» В связи с необходимостью приобрести для АО РОПД собственную типографию и запас бумаги было решено обратиться к правительству с инициативой увеличить уставной капитал до 5 млн рублей[4].

2 мая состоялось первое заседание правления АО РОПД, на котором обсуждались различные организационные вопросы. В частности, было решено представить на ближайшее собрание акционеров смету предполагаемых расходов. Кроме того, правление поручило А.К. Клафтону подготовить докладную записку Совету министров о передаче АО РОПД из правительственного Отдела печати пресс-бюро, РТА и бюро иностранной информации[5]. 3 мая, на своем следующем заседании, члены правления возложили руководство финансовой и хозяйственной частью акционерного общества на Н.С. Лопухина, управление делами – на А.И. Коробова, «совместную редакционную работу с директором-распорядителем» – на Н.В. Устрялова[6].

4 мая 1919 г. Совещание по делам печати принимает решение о том, что члены правления АО РОПД, «несущие техническую работу в обществе, не могут состоять на правительственной службе»[7].

---

[1] *Устрялов Н.В.* 1919-й год… С. 212.
[2] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.
[4] Там же.
[5] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Там же. Д. 14. Л. 14 об.

5 мая на очередном заседании правления АО РОПД была утверждена инструкция директору-распорядителю, согласно которой он совместно с правлением осуществлял «общее руководство всей деятельности общества и его предприятий». Директору-распорядителю предоставлялось «единоличное независимое руководство редакционной частью всех учреждений в административном и политическом отношениях». По согласованию с правлением он назначал и смещал директоров отделов. В случае возникновения разногласий с руководителями отделов директор-распорядитель обладал правом вето и «единоличного распоряжения в вопросах политического и редакционного характера». Директор-распорядитель АО РОПД обязан был ежегодно представлять правлению подробный отчет, а также ежемесячно краткие сведения о деятельности подчиненных ему структур. При каждом новом задании директор-распорядитель должен был представлять «предварительные эскизные, а по прошествии некоторого времени более разработанные сметы». Ему предоставлялось также право свободного распоряжения кредитами, отпущенными правлением. Руководство порученным ему делом директор-распорядитель осуществлял совместно с редакционным бюро, в состав которого входили председатель правления, управляющий делами акционерного общества, представитель правительства, все руководители отделов.

Все важнейшие финансовые вопросы, в том числе рассмотрение годовых смет, должны были обсуждаться на совместных заседаниях правления АО РОПД и редакционного бюро. «Для определения общих линий и общего направления всей работы и ее отдельных частей» директор-распорядитель мог созывать совещания с участием правления, редакционного бюро, представителей правительства, осведомительных органов Ставки и заинтересованных ведомств. На том же заседании правление АО РОПД утвердило профессора Пермского университета Д.В. Болдырева директором Пресс-бюро. Кроме того, правление постановило пригласить на должность главного бухгалтера Т.Н. Лавина с окладом 3 тыс. руб., заведующих: материальной частью – Н.А. Твардовского и технической частью – С.С. Ер-молаева с окладом 2 тыс. руб. каждому[1].

18 мая Совещание по делам печати назначило представителем правительства в редакционном бюро при директоре-распорядителе акционерного общества Т.В. Бутова, его заместителем Н.М. Го-ряинова. 24 мая 1919 г. состоялось первое заседание редакционного бюро. Организация редакционного совещания «с приглашением в его состав в качестве членов представителей омской прессы, информационных отделов ведомств и Ставки» была поручена А.К. Клафтону[2].

На заседании правления АО РОПД 30 мая 1919 г. было принято решение об объединении всех информационных учреждений под общим названием «Русское бюро печати» (РБП). С 1 июня Русскому обществу печатного дела правительством были переданы Российское телеграфное агентство, Отдел заграничной информации (Бюро иностранной информации) и Пресс-бюро.

Создание АО РОПД вызвало неоднозначную реакцию прессы. «Одному правительственному осведомительному аппарату, коим в настоящий момент является так называемый «Осведверх», – писала новониколаевская «Русская речь», – эта колоссальная работа, разумеется, не под силу, а потому проявление общественной инициативы РОПД в культурно-просветительной работе по осведомлению населения заслуживает особенного внимания и поддержки»[3].

Омская «Заря» весьма критично встретила «общественную инициативу». В середине мая газета писала: «Отказаться добровольно от прав прямого руководства общественным мнением путем ясного и точного осведомления русского и заграничного общества о положении дел в России и о направлении своей внутренней и внешней политики; передать это право какой-то организации, устраивающейся на акционерных началах; обеспечить этой компании две третьих окладочного капитала, привпустить в состав этой компании Омский «вопром», пока не закончена ревизия его отдела, включить в сферу своего влияния газеты явно антидемократического направления “Сибирскую речь” и “Нашу зарю” – все это в такой странной комбинации говорит о какой-то невыдержанности политического курса, непродуманности его мероприятий, неуверенности в завтрашнем дне, о поспешном “строительстве на час”… “Хорошая пресса” создается правительством другим путем, путем мудрой государственной политики, твердой и объединенной в своих действиях и рассчитанной не “на час”, а на длительный период государственного строительства»[4].

[1] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
[2] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.
[3] *Русская* речь. 1919. 12 авг.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

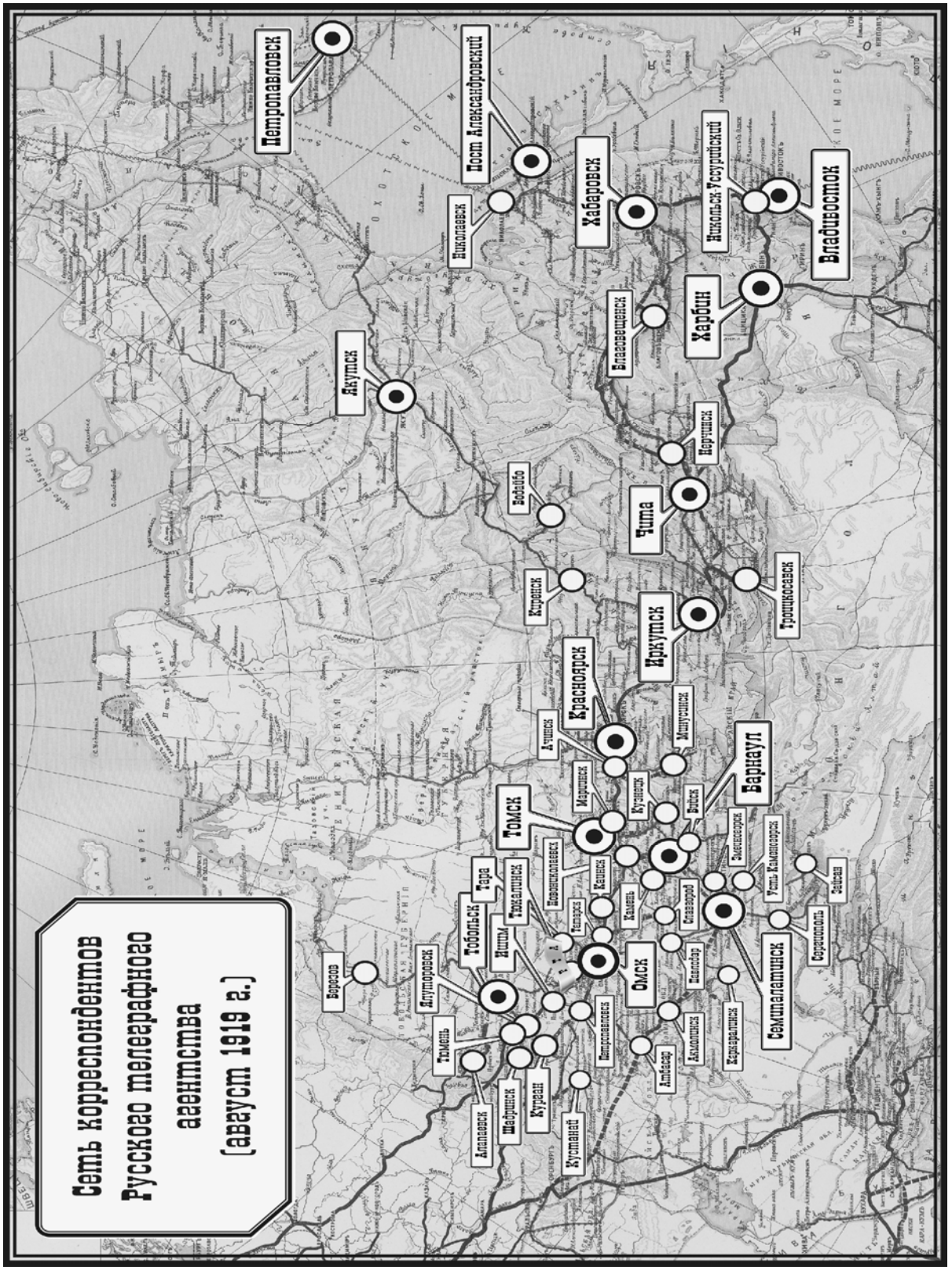


Рис. 26. Сеть корреспондентов Русского телеграфного агентства (август 1919 г.)

Первоначально в состав Русского бюро печати входили телеграфное агентство, отдел заграничной информации и пресс-бюро.

Русское телеграфное агентство. Включенное в состав РБП телеграфное агентство стало действовать под названием «Русское телеграфное агентство» (рис. 26). Это название было выбрано после долгих совещаний. В его пользу были высказаны такие аргументы, как отсутствие претенциозности, удобство термина и легкость перевода на все языки. Директором РТА остался С.Б. Сверженский, которого Н.В. Устрялов охарактеризовал как «совсем еще молодого, но способного человека», «ярого кадета, молившегося на Милюкова». Инспектором РТА был утвержден Михаил Иванович Борисов; агентом-инструктором – Юрий Леонидович Салин; заведующим информацией – Георгий Николаевич Шипков[1].

Основные задачи РТА нашли отражение в специальной декларации, выпущенной руководством Русского бюро печати (рис. 27). В ней говорилось о том, что по общему примеру наиболее развитых стран свободная частная инициатива журналистов получила возможность проявляться и в области телеграфной информации, как она проявляется в свободной прессе.

Однако «газетный мир встретил вновь организуемое агентство несколько холодно, предвидя возможность продолжения прежней системы деятельности и при новой фирме»[2]. Оппозиционная печать считала, что «участь разных правительственных телеграфных агентств вообще довольно плачевна; они, по долгу службы, обязаны обрабатывать общественное мнение в желательном направлении, и возражать против этого трудно. В такое положение попало покойное РТА. Что нам даст “новое частное агентство” … в смысле своевременности, всесторонности и беспристрастности осведомления, мы пока не знаем. …На сомнения наводит то обстоятельство, что во главе “частного и беспартийного агентства” стали очень партийные кадетские деятели, а, получив и получая субсидию от правительства, “частное” агентство едва ли сможет остаться на высоте беспристрастия»[3].

Отдел заграничной информации (Бюро иностранной информации). До 1 августа Бюро возглавлял Л.В. Арнольдов, затем Г.В. Гейнц, которые непосредственно подчинялись вице-директору Н.В. Устрялову. Помощником директора стал Э.Ю. Блюменталь[4]. Бюро состояло из двух отделов: французского, состоящего, в свою очередь, из двух подотделов – телеграфной информации и бюллетеней на французском языке, и английского, также состоящего из двух подотделов – обзоров американской, английской, японской и китайской прессы и бюллетеней на английском языке. Во главе французского отдела стоял Н.М. Синицын, а английского – Макферсон и Э.Ю. Блюменталь.

Пресс-бюро. Еще 7 мая 1919 г. директором Пресс-бюро был назначен профессор Д.В. Болдырев, но в должность еще не вступал, и в момент передачи Пресс-бюро Русскому обществу печатного дела во главе его фактически стоял профессор Н.В. Устрялов. С 4 июня вступил в исполнение обязанностей директора Д.В. Болдырев. Ближайшим его помощником стал В.Н. Иванов, назначенный вице-директором с 1 июня, вступивший в должность с 14 июня, а с 23 августа заменивший Д.В. Болдырева на посту директора пресс-бюро. Специально для редактирования изданий пресс-бюро был приглашен сотрудник газеты «Уральская жизнь» В.П. Чекин, вступивший в исполнение своих обязанностей с 1 августа.

Задачи Пресс-бюро оставались теми же, какими были задачи прежнего правительственного Пресс-бюро: информирование населения и воздействие в целях укрепления государственности и гражданского самосознания на общественное мнение страны, начиная с интеллигенции и заканчивая крестьянством, а также агитация и пропаганда на фронте. Со временем Пресс-бюро были учреждены агентурные отделения во Владивостоке, Иркутске, Барнауле, Новониколаевске, Семипалатинске, Бийске. Представителям Пресс-бюро в этих городах были поставлены задачи:

1) переиздавать произведения Пресс-бюро с тем, чтобы разгрузить печатные станки в Омске и использовать местную бумагу;

2) изыскать наиболее выгодные пути распространения материалов на местах;

3) завязать связи с людьми, имеющими возможность на местах продолжать организационную работу Пресс-бюро, стоя на платформе Декларации Верховного правителя;

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 11, 12.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3, 3 об.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 99, 101.

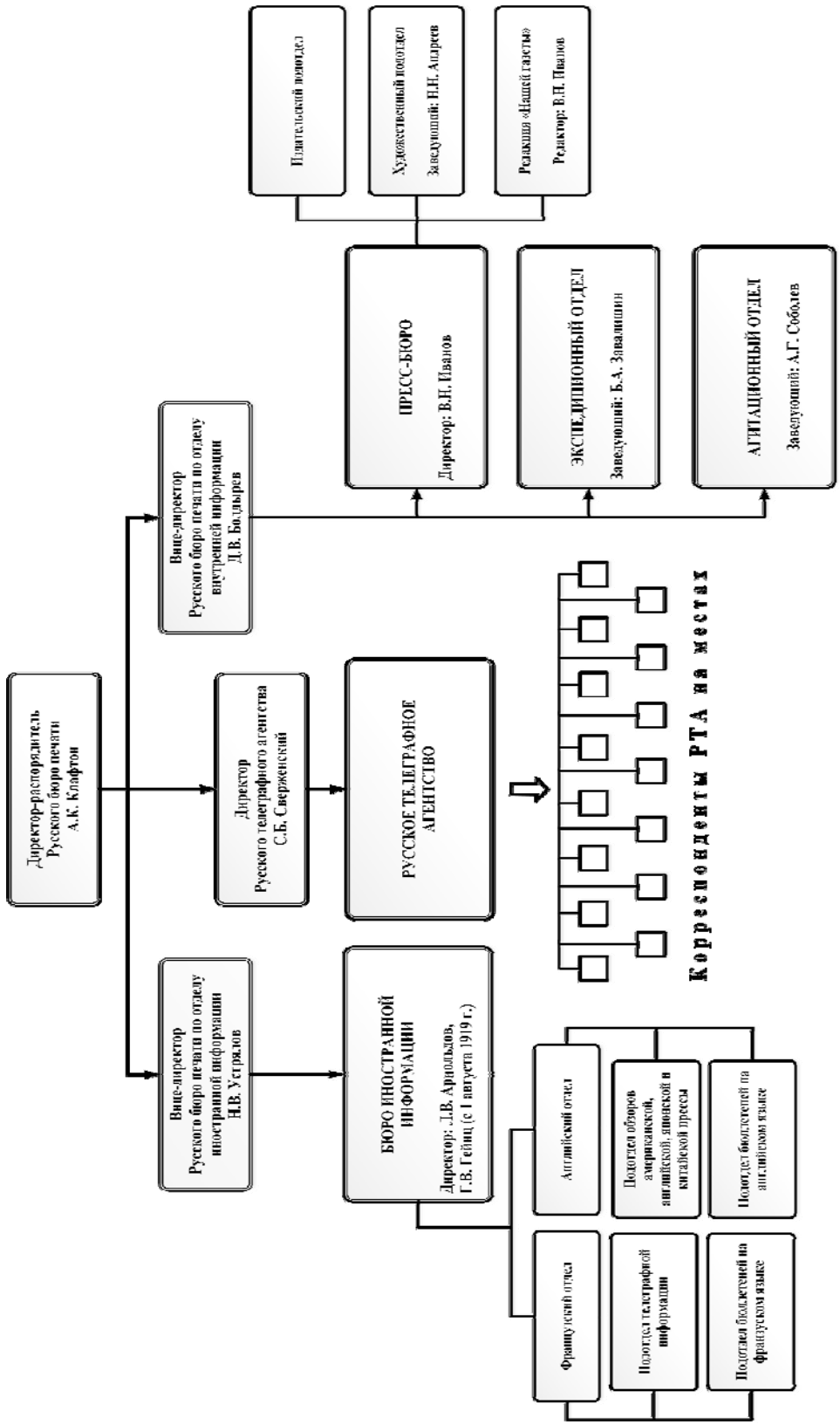


Рис. 27. Схема организации Русского бюро печати (осень 1919 г.).

4) подчинить своему влиянию органы как местной прессы, так и общественной жизни. Так, например, представитель в Новониколаевске, находясь во главе кооперационного отдела, мог оказывать влияние на 27 газет и имел до 2000 адресов, по которым мог рассылать как литературу, так и агитационные материалы.

На фронте Пресс-бюро имело сеть военных корреспондентов, статьи которых через Пресс-бюро печатались для населения и для сведения правительства[1].

Со временем Русское бюро печати реорганизуется, структурно расширяется. 23 июля 1919 г. по постановлению правления АО РОПД из состава Пресс-бюро были выделены редакционно-издательский и экспедиционный отделы. В задачу экспедиционного отдела, который возглавил Б.А. Завалишин, входило распространение агитационной литературы, организация других, помимо печатной, форм пропаганды, а также «наблюдение за результатами на местах агитационной деятельности Русского бюро печати»[2].

Однако, как отмечалось в одном из докладов РБП, «через полтора месяца работы вполне определилась невозможность сосредоточить в одном подотделе дело устной пропаганды с распространением агитационной литературы»[3]. 25 июля редакционное бюро постановило «выделить дело устной пропаганды в особый агитационный отдел» во главе с А.Г. Соболевым. 2 августа агитационный отдел (с крестьянским и рабочим подотделами) приступает к работе. 20 августа, с целью «придать более постоянный и систематический характер» изготовлению пропагандистских плакатов, в составе Пресс-бюро был сформирован художественный подотдел.

К осени 1919 года в центральном аппарате Русского бюро печати работало 52 сотрудника, и оно располагало 80 собственными корреспондентами. Уровень заработной платы у сотрудников РБП был достаточно высок. К примеру, в сентябре 1919 года жалованье заведующего подотделом составляло 3 тыс. руб. в месяц, а разъездной агитатор-пропагандист получал месячный оклад в 2 тыс. руб. и 2 тыс. руб. командировочных.

Летом 1919 г. начинают формироваться региональные отделения Русского бюро печати (рис. 28). 31 августа правление АО РОПД утвердило постановление редакционного бюро об открытии отделений Русского бюро печати в Иркутске, Красноярске, Новониколаевске и Владивостоке[4] (рис. 29).

В первую очередь, учитывая стратегическую значимость Дальнего Востока, необходимость своевременной и точной информации союзников и в то же время значительную удаленность этой территории от Омска, был поставлен вопрос об открытии отделения во Владивостоке. 4 июля 1919 г. на заседании редакционного бюро была утверждена схема Владивостокского отделения Русского бюро печати (рис. 30). Дальневосточное отделение создавалось «с теми же основными тремя отделами, т.е. пресс-бюро, иностранным и телеграфным агентством»[5], что и центральный аппарат. К концу августа 1919 г. штаты Владивостокского отделения РБП составляли 38 человек, на содержание которых было отпущено около 60 тыс. золотых рублей[6].

Первоначально во главе Владивостокского отделения РБП оказался бывший заведующий Дальневосточным отделением РТА Б.Г. Перлин. Однако прибывший в конце июля с инспекторской проверкой М.И. Борисов указал руководству РОПД на непригодность Перлина. «[Во] Владивостоке нашел развал, – указывал он в одной из телеграмм в Омск. – Перлин безусловно хороший опытный агент, [но] никуда как руководитель. Отделение [в] жалком виде [в] одной комнате, большинству совершенно неизвестно. Штат служащих переводчиков распущенный, [на] занятия не являются неделями, совершенно отсутствует английский переводчик. Жалкий номер, где помещается агентство, занят [на] три четверти семьей Перлина, нет репортажа»[7]. С 1 июля 1919 г. руководителем отделения был утвержден В.В. Солдатов, с окладом 4000 руб. в месяц.[8]. Решением редакционного бюро АО РОПД учреждались должности помощников заведующего – по заграничной и по внутренней информации. Заведующим заграничной информацией с окладом в 2000 руб. был приглашен Л.А. Зандер. Местное отделение РТА вначале возглавил М.И. Борисов, 1 сентября он был заменен Б.И. Тугариновым, ранее занимавшим должность редактора РТА в Омске[9].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 506. Л. 38, 39.
[2] Там же. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 47 об.
[3] ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 47 об.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.
[5] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11. Л. 103 об.
[6] *Очерки* истории книжной культуры… С. 99.
[7] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.
[8] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 21. Л. 112.
[9] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 12 об.

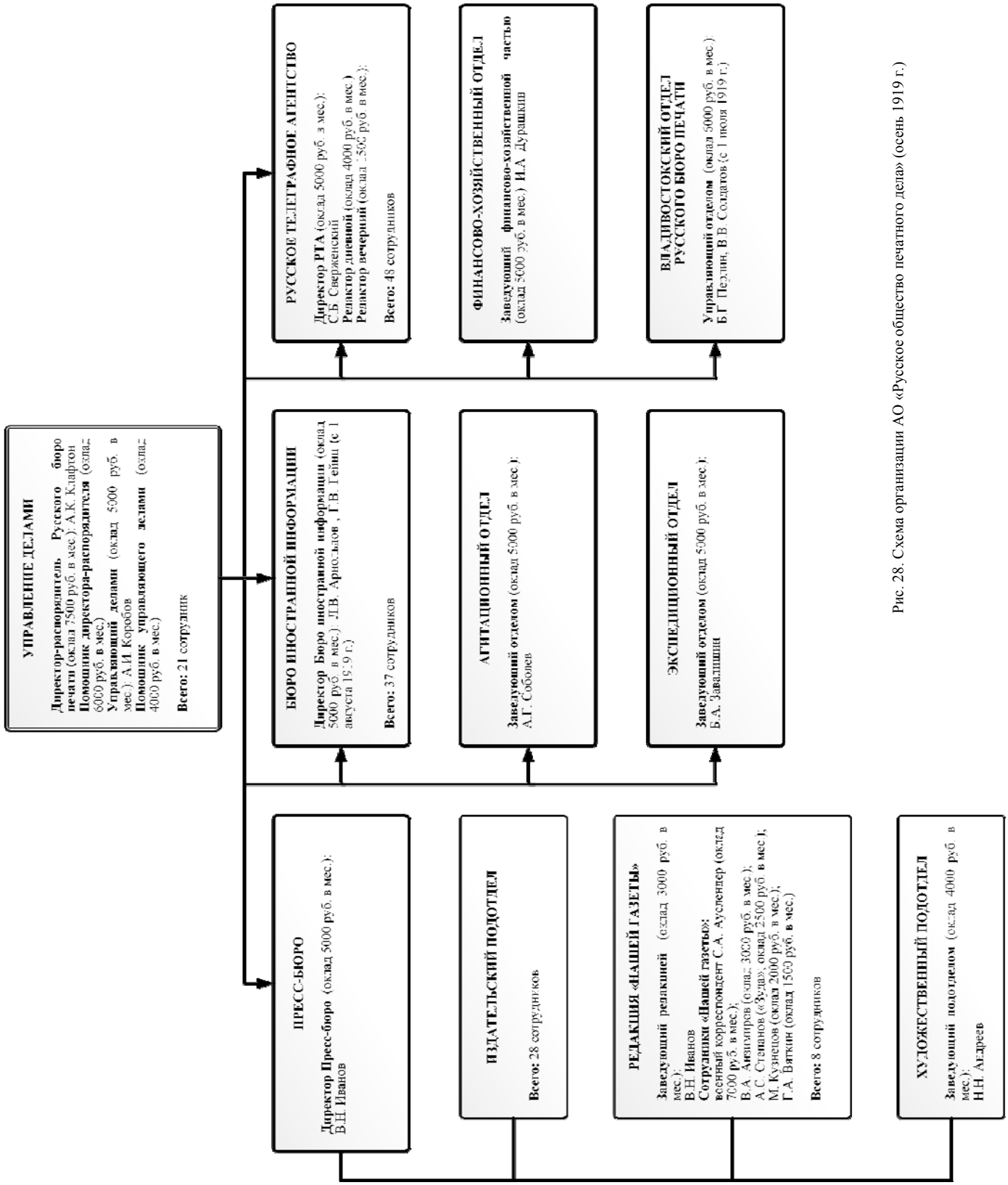
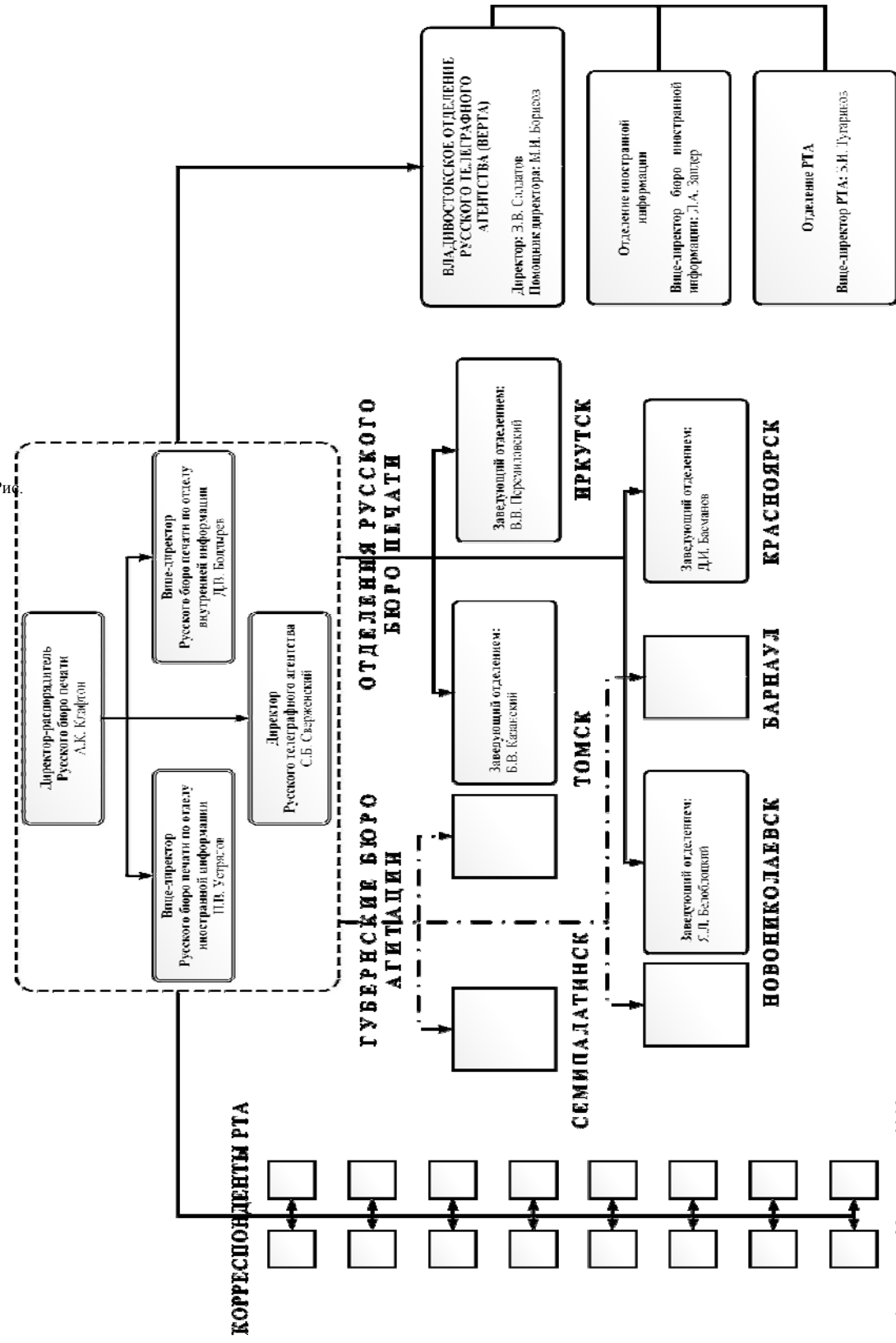


Рис. 28. Схема организации АО «Русское общество печатного дела» (осень 1919 г.)

Рис.



29. Схема организации местных отделений Русского бюро печати (осень 1919 г.)

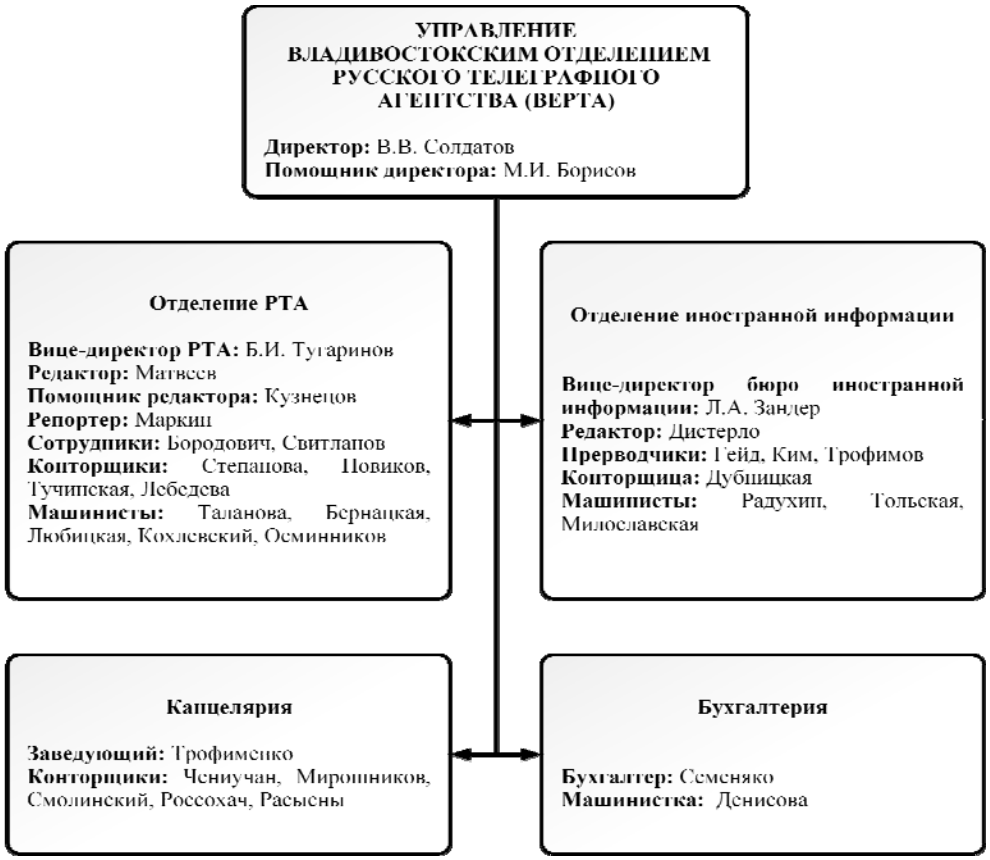


Рис. 30. Схема организации Владивостокского отделения Русского телеграфного агентства (октябрь–ноябрь 1919 г.)

На единовременные расходы по Владивостокскому отделению было выделено 10 тыс. руб. и на ежемесячные расходы с 1 июля 1919 г. 19 тыс. рублей. В середине октября 1919 г. Солдатов планировал расширить штаты отделения, организовав агитационный, экспедиционный и издательский отделы, о чем был направлен соответствующий доклад в Омск. «Необходимо нашей армии обеспечить спокойный тыл, – указывал он в своем докладе руководству Русского бюро печати. – Поэтому необходимо противодействие антиправительственной агитации на Дальнем Востоке, что может быть достигнуто лишь постоянной организацией дела агитации, каковую считаю необходимым поручить подведомственному мне отделению. При этом я полагал бы, по крайней мере, на первых порах, не разделять издательского, экспедиционного и агитационного отелов, а временно объединить их в одном отделе, под моим общим руководством. Издательское дело необходимо организовать во Владивостоке в целях экономии – не стоит посылать бумагу из Владивостока в Омск с тем, чтобы она возвращалась в печатном виде обратно. Однако издательство я понимаю в смысле переиздания омских изданий, причем мне должно быть предоставлено право выбора среди них наиболее отвечающих Дальнему Востоку и введение необходимых местных поправок к ним. Самостоятельное издательство и составление плакатов и брошюр должно ограничиться строго местными вопросами и притом всегда с особого согласия центра и под редакцией центра»[1]. Общие расходы на организацию издательского дела, экспедицию и агитацию, по расчетам Солдатова, должны были составить 187 500 руб. в месяц. Кроме того, для обустройства отделов и приобретения необходимого оборудования он запрашивал еще 55–60 тыс. руб.[2].

В Иркутске местное отделение Русского бюро печати возглавлял В.В. Перемиловский (редактор газеты «Свободный край»); в Томске – профессор Пермского университета Б.В. Казанский; в Новониколаевске – Я.Л. Белоблоцкий и в Красноярске – Д.И. Басманов (рис. 31)[3].

[1] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 21. Л. 48 об.
[2] Там же. Л. 48 об – 49.
[3] Там же. Д. 31. Л. 28, 67.

Одним из приоритетных направлений в работе Русского бюро печати являлось формирование благоприятного общественного мнения в зарубежных странах. При этом предпочтение в организации пропагандистской работы отдавалось крупным мировым центрам: Парижу, Лондону, Нью-Йорку, Токио. Основа была заложена правительственным Отделом печати. С передачей АО РОПД Бюро иностранной информации в его распоряжении оказались и «бывшие правительственные корреспонденты». Летом – осенью 1919 г. сеть зарубежных филиалов Русского бюро печати расширяется.

В целом произошедшие перемены благотворно повлияли на работу Бюро иностранной информации. Как отмечалось в одном из отчетов, «его деятельность получила возможность развиться и усовершенствоваться». С одной стороны, были «значительно увеличены ассигнования на дело заграничной информации и агитации, благодаря чему улучшился технический аппарат Бюро: оживилась деятельность заграничных корреспондентов, увеличилось поступление иностранных газет и пр.». С другой стороны, «утрата Бюро официального штемпеля благоприятно отозвалась на отношении к нему иностранной прессы, в смысле роста доверия к передаваемым им сведениям»[1].

В Париже отделением РБП являлось агентство «Унион» – русское информационное бюро, созданное 9 февраля 1919 г. Во главе этой организации находился Распорядительный комитет, в состав которого входили В.Л. Бурцев, А.И. Коновалов, Б.В. Савинков, П.Б. Струве, С.Н. Третьяков, Н.В. Чайковский и А.А. Дикгоф-Деренталь. Агентство «Унион» состояло из четырех отделов (рис. 32):

Телеграфный отдел (заведующий В.Л. Бурцев). Осуществлял передачу французским СМИ официальной информации, полученной из России и от иностранных корреспондентов, а также отправлял в Россию телеграфные сообщения о важнейших европейских событиях.

Иностранный отдел (заведующий В.В. Викторов-Топоров). Стремился оказать определенное воздействие на общественное мнение Франции, в благоприятном свете представить антибольшевистское движение и его лидеров (Колчака, Деникина), вызвать к ним сочувствие на Западе. Для этого во французских газетах размещались соответствующие статьи и заметки. Кроме того, отдел издавал брошюры и бюллетени, предоставлял французским журналистам, политическим и общественным деятелям необходимую информацию, организовывал публичные выступления, лекции, банкеты, концерты.

Русский отдел (заведующий С.Н. Моисеенко). Занимался пропагандой среди русских, проживавших во Франции, снабжал правительства Колчака и Деникина иностранной литературой, касавшейся российской проблематики.

Финансово-экономический отдел (заведующий П.Н. Апостол). Подталкивал торгово-промышленные круги Франции к оказанию необходимой финансово-экономической поддержки российской контрреволюции.

В постоянном контакте с агентством «Унион» находилась издававшаяся в Париже на русском и французском языках газета «Общее дело» (под редакцией В.Л. Бурцева)[2].

«В Париже, – как вспоминал прибывший туда с Белого Юга руководитель деникинского Освага К.Н. Соколов, – много разных русских политических организаций. Большинство из них, от крайних правых до крайних левых, относятся к нам враждебно или, в лучшем случае, скептически, объединяя с нами в общих отрицательных чувствах и адмирала Колчака… Поддерживает, по настоящему, Восток и Юг России информационно-пропагандистская организация “Union”, руководимая В.Л. Бурцевым и Б.В. Савинковым. В.Л. Бурцев в своем “Общем деле» упрямо долбит в одну точку, разоблачая вместе с большевиками тех “соглашателей”, чей лозунг “ни Колчак, ни Ленин”. Б.В. Савинков в меру возможного “инспирирует” французское общественное мнение. Деятели “Union” больше связаны с Колчаком и по условиям возникновения их организации, и благодаря относительной налаженности сношений. Но они помогают и Югу России. Они сурово осуждают нас за недостаточное внимание к делу заграничной пропаганды. Их раздражает наше неумение справиться даже с техникой информационной службы и смущает некоторый налет “реакционности” на нашем политическом облике. Они тоже убеждены, что отношение к нам Запада определяется большей или меньшей степенью нашего “либерализма” и с радостью пользуются всеми данными, способными в этом смысле улучшить нашу репутацию»[3].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 48.
[2] *Русское* дело (Омск). 1919. 26 окт.;
[3] *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С. 153.

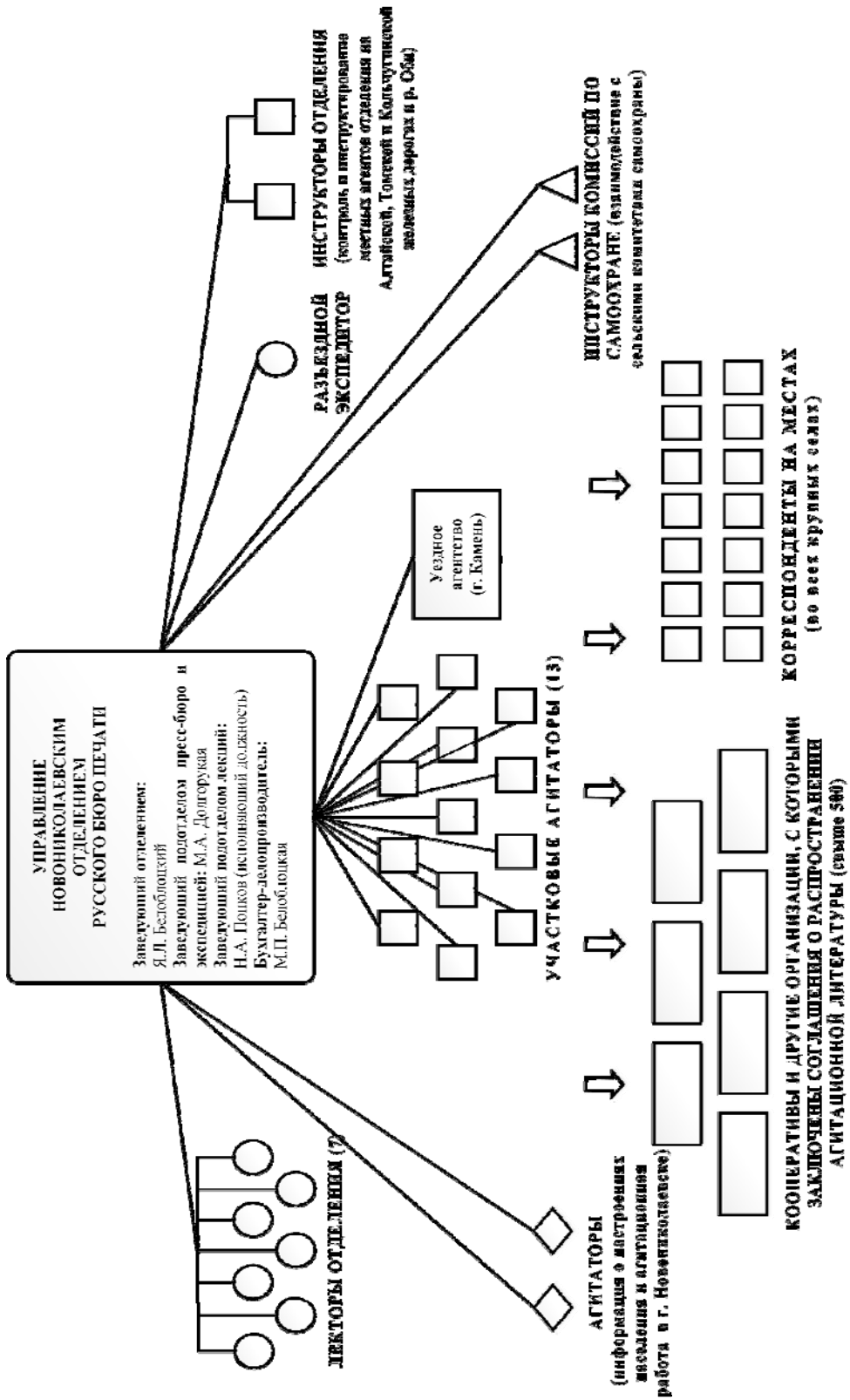


Рис. 31. Схема организации Новониколаевского отделения Русского бюро печати (октябрь 1919 г.)

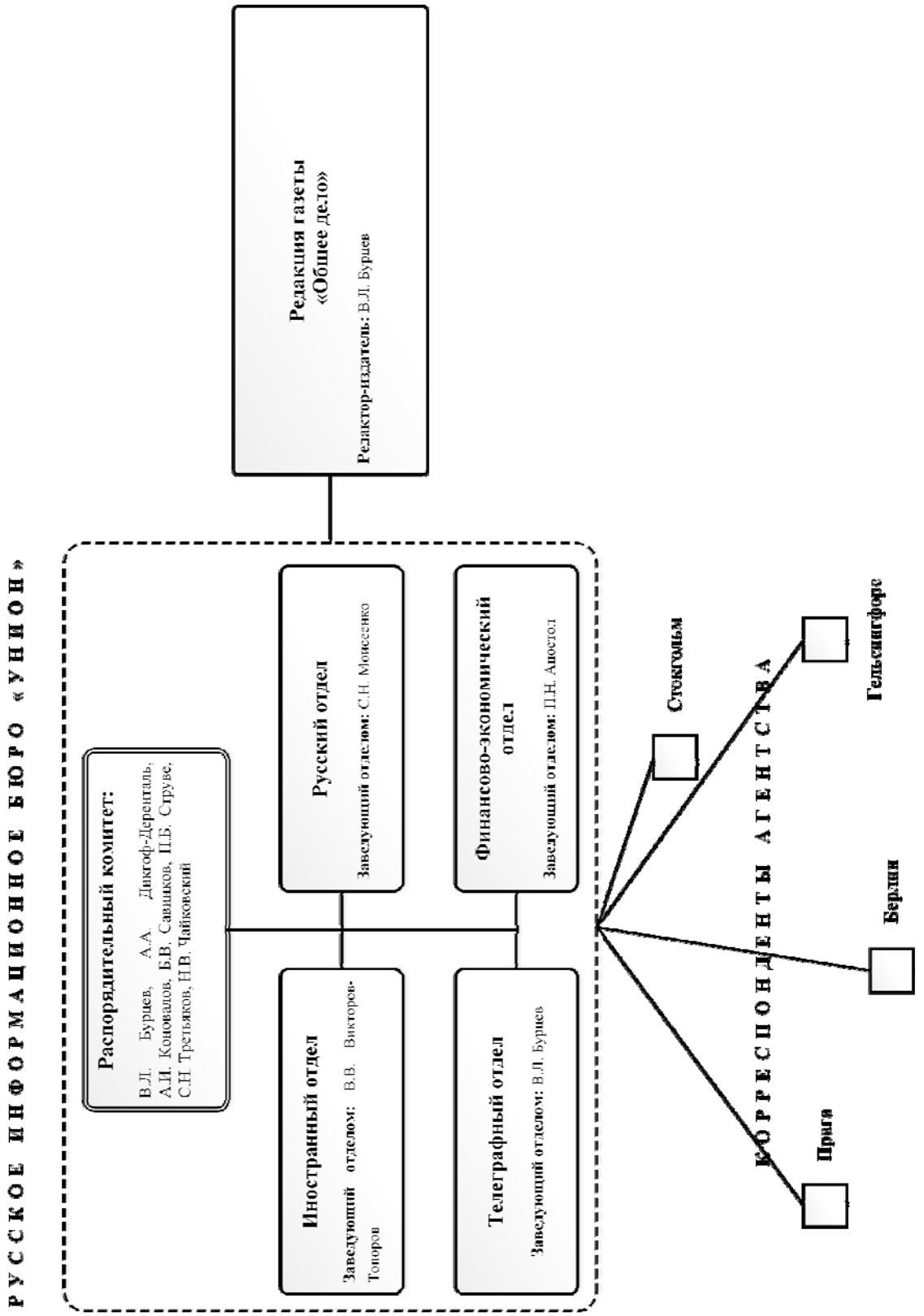


Рис. 32. Схема организации Русского информационного бюро «Унион» в Париже (октябрь 1919 г.)

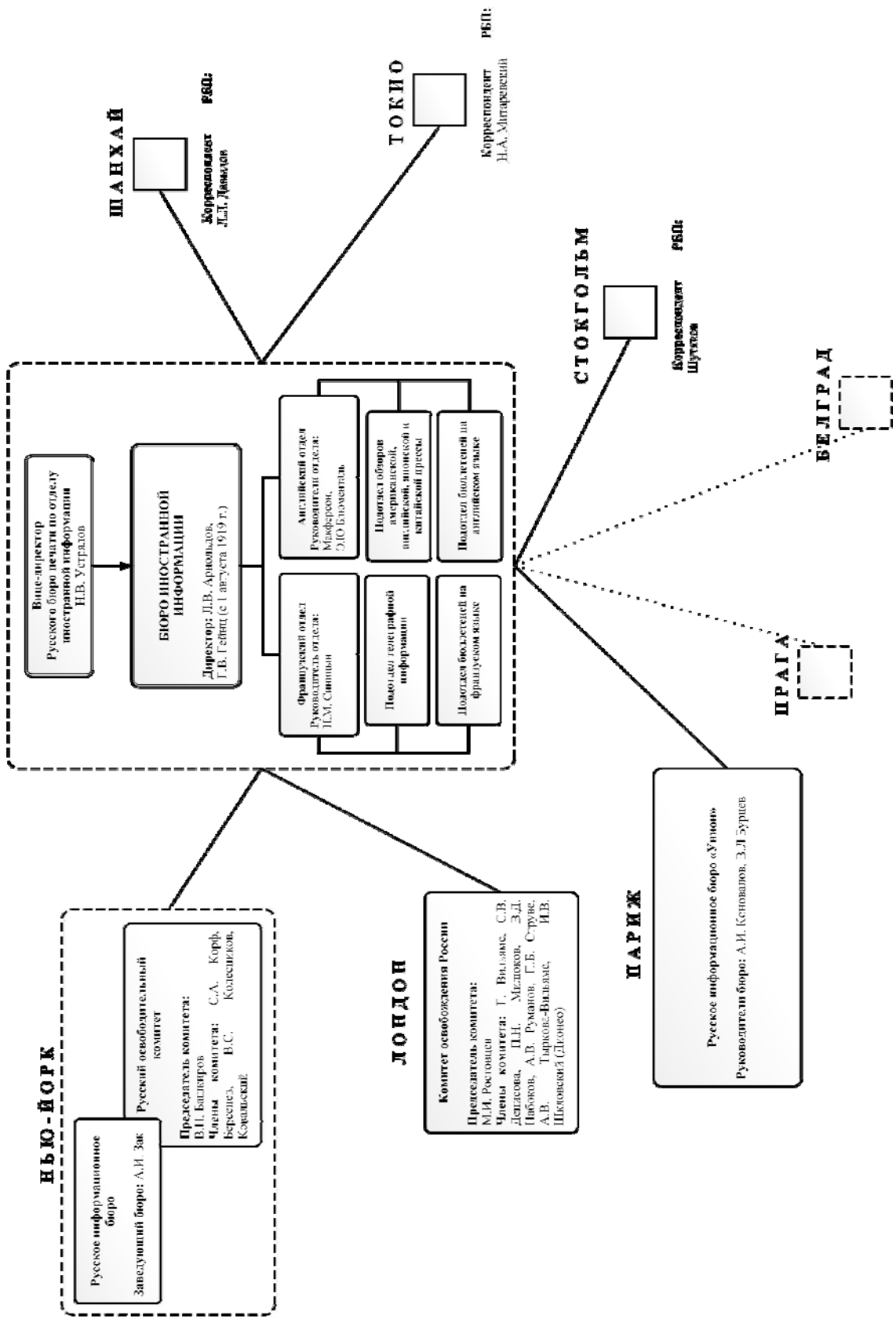


Рис. 33. Схема организации заграничных отделений Русского бюро печати (ноябрь – декабрь 1919 г.)

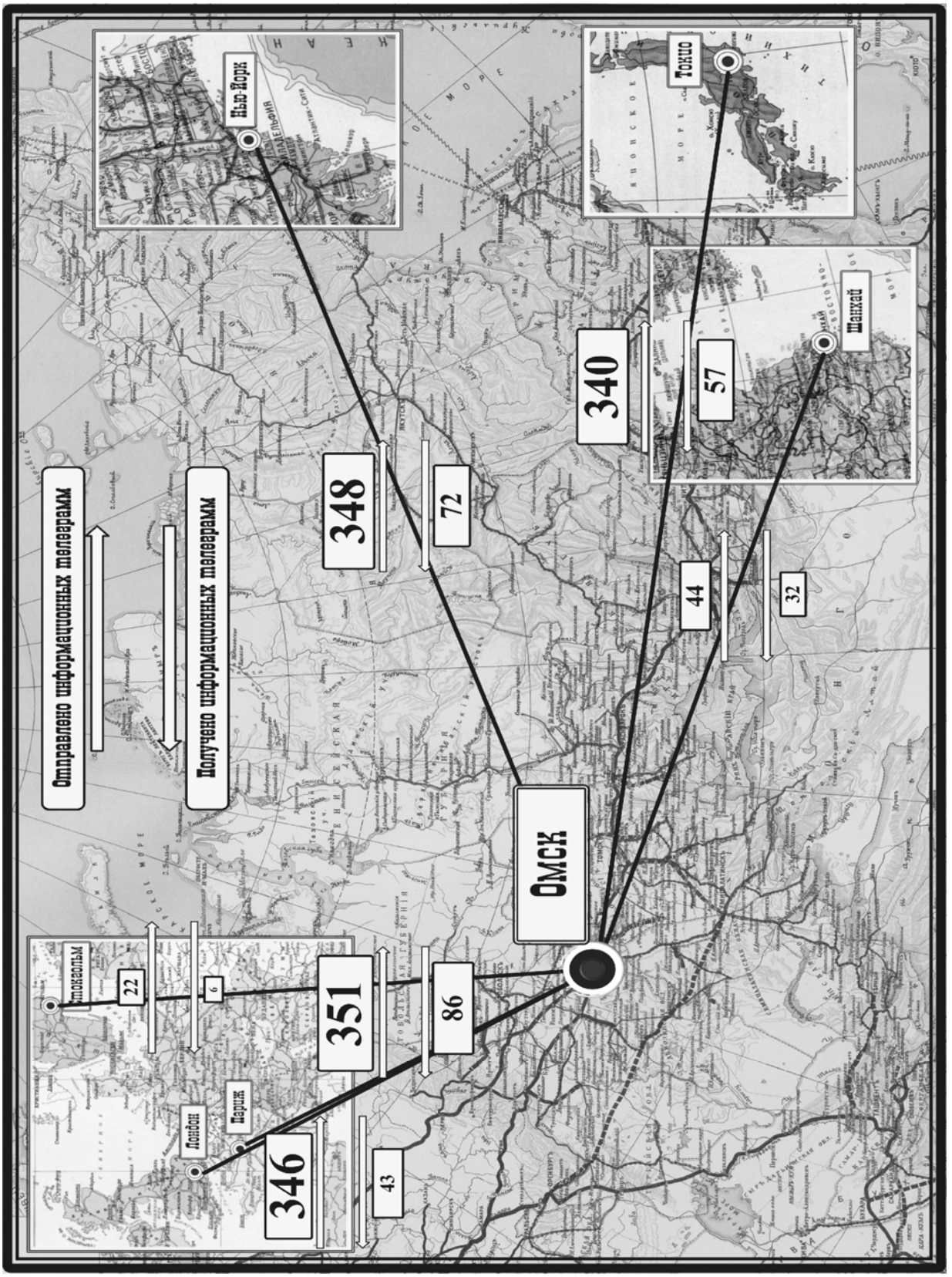


Рис. 34. Обмен информационными телеграммами между Бюро иностранной информации в Омске и его заграничными отделениями (весна – зима 1919 г.)

С конца июня 1919 г. Русскому информационному бюро в Париже «Унион» АО РОПД ассигновалось ежемесячно 100 тыс. франков. Таких средств не получало ни одно зарубежное отделение.

В Лондоне корреспондентом Бюро иностранной информации состоял Русский комитет освобождения, в котором работали М.И. Ростовцев, И.В. Шкловский (Дионео), П.Н. Милюков, П.Б. Струве, А.В. Тыркова, Г. Вильямс. Наряду с распространением бюллетеней, Комитет занимался широкой издательской деятельностью, в частности, издал несколько брошюр на английском языке. На свою деятельность Русский комитет освобождения получал по 6 000 долларов ежемесячно.

В Нью-Йорке действовало Русское информационное бюро во главе с А. Заком. Оно распространяло получаемые от бюро иностранной информации телеграммы в 20 крупнейших американских газетах. Кроме этого, А. Зак издавал журнал «Борющаяся Россия», а также выпустил целый ряд брошюр о положении дел в России. Однако работа Зака по распространению телеграмм была признана неудовлетворительной, и было принято решение образовать параллельно действующий орган – Русский осведомительный комитет, по примеру лондонского. Он начал свою работу 4 октября 1919 г. Комитет возглавил А.И. Башкиров, а в состав вошли Корф, Берсенев, Колесников и Ковальский. Однако телеграммы продолжали направляться Заку, поскольку вновь образованный комитет не смог добиться предоставления ему пресс-тарифа. Издательская же работа Зака оценивалась Бюро иностранной информации очень высоко[1].

В Токио существовало отделение Бюро иностранной информации под руководством Н.А. Митаревского, которое распространяло телеграммы практически во всех японских газетах. На деятельность в Японии ассигновалось по 3 тыс. долларов в месяц.

Новые отделения начали формироваться в Шанхае (руководитель Л.Л. Давыдов), Стокгольме (руководитель доктор Шутяков, бывший корреспондент петроградской «Речи»), Праге и Белграде. Однако работа шла медленно из-за финансовых проблем.

Находившийся за границей князь Г.Е. Львов обратился Российскому правительству А.В. Колчака с инициативой переноса всего дела иностранной информации и пропаганды из Омска в Париж, где при Особом политическом совещании был создан свой отдел печати и пропаганды (рис. 34). Эту работу должен был возглавить Б.В. Савинков. Однако Русское бюро печати и подведомственное ему Бюро иностранной информации сочли такую реформу неприемлемой, поскольку «отделение информационного и агитационного центра от центра национального могло повлечь за собой непоправимые ошибки в определении самого содержания и направления, как информации, так и пропаганды»[2].

3.2. Правительственные и военные учреждения осведомления и политической пропаганды

Правительственной информационной службой продолжал оставаться Отдел печати в составе Управления делами Совета министров и Верховного правителя. Постановлением правительства от 20 мая 1919 г. управляющему отделом был присвоен IV класс должности[3]. После известной реструктуризации, в результате которой часть подразделений Отдела печати перешла в ведение акционерного предприятия «Русское общество печатного дела», было подготовлено новое штатное расписание. В соответствии с ним учреждалась новая должность старшего делопроизводителя VI класса с окладом 850 руб. в месяц. Ему передавался главный надзор за хозяйственно-технической стороной дела (канцелярия, хозяйственная часть, контора и экспедиция «Правительственного вестника» и т.д.), поскольку эти обязанности значительно обременяли управляющего Отделом печати, и он не мог уделять должного внимания основной работе. Причем указанный надзор оказалось невозможным возложить на чиновника особых поручений VI класса, предусмотренного прежним штатным расписанием, поскольку он постоянно был занят именно особыми поручениями (рис. 35).

По новому штатному расписанию заведующему типографией увеличивался основной оклад жалованья до 1 тыс. руб. Это мотивировалось тем, что специалисты такого уровня высоко оплачивались в частных изданиях. В штатах канцелярии Отдела печати за счет сокращения одной должности канцеляристки (из двух) появилась должность помощника делопроизводителя VIII класса. Таким образом, у заведующего канцелярией по-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 148. Л. 11.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 148. Л. 2 об.
[3] Там же. Д. 210. Л. 79.

являлся заместитель, а хорошие работники из числа младших служащих получали возможность продвижения по службе. Несмотря на выделение из Отдела печати некоторых структурных отделений, сокращения штатов бухгалтерии не произошло, поскольку возникла необходимость вести расчеты с РОПД, а прибытие закупленных машин для правительственной типографии возложило на бухгалтерию дополнительную работу.

Главному редактору «Правительственного вестника» предоставлялось добавочное содержание в 400 руб. в месяц за личное сотрудничество в газете (независимо от обычного построчного гонорара). Такое увеличение было вызвано несоответствием заработка редактора «Правительственного вестника» и редакторов частных газет, тем более что для данной категории работников преимущества, даваемые казенной службой, были минимальными. Увеличивалось число сотрудников бюро обзоров печати. Это было обусловлено значительным увеличением количества получаемых газет и журналов в связи с расширением территории Российского правительства и улучшением почтовых сообщений. Вводилась должность корректора VIII класса, чтобы освободить квалифицированных обозревателей печати от проверки готовых обзоров. Наряду с этим, жестко не ограничивалось количество обозревателей, поскольку предполагалось, что территория будет увеличиваться, но, в крайнем случае, предусматривалось увеличение их численности до 12 человек. Вводилась новая должность заведующего конторой и экспедицией газеты «Правительственный вестник» VI класса, при этом собственно контора возглавлялась помощником заведующего. К такому изменению подтолкнула необходимость объединить эти тесно соприкасающиеся части Отдела печати и поставить во главе квалифицированного работника.

На содержание всего Отдела печати в месяц (основные оклады содержания) требовалось согласно предлагаемому штатному расписанию 48 900 рублей[1]. 26 июня 1919 года адмирал Колчак утвердил расписание должностей и окладов содержания правительственного Отдела печати, а Совет министров постановил «отнести начало его действия к 1 января 1919 года»[2].

Редакция «Правительственного вестника». Главным редактором продолжал оставаться В.А. Кудрявцев, его помощником по официальной части – П.Ф. Пономарев. Помощником редактора по неофициальной, а затем и по официальной части – Л.С. Ушаков[3]. С 20 сентября 1919 г. он занял также должность заведующего типографией с оставлением в должности помощника редактора по официальной части.

Информационное бюро по-прежнему являлось центром ведомственной информации. Заведующим информацией был А.Н. Потоскуев. В круг его обязанностей также входил сбор информации в Министерствах юстиции и труда, Государственном контроле, Высшем церковном управлении и Ведомстве исповеданий. Остальные ведомства, политические и общественные организации обслуживали сотрудники-информаторы П.О. Михайлов, В.Б. Лехно и Г.Н. Шипков. Материалы для хроники предоставляли Химский и Маркин[4].

Временное бюро книжной палаты. Первоначально существовало как Отделение книжной палаты при МВД. Постановлением Совета министров от 15 мая 1919 г. оно было преобразовано во Временное бюро книжной палаты при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров[5]. Заведующим книжной палатой был Н.В. Яковлев. На местах образовывались краевые отделения – хранилища Книжной палаты в городах: Владивостоке, Иркутске, Томске, Перми, Казани, Саратове и Самаре. На управляющих губерниями и уездами возлагалась доставка во Временное бюро книжной палаты или в соответствующее отделение-хранилище всех печатных изданий в количестве семи экземпляров, установленных законом Временного правительства «О печати» от 27 апреля 1917 г.

27 апреля 1919 г. на заседании Совещания по делам печати было решено сформировать при Управлении делами Совета министров «особый отдел по делам дезорганизации советского тыла»[6]. Первоначально этот орган, в составе которого числилось более 60 сотрудников[7], занимался разведывательной, диверсионной и пропагандистской деятельностью на территории Советской России. Однако впоследствии отдел включился в организацию политической пропаганды и на территории, контролируемой Омским правительством[8].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 63–64.

[2] *Правительственный* вестник. 1919. 29 июля.

[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 215. Л. 84.

[4] Там же. Д. 213. Л. 8 об.

[5] *Правительственный* вестник. 1919. 5 июня.

[6] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 10 об. *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : тезисы докладов всероссийской научной конференции. Новосибирск, 1998. С. 197.

[7] *Греков Н.В.* Разведывательная служба армии Колчака // История белой Сибири : тезисы третьей научной конференции. Кемерово, 1999. С. 41.

[8] *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока… С. 118–120.

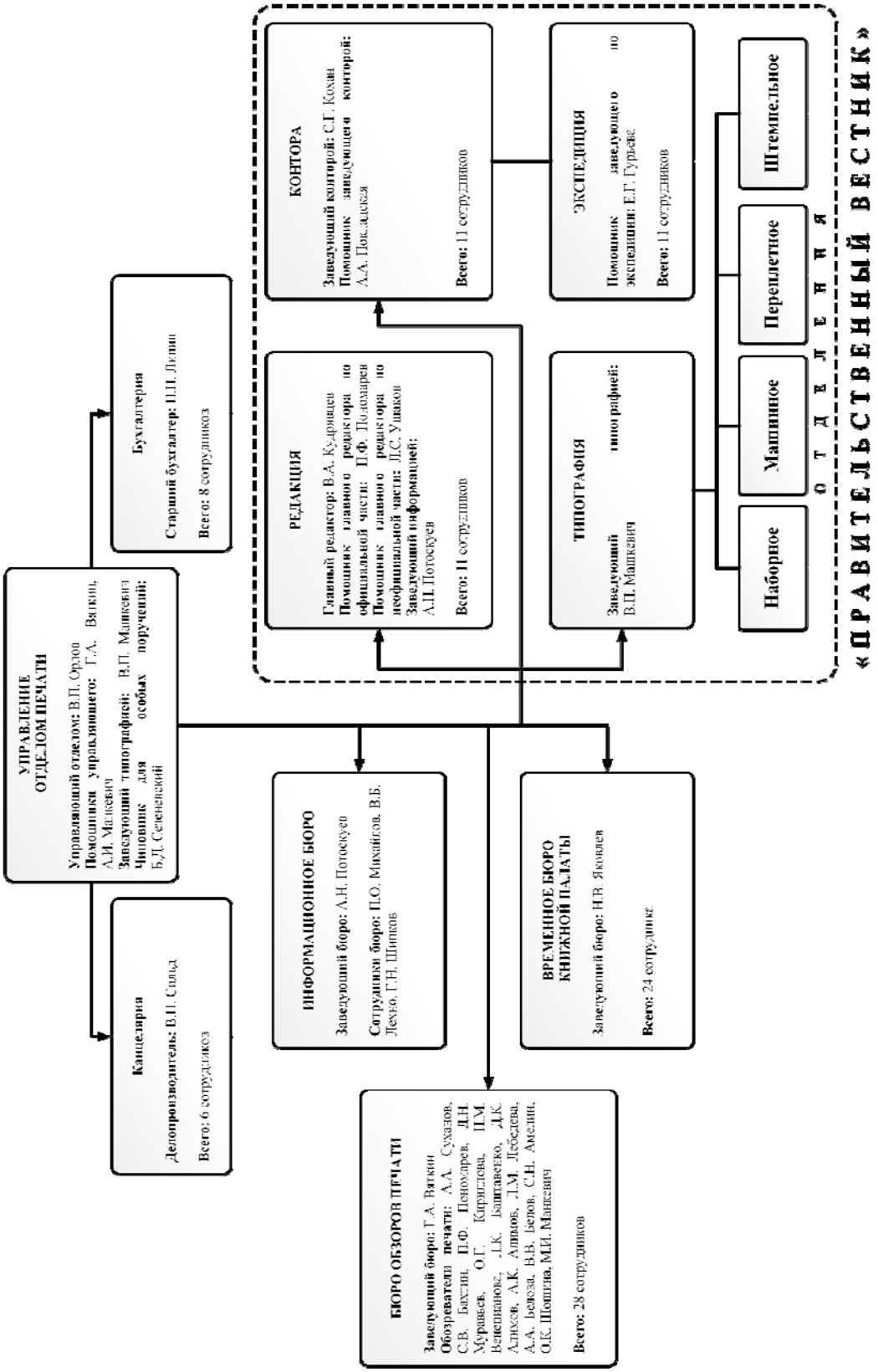


Рис. 35. Схема организации Отдела печати Управления делами Верховного правителя и Совета министров (лето 1919 г.).

В конце мая – начале июня 1919 г. происходит реорганизация высшего руководства колчаковской армии. 23 мая указом Верховного правителя со своих постов были смещены военный министр Н.А. Степанов и начальник Главного штаба В.И. Марковский. Отставка военного министра и последовавшая за ней реструктуризация центрального аппарата ставили точку в длительном противостоянии начальника штаба Верховного главнокомандующего Д.А. Лебедева и руководства Военного министерства. «Военный министр Степанов и начальник Штаба Лебедев, – отмечал в своих «Записках» И.И. Сукин, – оказались в смертельной вражде, как на почве делового соревнования, так и в силу личной неприязни… Военное министерство обвинялось в формализме, отвлеченности, стремлении построить свою работу на принципах мирного времени, между тем как фронт был нетерпелив и требовал, чтобы все разделяли его мировоззрение “интереса минуты”»[1].

О весьма напряженных взаимоотношениях между военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего упоминал в своем дневнике главный начальник снабжения и инспекции Ставки генерал А.П. Будберг. В записи от 2 мая 1919 г., характеризуя генерала Степанова как «старательного, но бесцветного работника», он сообщает о том, что «сейчас под него подкапывается ставка, сваливая на него все недостатки по снабжению армии». «Вообще, отношения между ставкой и военным министерством самые враждебные, – продолжает Будберг, – обе стороны зорко шпионят одна за другой и искренно торжествуют и радуются, если противник делает промахи и ошибки; оказывается, что в общем моральном разложении можно было докатиться и до такой гадости»[2].

По мнению же весьма информированного Г.К. Гинса, к отставке Степанова, помимо Лебедева, приложили руку И.А. Михайлов и И.И. Сукин, которые «напрягали все усилия для того, чтобы вытеснить этого генерала, который благодаря прежней совместной работе с адмиралом на Дальнем Востоке пользовался влиянием на него, бывал часто запросто в доме Верховного и, вероятно, кое-когда вредил другим»[3].

16 мая 1919 г. на совещании в Ставке обсуждалась, по выражению Будберга, «новая конструкция военного управления»: «решено сосредоточить в лице Лебедева должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного и морского министров, дав ему помощников по всем трем должностям». Сам Будберг решительно заявил, что «подобное совмещение невозможно, ибо нельзя совмещать полевую должность со званием министра». Однако его «мнение осталось единоличным, и никто его не поддержал»[4].

23 мая генерал-майор Д.А. Лебедев вступил в должность военного министра Российского правительства, сохранив пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Вслед за этим начинается реорганизация органов военного управления. «Результатом реформы, – отмечал Будберг, – является создание невероятно громоздкой ставки, вбирающей в себя часть отделов военного министерства; берут себе часть дежурного генерала, чтобы царить по части наград и назначений (но пенсионный, очень беспокойный и невыигрышный отдел оставили в военном министерстве); затем взяли себе всю разведку и осведомление – отделы очень жирные и вкусные, с богатыми темными суммами и большой властью; да, кроме того, и спокойнее по части разных темных секретов, если в военном министерстве не будет своей самостоятельной контрразведки, которая, как и ставочная, занимается больше всего слежкой за начальством и своими конкурентами»[5].

Таким образом, в начале лета 1919 г. центральный аппарат военной пропаганды был существенно перестроен. «Согласно новой реорганизации, – писал в своих мемуарах генерал П.Ф. Рябиков, – Управление 2-го генерал-квартирмейстера ведало разведкой, контрразведкой, цензурой, печатью, осведомлением и пропагандой. Началом формирования Управления согласно приказу по штабу Верховного главнокомандующего от 31 мая № 115 было назначено 28 мая»[6].

9 июня приказом № 589 начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Д.А. Лебедева был утвержден временный штат Управления 2-го генерал-квартирмейстера. Структура нового управления включала три отдела: разведывательный, осведомительный, контрразведки и военного контроля, а также особое отделение, которое руководило деятельностью офицеров, состоявших при иностранных миссиях. Приказом по управлению от 9 июля 1919 г. начальником Осведомительного отдела был назначен полковник Генерального штаба Г.И. Клерже, занимавший ранее должность помощника начальника Главного штаба (рис. 36).

---

[1] *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 409–410.

[2] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XIV. С. 229.

[3] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) : в 2 т. Пекин, 1921. Т. 2. С. 175.

[4] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XIV. С. 250.

[5] Там же. С. 255.

[6] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 18 об.

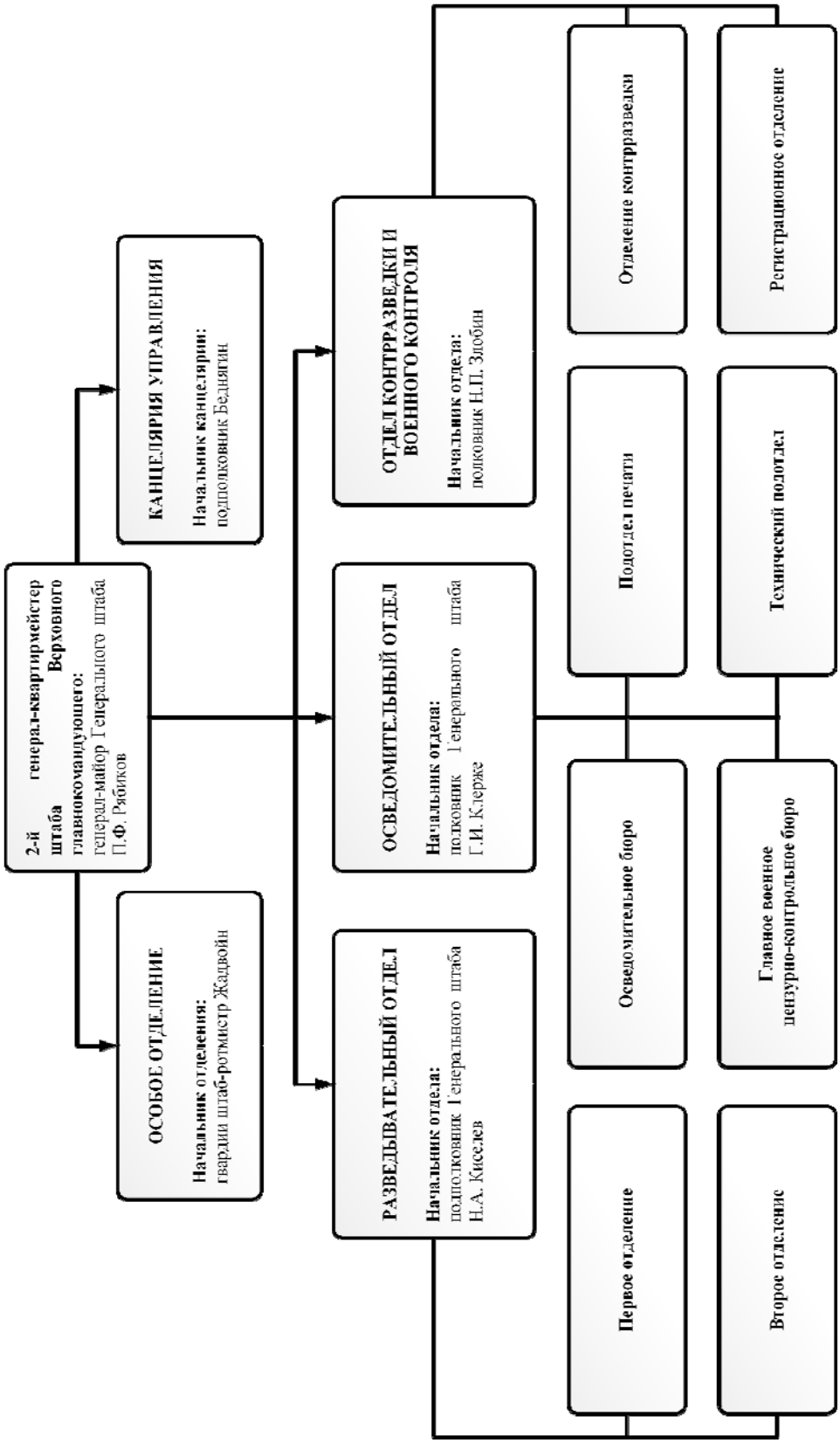


Рис. 36. Схема организации Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (лето 1919 г.)

В своих воспоминаниях Клерже приписывает себе значительную часть заслуг в организации отдела. Вот что он пишет: «Учитывая опыт широчайшей, организованной в государственном масштабе политической пропаганды большевиков, которые буквально засыпали население всей необъятной России различными воззваниями, призывами, оповещениями, плакатами, газетами и наскоро сколоченной книгоагитационной продукцией, пишущему эти строки пришла в голову мысль провести с не меньшей же интенсивностью такую же контрпропаганду и в широчайшем антибольшевистском масштабе… Усвоив все навыки большевиков, за которыми удалось наблюдать в этом вопросе в течение нескольких месяцев вынужденного скрывания в Петрограде и в Перми во второй половине 1918 года, а также используя свою богатейшую писательскую и газетную практику, автору настоящих воспоминаний нетрудно было разработать соответствующий, весьма рациональный и жизненный проект организации ставшего потом широко известным на белом Сибирском фронте осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего, или, как его по сокращенному телеграфному коду называли все, Осведверха»[1].

Все пропагандистские структуры Ставки и военного министерства (Осканверх, осведомительный отдел и отдел печати Главного штаба) расформировывались и передавались в состав Осведверха. «Вновь организованный осведомительный отдел, – отметил генерал Рябиков, – разделялся на ряд подотделов, бюро и отделений, среди которых были: осведомительное бюро (сбор, обработка и составление информаций), подотдел печати (отделения периодической печати, литературное и художественное), подотдел технический (издательство, хозяйственная часть, экспедиция), цензурно-контрольное бюро и отделение культурно-просветительное (внешкольное образование в войсках)» (рис. 37)[2].

Штат Осведомительного отдела предполагал 90–98 сотрудников, в том числе 27–31 офицер, 20–24 чиновника, 43 солдата. При отделении печати согласно особому штату находилась газета «Русская армия» в составе редакции (35 сотрудников), типографии (51 сотрудник) и переплетной (8 рабочих). Новая организация центрального аппарата военной пропаганды, по мнению полковника Клерже, имела определенные преимущества. «Созданием Осведверха, – указывал он в беседе с сотрудником “Русской армии”, – устранен некоторый параллелизм в работе различных органов осведомления и печати и, таким образом, достигнут наиболее интенсивный и продуктивный ход работ в данной области» (рис. 38)[3].

9 июля 1919 г. приказом № 1 генерал П.Ф. Рябиков утвердил персональный состав Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. В числе прочих в своих должностях были утверждены 63 сотрудника осведомительного отдела (рис. 39)[4].

С конца июня начинается новая волна реорганизаций, продолжавшаяся до начала октября 1919 г. Приказом Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака от 14 июля учреждалась должность главнокомандующего Восточным фронтом. Пост этот занял генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, которому уже фактически с 20 июня были подчинены Сибирская и Западная отдельные армии. В дальнейшем штаб и управление Восточным фронтом то упразднялись (август), то вновь формировались (середина сентября – начало октября)[5]. В это же время реорганизации вновь подверглась Ставка и, отчасти, управление тыловыми военными округами.

Все эти изменения так или иначе затронули военно-про-пагандистский аппарат. С учреждением должности Главнокомандующего армиями Восточного фронта был организован Осведомительный отдел штаба Восточного фронта (Осведфронт). В июле того же года была пересмотрена структура периферийных органов военной пропаганды. Ставка одобрила и утвердила новое штатное расписание осведомительных отделов неотдельных армий (осведармов), внутренних (Омский, Иркутский, Приамурский) и тыловых (Тюменский, Курганский и Троицкий) военных округов (осведокров). Предполагалось, что осведомительные отделы внутренних округов будут организованы аналогично осведармам. К Омскому военному округу, который «благодаря совместному своему расквартированию с высшим осведорганом – осведверхом» находился в особом положении, было решено применить штаты тылового осведокра.

---

[1] *Клерже Г.И.* Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 317–318.

[2] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1[г]. Л. 15 об.

[3] *Русская* армия. 1919. 9 июля.

[4] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1[г]. Л. 207–208 об.

[5] *Симонов Д.Г.* Система управления антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России: реформы генерала М.К. Дитерихса (лето – осень 1919 г.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 149–154.

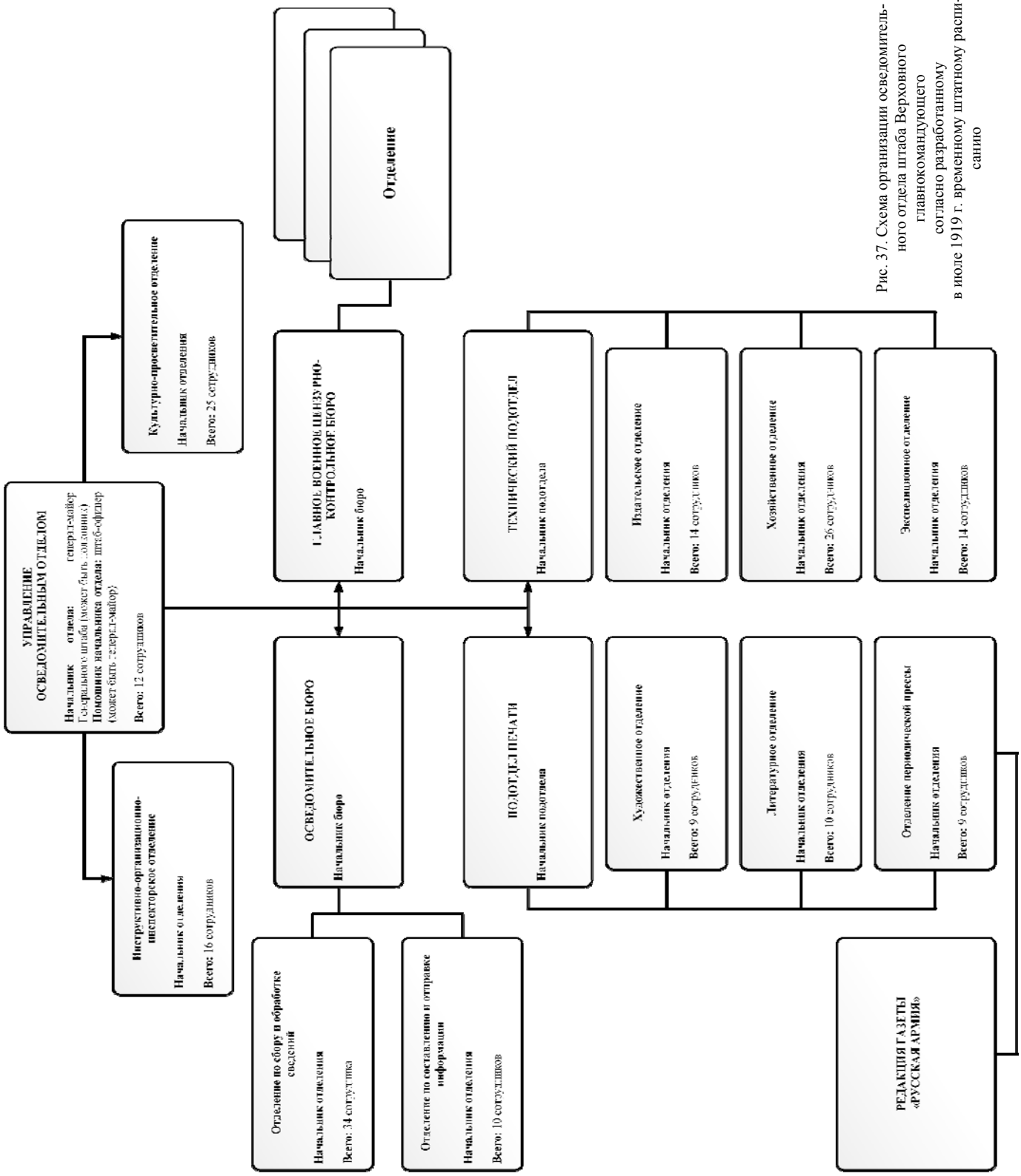


Рис. 37. Схема организации осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего согласно разработанному в июле 1919 г. временному штатному расписанию

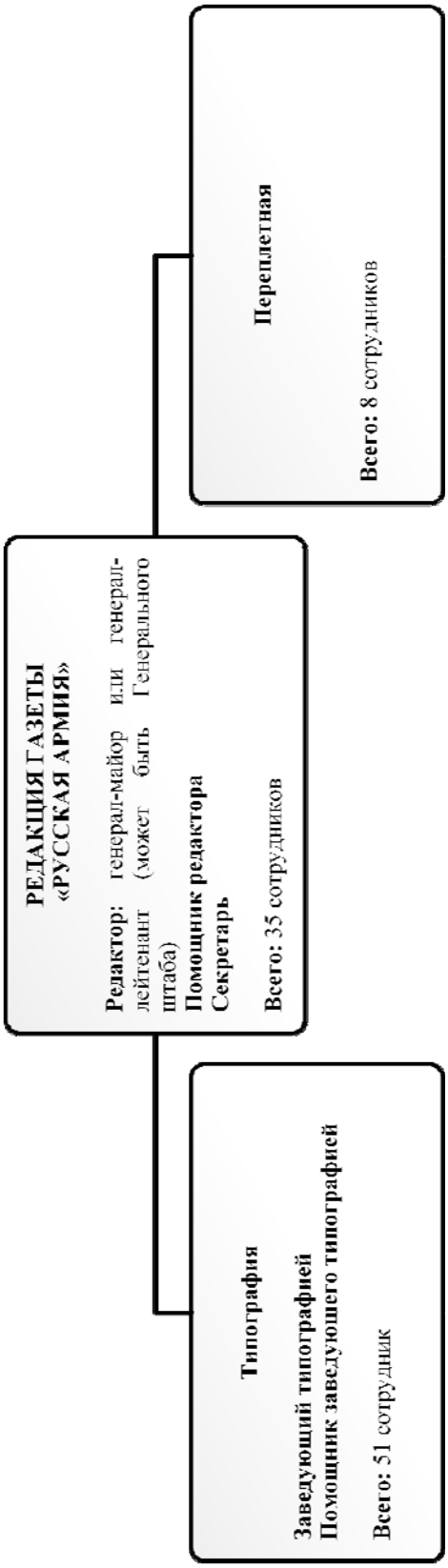


Рис. 38. Схема организации редакции газеты «Русская армия» согласно утвержденному 9 июня 1919 г. временному штату

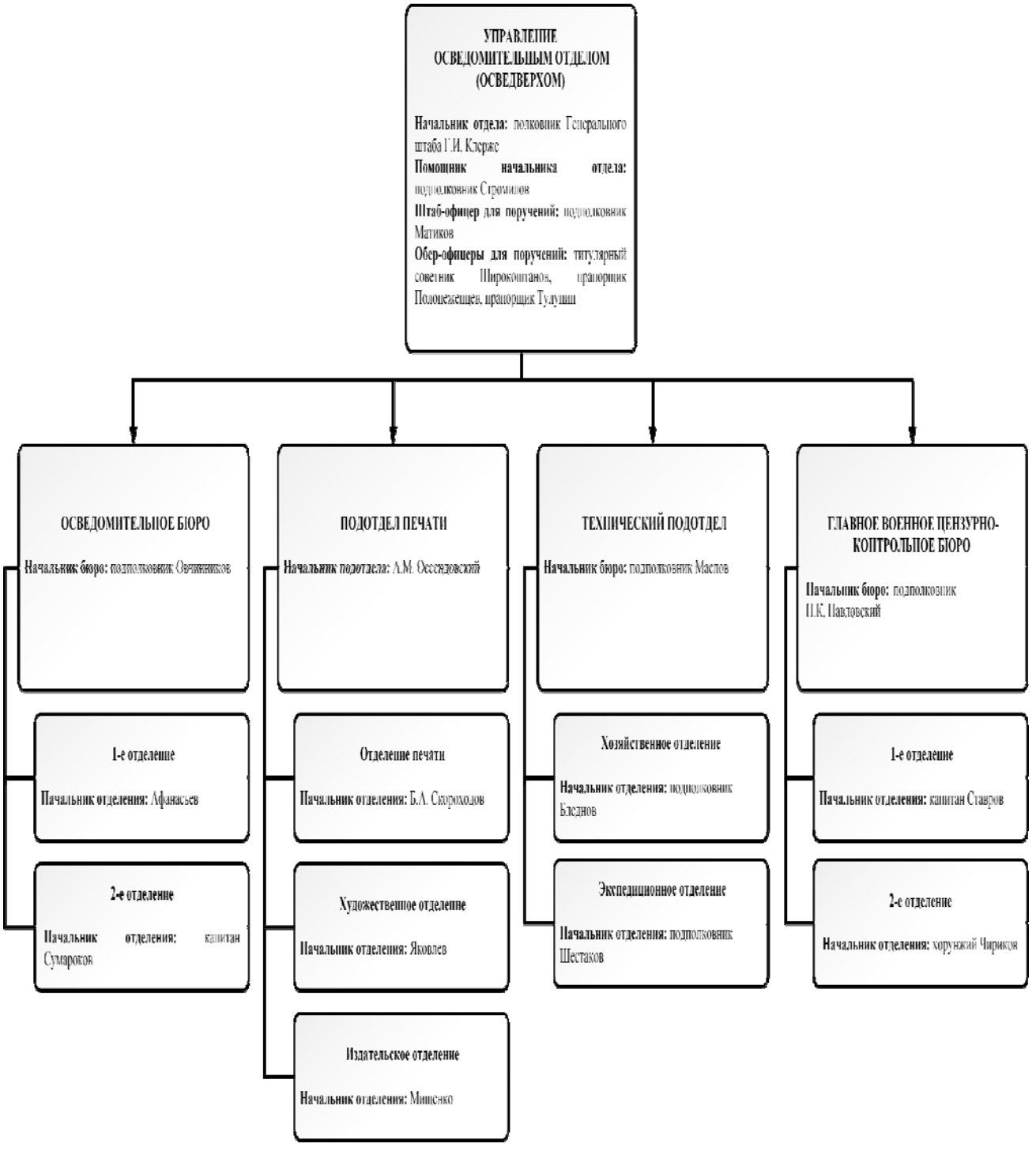


Рис. 39. Схема организации осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего (июль 1919 г.)

29 июля 1919 года был учрежден осведомительный отдел при войсковом атамане Сибирского казачьего войска (Осведказак). Перед ним были поставлены следующие задачи: «1) Установление постоянной, живой связи между войсковым правительством и населением; 2) широкое осведомление населения обо всей военной и политико-экономической жизни государства, всех задачах и мероприятиях правительства, и укрепление государственных и противобольшевистских идей»[1].

Войсковой Осведомительный отдел (Осведказак) создавался по территориальному принципу. Он состоял из трех подотделов: Омского, Кокчетавского и Семипалатинского. Территория Кокчетавского подотдела включала весь 1-й военный отряд Сибирского казачьего войска, Омского − 2-й военный отдел и часть 3-го отдела до станции Чернорецкой, Семипалатинского – всю оставшуюся часть 3-го военного отдела. Управления подотделов находились соответственно в Омске, Кокчетаве и Семипалатинске. Подотделы, в свою очередь, подразделялись на районы, которые в целом и соответствовали районам, находящимся в управлении заведующих станциями[2].

В состав Омского подотдела входило 8 районов, Кокчетавского – 7, Семипалатинского – 11. Предполагалось, что районные отделения возглавят, где это возможно, заведующие станциями. Всей деятельностью периферийных структур руководил центральный отдел, состоявший из начальника войскового осведотдела, двух его помощников, трех инструкторов, двух корреспондентов, делопроизводителя (казначея) и машинистки. Проводниками «общей программы» Осведказака на местах являлись инструкторы, а их помощниками – корреспонденты. «Непосредственными агентами в деле осведомления, пропаганды и распределения среди населения печатных материалов» выступали информаторы. Их количество для Омского подотдела было установлено в 21, Кокчетавского – 16 и Семипалатинского – 28 человек[3].

Осведомительные органы довольно щедро финансировались. «На отсутствие необходимых для сего кредитов, – отмечалось в интервью полковника Клерже газете “Русская армия”, – военное ведомство, слава богу, пожаловаться не может»[4].

Линия правительства на усиление финансирования антибольшевистской пропаганды подтвердилась в ходе совещания представителей осведомительных и культурно-просветительных учреждений в середине июля 1919 г. «В денежном отношении осведомительные органы не будут стеснены», – указывалось в докладе подпоручика Чулкова о результатах совещания представителей военно-пропагандистских органов. Штабы армий получили субсидии в размере 7–8 млн, округам, где работа была «в зачаточном состоянии», предполагалось выделить по 3–4 млн рублей[5].

В конце августа осведомительные отделы штаба главнокомандующего Восточного фронта и штаба Верховного главнокомандующего были слиты и преобразованы в Осведомительное управление штаба Главковерха. В августе – сентябре начал свою работу осведомительный отдел военно-административного управления Степной группы войск (Осведстепь).

Таким образом, к началу осени 1919 г. в штабах фронта всех армий, военных округов и войсковых групп функционировали органы военной пропаганды, практически в каждом сибирском городе были организованы осведомительные отделения и пункты. Их деятельность руководилась, направлялась и координировалась Осведомительным управлением штаба Верховного Главнокомандующего (Осведверхом). В начале октября, по свидетельству Будберга, для него были «проведены новые огромные штаты с очень повышенными сравнительно со всеми остальными окладами военнослужащих»[6]. В состав Осведверха входили отдел печати, культурно-просве-тительный отдел, экспедиция и ряд других структурных подразделений. Одновременно с преобразованием центрального аппарата военной пропаганды был восстановлен, теперь уже на правах управления, Осведфронт.

---

[1] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 733 от 29 июля 1919 г. (НБ ТГУ).
[2] Там же.
[3] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 733 от 29 июля 1919 г. (НБ ТГУ).
[4] *Русская* армия. 1919. 9 июля.
[5] *Из истории* колчаковщины // Красный архив. 1928. №3 (28). С. 228.
[6] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XV. С. 342.

3.3. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов по объединению и координации антибольшевистской пропаганды

Летом 1919 г. в связи с перестройкой и существенным расширением осведомительной работы остро встал вопрос о подготовке специалистов в сфере политической пропаганды. При этом первыми к подготовке пропагандистов приступили военные.

15 июня 1919 г. временно исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор П.Г. Бурлин подписал приказ № 646 об открытии 3-недельных культурно-просветительных курсов, а также утвердил временный штат и положение[1].

Структура курсов была двухуровневая: высшие (старшие) и низшие (младшие), каждые в составе около 50 слушателей. На высшие курсы из действующей армии и внутренних округов командировались офицеры и солдаты с высшим образованием, «преимущественно из педагогов». Предполагалось, что слушатели, успешно завершившие обучение, в свою очередь, выступят в роли организаторов аналогичных курсов «противобольшевистской пропаганды» на местах – при штабах корпусов, дивизий, военных округов и гарнизонов.

Низшие курсы формировались из представителей «солдатской массы». Причем особо оговаривалось, чтобы отобранные солдаты были «непременно желающие, надежные, грамотные, смышленые, находчивые, стойко убежденные противники большевизма, по возможности, оказывающие влияние на окружающих, дисциплинированные».

Согласно «Временному положению», во главе курсов на правах командира полка находился заведующий, у которого имелись два помощника – по административно-строевой и инспекторской части; оба на правах командира батальона. Особо оговаривалось, что на эти должности будут назначаться офицеры «из числа непригодных к строю». Штатное расписание включало также делопроизводителя, машинистку, писаря, посыльного и трех сторожей. На учебные пособия и канцелярские принадлежности военным ведомством было отпущено 8 тыс. руб., а также 3 тыс. руб. – «на непредвиденные расходы»[2].

Для проведения занятий планировалось пригласить преподавателей из числа профессоров, учителей, военных и общественных деятелей, «хорошо умеющих вести классную работу с простонародной аудиторией». Общее количество лекторов вре-менным штатом не устанавливалось, поскольку их предполагалось приглашать «по мере действительной надобности», оплачивая их услуги по 50 руб. за один лекционный час. «Лекторы высших курсов, – указывалось во «Временном положении», – заранее представляют заведующему курсами конспекты предстоящих своих лекций, дающие достаточный и хорошо расположенный материал, изложенный вполне ясно, просто и удобопонятно для лица со средним образованием и со средним умственным развитием; язык конспектов – простой, общедоступный, без мудреных выражений и иностранных слов»[3].

Размноженные типографским способом конспекты предполагалось раздать слушателям высших курсов, «дабы они имели возможность приготовиться по ним к наиболее продуктивному использованию лекций». Конспекты лучших лекций, переработанные слушателями высших курсов с целью придания им «доступной формы изложения слушателям низших курсов», планировалось отпечатать для распространения среди войск и населения.

Существенную помощь при организации культурно-просве-тительных курсов военным оказали сотрудники Русского бюро печати. 4 июня 1919 г. на заседании редакционного бюро АО РОПД принимается предложение штаба Верховного главнокомандующего «организовать идеологическую часть инструкторских курсов для военных»[4]. Н.В. Устрялову и Д.В. Болдыреву поручалось составить лекционный план и «войти в соглашение по поводу технической стороны со Ставкой. 11 июня редакционное бюро утвердило подготовленную Устряловым и Болдыревым программу курсов[5].

---

[1] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 646 от 15 июня 1919 г. Приложения: Временный штат культурно-просветительных курсов; Временное положение о культурно-просветительных курсах (НБ ТГУ).

[2] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 646 от 15 июня 1919 г. (НБ ТГУ)

[3] *Временное* положение о культурно-просветительных курсах (НБ ТГУ).

[4] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 об.

[5] Там же. Л. 11 об.

К середине июля 1919 г. курсы приступили к работе. «При Осведверхе в настоящее время, – отмечалось в одном из докладов, – образованы курсы – старшие – для офицеров и младшие – для солдат, будущих работников по осведомлению. Состав как одних, так и других курсов – 40–50 человек, которые вызываются из армий и внутренних округов. Педагогический персонал – профессора, учителя, гражданские и военные, и другие общественные деятели»[1].

26 октября 1919 г. в Томске были открыты курсы военных информаторов, организованные осведомительным отделом Омского военного округа. Первоначально эти курсы, инициатива создания которых исходила от группы профессоров Казанского, Пермского и Томского университетов и Томского технологического института, предполагалось учредить при Комитете помощи армии, но после переезда в сентябре в Томск штаба Омского военного округа их было решено открыть при штабе округа.

Цель создания курсов военных информаторов ясно обозначил один из их организаторов, профессор Пермского университета А.И. Сырцов: «Выявить смысл борьбы с большевиками, вдохнуть в сердца слушателей курсов идейную основу этой борьбы»[2].

«Слушателям курсов, – отметил он в своей вступительной речи на их открытии, – предполагается подробно разъяснить четыре основных положения: что такое большевизм, что такое русская государственность и национальное самосознание, что такое армия и как бороться с большевиками (техника борьбы)». Что же касается тех служебных задач, которые в будущем предстояло решать военным информаторам, то они были достаточно подробно изложены заведующим курсами, капитаном Сафоновым. «Курсисты, – указал он, – помня, что армия должна быть вне политики, обязаны будут разъяснять солдатам, что они борются не за какую-либо отдельную политическую партию, а за единую возрождающуюся Великую Россию, удерживая малосознательных солдат от увлечений пропагандой, как слева, так и справа. Вместе с тем курсисты должны будут зависящими от них мерами бороться и с нежелательными явлениями: мародерство и т. п.»[3].

С лекциями на курсах военных информаторов выступали профессора П.Г. Любомиров, А.И. Сырцов, Б.Е. Будде, Н.Н. Фиолетов, С.И. Гессен и другие. Предполагалось, что первый выпуск инструкторского отделения этих курсов произойдет в начале декабря 1919 г.

Собственную подготовку пропагандистских кадров вело и Русское бюро печати. С этой целью при агитационном отделе РБП были созданы три инструкторские школы: в Омске, Томске и Иркутске. В начале осени 1919 г. при Томской инструкторской школе были открыты агитационные курсы по «изучению большевизма и прямой борьбы с ним». Кроме того, агитационный отдел РБП организовал вечерние курсы религиозно-нравственной проповеди, продолжительностью 7 дней, занятия на которых вели бывший ректор Пермской духовной семинарии Н.И. Знамировский, профессора Д.В. Бол-дырев, Н.В. Устрялов, Н.Н. Фиолетов, священники Овчинников и Садовский.

В своих воспоминаниях Г.И. Клерже рисует чуть ли идиллию во взаимоотношениях между аппаратом военной пропаганды и Русским бюро печати. «Между Осведверхом и этим Бюро (имеется в виду РБП. – *Д.Ш.*), – писал он, − как это ни странно, существовали самые хорошие и благожелательные отношения. Помогало этому, прежде всего, полное взаимное понимание и взаимно-доброжелательные настроения. Особенно хороши были личные отношения между автором настоящих воспоминаний и главным директором Бюро печати Клафтоном... Очень живое общение с Осведверхом поддерживали тогда нынешний сменовеховец профессор Н.В. Устря-лов, М.С. Лембич и Л.В. Арнольдов»[4].

В реальности все было не так гладко. Военные, а также некоторые представители политических кругов отнеслись к созданию «общественного информационного бюро» с большой долей недоверия. 14 мая 1919 г. Н.В. Устрялов записал в своем дневнике: «Плохо и в сфере нашего предприятия. Идет травля против него и справа, и слева – из военного лагеря и от эсеров. Возможно, что дело кончится неутверждением Верховным правителем постановления Совета министров о передаче в наше ведение телеграфных агентств. Любопытно, что ген. Марковский будто бы уверен, что предприятие попало в руки... эсеровской компании, в то время как эсерствующие газеты видят в его создании попытку “кадетизации общественного мнения”... Надо “бороться”,

[1] *Из истории* колчаковщины... С. 227.
[2] *Русский* голос. 1919. 28 (15) окт.
[3] *Русский* голос. 1919. 28 (15) окт.
[4] *Клерже Г.* Гражданская война в Сибири… С. 320.

“нажимать пружины”, – все это перед лицом грозного положения на фронте. При всем желании “лихорадочно работать” подчас руки опускаются»[1].

Таким образом, в условиях быстрого расширения сети пропагандистских служб существовала насущная потребность как-то упорядочить их работу, придать им вид стройной системы. С этой целью правительственными, военными и общественными учреждениями и организациями Сибири был проведен целый ряд мероприятий по объединению и координации осведомительной, культурно-просветительной и издательской работы. Основной формой согласования антибольшевистской пропаганды на востоке России весной – осенью 1919 г. стали ведомственные и межведомственные совещания.

С середины марта 1919 г. при Главном штабе стали периодически проводится межведомственные совещания по делам печати. Вплоть до начала лета, когда отдел печати Главного штаба оказался в составе Осведверха, было проведено не менее 10 таких совещаний. При этом, как писала газета «Русская армия», каждое новое заседание привлекало «все большее количество представителей от органов информации и печати различных министерств»[2].

Так, начиная с 6-го по счету совещания (1 апреля 1919 г.), в его работу активно включились Главное управление по делам вероисповеданий и Книжная палата. В центре внимания участников совещаний находились главным образом два вопроса.

Во-первых, это «взаимное ознакомление с ходом работы». Сотрудники различных пропагандистских ведомств обменивались информацией, демонстрировали свою печатную продукцию. Например, 29 апреля представитель Географического общества И.И. Ульянов сделал сообщение о подготовленном к печати сборнике песен для войск[3].

Идея подобного сборника вызревала у колчаковских пропагандистов с конца 1918 г. На том же заседании Н.В. Устрялов ознакомил аудиторию с изданными правительственным пресс-бюро пасхальными плакатами-воззваниями, адресованными как «бойцам нашей молодой победоносной армии», так и «изнемогающему под кровавой властью большевиков, несчастному населению Советской России»[4].

С целью взаимной информации обо всей издаваемой ведомственными органами печати продукции, по инициативе начальника Отдела печати Главного штаба, были введены особые регистрационные карточки и установлен обмен ими между правительственными учреждениями.

Во-вторых, регулярно обсуждался круг вопросов, связанных с распространением агитационно-пропагандистских материалов среди войск и населения. В конце марта участники совещания сформировали комиссию для подготовки проекта организации специальных губернских и уездных комиссий, которые служили бы неким «передаточным аппаратом» для распространения печатных изданий. Планировалось также создание передвижных вагонов-библиотек. На совещании 29 апреля рассматривался вопрос о совместной организации доставки пропагандистской литературы на фронт.

С созданием осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего (Осведверха), вобравшего в себя все пропагандистские подразделения военного министерства и Ставки, сложившаяся традиция межведомственных совещаний по делам печати была продолжена. «Для сближения осведомительно-пропагандной работы военного ведомства с таковой же различных учреждений гражданского ведомства, – писал в своих мемуарах генерал П.Ф. Рябиков, – периодически организовывались совещания, в которых, кроме 2-го генерал-квартирмейстера и начальника осведомительного отдела, принимали участие начальник канцелярии Совета министров Тарас Васильевич Бутов, бывший всегда крайне энергичным и весьма полезным членом совещаний и во всем шедший навстречу делу пропаганды, Борис Андреевич Деминов, работавший, главным образом над вопросами изучения Советской России и пропаганды в ней, представители Пресс-бюро и РТА, а иногда и профессор Устрялов. Последний в те времена был горячим сторонником белого движения и обыкновенно много говорил, выдвигая различные проекты улучшения работы. В общем, на этих совещаниях вырабатывались желательные дальнейшие мероприятия по осведомлению и печати; представители гражданских уч-

[1] *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 299.
[2] *Русская* армия. 1919. 1 мая.
[3] *Русская* армия. 1919. 1 мая.
[4] Там же.

реждений на совещаниях осведомлялись о тех факторах, которые были по текущим военным моментам наиболее важны для проведения их путем печати и пропаганды среди населения»[1].

Одно из первых таких совещаний, под председательством 2-го генерал-квартирмейстера Ставки П.Ф. Рябикова, состоялось в Омске в здании Коммерческого училища, где размещался тогда Осведверх, 26 июня 1919 г. По сообщению «Русской армии», в его работе приняли участие «ряд деятелей печати и информации, представители военного ведомства и министерств»[2].

В ходе совещания представители казачества указали на «необходимость, помимо посылки на места печатной информации, командирования туда также людей, которые живым словом могли бы дополнить написанное, разъяснить непонятное, ибо на опыте оба докладчика убедились в действительности и целесообразности такого рода информации населения, зачастую неграмотного или полуграмотного». Кроме того, было высказано пожелание привлечь к агитации вернувшихся из германского плена через Советскую Россию, которые «своими глазами видели те ужасы, тот развал государства, к которому привело господство большевиков, и поэтому их правдивые рассказы особенно авторитетны для народа»[3].

В качестве средств наглядной агитации предлагалось использовать материалы об осквернении большевиками храмов и икон, так как «при рассматривании фотографических снимков, изображающих указанные кощунства, крестьяне приходят в ужас и отчаянье, нередко плачут». Для распространения среди сибирского казачества рекомендовалась брошюра с описанием «подвигов уральских казаков», поскольку «рассказы об их геройской борьбе... производят большое впечатление». В целом на совещании был сделан вывод о том, что «в последнее время как военными, так и гражданскими учреждениями осведомления и печати произведена уже значительная работа».

Установившаяся практика проведения межведомственных совещаний по делам осведомления и печати, вначале при Главном штабе, а затем – при Осведверхе, наглядно продемонстрировала необходимость, «в целях полного согласования деятельности всех центральных органов осведомления», создания постоянно действующего координационного центра. «Ибо, – как отмечала «Русская армия», – опыт показал, что совещания, собирающиеся периодически, не могут вполне заменить собой постоянную практическую работу и что для объединенного руководства делом осведомления в стране необходим специальный быстро действующий аппарат»[4]. В дальнейшем Осведверх планировал организовать специальное «Бюро междуведомственной связи». Сообщения об этом появились на страницах периодической печати, однако дальнейшего развития этот проект не имел.

9 июля 1919 г. в Екатеринбурге было проведено совместное совещание сотрудников Осведверха и «Русского общества печатного дела», посвященное «постановке информационного и просветительного дела в действующей армии». В его работе приняли участие представители периодических изданий официального направления, в том числе редакторы таких газет, как «Отечественные ведомости» (Екатеринбург) – Е.С. Синегуб и «Отечество» (Пермь) – М.М. Кузнецов. Председательствовал на совещании профессор Лондонского университета Б. Пэрс, ведущий британский специалист по истории России, в годы Первой мировой войны работавший корреспондентом «Daily Telegraph» на Восточном фронте.

«Вся наша разрозненная и ведущаяся по-разному в разных частях устная и печатная работа по распространению здоровых и национально-патриотических идей в армейской массе, – отмечалось в отчете по итогам совещания, – должна быть объединена, как в смысле практически-организационном, так – что главное – и со стороны внутреннего своего содержания. Большевистской пропаганде, демагогической и лживой, но сильной своей планомерностью, обилием и настойчивым единообразием, должна быть противопоставлена столь же планомерная и единообразная, одухотворенная общей идеей работа осведомления и убеждения»[5].

Участники совещания пришли к выводу, что с целью упорядочения пропагандистской работы в действующей армии необходимо создать «особый центральный информационный штаб», подчиненный непосредственно Верховному правителю и получающий от него руководящие указания. В своей деятельности «цен-

[1] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 16 об–17.
[2] *Русская* армия. 1919. 29 июня.
[3] Там же.
[4] *Русская* армия. 1919. 11 июля.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

тральный информационный штаб» должен был опираться на подчиненные ему «в смысле общего руководства» «армейские особые штабы» или особые канцелярии.

В качестве образца подобного учреждения приводилась особая канцелярия информационного отдела при Южной армии. «От армейских штабов или особых канцелярий, говорилось далее в отчете, – исходит им подчиненная сеть полевых особых штабов, ведущих работу непосредственно в боевых частях». Именно работа полевых штабов должна была стать «душой всего дела», поскольку в их задачу входило не только распространение материала, поступающего из центра, но и организация лекций, проведение устных бесед с солдатами, выпуск воззваний в соответствии с обстоятельствами времени и т.д. Армейское командование не должно было препятствовать работе особых штабов всех уровней, если их деятельность не противоречила директивам Верховного правителя. По мнению участников совещания, крайне необходимо, чтобы «информационно-просвети-тельная работа на фронте велась рука об руку с деятельностью государственных, общественных и союзнических организаций, рассчитанных на улучшение жизненных условий находящихся на фронте солдат (питательные пункты, чайные, бани, летучки, передвижной театр и т.п.)»[1].

13 июля 1919 г. начало свою работу совещание военно-пропагандистского аппарата с участием представителей осведомительных органов армий (осканармов), тыловых округов (осведокров) и казачьих войск. Программа совещания включала вопросы общего руководства осведомительной работой, постановки издательского дела, экспедиции и устной агитации. Его работой руководил генерал-майор П.Ф. Рябиков. «Стремление 2-го генерал-квартирмейстера во что бы то ни стало добиться улучшения дела осведомления, – писал он в своих воспоминаниях, – заставило [его] созвать в Омске съезд армейских и окружных представителей службы осведомления для разработки мероприятий, которые... это дело и практически, и реально двинули бы его вперед»[2].

Открывая первое заседание этого совещания, генерал Рябиков указал на «важность широкой постановки дела осведомления в частях войск и населения», сравнив «присутствие налаженных осведомительных аппаратов в части с присутствием тяжелой артиллерии»[3].

Для планомерной работы, направленной на «подъем духа» на территории, занятой колчаковскими войсками, и разложение фронта и тыла Советской России, особенно важным были признаны подбор кадров, мобилизация «интеллигентных работников» (профессоров, учителей, учащейся молодежи). При этом рекомендовалось «не ограничиваться, а, может быть, и избегать назначать на такую ответственную работу офицеров»[4].

Совещание признало целесообразным привлечение к изданию агитационных материалов специалистов-литераторов, «обладающих, кроме знания дела, способностью просто, ясно и живо излагать затронутые темы». Из участников совещания была организована комиссия по выработке штатов осведомительных органов армий, внутренних (как в армиях) и тыловых округов, корпусов, дивизий и полков. Разработанные комиссией штаты были одобрены генерал-майором Рябиковым, причем для штаба Омского ВО предлагалось применить штаты тыловых округов, так как на его территории располагался центральный военно-пропагандистский орган – Осведверх, и вследствие этого он находился в более выгодном положении[5].

Для координации усилий в области внешкольного образования и воспитания было намечено провести совещание по объединению культурно-просветительной работы правительственных и общественных организаций. По инициативе министров финансов, иностранных дел и народного просвещения Совет министров Омского правительства на заседании 24 июня 1919 г. принял решение созвать его 20 июля. На совещание намечалось пригласить примерно 150 участников. Продолжительность работы была определена в две недели[6].

8 июля правительство приняло новое постановление, в соответствии с которым начало совещания было перенесено на 15 августа, а количество участников увеличено до 180 в связи с предоставлением 30 мест уездным земствам. Было принято решение о том, что на совещании будут представлены все типы сибирских школ,

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
[2] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 18 об.
[3] *Из истории* колчаковщины... С. 225.
[4] Там же. С. 227.
[5] Там же.
[6] *Русская* армия. 1919. 26 июня.

включая профессиональные[1]. Кроме того, была образована подготовительная комиссия под председательством министра народного просвещения и утверждено «Положение о совещании». Целью данного съезда являлось «рассмотрение деятельности правительственных и общественных организаций в области культурно-просветительных мероприятий и создание плана этой работы на ближайшее будущее». На совещание предполагалось пригласить министров народного просвещения, земледелия, торговли и промышленности, военного, морского, иностранных дел, финансов, путей сообщения, внутренних дел, труда, главноуправляющего по делам вероисповеданий, государственного контролера или их заместителей; по одному представителю от губернских земств, казачьих войск и высших учебных заведений; 30 делегатов от уездных земств, 15 – от губерний и других крупных городов, столько же от кооперативов и губернских учительских организаций, 6 – от губернских объединенных родительских комитетов, 8 – от организаций, работающих по вопросам инородческого образования, 25 представителей ведомств.

Совещание было полномочно: «а) рассматривать план и деятельность ведомств в области культурно-просветительной работы; б) делать правительству представления о необходимых мероприятиях в этой области; в) обсуждать разработанные надлежащими ведомствами законопроекты по вопросам, касающимся культурно-просветительной деятельности общественных организаций»[2].

28 июля СДП постановило ходатайствовать о включении в состав предстоящего совещания представителя от Русского бюро печати[3]. В ходе развернувшейся подготовительной работы состоялось два заседания организационной комиссии с участием представителей министерств, земств, городов, кооперативов и учительских организаций, а также 23 заседания межведомственных комиссий, в результате которых было достигнуто соглашение относительно устройства и программы совещания[4].

В газетах даже появилось сообщение о том, что организациям-участникам уже разосланы приглашения[5]. Однако постановлением Совета министров от 25 июля начало совещания вновь переносится, на этот раз на «неопределенное время». Сделано это было, «принимая в соображение исключительную трудность в настоящее время передвижения по железной дороге и переполнение не только города Омска, но и других городов Сибири беженцами»[6]. И хотя сообщалось, что «сама мысль о созыве указанного совещания отнюдь не оставлена», больше к этому вопросу не возвращались.

Попытку выработать единую стратегию и тактику культурно-просветительной работы в войсках и среди населения предпринял Совет культурно-просветительных организаций города Омска. Инициатива исходила как со стороны совета, который на одном из заседаний постановил «вывести совет из состояния организации и направить на путь реальной работы среди народных масс»[7], так и от Акмолинской областной земской управы. В конечном счете было решено провести совещание с участием представителей омских культурно-просветительных учреждений, как входивших в совет, так и автономных осведомительных органов и земств. Целью совещания была выработка общей программы. Предполагалось также заслушать сообщения об условиях работы на местах.

Совещание состоялось в конце сентября 1919 г. Большинство докладчиков – В.Е. Парунин (председатель Акмолинской областной земской управы), С.И. Акерблом (редактор «Известий министерства земледелия»), Садвакасов (от казахской культурно-просветительной организации «Жаз-Азамат»), В.А. Словохотов (от земства), О.А. Ми-рославская (министерство народного просвещения), И.Я. Блиновский (Центросибирь) и другие – акцентировали внимание собравшихся на необходимости «объединить силы и средства всех организаций, занимающихся культурно-просветительской деятельностью, чтобы планомернее, целесообразнее и экономнее использовать их»[8].

Представитель Осведверха В.В. Рябов указал на «почти полный распад культурно-просветительных организаций вследствие мобилизации культурных организаций». Тем не менее он настаивал на консолидации «ор-

---

[1] *Русская* армия. 1919. 12 июля.
[2] *Правительственный* вестник. 1919. 2 авг.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 14. Л. 41.
[4] *Русская* армия. 1919. 12 июля.
[5] *Сибирская* речь. 1919. 11 июля (28 июня).
[6] Там же. 30 (17) июля.
[7] Там же. 16 сент.
[8] *Русская* армия. 1919. 25 сент.

ганизаций в деле просвещения и политического воспитания солдат и населения» и обещал помощь со стороны осведомительного отдела техническими средствами. Сотрудник редакции газеты «Русь» В.А. Анзимиров обратил внимание на необходимость печатного органа «объединенной общественности»[1].

Подводя итоги, председатель совещания В.Е. Парунин резюмировал: «1) Культурно-просветительная работа на местах среди населения возможна и ведется, хотя и встречает большие и весьма серьезные затруднения; 2) С целью устранения этих затруднений необходимо объединить все силы и средства культурно-просвети-тельных организаций и необходимо сосредоточить главное внимание на тех видах и формах просветительной деятельности, которые наиболее соответствуют переживаемому моменту»[2].

Но процесс объединения затянулся. Только к концу сентября 1919 г. общее собрание осведомительных и культурно-просвети-тельных организаций города Омска одобрило для внесения в Совет министров проект положения о центральном совете. «Центральный совет, – отмечалось в положении, – имеет своей целью объединение деятельности учреждений и организаций правительственных, общественных, кооперативных и иных ведущих осведомительную и культурно-просветительную работу и ставит своими задачами способствовать направлению и согласованию деятельности объединившихся учреждений и организаций в целях распространения и углубления среди населения идеи демократической государственности, принятию правосознания и развитию чувства гражданственности»[3].

Создаваемый совет должен был содействовать развитию деятельности учреждений и организаций, «ведущих осведомительную и культурно-просветительную работу и способствовать наиболее экономичному и продуктивному использованию культурных сил и технических средств объединившихся учреждений и организаций. Входящие в совет учреждения и организации остаются автономными в определении задач, средств и форм своей специальной деятельности»[4].

В состав совета предполагалось включить представителей «правительственных центральных учреждений и организаций, военных центральных, армейских, корпусных и войсковых казачьих учреждений, общественных учреждений и организаций, кооперативных и профессиональных объединений и ученых учреждений государственного значения», ведущих осведомительную или культурно-просветительную работу. Совет должен был разрабатывать общий план деятельности этих учреждений и организаций, вопросы, связанные с осведомительной и культурно-просветительной работой, распределять между ними технические средства. Помимо этого, он должен был взять на себя посредничество между учреждениями и организациями, как объединившимися в совет, так и не вошедшими в него, заниматься издательской деятельностью (книги, брошюры, периодические издания), а также распространять эту печатную продукцию[5]. Однако и этот проект не был реализован.

Еще сложнее обстояло дело с выработкой единой политической программы и идеологической линии. «Министры всегда жаловались, – писал впоследствии И.И. Сукин, – что они слишком много занимаются законодательством и мало вопросами общей политики. Но подойти к последним было трудно, так как ни у кого, в сущности, не было ясных и точных мыслей и готовых предложений. Все попытки обсуждения общей политики принимали обычно форму отдельных замечаний, лишенных единства системы и внутренней логики»[6]. Отсутствие ясной и определенной политической программы затрудняло формирование четких идеологических установок.

Относительно выработки новой идеологии и соответствующих ей направлений политики, по оценке самого Русского бюро печати, его «деятельность была равна нулю»[7]. Определенную роль в этом плане пытались играть газеты «Русское дело» и отчасти «Сибирская речь»[8]. Однако они вынуждены были из-за недостатка бумаги выходить в сокращенном формате. Публикуемые в них статьи носили конспективный характер. Следовательно, их авторы не могли детально развивать свои идеи.

---

[1] Русская армия. 1919. 25 сент.
[2] Там же. 28 окт.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Русская* армия. 1919. 28 окт.
[6] *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака… С. 452–453.
[7] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.
[8] Там же. Д. 507. Л. 4 об.

Кроме того, сам характер газет, вынужденных приспосабливаться к сложностям внутренней и международной политической жизни и увеличивать, главным образом, информационные разделы, не позволял ежедневным периодическим изданиям с должной полнотой освещать вопросы общей идеологии.

«Между тем в настоящее время, когда на очередь поставлен коренной пересмотр именно общих вопросов и руководящих идей русской культуры, политики и общественности, – полагало Пресс-бюро РБП, – для разработки и уяснения основных начал идеологии Новой России нужна особенно углубленная и вдумчивая работа»[1]. С этой целью Редакционное бюро РБП поддержало инициативу профессоров Пермского университета и местных журналистов об издании в Перми специального двухнедельного журнала. 4 июня 1919 г. было принято постановление принять издание такого журнала на счет Русского бюро печати. Однако осуществить задуманное не удалось из-за эвакуации Перми в конце июня.

Вскоре вопрос об издании политического журнала или периодического сборника статей по вопросам общей идеологии, политики и общественности был поднят группой находящихся в Томске профессоров Пермского и Казанского университетов. Пресс-бюро выразило принципиальное согласие на организацию солидного политического еженедельника типа «Полярной звезды» или «Русской свободы» (издававшейся в 1917−1918 гг. при «Русской мысли»). К этому делу предполагалось привлечь профессоров Пермского, Казанского, Томского и Иркутского университетов. Однако само издание должно было осуществляться в Омске.

Приехавшему в Томск для организации «Нашей газеты» в середине октября 1919 г. В.Н. Иванову группа профессоров во главе с М.М. Хвостовым предложила открыть двухмесячные курсы общественных деятелей и организовать новое периодическое издание идеологического характера. В связи с этим Иванов запросил у Клафтона разрешения начать переговоры о создании журнала с рабочим названием «Новые вехи», чтоб сделать Томск «центром идеологического похода»[2].

В ответной телеграмме Клафтон приветствовал создание курсов при «условии широкой доступности и предельной краткосрочности». Он одобрил и идею нового журнала, выходящего время от времени отдельными сборниками, при условии его окончательной редакции в Омске[3]. Однако это начинание в связи с отступлением колчаковских армий так и не было реализовано.

Таким образом, к началу осени 1919 г. окончательно сформировался центральный аппарат политической пропаганды и осведомления. Существенно была расширена работа на местах: в штабах всех армий, военных округов и войсковых групп функционировали информационно-пропагандистские и культурно-просветительные подразделения, в большинстве городов были организованы осведомительные отделения и пункты.

По свидетельству Г.К. Гинса, в октябре 1919 г. резкий и порывистый адмирал А.В. Колчак, узнав о том, как обстоит «организационная сторона осведомительного дела», принял решение «закрыть все многочисленные осведы, объединив их в одну организацию, чтобы сэкономить средства, сократить служащих и устранить постоянное повторение одних и тех же сюжетов»[4]. Время, однако, было упущено. 14 ноября пал Омск, правительство спешно эвакуировалось в Иркутск. В таких условиях военно-политическому руководству Белой Сибири было уже не до информации и пропаганды. По пути отступления колчаковских войск было брошено большое количество печатной техники, бумаги. В Омске, например, красноармейцы обнаружили 20 вагонов типографского оборудования, еще 26 – в Новониколаевске[5].

В Восточную Сибирь успела эвакуироваться только часть осведомительных органов. В Иркутске, куда был переведен ряд подразделений РБП (Пресс-бюро, РТА, бюро иностранной информации), под руководством Н.В. Устрялова некоторое время продолжала выходить «Наша газета», печатались «Бюллетени “Русского дела”»[6]. В Забайкалье продолжала издаваться «Русская армия», ставшая к тому времени официальным органом штаба каппелевских войск. Однако их пропагандистское значение фактически сводилась к нулю. 2 января 1920 г. правление акционерного общества «Русское общество печатного дела» приняло решение о самоликвидации.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.

[2] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 37. Л. 31.

[3] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.

[4] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 366–367.

[5] *Посадсков А.Л., Гильди Л.А.* Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Новосибирск, 1987. С. 30.

[6] Подробнее об эвакуации РБП и его деятельности в Иркутске см.: *Посадсков А.Л.* К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири : тезисы третьей научной конференции. Кемерово, 1999. С. 135–139.

Таким образом, в течение лета 1918 – осени 1919 г. в рамках политической системы Белой Сибири в качестве ее особой подсистемы сформировался аппарат политической пропаганды и осведомления, представлявший собой совокупность правительственных информационно-пропагандистских и культурно-просветительных учреждений и ведомств. Его деятельность должна была мобилизовать население региона на борьбу с большевиками, укрепить моральный дух своих войск.

Корпус сотрудников осведомительного аппарата Белого Востока в первую очередь составляли чиновники правительственных информационных и пропагандистских учреждений, как гражданских, так и военных. Видное место среди них занимали руководители правительственной информационной службы А.И. Манкевич, Г.А. Вяткин, В.П. Орлов, начальник Осведверха Г.И. Клерже, директор-распоря-дитель АО «Русское общество печатного дела» А.К. Клафтон, его заместители Н.В. Устрялов и Д.В. Болдырев и другие.

Существенный вклад в идейную мобилизацию общества вносили редакторы и журналисты тех периодических изданий, которые работали на создание положительного образа Омского правительства и его вооруженных сил. Это П.Ф. Пономарев, Л.С. Ушаков («Сибирский вестник»), А.Л. Фовицкий («Вестник Временного Всероссийского правительства»), В.А. Кудрявцев («Правительственный вестник»), ротмистр С.А. Скрябин, подполковник Ю.С. Геркен («Русская армия»), Д. Болдырев («Русское дело»), Н.В. Устрялов, В.Н. Иванов («Наша газета»), А.С. Белевский-Белоруссов («Отечественные ведомости»), В.А. Жардецкий, Е.И. Татарова («Сибирская речь»), Г.Я. Жук («Русская речь», «Надежда России») и ряд других. Белый Восток располагал своими литераторами и публицистами. Некоторые из тех, кто приехал на восток страны из Москвы, Петрограда и других городов европейской части России, обладали опытом работы в центральных изданиях. Так, редактор-издатель «Отечественных ведомостей» А.С. Белевский-Белоруссов до революции был ведущим сотрудником «Русских ведомостей».

В пропагандистской деятельности активное участие принимали представители либеральной профессуры, как сибирской, так и приезжей (главным образом из Казанского и Пермского университетов). Многие из них регулярно публиковались на страницах периодических изданий, формируя общественное мнение в антибольшевистском духе, а также выступали с лекциями и докладами на различных мероприятиях, организованных в пропагандистских целях. Профессора и преподаватели университетов входили в редакционные советы периодических изданий, активно популяризировавших правительственный курс: И.И. Аносов, П.А. Прокошев, И.Я. Галахов – газеты «Надежда России»; И.И. Аносов, Б.Л. Богаевский, Б.Е. Будде, Л.А. Булаховский, Ю.Н. Верховский, Б.Н. Колюбакин, А.Н. Круглевский, П.Г. Любомиров, П.А. Микулин, В.В. Сапожников, М.М. Хвостов – «Русского голоса». Некоторые из них принимали непосредственное участие в работе пропагандистских учреждений. Так, профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский сотрудничал в Осведказаке, профессор-философ из Перми А.И. Сырцов возглавлял курсы военных информаторов при штабе Омского военного округа, а Д.В. Болдырев и Н.В. Устрялов являлись руководителями Русского бюро печати.

Именно на уровне осведомительного аппарата происходило преобразование общих политических идей, рационально обоснованных идеологических установок и абстрактных схем в систему мифологизированных наглядно-образных представлений, доступных пониманию рядового обывателя. При этом периодическая печать являлась одновременно и важнейшей частью «идеологического аппарата», воспроизводящей существующие властные отношения и социальные нормы, и техническим каналом трансляции пропагандистских сообщений.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЙ И ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (ИЮНЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1920 г.)

4.1. Информационное обеспечение деятельности государственной власти на востоке России в период Гражданской войны

В государственном управлении информация всегда играла огромное, а иногда и определяющее значение. При определении стратегии развития, выборе приоритетных направлений, принятии тех или иных решений политическому руководству важно иметь ясное представление о состоянии управляемого объекта. Необходимо учитывать возможные последствия: предполагаемые результаты, реакцию и настроение общества, возможные действия политических противников и союзников. Кроме того, любая политическая сила, заинтересованная в усилении своего влияния в обществе, стремится в той или иной степени контролировать информационный поток, циркулирующие в социуме идеи. В таких условиях новостная информация становится существенным ресурсом власти, а управление новостями, формирование новостной повестки дня – важным инструментом влияния на общество.

Организуя правительственную службу информации, политическое руководство Белой Сибири, как уже указывалось ранее, рассматривало ее как «своего рода резонатор, равно на все радиусы передающий вести сверху вниз и обратно». Распространение необходимой государственной власти информации осуществлялось по следующей схеме: «1) от центра к периферии – посредством правительственного телеграфного агентства и 2) от периферии к центру, к правительству, – путем предоставления министрам обзоров всей повременной прессы как выразительницы общественного мнения». Такая модель практически без существенных изменений сохранялась вплоть до падения колчаковского режима.

Основными структурными элементами этой схемы являлись правительственное информационное бюро, телеграфное агентство, бюро обзоров печати, бюро иностранной информации и цензурные учреждения.

Во время Гражданской войны на территории Белого Востока информационное обеспечение деятельности государственной власти включало несколько направлений:

– предоставление информации о ситуации в стране и за рубежом, настроениях населения правительству и центральным ведомствам;

– регулирование новостной повестки дня;

– снабжение информацией о положении дел в России правительств, политических и общественных кругов ведущих зарубежных стран;

– информирование «общественности» и населения внутри страны о текущих событиях и деятельности правительства;

– пресечение распространения нежелательной для правительства информации.

Государственное *информационное бюро* (вначале как самостоятельное учреждение, а затем в составе правительственного отдела печати) собирало и обрабатывало информацию о повседневной работе правительства и отдельных ведомств, выделяя «наиболее важные, представляющие общественный интерес, моменты этой работы»[1]. После «надлежащей обработки» полученные материалы передавались в редакцию правительственной газеты и телеграфному агентству.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 3.

Таким образом, «сущность информационных заданий», по признанию заведующего информацией правительственного отдела печати А.Н. Потоскуева, сводилась к «обыкновенному газетному репортажу»[1]. Сообразно этому была построена работа информационного бюро. Его сотрудники ежедневно обходили порученные им министерства и ведомства, собирали от должностных лиц необходимые справки. Нередко сами ведомства, заинтересованные в опубликовании какого-либо материала, присылали его в бюро. Кроме того, по специальному заданию управляющего отделом печати или по собственной инициативе сотрудники информационного бюро брали интервью у членов правительства или представителей иностранных миссий.

В «репортажном обслуживании» информационного бюро находились центральные правительственные учреждения, ряд политических партий и объединений (кадеты, Всероссийский национальный союз, Омский блок политических и общественных организаций), некоторые общественные организации (земства, городское самоуправление Омска, управление Сибирского казачьего войска, Совет съездов торговли и промышленности, кооперация, военно-промышленный комитет). Из центральных ведомств бюро обслуживало Совет министров, Управление делами Верховного правителя и Совета министров, министерства внутренних и иностранных дел, народного просвещения, путей сообщения, торговли и промышленности, продовольствия и снабжения, труда, финансов, земледелия, ведомства государственного контроля и исповеданий, Высшее церковное управление[2].

Вся работа распределялась между заведующим, который одновременно был редактором, и четырьмя сотрудниками-информато-рами. Однако в связи с мобилизацией в армию штат сотрудников сократился. Из-за этого информационному бюро пришлось в основном использовать материал, присылаемый самими ведомствами. Также использовались сведения, предоставляемые бывшими сотрудниками отдела печати, «добросовестность которых не внушала опасений» заведующему бюро.

Но даже и такое количество информации не всегда было востребованным. «Правительственный вестник», для которого практически весь материал и предназначался, по техническим причинам вынужден был выходить в размере двух полос. При этом ежедневно одна полоса, а иногда и более, отдавались под публикацию правительственных постановлений и распоряжений. Значительную часть оставшегося места занимали официальные телеграммы, и только в последнюю очередь печатались «статьи осведомительного характера, информация и объявления».

«В силу этого, – писал в своем докладе управляющему отделом печати А.Н. Потоскуев, – даже срочный материал важного политического значения “маринуется” иногда по неделям и за утратой интереса выбрасывается в корзину»[3]. Такое отношение к сведениям, иногда добываемым с большим трудом, негативным образом сказывалось на деле. Задания сотрудникам сокращались до минимума, падал интерес к работе, портились отношения с ведомствами, которые для обнародования необходимой им информации прибегали к посредничеству частных газет.

Потоскуев предлагал по-другому организовать работу своего подразделения, повысив тем самым его эффективность. «Правительство затрачивает громадные средства, – писал он, – на сохранение официальной прессы, долженствующей обслуживать осведомление населения о распоряжениях местной власти. При каждом областном или губернском (а иногда и уездном) комиссариате имеется свой орган печати с довольно обширной “неофициальной частью”. Последняя, за недостатком более ценного материала, зачастую заполняется малоценными литературными произведениями, и отдел печати мог бы, через свой осведомительный аппарат, давать циркулярную информацию в местные органы печати и тем самым до известной степени парализовать злостную по характеру и вредную по последствиям работу по информированию населения со стороны враждебных правительству кругов»[4].

В свою очередь, отдел печати «при некотором инструктировании местных осведомительных органов» мог бы получать от них информацию, «имеющую местный общественный, а отчасти и государственный интерес». Такая оригинальная по своему характеру и представлявшая не меньшую ценность, чем материалы Бюро обзоров печати, информация могла бы в виде сводок или обзоров сообщаться правительству. «Кроме обслуживания правительственных органов, – писал руководитель информационного бюро, – добытые и об-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 3.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 4.
[3] Там же. Л. 5.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 5 об.

работанные соответственным образом материалы инфбюро могло бы пересылать на места частным органам прессы, и, таким образом, осведомление населения – одна из существеннейших задач отдела печати – выполнялась бы с большой полнотой, чем это делается теперь»[1].

Телеграфное агентство, выступавшее под различными наименованиями (Сибирское, Всероссийское, Российское, Русское), являлось рабочим инструментом правительственного Информационного бюро (отдела печати), а затем «общественного» Русского бюро печати. Собирая и передавая информацию, представлявшую государственный и общественный интерес, именно оно определяло, какие материалы станут новостями, а какие нет.

В подготовленном в начале июня 1918 г. «Проекте организации информационного отдела и бюро печати» государственное телеграфное агентство, наряду с правительственной газетой, рассматривалось как единый информационный механизм центральной власти, «так как официальное агентство есть само по себе те же “Известия”, только сокращенные в официальной части, пополненные интересующими широкую публику сведениями и приспособленными к передаче по телеграфу»[2].

«Создание телеграфного агентства, – отмечалось далее в проекте, – гарантирует верность, соответствие взглядам правительства, однородность и наиболее широкое распространение известий через частную независимую печать, которая имеет тираж во много раз превышающий тираж правительственных изданий и которая в настоящее [время] принуждена довольствоваться, правда, сенсационными, но большей частью не соответствующими действительности известиями»[3].

Таким образом, планировалось сосредоточить в руках государственного телеграфного агентства передачу всей официальной информации, обеспечить передаваемым сведениям «правильное» изложение и толкование, а также широкое распространение через периодическую печать. Кроме того, предполагалось, что «все известия телеграфного агентства сортируются на две части – подлежащие оглашению и не подлежащие». Концентрация «для наиболее удобного пользования» в рамках одного учреждения неразрешенных к публикации материалов означала, что телеграфное агентство будет также обслуживать и центральный аппарат правительства, те заинтересованные ведомства, которым «это будет разрешено»[4].

24 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства, наряду с «Временными правилами об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров», было утверждено и «Положение о Сибирском телеграфном агентстве». В задачу СТА входило распространение в Сибири и за границей «политических, финансовых, экономических, торговых и других, имеющих общественный интерес, текущих сведений»[5].

«Для приема подписки и бюллетеней агентства в пределах Сибири, России и Маньчжурии, а равно и для ближайших сношений с абонентами, – отмечалось в “Положении о Сибирском телеграфном агентстве“, – открываются отделения агентства или назначаются агенты». Со временем сеть корреспондентов СТА охватила города: Уфу (корреспонденты – Сосонкин, Цветков, Энгенфельд), Ирбит (Атмакин), Екатеринбург (Яринский), Челябинск (Соколов), Тюмень (Смагин), Новониколаевск (Пославский, Савченко), Красноярск (Тарасов), Иркутск (Житенев, Иванов), Читу (Васильевский), Хабаровск (Перлин)[6], а также Оренбург, Уральск, Миасс, Барнаул, Бийск, Томск, Якутск, Харбин, Благовещенск и Владивосток.

Серьезные надежды возлагались на Владивостокское отделение СТА. «Особенное внимание, – говорилось в опубликованном в «Правительственном вестнике» отчете о деятельности Информационного бюро, – было обращено на Владивосток, это единственное пока окно в Европу и Америку, где наш официальный голос должен звучать наиболее сильно и выразительно»[7].

То, какая роль отводилась руководством правительственного информационного бюро отделению во Владивостоке, отчетливо видно из секретного доклада, подготовленного его сотрудниками. «Задачи Владивостокского отделения Инфбюро, – говорилось в докладе, – достаточно хорошо определяются уже местом нахождения этого Бюро на рубеже России, в самом интернациональном городе, который только можно себе

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 6.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Временное* Сибирское правительство… С. 188.
[6] ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
[7] *Правительственный* вестник. 1918. 25 дек.

представить, переполненном газетчиками всех стран и рангов. Владивосток стоит спиной к России и лицом к Америке – Японии – в точно таком же положении должно быть и Бюро. Информация России о загранице составляет, собственно, сравнительно второстепенный отдел деятельности Бюро. Главнейшая его задача – информация заграницы, умело составленная и проводимая в заграничную прессу и в общественное мнение всяческими путями»[1].

Предполагалось, что для успешного выполнения поставленной перед ним задачи Владивостокское отделение СТА должно было наладить тесное сотрудничество с возможно большим количеством иностранных периодических изданий, «охотно печатающих преподносимые им известия». «Накачивание заграничных дружественных и даже враждебных газет тенденциозным материалом, – отмечалось далее в докладе, – имеет свою особую цель. Теперь, конечно, нельзя уже говорить о возможности при помощи печати “заключить мир через головы империалистических правительств”, но известная обработка общественного мнения и даже некоторая фальсификация его дает известный голос в дипломатической игре»[2].

Авторы доклада указывали и на возможные способы достижения поставленной цели. Во-первых, это «содержание своих газет за границей». Такой метод воздействия на общественное мнение зарубежных стран широко использовался царской Россией. Однако, по мнению составителей доклада, у этого пути были и свои недостатки: «колоссальный скандал с провалом болгарских изданий позволяет думать, что этот способ вообще слишком громоздок, опасен в смысле разоблачений, не говоря уже о том, что дорог». Второй способ был условно обозначен как «американский». «Во многих местностях, – отмечалось в этом документе, – открываются официозные “Бюро печати” (АБП). Эти Бюро совершенно бесплатно посылают свои бюллетени, известия, почтотелеграммы и т.п. материалы в возможно большее количество газет, журналов, общественным и политическим деятелям и даже кооперативам и торговым организациям. Дальневосточные газеты почти целиком печатают весь предлагаемый им АБП материал. Этот же метод применяло, между прочим, и “Инфбюро министерства иностранных дел” при Владивостокском кабинете. Что же касается иностранных газет, то крупнейшие из них, т.е. наиболее важные для нас, осторожно относятся к преподнесенному им материалу, но охотно пользуются им, если он состоит из вырезок из русских газет. Это обстоятельство диктует необходимость содержать несколько русских газет желательного направления. Так и поступало “инфбюро министерства иностранных дел”»[3].

Наиболее удачным признавался третий способ, заключавшийся в «так называемом “приручении” иностранных журналистов, которыми кишит в настоящее время Владивосток и которые объединены в довольно дружную корпорацию». «Есть много методов этого приручения, но можно с уверенностью сказать, – отмечалось в докладе, – что главнейшим двигателем здесь являются деньги. Самым удобным способом внедрения необходимых сведений в заграничную печать является заручение содействием таких лиц, как например официального корреспондента «Рейтер» или Треста лорда Нортклифа. Информация, преподносимая иностранной печати таким путем, является тем удобной, что она является с точки зрения информационной печати безусловно достоверной». Помимо необходимости иметь в своем распоряжении несколько «достаточно дружеских» газет, в докладе указывалось на желательность установления подобных отношений и с иностранными телеграфными агентствами. «Не всегда бывает удобно передавать все при посредстве официального телеагентства, гораздо удобнее пользоваться независимым частным агентством – любое частное агентство пойдет нам навстречу, если при нашей помощи оно получит хотя бы льготный тариф». Таким образом, «первой и главнейшей задачей Владивостокского отделения Инфбюро есть информация заграничной печати». «Сравнительно второстепенной задачей является корреспондирование в «СТА» и ведение альбомов вырезок Дальневосточной и заграничной печати»[4].

Сибирское телеграфное агентство готовило и рассылало циркулярные телеграммы, а также издавало бюллетени. Последние подразделялись на три разряда: бюллетени первого разряда включали в себя всю сумму сведений агентства, второго – главнейшие известия, третьего – только военную и официальную информацию. Бюллетени и циркулярные телеграммы направлялись членам правительства, консулам стран Антанты, обла-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
[3] Там же. Л. 1 об.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об.

стным и губернским комиссарам, а также в редакции всех газет и ряду частных подписчиков. До 1 декабря 1918 г. СТА выпустило 460 телеграфных бюллетеней[1].

Организуя свою деятельность, Сибирское телеграфное агентство столкнулось с рядом трудностей. Газеты нередко публиковали материалы собственных корреспондентов, которые содержали недостоверную, тенденциозную или преждевременную информацию. Рядом могли размещаться сведения, полученные от СТА, но без ссылки на источник, беспорядочно чередуясь с информацией, диаметрально противоположной по содержанию. Кроме того, периодические издания и другие информационные агентства приписывали СТА данные, которые им не передавались. В этой связи интересна ситуация с генералом Д.Л Хорватом. Телеграфное агентство при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания (ТАУЧ) сообщило о назначении генерала Хорвата на ответственный пост, между тем как в реальности этого назначения не было. Не было, соответственно, и официальной информации от СТА. Пресса же пошла еще дальше, и, например, «Иркутское дело» сообщило о назначении Хорвата председателем Совета министров Временного Сибирского правительства. Эта новость вызвала оживленное обсуждение в местной прессе и породила множество слухов.

В связи с этим Сибирское телеграфное агентство направило на места телеграмму, в которой указало, что «в сложных условиях текущей действительности правильная информация, чуждая излишней спешки и погони за сенсацией, чрезвычайно важна. Наоборот, каждое непроверенное, а тем более имеющее характер остроты и сенсации сведение, опубликованное в том или ином органе печати, косвенно содействует общей государственной запутанности и осложняет без того тяжелую политическую обстановку»[2]. По мнению СТА, публикация в прессе непроверенных фактов вводила общественное мнение в заблуждение, создавала в умах читателей путаницу, подрывала престиж периодических изданий и информационных служб, «мешала общему государственному делу».

Информационное бюро и Сибирское телеграфное агентство обращались к своим корреспондентам с просьбой больше считаться с официальной информацией, передаваемой СТА, «не допускать помещения важных, но не проверенных сведений, тем более в вопросах острого характера, без проверки их у нас, и не перемешивать наши сообщения с известиями, исходящими из других источников». Таким образом, информационные службы Временного Сибирского правительства, исходя из собственного понимания государственного и общественного блага, стремились закрепить за собой монополию на передачу новостей, имеющих официальный характер. Так, комментируя историю с «назначением» Хорвата, Инфбюро недвусмысленно указывало: «О генерале Хорвате правильные сведения может сообщить лишь СТА как передаточный аппарат сибирского правительства – и если СТА ничего пока о Хорвате не дало, это объясняется тем, что определенных и точных данных еще не было»[3].

Однако вскоре проявилась другая крайность – в СТА стало поступать мало новостной информации от местных корреспондентов. 3 октября 1918 г. Сибирское телеграфное агентство направило на места циркулярную телеграмму. «В последнее время, – говорилось в ней, – замечается малое поступление сведений от корреспондентов, даже из мест с богатой общественно-политической жизнью. Получаемые же сведения часто касаются весьма незначительных фактов и происшествий и не могут быть использованы агентством в силу их малоценности или чисто местного интереса». В этой связи СТА просило увеличить объем посылаемой информации. Однако при этом обращалось внимание на то, что каждая телеграмма, посылаемая агентству, помимо достоверности и своевременности сообщения, должна расцениваться с точки зрения широкого общественного интереса. Кроме того, следовало сообщать в Омск и о таких событиях местной жизни, о которых «власть, не будучи информированной со стороны своих официальных агентов, должна быть, тем не менее, вполне осведомлена»[4].

Необходимо отметить, что материалы, передаваемые Сибирским телеграфным агентством, не всегда соответствовали требованиям региональной прессы. Так, еще 28 июля 1918 г. редактору омской «Зари» В.П. Фомину было направлено письмо журналиста М.И. Соловьева. В нем автор указывал на то, что в переживаемое время сибирская пресса должна нести новую ответственность и перед историей, и перед государством, а потому информация населения и различных кругов общества должна быть не только правильной

[1] *Правительственный* вестник. 1918. 25 дек.
[2] ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.
[3] Там же. Л. 1.
[4] ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

и точной, но и, по возможности, быстрой и полной. «События идут чрезвычайно быстро, – писал Соловьев, – но еще быстрее несутся различные слухи и легенды, а потому в переживаемый исторический момент хорошо и правильно поставленная информация приобретает особое значение. Это значение и ответственность учитывать должны не только различные общественные круги и группы, стоящие на государственной точке зрения, но, в особенности, так называемые правительственные сферы. Им-то, как никому, и нужна информация: точная, полная и быстрая»[1]. Между тем, по мнению Соловьева, именно со стороны правительственных учреждений сотрудникам прессы приходилось встречать непреодолимые препятствия в получении необходимых материалов. В министерствах Временного Сибирского правительства, за исключением военного, продовольствия, туземных дел, народного просвещения, очень трудно было получить какие-либо сведения.

Далее Соловьев обращал внимание на то, что «никогда информационное бюро не снабжало печать сведениями, кроме коротких телеграфных сообщений». «Было бы нелепо, – отмечал он, – и даже крайне вредно, что если бы в столичном городе, резиденции правительства, центре чуть не мирового внимания, омские газеты получали бы только телеграммы о местной жизни, а газетные репортеры перешли бы на роли полицейских хроникеров или писали о сломанных тротуарах, неубранных трупах собак, о нахалах, заглядывающих в дамские купальни и прочем»[2].

М.И. Соловьев предлагал редактору «Зари» официально обратиться к председателю Совета министров П.В. Вологодскому, чтобы «он обратил внимание на затруднительное положение газет в смысле получения информации и издал через управляющего делами профессора Гинса циркуляр, предлагающий снабжать местную прессу материалами помимо информационного бюро, причем в циркуляре должно быть указано, что быстрая, правильная и полная информация в интересах самого правительства»[3]. Соловьев предлагал, чтобы в распоряжение сотрудников газет предоставлялись бы папки с текущей документацией министерств, за исключением секретной информации, откуда бы они выписывали необходимые данные себе в блокнот[4].

Своеобразно складывались в это время отношения Инфбюро ВСП и Сибирского телеграфного агентства с информационными службами другого регионального антибольшевистского правительства – Самарского Комуча. В середине июля информационное бюро Временного Сибирского правительства предлагает информационному отделу при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания наладить «постоянный обмен телеизвестиями». Однако очень скоро между двумя информационными службами возникают трения. С одной стороны, Инфбюро сибирского правительства неоднократно обвиняло самарцев в задержке своих телеграмм, а также в постоянном искажении передаваемой из Сибири информации. «В “Вестнике Учредительного собрания” № 27 и самарской “Земле и воле” № 100, – говорилось в одной из телеграмм Манкевича на имя уполномоченного СП в Самаре Е.Е. Яшнова – сообщаются ложные сведения, заведомо злостные. Самарцы вводят в заблуждение. Важнейшие сведения задерживаются, не доходят полностью… Настаивайте на прямой передаче газетам известий Сибирского телеграфного агентства без цензуры штаба. Если не удовлетворят, прекратим здесь прием и доставку от Инфотдела»[5].

14 августа Манкевич информирует Главное управление почт и телеграфа о том, что новостные сводки СТА проходят через штаб Народной армии, подвергаются цензуре, публикация многих сообщений в самарских газетах запрещается. «В самарском официальном органе, – указывал Манкевич, – помещены явно провокационные сообщения о действиях и намерениях Временного Сибирского правительства… последние сообщения Инфотдела носят тенденциозный характер, вредящий делу Сибирского правительства». В качестве ответной меры Манкевич просил Главное управление почт и телеграфа отдать распоряжение о том, чтобы «непосредственная передача известий инфотдела газетам и лицам на территории Сибири была немедленно приостановлена и чтобы впредь все сообщения Самарского информационного отдела передавались исключительно в информационное бюро и военно-разведывательное отделение»[6].

С другой стороны, самарцы были недовольны стремлением информационного бюро Омского правительства прекратить передачу телеграмм ТАУЧа напрямую сибирским газетам. Потребность в такой мере

[1] ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.
[2] ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 5. Л. 62 об.
[3] Там же. Л. 63.
[4] Там же. Л. 61–63.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 252. Л. 13.
[6] Там же. Л. 18.

руководством Инфбюро объяснялось, как стремлением облегчить работу телеграфа, так и необходимостью адекватного ответа на действия Самарского информационного отдела. Однако, по мнению Яшнова, такие действия могли нанести непоправимый ущерб престижу Омского правительства. «Несомненно, это будет истолковано крайне неблагоприятно для Сибправительства, – телеграфировал он Г.К. Гинсу 25 августа 1918 г., – усилит антагонизм, оставит поволжскую печать в сфере исключительного воздействия Тауча, что будет питать враждебное отношение к Сибправительству в демократических кругах России»[1].

Конфликт информационных служб стал отражением наметившегося общего противостояния двух антибольшевистских режимов, вылившегося в таможенную войну, столкновения по поводу денежных переводов, взаимные политические обвинения. «Отставка Павла Михайлова, последнего агента партии социалистов-революционеров в Сибирском правительстве, – отмечал в своих воспоминаниях Г.К. Гинс, – вызвала в Самаре взрыв возмущения. Самарский информационный отдел и “Вестник” Комитета членов Учредительного собрания напечатали явно враждебные и ложные сведения о реакционности политики Сибирского правительства, о выходе из его состава демократической части, о конфликте правительства с Думою»[2]. Однако в конечном итоге на совместном совещании представителей Временного Сибирского правительства и Комуча было достигнуто соглашение, в том числе и о взаимном обмене информацией между СТА и ТАУЧем[3].

Таким образом, летом – осенью 1918 г. происходит формирование центрального аппарата СТА и корреспондентской сети на местах. Сибирское телеграфное агентство налаживает контакты с государственными учреждениями, прессой и другими информацион-ными агентствами.

Изменение в начале ноября 1918 г. статуса, два переименования и соответствующие реорганизации мало повлияли на саму организацию и методы работы телеграфного агентства. Вплоть до лета 1919 г. они оставались фактически неизменными. Ранее уже отмечалось, что появление и «общественной» информационной службы – Русского бюро печати, и начало работы в новом качестве Русского телеграфного агентства частью прессы было встречено относительно прохладно.

В этих условиях Русское телеграфное агентство 24 июня 1919 г. обратилось к редакциям газет с запросом о том, что они сами хотели бы получать от агентства и в каком направлении необходимо реформировать работу[4]. Полученные ответы были довольно разнообразны. Так, «Каменская мысль» указала на халатную передачу телеграмм, при которой «пропусков, вопросительных знаков и многоточий больше, чем слов». Редакция газеты также отметила неравномерность поступления материалов РТА: «сегодня ворох телеграмм, а завтра и послезавтра ни звука». Относительно же содержания получаемых от РТА сообщений было высказано пожелание предоставлять «поменьше тенденциозных комментариев и побольше голых фактов».

Редакция «Каменской мысли» отметила необходимость в освещении целого ряда общественно значимых вопросов местной жизни: «о рабочей жизни, о посевах, о транспорте, о кооперации в районе, о снабжении, о земской жизни, о выборах в органы местного самоуправления, с указанием числа мест, полученных каждым списком, о финансовом положении городов и земств, о продовольственном деле, о безработице и мерах борьбы с ней, о проявлениях большевизма и особенно черносотенства, о значительных явлениях в области торговли и промышленности, например, о закрытии и открытии заводов и фабрик, о голоде и эпидемиях, о закрытии газет и журналов, о закрытии школ и причинах». Было высказано пожелание получать особые бланки о «крупных и мелких правительственных назначениях по Алтайской губернии», а также «специальные для района телеграфные экономические сведения». Рекомендовалось больше места уделять ежедневным оперативным сводкам штаба Верховного главнокомандующего, сведениям о мирной конференции, о Советской России и борьбе с большевиками[5].

Благовещенская «Амурская жизнь» предлагала меньше присылать обзоров печати. Кроме того, отмечалось, что ее редакция не нуждалась в отправляемых РТА «будничных хроникерских заметках». В качестве пожелания была высказана идея о «группировке материала» и «установлении номерных адресов по примеру железной дороги»[6]. Екатеринбургские «Отечественные ведомости» указали на отправление РТА запоздавших

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 252. Л. 31.
[2] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 98.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 252. Л. 32.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
[6] Там же. Л. 2.

телеграмм, «содержание которых явно не соответствует действительности», а также слабое освещение деятельности министерств по подготовке законопроектов. В то же время был высказан интерес к получению информации о работе комиссии по созыву Национального собрания[1]. Красноярская «Свободная Сибирь» предлагала увеличить «количество информационного материала в сторону неофициальных сообщений», как-то: «эпизоды боев, красочные картинки жизни фронта и населения прифронтовой полосы» и т.д. Рекомендовалось также «оживить информацию» из Советской России, добавив соответствующие комментарии. «Большевистские радио о войне нужно сообщать в такой редакции, чтобы ясно был виден ход событий. Лучше радио большевиков сообщать не в виде кратких отчетов красных с указанием “наших” войск, а излагать приблизительно в такой редакции: “согласно радио большевиков, красные войска отступают и т.д.”. Это особенно важно, ибо большинство редакций, в особенности мелких газет, помещают радио большевиков без всяких исправлений и комментариев или с не всегда удачными заголовками, которые путают читателей, вследствие этого иногда получается впечатление о военных событиях, противоположное тому, которое должно было произвести действительное положение дела»[2].

В то же время редакции некоторых газет высказались в том духе, что улучшить работу РТА, не изменив всей системы деятельности агентства, невозможно. Русское телеграфное агентство, считали они, «болеет теми же недугами, какими болело в свое время телеграфное агентство при самодержавии и советской власти: информация его одностороннего характера; многие факты замалчиваются, другие освещаются тенденциозно»[3].

Всего РТА получило 8 ответов, что составило лишь 15 % от общего числа подписчиков агентства. Это говорило о весьма слабой заинтересованности газет в улучшении работы РТА. Руководство Русского телеграфного агентства следующим образом суммировало для себя рекомендации сибирских газет: «уменьшение размера обзоров печати и, взамен этого, увеличение сведений фактического характера вообще и, в частности, информации из жизни фронта; выражаются пожелания о более широкой информации из Совдепии и Юга России; отмечается ненужность сообщений из местной омской жизни, не имеющих общегосударственного интереса». Газеты Восточной Сибири также были заинтересованы в организации Владивостокского отделения РТА, откуда они «могли бы получать телеграммы непосредственно, так как прохождение телеграмм из Владивостока до Омска и обратно в Читу и Хабаровск ведет к тому, что телеграфные известия получаются одновременно, а иногда даже позднее дальневосточных газет, в которых эти известия уже имеются»[4].

В результате РТА приняло ряд мер, направленных на улучшение своей работы[5]. В телеграммах агентства увеличился объем информации о деятельности правительства в целом и отдельных министерств, в частности, стали освещаться лишь наиболее значимые события белой столицы. Так же РТА вынуждено было сократить обзоры печати, поскольку сибирская пресса, с одной стороны, испытывала на тот момент хронический недостаток бумаги, а с другой стороны, не все газеты могли оплатить информационные бюллетени большого объема. Однако агентство намеревалось вернуться к этому виду информации в будущем, поскольку считало обзоры крайне необходимыми в период «государственного строительства, когда отклики печати на те или иные мероприятия правительства или крупные события государственной жизни являются выражением мнений политических и общественных групп»[6]. РТА рассылало лишь отклики печати на наиболее важные события.

Чтобы газеты могли выбрать наиболее интересный для них материал, а также иметь возможность его оплатить, Русское телеграфное агентство с 1 сентября 1919 г. разделило бюллетени на шесть бланков:

«Общий». В нем содержалась «сводка всего наиболее существенного материала». Количество слов в этом бланке колебалось от 1000 до 2000 в день. По своему содержанию он был рассчитан на небольшие газеты, не имеющие возможности помещать весь материал и «нуждающиеся в редакционном просеивании всех известий».

«Официальный». В этом бланке давался перечень постановлений правительства, содержались указы Верховного правителя, приказы Верховного главнокомандующего, постановления о наиболее важных назначениях и увольнениях.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–3 об.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–12.
[3] Там же. Л. 4.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–4 об.
[5] Там же. Д. 7. Л. 12–12 об.
[6] Там же. Л. 5.

«Дополнительный» бланк был рассчитан на большие газеты, которые стремились наиболее полно осветить внутреннюю жизнь и положение за рубежом. Количество слов в нем варьировалось от 500 до 1500 в день.

«Военный» бланк содержал подробности военных известий, которые в общих чертах сообщались в «общем» бланке. Некоторое время в этом бланке распространялись военные обзоры, составляемые компетентными в военном деле лицами.

«Обзор печати». Этот бланк не был регулярным. В нем использовались материалы сибирской, советской и зарубежной прессы по мере их накопления.

«Экономический» бланк составлялся на основе корреспондентских телеграмм, но являлся еще недостаточно разработанным и авторитетным. Он подразделялся на несколько разделов – общий политико-экономический, транспортный, сельскохозяйственный, торгово-промышленный, кооперативный и ряд других. Для повышения компетентности этого бланка РТА обратилось к секретарям биржевых комитетов с просьбой сообщать наиболее важную и интересную информацию, касающуюся экономических вопросов.

Существовал еще один особый бланк *«Для сведения правительства»*. В нем содержались материалы, не подлежащие разглашению. Такая информация направлялась только членам правительства и высшему военному командованию[1].

Усилило РТА работу по сбору информации. Для этого использовались почтовые материалы от сотрудников на местах, сведения Владивостокского отделения, французского радио. Огромное значение имели данные, получаемые от бюро иностранной информации. Через Омскую радиостанцию и через особых корреспондентов на других радиостанциях Русское телеграфное агентство получало достаточно полную информацию о положении дел в Советской России[2]. В то же время ему не удалось существенно расширить материал о событиях на фронте, причиной этого стала позиция военного командования, не допускавшего никакой другой информации, кроме официальных сводок, составляемых и рассылаемых исключительно Осведверхом.

РТА действовало не только в интересах Сибири и Дальнего Востока. По поручению главноуправляющего делами Российского правительства агентство с 23 июня 1919 г. начало составлять специальные бюллетени для Архангельского правительства и отправлять их через французскую радиостанцию. Эта работа была вверена специальному редактору, ответственному за отбор информации и ее регулярную доставку.

В целом Русскому телеграфному агентству удалось улучшить качество передаваемой информации. За июнь было отправлено 290 агентских телеграмм, за июль – 236, за август – 314. В то же время количество подписчиков бюллетеней агентства начало сокращаться, составив на июнь – 74, июль – 65, август – 50[3].

В то же время РТА продолжало находиться под контролем цензуры, которая просматривала все материалы, касающиеся положения дел на фронте. Так, 14 сентября 1919 г. начальник Главного военно-цензурного контрольного бюро разрешил директору РТА опубликовать беседу С.А. Ауслендера с генералом К.В. Сахаровым, «за исключением вычеркнутых красным карандашом слов»[4].

Для улучшения качества материалов, поступающих с мест от своих агентов, РТА подготовило для них особую общую инструкцию, в основу которой была положена инструкция бывшего Петроградского информационного агентства. К 22 августа 1919 г. Русское телеграфное агентство располагало 66 корреспондентами[5].

С целью улучшить качество информационного материала, передаваемого из Омска, в РТА с июня 1919 г. начал сформироваться особый репортерский отдел, который приступил к регулярной работе с августа месяца. Шесть репортеров (среди них Ф.М. Быстров, М.Д. Зыков и др.) самостоятельно собирали информацию в правительственных учреждениях, органах самоуправления, в общественных организациях и т.д. Это позволило РТА отказаться от перепечаток материалов из местных газет и даже, напротив, газеты охотно стали использовать данные РТА. Качество информации объяснялось установлением тесных контактов с Управлением делами Российского правительства, а также с видными политическими и общественными деятелями[6].

Для объединения деятельности местных агентов была организована особая инспекция. Инспектором был назначен бывший сотрудник Петроградского информационного агентства М.И. Борисов. 7 июня он выехал из

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–6 об.
[2] Там же. Л. 5.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 19.
[4] Там же. Д. 472. Л. 4.
[5] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 24. Л. 40–44.
[6] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–12 об.

Омска с целью посетить целый ряд городов Сибири и Дальнего Востока, начиная от Красноярска. В его задачу входило установить отношения с местными общественными и литературными кругами, привлечь их к участию в работе РТА, инструктировать корреспондентов, научить их краткому телеграфному слогу и т.д.

Эта поездка сразу же дала положительные результаты. Так, М.И. Борисовым была предложена новая схема передачи телеграмм в Красноярск. До этого они шли из Омска через Томск. Однако томский телеграф был перегружен военными телеграммами и имел массу технических недостатков, вследствии чего сообщения в Красноярск запаздывали на 10–11 дней. Новая схема Омск – Иркутск – Красноярск позволяла значительно сократить время прохождения телеграмм. Итогом личных встреч Борисова с местными общественными деятелями стала публикация наиболее влиятельными газетами, такими как красноярская «Свободная Сибирь», иркутский «Свободный край» и читинская «Забайкальская новь», больших информационных статей о деятельности РТА[1].

Для улучшения качества информации о Западной Сибири РТА командировало в города Томской и Алтайской губерний, а также Акмолинской области агента-инструктора Ю.Л. Салина. Он сообщил, что почти все агенты РТА, за немногим исключением, ранее не занимались этой работой. Следовательно, большинство из них даже не представляли в полном объеме те требования, которые предъявляются Агентством к их работе. Салину пришлось провести с агентами-корреспондентами инструктаж, а некоторых из них, например в Новониколаевске и Барнауле, уволить и заменить на новых. В некоторых городах, таких как Томск и Новониколаевск, пришлось увеличить штат сотрудников, так как местные агенты не справлялись с объемом поступающей информации. В Бийске и Барнауле выяснилось, что агентам РТА препятствуют военные власти, создавшие такие условия, на которых мало кто соглашался заниматься информационной работой[2]. Наряду с этим Ю.Л. Салин сообщил о неудовлетворительной работе телеграфа, в результате чего телеграммы агентства задерживались на передаточных станциях и поэтому запаздывали.

12 сентября 1919 г. Главное управление почт и телеграфов МВД направило главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета министров отношение, в котором указало, что «более или менее хорошо информируется лишь население крупных городов, население же отдаленных местностей, в силу того что в данных пунктах не имеется местных органов прессы, а следовательно, нет и подписчиков Российского (правильно Русского. – *Д.Ш.*) телеграфного агентства, получающих регулярно агентские телеграммы, обычно узнает о деятельности центральной власти и совершающихся событиях слишком поздно, питаясь в большинстве случаев слухами, часто не проверенными, а иногда и определенно злостными»[3].

В качестве аппарата, который можно было бы привлечь к осведомлению населения, Главное управление предлагало сеть почтово-телеграфных учреждений. В связи с тем что телеграф был перегружен, а часть телеграфных пунктов обслуживались устаревшими аппаратами Морзе со слабой пропускной способностью, передавать большие агентские телеграммы было невозможно. Однако специально подготовленные, не превышающие ста слов телеграммы, содержащие лишь самые важные известия с фронта и сведения о деятельности правительства, могли бы распространяться через все телеграфные учреждения. Эти сводки вывешивались бы возле телеграфных пунктов, а также рассылались бы по почте в ближайшие почтовые отделения, где нет телеграфа[4]. Однако эта полезная инициатива запоздала.

В целом на протяжении Гражданской войны официальное телеграфное агентство сменявших друг друга антибольшевистских политических режимов выступало в роли технического аппарата правительственного отдела печати, осуществляя передачу и распространение значимой для государственной власти и общества информации. Его деятельность непрерывно совершенствовалась. Правительственные информационные службы, Русское бюро печати стремились играть ключевую роль в формировании новостной политики, в организации «здоровой, правильно поставленной информации населения». В идеале они видели себя монопольным источником сведений официального характера для периодической печати. Однако в силу целого ряда факторов, таких как наличие у прессы альтернативных источников информации, слабость технической базы, кадрового состава, добиться этого не удалось. Тем не менее телеграфное агентство антибольшевистских

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–12.
[2] Там же. 13.
[3] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
[4] Там же. Л. 30 об.

правительств Сибири являлось важным инструментом государственного влияния как на периодическую печать, так и опосредованно на формирование общественного мнения.

Другое структурное подразделение отдела печати – *бюро обзоров* – получало более сотни газет и журналов с территории Сибири и Европейской России, освобожденной от большевиков. Обзоры периодической печати были трех видов:

1. Политические, фиксирующие отношение общественных кругов к правительственному курсу и важнейшим событиям внутренней и внешней политики. Такие обзоры составлялись ежедневно и рассылались Верховному правителю, председателю Совета министров и всем министрам, а также главноуправляющему делами Совета министров и его товарищу.

2. Ведомственные (или деловые) обзоры, по каждому из министерств в отдельности, составлялись 1–2 раза в неделю. Они рассылались Верховному правителю, председателю Совета министров, главноуправляющему делами Совета министров, а также тому или иному министру по принадлежности.

3. Специальные обзоры по отдельным вопросам составлялись по особому требованию[1].

Подготовка всех обзоров печати велась с отражением взглядов всех партийных и общественных кругов с тем расчетом, чтобы правительство всегда было в курсе всех течений общественной мысли. С конца ноября 1918 г. по конец октября 1919 г. Бюро выпустило: политических обзоров – 224; обзоров печати для Министерства земледелия – 58; для Министерства финансов – 48; для Министерства торговли и промышленности – 34; для Министерства продовольствия и снабжения – 33; для Министерства иностранных дел – 35 и т.д. Всего было выпущено 680 обзоров[2].

С июля 1919 г. по желанию министерств им высылались непосредственно вырезки из газет и журналов, касающиеся правительства, отдельных министерств или их местных органов. Таких вырезок было отправлено с 1 июля по 20 октября 1919 г. свыше 7 тысяч[3].

С самого начала своей деятельности бюро обзоров стало собирать наиболее интересный газетный материал, для чего были заведены информационно-исторические альбомы. Таких альбомов было создано более 150, с общим количеством вырезок до 15 тысяч. Альбомы разделялись по отдельным темам. Например, был исторический отдел, куда вносились материалы о Временном Сибирском правительстве, Сибирской областной думе, Уфимском государственном совещании и др. Имелись альбомы, содержащие материалы о народном образовании, рабочем вопросе, общественных группах, органах самоуправления, кооперации и т.д.[4]

Наряду с правительственными и «общественными» учреждениями, «правильную» информацию распространяли и военные органы пропаганды. Сотрудники Осведверха, например, ежедневно составляли осведомительные сводки о положении на фронте. Эти сводки регулярно передавались по радио всем начальникам гарнизонов, управляющим губерниями, начальникам уездов, станций, во все почтово-телеграфные конторы вплоть до Владивостока.

Летом 1918 г. перед государственными информационными службами, наряду с организацией осведомления на территории, подконтрольной новому политическому режиму, встает задача формирования благоприятного общественного мнения об антибольшевистском движении в ведущих зарубежных странах, информационно-пропагандистского обеспечения мероприятий Омского правительства за границей.

Первые шаги в этом направлении предпринимает информационное бюро Временного Сибирского правительства. Ежедневно известия Сибирского телеграфного агентства (а затем – ВТА и РТА) рассылались всем консулам стран Антанты в Сибири. Важнейшие политические сведения направлялись правительствам и информационным агентствам зарубежных стран. Передача информации за границу и обратно осуществлялась в переводе. Этим занималось специальное подразделение отдела печати – иностранное бюро, являвшееся первоначально составной частью как правительственного телеграфного агентства, так и Бюро обзоров повременной печати[5].

В начале 1919 г. А.И. Манкевич направил в Совет министров доклад, в котором говорилось о том, что защита интересов «Великодержавной России» перед заграничным общественным мнением и в иностранной прессе должна быть поручена специально на то уполномоченным правительственным корреспондентам.

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 131. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 2 об.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 131. Л. 2–4.
[5] *Правительственный* вестник. 1918. 25 дек.

«Ныне создалась ненормальное и чреватое тяжкими последствиями для дела воссоздания нашей Родины положение, – писал управляющий отделом печати, – когда о России пишется буквально все, что заблагорассудится иностранцам. Регулярно и планомерно проводимая связь Омска с мировыми политическими центрами до сих пор не налажена»[1].

По мнению управляющего, необходимо было срочно организовать информационный аппарат за границей в виде особо уполномоченных лиц, которым, с одной стороны, поручалась бы защита русских интересов в иностранной прессе, а с другой – они должны были широко поставить осведомление Омска обо всем, что русскому политическому центру и российскому общественному мнению необходимо было знать относительно политической конъюнктуры того государства, при котором каждый данный корреспондент был аккредитован.

По этому вопросу состоялось заседание представителей отдела печати и Министерства иностранных дел под руководством товарища министра иностранных дел Г.К. Гинса. На нем было принято решение войти в Совет министров с ходатайством об утверждении «в принципе» должностей «правительственных корреспондентов» за границей. Также были намечены кандидаты в корреспонденты и заграничные телеграфные агентства, при помощи которых предполагалось наладить связь Омска с мировыми политическими центрами[2].

Так, Париж должен был осведомляться агентством «Гавас» и создававшимся там отделением РТА в лице А.П. Извольского, В.Л. Бурцева и А.И. Коновалова. Парижскому отделению РТА планировалось поручить информировать Рим и Балканы, так как посылка туда телеграмм из Омска обходилась слишком дорого. В Лондон информация должна была поступать от агентства «Рейтер», а также через известного публициста и корреспондента «Русских ведомостей» И.В. Шкловского (Дионео). Предполагалось, что Нью-Йорк будет обслуживать компания «Ассошиэйтед Пресс», с представителем которой были начаты переговоры. Также предполагалось пригласить корреспондентом директора Русского информационного бюро в Соединенных Штатах А. Зака.

В Токио должен был начать осведомительную работу профессор Теодорович. В Китае (Пекин, Шанхай) временно поручалось дело информации Дальневосточному отделению РТА во Владивостоке во главе с Б.Г. Перлиным, а в Харбине – Н.А. Доброловскому[3]. Параллельно с этим во Владивостоке было организовано бюро японо-китайской печати, руководил которым профессор Е.Г. Спальвин. Возможные расходы по передаче телеграфного материала за границу совещание определило приблизительно в 150 тыс. руб. ежемесячно[4].

Вскоре вся эта деятельность была сосредоточена в учрежденном *бюро иностранной информации* (иностранном бюро информации), главной задачей которого ставилась регулярная, авторитетная и широкая информация Европы, Америки и Японии путем ежедневной отправки в адрес специальных правительственных корреспондентов обширного осведомительного материала. В задачи этого бюро также входили переводы текстов посылаемых за границу официальных сообщений и откликов зарубежной прессы на российские события. Для более качественной работы бюро учредило два стола – английский и французский, заведование которыми поручено ответственным редакторам. Помимо штата переводчиков, была учреждена должность владеющего языками секретаря бюро, так как делопроизводство становилось все более сложным.

Характерное свидетельство о деятельности правительственного Бюро иностранной информации оставил его руководитель Л.В. Арнольдов. «Когда мне было дано слово (речь идет о его выступлении на совещании руководителей Министерства иностранных дел. – *Д.Ш.*), я сделал свой доклад, нарисовав мрачную картину гнетущей неосведомленности за границей об Омске, его борьбе и его политической программе.

– Критиковать легко, – сказал мне не без яда Сукин, – и то плохо, и это... А вот вы бы взяли и помогли нам! Вы журналист? У нас есть бюро иностранной информации... После ареста Директории там остались одни милые дамы. Они что-то сочиняют, что-то переводят, что-то отправляют. Это надо организовать! Беретесь за это дело?

Так состоялось мое назначение директором бюро иностранной информации»[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 1–2.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Редактор газеты «Вестник Маньчжурии», несколько лет был помощником редактора «Юань-дунь-бао», газеты, выходившей на китайском языке. Имел обширные связи в Китае.

[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 1–2.

[5] *Арнольдов Л.В.* Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 151.

Не менее красочно Арнольдов нарисовал и свое знакомство с бюро: «Когда Манкевич и я вошли в помещение бюро иностранной информации, картина моим взорам предстала действительно оригинальная: точно женская студия с классами переводов и машинописи. Много дам, молодых и постарше, все одеты с претензией на изящество… Что же делали эти “милые дамы” – как их назвал Сукин. Они, оказывается, не спеша переводили то, что им нравилось, составляли из газетных переводов сводки, эти сводки множили на ротаторе и рассылали министрам и по штабам»[1].

После передачи бюро иностранной информации в состав «Русского общества печатного дела» его работа, по мнению Н.В. Устрялова, улучшилась. В первую очередь он это связывал с увеличением ассигнований, а также с потерей официального статуса, что «благополучно отозвалось на отношении к нему иностранной прессы в смысле роста доверия к передаваемым им сведениям»[2].

В задачу бюро входило информирование зарубежной прессы и представителей иностранных держав в Сибири о деятельности Российского правительства, о политической и экономической жизни региона. Другой задачей являлось осведомление Российского правительства и сибирской прессы о событиях во всем мире. С этой целью сотрудники бюро направляли в ведущие зарубежные страны и в их представительства в Сибири информационные телеграммы и бюллетени, проводили беседы с иностранными корреспондентами и дипломатами. Бюро также получало телеграммы от своих агентов за границей и составляло обзоры заграничной прессы.

С июня по сентябрь 1919 г. бюро отправило агентам: 1455 телеграмм в Париж, 1460 – в Лондон, 1450 – в Нью-Йорк и 1150 – в Токио. В среднем ежедневно отправлялось 60 телеграмм объемом до 2400 слов. Это была самая дорогая часть работы, поскольку за каждое слово приходилось платить в Париже – 10 руб. 75 коп., в Лондоне – 31 руб. 72 коп., в Нью-Йорке – 15 руб. 48 коп., в Токио – 2 рубля 86 копеек[3].

За это же время бюро выпустило 24 бюллетеня на французском и английском языках по целому ряду тем: деятельность правительства адмирала А.В. Колчака, политическое и экономическое положение России, вести из Советской России, большевистский террор и т.д. Для более массового распространения бюллетеней их размножали на ротаторе. Наряду с этим, было выпущено 35 обзоров иностранной прессы. Материал для них преимущественно брался из китайских, японских и американских газет. От своих заграничных корреспондентов за три месяца Бюро получило более 450 информационных телеграмм[4].

По поводу содержания телеграмм, посылаемых бюро иностранной информации за границу, от корреспондентов поступило несколько замечаний. В качестве основных недостатков были указаны: излишняя официальность, односторонность, умалчивание важных политических событий[5]. Однако в целом оценка деятельности бюро признавалась положительной. Заведующий отделом печати при британской миссии капитан Мак-Кул писал в своем письме Н. Устрялову: «Я должен поздравить Вас с большим успехом Ваших телеграмм новостей за границей. Я вижу, что Ваши телеграммы полностью воспроизводятся в иностранных газетах, и верю, что они оказывают услугу конституционному правительству в России. Мне редко приходилось читать в печати что-либо лучшее, чем Ваши прекрасные телеграммы»[6].

Для сотрудников иностранных миссий в Сибири специальные бюллетени на английском и французском языках, содержавшие основные данные о положении на фронте и мероприятиях правительства, издавались также осведомительным отделом штаба Верховного главнокомандующего. Ежедневные сводки Осведверха по радио передавались за границу. Кроме того, его сотрудники целенаправленно собирали разного рода документальные подтверждения «антигосударственной политики советской власти». Копии подобных материалов направлялись британским представителям, в частности профессору Б. Персу.

Важнейшим инструментом государственного регулирования прессы и воздействия на общественное мнение является цензура. Под цензурой понимается контроль официальных (светских или духовных) властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и других сценических произведений, кино- и фотопроизведений, произведений изобразительного

---

[1] *Арнольдов Л.В.* Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 152–153.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 148. Л. 6.
[3] Там же. Л. 3.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 148. Л. 4.
[5] Там же. Л. 28–29.
[6] Там же.

искусства, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки, с тем чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными.

В России контролю над печатным словом традиционно придавалось огромное значение. В годы Первой мировой войны роль военной цензуры возрастает: осуществляющие ее учреждения отходят от решения первоначальных чисто военно-оперативных целей (то есть обеспечения военной тайны в узком смысле слова) и превращают цензуру в широкую систему общеполитического надзора. Военная информация тщательно дозировалась.

Вот как, к примеру, звучали наставления на этот счет одного из сотрудников отечественной военно-цензурной службы: «а) Начатая нами и не законченная операция, по возможности, должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана; б) разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением о его замысле; в) всякий наш успех должен быть сообщен вполне; г) всякий наш неуспех в отражении удара – только в общих, неясных выражениях; д) наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; е) когда мы бьем немцев – писать “германцев”, а если австрийцев – “противника”; ж) фамилии нашего командного состава и названий частей не упоминать; з) пленных подсчитывать почаще, на разные даты, дабы создать иллюзию более значительного успеха; и) результаты действий неприятельских аэропланов обходить молчанием»[1].

Правительства Белого Востока, особенно в колчаковский период, во многом унаследовали опыт императорской России. При этом логика действий власти хорошо вписывается в авторитарную модель функционирования прессы: «Почему тем, у кого есть доступ к средствам массовой коммуникации и кто часто не способен уяснить себе целиком всю задачу государства, кто чаще всего даже не информирован полностью о целях государственной политики, должно быть позволено, по глупости или по невежеству, создавать угрозу успеху тех замыслов, которые должны служить всеобщему благу?»[2].

Какие политические задачи решали цензурные учреждения Белого Востока? Историк Т.М. Горяева, детально исследовавшая систему цензуры в СССР, выделила несколько универсальных, присущих каждому политическому режиму функций надзора над печатным словом. «Любая власть наделяет цензуру *охранительной функцией* (здесь и далее курсив Т.М. Горяевой. – *Д.Ш.*), призванной обеспечить сохранение военной и государственной тайны; *эталонная функция* предназначена для фиксации и закрепления этических и эстетических норм в области искусства, художественного творчества, науки; *профилактическая функция* обеспечивает стабильность государства и предупреждает хождение в информационном поле сведений, подрывающих престиж и авторитет власти, а *санкционирующая функция* обеспечивает введение в социокультурный контекст полной информации, не подвергавшейся воздействию цензуры, и той, которая прошла через ее обработку (соотношение этих двух видов информации свидетельствует о типе политической власти)»[3].

В деятельности цензурных учреждений Белого Востока в наибольшей степени проявились охранительная и профилактическая функции. Кроме того, регулярно просматривая периодические издания и производя перлюстрацию частной переписки, они играли важную роль в осуществлении политического надзора за общественными настроениями.

25 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат, отметив то обстоятельство, что «открытие типографий, литографий, металлографии и вообще заведений для тиснения букв и изображений, а также выпуск в свет книг, брошюр и повременных изданий производится ныне вне установленного порядка», подтвердил правомочность всероссийского закона о печати от 27 апреля 1917 г., указав при этом на необходимость его точного и неуклонного соблюдения. В соответствии с постановлением все «типографии обязаны в течение суток после выпуска в свет вновь отпечатанных книг, брошюр, журналов, газет и др. произведений тиснения представлять их в исправном виде местному комиссару, или заменяющему его лицу, или учреждению, восемь экземпляров каждого в отдельности произведения печати, причем в периодических изданиях должны быть указаны ответственные редактор и издатель»[4].

---

[1] *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920. С. 43.

[2] *Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М., 1998. С. 38.

[3] *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2002. С. 134.

[4] Пункт первый этого закона гласил: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается».

В конце сентября 1918 г. на подконтрольных войскам Временного Сибирского правительства территориях была введена военная цензура. Издателей ожидали уведомления, подобные тому, какое получил Д. Розенберг, редактор томской «Народной газеты». «Начальник гарнизона, – говорилось в нем, – приказал довести до вашего сведения, что впредь до отмены военной цензуры все первые оттиски набора редактируемой Вами газеты, а также все оттиски: телеграмм, объявлений, листовок, брошюр и прочие, – должны представляться вами в штаб гарнизона для просмотра и разрешительной подписи... Начальник гарнизона приказал поставить вам на вид, что за неисполнение настоящего распоряжения виновные будут подвергнуты военно-полевому суду»[1].

Следует заметить, что попытки со стороны военного командования вмешиваться в деятельность прессы, контролировать ее, объясняя это стремлением соблюдать «военную тайну», стали проявляться практически сразу же после свержения советской власти. Так, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа полковник П.А. Белов 12 июня 1918 г. направил управляющему военным отделом ЗСК телеграмму, в которой просил последнего дать редакторам газет соответствующие разъяснения. Поводом послужила заметка, напечатанная в «Сибирской жизни» под названием «Город Камень взят отрядом в 75 человек». С точки зрения полковника Белова, это являлось разглашением военной тайны, и он настаивал на «недопустимости подобных явлений в будущем». Не менее характерна резолюция на эту телеграмму уполномоченного А. Коробкова, адресованная заведующему секретариатом Западно-Сибирского комиссариата. «Примите меры, – говорилось в ней, – чтобы впредь оглашению военных сообщений предшествовала тщательная их редакция. Было совершенно правильным печатать эти сведения в редакции и по выбору штаба. По получении сего без ведома Секретариата сведения не должны попадать в печать»[2].

Контроль над прессой и ограничения свободы печати продолжались и в последующее время. 15 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», в соответствии с которыми министру внутренних дел, а на территории театра военных действий командующему армией или командирам отдельных корпусов, принадлежало право объявлять ту или иную местность на военном положении сроком до 6 месяцев. В местности, объявленной на военном положении, с санкции министра внутренних дел (либо военного командования) могло быть приостановлено любое периодическое издание с возбуждением уголовного дела[3].

10 сентября постановлением Административного совета для контроля периодической печати были учреждены военно-цензурные комиссии, а для проверки всех почтовых отправлений – военные почтово-телеграфные контрольные бюро. Военно-исторический отдел штаба Сибирской армии подготовил «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных сношений», подписанный генерал-майором В.Р. Романовым и руководителем военно-цензурного отделения капитаном 2 ранга Дудкиным[4].

3 ноября 1918 г. начальник информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего ротмистр Скрябин направил заведующему Сибирским телеграфным агентством уведомление. «Верховным главнокомандующим, – указывалось в нем, – обращено внимание, что в периодических изданиях появляются заметки и телеграммы, заключающие в себе сведения, предусмотренные “Перечнем сведений, не подлежащих оглашению в печати путем почтово-телеграфных сношений”… Примером могут служить напечатанные в газетах: приказ генерала Пуль и телеграмма о формировании русско-чешских частей»[5].

Для того чтобы не допустить появления в периодической печати подобных сведений, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант С.Н. Розанов приказал «передать телеграфным агентствам для неуклонного исполнения и обязательства представлять в информационный отдел штаба Верховного Главнокомандующего все сведения, касающиеся военных действий и связанных с ними мероприятий и распоряжений властей, для предварительного просмотра»[6].

На следующий же день после военного переворота была введена предварительная цензура. Так, например, редактор красноярской газеты «Свободная Сибирь» получил телефонограмму следующего содержания: «По

[1] *Народная* газета. 1918. 28 (13) сент.
[2] ГАРФ. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л 113–113 об.
[3] *Временное* Сибирское правительство... С. 157–160.
[4] *В целом* этот перечень повторял соответствующую инструкцию от 26 июля 1917 г.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп.1. Д. 265. Л. 1.
[6] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп.1. Д. 265. Л. 2.

приказанию Верховного главнокомандующего сего 19 числа вводится предварительная цензура всех газет. Уполномоченный по охране порядка и спокойствия приказал ежедневно представлять в штаб гарнизона первый оттиск газет. Без подписи начальника гарнизона или лиц, на то им уполномоченных, ни один номер газеты выйти не может»[1].

Введение военной цензуры еще больше усилило государственный контроль над печатью. Теперь газеты зачастую выходили с белыми полосами на страницах, а некоторые периодические издания Сибири были закрыты («Народная Сибирь» в Новониколаевске, «Алтайский луч» в Барнауле[2], «Земское дело» в Красноярске и ряд других). В последнем случае поводом к закрытию газеты и возбуждению против редактора уголовного дела послужила статья «Как мы встречали английских гостей», в которой начальник красноярского гарнизона усмотрел «тенденциозность сообщения и неправильное освещение событий, имеющее целью возбудить общественное мнение против военных властей вообще, а в частности против гг. офицеров и подорвать к властям доверие»[3].

«Не желая стеснять печать в своевременном осведомлении населения», адмирал А.В. Колчак приказом № 57 от 30 ноября 1918 г. отменил предварительную цензуру на всей территории, кроме театра военных действий. В то же время запрещалось распространение печатных материалов, «подрывающих авторитет верховной власти», содержащих призывы к стачкам, вооруженным выступлениям, «злонамеренных слухов, касающихся русской армии, союзных и чехословацких войск», а также сведений военного характера, отмеченных в специальном перечне[4].

«Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати», был подписан начальником штаба Верховного главнокомандующего, полковником Д.А. Лебедевым и представлял собой обширный список из 30 пунктов, который охватывал весь спектр военной информации, начиная от любых сообщений о составе, вооружении, дислокации, характере боевых действий, состоянии коммуникаций, начале мобилизации русских войск и заканчивая данными о «станциях беспроволочного телеграфа», «потерпевших крушение в российских берегах военных и коммерческих судах», а также об аналогичных «сведениях, касающихся внешней безопасности союзных с Россией государств и их военно-сухопутной и морской обороны»[5].

В случае нарушений военно-цензурные учреждения, а в тех местах, где их не было, – начальники гарнизонов, обязаны были привлекать «редакторов повременных изданий и авторов изданий непериодических» к уголовной ответственности, конфисковывать тираж и через военно-цензурное отделение информационного отдела «входить с представлением» к начальнику штаба Верховного главнокомандующего о закрытии печатного органа до судебного приговора.

Преследование за публикацию сведений, «дозволенных к печати», запрещалось. О каждом случае конфискации тиража и судебного разбирательства следовало немедленно докладывать начальнику штаба Верховного главнокомандующего, обладавшего правом «брать под предварительную цензуру органы печати, о которых последует ходатайство местных военных властей»[6].

Для контроля за соблюдением приказа № 57 и в «целях упорядочения военной цензуры» при штабах фронтов, армий и военных округов учреждались военно-цензурные отделения, которые были обязаны регулярно (1-го и 15-го числа каждого месяца) отчитываться о проделанной работе. В районах, где отсутствовали военно-цензурные отделения, надзор за деятельностью печати возлагался на начальников гарнизонов.

Контроль телеграфных сообщений должны были осуществлять коменданты телеграфа и военные контролеры: в Омске при военно-цензурном отделении информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, а в пунктах трансляции (Новониколаевск, Ачинск, Иркутск, Чита, Манчжурия, Харбин, Хабаровск, Благовещенск, Владивосток, Челябинск, Уфа, Екатеринбург, Тюмень) – при начальниках гарнизонов. Деятельность периферийных отделений направлялась военно-цензурным отделением информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, которое также являлось высшей инстанцией, разрешавшей жалобы на действия всех военно-цензурных установлений.

---

[1] *Свободная* Сибирь. 1918. 20 (7) нояб.
[2] *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С 130.
[3] *Свободная* Сибирь. 1918. 27 (14) нояб.
[4] *Правительственный* вестник 1918. 8 дек.
[5] *Русская* армия. 1918. 7 дек.
[6] Там же. 6 дек.

Ранее созданные в соответствии с постановлением Административного совета от 10 сентября 1918 г. военно-цензурные комиссии были ликвидированы. В задачу учрежденного тогда же военного почтово-телеграфного контрольного бюро теперь входил просмотр только международной корреспонденции, о результатах которого следовало еженедельно докладывать в штаб Верховного главнокомандующего[1].

«Возникает вопрос, – язвительно комментировал эти ограничения и запреты редактор «Народной газеты» Д. Розенберг, – не лучше ли для печати оставаться при предварительной цензуре, чем быть под вечной угрозой то судебных преследований, то конфискаций отдельных номеров, то закрытий навсегда издания. Это ведь лучше и для власти... чем "гнаться" не то за редактором, не то за подлежащими конфискации номерами, не то, наконец, входить с представлениями?»[2].

Как в это время формировались местные органы военной цензуры, видно на примере Новониколаевска. 6 декабря 1918 г. приказом начальника местного военного района за № 112 прапорщику Пашкевичу поручалось организовать военно-цензурно-информационное отделение в составе начальника и двух помощников (подполковник Салнис и мичман Луканин). Тот же Пашкевич назначался комендантом почты и телеграфа, а его помощники – военными цензорами[3].

В обязанности «военно-цензурно-информационного» отделения входило наблюдение за исполнением данного приказания и, кроме этого, подготовка к печати ежедневных специальных бюллетеней, содержавших данные о лицах: «а) расстрелянных по приговору военно-полевого суда; б) приговоренных к другим наказаниям по суду и в) заключенных под стражу или оштрафованных в административном порядке с кратким указанием совершенного преступления и размера наказания или штрафа»[4].

Мелочному контролю со стороны военных властей иногда подвергалось и Российское телеграфное агентство. Так, 30 декабря 1918 г. начальник военно-цензурного отделения информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего направил управляющему РТА отношение, в котором обращалось внимание на то, что в телеграммах агентства при упоминании Верховного правителя иногда не прибавляется к фамилии чин адмирала. Управляющему предписывалось сделать распоряжение о недопустимости этого пропуска[5].

Весьма непросто складывались и отношения военных с периодической печатью, даже придерживающейся официального курса. Так, председатель Совета министров П.В. Вологодский приводит в своем дневнике весьма характерный случай. «Комендант города, бывший нотариус из Омска, Катаев, – записал он 4 февраля 1919 г., – арестовал редактора газеты "Заря", в общем доброжелательной Правительству, В.Е. Парунина. На мой запрос по телефону к коменданту, какими законоположениями и постановлениями он руководствовался, арестовывая непосредственно по своей инициативе редактора газеты, Катаев довольно раздраженным тоном мне ответил, что он никакими законоположениями или постановлениями Правительства не руководствовался, а действовал исключительно по побуждениям честного русского офицера, любящего свою родину и в интересах родины, т.к. "Заря" поместила оскорбительную для офицерства заметку об убийствах и расстрелах якобы в восстании 22 дек[абря] невинных людей. Я ему заметил, что ни правила 18 июля 1918 г., ни приказ Верховного Правителя за № 57 не дают ему такого права. Из ответа коменданта я понял, что он ни указанных правил, ни приказа вовсе не знает, но он категорически отказался отменить свое распоряжение, указав, что на такое свое распоряжение он получил санкцию от помощника командарма Матковского. Вечером я доложил об этом Верх[овному] Правителю, и он через Министерство юст[иции] распорядился немедленно Парунина освободить»[6].

Важное место в информационном обеспечении деятельности государственной власти на Востоке России занимала связь с другими центрами антибольшевистского движения. Радиотелеграфные сообщения, передававшиеся через Париж, являлись наиболее оперативным, устойчивым и надежным видом коммуникации. Наряду с этим, осуществлялся, по мере необходимости, обмен курьерами. Представители Деникина информировали правительственные и общественные круги Сибири о текущих военно-политических событиях на Юге России, привозили в качестве наглядно-иллюстративного материала различные документы, фотографии, газе-

---

[1] *Русская* армия. 1918. 6 дек.
[2] *Народная* газета. 1918. 11 дек. (28 нояб.).
[3] *Военные* ведомости. 1918. 8 дек.
[4] *Военные* ведомости. 1918. 10 дек.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 265. Л. 4.
[6] *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 141.

ты, брошюры, плакаты. Так, в начале марта 1919 г. прибывший из Добровольческой армии курьер, имени которого, к сожалению, установить не удалось, доставил в Омск несколько номеров екатеринодарских газет («Единая Русь», «Россия», «Утро Юга»), новочеркасский «Приазовский край», а также передал колчаковским осведомительным органам ряд статей и очерков, посвященных генералу М.В. Алексееву, собранных издательством «Россия». Еще одну партию южнорусской прессы, включавшую газеты, издававшиеся как в Екатеринодаре – «Свободная речь» (орган кадетской партии), «Великая Россия» (под редакцией В.В. Шульгина), «Вольная Кубань» (официальный орган Кубанского краевого правительства), «Единая Русь» (редактор – Б.А. Будилович), так и Ростове – «Вечернее время» (редактор – Б.А. Суворин), «Родной край» (под редакцией М.В. Черкасова), привез в мае 1919 г. некий штабс-капитан К[1].

В начале июня 1919 г. в Омске находился представитель правительства Всевеликого войска Донского и атамана Донского казачьего войска генерал-майор К.И. Сычев, основной задачей которого являлось «установление взаимной информации и реальной постоянной связи между Сибирью и Доном». В том же месяце из Добровольческой армии прибыл специальный курьер, поручик Новицкий. В июле в столицу Белого Востока приехал известный публицист того времени М.С. Лембич (до революции – корреспондент «Русского слова»). Тогда же Омск с особым поручением от генерала Деникина посетил генерал-лейтенант Карцев. В августе в ставку адмирала Колчака из Екатеринодара прибыли представители «Национального центра» А.А. Червен-Водали и А.А. Волков, в сентябре – помощник заведующего политическим отделом Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) есаул В.В. Перфильев[2].

Такой вид связи для курьеров был сопряжен с большим риском. Так, 22 апреля (5 мая) 1919 г. недалеко от форта Александровского, чтобы избежать плена, застрелился бывший командующий Сибирской армии и военный губернатор Одессы А.Н. Гришин-Алмазов, который вез от А.И. Деникина специальное послание адмиралу Колчаку. К тому же обмен курьерами был гораздо менее оперативен. Выехавший из Новочеркасска 7 февраля 1919 г. генерал Сычев добрался до Омска только 28 мая, а штабс-капитан К. доставил в середине мая мартовские номера южнорусских газет[3].

Помимо Юга, связь осуществлялась и с другими центрами Белого движения. С Временным правительством Северной области, возглавлявшимся генералом Е.К. Миллером, контакты поддерживались через Северный отряд полковника Бордзиловского, входивший в состав Сибирской Армии. Впоследствии между Архангельском и Омском существовал обмен телеграфными сообщениями. Осенью 1919 г. из Архангельска в Печору был даже командирован особый отряд связи штаб-ротмистра Червинского для установления телефонной и телеграфной связи с Сибирской армией, но выполнить свою задачу не успел в связи с общим отступлением колчаковских войск[4].

Изредка, с заметным опозданием, в Омск поступали отдельные номера периодических изданий Белого Севера. В сентябре 1919 г., например, в редакцию «Русской армии» был доставлен ряд архангельских газет («Вестник Временного правительства Северной области», «Русский Север», «Северное утро», «Возрождение Севера», «Отечество») за конец июня[5].

Полученную по разным каналам информацию идеологический аппарат Колчака использовал в пропагандистских целях. 30 июня 1919 г. в Омском Городском театре Осведверх устроил лекцию поручика Новицкого на тему «Национальное движение на Юге России». 25–27 октября в Омске была организована демонстрация привезенных есаулом В.В. Перфильевым материалов (документов, газет, брошюр, журналов, плакатов, фотографий, образцов денег), которая сопровождалась соответствующими пояснениями; в ноябре Перфильев выступил в Томске[6].

По материалам периодической печати белых Юга и Севера «Русская армия» и другие сибирские газеты составляли и публиковали обзорные статьи, в которых стремились показать благоприятное отношение других лидеров российской контрреволюции (Деникина, Миллера) к режиму Колчака, признание его главенства.

---

[1] *Русская* армия. 1919. 7 марта, 21 мая.
[2] *Русская* армия. 1919. 3 июня, 2, 6, 8 июля; *Русский* голос. 1919. 19 (6) нояб.
[3] *Русская* армия. 1919. 3 июня.
[4] Там же. 16 окт.
[5] Там же. 18, 21 сент.
[6] *Русская* армия. 1919. 29 июня, 26 окт.; *Русский* голос. 1919. 19 (6) нояб.

«Русская армия» с удовлетворением констатировала, что вся архангельская пресса, включая даже «общесоциалистическую» газету «Возрождение Севера», «настроена благожелательно к Сибирскому правительству и против советской власти», а «Русский голос» на своих страницах привел весьма лестную оценку, данную одной из северных газет адмиралу Колчаку: «Это центр, вокруг которого сосредоточиваются здоровые элементы нации, это сама Великая Единая Россия». В интервью с генералом Карцевым особо подчеркивалось, что «действуя в полном согласии и контакте с адмиралом Колчаком, генерал Деникин правительственные функции предоставляет Омскому правительству, все же отдельные гражданские задания согласует с распоряжениями Омска»[1].

Кроме того, сибирская пресса подчеркивала благожелательное отношение к колчаковскому правительству союзных держав. Например, в одном из обзоров «Русская армия», ссылаясь в качестве источника на екатеринодарскую «Единую Русь», писала, что, «по сведениям Добровольческой армии», среди союзников имя адмирала А.В. Колчака пользуется «колоссальной популярностью», и он признается ими «наиболее желательным исполнителем воли Всероссийского правительства, которому они оказывают всестороннюю поддержку»[2].

Подведем итоги. На протяжении Гражданской войны правительственные информационные службы, Русское бюро печати стремились играть ключевую роль в формировании новостной политики, в организации «здоровой, правильно поставленной информации населения». В идеале они видели себя монопольным источником сведений официального характера для периодической печати. Однако в силу целого ряда факторов, таких как наличие у прессы альтернативных источников информации, слабость технической базы, кадрового состава, добиться этого не удалось. В целом информационная политика правительств Белого Востока оказалась двойственной. С одной стороны, они не стремились, подобно большевикам, к полному контролю над прессой. С другой стороны, введение военной, затем предварительной, а потом вновь военной цензуры, действия военных властей в отношении прессы приводили к конфликтам даже с лояльными режиму периодическими изданиями, такими как «Отечественные ведомости» и омская «Заря».

Политическое руководство Белого Востока придавало большое значение информации правительственных и общественных кругов ведущих зарубежных стран. Информационное бюро (а затем Отдел печати) регулярно направляло в столицы европейских государств телеграфные сообщения о важнейших событиях. В начале 1919 г. было принято решение о создании сети «правительственных корреспондентов» за границей. Эти «особо уполномоченные лица» должны были защищать интересы Омского правительства в иностранной прессе. Курировало их работу бюро иностранной информации. В задачи этого бюро также входили переводы текстов посылаемых за границу официальных сообщений и откликов зарубежной прессы на российские события.

Одним из существенных аспектов осведомительной работы в период Гражданской войны являлся государственный контроль над населением. В Сибири информацию о настроениях населения начали собирать практически сразу после антибольшевистского переворота. Административным отделом Западно-Сибирского комиссариата, Томской губернской земской управой, отделом по формированию добровольческой народной армии на места были отправлены инструкторы, которые наряду с прочим интересовались отношением крестьянства к новому правительству, земствам и Сибирской армии. В дальнейшем политический надзор вели губернские и уездные комиссары (управляющие губерниями и уездами), сотрудники местных подразделений контрразведки и Государственной охраны. Главное военное цензурно-контрольное бюро осуществляло перлюстрацию частной переписки. Собранная и систематизированная информация о настроениях населения, отдельных социальных групп, деятельности политических партий в виде докладов и обзоров регулярно сообщалась вышестоящим инстанциям. Однако размах политического контроля на Урале и в Сибири оказался несопоставим с подобной деятельностью ни в Советской России, ни даже на Белом Юге, где надзор над населением велся с помощью многочисленных агентов-осведомителей.

---

[1] *Русская* армия. 1919. 13 июля.
[2] Там же. 1919. 7 марта, 13 июня, 21 сент.

4.2. Печатная пропаганда: формы организации и способы распространения пропагандистской продукции

В годы Гражданской войны наиболее распространенной формой пропагандистской работы как политико-просветительных органов Советской России, так и осведомительных учреждений Белой России являлась печатная пропаганда. Под *печатной пропагандой* понимается подготовка, издание и распространение среди населения по обе стороны фронта, в собственных войсках и армии противника листовок, газет, брошюр и книг с целью оказания на аудиторию целенаправленного информационно-психологического воздействия. Из всей печатной продукции на территории Белого Востока наибольшее распространение получили листовки, брошюры и газеты.

Особое место отводилось периодической печати как эффективному средству пропаганды, способному в короткий срок охватывать значительные пространства и быстро воздействовать на большие группы людей. В опубликованном в «Правительственном вестнике» в середине января 1919 г. интервью Г.К. Гинса, одного из влиятельных политических деятелей Омского правительства, «могущественная печать» признавалась правительством Колчака третьим после боеспособной армии и «общественной солидарности» по важности фактором, который определял устойчивость современного государства. «Она, – отметил Гинс, – выражает настроения и чаяния народа. В ней не может и не должно быть одного мнения по вопросам внутренней политики, но в деле охранения достоинства и интересов родины она должна быть и будет единодушна»[1].

Летом 1918 г. Западно-Сибирскому комиссариату, а затем Временному Сибирскому правительству, было чрезвычайно важно иметь свой официальный печатный орган. «Правительственные учреждения, местные комиссариаты, органы местного самоуправления, официальные лица, – указывалось в подготовленном в начале июня «Проекте организации информационного отдела и бюро печати», – положительно голодают по информации и инструкции. Во многих местностях задерживается назначение кандидатов в комиссары вследствие того, что инструкции комиссарам представляют собой что-то вроде секрета, так как не были опубликованы, – так было, например, в Мариинске. В различных глухих углах (например, по верхней Томи) по сию пору ничего не известно о наборе добровольческой армии и мобилизации офицеров. Деревня – русская и инородческая, совершенно не уяснила себе смысла переворота и идеи оздоровления центра через автономию окраин»[2]. Кроме того, в связи с отсутствием официального правительственного издания долгое время был «неизвестен персональный состав Временного Сибирского правительства», что давало «неиссякаемый источник волнениям и противоправительственной агитации среди демократии»[3].

«Положение, действительно, странное, – говорилось далее в проекте, – огромная область, по пространству равняющаяся дюжине европейских государств, ведущая войну на четыре фронта, управляется именем Временного правительства, которое само по себе является неизвестным, и о составе которого могут беспрепятственно циркулировать самые нелепые слухи и известия, опровергнуть которые совершенно невозможно. Более того, декларация правительства должна была печататься на каких-то листовках и афишках, а официальный орган, где она должна быть помещена и где вообще можно почерпнуть все необходимые сведения, совершенно отсутствует»[4].

Планируя организацию такого официального издания и рассматривая его в качестве важного инструмента государственной власти, авторы проекта предполагали, что, наряду с публикацией правительственных постановлений и распоряжений, он будет содержать в себе раздел, в котором бы «компетентные лица» подробно разъясняли суть действий власти. «Необходимость такого отдела ясна, – отмечалось в проекте, – если вспомнить те силы, в руки которых передана власть на местах: силы эти малоинтеллигентные и плохо разбирающиеся во всем происходящем. Для них сухие распоряжения правительства дадут очень мало, и соответствующие разъяснения той или иной меры будут гарантировать правильное и быстрое проведение ее в жизнь»[5]. Таким образом, официальный печатный орган изначально рассматривался не только с точки зрения обнародо-

[1] *Правительственный* вестник. 1919. 12 янв.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 4.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

вания постановлений верховной власти и «правильного» информирования населения о текущих событиях, но как источник разъяснения правительственного курса.

Первоначально организация правительственной газеты в Сибири встретила определенные трудности, как организационного, так и технического характера. Новое правительство не располагало собственной типографией. Кроме того, оказалось сложным делом подобрать опытного и грамотного редактора[1]. В результате Западно-Сибирский комиссариат своим официальным печатным органом не располагал. На своем первом заседании Совет министров Временного Сибирского правительства постановил: «Признать необходимым издание правительственного органа. Найти опытного руководителя правительственного органа и поручить ему разработать программу газеты»[2]. Однако в связи с вышеуказанными трудностями первый номер печатного органа Временного Сибирского правительства – газеты «Сибирский вестник» – вышел лишь 16 августа 1918 г.

Первоначально главным редактором правительственного издания Г.К. Гинс предлагал утвердить профессора Г.К. Тельберга[3]. Однако это назначение не состоялось. Более того, почти 2,5 месяца «Сибирский вестник» выходил без главного редактора. Редактором официальной части правительственной газеты с самого начала ее существования являлся Павел Филиппович Пономарев, занимавший до этого должность секретаря ревизионной комиссии Союза сибирских маслодельных артелей. Он обладал и необходимым опытом руководства периодическими изданиями: был редактором газеты «Крестьянский союз» и кооперативного журнала «Народная газета» в Кургане[4].

Со 2 августа 1918 г. приступает к работе в правительственном информационном бюро в качестве редактора неофициальной части Леонид Степанович Ушаков[5].

В самом же «Сибирском вестнике» неофициальная часть появилась с 21 сентября. 25 октября 1918 г. на должность главного редактора правительственной газеты был приглашен кадет В.А. Кудрявцев. 30 октября он представил своему непосредственному руководству докладную записку, в которой высказал ряд соображений по реорганизации «Сибирского вестника». По мнению Кудрявцева, газета должна была использоваться Советом министров в качестве «служебного орудия», как «для правильного освещения деятельности и намерений сибирского правительства, так, равно, и к популяризации правительственных предположений, которые должны проводиться в жизнь края». Он полагал, что в интересах правительства «Сибирский вестник» заменил бы «читателю частную газету, не только давая материал чисто служебного характера, но и выполнял функцию частных газет, и тем самым борясь с проникновением в народные массы антигосударственных изданий». В связи с этим он предлагал «усилить телеграфную информацию газеты», предоставив ей право получать информацию от всех телеграфных агентств, а также от губернских комиссаров, за исключением сведений секретных или узко административных. По его мнению, необходимо было создать на местах и сеть собственных корреспондентов, прежде всего, в таких городах, как Владивосток, Харбин, Иркутск, Томск, Екатеринбург. Кроме того, Кудрявцев предлагал ввести в «Сибирском вестнике» новую рубрику – политический отдел, для чего «пригласить специальных сотрудников, которых возможно было бы использовать как в смысле укрепления позиций правительства, так и для борьбы с антигосударственными течениями»[6]. С 31 октября 1918 г. «Сибирский вестник» стал выходить за подписью главного редактора В.А. Кудрявцева.

В результате организационных и технических трудностей первые 1,5–2 месяца правительственная газета выходила с редакционными и корректурными ошибками. Со временем была оборудована типография, налажена экспедиция и подобран необходимый штат сотрудников. «Сибирский вестник» печатался в типолитографии Омской железной дороги. Всего были выпущены 61 номер газеты и 13 приложений.

На всем протяжении Гражданской войны структура правительственной газеты оставалась фактически неизменной. В официальной части помещались правительственные декларации, грамоты, указы, постановления и распоряжения, приказы о назначении и увольнении гражданских и военных чинов. В неофициальной части

---

[1] *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 102.

[2] *Временное* Сибирское правительство… С. 101.

[3] ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 156. Л. 34.

[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 52 об.

[5] Там же. Л. 71.

[6] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об. – 2.

печатались известия и телеграммы, поступавшие как от официального телеграфного агентства, так и из других источников, объяснительные записки по тем или иным важнейшим законопроектам, хроника деятельности Совета министров и отдельных ведомств, беседы с официальными лицами или общественными деятелями, сообщения из жизни и деятельности городских и земских самоуправлений, обзоры российской и заграничной прессы, а также статьи по вопросам политической, экономической и культурной жизни края.

Подписка на правительственную газету была обязательна для всех губернских (областных), уездных (окружных) и участковых правительственных учреждений, должностных лиц и всех самоуправлений. Всем правительственным учреждениям, а также предприятиям, «обязанным публичной отчетностью», предписывалось помещать свои объявления в «Сибирском вестнике»[1].

По постановлению Временного Сибирского правительства от 27 августа 1918 г. на страницах правительственной газеты должны были размещаться все публикации и объявления, которые до этого публиковались в «Сенатских ведомостях»[2]. Подобным образом обстояло дело и с официальными сообщениями губернского (или областного) уровня: они подлежали обнародованию в местных органах печати, издаваемых соответствующими правительственными комиссарами, а при отсутствии таких органов должны были помещаться в «Сибирском вестнике».

Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 8 октября 1918 г. заключительные балансы и извлечения из годовых отчетов предприятий, ранее публиковавшиеся в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», временно должны были размещаться в «Сибирском вестнике»[3].

Короткий период, с 6 по 17 ноября 1918 г., выходил «Вестник Временного Всероссийского правительства» – печатный орган Директории. После военного переворота официальным изданием колчаковского Совета министров становится газета «Правительственный вестник».

Редакционная часть работы была сосредоточена в руках трех лиц: главного редактора В.А. Кудрявцева, на которого было возложено общее руководство изданием и просмотр всего наиболее важного и ответственного материала; помощника главного редактора Л.С. Ушакова, который передавал в типографию весь газетный материал, предназначенный для неофициальной части; помощника главного редактора П.Ф. Пономарева, на которого была возложена обязанность получения всего официального материала из Управления делами Верховного правителя и Совета министров, а также надзор за его публикацией. Тексты узаконений и распоряжений правительства Пономарев получал из инспекторского отдела под личную расписку. Наряду с этим, часть узаконений направлялась Пономареву архивариусом из Правительствующего Сената[4].

Все приказы, исходящие от отдельных ведомств, проходили через общую регистратуру Отдела печати и передавались под расписку непосредственно Пономареву. Для большего удобства получения справок о материале, напечатанном в официальной части, П.Ф. Пономарев вел лично для себя особую опись, которая позволяла быстро найти необходимые сведения.

В особо важных и срочных случаях инспекторская часть посылала материалы для опубликования лично главному редактору или же прямо в типографию, о чем делалось предварительное уведомление телефонограммой.

Поскольку работа Совета министров стала со временем более планомерной и в связи с тем, что «Правительственный вестник» освободили от обнародования назначений на службу ниже VI класса, различные официальные материалы больше не накапливались, а публиковались своевременно. Следовательно, жалоб на несвоевременность опубликования нормативного материала практически не стало. Более того, когда тому или иному ведомству необходимо было ускорить издание какого-либо официального документа, оно могло поставить об этом в известность инспекторскую часть и редакцию и совместно с ними установить день, когда следовало напечатать необходимый документ. Вся ответственность за ошибки в публикуемых документах, за исключением типографских опечаток, возлагалась на инспекторскую или юрисконсультскую части Совета министров.

В неофициальной части печатались телеграммы, объяснительные записки по тем или иным важнейшим законопроектам, отчетные сведения различных центральных ведомств, интервью с официальными лицами

[1] *Сибирский* вестник. 1918. 17 авг.
[2] *Временное* Сибирское правительство… С. 305.
[3] *Временное* Сибирское правительство… С. 539, 544.
[4] ГАРФ. Ф. Р-3907. Оп. 3. Д. 15. Л. 12.

или общественными деятелями, обзоры российской и заграничной прессы, а также статьи по вопросам политической и культурно-экономической жизни. Со временем сформировались постоянные рубрики: «Телеграммы» и «Омская хроника» с подразделами «Правительственные известия», «По ведомствам» и «Дневник». Значительная часть материала поступала от информационного бюро уже в обработанном виде. Заведующий информационным бюро Отдела печати А.Н. Потоскуев являлся ближайшим помощником Л.С. Ушакова. С различной периодичностью выходили «Политические заметки» В.А. Кудрявцева.

Был установлен следующий порядок сдачи материала для неофициальной части. Утром, к началу типографских работ, доставлялся весь материал несрочного характера. Затем в течение дня (до 15 часов) поступал весь текущий материал. После этого вставить в номер какую-либо информацию можно было только в чрезвычайном порядке по распоряжению управляющего делами Совета министров[1].

В неофициальной части «Правительственного вестника» активно сотрудничали Н.Я. Новомбергский, Н.В. Устрялов, В.Л. Малеев, Н.С. Юрцовский, архиепископ Уфимский и Мензелинский Андрей (А.А. Ухтомский), Посельский, Г.К. Гинс и др. Гонорар за статьи был установлен в следующем размере: за оригинальные статьи – 70 коп. печатная строка; за компиляции – 50 коп. и за сведения информационного характера – 40 копеек. Однако из-за технических трудностей, когда «Правительственный вестник» выходил всего на двух страницах, редакции пришлось прекратить публикацию не только материалов, присылаемых постоянными авторами, но и статей самих Кудрявцева и Ушакова[2].

Как уже упоминалось выше, конторой и экспедицией «Правительственного вестника» с 1 января 1919 г. заведовал В.П. Машкевич. В его руках была сосредоточена вся работа по распространению издания.

Подписка на «Правительственный вестник» была обязательна для всех губернских, областных, окружных, уездных и участковых правительственных учреждений, должностных лиц и самоуправлений. Подписная плата составляла 12 руб. в месяц, 60 руб. на полгода и 120 руб. в год. Принималась подписка только с 1-го числа каждого месяца в конторе газеты, располагавшейся по адресу: Любинский проспект, дом Шаниной. Всем правительственным учреждениям, а также предприятиям с обязательной публичной отчетностью необходимо было помещать свои объявления в «Правительственном вестнике». Плата за объявления составляла 1 руб. 50 коп. за строку в один столбец[3].

Прием подписки на газету «Правительственный вестник» за наличный расчет производился в конторе издания. Подписку оформляла конторщица. В ее обязанности также входили розничная продажа газеты, получение денег по квитанциям и счетам за объявления, ведение книги лицевых счетов местных и иногородних киосков на основании фактур и накладных, получаемых ежедневно из экспедиции. Перед окончанием рабочего дня она составляла ведомость поступивших в контору денежных сумм, а сами деньги передавала заведующему конторой.

Тираж «Правительственного вестника» постоянно увеличивался. Так, в 1918 г. – апреле 1919 г. он составил 7 000 экземпляров, с 20 апреля по 10 мая 1919 г. – 8 000; с 11 по 21 мая – 9 200; с 22 мая стало выходить 10 000 экземпляров[4]. Однако и этого числа газет не хватало, поскольку все правительственные учреждения и органы местного самоуправления обязаны были выписывать «Правительственный вестник».

Однако, даже оформив подписку, многие учреждения и лица не могли получить газету[5]. Так, в отношении городского отдела МВД, направленном 19 марта 1919 г. товарищу министра внутренних дел, отмечалось, что «Правительственный вестник» «в настоящее время является единственным органом, в котором распубликовываются все правительственные распоряжения и законы». Исходя из этого, его выписка должна быть обязательной не только для правительственных учреждений, но и для органов городского самоуправления. Однако, предположив, что по «условиям переживаемого времени» не все муниципалитеты выписывают «Правительственный вестник», городской отдел запросил у Отдела печати информацию о том, какие города не состоят подписчиками правительственной газеты.

Это было важно, учитывая новый закон о выборах гласных городских дум. Из отношения Отдела печати за № 18 от 20 февраля выяснилось, что на освобожденной территории 58 городских самоуправлений не полу-

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 14.
[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 213. Л. 12–14.
[3] Там же. Л. 10 об.
[4] Там же. Л. 10.
[5] Там же. Л. 9–11.

чали «Правительственный вестник». Городской отдел МВД обратился в Отдел печати с просьбой выслать в срочном порядке в эти города правительственную газету, не дожидаясь поступления от них денег. В свою очередь, все городские самоуправления должны были срочно перевести деньги и обязательно подписаться на «Правительственный вестник»[1].

В ответ на это многие самоуправления обратились в городской отдел МВД с жалобами на действия конторы, рассылающей «Правительственный вестник». Значительная часть не получающих газету самоуправлений своевременно выслала в контору газеты подписную плату и, несмотря на многочисленные просьбы ускорить отправку газеты, не получала ее, что ставило под угрозу выполнение закона о выборах. Городской отдел 6 марта 1919 г. обратился в Отдел печати с просьбой сообщить причины, по которым задерживалась своевременная рассылка «Правительственного вестника»[2].

Экспедиция правительственного издания объяснила перебои с доставкой газеты незначительным тиражом. Уже с апреля 1919 г. экспедиция потребовала увеличить его до 12 000 экземпляров, а официальную часть с 1 января по 1 мая 1919 г. допечатать дополнительно и разослать на места[3]. Однако долгое время из-за отсутствия собственной типографии сделать это было невозможно. Ситуация требовала от Российского правительства расширения издательской деятельности, для чего необходимы были отдельное помещение для типографии, а также оборудование, бумага и расходные материалы.

Поскольку Омск был перегружен различными правительственными учреждениями, поиск помещения для «Правительственного вестника» представлял сложную задачу. По поручению помощника управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т.В. Бутова заместитель редактора Л.С. Ушаков 21 января 1919 г. изучил состояние филиального отделения типографии Омской железной дороги, расположенного в доме политехнического института. Само отделение правление Омской железной дороги планировало перенести в свою главную типографию, а в освободившемся помещении предполагалось разместить типографию и экспедицию «Правительственного вестника».

Однако эта типография в основном выпускала журналы («Вестник Омской железной дороги», «Вестник Министерства путей сообщения»), а также выполняла различные мелкие заказы. Поэтому в ней не оказалось газетных шрифтов. Для обеспечения правительственной типографии шрифтами было решено приобрести их у эвакуированной в Челябинск уфимской газеты «Народ»[4].

В целом организация правительственной типографии была завершена только к концу апреля 1919 г., когда она начала работать на полную мощность. Типография состояла из четырех отделений: наборного, машинного, переплетного и штемпельного.

Наборное отделение было обеспечено газетными шрифтами, которые давали возможность ежедневно набирать четыре полосы «Правительственного вестника» и один раз в неделю «Вестник Министерства путей сообщения». Для нормальной работы отделения необходим был штат в 26 наборщиков, 1 старшего наборщика, 2 метранпажей[5], 4–5 учеников и 4–5 мальчиков.

Машинное отделение было оборудовано одной большой скоропечатной машиной рояльного размера, одной большой скоропечатной четырехлисткой, одной скоропечатной машиной-листовкой, двумя американками, одной бостонкой и одним печатным станком. Электроэнергия поставлялась станцией Омского военно-промыш-ленного комитета.

Однако, помимо оборудования, для нормального выпуска «Правительственного вестника» необходимо было большое количество бумаги и расходных материалов. Так, еще 16 января 1919 г. правление Омской железной дороги направило в бюро печати Российского правительства уведомление, в котором указало, что типолитография дороги, вследствие недостатка рабочей силы, не может выпускать «Правительственный вестник» на двух отдельных листах, поскольку это требует увеличить штат вдвое. В связи с этим типолитография просила распоряжения о присылке бумаги полного формата для нормальной работы[6].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 46–46 об.
[2] Там же. Л. 46–47.
[3] Там же. Д. 213. Л. 10 об.
[4] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 6. Л. 11–11 об.
[5] *Метранпаж* – руководитель группы наборщиков, верстающий полосы (страницы) набора или контролирующий эту операцию.
[6] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–10 об.

После организации правительственной типографии для ее нормальной загрузки на шесть месяцев требовалось около 3000 пудов газетной бумаги, 6000 пудов писчей бумаги, по 300 пудов афишной и альбомной бумаги, а также типографская краска, картон, проволока, каучук и другие материалы на общую сумму 2 247 500 рублей[1]. Также для увеличения тиража «Правительственного вестника» до 15–20 тыс. экземпляров требовалось приобрести ротационную машину, а для ускоренного набора – два линотипа. Приобретение этого оборудования позволило бы типографии принимать последние материалы не в 3 часа дня, а в 12 часов ночи[2].

Однако в Омске купить все необходимое было невозможно либо из-за отсутствия товаров, либо из-за непомерно высоких цен. Так, например, за краску приходилось платить по 800–1000 руб. за пуд вместо прежней цены в 6–10 руб. Для «Правительственного вестника» было закуплено во Владивостоке два вагона бумаги и еще один в Китае. На Дальнем Востоке также можно было приобрести все необходимые материалы японского и американского производства, однако они отличались от отечественных. Поэтому правительственная типография ходатайствовала перед правительством о необходимости отправки на Дальний Восток квалифицированного специалиста для соответствующих закупок[3].

Для приобретения всего необходимого в Токио был направлен Бобков. 27 июля 1919 г. он сообщил, что нашел новую ротационную машину с площадью печати 43,5×31,5 дюйма и производительностью двенадцать тыс. экземпляров в час, или половинного размера – двадцать четыре тысячи. Ее цена вместе с принадлежностями составляла 15, 5 тыс. иен. Фальцовочный аппарат для нее должны были сделать отдельно. Еще одну ротационную машину вместе с фальцовочным аппаратом можно было заказать. Ее изготовление заняло бы четыре месяца. Наряду с этим Бобков сообщал, что имеется в наличии подержанная немецкая литографическая машина в хорошем состоянии, с площадью печати 33×45 дюймов, по цене 11,5 тыс. иен. Бумага газетная полной длины также была в наличии, по цене 18 иен за английский фунт[4].

Наряду с «Правительственным вестником», Отдел печати выпускал и распространял «Сборники узаконений и распоряжений правительства». К середине декабря 1918 г. их было разослано до 70 тыс. экземпляров по двум тысячам адресов[5]. 21 марта 1919 г. Управление делами Верховного Правителя и Совета министров представило доклад, где указывалось на необходимость более рационального использования средств, отпущенных на издание законодательных актов. С этой целью предлагалось запросить все министерства и главные управления о тех законах, в которых в центральных и местных учреждениях была наибольшая потребность, с указанием приблизительного числа необходимых экземпляров. 24 марта 1919 г. управляющий делами Верховного Правителя и Совета министров Г.К. Тельберг вынес резолюцию: «Одобряю и поручаю начать дело»[6].

Наряду с трудностями выпуска правительственных печатных изданий, существовала проблема их своевременной доставки адресатам. 16 января 1919 г. А.И. Манкевич сообщил в канцелярию Совета министров о том, что доставка почты во Владивосток и обратно осуществляется крайне медленно – более двух недель, что вызывает много нареканий и тормозит информационную работу. Это заставило Отдел печати искать более быстрый способ для отправки и получения корреспонденции. Предлагалось отправлять специальных курьеров на курьерских поездах, уходящих из Омска во Владивосток два раза в неделю и находящихся в пути 8 дней. Курьеры должны были получать и доставлять почту в крупные города, лежащие на пути следования. Отдел печати просил провести эту меру в законодательном порядке как полезную для всех ведомств[7].

В тесной связи с правительственными информационно-пропагандистскими учреждениями действовало Русское бюро печати. С 16 августа пресс-бюро РБП начало издавать «Нашу газету», рассчитанную на читателя «среднего развития». Причем ее издание должно было осуществляться одновременно в нескольких городах (Омске, Томске, Новониколаевске).

13 сентября 1919 г. для организации выпуска «Нашей газеты» в Томск прибыл Г.А. Вяткин. В тот же день он ознакомился с состоянием томских типографий. Издание новой газеты оказалось возможным либо в типографии Дома трудолюбия, принадлежавшей Епархиальному совету, либо в типографии Томского губернского

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 14.
[4] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.
[5] *Правительственный* вестник. 1918. 25 дек.
[6] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 73. Однако только 23 июня 1919 г. копия доклада была направлена Управлением делами в Отдел печати.
[7] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 30–30 об.

земства. Первая была очень мала, но имела новые шрифты; вторая располагала довольно большим помещением, но шрифты оказались «забиты». К тому же управление Омского военного округа собиралось реквизировать ее для выпуска военной газеты. Бумаги в Томске не оказалось, что потребовало доставлять ее из Омска или с востока.

Общественные деятели Томска, в том числе Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов, выступили в поддержку нового общедоступного издания. Цена номера единственной на тот момент частной газеты «Сибирская жизнь» составляла 1 руб. 70 коп. Малообеспеченной части населения она была недоступна. Потребность же в достоверной информации была крайне велика. Редактором «Нашей газеты» в Томске предполагалось назначить Иосифа Алексеевича Иванова, опытного журналиста, секретаря «Сибирской жизни», выпускника историко-филологического факультета Петроградского университета[1].

Уже с первого номера «Наша газета» становится достаточно популярной. Это объяснялось не только тщательным подбором материала и хорошей информированностью, но и относительно низкой ценой. Вначале 20 коп., а затем 40 коп. за номер. Наибольшего тиража газета достигла в августе – 50 тыс. экземпляров. Всего же за август 1919 г. было выпущено 543 616 экземпляров газеты[2].

В октябре 1919 г. Русское бюро печати начало выпускать газету «Русское дело». Ее редакция в Омске размещалась в доме Липатникова (ул. 2-й взвоз), а печаталась в типографии АО РОПД. Контора располагалась на Любинском проспекте, в доме Цинделя, где находилась контора вскоре закрытой газеты «Наша заря».

Первоначально управляющим конторой и заведующим изданием «Русского дела» был назначен Иван Иванович Кузнецов. Однако при нем работа была организована весьма посредственно. Экспедиция, за исключением набора мальчиков-распространителей, была не налажена. Перед самым выходом газеты не была проведена соответствующая рекламная кампания, поэтому население ничего не знало о новом издании. Не были заключены и договоры об обмене газетами с другими издательствами. Иногородним подписчикам газета не рассылалась, в издании не была указана цена за объявления и место приема объявлений, а газетные киоски Омска не были своевременно извещены о выходе первого номера. В результате было реализовано менее тысячи экземпляров первого номера этой газеты[3].

Наряду с указанными недочетами, при выпуске первого номера газеты не были соблюдены и некоторые статьи закона о печати. 6 октября 1919 г. в редакцию «Русского дела» было направлено уведомление от управляющего Акмолинской областью. В нем указывалось, что согласно закону необходимо было подать заявление в двух экземплярах о выпуске в свет новой газеты и получить из газетного стола Акмолинского областного управления соответствующую расписку. Кроме этого, со ссылкой на тот же закон предписывалось указывать в каждом номере адрес редакции, чего в первом номере не было сделано[4].

Для выяснения причин неудачи, постигшей первый номер «Русского дела», в контору газеты был направлен уполномоченный В.Г. Гаркунов. Он 6–7 октября 1919 г. провел ревизию конторы и пришел к заключению, что у И.И. Кузнецова отсутствовали «достаточная подготовка и практика для занимаемой должности»[5].

В.Г. Гаркунов также указал на необходимость более раннего выхода газеты из типографии. Он предложил первую и четвертую страницы печатать с вечера, самое позднее в 19–20 часов, вторую и третью страницы начинать печатать не позднее 23 часов[6]. Все эти меры были необходимы для своевременной доставки газеты. Чтобы адресаты получили ее без задержки, она должна была отправляться из Омска в день выхода.

Процедура при этом была примерно следующей. В отдел местной почтовой конторы часть тиража «Русского дела» должна была доставляться к 6 часам утра. Только при таком условии газета могла быть отправлена поездом № 3, которым отправлялась вся сибирская почта. Чтобы успеть к этому времени упаковать 1 300 экземпляров «Русского дела» и 350 экземпляров «Нашей зари», необходимо было получить их из переплетной типографии в 5 часов утра, так как для наклейки адресов, составления накладной и упаковки требовалось не менее часа. После этого, не позже 6.30 утра, следовало получить из типографии еще 1 500 экземпляров газеты,

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 105.
[2] Там же. Д. 509. Л. 3.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 8 об.
[4] Там же. Л. 23.
[5] Там же. Л. 8 об.
[6] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 13.

теперь уже для местных распространителей. Все эти меры могли значительно повысить тираж газеты и соответственно повысить доходы[1].

Новым заведующим изданием был назначен Владимир Борисович Локшин. Чтобы выяснить причины незначительной реализации тиража первых номеров газеты «Русское дело», он лично побеседовал с владельцами киосков. Последние заявили, что газета из типографии поступает по сравнению с другими изданиями очень поздно, что снижает спрос на нее. Владельцы киосков отметили также незначительный гонорар за реализацию одного экземпляра: всего 25 коп. В.Б. Локшин в докладной записке от 8 октября 1919 г. предложил правлению «Русского общества печатного дела» установить более низкую оптовую цену на газету, хотя бы на первое время, пока издание не получит широкую известность. По его мнению, для владельцев киосков она должна была составлять 1 руб. 50 коп., а всем остальным продавцам 1 руб. 60 коп. при продажной розничной цене в 2 руб. за экземпляр[2].

Вскоре был налажен обмен изданиями между редакциями «Русского дела» и «Крестьянского вестника», издававшегося Отделом печати Совета министров, а затем и с другими периодическими изданиями[3].

Начальнику Омской почтовой конторы 8 октября 1919 г. было направлено прошение о приеме газеты «Русское дело» для пересылки подписчикам[4]. Экспедиционному отделу Русского бюро печати поручалось рассылать местным отделениям в Иркутске, Томске, Новониколаевске и Красноярске по 200 экземпляров, а во Владивосток – 500 экземпляров этой газеты[5]. Вскоре количество экземпляров, отправляемых в Иркутск и Красноярск, возросло до 300, а в Новониколаевск – до 250. Наряду с этим, по просьбе профессора Казанского, в Томск для Комитета помощи армии стали высылать еще по 600 экземпляров газеты. Когда выяснилось, что доставка почтой оказалась ненадежной, газеты начали отправлять багажом поезда № 4 в сопровождении курьеров[6]. По рекомендации вскоре обанкротившейся и закрытой газеты «Наша заря» редакция «Русского дела» стала рассылать свою газету владельцам киосков на линии железной дороги[7].

9 октября 1919 г. в управление делами АО РОПД была направлена просьба о срочном выпуске в типографии Общества для редакции «Русского дела» рекламных материалов: объявлений о выходе газете – 1 500 экз., о публикациях в ней – 300 экз., плакатов о продаже – 500 экземпляров. Такие рекламные материалы должны были рассылаться вместе с номерами газеты в крупные города Сибири[8].

Наконец, 22 октября 1919 г. правление «Русского общества печатного дела» известило управляющего Акмолинской областью, что с 17 октября 1919 г. в Омске стала издаваться ежедневная газета под названием «Русское дело» с отделами, «присущими большой политической газете». Редактором газеты был назначен профессор Дмитрий Васильевич Болдырев. Газета выходила ежедневно, за исключением дней послепраздничных. Подписная цена устанавливалась в 60 руб. в месяц при розничной цене в 2 рубля[9].

Из Иркутска от руководителя местного отделения Русского бюро печати В.В. Перемиловского в Омск А.К. Клафтону была направлена телеграмма, где отмечалось, что газета «Русское дело» имела успех, однако делу «вредит неаккуратное поступление издания». Он также просил высылать «Нашу газету» меньшим количеством, так как на железнодорожных станциях ее не покупали «из-за давности номера». В самом же Иркутске ее продавать было невыгодно: читатели путали шестидневную «Нашу газету» из Омска с местной, издаваемой в Иркутске под тем же названием. В связи с этим газета распространялась в основном бесплатно среди солдат[10].

Таким образом, наиболее эффективным способом пропагандистского воздействия через периодическую печать пресс-бюро АО РОПД признало издание собственной газеты. Особенно удачным оказался опыт «Нашей газеты», быстро завоевавшей широкую популярность. Влияние же на самостоятельные провинциальные газеты со стороны пресс-бюро было незначительным. Рассылаемые на места статьи и другой материал прак-

[1] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 31–31 об.
[2] Там же. Л. 12, 12 об.
[3] Там же. Л. 21, 22.
[4] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 27.
[5] Там же. Л. 28.
[6] Там же. Л. 71.
[7] Там же. Л. 37.
[8] Там же. Л. 29, 49.
[9] Там же. Л. 69.
[10] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 18.

тически не использовались. Причинами этому стали слишком большой объем статей для небольших по размеру местных газет, а также запаздывание рассылаемого материала по времени, что делало его неактуальным.

Особое место в идеологическом противостоянии белых и красных занимала антибольшевистская военная периодика. Приоритетные направления в деятельности военной прессы, ее место в общей системе идеологического обеспечения белого движения достаточно четко были сформулированы в редакционной статье первого номера новониколаевских «Военных ведомостей». «Наше дело, военной газеты, – говорилось в этой статье, – обратить все свое внимание на нашу возрождающуюся к новой жизни армию... Оберегать ее от внутреннего разложения и создавать вокруг здоровую обстановку. Использовать все культурные силы внутри армии, чтобы с помощью их воспитать и поднять на должную высоту солдатские массы. Привлечь все общественные силы страны, чтобы окружить армию заботливым отношением тех, кого она защищает»[1].

На востоке России военная пресса впервые появилась осенью 1918 г., когда 22 сентября под девизом «За веру и верность» вышел первый номер газеты «Сибирский стрелок» (издание штаба 3-го Уральского корпуса горных стрелков). В разное время штабом Верховного главнокомандующего издавались газеты «Русская армия» и «Русский воин», журнал «Солдат и крестьянин»; штабом главнокомандующего Восточным фронтом – газеты «Вперед» и «Родина»; штабом Московской группы армий – газета с аналогичным названием.

Значительный рост военной периодики наблюдается с весны 1919 г. На фронте штабы всех армий располагали собственными изданиями: Сибирская армия (в дальнейшем – 1-я армия[2]) – «Голос Сибирской армии»; 2-я армия – «Голос армии»; Западная армия (в дальнейшем – 3-я армия) – «Великая Россия», «За Россию», «Друг армии и народа», «Сибирский стрелок», «Третья армия» и т.д. Имелись корпусные газеты – «Сибирские стрелки» (1-й Средне-сибирский армейский корпус), «За Родину» (2-й Степной Сибирский армейский корпус), «Сибирский стрелок» (3-й Уральский армейский корпус), «Иркутский стрелок» (Сводный корпус Сибирской армии), «Уфимец» (2-й Уфимский армейский корпус), а также дивизионные – «Военные ведомости» (6-я Казанская), «На страже свободы» (1-я Сибирская стрелковая), «Голос сибиряка» (7-я Уральская горных стрелков). Своими периодическими изданиями располагали и штабы военных округов: «Наш долг» (тыловой округ Восточного фронта), «Великая Россия» и «Русский голос» (Омский ВО), «Сводка осведомительного отдела штаба Иркутского военного округа (Иркутский ВО), «Военный вестник» (Приамурский ВО).

Существовала также и казачья пресса. Главное управление по делам казачьих войск выпускало газету «Голос казачества», осведомительный отдел Сибирского казачьего войска – газету «Сибирский казак». В Омске под редакцией Г.Е. Катанаева издавался еженедельник «Иртыш».

Однако путь к такому многообразию оказался весьма нелегким. Остановимся подробнее на истории создания официального печатного органа военного ведомства – газеты «Русская армия».

Работа по организации при штабе Сибирской армии своего печатного органа началась в конце лета – начале осени 1918 г. Связано это было, видимо, с переходом от добровольческого принципа комплектования армии к массовой принудительной мобилизации, а, следовательно, и с необходимостью целенаправленной разъяснительной работы среди малообразованных новобранцев. Тем более что офицерский состав в своей массе с подозрением относился к «политике» и с ненавистью – к «партийности», слабо разбирался в идеологических и политических вопросах и такого рода работу проводить не мог.

Редакцию и типографию нового издания планировалось включить в состав военно-исторического отдела штаба Сибирской армии. Штатное расписание сотрудников будущей газеты, как отмечалось в докладе капитана Пресницкого, временно исполнявшего обязанности начальника отдела, в целом одобренное начальником штаба армии генерал-майором Г.А. Беловым, предполагалось установить «в зависимости от характера газеты, увеличиваясь в случае придания последней вида органа военного ведомства, вроде бывшего “Русского инвалида”»[3].

Организации газеты для военнослужащих была посвящена специальная статья известного в то время литератора, помощника управляющего информационным бюро Временного Сибирского правительства

[1] *Военные* ведомости. 1918. 21 нояб.

[2] *В июле* 1919 года Сибирская армия была разделена на 1-ю (на тюменском направлении) и 2-ю (на курганском направлении) Сибирские армии.

[3] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 287. Л. 34.

Г.А. Вяткина, опубликованная в «Сибирском вестнике» 15 сентября 1918 г. «Организация молодой сибирской армии, – писал он, – заканчивается. Тысячи, десятки тысяч молодых людей призваны на защиту родины. Судя по ходу набора, нельзя сомневаться в их верности воинскому долгу, и есть все основания полагать, что молодая сибирская армия сумеет постоять за честь и достоинство России и Сибири. Но армия вправе требовать к себе внимательного отношения, как со стороны правительства и военного ведомства, так и со стороны общества. Совместными усилиями государственных и общественных учреждений она должна быть одета, обута, обеспечена продовольственными и иными запасами». Однако, по мнению Вяткина, у солдат и офицеров Сибирской армии помимо потребностей материальных имеются, несомненно, и потребности духовные. «Огромное большинство призванных молодых людей, – писал он далее, – грамотны, у них есть потребность в чтении, в той или иной работе мысли, есть духовная жажда, и эта потребность, эта жажда должны найти живой отклик, действенное сочувствие: для армии нужна газета»[1].

Опираясь на имеющийся у него опыт (в Первую мировую войну он в качестве корреспондента выезжал в действующую армию, а затем служил на Северном фронте помощником уполномоченного по информационной части), Вяткин попытался определить характер и наметить своего рода программу предполагаемого издания.

Прежде всего, он справедливо указал на недостатки отечественной военной периодики, выпускавшейся в предшествующий период. Так, издававшиеся при царском режиме газеты и журналы для армии, с точки зрения Вяткина, наполнялись в большинстве случаев одним лишь официальным материалом, сухим и скучным и притом однообразным, специально военным. Для солдатской массы это было просто неинтересно, часто непонятно, а если и понятно, то неубедительно.

Военная же печать времен Временного правительства, по его мнению, страдала другим существенным недостатком: почти все издания были партийными и все без исключения были наполнены «исключительно одной политикой». Вяткин заметил на этот счет: «Сначала солдаты набросились на них, а затем предпочли перейти на “Петроградский листок”, где и чувствительный роман печатался и любопытные подробности разных уголовных историй»[2].

Новое издание, по его мнению, должно было избежать таких ошибок. «Газета должна быть аполитична, – указывал он. – И армия, и ее газета пусть будут вне всякой политики, вне всяких политических нашептываний, как справа, так и слева. Газета должна быть интересна для солдатской массы, которая и явится ее главной и, может быть, единственной аудиторией, ибо господа офицеры имеют возможность читать всякие другие издания»[3].

Для того чтобы газета была живой, бойкой и читаемой, по мнению Вяткина, она должна быть разнообразной и состоять из следующих разделов:

«1. Официальный: приказы, распоряжения, наказы.

2. Война. Оперативные сводки наши и союзнические. Описание выдающихся боев и подвигов. Еженедельные систематически обзоры военных действий.

3. Общая хроника: события русской и иностранной жизни.

4. Хроника сибирской жизни.

5. Что пишут в других газетах (перепечатки, в целом или в выдержках, подходящих статей из сибирских и общероссийских газет).

6. Корреспонденции и письма из армии.

7. Военно-технический отдел: популярные статьи по вопросам строевой и боевой службы, стратегии и тактики, обороны и нападения. Ознакомление пехоты с задачами и работой кавалерии, артиллерии, воздухоплавания, инженерных войск (с примерами, элементарными чертежами, фотографическими снимками).

8. Литературный или научный фельетон: а) стихи, б) беллетристика – в одинаковой степени занимательная и содержательная, преимущественно перепечатки лучших коротких рассказов мировой литературы на тему о долге, родине, чувстве товарищества и т.п.; в) популярные статьи по естественным наукам, родиноведению, сибириведению, европейской и русской истории.

9. Смесь: анекдоты, шутки, задачи, загадки и т.п.

---

[1] *Сибирский* вестник. 1918. 15 сент.
[2] Там же.
[3] Там же.

10. Справочник и ответы на деловые вопросы читателей»[1].

Приблизительно в середине октября 1918 г. процесс создания армейской газеты переходит из фазы обсуждения в стадию непосредственной организационной работы. В первую очередь, это касалось утверждения штатного расписания редакции и типографии нового издания. Начальником военно-исторического отдела штаба Сибирской армии генерал-майором В.Р. Романовым был подготовлен соответствующий доклад.

«Нужда в печатном военном органе здорового направления, – указывалось в нем, – давно назрела, и из многочисленных войсковых частей на фронте и в тылу слышится определенный голос о необходимости издания такой газеты. В особенности же с изданием газеты приходится спешить теперь, когда вся Сибирь очищена от анархо-большевистских банд и повсеместно началась созидательная работа по комплектованию армии. Наличие своего печатного органа, безусловно, будет большой поддержкой в деле воспитания молодой Сибирской армии»[2].

Штатное расписание редакции и типографии будущего издания было составлено «применительно к штату газеты “Армейский вестник”», выпускавшейся в годы Первой мировой войны при штабе Юго-Западного фронта. В том же докладе была определена сумма необходимого на «первоначальное оборудование издания газеты» кредита в размере 24,5 тыс. рублей. Полученные от казны средства планировалось израсходовать на закупку бумаги и типографских красок (15 тыс. руб.), выплату гонорара сотрудникам (5 тыс. руб.), а также на «оборудование редакции, конторы и типографии газеты необходимыми предметами» (3 тыс. руб.) и другие «хозяйственно-канцелярские» нужды. В заключение доклада говорилось, что «в последующие месяцы все упомянутые расходы могут погашаться из ожидаемых к поступлению сумм за подписную плату и розничную продажу газеты»[3].

Однако организационная работа продвигалась медленно. Особенно острой была проблема с подбором кадров. К середине октября 1918 г. в штате значилось только три сотрудника: редактор будущего издания подпоручик Леонтьев, его помощник поручик Федоров и заведующий типографией военный чиновник Берников[4]. Остальные 12 должностей, полагавшихся по штатному расписанию в редакции, и 23–27 в типографии продолжали оставаться вакантными. Тогда же в связи с начавшейся реорганизацией штаба Сибирской армии редакцию военной газеты было решено передать в управление дежурного генерала.

Выпустить первый номер газеты планировалось не позднее 25 октября. Однако незадолго до этого по предписанию генерала Розанова типография бывшего 20-го полка, в которой предполагалось печатать газету, была передана Ставке. Кроме того, в распоряжение Ставки были откомандированы несколько офицеров военно-исторического отдела. В итоге выпуск первого номера официального издания штаба Сибирской армии сильно задержался: газета «Голос Сибирской армии» начала выходить только с конца марта 1919 г.

Таким образом, в тот момент, когда казалось, что все уже было подготовлено к выпуску газеты, в истории официального печатного военного органа Белой Сибири произошел неожиданный поворот. 17 октября 1918 г. начальник информационного отдела Ставки ротмистр Скрябин направил помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего доклад, в котором обосновывал необходимость издания специальной военной газеты.

«Удовлетворяя духовные запросы офицерской и солдатской массы, – писал он, – орган этот в то же время будет служить солидным орудием для воспитания армии и для борьбы с той агитацией, которую ведут и будут вести в ее рядах злонамеренные элементы. Внедряя в широкие массы принципы государственности, газета должна пропагандировать идею создания мощной, боеспособной Русской армии и через посредство ее воссоздание единой Великой России»[5].

10 ноября Скрябин направил в штаб Верховного главнокомандующего еще один доклад, в котором заострил внимание на «идейной стороне» будущего издания, обосновал необходимость тщательного подбора заведующих отделами газеты. «При отсутствии этих сотрудников газета, – писал он, – будет заключать в себе только официальную часть, представляя собой сборник приказов, приказаний, распоряжений и т.д. Для придания органу характера газеты, имеющей целью проведение как в военную, так и вообще в народную массу

[1] *Сибирский* вестник. 1918. 15 сент.
[2] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 288. Л. 7–7 об.
[3] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 288. Л. 7 об.
[4] Там же. Л. 4.
[5] РГВА.. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

особых идей и взглядов, необходимо иметь указанных выше заведующих отделами. Заведующий отделом, состоя на постоянной службе, обязан вести порученный ему отдел, заполняя его как собственными произведениями, так и статьями случайных сотрудников. Несомненно, что заведующий отделом должен быть человеком с известным литературным именем и стажем, что является гарантией для соответствующей оценки им поступающих в редакцию статей и что, несомненно, поднимет значение газеты»[1].

Рассматривалось несколько вариантов названия новой газеты: «Армия и флот», «Армейские ведомости», «Родина и армия», «Русская армия», «Вестник штаба Верховного главнокомандующего», «Военный вестник Возрождающейся России» и ряд других. Скрябин предложил остановиться на названии «Русская армия», как «наиболее ярко характеризующем тип газеты». Это название и было утверждено генералом Розановым. Новая газета стала выходить на следующий день после колчаковского переворота. Позднее, начиная с 15 декабря, начала выпускаться газета «Русский воин», рассчитанная преимущественно на простых солдат.

Таким образом, история создания газеты «Русская армия» отразила эволюцию представлений о роли пропаганды в военной среде. Первоначальная недооценка значения периодической печати, недопонимание и даже неприятие пропаганды сказались на затягивании с выпуском газеты.

Военные и в дальнейшем часто не понимали, да и не хотели понять специфики газетного дела. В своих воспоминаниях В.Н. Иванов приводит интересный эпизод, относящийся к тому времени, когда он работал в редакции армейской газеты «Сибирские стрелки». «На собрании штаба, – писал он, – генерал Пепеляев взялся за газету – он требовал поднажать на патриотичность, а тут, как-то развернув газету, генерал вдруг увидел торговые и бытовые объявления и закричал:

– Какая же это, к черту, военная фронтовая газета? Смотрите объявление: коза продается! Коза в военной газете… Черт знает что такое! Где Иванов?!

– Ваше превосходительство! – отвечал я. – Коза это не коза, а объявление! Деньги! Это тираж! Это спокойное дело! Нельзя жить одними красивыми словами.

Генерал фыркнул, бросил газету»[2].

Большое значение для восприятия имели способы подачи и размещения публикуемых материалов внутри самого повременного издания. Каждая газета имела определенную структуру, своего рода матрицу, заполнявшуюся информацией. К примеру, во второй половине 1919 г. газета «Русская армия» включала следующие составные элементы:

- ❑ Официальный отдел.
- ❑ Военный отдел (обзоры, статьи).
- ❑ Последние известия (положение на фронтах, из союзных миссий, обзор радио большевиков и т. д.).
- ❑ Интервью, беседы с военными и политическими деятелями.
- ❑ Обзор печати.
- ❑ Телеграммы.
- ❑ Иностранная печать.
- ❑ Война (оперативные сводки штаба Верховного Главнокомандующего).
- ❑ Хроника войны.
- ❑ Омская жизнь.
- ❑ Объявления и т.д.

Основным структурообразующим элементом при этом выступали названия рубрик и тематических разделов, а также заголовки отдельных статей. Задача последних – произвести впечатление и заинтересовать читателя. Поэтому они в большинстве случаев были броскими, чтобы привлечь внимание читателей: «Крестьяне на борьбе с шайками красных», «Правильным путем», «Работа предателей», «Задачи будущего», «Не посрамим земли Русской» и т. д.

Многие издания Белой Сибири, особенно военные, имели *девизы* – лаконичные изречения, выражавшие руководящую идею: «Могучая и боеспособная армия – опора и мощь Великой России» («Русская армия»); «Честь бойцам, смерть врагам!» («Вперед!»); «Сильная духом, мощная армия – залог возрождения России»

[1] РГВА.. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 89. Л. 77.
[2] *Иванов В.Н.* Урал – Харбин – Владивосток… С. 386–387.

(«Друг армии и народа»); «Единая неделимая Россия. Могучая дисциплинированная армия» («Военные ведомости»); «За веру и верность» («Сибирский стрелок»).

Кроме того, в газетах, особенно с лета 1919 г., регулярно печатались *лозунги* – краткие призывы, побуждавшие к определенному действию. Такие как: «Все силы должны быть посвящены только одной цели – дать отпор врагу, несущему смерть и всеобщее разрушение!» или: «Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины, вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честолюбия». Лозунги и девизы несли особую смысловую нагрузку. В них концентрировалась политическая программа белого движения, они возводили относительные политические понятия и ценности в ранг абсолютных категорий, сводили сложные политические абстракции к чему-то типичному и обозримому. Содержащиеся в них ключевые слова несли сильный эмоциональный компонент значения, при их помощи создавались запоминавшиеся словесные структуры, помогавшие приблизить к обывателю отвлеченные политические понятия и абстрактные схемы, далекие от его жизненного опыта.

С той же целью использовались *эпиграфы* – специально подобранные цитаты. Наибольшее количество эпиграфов содержали такие издания, как «Русское дело», «Родина», «Наша газета». Преимущественно это были ключевые фразы из выступлений лидеров белого движения (А.В. Колчака, А.И. Деникина, М.В. Алексеева, В.В. Астрова и ряда других), а также высказывания известных людей (Б. Шоу, П.А. Столыпина, Сенеки, У. Черчилля и др.), сообразные текущему моменту. В «Нашей газете» существовал даже специальный раздел «Мысли мудрых», в котором помещались афоризмы и русские пословицы.

Выделенные более крупным шрифтом, чем основной текст, девизы, лозунги и эпиграфы особым образом располагались на газетных полосах. Девизы – под названием газеты, лозунги – по верхнему краю полос. Там же иногда размещались призывы типа: «Граждане! Спешите жертвовать на подарки для наших воинов на фронте»; эпиграфы, иногда выделяемые рамками внутри газетного текста. В совокупности с названиями рубрик и тематических разделов, заголовками статей они в сжатом виде выражали основную идею данного издания. А более крупный шрифт позволял прочесть их даже малограмотной аудитории. Ориентированные, прежде всего, на эмоциональное восприятие, девизы, лозунги и эпиграфы обретали такую собственную значимость, что не нуждались в уточняющем контексте. Они обладали определенным внушающем воздействием, поскольку в них концентри-ровались политические ценности и ориентиры. Не случайно, что при посещении фронтовых частей сотрудникам осведомительных органов высказывались пожелания «о размещении в газетах в виде эпиграфов отдельных фраз из речей верховного правителя». Факторами, которые, без сомнения, снижали уровень восприятия и затрудняли чтение, являлись плохое качество бумаги (грязно-желтая, серая, зеленоватая), не всегда четко пропечатанный шрифт и частые опечатки.

На территории Белого Востока широкое распространение получил и такой вид пропагандистской продукции, как листовка. Преимущество листовок перед другими разновидностями агитационной литературы заключалось в их оперативности: относительно небольшой формат позволял быстрее реагировать на изменение политической и военной обстановки, осуществлять подготовку к печати, издание и распространение. Кроме того, сама возможность выпускать листовки большим тиражом при наличии минимальной полиграфической базы также являлась их достоинством.

Выступление в конце мая 1918 г. на территории Западной Сибири Чехословацкого корпуса и вооруженного офицерского подполья привело к падению советской власти и переходу управления к уполномоченным Временного Сибирского правительства. Новый политический режим нуждался не только в информационном обеспечении своего внутри- и внешнеполитического курса, но и в мерах пропагандистского воздействия.

«Первой печатной продукцией Белой Сибири, – отмечает новосибирский исследователь А.Л. Посадсков, – помимо газет и экстренных листков телеграмм, стали листовки. Практически в каждом городе Сибири в первые же часы после ухода красных войск было выпущено от 2 до 18 названий различных листовок на тему произошедшей смены власти, издателями этих воззваний чаще всего были вновь сформированные губернские и уездные комиссариаты Временного Сибирского правительства и земские управы, комитеты общественного порядка и безопасности, другие общественные организации антибольшевистского толка, а также вышедшие из подполья военно-повстанческие организации ПСР (последнее было характерно для Иркутска, в котором эсеры имели солидную нелегальную типографию, доставившую до этого много неприятностей местным чекистам)»[1].

[1] *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока... С. 88.

Одним из первых массово распространяемых обращений новой власти к населению стало воззвание «Граждане крестьяне!». Текст его был утвержден на заседании военно-революционного штаба Временного Сибирского правительства, состоявшемся 28 мая 1918 г. в Новониколаевске. Тогда же было принято решение об издании воззвания тиражом в 3 тыс. экземпляров[1]. 2 июня в Томске губернская земская управа на своем втором после переворота заседании приняла проект обращения к населению, предложенный В.П. Денисовым. Планировалось отпечатать 250 воззваний и «разослать по сельским, волостным и уездным земским управам»[2].

Информационно-агитационная поддержка вербовки добровольцев в ряды Сибирской армии стала, по существу, первой пропагандистской кампанией новой государственной власти. 11 июня 1918 г. членами Томской губернской земской управы М.П. Рудаковым, А.М. Бугославским и Ю.Р. Саиевым было принято решение об издании листовки «по вопросу о формировании Сибирской добровольческой армии» в количестве 2,5 тыс. экземпляров[3]. На следующий же день на заседании управы вновь поднимается тот же вопрос. Она постановила отпечатать 5 тыс. воззваний и «послать воззвание волостным и сельским земским управам об оказании содействия по призыву в добровольческую Сибирскую армию»[4]. Для удовлетворения потребности в листовках Томская уездная земская управа сделала заказ в Омск. Предполагалось выписать листовки из мастерских Вятского и Вологодского земств.

Следует отметить, что вплоть до лета 1919 г. Омскому правительству не удалось наладить издание необходимого количества пропагандистской литературы. Именно с этого времени активную издательскую деятельность развернуло одно из структурных подразделений Русского бюро печати – пресс-бюро. Для улучшения своей работы пресс-бюро запросило с мест следующие данные: «1) приблизительная численность населения; 2) его состав в процентах (городское население, рабочие, крестьяне); 3) политические настроения; 4) в освещении какого вопроса нуждается население; 5) какой способ выполнения указанной цели, по Вашему мнению, более приемлем (печать, школа, лекции и т.п.)»[5].

Свою главную задачу пресс-бюро видело в выпуске пропагандистской литературы небольшого объема (листовки и небольшие брошюры). Это было обусловлено двумя обстоятельствами. С одной стороны, как отмечалось в одном из отчетов пресс-бюро, «наши народные массы в настоящее время еще недостаточно развиты для того, чтобы их могли обслуживать исключительно газеты». С другой – недостаток бумаги, шрифтов и красок не позволял увеличивать тираж газет[6].

В течение трех месяцев пресс-бюро напечатало 8 755 820 листовок, в том числе выполняя заказы Главного штаба, штаба Сибирской армии и министерства финансов. Большими тиражами были напечатаны: «Декларация Российского правительства» (500 тыс. экз.); «От Верховного правителя и Верховного главнокомандующего к офицерам и солдатам красной армии» (600 тыс. экз.); «Граждане (От штаба Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего)» (600 тыс. экз.) и «Хлеб идет» (500 тыс. экз.)[7].

За три летних месяца 1919 г. пресс-бюро было выпущено 13 брошюр общим тиражом в 1 056 717 экземпляров. Так, брошюра Новосельского «Как разрешить земельный вопрос в России» была издана в количестве 100 тыс. экз., «Биография Колчака» (С. Ауслендера) – 99 875 экз., «В красной России» (Огонькова) – 84 320 экз., «Сборник рассказов» (Б. Зорина) – 89 685 экземпляров. По заказу штаба Сибирской армии пресс-бюро издало брошюру «Народная ли власть Совет народных комиссаров» тиражом 204 тыс. экземпляров[8].

Широкое распространение получили издававшиеся в массовом количестве брошюры объемом до одного печатного листа. К ним следует отнести: «Что сделали большевики с нашей Родиной» протоиерея Рождественского, «Жизнь России под большевиками» М.М. Ардашевой, «Что дали большевики крестьянству» М.И. Князева, «За что борется наша армия» И.А. Лабенского, «Только победа над большевиками принесет землю и хлеб крестьянству» С.И. Акерблома и ряд других.

---

[1] *Временное* Сибирское правительство…. С. 40.
[2] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.
[3] Там же. Л. 17.
[4] Там же. Л. 19.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 506. Л. 52.
[6] Там же. Д. 509. Л. 2.
[7] Там же.
[8] Там же.

Срочные воззвания передавались по проводному телеграфу и печатались на местах. Таким образом, издания пресс-бюро были выпущены в городах: Томске, Новониколаевске, Иркутске, Никольске-Уссу-рийске, Тобольске, Павлодаре, Таре, Семипалатинске, Каркаралинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске и Николаевске-на-Амуре общим количеством 6 640 экземпляров[1].

С целью вовлечения в сферу своего влияния местные периодические издания пресс-бюро финансировало газеты «Канский вестник» и «Свободная речь». Оно также установило связь с информационными отделами 1, 2 и 3-й армий. Оттуда оно получало задания и в соответствии с ними посылало на фронт пропагандистскую литературу. Пресс-бюро поддерживало фронтовую газету «На страже свободы»[2].

Пресс-бюро проводило информационную работу с местными газетами, снабжая их уже готовыми материалами. В июне–августе 1919 г. была разослана 51 статья. Наибольшим успехом пользовались следующие материалы: «На Дону» (напечатано в 13 газетах); «На Юге России» (напечатано в 13 газетах), «Танки в гостях у генерала Деникина» (напечатано в 12 газетах), «Международные перспективы» (напечатано в 11 газетах). Таким образом, наибольший интерес на местах вызвали статьи о положении дел на Юге России.

Важным направлением пропагандистской деятельности осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего стало распространение в прифронтовой полосе, внутренних и тыловых округах деклараций Верховного правителя и Совета министров, приказов Верховного главнокомандующего, основных правительственных постановлений. С 6 июля в газете «Русская армия» была открыта особая рубрика «Осведверх», в которой, с одной стороны, публиковались материалы, освещавшие деятельность «главного и центрального органа военного осведомления», а с другой – помещалась информация, полученная из самого отдела[3].

Осведверх в большом количестве издавал иллюстрированные письма для солдат, в которые вкладывались документальные материалы, «рисующие тяжесть жизни под большевистским игом крестьян»[4], брошюры, листовки, воззвания, агитационные и информационные плакаты, лубки, портреты вождей белого движения. К примеру, еженедельный тираж листовок составлял до 1 млн экземпляров. «Враги, еще так недавно засыпавшие фронт литературой, и в этом отношении столкнулись с нашими контрмерами»[5], – с удовлетворением констатировал начальник отдела полковник Клерже. Листовки, воззвания, прокламации выпускались не только на русском, но также на татарском, казахском и башкирском языках[6].

В начале июля 1919 г. газета «Друг армии и народа» анонсировала создавшееся при штабе Западной армии военное издательство, которое, наряду с выпуском упомянутой газеты, предполагало издавать и другую печатную продукцию (летучки, прокламации, брошюры, воззвания и плакаты). В газете приводился внушительный список тем, на которые осведомительный отдел Западной армии «желал бы возможно скорее» получить листовки и брошюры.

Этот перечень включал такие темы, как: «Всероссийское Временное правительство, его задачи, цели и первые шаги», «Как задушили большевики свободное слово и свободную печать», «Опричники Ивана Грозного и красногвардейцы Ленина и Троцкого», «Суд и расправа при коммунистическом строе», «Народная армия спасает Россию», «Роль офицерства в русском освободительном движении», «Почему большевизм обречен на неизбежную гибель» и ряд других. Предлагались также и темы для составления прокламаций и воззваний (к крестьянам, солдатам русской армии, рабочим, казакам, красноармейцам, духовенству, старообрядцам и т.д.), объем которых не должен был превышать 200 газетных строк. Авторский гонорар за один печатный лист составлял 1000 руб., за каждое воззвание, принятое к печати – не менее 200 рублей[7].

Организация широкой издательской деятельности предполагала наличие бумаги и специального печатного оборудования. Еще в марте 1919 г. адмирал Колчак предоставил начальнику штаба Верховного главнокомандующего право реквизировать на прифронтовой территории типографии закрываемых газет

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 2 об.
[2] Там же. 506. Л. 38–39.
[3] *Русская* армия. 1919. 6 июля.
[4] *Военные* ведомости. 1919. 25 июля.
[5] *Русская* армия. 1919. 9 июля.
[6] Там же. 4 июля.
[7] *Друг* армии и народа (Б.м.) 1919. 1 июля (18 июня).

и обращать их на нужды армии[1]. К середине июля Осведверх получил пять вагонов бумаги, 1000 пудов шрифта, типографской краски и смазочных материалов[2]. РБП располагало крупными типографиями в Перми, Екатеринбурге и Омске.

Непременным условием эффективности средств агитации и пропаганды (брошюр, листовок) являются их высокие литературно-художественные качества: красочность, образность, эмоциональная насыщенность. Для того чтобы привлечь к пропагандистской работе талантливых литераторов, осведомительные органы Белого Востока проводили конкурсы. В середине июня 1919 г. Русское бюро печати организовало конкурс на составление брошюр, листовок и прокламаций, в конце того же месяца конкурс на составление брошюр устроил Осведверх.

В первом случае предлагалась следующая тематика: «За что борется наша армия», «Что я сделал для возрождения Родины», «Как создалась здесь Всероссийская государственная власть», «Что дали большевики крестьянину», «Что дали большевики рабочему», «Что сделали большевики с русской интеллигенцией», «Что сделали большевики с великой русской армией», «Русское офицерство», «Русская торговля и промышленность под большевиками», «Православная церковь и большевики», «Большевистский суд», «Чрезвычайка», «Жизнь России под большевиками»[3].

Во втором случае были выбраны темы: «Земельный вопрос по законам Российского правительства освобожденной России», «Возникновение, деятельность и политика Российского правительства, возглавляемого Верховным правителем», «Война против большевиков и ее цель», «К чему стремится Российское правительство и его армия», «Свобода совести и религии, и насилия над верой в Советской России»[4].

Условия обоих конкурсов были похожи: 1. Объем брошюр не более одного печатного листа (1000–1500 газетных строк или 30–35 тысяч знаков), прокламаций – 150 газетных строк. Они должны быть написаны «простым, живым, лишенным иностранных слов языком, но без подделывания под простонародный язык». 2. За лучшие брошюры полагались три премии: 3000, 2000 и 1000 рублей.

Для обсуждения и оценки заявленных сочинений создавались специальные комиссии с участием представителей правительственных ведомств, прессы и кооперации. Примечательно, что при подведении итогов этих двух конкурсов жюри «не нашло возможным премировать ни одну из представленных брошюр», хотя только в Русское бюро печати было подано 202 работы. Третью премию заслужила листовка Г.А. Вяткина «Что большевики обещали и что дали». Кроме того для публикации была принята 21 статья[5].

В сфере политической пропаганды с правительственным осведомительным аппаратом активно сотрудничала православная церковь.

Летом 1918 г. в одном из первых распоряжений управляющий министерством внутренних дел С.С. Старынкевич указывал: «Прошу пастырей всех вероисповеданий употребить свое нравственное влияние на верующих для укрепления в них сознания долга перед Отчизной»[6].

На состоявшемся в ноябре 1918 г. в Томске Всероссийском церковном соборном совещании было образовано Высшее церковное управление (ВЦУ) Сибири во главе с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Иустином Львовичем Ольшевским). «Пастыри церкви, – говорилось в одном из воззваний ВЦУ, – имеют нравственное право на борьбу с большевизмом, и никто не должен рассматривать эту борьбу как неподобающую церкви, как вмешательство церкви в политические и общественные дела государства»[7].

Одним из основных направлений деятельности ВЦУ являлось издание и распространение религиозно-национальной литературы (брошюры, листовки, прокламации), имевшей четко выраженное пропагандистское значение. Так, в конце июня 1919 г. ВЦУ обратилось с двумя воззваниями: «Запрещает ли Христос Спаситель христианам участие в войне? Можно ли воевать с большевизмом?», «Как должно разуметь пришествие Антихриста? Как придет он?», – которые были разосланы во все епархии и опубликованы в периодической печати.

---

[1] *Приказ* начальника штаба Верховного главнокомандующего № 207 от 11 марта 1919 г. (НБ ТГУ).
[2] *Из истории* колчаковщины… С. 227.
[3] *Русская* армия. 1919. 17 июня.
[4] *Русская* армия. 1919. 26 июня.
[5] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 2 об.
[6] *Сибирский* вестник. 1918. 25 авг.
[7] Цит. по: *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск, 1982. С. 58–59.

«Ныне нередко встречаются люди, – говорилось в первом воззвании, – которые говорят, что Христос запретил своим последователям всякое сопротивление врагам вооруженной силой и что поэтому нельзя христианам вступать в ряды войск, ведущих борьбу с большевиками, тем более что среди большевиков много русских – братьев по крови и языку»[1].

Разъясняя данный вопрос, православные иерархи опирались, прежде всего, на основные постулаты христианского вероучения, авторитет Евангелия. «Идя на брань с врагами мира и порядка, мучителями и убийцами невинных и беззащитных людей, – объясняли они необходимость борьбы с большевизмом, – воин Христов исполняет именно то, что заповедал нам Христос, то есть величайший подвиг самоотверженной христианской любви, где человек жертвует своей жизнью за спасение своего ближнего. На поле брани павший с верой во Христа воин есть христианский мученик... Церковь, пользуясь данной ей духовной властью, повелевает каждому встать на защиту Веры и Родины... Великий грех – непослушание церкви!»[2]

Широкое распространение на территории востока России в это время получает церковная печать. В Омске издавались журналы: «Омские епархиальные ведомости», «Официальные известия по Омской епархии» (издание Омского церковно-приходского совета) и «Вестник Омской церкви»; в Уфе – журнал «Уфимский церковно-народный голос»; в Тобольске – «Тобольские епархиальные ведомости»; в Томске – журнал «Томские епархиальные ведомости» и газета «Томский церковно-общественный вестник» (издание духовенства и мирян Томской епархии); в Барнауле – журнал «К свету»; в Красноярске – «Енисейские епархиальные ведомости» и газета «Общее дело». Кроме того, Высшее Церковное Управление с 1 марта 1919 года издавало журнал «Сибирский благовестник», а Управление Главного священника армии и флота с сентября того же года – журнал «За Святую Русь».

Однако, несмотря на значительное количество уже имеющихся изданий, важнейшей задачей церковно-общественных организаций, помимо содействия и поддержки добровольческого движения, являлось создание печатного органа, способного сплотить население на государственной почве. На этот важный момент справедливо указывала «Русская армия» в конце октября 1919 г. «Эта газета, – отмечалось в статье, – отнюдь не должна быть наполнена одними проповедями и состоять из цитат Священного Писания. Она должна быть такой, которая нужна *русскому* (выделено в тексте. – *Д.Ш.*) человеку»[3].

В начале апреля 1919 года при Главном управлении по делам вероисповеданий начала работать издательская комиссия, в задачу которой входила подготовка к изданию брошюр, статей, листовок и другой печатной продукции по вопросам религии, истории и права[4]. Еще один издательский центр существовал при Высшем церковном управлении Сибири. Кроме того, изданием литературы религиозного характера занимались Восточно-Русское культурно-просвети-тельное общество и Томская епархиальная синодальная типография. Первое было основано еще в мае 1916 г. в Уфе епископом Андреем, входившим в состав ВЦУ. Первоначально общество занималось благотворительной деятельностью и издавало два журнала для сельского населения. С 1 мая 1919 г. в собственность Восточно-Русского культурно-просветительного общества перешла газета «Великая Россия», до этого являвшаяся печатным органом вначале 41-го Уральского стрелкового полка, а затем – штаба Западной Армии.[5]

Православное духовенство Сибири, Урала и Поволжья развернуло широкую печатную пропаганду. С одобрения ВЦУ издавались листовки («Господи, спаси нас, мы погибаем», «Христианство и социализм», «Церковь и государство»), прокламации, образцовые проповеди и лекции, другая агитационная литература, в том числе брошюры В.П. Садовского – «Большевики и церковь. Доклад Высшему Церковному управлению» (Омск, 1919), П. Ильинского – «Всемирные заговорщики» (Новониколаевск, 1919), Е. Аносовой – «Братство социалистическое и братство во Христе» (Томск, 1919), Б.П. Иванова – «Церковь и революция» (Томск, 1919). Издания церковной печати направлялись в епархии, где они использовались для проповедей, распространялись среди гражданского населения и в воинских частях. Так, в начале 1919 г. в колчаковские войска поступило воззвание Высшего церковного управления «К воинству, подвизающемуся на всех фронтах», отпечатанное тиражом в 60 тыс. экземпляров.

---

[1] *Русская* армия. 1919. 17 июля.
[2] Там же.
[3] *Русская* армия. 1919. 31 окт.
[4] Там же. 3 апр.
[5] Там же. 16 мая.

В соответствии с особым циркуляром штаба Верховного главнокомандующего (июль 1919 г.) духовенство было обязано вести осведомительную работу. В епархиях Сибири при благочиниях учреждались осведомительные отделы[1]. В типографии Епархиального братства (Томск) печатались издания осведомительного отдела Омского военного округа – газеты «Русский голос» и «Великая Россия».

Для распространения агитационной литературы среди населения «на всей территории Российского правительства, не исключая прифронтовой и освобожденной от большевиков полосы», создавались специальные комиссии. В Омске такая комиссия была образована при областном правлении. В ее состав вошли представители земского и городского самоуправления, епархиального и объединенных церковно-приходских советов, ряда министерств (военного, финансов и народного просвещения). Возглавлял комиссию управляющий Акмолинской областью[2].

Помимо распространения «осведомительной» литературы, полученной от пресс-бюро, Осведверха и Высшего церковного управления, деятельность комиссии заключалась в размножении и перепечатке брошюр, воззваний, прокламаций, а также в самостоятельном издании печатной продукции. В начале июля в распоряжении комиссии имелось до 14 тыс. экземпляров различных пропагандистских материалов.

В Новониколаевске подобная комиссия была учреждена при начальнике уезда В.М. Сыэрде. Его товарищем (помощником) являлся редактор газет «Русская речь», «Надежда России» и журнала «Русский богатырь» Г.Я. Жук. Для распределения агитационной литературы среди населения уезда была создана сеть районных отделений[3].

В распоряжении экспедиционного отделения Осведверха имелось шесть вагонов, доставлявших агитационную литературу во всех направлениях[4]. При штабах армий, корпусов, дивизий и полков находились сотрудники осведомительного отдела, в задачу которых входило распространение печатной продукции на местах[5]. На железнодорожных станциях (в том числе в Омске) по распоряжению штаба Верховного главнокомандующего были построены специальные киоски, в которых всем военнослужащим бесплатно раздавались газеты, брошюры и листовки. Кроме того, в Тюмени, Ишиме и ряде других населенных пунктов «для информации фронта» были привлечены бойскауты[6].

Распространением пропагандистской литературы в прифронтовой полосе занимались осведомительные подразделения в составе штабов армий. Информационное отделение штаба Сибирской армии, например, рассылало в части газеты и другую имевшуюся в его распоряжении печатную продукцию, начиная с 17 января 1919 г. С февраля отделение выпускало собственный краткий информационный бюллетень, листовки, прокламации и воззвания, которые специальными курьерами доставлялись на фронт.

Однако в этой сфере армейские пропагандисты столкнулись с целым рядом трудностей: отсутствием собственной газеты, недостатком информации о ситуации в стране и пропагандистских материалов, ориентированных на солдатскую массу. Когда в конце февраля 1919 г. штаб Сибирской армии посетил помощник управляющего Отделом печати Г.А. Вяткин и сообщил, что Управление делами Совета министров решило обратить особое внимание на правильную и систематическую информацию фронта, начальник штаба армии генерал-майор Б.П. Богословский заявил: «Весьма рад слышать об этом. Это крайне важно и крайне нужно. Весь армейский технический аппарат, имеющийся в моем распоряжении, готов к Вашим услугам. Армии одинаково желателен и чисто информационный материал, и агитационный (брошюры, листовки), и просто литературный, чтобы занять солдатский досуг. Большевики засыпают свой фронт всевозможной литературой – нам крайне необходимо противопоставить им *наше* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*) печатное слово. В первую очередь, я просил бы прислать в штаб армии агентские телеграммы – мы будем тотчас же рассылать их в корпуса и дивизии, до передовых линий включительно»[7].

Он порекомендовал Г.А. Вяткину обратиться к начальнику информационного отдела штаба Сибирской армии капитану Н.С. Калашникову, который передал ему свой доклад об организации агитации на фронте. По мнению Н.С. Калашникова, наиболее необхо-димыми являлись следующие мероприятия:

---

[1] *Эйнгорн И.Д.* Указ. соч. С. 77.
[2] *Правительственный* вестник. 1919. 3 июля.
[3] Там же; *Русская* речь. 1919. 1 авг.
[4] *Из истории* колчаковщины... С. 227.
[5] *Русская* армия. 1919. 9 июля.
[6] Там же. 23 авг.
[7] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 2 об.

«1. Урегулирование доставки газет и книг на фронт. В настоящее время приезжающие с фронта постоянно жалуются на весьма неаккуратную доставку газет и писем. Необходимо, чтобы каждая дивизия не менее двух раз в неделю посылала в штаб армии курьера, который бы и доставлял газеты. Каждая часть, в свою очередь, должна посылать два раза в неделю курьеров в штаб дивизии за привезенной литературой. Эти курьеры могли бы взять на себя и доставку пакетов и писем, на получение которых так сетуют на фронте.

2. Необходима отправка в части войск не только газет, но и книг, так как газеты одни не могут служить достаточной духовной пищей.

3. Помимо издания воззваний необходимо издавать собственную газету, сначала хотя бы 2–3 раза в неделю, так как получаемых информационным отделом (около 1000 экз. ежедневно) далеко не достаточно даже для армии, а между тем для противодействия большевистской пропаганде необходимо снабжать ими и прифронтовое население. В газете нужно, прежде всего, поставить информационную часть, потом можно будет прибавить официальную часть, статьи по отдельным вопросам, беллетристику, справочный отдел. Газета эта, как рассчитанная на широкое распространение, должна быть очень популярной по изложению, направление ее должно быть строго государственным»[1].

С марта 1919 г. отдел начал издавать газету «Голос Сибирской армии». Помимо обеспечения фронтовых частей собственными пропагандистскими материалами, распространялись такие издания, как «Отечественные ведомости», «Горный край», «Наш Урал», «Родина», «Русский воин», «Русская армия», «Заря», «Наша заря», «Правительственный вестник», «Свободный край», «Енисейский вестник», «Вперед», «Отечество», «Военные ведомости» и «Возрождающаяся армия».

Приведем некоторые цифры, характеризующие деятельность этого пропагандистского учреждения. В январе 1919 года отделение разослало 2 729 номеров газет; в феврале – 90 информационных бюллетеней, 118 воззваний и 24 373 экземпляра газет; в марте – 180 бюллетеней, 85 080 воззваний (из них 68 750 собственного издания) и 58 119 экземпляров газет (17 400 из которых – «Голос Сибирской армии»); в апреле поток печатной продукции на фронт резко возрастает – 164 200 воззваний (84 000 – собственных) и 141 665 газет и журналов (94 100 – собственных). Таким образом, за четыре с половиной месяца 1919 г. (с 17 января по 1 мая) на фронт было отправлено 477 696 экземпляров различных агитационных материалов, включая 270 информационных бюллетеней, 250 460 воззваний и 226 966 экземпляров газет, из которых 264 520 экземпляров (то есть более половины) составляли собственные издания[2].

Однако в сравнении с работой пропагандистского аппарата Красной армии осведомительные органы явно проигрывали. Если за январь-февраль 1919 г. информационный отдел Сибирской армии направил в войска всего 208 бюллетеней и воззваний и 27000 экземпляров газет, то политотделы противостоящих ей 2-й и 3-й советских армий за указанный период распространили 868 202 номеров газет (493 902 – во 2-й армии и 374 300 – в 3-й), 64 640 экземпляров брошюр и журналов (по 34 930 и 29 710 соответственно) и 249 775 воззваний и листовок (107 975 и 141 800 соответственно)[3]. Таким образом, общий объем информационно-агитационных изданий, распространенных в частях Красной армии, более чем в 43 раза превосходил количество печатной продукции, направленной за тот же период в колчаковские войска.

В апреле 1919 г. «в целях упорядочения почтово-экспедиционной части», генерал Б.П. Богословский распорядился назначить в штабах корпусов, дивизий и полков специальных офицеров – заведующих экспедицией, придав им двух помощников из числа солдат. В обязанности заведующего входило своевременно направлять курьеров в вышестоящие штабы, равномерно распределять по воинским частям полученные агитационные материалы и корреспонденцию, а также регулярно, раз в две недели, докладывать о получении газет в соответствующие инстанции[4].

Начиная с лета 1919 г. количество направляемых на места пропагандистских изданий увеличивается. Так, только за август Русское бюро печати отправило на фронт: плакатов «Федеративная советская монархия» – 2 180 экз.; агитационной литературы и материалов: «К населению России» – 8 570 экз., «Запрещает ли Христос Спаситель» – 4 500 экз., «Крестьяне и война с большевиками» – 25 400 экз., «Печальные воспоминания» – 5 570 экз. За тот же период для Омска и его пригородов: «14 месяцев во власти большевиков» – 6 040 экз., «Поездка полковника

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 502. Л. 4–6.
[2] *Голос* Сибирской армии. 1919. 4 мая.
[3] *Партийно*-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919 гг.) : документы. М.,1961. С. 231.
[4] *Голос* Сибирской армии 1919. 11 апр.

Воорда» – 5 770 экз., «Земство или Советы» – 3 440 экз., «Сборник рассказов» – 3 540 экз. и т.д. Всего за август количество распространенных материалов составило 1 688 060 экземпляров[1].

По данным, приведенным новосибирским исследователем В.Л. Соскиным, за три летних месяца 1919 г. РБП распространило через сеть местных организаций среди войск и населения до 11 млн различных пропагандистских изданий, а к концу октября общий объем печатной продукции данного ведомства превысил 17 млн экземпляров[2]. Для распространения литературы в сельской местности привлекались священники, учителя и сельские старосты[3].

Ежедневно в частях действующей армии на пятерых солдат выдавалась одна газета. Тем не менее недостаток печатной продукции ощущался на протяжении всего периода Гражданской войны. Для того чтобы в какой-то мере компенсировать острую потребность в специальных военных изданиях, в тылу регулярно проводился сбор литературы (газет, журналов, книг) с последующей отправкой ее на фронт. На это были направлены и устроенные Осведверхом в июле 1919 г. «Дни книги»[4].

Нередко для достижения нужного результата правительственные органы пускались на всевозможные уловки. Так, особый отдел Управления делами правительства Колчака через периодическую печать распространил объявление, в котором призывал население «немедленно по прочтении собирать газеты и отправлять на фронт». Для этого в магазинах, конторах, по месту службы, в различных учреждениях предлагалось накапливать старые номера газет с тем, чтобы сотрудники особого отдела регулярно, 3–4 раза в неделю, их оттуда забирали и направляли во фронтовые части. Особый отдел даже организовал цирковое гала-представление, билеты на которое выдавались не за деньги, а за книги, также предназначавшиеся для войск. Существовала даже своеобразная такса: место в ложе – 25 книг, перед ложей – 10 книг, на галерке – 2, причем две брошюры шли за одну книгу[5].

Культурно-просветительное отделение Осведфронта планировало организовать три походные библиотеки-чайные, для чего предполагалось оборудовать несколько железнодорожных вагонов. Омские общественные организации оказали в этом деле помощь (деньгами, продуктами) на сумму 45 тыс. рублей. По инициативе особого отдела Управления делами правительства к началу сентября для фронтовых вагонов-читален было собрано около 30 тыс. книг и журналов[6].

Изучение периодической печати, выпускавшейся на востоке России в годы Гражданской войны, позволило выявить ее основные функции (рис. 40), политическую и социокультурную роли (рис. 41).

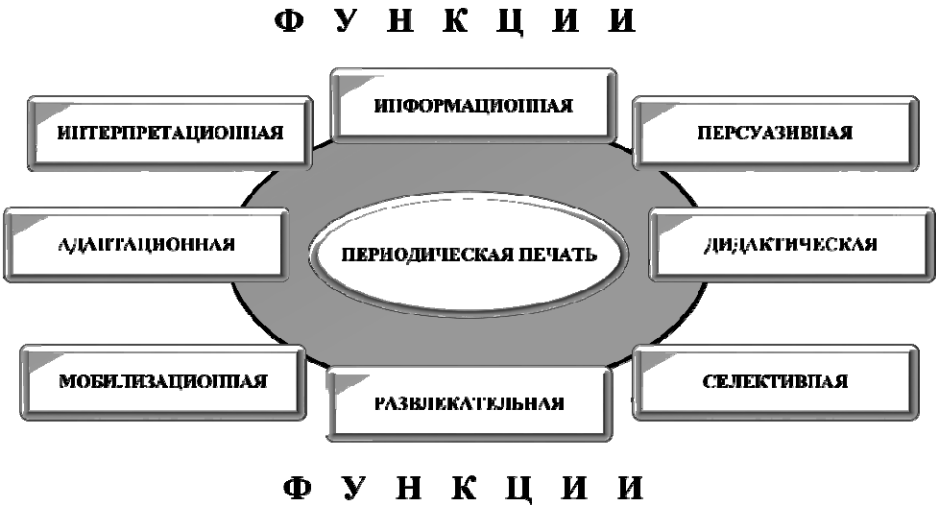


Рис. 40. Функции прессы, издававшейся на востоке России в годы Гражданской войны

[1] ГАРФ. Ф. Р-4226. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–3, 22.

[2] *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965. С. 132–133.

[3] *Русское* дело. 1919. 29 окт.

[4] *Русская* армия. 1919. 24 июля.

[5] *Сибирская* речь. 1919. 26 авг.

[6] *Русская* армия. 1919. 24 авг.; *Сибирская* речь. 1919. 4 сент., 16 окт.

Выделим наиболее значимые функции периодической печати Урала, Сибири и Дальнего Востока:

❑ *Информационная* – информирование общества о текущих политических событиях.

❑ *Интерпретационная* – объяснение и интерпретация информационных сообщений в соответствии с общей политической линией, поддерживаемой редакцией издания.

❑ *Персуазивная* – воздействие на аудиторию с целью обозначить и зафиксировать соответствующие отношения власти в качестве наиболее приемлемых в данной политической ситуации; убеждение аудитории действовать в желаемом редакции направлении.

❑ *Адаптационная* – выражение поддерживаемой редакцией модели культуры, проведение политической социализации в духе провозглашенных идеологических ценностей и господствующих социальных норм.

❑ *Дидактическая* – назидание и наставление аудитории в рамках избранной «картины мира».

❑ *Мобилизационная* – проведение пропагандистских кампаний в поддержку тех или иных действий политических сил, поддерживаемых редакцией издания.

❑ *Селективная* – создание «образа врага»; отделение общности «мы» от враждебного «они»; углубление противоречия между действиями противника и интересами гражданского населения.

❑ *Развлекательная* – обеспечение культурного досуга населения, снятиеза счет этого социальной напряженности.

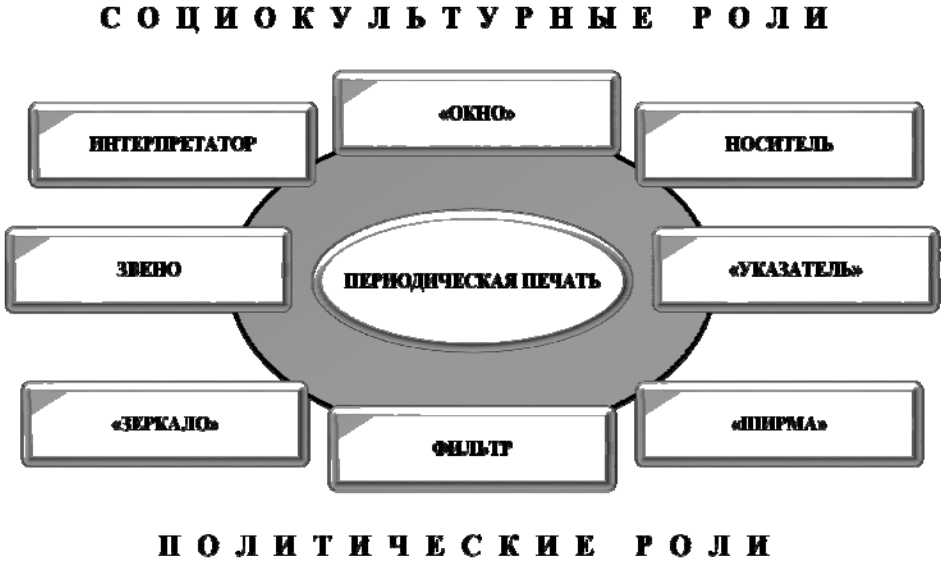


Рис. 41. Политические и социокультурные роли прессы

Таким образом, печатная пропаганда являлась основной формой пропагандистской работы осведомительных органов Белого Востока. Она занимала важное место в общей системе информационно-психологического воздействия, при помощи которого Омское правительство стремилось мобилизовать население Урала и Сибири на борьбу с большевиками, укрепить моральный дух своих войск. Пик издательской деятельности как Русского бюро печати, так и Осведверха приходится на лето 1919 г. Однако к этому времени на Восточном фронте произошел перелом в пользу Красной армии, а в тылу Колчака уже вовсю бушевало партизанское движение. В таких условиях Омское правительство опоздало с развертыванием массовой печатной пропаганды.

4.3. Организация устной пропаганды, использование наглядных и технических средств, агитационно-пропагандистские кампании и акции

В период Гражданской войны одним из основных видов пропагандистской коммуникации, наряду с печатной пропагандой, являлась устная пропаганда. Отличительная особенность *устной пропаганды* заключается в том, что убеждающее воздействие на аудиторию осуществляется с помощью живого слова при

непосредственном контакте между коммуникатором и реципиентом. Живое слово – одно из наиболее сильных и эффективных средств пропагандистского воздействия. Для устной пропаганды свойственна высокая оперативность и возможность гибкого применения. Следует также учитывать значение живого слова в ситуации, когда значительная часть населения восточных регионов страны была неграмотна или малограмотна.

В Западной Сибири первое массовое применение противниками большевиков живого слова в качестве средства пропагандистского воздействия относится к лету 1918 г., когда несколько сотен направленных в деревню правительственных и земских инструкторов вели агитацию в поддержку Временного Сибирского правительства, Учредительного собрания и создания Добровольческой народной армии.

Еще в начале июня начальник Томского гарнизона подполковник А.Н. Пепеляев обратился в городскую управу за содействием в привлечении добровольцев[1]. 7 июня в Томске состоялось коалиционное совещание с участием представителей политических партий, губернской земской управы, городского муниципалитета, биржевого общества и кооперативов. Как писала «Сибирская жизнь», «все организации заявили о принципиальной готовности принять активное участие в вербовке добровольцев в Сибирскую армию»[2]. На совещании был составлен проект воззвания с призывом «давать добровольцев и жертвовать средства» на создание вооруженных сил.

В начале июня 1918 г. был восстановлен инструкторский отдел Томской губернской земской управы. В новых условиях его функции были значительно расширены «включением в его компетенцию деятельности по агитации в пользу Временного Сибирского правительства, Учредительного собрания, по вербовке добровольцев в армию и т.д.»[3]. К середине июня в Кузнецкий уезд были командированы 7 инструкторов, в Мариинский – 10, Каинский – 5, Новониколаевский – 5 и Нарымский край – 2[4].

17 июня 1918 г. еще одна группа земских инструкторов была отправлена во все уезды Томской губернии. С напутственной речью выступил член Сибирской областной думы, товарищ председателя Томской губернской земской управы, эсер М.П. Рудаков, курировавший инструкторский отдел. Его выступление, опубликованное в «Народной газете», – характерное свидетельство того, как участники антибольшевистского движения в Сибири представляли себе пропагандистскую деятельность, в частности устную агитацию, на начальном этапе Гражданской войны.

М.П. Рудаков следующим образом определил порядок работы инструкторов: «Впереди должны ехать гражданские инструкторы, осведомляя население о происходящем перевороте, а вслед за ними, уже на подготовленную почву, должны следовать военные инструкторы. Между гражданскими и военными инструкторами должны находиться определенные интервалы расстояния. Между обоими отрядами должно существовать соглашение по поводу дальнейшего пути. Отъезжая в данное время, инструкторы обеих партий должны выработать точный и согласный маршрут, который мог бы служить на будущее время общим планом поездки. Приехав в назначенный уезд, гражданские инструкторы, сделав свое дело, должны тотчас же ехать дальше, оставив за собой военных инструкторов»[5].

Сознавая, что большинство инструкторов едет работать без определенной подготовки и «возможно... в первое время окажутся в тяжелом положении», товарищ председателя Томской губернской земской управы в самом общем виде обрисовал политическую обстановку и основные направления деятельности Сибирского правительства. Что же касается советов «практического характера», то в них, по всей вероятности, отразился предыдущий опыт его работы в земских учреждениях. «Каждый инструктор, – указывал Рудаков, – в значительной степени снабжается листовой литературой. Приехав в село или деревню, инструктор должен собрать крестьян и прочесть им имеющиеся у него воззвания. Естественно, возникает ряд вопросов, удовлетворяя которые, инструктор может выполнить задачу ознакомления населения с совершающимся переворотом и с сущностью настоящего политического момента. В ряду всех недоразумений, всех положений, которые должны живо заинтересовать крестьян и глубоко их затронуть, должен выдвинуться новый вопрос – это вопрос о формировании армии». Рудаков предупреждал, что в этом вопросе нужно быть готовым ко многим затруднениям, которые, прежде всего, выразятся во всевозможных аргументах кре-

[1] *Сибирская* жизнь. 1918. 11 июня.
[2] Там же. 7 июня.
[3] Там же. 19 июля.
[4] Там же. 20 июня.
[5] *Народная* газета. 1919. 23 (10) июня.

стьян против записи в добровольцы. Тем не менее, указывая на «состояние какой-то пессимистической, безразличной апатии», глубоко проникшее в общественное сознание, он выразил уверенность, что «здравый смысл должен подсказать крестьянам» необходимость самозащиты. «Инструкторы должны помнить, – подчеркнул он в заключение, – что каждый день промедления годом отзовется среди темной крестьянской массы, остающейся без необходимого руководства и без необходимого проблеска света»[1].

Для выполнения задач «политического характера» кадры инструкторского отдела были пополнены новыми сотрудниками в количестве до 100 человек. Прежние инструкторы-учетчики были также привлечены к агитационной работе. В дальнейшем в пропагандистскую работу были вовлечены инструкторы отдела по формированию Добровольческой народной армии.

С призывом на военную службу лиц, родившихся в 1898–1899 гг., когда было положено начало практике принудительной мобилизации, необходимость в пропагандистской деятельности, связанной с вербовкой добровольцев, практически отпала. Работа правительственных и земских инструкторов стала пересекаться и дублироваться. Дело доходило до того, что Томская уездная земская управа поручила своему сотруднику А.Н. Ткаченко составить мотивированное представление в министерство по поводу упразднения института инструкторов МВД «ввиду того что правительственные инструкторы... постоянно своими разъяснениями и указаниями вмешиваются в компетенцию земства... между тем как у земства есть свой штат инструкторов»[2]. К концу осени 1918 г. такая форма пропагандистской работы была окончательно свернута.

Широкое распространение получили самые разнообразные формы устной пропаганды в городах. С докладами, лекциями, сообщениями, беседами перед самой разнообразной аудиторией неоднократно выступали представители «государственно мыслящей» общественности, правительственные чиновники, сотрудники периодических изданий и осведомительных учреждений. Следует выделить наиболее активных пропагандистов: В.Н. Пепеляева, А.К. Клафтона, В.А. Жардецкого, А.С. Белевского (Белоруссова), В.Н. Иванова, Д.В. Болдырева, Г.И. Клерже, Н.Н. Фиолетова, А.И. Сырцова, В. Покровского, Б.М. Колюбакина, П.А. Микулина, И.И. Аносова, Н.Я. Новомбергского, С.И. Гессена. Летом 1919 г. с циклом лекций («Христианство и социализм», «Религия социализма», «Вера и наука») по городам Сибири выступил писатель и соредактор журнала «Сибирский старообрядец» Ф.Е. Мельников.

В устной пропаганде, ориентированной на армию, помимо политических вопросов, затрагивалась военная тематика. В частности, 25 октября 1919 г. культурно-просветительный отдел Осведфронта организовал лекцию подполковника Загребина «Тактические приемы борьбы обеих сторон в нашей гражданской войне»[3].

Лекционные занятия как форма пропагандистского воздействия использовались также и при работе с рядовым составом воинских частей. Секцией по внешкольному образованию при осведомительном отделении Новониколаевского района, например, в период с 18 по 22 ноября 1919 г. для солдат гарнизона был проведен ряд устных выступлений на темы: «Заветы великих полководцев», «Назначение и долг солдата», «Дух армии и победа». Примерные тексты бесед с солдатами (о дисциплине, о патриотизме и т.д.) систематически публиковались в периодической печати[4].

В устную пропаганду активно включилась православная церковь. В борьбе с распространением коммунистической идеологии православное духовенство Сибири задействовало свое влияние на население, религиозные обряды и ритуалы (молитвы, проповеди, крестные ходы, освящение знамен). Высшее церковное управление обязало священников «вести с большевизмом упорную и самоотверженную борьбу, какую ведет с ним наша армия на поле брани».

27 декабря 1918 г. было учреждено Главное управление по делам вероисповеданий, через которое планировалось осуществлять «мероприятия правительства в области отношений Российского государства к вероисповеданиям, в его пределах существующих»[5]. Возглавил новое учреждение, созданное на правах министерства, ординарный профессор Томского университета Павел Александрович Прокошев, входивший также в ВЦУ. Главное управление по делам вероисповеданий совместно с Высшим церковным управлением развернуло ак-

[1] *Народная* газета. 1919. 23 (10) июня.
[2] *Народная* газета. 1919. 31 (18) авг.
[3] *Русская* армия. 1919. 10, 28 окт.
[4] *Русская* армия. 1919. 10, 28 окт.; *Последние* дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 65.
[5] *Правительственный* вестник. 1919. 14 янв.

тивную пропагандистскую деятельность, применяя различные формы агитации. Важная роль при этом отводилась организации передвижных проповеднических отрядов.

26 февраля 1919 г. в Омске под эгидой архиепископа Сильвестра состоялось собрание городского духовенства, представителей церковно-приходских советов, военного министерства и ряда общественных организаций, на котором был заслушан отчет о деятельности первого Омского проповеднического отряда. Этот отряд был создан по инициативе архиепископа Сильвестра и располагал отдельным вагоном-церковью. 28 января проповеднический отряд выехал из Омска и в течение месяца находился на передовых позициях Пермско-Уфимского фронта. По пути следования участники отряда вели беседы в воинских частях и с местным населением, начинавшиеся и заканчивавшиеся пением молитв. Тематика этих бесед включала: «Совершенное разорение нашей родины, ее небывалое унижение, поругание храмов, святынь народных, расхищение церковного достояния, оскорбление и истязание епископов и священников, страдание наших отцов, жен и детей под игом советской власти, призывы постоять за родину и веру, защитить угнетенных, разъяснение, что такое национальное учредительное собрание»[1] и т.д.

На обратном пути агитаторы Омского проповеднического отряда побывали в Челябинске, где выступили с 7 проповедями, в которых «обрисовывалось истинное положение дела на фронте». По сообщению «Правительственного вестника», «во время своих посещений войсковых частей на фронте отряду неоднократно приходилось убеждаться в бодрой настроенности солдат, в их уверенности в конечной победе над большевиками и большевизмом»[2]. В то же время проповедники отмечали серьезные упущения и недостатки в работе правительственного пропагандистского аппарата, указав на «почти полное отсутствие литературы, газет, а особенно табаку». «Большевики, к стыду нашему, – указывалось в отчете, – наводняют свой фронт газетами, прокламациями, брошюрами, у нас же ничего не делается, а если и делается, то очень мало»[3].

18 апреля 1919 г. в Уфу прибыл второй проповеднический отряд, состоявший из протоиерея М. Орлова, священников Н. Кощеева, И. Попова, диакона В. Епимахова и отставного полковника В.П. Мель-никова. Помимо религиозных целей, отряд должен был отвезти на фронт пасхальные подарки. Проповеди и беседы «о значении и силе веры православной в истории нашей государственности, о кознях большевиков как германских наемников» сопровождались распространением среди солдат послания Высшего церковного управления, листовок и омских газет. Деятельность проповеднического отряда вызвала одобрение военного командования. «Ваши теплые, сердечные и душевные слова, – указывал в отношении на имя протоиерея М. Орлова начальник 8-й Камской дивизии, – подкрепили и влили в чинов дивизии силу, мужество, крепость, веру и стремление к освобождению сердца России и надежду на светлое воскрешение нашей Великой Родины»[4].

В отчете о деятельности отряда отмечалось, что большевики крайне враждебно относятся к религиозным настроениям противника, стремятся морально дискредитировать, унизить «христолюбивое воинство», навешивая оскорбительные для чувств верующих ярлыки. Так, например, 30-й Аскинский полк большевики называли «Иисус-Христовой бандой», а 31-й Стерлитамакский полк – «бандой Николая Чудотворца».

На основании опыта своей работы участниками отряда был сделан однозначный вывод о том, что «посылка проповеднических отрядов на фронт весьма желательна и полезна в том отношении, что проповедническая деятельность отрядов служит живой связью тыла с фронтом»[5]. Поэтому 24 июля 1919 г. ВЦУ приняло решение об организации передвижных проповеднических отрядов для всех фронтов, после чего группы агитаторов-проповедников стали постоянно направляться в действующую армию. К примеру, в середине сентября Высшее церковное управление командировало на фронт протоиерея Н.И. Знамировского и известного миссионера Д.А. Несмеянова[6].

Непосредственно в войсках религиозно-национальной пропагандой занималось Управление Главного священника армии и флота. «Нам нужно твердо верить, что все успехи наших врагов ничтожны и временны, что эти успехи явились следствием оскудения духа нашей армии, неверия ее в помощь Божию, – писал в де-

[1] *Правительственный* вестник. 1919. 2 марта.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Русская* армия. 1919. 28 мая.
[5] *Русская* армия. 1918. 28 мая
[6] Там же.19 сент.

кабре 1918 г. в пастырском обращении военному духовенству Сибирской армии Главный священник армии и флота А. Русецкий. – Поэтому нам, пастырям, нужно приложить все усилия к укреплению духа нашей молодой армии, укреплению ее веры в помощь Божию, в правоту своего дела, в свои собственные силы, для чего необходимо нам самим укреплять эти чувства и передать их в молодые, восприимчивые сердца молодых воинов»[1].

Для того чтобы успешно влиять на воинские части, считал Русецкий, необходимо было стать к ним возможно ближе. Поэтому он обязал армейских священников восстановить утренние и вечерние молитвы, постоянно посещать места расположения воинских частей (окопы и казармы) «со словом утешения, мира и любви», возможно чаще вести беседы с офицерами и солдатами, а также совершать богослужения (всенощные, литургии, молебны, акафисты), «не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством молящихся». Кроме того, он призывал военный клир «самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины»[2].

В подчинении Главного священника армии и флота состояло, по данным отечественного историка Н.Ф. Каткова, свыше двух тысяч штатных военных священников, находившихся при армиях, корпусах, дивизиях и полках[3]. Тем не менее с церковных кафедр и со страниц периодической печати постоянно раздавались призывы о широком привлечении православных священнослужителей в ряды действующей армии. «Во имя защиты святой веры, во имя спасения Отечества, во имя поднятия престижа духовенства, – писал благочинный XI армейского корпуса, – необходимо немедля приступить к мобилизации духовенства – монашествующего, эвакуированного, студентов академий, духовенства церквей, где два и более причта и, наконец, если будет недостаток, брать духовенство с приходов, временно приписывая их паству к соседнему приходу»[4].

Деятельность военного духовенства популяризировалась правительственной и «государственно мыслящей» периодической печатью. Протоиерей Алексей Русецкий после посещения расположенных на фронте частей Сибирской армии с удовлетворением констатировал: «Авторитет полковых священников стоит очень высоко. Полковые священники переносят все тяжести походной жизни наравне с солдатами. Нередко полковые священники совершали переход с котомкой на плечах... Офицеры и солдаты прекрасно понимают как истинно православные русские люди, какое громадное значение имеет пастырь Православной Русской церкви для скорбного русского сердца... Все это вызывает у офицеров и солдат любовное и доверчивое отношение к своим пастырям, которые всегда своим примером и живым вдохновенным словом, подобно замученному поляками святителю Гермогену, патриарху Московскому, зовут и ведут христолюбивое русское воинство к спасению Москвы и Родины от кощунственного засилья интернационалистов-большевиков»[5].

Сменивший А. Русецкого на посту Главного священника армии и флота протоиерей А. Касаткин также настаивал на том, чтобы военные священники исправно выполняли свой «пастырский долг». «Неотлучно находясь при своих частях, пастыри должны подавать им не только словом, но и своим поведением пример полного хладнокровия, мужества и доблести, – указывал он в послании духовенству действующей армии летом 1919 г. – Пастырь должен быть впереди своей паствы, с крестом в руках вести ее вперед за святую Русь и веру православную, чтобы своим примером укреплять слабых и поддерживать храбрых»[6]. В том же послании он грозил изгнать из армии нерадивых благочинных, отсиживающихся в обозах.

В октябре 1919 г. должность Главного священника была упразднена. Вместо нее вводилась должность епископа армии и флота. Как писал И.Д. Эйнгорн, «это был беспрецедентный случай в истории православной церкви, когда епископ получал армейский титул, а не географический»[7]. Верховное Церковное Управление рассчитывало этой мерой поднять авторитет военного духовенства и посредством этого повысить боеспособность армии. Место епископа армии и флота занял епископ Пермский Борис (Владимир Шипулин)[8].

В апреле 1919 г. в Омске был созван церковный собор Сибири, который принял ряд воззваний к армии и народу. В мае того же года прошел II Томский епархиальный съезд, постановивший активизировать пропо-

---

[1] *Русская* армия. 1918. 14 дек.
[2] Там же. 28 мая.
[3] См.: *Катков Н.Ф.* Указ. соч. С. 22.
[4] *Русская* армия. 1919. 11 июля.
[5] Там же. 11 апр.
[6] *Русская* армия. 1919. 15 авг.
[7] *Эйнгорн И.Д.* Указ. соч. С. 75.
[8] *Русский* голос. 1919. 12 нояб. (30 окт.).

ведническую деятельность, организовать курсы религиозной пропаганды (в Барнауле и Кузнецке), а также усилить распространение антибольшевистской литературы в сельской местнос-ти. Аналогичные съезды прошли весной-летом 1919 года и в других городах Сибири.

Большевики учитывали возросшую пропагандистскую активность православной церкви и, исходя из этого, строили свою контрпропаганду. «Даже духовенство, – говорилось в листовке Омского комитета РКП(б) (август 1919 г.), – которое читает священные слова Евангелия о кротости, смирении, о помиловании врага своего, о любви и лучшие слова Христа: "Взявший меч от меча и погибнет" – и оно превратило амвоны храмов в митинговые трибуны и ведет политическую пропаганду о посылке на фронт агитаторов»[1].

С августа 1919 г. в работу по организации устной пропаганды включился агитационный отдел Русского бюро печати. В Омске, Новониколаевске и других населенных пунктах Сибири сотрудники агитационного отдела, местных отделений РБП посещали постоялые дворы, харчевни и другие места массового скопления простого народа, вели беседы, распространяя «здоровые идеи»[2]. Осенью 1919 г. в целом ряде западносибирских городов планировалось организовать краткосрочные курсы подготовки агитаторов.

Одно из наиболее заметных мест среди различных видов пропагандистской деятельности занимает *наглядная агитация*. Оказывая визуальное воздействие как на отдельных людей, так и на целые социальные группы, наглядная агитация вовлекает в процесс формирования мировоззренческих установок максимально возможное количество людей. Кроме того, наглядная агитация облегчает восприятие других форм пропаганды.

Правительственными органами политической пропаганды Белого Востока использовались различные формы и средства наглядной агитации. Большое внимание уделялось плакатам, поскольку опыт показал, что «крупная и краткая надпись, особенно в соединении с рисунком, сильнее действует на соображения солдата и крестьянина, чем листовки»[3]. Так, в период с июня по октябрь 1919 г. пресс-бюро РБП выпустило 53 разновидности плакатов общим количеством 503 тыс. экземпляров[4]. Значительными тиражами печатались портреты лидеров белого движения: А.В. Колчака, Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева и А.И. Деникина. Всего было выпущено 50 тыс. портретов «деятелей по возрождению России». Кроме того, было издано 45 тыс. открыток, представляющих собой «карикатуры на советскую власть и ее деятелей»[5].

В Омске, на Любинском проспекте, сотрудники Осведверха оформили специальную витрину, в которой вывешивались различного рода пропагандистские материалы. В начале июля там была выставлена карта боевых действий с точным обозначением линии фронта, «на котором возрожденная Россия ведет борьбу с Совдепией» (на востоке, западе, юге и севере). Национальными флагами отмечались населенные пункты, занятые русскими антибольшевистскими силами и войсками союзников. На карте также указывались районы Советской России, с точки зрения колчаковских пропагандистов являвшиеся неблагонадежными (те местности, из которых, по сведениям белой разведки, ввиду возможного отступления вывозились все ценности; территории, объявленные красными на военном положении и т. д.)[6].

Позднее в той же витрине были размещены фотографии «оскверненных большевиками икон». «Здесь же, – как сообщали «Военные ведомости», – на особом плакате описываются документально установленные кощунства и издевательства большевиков над религией и ее служителями – православным духовенством»[7].

Витрины как эффективная форма представления самых разных визуальных средств пропаганды (карты военных действий, фотографии, карикатуры) широко использовались и Русским бюро печати. В одном из докладов осенью 1919 г. начальник новониколаевского отделения Я.Л. Белоблоцкий сообщал А.К Клафтону: «В городе в 89 местах не менее трех раз в неделю расклеиваются воззвания и плакаты, арендовано (бесплатно) около 60 окон в магазинах, имеется 3 витрины "Зверства большевиков" (и в четырех селах), имеется киоск с картой фронта, которая ежедневно исправляется. Днями 10 карт будет разослано по району»[8].

---

[1] *В борьбе* с контрреволюцией : сборник документальных материалов. Омск, 1959. С. 150.
[2] ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 54.
[3] Там же. Л. 51.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] *Русская* армия. 1919. 6 июля.
[7] *Военные* ведомости. 1919. 25 июля.
[8] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 34. Л. 343.

В годы Первой мировой войны появляются новые технические средства пропаганды (агитпоезда, агитпароходы, кинематограф), которые затем успешно применяются на фронтах Гражданской войны, как красными, так и белыми. На территории Сибири в агитационных целях кинематограф использовался, в частности, осведомительным отделом (управлением) Восточного фронта. Первоначально солдатской аудитории демонстрировались короткометражные документальные фильмы, посвященные различным эпизодам Первой мировой войны. Один из таких показов состоялся 27 июля 1919 г. в омском театре «Гигант» и сопровождался устными пояснениями редактора фронтовой газеты «Вперед» В.Г. Янчевецкого и профессора Лондонского университета Б. Перса[1].

В дальнейшем планировалось снимать собственные агитфильмы, в которых отражались бы наиболее значимые события борьбы с большевиками (героические действия солдат и офицеров на фронте, военные парады, помощь союзников и т.д.). Для этого в октябре 1919 г. культурно-просветительный отдел Осведфронта объявил конкурс на составление сценариев для кинематографических картин, причем по принятым условиям содержание должно было отвечать «агитационно-пропагандистским целям».

Допускались как «оригинальные» сценарии, так и «инсценировки литературных произведений». Для авторов были установлены три премии: в 1000, 1500 и 2000 рублей[2]. Осведфронт также пригласил к сотрудничеству соответствующих специалистов для постановки игровых кинокартин (сценаристов, режиссеров, операторов и артистов)[3].

Распространение агитационной литературы среди войск противника и населения прифронтовой полосы велось с применением военной авиации. Так, осенью 1919 г. в районе боевых действий с аэропланов разбрасывались плакаты «Ленин и Троцкий», изображения которых были увенчаны пентаграммой, стилизованной под звезду Давида[4].

Осведомительными органами и общественными организациями устраивались и кратковременные агитационно-пропагандистские акции. 4 августа 1919 г. в Омске был проведен «День солдата», 17 августа Осведверх организовал «День Ижевско-Воткинской годовщины», 18 августа группа общественных деятелей устроила «День казака», 7–8 сентября прошел «День карпаторусского воина», 12 октября – «День генерала Каппеля».

Сценарий проведения такого рода мероприятий был приблизительно одинаков: в этот день устраивались театрализованные представления, спектакли, концерты, лекции, доход от которых поступал на заранее оговоренные организаторами акции цели; чаще всего выпускалась однодневная газета («День солдата», «День казака», «Ижевско-Воткинская годовщина»); кроме того, в ресторанах, городских садах, на ипподромах и других местах массовых развлечений, а также в храмах был организован сбор пожертвований. К примеру, пожертвования на «День казака» в Казачьем Никольском соборе (Омск) составили свыше двух тысяч рублей[5].

Вырученные средства направлялись на заранее оговоренные благотворительные цели: в первом случае в пользу раненых и больных воинов, во втором – семьям рабочих Ижевского и Воткинского заводов, в третьем – в фонд генерала Каппеля, на пособия офицерам, солдатам и их семьям.

Идеологический аппарат Белой Сибири постарался максимально использовать день второй годовщины Октябрьской революции (7 ноября 1919 г.) для ведения контрпропаганды, направленной на «развенчание большевизма». Еще в середине октября под эгидой Осведверха для выработки плана пропагандистских мероприятий было проведено рабочее совещание культурно-просветительных организаций Новониколаевска с участием представителей городского и земского самоуправлений, прессы, Русского бюро печати и «Братства святителя Гермогена». В городе и уезде предусматривалось проведение лекций и бесед. Во все деревни и на железнодорожные станции были разосланы плакаты на тему: «Что большевики обещали и что дали?»[6]. Размещенный в Томске штаб Омского военного округа также планировал провести «Противобольшевистский день», сопровождаемый собраниями, лекциями и распространением агитационной литературы[7].

---

[1] *Русская* армия. 1919. 29 июля.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 1 нояб.
[3] Там же. 30 окт.
[4] Там же. 16 окт.
[5] *Иртыш* (Омск). 1919. № 35. С. 12.
[6] *Русская* речь. 1919. 22 окт.
[7] *Родина* (Томск). 1919. 27 окт.

Летом 1919 г., на фоне усиления в обществе религиозных настроений, свою проповедническую деятельность расширяет православное духовенство. «Теперь, – призывал епископ Уфимский Андрей, – мы должны проявить все наивысшее напряжение воли, чтобы забыть все свои личные интересы и заботиться только о спасении нашей Родины, о родном русском народе. Сколько кто имеет возможности, все должны идти на фронт и думать о фронте, о наших солдатах, чтобы прийти к ним на помощь»[1].

3 сентября 1919 г. духовенство организовало в Омске «День покаяния и молитвы». В городских, приходских и пригородных храмах состоялись литургии, сопровождавшиеся чтением акафиста святому кресту, после чего крестные ходы из всех омских церквей направились к кафедральному собору, где архиепископ Сильвестр совершил молебен о «даровании победы нашему христолюбивому воинству». По окончании богослужения к собравшимся обратился ряд ораторов, призывавших «встать на защиту поруганных большевиками Веры, Церкви и Родины»[2].

Неудачи на фронте вынуждали военное и политическое руководство Белого Востока к поиску силы, способной остановить продвижение Красной армии. В середине лета 1919 г. ставка была сделана на тотальную мобилизацию сибирского казачества. В конце лета – осенью «спасение Отечества» виделось в подъеме среди сибиряков и беженцев религиозного чувства. К этому же времени относится организация в Сибири добровольческого «крестоносного» движения, в основе которого лежала идея создания воинских частей на религиозной основе.

В июне 1919 г. в Омске под руководством протоиерея Рождественского образовалось «Православное братство святителя Гермогена»[3]. К середине осени в нем состояло уже свыше 40 духовных и светских лекторов[4]. В августе один из организаторов братства, профессор Пермского университета Д.В. Болдырев, заявил, что «большевизм из чисто политического учения превратился теперь уже почти исключительно в антирелигиозное атеистическое движение» и призвал к созданию «Дружины Святого Креста»[5].

Эта идея была сразу же подхвачена осведомительным аппаратом Омского правительства и вылилась в массовую пропагандистскую кампанию. «Очередная шумиха, – писал с присущим ему сарказмом генерал А.П. Будберг, – это дружины креста и полумесяца; провалившись на первом этапе своей добровольческой авантюры, ее создатели при помощи услужливого осведомления стали грохотать, что весь путь добровольчества – это религия и защита ее от большевиков; посему зазывание, уговаривание и вербовку надо производить в церквах, с надлежащим подогревом»[6].

Пропаганда «крестоносного движения» велась на страницах «Русского голоса», «Нашей газеты», «Русской армии», «Надежды России», «Сибирской речи», «Великой России», «Русского дела», «Русской речи». «У большевиков, – писала, к примеру, 18 сентября 1919 г. новониколаевская «Надежда России», – появился новый грозный враг – дружина Святого Креста, или сокращенно – крестоносцы. Враг, которого не сманишь на свою сторону лживыми обещаниями, не прельстишь земным раем, не смутишь самохвальными выкриками, не испугаешь и оружием»[7].

Среди населения Сибири распространялись воззвания, призывавшие принять участие в «крестовом походе против богоотступников-коммунистов», духовенство побуждало верующих записываться в религиозные воинские части, действовали также отряды проповедников-агитаторов, осуществлявшие вербовку в добровольческие дружины.

15 августа был проведен «день Святого Креста». В Омске перед кафедральным собором с призывом записываться в «крестоносные дружины» выступили протоиерей Рождественский, профессор Д.В. Болдырев, В. Иванов, А.П. Эрахтан и Н.И. Миролюбов. Здесь же осуществлялась запись в добровольцы. Периодическая печать официального направления подчеркивала, что «необычайным подъемом религиозного духа» охвачена и территория Советской России, причем взрыв религиозных настроений наблюдается не «только среди гонимых и страждущих обывателей “социалистического рая”, но даже и среди красноармейцев»[8].

---

[1] *Русская* армия. 1919. 31 окт.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 3 сент.
[3] *Великая* Россия (Томск). 1919. 1 окт.; Русский голос. 1919. 30 (17) окт.
[4] *Русская* речь. 1919. 22 окт.
[5] *Русский* голос. 1919. 30 (17) окт.
[6] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XV. С. 305.
[7] *Надежда* России. 1919. 18 сент.
[8] Там же.

Начиная с сентября 1919 г. в городах Сибири (прежде всего в Омске и Томске) начинается формирование «добровольческих дружин Святого Креста». «Настала и наша очередь встать на защиту своей веры, – писала «Наша газета». – Для этой цели и будут образовываться дружины Святого Креста. Так эти дружины называются потому, что вступающие в них в строю носят нашивной крест на груди, показывая этим, что они борются не за класс, а за веру, за христианство, против вероотступников, которые хотят истребить христианство. В дружинах Святого Креста, кроме обыкновенной воинской дисциплины, должны быть особые порядки. Брань, пьянство, нечестность не могут иметь место среди тех, которые приняли на себя крест. Не должно быть и грубых отношений между начальниками и подчиненными»[1].

Источником пополнения воинских частей на религиозной основе, помимо добровольцев-сибиряков, являлись беженцы с Урала и Поволжья. Так, 27 августа 1919 г. на собрании беженцев Приволжья и Прикамья, стоящих лагерями около Омска, было принято решение всем записаться добровольцами в дружины Святого Креста[2]. Под руководством мусульманского духовенства начали формироваться «отряды Зеленого знамени». «В последнее время, – отмечала «Русская армия» в начале сентября 1919 г., – в дружины Святого Креста и мусульманский отряд под знаменем Пророка записалось свыше 400 человек. Записавшиеся зачислены на военное довольствие, семьям их предоставляются квартиры»[3].

Вербовка добровольцев велась также в казачьих войсках. Кроме того, по распоряжению военного министерства в «дружины Святого Креста» были переведены офицеры и солдаты старообрядцы из других воинских подразделений. «Всюду нарождаются добровольные формирователи, – писал генерал Будберг, – рвущие последние запасы снабжения»[4].

В конце августа 1919 г. начальником всех добровольческих формирований был назначен генерал-лейтенант В.В. Голицын. «Отрадно видеть, – отметил он в беседе с корреспондентом «Нашей газеты», – что добровольчество идет с низов. Само население берется за оружие. Попутно это движение выдвинуло новый клич: «За веру родины!» Православные под знаком креста и мусульмане под знаком полумесяца поднимаются на священную войну. Мне рисуется душу волнующее зрелище: потерявший надежду на спасение и вверивший себя только Промыслу Божьему народ советской России вдруг увидит идущие навстречу полки с великим знаменем Святого Креста»[5].

«Государственно мыслящая» пресса с восторгом писала о грандиозном успехе «крестоносного движения», о его массовом характере, о том, что только в Омске «записывающихся в крестоносцы насчитывают уже тысячами». Газеты устроили шумный ажиотаж вокруг записи в добровольцы профессора Д.В. Болдырева, призывая других последовать этому примеру. «Платные перья, захлебываясь от патетического восторга, описали отправку на фронт первой дружины Святого Креста – единственный пока результат месячного раздувания добровольческого подъема; картинно описывается, как на правом фланге шел унтер-офицер Болдырев – профессор и организатор добровольческого движения, но упущено добавить, что шел только до вокзала, откуда вернулся на свое место в осведомительном отделе и отбыл в Новониколаевск проповедовать новый крестовый поход»[6], – язвительно писал по этому поводу генерал А.П. Будберг. Следует отметить, что общественная шумиха вокруг «дружин Святого Креста» и «отрядов Зеленого знамени» носила, преимущественно, пропагандистский характер. Добровольческие формирования не сыграли сколько-нибудь значимой роли в вооруженном противостоянии с Красной армией.

Однако в организации устной пропаганды, использовании наглядной агитации, проведении агитационно-пропагандистских кампаний и акций правительственные осведомительные органы Белого Востока уступали большевикам. С одной стороны, это было следствием трудностей объективного характера: отсутствия необходимых технических средств, квалифицированных кадров. С другой стороны, в деятельности пропагандистского аппарата прослеживался явный дефицит творческого подхода к делу.

---

[1] *Наша* газета (Омск). 1919. 19 авг.
[2] *Наша* газета (Омск). 1919. 4 сент.
[3] *Русская* армия. 1919. 4 сент.
[4] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XV. С. 317.
[5] *Наша* газета (Омск). 1919. 7 сент.
[6] *Дневник* барона А. Будберга... Т. XV. С. 320.

4.4. Культурно-просветительная и воспитательная работа в войсках

С установлением на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока власти антибольшевистских правительств в периодической печати неоднократно поднимался вопрос о чрезвычайно низком политическом, образовательном и культурном уровне подавляющей части населения. Именно в этой «темноте» большинству публицистов виделась основная причина той легкости, с которой русский народ подался большевистскому «дурману».

В этом сходились представители самых различных политических партий и общественных групп. «Невежество, политическая неопытность, а в силу этого неспособность преодолеть всю сложность переживаемого периода и вынести на своих плечах без ясного понимания событий всю тяжесть их, стремление пойти по линии наименьшего сопротивления, – писал эсеровский «Голос народа», – привели, с одной стороны, к усиливающемуся с каждым днем в широких народных массах отчуждению от политической жизни страны и предоставлению ими арены деятельности численно незначительным группам, с другой же стороны, создали возможность успеха наиболее упрощенных теорий, самой беззастенчивой демагогии и господства наименее сознательной и наименее культурной части населения, не способной ни к какой творческой созидательной работе, несущей лишь хаос и разорение и отстраняющей от всякой активной жизни интеллигентные силы страны»[1].

Похожие мысли можно обнаружить и в кадетских изданиях. Так, по мнению томской «Нашей мысли», успеху большевистской пропаганды и в конечном итоге октябрьского переворота в немалой степени способствовала «беспросветная темнота народных масс, которым примитивные по своей сущности идеи социализма, да еще обработанного на русский манер, оказались весьма понятными»[2]. «Революция обнаружила у народных масс отсутствие воспитания, уважения к благам культуры, – указывала другая кадетская газета, – больше того: она открыла в них непонимание и равнодушие к интересам общественным и государственным, и потому народные массы, подстрекаемые “матросами” революции, встали на путь истребления народного же достояния, народных средств и сил»[3].

Выход из создавшегося положения виделся в развитии народного образования, а также в расширении культурно-просветительной работы в деревне. «Демагогические приемы, действуя гипнотически на массы, темные и неподготовленные, – писал профессор Томского университета Э.В. Диль, – слишком часто ведут их по ложной дороге, во вред общему делу освобождения России. И лучшим средством борьбы с демагогией, наряду с беспощадным изобличением ее, явится просвещение всех тех, кому грозит опасность подпасть влиянию демагогов»[4].

«Умственное и нравственное одичание, явившееся результатом многовековой тьмы и обострившееся в условиях чудовищной мировой бойни последних трех лет, продолжает и продолжает рост вширь и вглубь: пьянство, мордобойство, необычайное распространение сифилиса, необычайные по своей жестокости самосуды с применением средневековых пыток, слишком обильные проявления наглости, грубости, хамства, встречающиеся с разных сторон и на каждом шагу, – все это, по мнению сибирского поэта и публициста Г.А. Вяткина, не может не волновать, не может не внушать опасений за судьбу страны и народа, и снова и снова выдвигает на первый план заботу о культурном оздоровлении масс как неотложную, насущную, первейшей важности очередную задачу»[5]. Только «развивая и просвещая массы», только «приобщив их к той культуре, исключительной носительницей которой является интеллигенция», можно было побороть «аполитизм, махаевщину[6] и господство охлократии»[7].

Необходимость развития школьного и внешкольного образования, проведения культурно-просветительной работы осознавалась и на правительственном уровне. Так, в докладной записке управляющего Министерством народного просвещения Временного Сибирского правительства В.В. Сапожникова от

---

[1] *Голос* народа. 1918. 7 июня.
[2] *Наша* мысль. 1918. 8 июля.
[3] *Сибирская* речь. 1918. 27 июня.
[4] *Наша* мысль. 1918. 30 июня.
[5] *Голос* народа. 1918. 7 июня.
[6] В данном случае – негативное отношение «простого народа» к интеллигенции, восприятие ее в качестве «паразитического класса». Свое название данное явление получило по имени польского анархиста В.К. Махайского.
[7] *Голос* народа. 1918. 7 июня.

31 июля 1918 г. отмечалось: «Министерство принимает к своей непременной обязанности разработать план школьной сети, чтобы совместно с земствами приблизиться к осуществлению всеобщего обучения, полагая, что только грамотный народ может проникнуться сознанием твердой государственности, необходимой для прочного строительства жизни страны. В преследовании той же цели настоятельно необходимо осуществить планомерную работу в области внешкольного и дошкольного образования.

В Сибири, где свыше 70% неграмотных, внешкольное образование должно сыграть особенно важную роль. В первую очередь необходимо озаботиться созданием вечерних классов и школ грамотности для взрослых, поставив их на прочный материальный базис, организовать в наиболее культурных центрах курсы для подготовки инструкторов и деятелей по внешкольному образованию; необходимо также прийти на помощь земствам и различным обществам, преследующим задачи внешкольного образования и физического развития, пробудить общественную самодеятельность путем поощрения организации местных интеллигентных сил деревни в общества народных домов»[1].

Однако в условиях Гражданской войны организация государством внешкольного образования и культурно-просветительной работы, что позволило бы охватить широкие слои населения, оказалась делом невыполнимым. В итоге это важное с пропагандистской точки зрения направление оказалось в ведении земских и городских самоуправлений, кооперативных союзов и общественных культурно-просветительных организаций.

Исключение составляла культурно-просветительная работа в действующей армии и тыловых округах. Правда, вплоть до конца 1918 г. это направление политической пропаганды находилось в стадии обсуждения. Однако Омскому правительству крайне необходима была эффективная система мер противодействия большевистской агитации и пропаганде, деморализующая роль которых неоднократно признавалась в периодической печати Урала и Сибири.

Именно в организации «культурно-просветительной работы», наряду с налаживанием «правильной информации», военное и политическое руководство Белой Сибири в это время видело действенный способ контрпропаганды. В конце ноября – декабре 1918 г. в газетах «Русская армия» и «Военные ведомости» появляется ряд статей, так или иначе касающихся вопросов внешкольного образования, культурно-просветительной и воспитательной работы[2].

На основе этих и более поздних (январь – февраль 1919 г.) публикаций можно попытаться реконструировать общие воззрения публицистов официального направления, представителей военных и политических кругов Белой Сибири на культурно-просветитель-ную работу в вооруженных силах. В рамках этой модели осуществлялась практическая деятельность в войсках.

«В работу по созданию армии, – писала в декабре 1918 г. «Русская армия», – краеугольным камнем входит вопрос морального воспитания воина, как гражданина, так и солдата. Здоровые начала патриотизма, рыцарского самопожертвования и благородства должны составлять основу всей воинской психологии. Которая и явится реальным стимулом в борьбе за воссоздание России»[3].

Аналогичную мысль высказал автор, скрывавшийся под псевдонимом Александр Саянский, на страницах «Военных ведомостей». «Чтобы спасти страну от этой гнилой, разлагающей язвы большевизма, – отмечал он, – мы в настоящее время, создавая новую, великую русскую армию, должны помнить, что только армия сознательных борцов может быть могуча, сильна и боеспособна»[4].

В условиях низкого образовательного уровня подавляющей части населения Сибири, особенно крестьян, приоритет был отдан воспитательной работе, а преодоление кризисного состояния российского общества виделось, прежде всего, в «правильном пути широкого народного просвещения».

«В кровавую бурю, в непогоду, во тьме, на топком болоте приходится нам возводить здание новой России, – писал К. Маркович на страницах «Русской армии» – Это здание должно быть прочно, крепко. Сейчас мы закладываем только фундамент, кладем первые кирпичи. Нужно подыскать, подвинуть и поднять здоро-

---

[1] *«Реальная»* политика Временного сибирского правительства // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 39–40.

[2] *Спасайте* родину // Русская армия. 1918. 29 нояб.; *Армия* и политика // Военные ведомости. 1918. 7 дек.; *Культурно-просветительная* деятельность в армии // Русская армия. 1918. 13 дек.; *К текущей* работе // Русская армия. 1918. 22 дек.; *Культурно-просвети-тельная* деятельность в армии // Военные ведомости. 1918. 21 дек.

[3] *Русская* армия. 1918. 22 дек.

[4] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.

вые, крепкие камни для этого фундамента. Голыми руками тут ничего не поделаешь: нужны рычаги. Рычаги эти – знание, просвещение, образование, которое никогда не было так необходимо русскому народу, как в наше время. Сейчас требует просвещения и ищет знания тот, кто призван воссоздать Россию, кто призван делать новую жизнь: сейчас требует просвещения крестьянин-солдат. Стране сегодня, сию минуту нужен сознательный, образованный солдат»[1].

В то же время, по мнению публицистов официального направления, воспитательные меры были применимы лишь к «темной некультурной народной массе». Борьба же с «повальным падением чувства долга» у всех остальных классов общества, именуемых «интеллигентными», с точки зрения автора заметки «Горькая правда», подписавшегося инициалами «С.Л.», «не может вестись иначе, как в форме общего принудительного управления»[2].

Таким образом, вырисовывался контур некоторой программы, сочетавшей «беспощадное подавление злого умысла и преступности» с «просвещением масс».

Периодическая печать того времени, прежде всего военная, постоянно, так или иначе, возвращалась к теме «возрождения» вооруженных сил, уделяя пристальное внимание моральному состоянию войск. Большинство авторов, неоднократно подчеркивая, «насколько духовная мощь народа и его армии выше механической силы техники»[3], сходились во мнении, что для успешной организации «молодой» армии важны не столько вооружение и дисциплина, сколько необходимость «воскресить ее живую душу». «Вооружение и техника, – подчеркивалось на страницах «Русской армии», – сыграли видную роль в только что закончившейся борьбе народов, но не они только решали исход боя; самое совершенное оружие и наилучшая техника в руках более слабых духом войск не будут использованы в полной мере. Сознание интересов, за которые борется армия, и стоящая на должной высоте дисциплина всегда будут иметь первенствующее значение»[4].

Политическое руководство, военное командование, «государственно мыслящая» общественность Белого Востока настойчиво искали некий источник «нравственной силы», благодаря которому колчаковская армия смогла бы обрести присущую русским войскам силу и непобедимость. Одним, подобно капитану Колеснико-ву, он виделся в исторической традиции русских воинских частей. По его мнению, это «та боевая спайка, то боевое сродство частей, которое сплетает в одно целое роты полка»[5].

Другие связывали его с возвращением к военной морали, основанной на рыцарских традициях, понятиях чести и долга. «Наши деды и пращуры, которые неизменно стояли на страже русской государственности, – напоминала «Русская армия», – были рыцарями. Беззаветно и с радостью шли они умирать за величие и счастье России»[6].

Третьи указывали на присутствие особой «души армии». «У всякого народа, – писал военный публицист Е. Баранов, – бывали свои великие полководцы, и народы хранят память о них, наделяя их в своих устных преданиях и легендах теми качествами, какие присущи в народном представлении героической личности... Все эти легенды, воинские традиции и боевые реликвии воспитывают дух армии; я сказал бы даже – ее коллективную душу, без которой армия мертва, ибо в ней нет тех стимулов, которые двигают массами и побуждают отдельных людей, с более экспансивной натурой, на подвиги героизма и самоотвержения»[7].

В то же время непременным условием победы он считал единство фронта и тыла, вооруженных сил и народа. «Душа армии, – подчеркивал Баранов, – есть вместе с тем душа ее народа, ибо армия вообще, а русская в особенности, есть плоть от плоти и кость от кости своего народа. Суворовский “христолюбивый” воин есть вместе с тем идеал народного воина; в этом секрет непобедимости суворовской армии»[8].

В военных условиях было крайне важно, чтобы офицеры могли не только командовать своими подчиненными, но и в той или иной степени влиять на их мировоззрение, корректировать их политические взгляды. То есть вести, выражаясь словами большевиков, «политико-воспитательную работу».

---

[1] *Русская* армия. 1919. 11 февр.
[2] Там же. 26 янв.
[3] *Русская* армия. 1919. 23 февр.
[4] Там же. 1918. 18 дек.
[5] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.
[6] *Русская* армия. 1918. 26 нояб.
[7] Там же.
[8] *Русская* армия. 1918.

Принципы, на которых строились отношения между офицерами и рядовыми в войсках Белого Востока, во многом определялись мифологизированным опытом тех «лучших традиций» русской армии, которые были связаны с именами А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.Д. Ско-белева и других «отцов-командиров». В их основе лежал консервативный принцип корпоративности вооруженных сил, проникнутый неким духом чести и долга, в соответствии с которым рядовые должны подчиняться офицерам, а командиры – заботиться о подчиненных. Патернализм придавал армии как корпоративному объединению характер патриархальной семьи. В иерархии отношений простому солдату отводилась ниша «младшего брата». «Вы, наши опытные дорогие полководцы, отцы в военном деле, делитесь своими знаниями, всем своим опытом со своими младшими братьями по оружию... Вы, наше офицерство, сумеете создать сильную, здоровую телом и духом армию, искореняя из последней всякую политику и воспитывая ее в любви к родине», – призывал один из военных публицистов[1].

На деле же все было не так просто. Военная пресса не раз признавала, что революция «застала офицерство в полной политической отсталости, и последнее обстоятельство было на руку измене и демагогии». Поэтому в «государственно мыслящих» изданиях неоднократно поднимался вопрос о повышении уровня осведомленности командного состава в политической вопросах, о выработке у офицеров умений самим разбираться в политической ситуации и вести разъяснительную работу среди подчиненных.

«Учитывая период революционных движений, которые, бесспорно, могут еще долго волновать весь мир, – убеждала «Русская армия», – необходимо развить в будущем офицерстве здоровые и прикладные идеи государственности, дав его пониманию весь возможный материал как социального реализма, так и его утопий»[2]. С другой же стороны, незыблемым принципом по-прежнему оставался «армия вне политики», поэтому культурно-просветительная и воспитательная работа в смысле именно политического просвещения была невозможна.

Повышение «культурного уровня» офицеров становилось либо личным делом их самих, либо отдавалось на откуп старшим начальникам. В ситуации гражданской войны это не могло стать прочной основой культурно-просветительной и воспитательной работы в войсках. Военное и политическое руководство Белой Сибири, осознанно исключив из сферы политической пропаганды офицерский корпус, объективно сыграло на руку своему противнику. Политизация армии в условиях гражданской войны была неизбежна, и искусственно затормозить этот процесс ни теоретикам, ни практикам омского режима не удалось. Деполитизируя военную сферу, они создали дефицит именно политической информации, восполнить который в итоге не смогли. В ситуации, когда офицерство в силу своей «аполитичности» и осведомительный аппарат по причине неэффективности не смогли удовлетворить потребность армии и населения в политической информации, эту лакуну заполнили массово распространяемые слухи, большевистские и эсеровские агитаторы.

В качестве еще одного важного направления «духовного возрождения» армии, наряду с повышением воспитательного воздействия офицеров, военная пресса рассматривала целенаправленную культурно-просветительную работу. «Если солдат “Красной армии” сознательно понимает большевистские идеи классовой борьбы, если он сознательно за них умирает, – патетически восклицал Александр Саянский, – то разве солдат нашей новой русской армии не может сознательно понять идеи борьбы за возрождение родины, за освобождение ее от ига большевизма, от ига иноземного завоевателя, за свободу, величие и независимость России; разве он не может сознательно умереть за эти идеи?». При этом вывод ему казался вполне очевидным: «Конечно, может!»[3].

Другие авторы были настроены не столь оптимистично. «Воспитание солдатской массы при наших российских специфических условиях безграмотности и невежества, – говорилось в одной из статей, опубликованной в «Русской армии», – дело более трудное. Армия по-прежнему является пока единственной народной школой. С наивысшей интенсивностью необходимо обратить внимание офицерскому корпусу на развитие среди солдат грамотности и чтения»[4]. Приблизительно в таком направлении развивалась мысль и в большинстве других публикаций.

Предполагалось, что образовательный и воспитательный процесс будет охватывать как собственно жителей деревни, так и крестьян, уже одетых в военную форму. «Я полагаю, – писал автор статьи под выразитель-

[1]. *Русская* армия. 1918. 29 нояб.
[2] Там же. 22 дек.
[3] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.
[4] *Русская* армия. 1918. 22 дек.

ным заголовком «Спасайте родину», – что не только надо вести по пути просвещения наших бойцов за край родной, но все крестьянство, откуда пополняется, главным образом, наша армия. Мне думается, что для этой цели необходимо покрыть города, села, деревни, станицы культурно-просветительными обществами»[1].

Культурно-просветительная работа в армии, в свою очередь, рассматривалась как основа для повышения культурного уровня деревни. «Вопрос скорейшего просвещения армии – вопрос не только сохранения армии, но и вопрос воссоздания и сохранения страны, – подчеркивал К. Маркович. – Грамотный солдат, вернувшись домой, может быть проводником и распространителем просвещения в деревне, которая по-прежнему окутана тьмою невежества. Только грамотный солдат будет защищать настоящую свободу, так как *только в пламени просвещения выковывается истинная свобода* (выделено в источнике. – *Д.Ш.*)»[2].

Главные задачи правительственных как гражданских, так и военных учреждений в культурно-просветительной сфере выразил тот же Александр Саянский. «Нужно влить новую силу в солдатские ряды нашей армии, – писал он, – как вливают ее большевики в свою “красную армию”. Имея это в виду, мы должны стремиться в настоящее время к тому, чтобы наш солдат не только сознательно был воспитан, но и твердо верил в то, что победа над большевизмом принесет народу больше материальных благ и культурных ценностей, чем классовая борьба большевиков, ведущих страну к нищете, развалу, духовному и умственному разложению»[3].

Основной упор в культурно-просветительной деятельности был сделан на ее дидактичность, назидательность. В основе осведомительной работы изначально лежала идея: не уподобляться большевикам, воздействуя на общество теми же самыми пропагандистскими мерами, а просвещать народ до уровня неприятия им коммунистической идеологии. При этом считалось, что составные части осведомления: и культурно-просветительная работа, и «правильная» информация – находятся «вне политики». «Когда говорится о культурно-просветительской работе в армии, – писала в частности газета «Русская армия», – то воображению нашего рядового обывателя, взволнованного всеми политическими землетрясениями, эта работа рисуется протекающей в области политической. А между тем эта деятельность, глубоко затрагивающая духовные запросы народные, совершенно аполитична»[4].

Та же мысль красной нитью проходит через подавляющее большинство материалов периодической печати официального направления. Некоторым особняком в этом ряду стоит уже неоднократно упоминавшаяся статья Александра Саянского «Армия и политика», опубликованная в новониколаевских «Военных ведомостях». Признавая, что «политика для армии, ее единства и силы опасна» и что события русской революции тому яркое подтверждение, автор, тем не менее, пишет: «Армия только тогда может быть вне политики, когда последняя ведется гражданским населением. И в тех странах, где это явление приобрело право господства, – там армия выполняет только выпавшие на ее долю почетные и ответственные задачи страны. Но наша отсталость гражданского населения в политической жизни не только открыла эру господства отдельных групп, но и дала возможность большевизму окрепнуть временно настолько, что он пустил... глубокие корни в народную душу»[5].

Из этого напрашивается вывод о том, что в условиях гражданской войны вооруженные силы не могут находиться в стороне от политических событий. Мысль эта, однако, в тексте четко не прописана. Тем не менее в пользу такой авторской позиции говорят его оценки значения политической пропаганды у большевиков. «Несмотря на внутреннее недовольство большевистскими порядками, развал и множество недочетов в деятельности советской власти, – указывал Саянский, – все это не помешало большевикам одержать ряд побед. Причина этих побед заключалась не в превосходстве вооружения и обмундирования большевистских солдат, как многие об этом думали, а исключительно в том, что в каждом большевистском полку и дивизии имеются специальные политические агитаторы, которые, обещая солдатам золотые горы, все время бьют их по нервам своей политикой, настойчиво внушая идеи беспощадной классовой борьбы. Создавая новую русскую армию, мы эту большевистскую политику должны иметь в виду»[6].

---

[1] *Русская* армия. 1918. 29 нояб.
[2] Там же. 11 февр.
[3] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.
[4] *Русская* армия. 1918. 13 дек.
[5] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.
[6] *Военные* ведомости. 1918. 7 дек.

Таким образом, Саянский одним из первых среди публицистов Белого Востока открыто признал наличие в большевистской пропаганде очевидной пользы. Однако тогда к выводам автора организаторы осведомительной работы не прислушались. Да и сам автор предлагал довольно тривиальные контрмеры. «Если для деревни требуется мобилизация всей нашей интеллигенции, – утверждал он, – то для русской армии требуется тем более мобилизация всего офицерского состава».

В другой статье Саянский еще раз заострил внимание на необходимости «прекрасно поставить агитационный аппарат, которому большевики уделяют столько внимания, сколько не уделяла еще ни одна армия в мире». «Имея кадры агитаторов и выпуская прокламации к населению, – писал он, – мы не только должны разбить по всем швам большевистскую агитацию, но и вырвать из народной души все ее “социалистические корни”»[1].

Потребность в мерах культурно-воспитательного характера ощущалась военным руководством и командным составом белых армий. Начиная с осени 1918 г. офицеры целого ряда частей с целью «духовного развития солдата» проводили беседы, устраивали спектакли, литературные вечера, проводили корпусные, полковые и ротные праздники, организовывали солдатские клубы и культурно-просветительные кружки. Так, уже осенью 1918 г. в 6-м Степном кадровом полку, расквартированном в Тюмени, был организован солдатский клуб. Инициатива создания такой «культурной ячейки» принадлежала командиру полка полковнику Троицкому, который, по словам корреспондента «Русской армии» поручика Степанова, решил создать «такой очаг, где бы солдаты могли, чувствуя себя в родной полковой обстановке, проводить свободное от занятий время с пользой и разумно, не предаваясь пьянству и разврату»[2].

Серьезной преградой явилось отсутствие подходящего помещения. «Бесчисленные препятствия к созданию клуба, – писал Степанов, – не остановили энергичных инициаторов. Благодаря колоссальным усилиям и хлопотам было получено помещение для клуба, представлявшее из себя полуразвалившийся жилой дом, предназначенный городской управой к сломке. При участии молодых солдат полка в течение трех недель дом сделался неузнаваемым. Вместо полуразвалившихся комнат выросла сцена и зрительный зал». Труппа была организована из артистов местного театра. Репертуар составила в основном русская классика – произведения А.П. Чехова и А.Н. Островского. При клубе действовали парикмахерская и буфет, где за «дешевую цену солдат может получить хорошие и свежие кушанья». «Благодаря распорядительности и умелой постановке хозяйственной части при клубе существует образцовая булочная и колбасная. Первая выпекает до 40 пудов хлеба ежедневно или 1 500 французских булок. Таким образом, солдаты 6-го полка имеют возможность получить ежедневно французские булки и колбасу по дешевой цене». В дальнейшем планировалось организовать при клубе школу грамотности и библиотеку[3].

«Все помещения этого полка, – писала «Русская армия» о 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полке, – совместными усилиями господ офицеров и казаков украшены хвойными гирляндами, флагами и разноцветными бумажными кружевами. В обширной роскошно декорированной зале устроена эстрада и сцена». С нового года в части «ведутся беседы религиозно-нравственного и исторического содержания по текущему моменту, по гражданскому воспитанию и политическому образованию, по естествоведению, медицине и сельскому хозяйству». Кроме того, в полку устраивались спектакли, литературные вечера с «общим пением, музыкой и танцами». При этом актерами и «вообще действующими лицами, как по убранству комнат, так и по устройству спектаклей и вечеров» являлись сами казаки[4].

В ряде частей – 1-м Югославском, 40-м Верхне-Услонском, 2-м Сибирском стрелковых полках – офицеры организовали для солдат с «целью заполнения их досуга разумными развлечениями» культурно-просветительные кружки[5]. Во 2-м Сибирском стрелковом полку силами кружка была поставлена «злободневная пьеса» местного автора Н.И. Суханова «Ледоход», посвященная русскому офицерству. В Новониколаевске активно действовал культурно-про-светительный кружок при управлении санитарной части бывшей Северной группы, имевший целью «устройство разумных развлечений для войск и широких кругов населения»[6].

---

[1] *Военные* ведомости. 1918. 26 нояб.
[2] *Русская* армия. 1918. 22 дек.
[3] Там же.
[4] Там же. 11 февр.
[5] *Военные* ведомости. 1919. 30 янв.; *Правительственный* вестник. 1919. 7 янв.
[6] *Военные* ведомости. 1918. 27 дек.

Только с 8 по 26 января 1919 г. силами кружка было поставлено 8 спектаклей и устроено 2 концерта, на которых зрителям бесплатно раздавались «Военные ведомости». Кроме того, кружок по мере возможности снабжал этой газетой военные части и издавал листовки для солдат[1].

Периодическая печать приветствовала и всячески пропагандировала такого рода «культурные начинания», подчеркивая их положительную роль в снятии напряжения во взаимоотношениях между офицерским и рядовым составом армии. «Солдаты охотно идут в свой клуб, – писал поручик Степанов, – где они себя чувствуют хозяевами, посещают его и офицеры, и там, в родной полковой обстановке, незаметно тает лед между солдатами и офицерами, уступая место братским отношениям, основанным на чувстве уважения и взаимного доверия... Хорошо то, что ни одного типичного объявления, вроде “не бросать окурков на пол”, “не плевать” и т. п. я не видел, а между тем в клубе царит образцовая чистота и порядок, которые поддерживаются самими солдатами»[2].

Кроме того, подчеркивалось благотворное влияние такой работы на солдат. «С какой любовью, с каким сосредоточенным вниманием они слушают беседы, – писал о военнослужащих 1-го Сибирского казачьего полка К. Маркович, – являются на вечера, несмотря часто на свою усталость». Был в таких начинаниях офицеров и еще один очень важный аспект, подмеченный поручиком Степановым: «Солдаты видят и чувствуют, что о них заботятся, и жизнь казармы скрашивается»[3].

Характерно, что в ряде случаев культурно-просветительная работа в армии насаждалась приказами вышестоящего начальства. Так, начальник красноярского гарнизона полковник М.И. Федорович в день ноябрьского переворота издал специальный приказ. «В момент создания новой армии, опираясь на вековой опыт всех стран, – говорилось в нем, – необходимо в основу этого созидания заложить твердый фундамент железной дисциплины. Но средств и способов прежних сейчас недостаточно. Помимо полевых судов и страха наказания, необходим во всем личный пример руководителей, а затем в первую голову нужно поставить меры культурного воздействия – духовное развитие солдата... Для того чтобы оживить душу солдата и заставить его полюбить родину, нужно познакомить его с ней. Как это сделать? Нужно познакомить его путем кратких, самых популярных, вполне доступных его пониманию бесед с историей России, географией, этнографией и родной литературой; необходимо передать ему элементарно-научные познания, столь нужные ему в его хозяйственной обиходной жизни. Я убежден, что среди офицеров гарнизона найдутся люди с высшим и достаточным средним образованием, способные в краткой, но яркой и образной речи передать ему все эти несложные знания и таким путем пробудить его ум, оживить душу и заронить искру любви к своей родине. Мы видели, к чему привела темнота народа, нельзя терять ни минуты; офицеры должны вести к свету своего младшего брата – солдата возрождающейся русской армии – и вновь ее сделать по-старому могучей и непобедимой, угрозой врагов и оплотом союзников»[4].

Федорович обязал своих подчиненных, офицеров гарнизона, не менее одного-двух раз в месяц проводить беседы с солдатами, сопровождая их «туманными картинами» при помощи волшебного фонаря. К воспитательной работе он также пытался привлечь культурно-просветительные организации Красноярска (географическое общество, народный университет и т.д.).

Каким же образом виделись в это время содержание и методы культурно-просветительной работы в войсках? «Излишне говорить, – отмечала, к примеру, «Русская армия», – какое значение в условиях переживаемого нами момента приобретает культурно-просветительная работа в армии. С одной стороны – враг засыпает фронт всевозможными красными газетами, листовками и брошюрами, имея целью внести разложение в наши ряды. С другой – солдату необходимы разумные развлечения, так как его жизнь не может ограничиваться одной казармой. Поднять умственный и культурный облик солдата и в то же время разумно заполнить его досуг – вот цель, которая должна быть поставлена в основание культурно-просветительной работы в армии»[5].

Несколько по-иному воспринимали культурно-просветительную деятельность в армии новониколаевские «Военные ведомости». «Насаждение в войсках очагов культурных знаний, школ грамотности, учреждение

[1] *Военные* ведомости. 1918. 31 янв.
[2] *Русская* армия. 1918. 22 дек.
[3] Там же.
[4] *Свободная* Сибирь. 1918. 21 (8) нояб.
[5] *Русская* армия. 1919. 3 июня.

курсов по прикладным знаниям, учреждение опытных полей и показательных станций по всем отраслям домашнего и сельского хозяйства, снабжение отдельных культурных ячеек всеми материалами и наглядными пособиями для усвоения начальных знаний, – подчеркивалось в этой газете, – вот частности программы культурно-просветительской работы, намеченной в армии. Досуг казармы, условия жизни собранных в ней молодых народных сил являют широкие перспективы для систематического и планомерного осуществления такой программы и лучшей аудитории из молодых народных сил не заставляют и желать»[1].

Таким образом, культурно-просветительная работа в войсках предполагала несколько направлений деятельности:

– повышение грамотности и общего культурного уровня;

– нравственное воспитание;

– противодействие большевистской пропаганде через направленное формирование мировоззрения солдат;

– организация культурного досуга, «разумных» развлечений для солдат.

В то же время следует учесть, что на практике культурно-просветительная работа приобретала несколько иную, нежели это провозглашалось, направленность.

В конце 1918 г. при Главном штабе был создан отдел по внешкольному образованию в войсках. Как уже отмечалось во второй главе, в его задачу входило: заполнить отдых солдат «разумными развлечениями», «развить в нем понимание прекрасного вообще», и пробудить «интерес и любовь к национальному русскому искусству, в котором выявляется богатство души русского народа».

Свою работу отдел начал с публикации объявления о приобретении самого необходимого инвентаря и оборудования: кинематографических аппаратов и принадлежностей к ним, проекционных («волшебных») фонарей, экранов, фильмов и диапозитивов, граммофонов и пластинок к ним, музыкальных инструментов, географических карт, диаграмм и других наглядных пособий, нот, книг и журналов, театральных принадлежностей (декораций, костюмов, грима)[2].

1 января 1919 г. отдел по внешкольному образованию в войсках Главного штаба организовал в Омске сбор средств для усиления культурно-просветительной работы среди военнослужащих. «В этот день, – писал «Правительственный вестник», – в увеселительных местах и ресторанах будут повышены цены, причем разница будет отчислена на указанные цели. Необходимо отметить, что почти все владельцы ресторанов, кинематографов и увеселительных мест ответили на призыв помочь делу сбора отчислением от своего дневного дохода от 25 до 75 %. Вообще полное сочувствие всего населения задачам отделения заставляет надеяться, что день сбора пройдет с тем успехом, который так необходим для проведения в жизнь ближайших задач культурно-просветительной работы в армии»[3].

Все это – и публикация объявления, и сбор пожертвований – говорило о том, что отдел по внешкольному образованию в войсках начал свою работу фактически на пустом месте, без необходимых средств и оборудования. Кроме того, такие меры отражали первоначальные взгляды военного командования на организацию культурно-просветительной работы: максимально возможную экономию казенных средств. В идеале же было бы лучше, чтобы она вообще стала необременительной для государственного бюджета.

«Нет сомнения в том, что в будущем все расходы на нужды просвещения армии будут относиться за счет государственной казны, – отмечала «Русская армия», – но сейчас, когда наш военный бюджет отягощен исключительно материальными нуждами армии, когда армия нуждается во всем, желательно не обременять его ассигнованиями на культурно-просветительное дело, близкое всему народу, и, надо думать, этот призыв к общественной поддержке этого дела вызовет полное сочувствие здоровых элементов населения»[4].

Культурно-просветительные кружки, солдатские клубы, театры и библиотеки предполагалось создавать на общественных началах. Необходимые ассигнования поступали, в частности, от ряда крупных коммерческих объединений и кооперативов, отчислявших часть своих прибылей на «культурно-просветительные нужды армии». Для этой же цели устраивались сборы пожертвований, благотворительные спектакли, концерты и лекции.

---

[1] *Военные* ведомости. 1918. 21 дек.

[2] *Правительственный* вестник. 1918. 24 дек.

[3] Там же. 1919. 1 янв.

[4] *Русская* армия. 1918. 13 дек.

Так, весной 1919 г. отдел по внешкольному образованию в войсках организовал сбор средств по подписке. В газетах регулярно публиковалось воззвание отдела. «К вам, граждане, в лице нашем, – говорилось в нем, – обращается русская армия, алчущая и жаждущая духовной пищи – просвещения, культуры, знания. Стоящие на страже общегосударственных интересов, защищающие всех нас от произвола и насилия – воины наши – это наши молодые народные силы, оторванные от семей, от обычных условий жизни ради выполнения своего долга перед страной – воинского долга. Наш же долг обязывает нас оказать всякое содействие тому, чтобы за время пребывания в армии граждане-солдаты не исключались из участия в культурной эволюции страны»[1]. Тем не менее полученных средств для ведения культурно-просветительной работы в намеченном объеме было недостаточно.

Поставленная перед отделом по внешкольному образованию в войсках цель во многом диктовала формы и методы работы. Основной упор был сделан на развлекательный характер проводимых мероприятий. При отделе действовала художественно-драматическая студия, организовавшая для военнослужащих учебные курсы. Устраивались разнообразные концерты, литературные и музыкальные вечера, спектакли. «В методах своей деятельности, – отмечала газета «Русская армия», – отделение руководствуется старой русской пословицей: “Лучше раз увидеть, чем 100 раз услышать”. И поэтому вся его работа основана на принципах наглядности»[2].

Художественные инсценировки перевоплощали музыку и песни в живые наглядные образы, как это, например, происходило с «Призывом весны» композитора А.Т. Гречанинова. «Открывается занавес, и слушатель одновременно должен стать зрителем. Перед ним чарующая картина русской летней природы, залитой жаркими лучами солнца старого бога Ярилы. И на фоне этой декоративно выдержанной картины группа поклонников бога шлет ему свои мольбы». Подобным образом, в виде художественных лубков, инсценировались и другие музыкальные произведения. «Русский солдат, – считали организаторы подобных мероприятий, – получая подобную эстетическую пищу в часы своего досуга, который зачастую убивается совершенно непроизводительно, может получить много пользы от соприкосновения со своим русским искусством, будучи ознакомлен с которым одновременно и в доступной, и в художественной форме, несомненно, научится его и любить, и ценить»[3].

В середине весны 1919 г. в прессе появляются слухи о том, что руководство военного министерства собирается передать отделение внешкольного образования в войсках в ведение Главного управления военно-учебных заведений, ликвидировав его как самостоятельное учреждение. Доказывая нецелесообразность подобного решения, омская «Наша заря», в частности, писала: «Такое подчинение не нормально. Живая работа в солдатской массе будет вестись через учреждение, не имеющее никакой непосредственной связи с армией, через людей, быть может, опытных педагогов, но работавших в совсем другой области воспитания, в других условиях и с другими заданиями»[4].

Высказывалось предположение, что руководители военно-учебных заведений, занятые «хаосом» кадетских корпусов, будут просто не в состоянии уделять должное внимание культурно-просветительной работе среди солдат. Кроме того, считалось, что они недостаточно авторитетны для строевых командиров, и их распоряжения будут попросту игнорироваться. Неизвестно, какими соображениями руководствовалось военное министерство, и повлияли ли на его решение доводы, приводимые в прессе, но в результате самостоятельность отдела внешкольного образования сохранилась.

Постепенно сеть местных отделений была развернута и в гарнизонах тыловых и внутренних округов. Одним из первых отдел внешкольного образования и воспитания появился в Томске. Его усилиями были открыты гарнизонный театр, лекционная аудитория, устроены чайная и кинематограф[5]. Кроме того, отдел издал однодневную газету «Возрождающаяся Россия». В апреле 1919 г. по инициативе Главного штаба и Морского министерства местный филиал отделения открылся в Перми, при главной базе речной флотилии[6].

2 мая 1919 г. отдел внешкольного образования был учрежден в Новониколаевске. «Придавая большое значение культурно-просве-тительной работе как одному из могучих воспитательных средств в деле разумного

---

[1] *Сибирские* стрелки. 1919. 3 апр.
[2] *Русская* армия. 1919. 28 февр.
[3] *Русская* армия. 1919. 28 февр.
[4] *Наша* заря. 1919. 27 апр.
[5] *Русская* армия. 1919. 3 июня.
[6] *Сибирские* стрелки (Пермь). 1919. 28 апр.

заполнения досуга офицеров и солдат и считая, что дело внешкольного образования и воспитания войск должно быть поставлено на надлежащую высоту, – говорилось в приказе начальника Новониколаевского гарнизона полковника Федорова, – нахожу необходимым создать гарнизонный отдел по внешкольному образованию и воспитанию войск, который будет вести всю культурно-просветительную работу в гарнизоне»[1]. Формирование отдела возлагалось на его начальника – статского советника Кривоносова. Его помощниками были назначены штабс-капитан Петров и коллежский регистратор Климович. К лету 1919 г. подобные отделы (отделения, секции) существовали во всех крупных сибирских гарнизонах.

Летом 1919 г. в связи с реорганизацией центрального военного аппарата пропаганды руководство культурно-просветительной работой как в действующей армии, так и в тыловых военных округах перешло к Осведверху. Со временем культурно-просветительные отделы (отделения) создаются во всех военных учреждениях, занимавшихся политической пропагандой, – Осведфронте, осведармах и осведокрах.

При культурно-просветительном отделении (впоследствии отделе) Осведверха имелась своя драматическая труппа. Только за период с 25 августа по 1 октября 1919 г. силами этой труппы культурно-просветительное отделение организовало в Городском театре и «Кристалл-Паласе» 14 спектаклей для офицеров и солдат Омского гарнизона. Столько же было проведено киносеансов в электро-театре «Гигант». В общей сложности их посетило свыше 19 тыс. человек. На всех спектаклях солдатам бесплатно раздавалась агитационная литература. Осведверх устроил также серию кинопоказов для раненых в местных госпиталях и лазаретах. Кроме того, было проведено 4 благотворительных спектакля и 7 киносеансов, доход от которых, в размере 74 тыс. руб., предназначался «на культурно-просветительную работу в войсках». В частности, 4,5 тыс. руб. было передано 4-й Уфимской имени генерала Корнилова дивизии. За этот же период культурно-просветительное отделение организовало 5 публичных лекций, в том числе 2 – для войск гарнизона[2].

Концерты-спектакли, устраиваемые для войск Омского гарнизона, включали отрывки из опер Р. Леонкавелло «Паяцы» и М.И. Глин-ки «Руслан и Людмила». В октябре 1919 г. Осведстепь организовал ряд вечеров камерной музыки с исполнением произведений русских композиторов П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова, А.К. Глазунова, А.Т. Гречанинова, А.П. Бородина, А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова. Регулярно проходили концерты симфонического оркестра Образцовой егерской бригады под управлением А.А. Берлина.

В Новониколаевске районная труппа Осведверха под руководством Ф.Ф. Орбелиани провела несколько спектаклей для населения и войск местного гарнизона в театрах «Альгамбра», «Мозаика-Гигант» и театре-саду «Сосновка». В Томске под патронажем районного отделения Осведверха в театре «Новый» были поставлены пьеса К. Гамсуна «У врат царства», а также оперный спектакль, включавший сцены из «Бориса Годунова» М.П. Мусоргского и «Русалки» А.С. Даргомыжского.

В конце лета – осенью 1919 г. в Томске активную работу развернул осведомительный отдел штаба Омского военного округа. Было сформировано две труппы: оперная и драматическая. В качестве руководителя оперной труппы был приглашен директор музыкального училища К.А. Ардатов. У труппы был свой балет (под управлением В.С.Докучаева[3]), хор (под руководством Коломийцева) и оркестр (дирижер Виссонов)[4]. Для драматической труппы отдел привлек лучшие творческие силы города: хорошо известного томичам режиссера Драматической студии И.Г. Калабухова, а также артистов, с которыми он работал ранее (Э.Л. Шиловская, Н.Е. Щепановский и др). Выступала труппа сначала на сцене «Нового», а затем и «Интимного театра», который после проживания в нем беженцев был продезинфицирован и отремонтирован и перешел в ведение осведомительного отдела[5]. Спектакли труппы получили высокую оценку в томской прессе. В электротеатре «Золотой рог» и театре «Новый» был организован показ фильмов для солдат,

Осведомительный отдел организовал серию поездок на фронт театральных трупп и передвижных кинематографов. Большим успехом пользовались «летучие концерты» известной в те годы исполнительницы русских народных песен М.А. Каринской. В Первую мировую войну Каринская в течение года работала в прифронтовой полосе (Галиция, Молодечно, Рига, Либава), а оказавшись на территории, занятой войсками контррево-

[1] *Военные* ведомости. 1919. 4 мая.
[2] *Сибирская* речь. 1919. 16 окт.
[3] Бывший балетмейстер Большого театра.
[4] *Русский* голос. 1919. 26, 29 нояб.
[5] Там же. 27 нояб.

люции, ходатайствовала перед А.В. Колчаком с просьбой разрешить ей ряд выступлений для солдат действующей армии. «Обычно я устраивала концерты таким образом: на какой-нибудь станции прифронтовой полосы мы останавливались... – делилась она своими впечатлениями с корреспондентом газеты «Сибирская речь». – Раздвигались двери теплушки, и я, находясь на пороге ее, начинала петь. Всегдашними слушателями моими были, конечно, солдаты и железнодорожные рабочие»[1].

Свои концерты М.А. Каринская сопровождала лекциями о русской народной песне и раздачей агитационной литературы. Ее деятельность была благожелательно встречена военным командованием. В телеграмме на имя полковника Г.И. Клерже, подписанной командирами 45-го, 46-го и 48-го Сибирских стрелковых полков подполковниками Кондратьевым, Бухвостовым и Чернецким, отмечалось: «Сибирские стрелки сердечно благодарят за высокохудожественное бодрое настроение, навеянное прекрасными песнями Марии Александровны Каринской, воскресившей их для новых жертв ради дорогой родины»[2].

Сам Клерже в своих воспоминаниях писал: «Немалую пропагандную энергию проявила… популярная исполнительница народных патриотических песен артистка М.А. Каринская. Своими сольными выступлениями с импровизированных подмостков, созданных из полураскрытого товарного вагона, М.А. Каринская, можно сказать, “с ума сводила” своих слушателей и разжигала в их сердцах большой патриотический подъем. Район деятельности ее был преимущественно фронт действующей армии, где она стремилась проникнуть возможно ближе к передовым линиям войск и там своей песней, шутками, прибаутками, а то и прямой горячей патриотической агитацией поддержать бодрость духа и силы офицеров и солдат»[3].

При штабах гарнизонов существовали отделения (секции) по внешкольному образованию и воспитанию. Основная ставка также делалась на зрелищные, развлекательные мероприятия: литературные вечера, кинематограф, театральные и музыкальные постановки, цирковые представления, различные концерты.

В отчете местной контрразведки так описывалась деятельность Новониколаевского осведомительного отделения за последнюю неделю ноября 1919 г.: «В понедельник 24 ноября был для 1-го Новониколаевского полка дан бесплатный спектакль – “Каширская старина” (пьеса историческая); 25-го – для населения – “Профессор Сторицын” и патриотический вечер музыки; 26-го – для населения – “Оболтусы и ветрогоны”; 27-го – для населения – “Старый закал” Сумбатова (историческая); 28-го – парадный спектакль в честь первого гражданина возрождающейся России адмирала Колчака; 29-го – духовный концерт (литургия Иоанна Златоуста, музыка Чайковского) для войск гарнизона и населения; 30-го – для населения – повторение парадного спектакля в честь Верховного правителя»[4].

В начале октября 1919 г. усилиями журналиста-организатора А.К. Соколова был создан культурно-просветительный отдел Мариинского гарнизона, с 25 октября переименованный в осведомительный. В его составе имелись информационная, лекционная, музыкально-драматическая и спортивная секции, а также школа грамоты и библиотека-читальня. За первый месяц работы было устроено 9 спектаклей, доход от которых составил 20 тыс. рублей[5].

Следует отметить, что театральные коллективы того времени, наряду с классической драматургией А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, осуществляли постановку пьес посредственных авторов, имевших относительно невысокое культурно-воспитательное значение и низкий литературный уровень.

На фронте, в частях действующей армии, культурно-просвети-тельная работа также велась, хотя, по-видимому, в меньшем объеме. В 3-й армии, например, в период с 15 по 27 ноября 1919 г. сотрудниками-корреспондентами осведарма были «обследованы» 7-я и 11-я Уральские, 13-я Казанская и 13-я Сибирская стрелковые дивизии; а с 17 по 30 сентября – 3-я кадровая бригада, 4-я Уфимская дивизия, Тюменский и Троицкий полки 2-й Уфимской кадровой бригады, отдельные Егерский и Саткинский полки, и «повсюду проявлена энергичная деятельность по насаждению в частях дивизий культурно-просветительных ячеек»[6].

---

[1] *Сибирская* речь. 1919. 5 авг. (22 июля).
[2] Там же. 22 (9) авг.
[3] *Клерже Г.* Указ соч. С. 318–319.
[4] *Последние* дни колчаковщины… С. 64–65.
[5] *Русская* речь. 1919. 28 окт.
[6] *Последние* дни колчаковщины… С. 46–51.

В целом ряде частей были организованы школы грамоты с месячным курсом обучения, открыты солдатские клубы, библиотеки, чайные-читальни, в которых имелись газеты, воззвания и другая агитационная литература. Для солдат устраивались спектакли, концерты, проводились лекции и беседы.

Военное командование, помимо создания специализированных культурно-просветительных учреждений, стремилось привлечь «к моральному и духовному воспитанию в огромной своей части невежественной солдатской массы», «оздоровлению и освежению казарменной атмосферы» офицерский состав армии. В приказах Верховного Главнокомандующего, его начальника штаба неоднократно указывалось «на необходимость более живого и тесного общения офицера с солдатом, на широкую и серьезную постановку бесед и чтений в казармах, в среде солдат».

В августе 1919 г. командирам воинских частей, начальникам гарнизонов была направлена специальная телеграмма, «напоминающая вновь о необходимости внушить офицерам, немедленно приступить к просветительной работе в войсках». В телеграмме указывались даже примерные темы бесед, «ведение которых признается наиболее желательным в ближайшее время». В числе таких тем назывались аграрный вопрос, улучшение условий труда рабочих, деятельность правительства по созыву Национального Учредительного собрания, военные успехи генералов А.И. Деникина, Н.Н. Юденича, К. Маннергейма, Е.К. Миллера, «сплошным кольцом окруживших совдепию». При проведении бесед, указывалось в телеграмме, следовало особо подчеркнуть: «Российское правительство объявило, что вся земля будет передана трудящимся, что оно обеспечивает поддержку крестьянского хозяйства, кредиты на доставку кооперативами орудий из Америки, что оно принимает все меры к устройству инородцев и новоселов»[1]. Однако в значительной степени такие распоряжения офицерами попросту игнорировались.

Отсутствие в большинстве случаев у культурно-просветитель-ных учреждений продуманного плана работы, их чрезмерное увлечение развлекательной стороной в ущерб дидактичности вызывали подчас нелестные отзывы сторонних наблюдателей. Так, резко критикуя в корне порочную, на его взгляд, организацию культурно-просветительной работы в войсках, Н. Киселев писал в «Сибирской речи»: «Внутренние причины неуспеха культурно-просветительной деятельности кроются в психологии самих работников просвещения и культуры. Не будет преувеличением сказать, что эти деятели не отдают никакого внимания ни цели своей работы, ни пределам ее, ни средствам ее осуществления, что работа эта не имеет определенного направления плана и носит характер случайный и беспорядочный»[2].

Резкую неприязнь у него вызвали методы и приемы «воспитательного воздействия», повсеместно проводимые культурно-просве-тительными учреждениями в войсках и не отвечавшие, по мнению автора, насущным потребностям момента. «И если вы хотите просветить армию, – указывал он, – то вы просветите ее не ротными школами, не “туманными чтениями”, как с бессознательной иронией называют солдаты чтения с волшебным фонарем, а выработкой военного миропонимания, внедрением в сознание воина общих идей дисциплины и суворовской науки побеждать. Просвещенный воин – это воин дисциплинированный, что бы ни говорили всякие несмышленыши об отупляющем влиянии дисциплины»[3].

С «культурой» же, как считал Н. Киселев, дело обстояло еще хуже. «В чем выражается культурная работа у нас и, в частности, в армии, – задавался он вопросом. – “Мы занимаем солдат спектаклями, и, право, они очень веселятся, мы устраиваем для них клубы, где они могут почитать газетку, поиграть в шахматы”... Так описывают свою деятельность наши культуртрегеры. Какая пошлость! Строгая дева в кожаном переднике, с набором стальных инструментов в руках, является в образе глупой старой няньки, тетюшкающей до одурения пускающего пузыри младенца». Отвечая сторонникам этого весьма распространенного понимания культурно-просвети-тельной работы, Н. Киселев, возможно, по-военному чересчур прямолинейно, но достаточно верно подметил: «Нет, господа! Культура – это труд... Ее путь залит потом, а часто и кровью... Подождите строить клубы, прежде чем не очистите смрадных и загаженных общественных уборных... Начните с начала, а не с конца культуру воина и гражданина и действуйте теми же средствами, какими действует сама культура, – властным велением, беспощадным, не знающим жалости принуждением и постоянной тренировкой. Эти ближайшие задачи будут потруднее устройства и аплодисментов вам не принесут, но воина сделают культурным

[1] *Военные* ведомости. 1919. 20 авг.
[2] *Сибирская* речь. 1918. 28 дек.
[3] Там же.

человеком, хотя бы в необходимой мере. Нельзя разбивать дорожки и сеять газоны, пока не выкорчеваны пни и не выполоты сорные травы»[1]. Однако этот и подобные призывы остались без внимания.

В целом в колчаковской армии культурно-просветительная работа сводилась по преимуществу к проведению зрелищных, развлекательных мероприятий. Несомненно, это решало важную задачу – организацию солдатского досуга. Однако политико-просветительная и идейно-воспитательная составляющая в деятельности осведомительных органов была представлена слабо и значительно уступала аналогичной работе политорганов Красной армии.

Таким образом, в деятельности осведомительных органов антибольшевистских правительств на территории Сибири четко прослеживаются несколько ключевых направлений. Это информационное обеспечение функционирования государственной власти, политическая пропаганда и культурно-просветительная работа. Важную роль в идейной мобилизации играла периодическая печать официального направления, что было обусловлено способностью прессы в короткий срок охватывать значительные пространства и быстро воздействовать на большие группы людей. На разных этапах Гражданской войны степень значимости отдельных направлений осведомительной работы для политической системы Белого Востока менялась. Если в течение лета 1918 – весны 1919 г. ставка делалась на «правильную информацию» населения и армии, организацию культурно-просветительной работы в войсках, то начиная с лета 1919 г. существенно возрастает роль устной и печатной пропаганды, различных форм наглядной агитации. В тот же период активизируется издательская деятельность Осведверха, Русского бюро печати, осведомительных отделов колчаковских армий, тыловых и внутренних округов. Кроме того, значительные усилия прилагались к формированию разветвленной системы распространения пропагандистской продукции. В ситуации стремительного «размножения» осведов проводится работа по объединению и согласованию пропагандистского, культурно-просветительного и издательского направлений в деятельности осведомительных органов Омского правительства.

4.5. Осведомительная работа и политическая пропаганда антибольшевистских правительств востока России: закономерные итоги

В течение лета 1918 – осени 1919 г. правительствам Белого Востока удалось сформировать свой аппарат политической пропаганды и осведомления, включавший несколько центральных учреждений и сеть местных отделений. Используя в качестве своего инструмента главным образом периодическую и непериодическую печать, осведомительные органы развернули кипучую деятельность, направленную на идейную мобилизацию населения восточных регионов страны на борьбу с большевиками. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: насколько эффективным оказался сконструированный Омским правительством механизм политической пропаганды?

На протяжении всего 1919 г. как в официальных документах Омского правительства, сообщениях колчаковской контрразведки, так и в периодической печати Урала, Сибири и Дальнего Востока неоднократно поднимался вопрос о слабой политической информированности населения на подконтрольной антибольшевистским силам территории востока России. В особенности, это касалось крестьянства. Так, в начале апреля, по сообщению сибирских газет, участники направленного на поимку дезертиров в один из уездов Иркутской губернии отряда обратили внимание на «невероятную оторванность деревни от города». «Газеты почти нигде не получаются, – писала «Сибирская жизнь». – Что делается на белом свете – не знают. Живут слухами и сплетнями. Во многих волостях уверяли, что им какой-то “прохожий” уже сообщил, что в Иркутске властвуют большевики. Из-за этого и многие дезертиры не возвращались в свои полки»[2].

Похожая ситуация наблюдалась и в других районах Сибири. «В Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде, – писал в начале мая начальник разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа, – отсутствует какая-либо правительственная информация. Не только крестьяне и горожане систематически питаются вздорными, провокационными слухами, но подчас и представители власти, как начгары (начальники

[1] *Сибирская* речь. 1918. 28 дек.
[2] *Сибирская* жизнь. 1919. 12 апр.

гарнизонов. – *Д.Ш.*) и земские деятели, ввиду полного отсутствия газет, живут слухами, распространяемыми с провокационными целями главарями большевистского движения»[1].

Летом 1919 г., как уже ранее отмечалось, пропагандистский аппарат колчаковского режима был кардинально реорганизован. Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх) и Русское бюро печати развернули широкомасштабную работу, «прививая армии и народу здоровые национальные и государственные идеи, взгляды и убеждения». Однако уровень политической осведомленности крестьян с точки зрения представителей власти по-прежнему оставался весьма низким. «Немаловажную роль играет отсутствие в деревне должной информации, – говорилось в одном из докладов, составленных в конце лета на основе сообщений с мест, обзоров периодической печати и перлюстрированной корреспонденции. – Не только в деревне, но и в крупных центрах, отстоящих далеко от Омска, то и дело возникают нелепые тревожные слухи, создающие панику в населении»[2].

Аналогичная мысль прослеживается и в другом докладе, направленном 21 октября 1919 г. в Совещание по делам печати. «К сожалению, нужно сказать, – отмечалось в нем, – что практика постановки агитации в деревне путем посылки агитаторов из центра не дала желательных результатов. И в настоящее время в селениях, находящихся в 20–30 верстах от центра государственной жизни гор. Омска, население не знает, что за правительство стоит во главе Российского государства, какие задачи оно преследует, цели, за что борется Русская армия, что, в действительности, представляет из себя власть большевиков, и почему с ними нужно бороться»[3].

В середине ноября в Томский и Щегловский уезды Томской губернии с «вербовочно-агитационными целями» был направлен «особый летучий отряд» под командованием поручика А.А. Роджера. «Оказывается, – констатировалось в опубликованной в «Русском голосе» статье о результатах этой поездки, – что даже ближайшие к г. Томску селения весьма мало осведомлены о том, что такое большевизм, какова его программа и деятельность, почему у живых сил страны идет упорная борьба с ним; вообще обо всем том, что составляет сущность современной русской жизни. Агитационной литературы, литературы осведомительной деревня почти не видела… Слухи растут, ширятся, лопаются и снова возникают. За время своей поездки отряду не раз приходилось слышать, что уже взят Новониколаевск, что в г. Томске восстание, что Колчак убит, что большевики победили Деникина и т.д. и т.п. … Рядовые крестьяне настолько сбиты с толку, что к некоторым членам отряда они обращались прямо с мольбою: скажите, ради бога, какая теперь власть?»[4].

В целом создавшуюся ситуацию очень точно охарактеризовала томская газета «Сибирская жизнь». «Теперь всем уже ясно одно из самых вопиющих зол нашей жизни: почти полная неосведомленность населения, предоставленного в этой области выдумкам разных досужих людей»[5], – указывалось в одной из ее редакционных статей.

Таким образом, деятельность многочисленных агитационно-осведомительных и культурно-просветительных организаций выглядела впечатляюще только на первый взгляд. Результаты же их работы говорят об обратном. «Казалось, что такая хорошо продуманная и широкая схема работы, – писал в своих воспоминаниях 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего П.Ф. Рябиков, – при должных кредитах и систематически энергичном проведении всех планов и начинаний должна быть в деле осведомления у себя и пропаганды у противника дать весьма плодотворные и ощутительные результаты. Но, к сожалению, жизнь и практика показали другое… если центр, имея ряд энергичных, идейных и талантливых сотрудников, среди которых были и писатели, журналисты, художники, – много и, казалось, продуктивно работал, то работа эта весьма слабо и поздно (подчеркнуто в источнике. – *Д.Ш.*) выявлялась на фронте и внутри громадной территории Сибири»[6].

В целом, несмотря на значительные организационные усилия и затраченные средства, эффективность осведомительного аппарата Омского правительства оказалась низкой. При этом неутешительные для политиче-

[1] *Партизанское* движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л. 1925. С. 143.
[2] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Л. 2 об.
[3] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
[4] *Русский* голос. 1919. 4 (19) дек.
[5] *Сибирская* жизнь. 1919. 5 окт.
[6] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1[г]. Л. 15 об.

ского руководства Белого Востока результаты прослеживаются на всех основных направлениях информационной войны.

Во-первых, белые не смогли развернуть пропаганду своих идей на территории Советской России, как это сделали красные в регионах, контролируемых войсками контрреволюции. Характерно, что такое положение дел наблюдалось на всех фронтах Гражданской войны. По признанию деникинского генерала А.А. фон Лампе, большевистская пропаганда была «могучим фактором, разрушавшим белый тыл». «В этом вопросе, – писал он, – красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь, были всегда бесконечно более заманчивы для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта»[1].

Во-вторых, не увенчались успехом информационные и пропагандистские усилия Омского правительства, направленные на идейную мобилизацию населения Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, и на поддержание высокого морального духа в своих войсках – с другой.

И, наконец, в-третьих, закончилась провалом осведомительная работа как правительственных учреждений, так и поддерживавших колчаковский режим общественных организаций за рубежом.

Анализ причин, обусловивших такое состояние дел, позволяет выделить три группы факторов. Первая группа причин связана с особенностями идеологической доктрины белого движения и политической программы Омского правительства. Вторая заключалась в специфике организации самой пропагандистской работы. Ряд внешних по отношению к пропагандистскому аппарату факторов – ситуация на фронте, внутренняя политика сформировавшихся на территории Сибири антибольшевистских правительств и ее реализация, действия и бездействие агентов власти – играл важную роль в формировании повседневного морально-психологического и материально-бытового микроклимата, серьезно влияя на отношение населения к существующему политическому режиму. Он и определил третью группу причин.

Прежде чем подробнее остановиться на причинах, обусловивших низкую эффективность всей системы государственной пропаганды Белого Востока, следует указать, что антибольшевистские правительства других регионов России также располагали осведомительными учреждениями с похожими функциями.

Осенью 1918 г. было организовано Северное (Архангельское) бюро печати (сокращенно – Арбюр), выполнявшее функции информационной службы Временного правительства Северной области. Официальным печатным органом этого правительства являлась газета «Правительственный вестник Северной области». Кроме того, Арбюр издавало газету «За свободу России». При штабе главнокомандующего войсками Северной области действовало культурно-просветительное отделение[2].

Своей информационной службой (комитетом печати) располагало Политическое совещание при главнокомандующем всеми русскими силами на Северо-Западном фронте, генерале Н.Н. Юдениче. Вначале вопросами печати и агитации в нем ведал бывший профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета, депутат Государственной думы первого и второго созывов, известный земский деятель В.Д. Кузьмин-Караваев, а затем историк русской церкви, последний обер-прокурор Священного синода, министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташев. Последним была организована даже комиссия по контролю информации при Политическом совещании[3].

После образования в середине сентября 1919 г. Северо-За-падного правительства во главе с С.Г. Лианозовым при Совете министров был создан отдел агитации и пропаганды. Первоначально он состоял из четырех подотделов: редакционного, издательского, культурно-просветительного и распространения. В дальнейшем к ним были добавлены подотделы использования плакатов и работы с эстонским населением. При отделе существовала специальная школа подготовки пропагандистских кадров. Руководил отделом бывший ярославский губернский комиссар Временного правительства, меньшевик Б.В. Дюшен. В составе штаба

---

[1] *Лампе А.А. фон.* Пути верных: сборник статей. Париж, 1960. С. 80.

[2] *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции : в 22 т. Берлин, 1921. Т. 3. С. 79, 90–91; *Катков Н.Ф.* Указ. соч. С. 13.

[3] *Кирдецов Г.* У ворот Петрограда. Берлин, 1921. С. 217–236; *Маргулиес М.С.* Год интервенции : в 3 кн. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 122–139; *Глезеров С.Е.* Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918–1920 // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 7. С. 50–52.

Северо-Западной армии было организован агитационный отдел, с конца июня 1919 г. выходил официальный печатный орган – «Вестник Северо-Западной армии»[1].

В марте 1919 г. при Донском атамане и правительстве Всевеликого войска Донского был учрежден Донской отдел осведомления (Донотос). Возглавил отдел писатель и публицист Ф.Д. Крюков, в то время секретарь Донского войскового круга. Донотос располагал широкой сетью местных отделений, издавал несколько газет. Существовал также и Кубанский отдел пропаганды (Коп).

Однако наибольшую известность приобрел Осваг – «министерство пропаганды» Белого Юга, само название которого стало нарицательным. История Освага начинается осенью 1918 г. 10 (23) сентября в Екатеринодаре в составе дипломатического отдела Особого совещания при главнокомандующем Вооруженных сил Юга России было образовано осведомительное отделение (агентство). Задачи Освага заключались «в осведомлении командования о политическом положении, осведомлении населения о работах и задачах Добровольческой армии и пропаганде ее идей». Первоначально отделение состояло из двух подразделений – бюро печати и информационного[2].

28 сентября (11 октября) отделение было передано в непосредственное подчинение председателю Особого совещания и переименовано в осведомительное бюро. «Осваг организовал сеть, состоящую из “узлов”, охватывавших всю территорию армии, – писал полковник Б.А. Энгельгардт о начальном этапе его работы. – “Узлы” получали материалы центра и развивали пропаганду, каждый в своем районе. Так, во всяком случае, полагалось, но так как политические взгляды сотрудников Освага были чрезвычайно разнообразны, то они нередко вносили в пропаганду официальную свои поправки. Получался разнобой»[3].

На первых порах Осваг возглавлял ученый-биолог и общественный деятель С.С. Чахотин, являвшийся большим поклонником системы Ф. Тейлора. Один из его сотрудников подробно описал, как научная организация труда работала на практике: «У дверей каждого отделения повешен... семафор. Когда в комнату входит “циркулятор” (то есть, попросту, мальчишка-курьер) с бумагами для подписи, семафор опускается, и больше ни одной бумаги поступить в отделение не может, пока, подписанные, они не будут вручены “циркулятору” для дальнейшего следования. Тогда семафор поднимается: путь для бумаг свободен. “Циркулятор” же во время пребывания бумаг в соответствующем отделении отлучаться не имеет права, но должен сидеть под семафором на особой табуретке, украшенной надписью: “Стул циркулятора”. Дать циркулятору рубль и сказать ему: “Петя, сбегай мне пока что за папиросами”, – преступление, равное оскорблению величества. В отделениях, которые далеки от Чахотина, эта чушь, конечно, не соблюдается, и применение у семафоров одно: ремингтонные девчонки, когда им скучно, забавляются тем, что поднимают и опускают его. Но поближе к Чахотину все это соблюдается и задерживает бумаги невероятно»[4].

Но это было еще не все. «Все барышни, – продолжал свое описании очевидец, – (во избежание докладов) носят на груди разноцветные билетики, смотря по чину, имеющие право входа к начальнику – синий, к помощнику – красный и т.д. – увы! – до желтого включительно. Эти нагрудные знаки еще понятны, но вот, что составляет тайну более глубокую, чем учение гностиков: каждый, явившийся с докладом к высшему, вручает ему картонный билет соответствующего цвета, в обмен на который начальник выдает из стоящей перед ним коробки с множеством разноцветных билетов другой кусок картона»[5].

В итоге применение научного подхода и стремление к улучшению организации рабочих мест оборачивалось против самого новатора. «Все это вносит путаницу и вызывает смех и раздражение против Чахотина: его сильно недолюбливают, хотя он, необычайно вежливый, культурный, скромный и симпатичный своим болезненным и каким-то робким видом, безусловно, нелюбви не заслуживает. Но хорошие его качества видны лишь самым близким к нему людям, а большинство видит чепуху “тейлоризации” и смеется»[6], – отмечал руководитель одного из подразделений Освага.

---

[1] *Горн В.* Гражданская война на Северо-Западе России // Деникин. Врангель. Юденич. М., 1991. С. 308; *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. С. 13; *Глезеров С.Е.* Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918–1920 // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 8. С. 47–56.

[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты… Т. 4. С. 232.

[3] *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии // Диалог. 1996. № 4. С. 92.

[4] *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // Минувшее : исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 575.

[5] *Амфитеатров-Кадашев В.* Указ. соч. С. 575–576.

[6] *Амфитеатров-Кадашев В.* Указ. соч. С. 576.

На отрицательные результаты применения системы Тейлора указывал и полковник Б.А. Энгельгардт. «Успешное проведение в жизнь системы Тейлора, – писал он, – требует безукоризненного функционирования всех отдельных частей работающего аппарата, а этого-то и не было. В составе центрального органа Освага преобладали женщины, в большинстве случаев беженки, раньше нигде не служившие, теперь поступившие в Осваг из-за куска хлеба. Малейшая неаккуратность одной сотрудницы порождала задержку по всей линии. В результате чахотинский аппарат работал неисправно и в техническом отношении. Все неудачи и недочеты пропаганды были приписаны применению системы Тейлора, стали высмеивать ее, и, в конце концов, было решено перестроить пропаганду на новых началах»[1].

16 (29) января 1919 г. при Особом совещании был учрежден новый отдел пропаганды во главе с ростовским предпринимателем и издателем Н.Е. Парамоновым. 8 (21) марта его сменил профессор-юрист, член ЦК кадетской партии К.Н. Соколов, бывший главный редактор газеты «Речь», а с декабря 1919 по февраль 1920 г. отдел пропаганды возглавлял полковник Б.А. Энгельгардт[2].

Схема организации отдела пропаганды, или Освага, была довольно сложной. Структурно он состоял из ряда частей: информационной, литературной, художественной, агитационной, организационно-инспекторской, канцелярской и т. д. По свидетельству писателя-эмигранта А. Дроздова, «все эти части дробились на более мелкие ячейки, причем в основу полагался принцип: чем больше людей, тем успешней работа. Некоторые подотделы придумывались теми людьми, которые хотели быть зачисленными в пропаганду»[3].

К примеру, художественная часть подразделялась на отделения художественной литературы, театрально-музыкальное, кинематографа, художественного плаката. Имелись также пресс-бюро, стремившееся монополизировать право снабжать прессу правительственной информацией, иностранный подотдел, отделение секретной информации и ряд других. В июне 1919 г. при штабе главнокомандующего была образована особая часть отдела пропаганды, имевшая своих представителей в войсковых частях. Кроме того, Осваг обладал огромной сетью местных организаций и пунктов, в которых к осени 1919 г. насчитывалось более 10 тыс. сотрудников. «Непомерно разросшийся Осваг стремился охватить все отрасли жизни армии и страны. Он не только “внедрял в сознание масс идеологию, исповедуемую главным командованием”, “популяризировал вождей”, но и ставил себе целью “облагораживание литературного вкуса обывателя”… Была у Освага и другая, более темная сторона деятельности – так называемая “информация вверх”, составление секретных сводок, касающихся деятельности политических партий, организаций и отдельных лиц. Наиболее секретные из этих сводок в числе двух экземпляров представлялись лишь председателю Особого совещания и самому главнокомандующему»[4], – писал генерал П.Н. Врангель.

На протяжении всего существования отделу пропаганды оказывалась значительная финансовая поддержка. Только на три первых месяца Н.Е. Парамонов получил от Особого совещания 25 млн руб., а всего с 19 января по 1 декабря 1919 г. работа отдела пропаганды обошлась деникинскому правительству в 211 млн донских рублей.

Сравнивая осведомительный аппарат правительства Колчака с подобными учреждениями других политических режимов российской контрреволюции, можно выделить как общность форм, методов и приемов их деятельности, так и практически одинаковые присущие им недостатки. Однако были и определенные отличия. Так, по сравнению с учреждениями политической пропаганды Белого Востока Осваг был более специализированной и разветвленной организацией.

Кроме того, отдел пропаганды более активно, нежели Осведверх или Русское бюро печати, применял различные технические средства. В его распоряжении находилось четыре агитпоезда (один из них имени генерала А.М. Каледина), он создавал и широко использовал в пропагандистских целях игровые короткометражные кинокартины, фильмы-плакаты, кинохронику (парады, боевые действия, помощь союзников). «Выпущена была пара кинокартин, не без искусства составленных и производивших впечатление, – вспоминал полковник Б.А. Энгельгардт. – Драматических эпизодов в связи с гражданской войной можно было, конечно, подобрать много. Находчивый составитель сценария довольно ярко изобразил драму семьи, пострадавшей во время революции. Были использованы различные эффекты пропагандистского характера. Я присутствовал на первом демонстриро-

[1] *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии // Диалог. 1996. № 4. С. 92.
[2] *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 93–99; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 222–223.
[3] *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону // Архив русской революции : в 22 т. Берлин, 1921. Т. 2. С. 51.
[4] *Врангель П.Н.* Записки // Трагедия казачества. М., 1994. С. 257.

вании этой картины: в зрительном зале слышались заглушенные рыдания»[1]. Более широко на Белом Юге была распространена практика политического надзора за настроениями населения[2].

В целом же сравнительный анализ показывает, что на Востоке, Юге, Севере и Северо-Западе действовала очень похожая для всех антибольшевистских режимов модель организации осведомления и политической пропаганды. На это указывают и применение сходных выразительных средств, тождественность организационных принципов, форм воздействия, методов и приемов распространения идеологической продукции, не говоря уже о единстве содержания антибольшевистской пропаганды.

В отличие от большевизма (идейного течения с целостным мировоззрением), белое движение, по выражению В.Д. Зиминой, «страдало из-за отсутствия собственного идеологического обоснования»[3]. Пожалуй, единственное, в чем совпадали мнения участников белого движения, было определение противника. Идеология белого движения не была оформлена в целостную систему идей, в основе которой лежала бы определенная философская концепция. Не была в ней заложена и четкая стратегия реализации программных положений.

В этом смысле прав был В.Н. Иванов, который в ответ на вопрос о том, какой идеологии придерживался колчаковский режим, лаконично заявил: «Никакой!»[4]. «Генеральная идеология, – отмечал он в своих воспоминаниях, – жесткая, определяющая, была только у коммунистов. Она насчитывала за собой чуть не целый век развития. А что у нас было? Москва – золотая маковка? За века русской государственности никто не позаботился о массовой русской идеологии»[5].

По мнению генерала М.К. Дитерихса, у Белого движения вообще отсутствовала какая-либо позитивная объединяющая идея. «Вот видите, – писал он в мае 1924 г., находясь уже в эмиграции, – у нас до сих пор в белых движениях братьев-то и не было, то есть таких людей (конечно, в широком масштабе), которые объединялись бы во имя однородных, глубоких идей чистого порядка и проникнутых святым духом от начала и до конца. Единственной существовавшей идеей, владевшей, пожалуй, всеми и объединявшей нас против советской власти, являлась одна маленькая, не чистая уже, и уже, во всяком случае, не святая идейка: это жалкая идейка мести, ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла создавать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе носила в себе, как отрицательная, элементы разрушения, раздора, зависти, что и проявилось в течение всего пятилетнего периода белого движения. Так было на всех фронтах»[6].

Один из сотрудников Осканверха С. Толстой-Милославский считал, что главная ошибка всех правительств Белой России заключалась в том, что они не выдвинули лозунгов, опирающихся на национальную традицию. «При начале каждого белого выступления, – отмечал он, – на призыв нового вождя горячо откликались широкие народные массы. Жертвуя последним достоянием, шел народ в ряды армии, под сень родного национального флага… Молодая армия в первых боях выказывала примерную стойкость, ярким пламенем вспыхивали проявления вечной русской доблести, но скоро потухали… Главной причиной такого явления, общей всем белым выступлениям, была та, что за провозглашаемым в начале борьбы национальным лозунгом не следовало твердого и явного проведения его в жизнь. Наоборот, все из существовавших белых правительств ставили себе целью защищать “завоевания февральской революции” и создать какой-то новый строй, народу неизвестный и не имеющий решительно никаких оснований во всей его прошлой многовековой истории. Русский народ, привлеченный привычной и дорогой ему национальной идеей, шел на призыв вождя. Армия росла, но все последующие декларации и мероприятия правительства шли вразрез с национальной идеей и выливались в новые, непривычные и нерусские формы. Такие правительства поддержки в народе получить не могли. За туманные, не проверенные в жизни лозунги умирать отказывались, и столь быстро созданная армия еще быстрее таяла, а за ней погибало и все дело»[7].

---

[1] *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии // Диалог. 1996. № 5–6. С. 93.

[2] *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы» … С. 58–62.

[3] *Зимина В.Д.* Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 11.

[4] *Иванов В.Н.* Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922) … С. 466.

[5] Там же.

[6] ГАРФ. Ф. Р-5881, Оп. 1, Д. 298, Л. 1.

[7] *Толстой-Милославский С.* Причины неудачи белых выступлений // Двуглавый орел. 1921. №. 9. С. 40–41.

Формируясь из социально-политических концепций и программных установок поддерживающих его партий, течений и социальных групп, идеология антибольшевистского движения, по существу, представляла собой набор весьма разнородных идей, плохо согласованных друг с другом, что, безусловно, и определило лозунг «непредрешения». Это была своеобразная комбинация консервативных и либеральных начал с примесью традиционализма и русского национализма. При этом, как отмечал русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский, «отсутствие тесного сотрудничества между российским либерализмом и средним классом придало либеральному движению идеалистический характер. Это обстоятельство определило слабость российского либерализма как практической силы в политике»[1].

К тому же следует принять во внимание, что часть либеральных ценностей партия народной свободы принесла в жертву политическому моменту еще в 1917 г.

Конвенциональная для большинства участников Белого движения платформа «непредрешенчества» и, как следствие, расплывчатость идеологической доктрины и неясность политической программы на деле оказались препятствием для консолидации антибольшевистских сил и в значительной степени затрудняли работу органов пропаганды. Как признавал руководитель Осведверха полковник Г.И. Клерже, «в этом вопросе трудно было регулировать всю программу работы сверху, ибо самая политическая “установка”, как говорят обычно большевики, в правительстве адмирала А.В. Колчака страдала серьезной неустойчивостью, противоречиями и подвергалась различным внешним и внутренним влияниям»[2].

Весьма характерно, что сходную картину рисует в своих мемуарах глава деникинского Освага К.Н. Соколов. «Деятельность Отдела пропаганды, – писал он, – конечно, никогда не была удовлетворительна. Но она на каждом шагу сталкивалась с препятствиями, большею частью от воли работников отдела не зависимыми... Из числа препятствий политических главным было именно отсутствие у нас политического курса»[3].

Не обладало антибольшевистское движение и привлекательной политической программой, что также затрудняло пропагандистскую работу. «Трудность составления яркого, убедительного и вполне близкого сердцу, желаниям и понятиям войск и населения осведомительного материала, – вспоминал генерал П.Ф. Рябиков, – лежала в том, что не была достаточно определенно и ясно выявлена идея освободительного движения в Сибири и нельзя было вполне конкретно писать, что же это освобождение даст в смысле устройства освобожденной России и Сибири, что даст населению, крестьянину, рабочему… Приходилось главным образом оперировать на <u>отрицательных</u> явлениях большевизма, т.е. вести скорее <u>оборонительную</u> (подчеркнуто в источнике. – *Д.Ш.*), а не активно-наступательную пропаганду»[4].

Еще труднее было, по его мнению, вести пропаганду на территории Советской России и в частях Красной армии, поскольку, «не будучи достаточно <u>яркой</u> (подчеркнуто в источнике. – *Д.Ш.*) и определенной по содержанию, она забивалась широкой контрпропагандой большевиков, не жалевших никаких обещаний и искусно высмеивавших слишком общие тезисы нашей пропаганды и указывавших на то, что при победе белых снова настанут старые порядки, пойдет засилье помещиков, бар и крестьянин и рабочий будут снова страдать»[5].

Вопреки всем надеждам лидеров антибольшевистского движения «национальная идея» не сыграла роль объединяющего всех противников советской власти начала. Так, по мнению генерала А.И. Деникина, «национальное чувство» послужило стимулом только для «верхних слоев» российского общества. «Народ в широком смысле этого слова, – констатировал он, – в этот период революции относился к чисто духовной стороне вопроса с величайшем равнодушием»[6].

Схожую мысль высказал и бывший посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев. «Трагичность нашего положения по преимуществу заключается в том, что у нас нет субъекта национального движения, – писал он 19 января 1920 г. известному кадетскому деятелю В.А. Маклакову. – Вы можете сколько угодно в своем собственном решении и поведении прочно придерживаться оазиса национальной военной си-

---

[1] *Вернадский Г.В.* Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 16.
[2] *Клерже Г.* Указ соч. С. 318.
[3] *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 101–102.
[4] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 15 об – 16 об.
[5] Там же.
[6] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... Т. 3. С. 10.

лы, которая сохранится где-то на Дальнем Востоке или в Кубанских степях, но Вы никого не заразите своим энтузиазмом, а, главное, из этого упорства ничего практического не выйдет»[1].

В целом же «неясность политической физиономии» Омского правительства в сочетании с «национальной идеей», одним из символов которой был лозунг «Единая и Неделимая», не способствовали формированию благоприятного образа российской контрреволюции. «“Единая и Неделимая” никаким лозунгом вообще не была, – с изрядной долей сарказма подметил И.Л. Солоневич, – и по той чрезвычайно простой причине, что “делить Россию” большевики не собирались»[2]. По мнению московского историка В.П. Булдакова, «белые все больше сходились с красными на вопросе о единой России, хотя последние видели в ней скорее строительные леса мировой сверхгосударственности»[3].

Одна из основных проблем в организации осведомительного аппарата заключалась в том, что оживление политической пропаганды в основном сводилось, говоря словами Г.К. Гинса, к «бесконечному размножению осведов». «Организации эти, – отмечал он, – требовали громадных ассигнований. Как они расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство из них работало впустую – это факт»[4].

В то же время пропагандистский аппарат Омского правительства оказался не в состоянии обеспечить фронт и тыл достаточным количеством агитационной литературы. Под впечатлением доклада министра внутренних дел В.Н. Пепеляева о его поездке на фронт военный министр генерал А.П. Будберг писал: «Для меня ценно только его решительное заключение о полной безрезультатности агитационной работы многочисленных осведомительных органов; он воочию убедился, что эта деятельность держится к Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населения»[5].

Подобная ситуация наблюдалась и на фронте. По свидетельству Г.К. Гинса, доставившего в Тобольск большую партию изданий Русского общества печатного дела, «офицеры и солдаты с жадностью набрасывались на литературу и газеты. Они совершенно не представляли себе, что делается на свете: где Деникин, где Юденич, что думает делать правительство»[6]. Издававшаяся в Западной армии газета «Друг армии и народа» писала, что солдаты действующих частей «часто целыми неделями не видят печатного слова и армейскую газету иногда получают за две недели сразу»[7], а особый отдел управления делами Совета министров и Верховного правителя открыто признавал, что потребности фронта в газетах удовлетворялись лишь на $^{1}/_{20}$ часть[8].

Дело, однако, было не в отсутствии агитационной литературы как таковой, которая издавалась в значительном объеме, а скорее в неумении своевременно довести ее до войск и населения. В своих мемуарах Г.К. Гинс приводит характерный случай с выпускавшимся Русским бюро печати плакатным вестником (краткими официальными сообщениями, передаваемыми по телеграфу). «Но плакаты, – писал он, – оставались известными только телеграфистам. В Таре я убедился в этом. То же самое происходило и в остальной Сибири. Генерал Будберг прислал мне телеграмму с дороги: “Медленно подвигаясь на Восток, убеждаюсь всюду в полном отсутствии осведомленности”. Плакатный вестник не вывешивался даже на станциях»[9]. Сам адмирал Колчак рассказывал Гинсу, что в Ишиме он наблюдал «полную неосведомленность даже в лазаретах».

Следует обратить внимание и на содержательную сторону пропагандистских изданий Белого Востока. «Образцы противобольшевистских прокламаций, привозимых с фронта, – писал по этому поводу известный уральский кадет Л.А. Кроль, – были детски наивны: в основе своей они имели то, что Ленин и Троцкий засели в Кремле, лозунгом их было в разных вариантах то, что позже вылилось в стереотипное “бей жидов, спасай Россию”. С Уфимского фронта приходили известия, что большевики прекрасно утилизи-

---

[1] *«Совершенно* лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 : в 3 т. М., 2001. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. С. 160.

[2] *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 33.

[3] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 240.

[4] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 365.

[5] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XV. С. 271.

[6] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 365.

[7] *Друг* армии и народа. 1919. 5 июля (22 июля).

[8] *Сибирская* речь. 1919. 19 сент.

[9] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 366.

руют это, что они выпускают свои прокламации, воспроизводящие прокламации противника и указывающие: “Вот каковы наши противники – реакционеры, реставраторы и погромщики; вот что они пишут; вот кто идет освобождать вас!”»[1]

Недостаток литературных и художественных сил вел к низкому уровню пропагандистских изданий. Это, прежде всего, касалось особенностей их лексики и стилистики. «Ошибочно почему-то полагают, – указывал публицист М. Васильев, – что пропаганда, ведущаяся для народных масс, должна носить характер проповеди, изобильно сдобренной текстами или слащаво рассказанными притчами... И с грустью приходиться сознаться, что наша “белая” пропаганда порядком таки скучновата, а потому – малоубедительна»[2].

Вопреки заявлениям, что «никаких подделок под народный язык не должно быть», в действительности происходило все как раз наоборот и в совокупности с «церковно-назидательным» тоном существенно снижало уровень восприятия пропагандистских изданий. В той же мере это касалось агитационных плакатов. «Плакат, изображавший солдата, рвущегося в бой с красными, – отмечал Г.К. Гинс, – был издан, с разными вариантами, сразу пятью осведами и до того набил оскомину, что производил впечатление, противоположное тому, на которое был рассчитан»[3].

Руководитель Новониколаевского отделения Русского бюро печати Я.Л. Белоблоцкий в одном из докладов предлагал А.К. Клафтону: «1. Афиши и воззвания на оборотной чистой стороне надо в нескольких местах замазать типографской краской (лучше по диагонали). Причины просьбы: добрые крестьяне, особенно в волостных управах и почте, пользуются афишами вследствие дороговизны бумаги. 2. Нельзя ли перед спуском в машину бумагу чем-либо опрыскивать, имея целью отбить охоту употреблять афиши на раскурку»[4]. Таким образом, печатная продукция Русского бюро печати и Осведверха нередко находила несколько иное, чем предполагалось, применение.

Кроме того, пропагандистские издания Омского правительства усвоили не самую лучшую традицию российской «казенной» печати: всячески замалчивать невыгодную для власти информацию, скрывать любые недостатки деятельности государственных органов. «Вся атмосфера нашего осведомления, – констатировал генерал А.П. Будберг, – пропитана неискренностью, фальшью, ходулями, желанием все замазать и представить в розовом свете»[5]. В итоге правительственная печать не имела кредита доверия ни в войсках, ни среди населения.

Не имели успеха и массовые пропагандистские акции, связанные с попытками широкого вовлечения в антибольшевистскую борьбу сибирских казаков, добровольцев-крестоносцев и карпаторуссов. Особенно масштабный характер имела агитационная кампания в поддержку «добровольческого движения», которая впоследствии приобрела отчетливо выраженную религиозную направленность.

«Широкий размах» крестоносного движения, «грандиозный подъем» среди сибирских казаков и населения «подъяремной Карпатской Руси», а также энтузиазм населения по этому поводу официальной печатью в значительной степени преувеличивался. Правительственная пропаганда видела в них некие рецепты быстрого и чудодейственного избавления от большевизма и соответствующим образом на них реагировала.

Ко всему прочему офицерство так до конца не изжило негативного отношения к пропаганде. В сводке начальника осведомительной канцелярии штаба 3-й армии (октябрь 1919 г.) указывалось, что в Саткинском отдельном егерском полку «командный состав мало верит в необходимость и полезность работы по осведомлению и смотрит на нее скептически», поэтому нужна «самая энергичная и напряженная деятельность, чтобы рассеять это недоверие»[6].

При организации работы на местах осведомительные органы Омского правительства столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, это касалось деятельности агентов Русского бюро печати. Директор-распорядитель АО РОПД А.К. Клафтон неоднократно жаловался на то, что военные власти, «не зная Бюро печати – “Что это за “частная” организация?” – чинили препятствия его агентам». Кроме того, многие

[1] *Кроль Л.А.* За три года: воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922. С. 167.
[2] *Восточный* курьер. 1919. 12 окт. (29 сент).
[3] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 367.
[4] ГАРФ. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.
[5] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XIV. С. 318.
[6] *Последние* дни колчаковщины… С. 50.

командиры действующей армии были убеждены, что в «осведах» находили себе убежища многочисленные офицеры и военные чиновники, уклонявшиеся от фронта.

Заведующий новониколаевским отделением Русского бюро печати Я.Л. Белоблоцкий указывал в телеграмме[1], что без разрешения управляющего уездом Плахинского местная милиция запрещает созывать в деревнях сходы и собрания. Более того, Плахинский не разрешал провести собрание агентов новониколаевского отделения РБП, список которых был ему представлен за месяц до этого. Далее Белоблоцкий привел резолюцию, наложенную на его доклад начальником уезда: «Белоблоцкий враждебно настроен к агентам власти, отрицательно относится к существующему правительству». После подобного нелепого заявления заведующий Новониколаевским отделением РБП полагал, что обращаться к местным властям бессмысленно, и просил формального разрешения от центральных органов на проведение деревенских сходов[2].

Еще один случай противодействия местных властей Русскому бюро печати приводит В.Н. Иванов. Вот как описывает он начало своей работы в пресс-бюро: «Кое-как приткнувшись в каком-то военном общежитии и утром явившись на работу, я увидел, как во двор въезжала большая телега, наполненная пакетами: это почтамт не принял и вернул обратно множество пакетов с правительственными заявлениями, воззваниями, материалами, направленными по адресам в уезды и сельские местности губернии Омской и других. Возле отвергнутого воза стоял хромой, но энергичный экспедитор, студент-казанец Гаркунов, и, размахивая палкой, возмущался тем, что почтовый чиновник заявил ему, что никто не может самовольно рассылать такие документы, возмущающие население. С экспедитором дело было улажено, но такие почтовые отправления то и дело потом возвращались с мест. Провинциальные сельские и казачьи власти не принимали из осторожности этих нововведений»[3].

Население, если даже и не сочувствовало большевикам, весьма пассивно относилось к деятельности правительственных органов пропаганды. «От обывателей приходится слишком часто слышать возмущенные речи об открытой большевистской агитации... – констатировала «Сибирская речь», – но никто из обывателей не оказывает государственной власти реальной поддержки в борьбе ее с большевистской агитацией»[4].

Наличие всех этих факторов позволяет говорить о существенных упущениях, промахах и недостатках в деятельности идеологического аппарата сибирской контрреволюции. «Несмотря на работу целой кучи осведомительных, замазывательных и обелительных органов, нашим официальным сообщениям никто не верит, и поэтому нет ничего мудреного, что встревоженный совершающимися событиями обыватель пытается найти правду на стороне и делается легкой жертвой сплетников и фабрикаторов новостей и сенсаций»[5], – резюмировал создавшееся положение генерал А.П. Будберг.

Кроме того, военное и политическое руководство Белого Востока так и осталось во власти первоначальных представлений о скорой победе над большевиками. Итогом этого явилась неспособность омской правящей элиты адекватно проанализировать собственные неудачи и просчеты и сделать соответствующие выводы.

В итоге политическая пропаганда Омского правительства проигрывала соответствующим структурам Советской России и в идейном, и в организационном, и в техническом плане. «Наши противники обладают превосходным агитационным аппаратом, – указывалось в отчете пресс-бюро РБП, – и нам очень трудно сравниться с ними в том деле. Мы не будем уже говорить о том, что большевистские типографии производительнее наших и что красные, поэтому могут заспать фронт прокламациями, плакатами и брошюрами. Если бы красные превосходили нас только в количестве и технике, с этим можно было бы смириться. Но они превосходят нас, если не в качестве своей литературы, то в большей приспособленности и приспособляемости ее к вкусам и настроениям масс. Главные большевистские деятели еще в период

---

[1] *Телеграмма* была направлена управляющему Томской губернией, министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву, в управление делами Совета Министров Т.В. Бутову и начальнику новониколаевского гарнизона.

[2] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.

[3] *Иванов В.Н.* Урал – Харбин – Владивосток… С. 395.

[4] *Сибирская* речь. 1919. 24 (11) авг.

[5] *Дневник* барона А. Будберга… Т. XIV. С. 317.

подпольного существования своей партии превосходно изучили вкусы и чувства неразвитой массы и умеют к ним применяться»[1].

Таким образом, степень эффективности политической пропаганды антибольшевистских правительств, как на территории Сибири, так и в других регионах Белой России, напрямую была связана с особенностями идеологических установок, политической программы, всей системы ценностей белого движения. «Национальная идея», противопоставлявшаяся большевистскому интернационализму, являлась слишком абстрактной ценностью для политически малограмотного населения. Кроме того, в имперский период в России не сложилась традиция национальной идентичности. Сами перспективы развития страны в свете провозглашенного лидерами Белого движения «непредрешенчества» были весьма неопределенными, что служило серьезным препятствием для выдвижения политически и социально привлекательной программы. В то же время те ценности, которые транслировала политическая пропаганда после колчаковского переворота, говорили о том, что выбор, по существу, сделан и это выбор был в пользу буржуазного общественного строя. Все это давало серьезный повод для обвинения Омского правительства в стремлении к реставрации, если не монархического строя, то дореволюционных экономических и социальных порядков. Существенные недостатки были и в самой системе политической пропаганды. Белые проигрывали как в количественном, так и в качественном отношении (рис. 42).

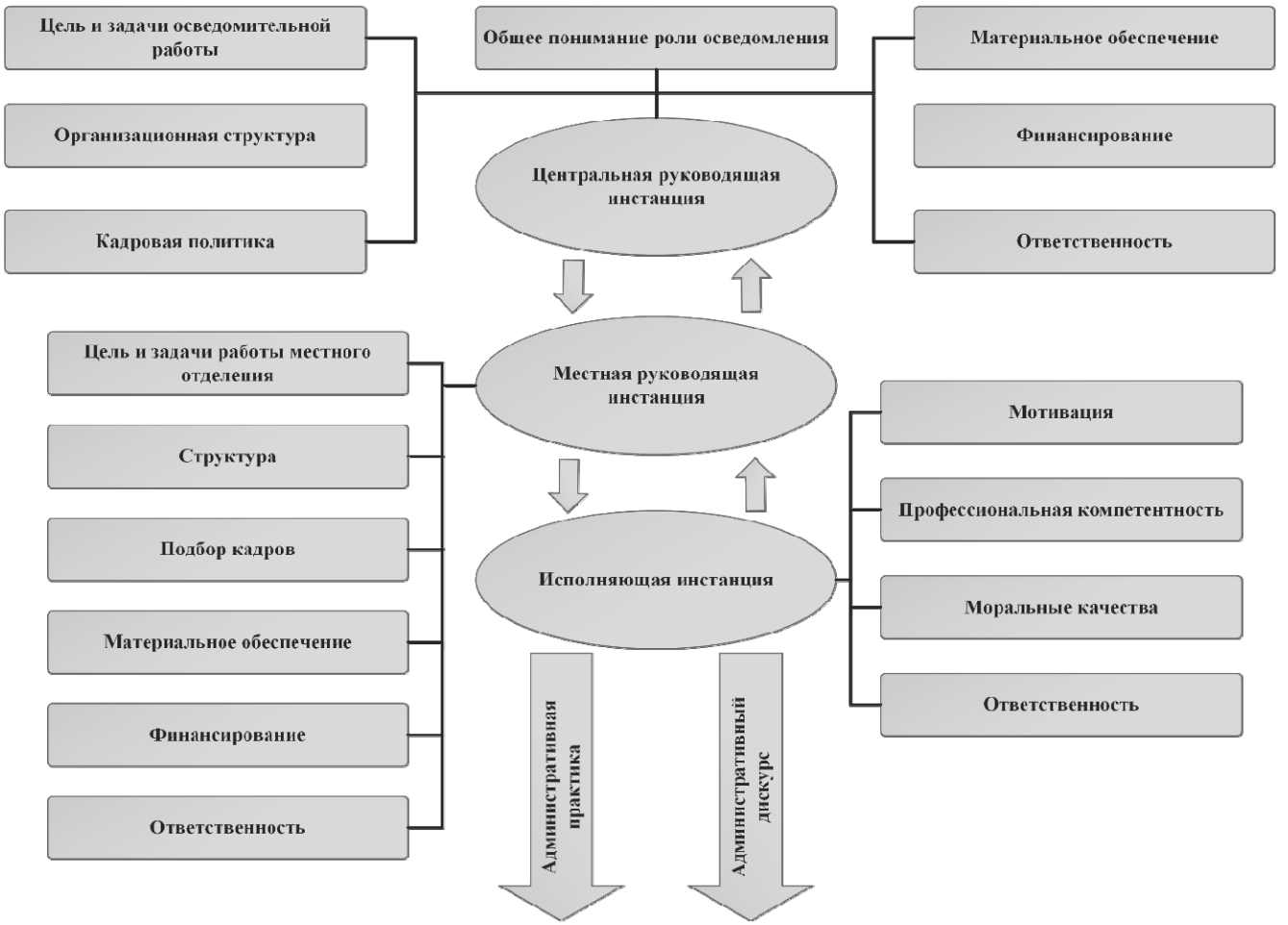


Рис. 42. Факторы, определявшие эффективность работы правительственных органов осведомления и политической пропаганды

[1] ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 509. Л. 3 об.

Низкая эффективность политической пропаганды правительств Белого Востока была обусловлена комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, это было связано с особенностями самой идеологической доктрины белого движения. Во-вторых, являлось прямым следствием имевшихся недостатков в содержании, организации и техническом оснащении осведомительной работы. В-третьих, недоверие к правительственной информации и пропаганде было вызвано проводимым Омским правительством политическим курсом и действиями агентов власти на местах (рис. 43).

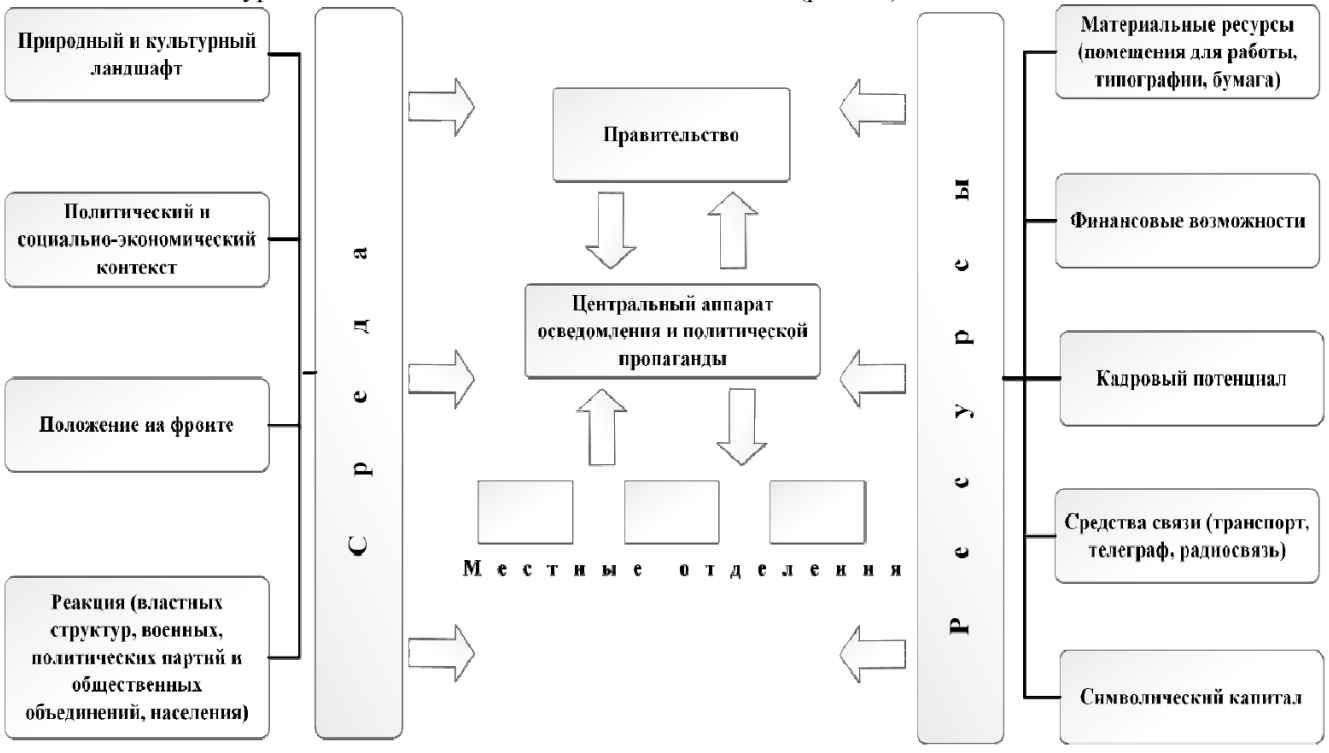


Рис. 43. Факторы, влиявшие на эффективность работы правительственных органов осведомления и политической пропаганды

В итоге свои основные задачи – конструирование новой национально-государственной идентичности, формирование на ее основе этнополитической общности и мобилизацию ее на борьбу с большевиками – система государственной политической пропаганды антибольшевистских правительств, как на востоке страны, так и в других регионах Белой России не выполнила. В информационном пространстве им не удалось завоевать сколько-нибудь господствующее положение. Политическая пропаганда Омского правительства не только не привлекла на свою сторону широкие слои населения, но и со временем вынуждена была фиксировать рост числа противников колчаковского режима, включая в их состав все новые политические и социальные группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт революции и гражданской войны в России со всей очевидностью показал значение идеологии и политической пропаганды как мобилизующего фактора и инструмента достижения легитимности в переломные моменты жизни общества.

Отсутствие у антибольшевистского движения единой идеологической платформы, ясных представлений о дальнейшем социально-экономическом развитии страны и в конечном итоге привлекательной для широких слоев населения политической программы серьезно сказалось на проведении пропагандистской работы, наложив отпечаток как на содержание политической пропаганды, так и на характер ее организации.

Утвердившиеся у власти либерально-консервативные силы, представлявшие правый фланг российской контрреволюции, изначально считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, подобных большевистским. Во многом это являлось следствием негативного отношения «государственно мыслящих элементов» к «политике и «пропаганде». Многие участники Белого движения предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой «идеологии», а сражаются они за «национальную идею» и «единую и неделимую Россию». Кроме того, эйфория первых военных успехов на некоторое время отодвинула целенаправленное использование методов информационно-психологического воздействия на второй план.

Заметное изменение в отношении к пропаганде, сопровождавшееся структурной перестройкой осведомительных органов, происходит летом-осенью 1919 г. Под давлением главным образом внешних обстоятельств: неудач на фронте, активизации повстанческо-партизанского движения и коммунистического подполья – Омское правительство значительно расширяет пропагандистскую деятельность, надеясь тем самым поднять население Урала и Сибири на борьбу с большевиками, укрепить боевой дух белых армий.

В конечном итоге осведомительная работа, включавшая три ключевых момента: распространение выгодной для государственной власти информации, отслеживание политических настроений населения, пресечение враждебной информации – становится одним из важных элементов внутренней политики Омского правительства. К осведомлению оказалась близка пропаганда – убеждающее воздействие на аудиторию, а также культурно-просветительная работа – комплекс мер, направленных на подъем общего культурного уровня населения.

Правительственный осведомительный аппарат, понимаемый как совокупность информационных, пропагандистских, культурно-просветительных и цензурных учреждений и ведомств, как гражданских, так и военных, представлял собой особую подсистему в рамках общей политической системы Белого Востока. Сама процедура «осведомления» была институционализирована, т.е. упорядочена и организационно оформлена. Сложился определенный сценарий проведения пропагандистской работы, установленные государственной властью правила были понятны населению. Все это говорит о том, что в условиях Гражданской войны «осведомление» становится широко распространенной политической практикой. Деятельность пропагандистских органов была нацелена на управление общественным мнением, идейную мобилизацию населения востока России с целью достижения победы над большевиками. Последнее предполагало конструирование новой национально-государственной идентичности, вокруг которой должны были объединиться все «здоровые» общественные силы страны.

Кадровый состав всей системы политической пропаганды Белого Востока складывался из нескольких компонентов. С одной стороны, его составляли сотрудники различных правительственных информационных и пропагандистских учреждений, подразделений военной пропаганды, Русского бюро печати. Помимо них, к идеологическому аппарату восточной контрреволюции относились редакторы и журналисты тех периодических изданий, которые так или иначе работали на создание положительного образа Омского правительства и его вооруженных сил. Кроме того, в пропагандистской деятельности активное участие

принимала либеральная профессура, как сибирская, так и приезжая (главным образом из Казанского и Пермского университетов).

Основными направлениями в деятельности осведомительных органов антибольшевистских правительств на территории Сибири являлись информационное обеспечение функционирования государственной власти, пропагандистская и культурно-просветительная работа. Центральное место в идеологическом и информационном противостоянии «белых» и «красных» занимала непериодическая (листовки, брошюры) и периодическая печать. Кроме того, важнейшую роль в системе правительственного «осведомления» играла устная пропаганда в форме тематических бесед и лекций, религиозных проповедей, в которых основным средством убеждения выступало живое слово.

Центральной идеей в политической программе Белого Востока была бескомпромиссная борьба с большевизмом. В связи с этим и само противостояние «сибирских орлов» и «красных стервятников» и главная действующая в нем сила – «геройская, стойкая, ненавидящая врага армия» – становятся ключевыми образами антибольшевистской пропаганды. В качестве *символа* антибольшевистского сопротивления и *идеала* служения родине, чести, верности долгу и мужества белая армия, а вернее, ее мифологизированный образ, выступает своеобразной базовой ценностью для конструирования национально-государственной идентичности.

Конструктивные элементы в политической программе антибольшевистского движения оказались выражены гораздо слабее. «Национальная идея» так и не воплотилась в цельную идеологическую концепцию, соотнесенную с политическим курсом. В ее основе лежали абстрактные идеи и ценности, малопонятные основной части населения. Все это стало весьма слабым, ассиметричным ответом большевизму.

Тактика «непредрешения» в конечном итоге оказалась политически несостоятельной. С одной стороны, она не стала основой, фундаментом объединения различных антибольшевистских политических и социальных групп. Нежизнеспособность правительственной коалиции в Сибири была видна уже летом 1918 г. «Люди дела» (представители либерально-консервативного крыла контрреволюции) противопоставлялись «людям партий» (умеренным социалистам). При этом либерал-консерваторы не желали реинкарнации керенщины, а умеренные социалисты опасались «правой», монархической, опасности. Уфимское государственное совещание и Временное Всероссийское правительство (Директория) воплотили в себе, как вскоре оказалось, весьма хрупкий и недолговечный компромисс.

С другой стороны, «непредрешенчество» оказалось в чистом виде фикцией. Пропагандируемые колчаковским режимом ценности отчетливо свидетельствовали в пользу уже сделанного политической элитой Белого Востока выбора – национальное государство и капиталистическая экономическая модель. Сама возможность социалистического выбора при этом начисто исключалась. Трудно было бы представить, чтобы победившие белые согласились с преобладанием социалистов в будущем Национальном собрании. Таким образом, заявления Колчака, даже если не ставить под сомнение его личную честность и порядочность, были отражением его политической наивности, а на уровне режима не более чем демагогией.

Сложные отношения Омского правительства со странами Антанты, бывшими союзниками России в Первую мировую войну, также сказались на содержании политической пропаганды. Периодическая печать официального направления старалась тщательно завуалировать имеющиеся разногласия.

Существенные недостатки были и в самой системе политической пропаганды. Во-первых, это хронический кадровый дефицит, который постоянно сказывался на самых разных уровнях: скудость организационных и творческих идей, посредственные пропагандистские материалы (листовки, брошюры, плакаты), нехватка талантливых агитаторов и т.д. Во-вторых, слабая полиграфическая база на востоке страны: недостаток бумаги, типографского оборудования. В-третьих, белым так и не удалось создать более или менее эффективный аппарат распространения, что во многом было связано с потерей контроля на местах. В-четвертых, в развертывании массовой политической пропаганды белые опоздали почти на год.

Главные же причины невысокой результативности белой пропаганды следует искать вне идеологического аппарата восточной контрреволюции. В условиях, когда не были урегулированы аграрные взаимоотношения, не решен рабочий вопрос, реквизиции, принудительные мобилизации, злоупотребления властью на местах и разгул «атаманщины» свидетельствовали не в пользу колчаковского режима. Население в своей повседневной практике

чаще сталкивалось с произволом, нераспорядительностью, взяточничеством и казнокрадством, нежели с какими-либо позитивными действиями агентов власти. В таких условиях офицер-каратель, штабист, окопавшийся в тылу и с особым шиком растрачивающий казенные деньги, спекулянт-аферист, продажный чиновник «старорежимного» образца, милиционер-самодур становились теми знаковыми фигурами, с которыми идентифицировалась власть адмирала А.В. Колчака и Омского правительства.

Политическая пропаганда оказалась бессильной на фоне общего прогрессирующего паралича власти, а потеря контроля в низовом аппарате управления лишила колчаковский политический режим непосредственной связи с населением. Население Советской России также испытывало многочисленные трудности. Однако большевикам удалось увлечь народные массы идеей социальной справедливости и перспективой светлого будущего, к которому они приведут их через все лишения, а белым – нет.

CONCLUSION

The Revolution and the Civil War experienced in Russia clearly showed the importance of ideology and political propaganda as a mobilizing factor and a tool for ensuring legitimization in crucial times of the society's life.

The absence of a unified ideological platform and of clear ideas about further socio-economic development of the country in the anti-Bolshevik movement, and as a result, of an attractive for the general population political programme had serious implications for propaganda activities, leaving a mark on both the political propaganda as such and the way it was organized.

From the very beginning, liberal-conservative circles that assumed power and represented the right wing of the Russian counter-revolution regarded as unacceptable the use of propaganda measures of the kind the Bolsheviks used. In many respects it resulted from a negative attitude of "state-oriented thinking elements" toward "policy and "propaganda". Many members of the White movement preferred to think that they did not have any "ideology" at all and to fight for the "national idea" and "united and indivisible Russia". Besides, the euphoria of the first military success moved the purposeful use of methods of information and psychological influence aside for some time.

A noticeable change of the attitude to propaganda, accompanied by the structural rebuilding of informant work bodies, took place in summer and autumn of 1919. Under pressure of primarily external circumstances – failures in the fighting lines, activation of the insurgent-partisan movement and the communist underground – the Omsk government significantly broadened the scope of propaganda activities, thus hoping to involve the population of the Urals and Siberia in the fight against the Bolsheviks and to strengthen the morale of the White armies.

In the end, informant work that included three key components, namely dissemination of information beneficial to the state, monitoring of the population's political moods, and suppression of inimical information, became one of the important elements of the Omsk government's domestic policy. Propaganda was similar to the informant work – in terms of its persuasive effect on the public and cultural-educational activities – it was a set of measures aimed at raising the general level of culture among the population.

The government's informant work structures understood as a set of information, propaganda, cultural-educational and censorship institutions and departments, constituted a special sub-system within the White East's general political system. The very procedure of "informing" was institutionalized that is institutionally organized and normalized. A certain scenario of carrying out propaganda activities was elaborated and rules set by the state were clearly understood by the population. This indicates that in the context of the Civil War "informant work" became a widely spread political practice. Activities of informant work bodies aimed to both control the public opinion and ideologically mobilize the population of the Russia's east in order to win over the Bolsheviks. The latter presumed the construction of a new nation-state identity which would incorporate all "healthy" social forces of the country.

The staff of the White East's entire political propaganda system consisted of several categories. On the one hand, there were fellows from various governmental information-and-propaganda institutions, military propaganda departments, and the Russian press bureau. Apart from them, belonging to the ideology sector of the eastern counter-revolution were editors and journalists of periodical press which, in one way or another, tried to create a positive image of the Omsk government and its military forces. Moreover, an active role in the propaganda was played by liberal professors both from Siberia and elsewhere (mainly from universities of Kazan and Perm).

Major activities of the informant work bodies of the anti-Bolshevik governments on the territory of Siberia were information support of the state authorities, propaganda and cultural-educational work. Non-periodical (leaflets and brochures) and periodical press occupied the central position in the ideological and information confrontation between the "Whites" and the "Reds". Verbal propaganda in the form of thematic conversations, lectures and religious sermons was also of great importance in the system of government "informant work", with spoken word being the main means of persuasion.

An uncompromising struggle against Bolshevism constituted the central idea of the White East's political programme. In this regard, both the very confrontation between the 'Siberian eagles' and the 'Red vultures' and the main acting force – "brave, resistant army that hates its enemy" – became key images in the anti-Bolshevik propaganda. As a *symbol* of the anti-Bolshevik resistance and an ideal of serving the homeland, of honour, devotion to duty and bravery, the White Army, that is to say its mythologized image, appears to be a kind of basic value for the construction of national and state identity.

Productive elements in the anti-Bolshevik movement's political programme turned out to be much less pronounced. The "national idea" never got embodied in a coherent ideological concept which would correlate with the political course. It was based on abstract ideas and values which were hardly understood by the majority of the population. This was quite a weak and asymmetrical response to Bolshevism.

The tactics of "nepredreshenie"[1] eventually proved politically untenable. On the one hand, it did not become a foundation for the consolidation of different anti-Bolshevik political and social groups. The non-viability of the government's coalition in Siberia became evident already in summer 1918. The "people of action" (representatives of the liberal-conservative wing of the counter-revolution) were set against the "party people" (moderate socialists). And here the liberal-conservatives did not want the reincarnation of "kerenshchina"[2] while the moderate socialists were afraid of the "right" monarchist danger. The Ufa state meeting and the Provisional All-Russian government (Directory) embodied, as it soon turned out, a fragile and short-lived compromise.

On the other hand, "nepredreshenchestvo" proved to be pure fiction. The values promoted by the Kolchak's regime clearly indicated that the political elite of the White East opted for a nation-state and capitalist economic model. The very possibility of a socialist option was completely excluded here. It was hard to imagine that the Whites, in case of victory, would have agreed to the dominance of socialists in the prospective National assembly. Thus, even if we do not question his personal honesty and integrity, Kolchak's statements reflected his political naivety and were no more than demagogy if considered at the regime's level.

The complicated relations of the Omsk government with Entente states –Russia's former allies in the WWI – also influenced the political propaganda. The official periodical press tried to thoroughly disguise the existing differences.

The system of political propaganda itself had substantial flaws. First, there was a chronic staff shortage which was constantly felt at different levels: scarcity of organizational and creative ideas, mediocre propaganda materials (leaflets, brochures, and posters), lack of talented activists, etc. Second, the polygraphy in the east of the country was underdeveloped: there was a lack of paper and printing equipment. Third, the Whites failed to create a more or less efficient distribution system which for the most part resulted from the loss of control on the ground. Fourth, they were almost a year late to deploy mass political propaganda.

This said, the main reasons for the White propaganda's poor performance should be traced beyond the ideological framework of the East counter-revolution. In the conditions when agrarian relations were unsettled and the labour question was not solved, the requisition, forced mobilization, abuse of power on the ground and the rise of "atamanshchina"[3] spoke against the Kolchak's regime. The population in its everyday life would more often have to face injustice, lack of administrative abilities, bribery and embezzlement rather than any positive actions on the part of government agents. Under such conditions Admiral A.V. Kolchak's rule and the Omsk government became identified with such images as officer-punishers, brass hats that entrenched themselves in the rear and were with chic squandering public money, speculators, corrupt officials of the "old regime" kind, or oppressive policemen.

The political propaganda turned to be powerless against the backdrop of a general progressive paralysis of power while the loss of control at lower levels of governance deprived the Kolchak's political regime of a direct communication with the population. The population of Soviet Russia was experiencing numerous difficulties as well. However, the Bolsheviks managed to attract the masses with the idea of social justice and the prospect of a bright future to which they would lead them through all the hardships, whereas the Whites failed to do so.

---

[1] "Nepredreshenie" or "nepredreshenchestvo" is one of the main principles of the anti-Bolshevik governments' domestic policy during the Civil War in Russia, a conscious refusal to take decisions on key issues of the time (form of government, the agrarian, labour and national questions) until the complete victory over the Bolsheviks. The politics of "nepredreshenie" was accounted for by the White movement's leaders in terms of impossibility and unacceptability of doing something prior to the expression of the Russian people's free will that was to take place at a new All-Russian Constituent (National) assembly. In practice, that resulted in an evasive and vague attitude to the society's vital issues.

[2] "Kerenshchina" (derived from the last name of the Provisional government's minister-chairman A.F. Kerenskiy – 'the first love of the Revolution') – for the conservative part of the anti-Bolshevik movement with "state-oriented" thinking it was synonymous with political and social demagogy which was an inherent feature of representatives of the so-called "revolutionary democracy" (supporters of moderate socialists – the Socialist-Revolutionaries and Mensheviks).

[3] "Atamanshchina" is a specific military and political phenomenon seen during the Civil War which was associated with the activities of "Cossack atamans" who were field leaders not controlled by the central government. In the east of Russia, the most famous atamans were G.M. Semyonov, B.V. Annenkov, I.N. Krasilnikov, and I.P. Kalmykov. Being popular among their subordinates, they held a relentless struggle against the Bolsheviks, participated in punitive actions and conducted the politics of terror and requisition. The term is synonymous with military tyranny.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документальные материалы центральных и местных архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва.

Ф. Р-131. Административный совет Временного Сибирского правительства. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 9, 13, 14, 22, 33, 41, 53, 58, 62, 71, 82.

Ф. Р-147. Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства. Оп. 8. Д. 5, 14, 40.

Ф. Р-151. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 6, 27.

Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства. Оп. 1. Д. 96; Оп. 2. Д. 123, 143, 148; Оп. 4. Д. 1; Оп. 5. Д. 47, 48, 53, 54, 56, 155, 156, 383, 412, 443, 461, 512, 657, 817, 1049, 1052, 1104, 1115,1246, 1360; Оп. 6. Д. 107, 174, 186; Оп. 7. Д. 29.

Ф. Р-193. Вологодский Петр Васильевич, Председатель Совета министров Российского правительства, член партии социалистов-революционеров. Оп. 1. Д. 5, 12, 16, 21, 37, 38.

Ф. Р-341. Политический центр (исполнительный орган Временного совета народного управления Сибири). Оп. 1. Д. 61.

Ф. Р-952. Русское телеграфное агентство при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Российское правительство). Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 12, 34, 35, 37, 38, 56, 58, 59, 60, 68, 265, 269, 370, 427, 472, 502, 506, 507, 509; Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 5, 217, 252; Оп. 3. Д. 6, 131, 152, 209, 210, 213, 214.

Ф. Р-1561. Информационно-агитационный отдел Министерства внутренних дел (Временное Сибирское правительство). Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. Р-1700. Министерство внутренних дел Российского правительства. Оп. 7. Д. 5.

Ф. Р-3907. Правительствующий сенат (Российское правительство). Оп. 3. Д. 15.

Ф. Р-4626. Русское бюро печати (Российское правительство). Оп. 1. Д. 18, 19, 21, 24, 28, 31, 34, 35, 37; Оп. 2. Д. 3, 27.

Ф. Р-4856. Контора газеты «Правительственный вестник» Отдела печати при управлении делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-4886. Сибирское телеграфное агентство информационного бюро Временного Сибирского правительства. Оп. 1. Д. 11.

Ф. Р-4910. Совещание по делам печати при управлении делами Совета министров и Верховного правителя (Российское правительство). Оп. 1. Д. 3, 6, 7, 11, 14, 19.

Ф. Р-4911. Редакция газеты «Русская армия» – орган военного министерства Российского правительства. Оп. 1. Д. 2.

Ф. Р-5793. Рябиков Павел Федорович, генерал, профессор Академии генерального штаба. Оп. 1. Д. 1[г].

Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Д. 298.

Российский государственный военный архив (РГВА). Москва.

Ф. 39466. Главный штаб военного министерства. Оп. 1. Д. 49, 51, 52.

Ф. 39498. Управление 2 Степного Сибирского отдельного корпуса (бывший Степной корпус, 2 Степной Сибирский корпус, 2 Степной Сибирский армейский корпус, 2 Степной Сибирский отдельный корпус). Оп. 1. Д. 83.

Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Оп. 1. Д. 33, 35, 52, 78, 83, 84, 89, 95[а], 135, 141, 143, 144, 148, 149, 151, 158, 160, 173, 174, 175, 178.

Ф. 39504. Штаб Омского военного округа. Оп. 1. Д. 91, 92, 93, 95, 96.

Ф. 39515. Управление Иркутского военного округа. Оп. 1. Д. 384, 385, 388, 389.

Ф. 39551. Главный штаб Народной армии. Оп. 1. Д. 40.

Ф. 39617. Управление Сибирской армии (бывшей Западно-Сибирской армии). Оп. 1. Д. 1, 177, 180, 239, 285, 287, 288.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Томск.

Ф. 102. Томский университет Министерства народного просвещения, г. Томск (1888–1920 г.). Оп. 1. Д. 829, 855, 857, 893, 894.

Ф. Р-1. Томская губернская земская управа (1917 г. – март 1918 г., июнь 1918 г. – 1919 г.). Оп. 1. Д. 5, 7, 9, 10, 33, 35, 38, 41, 46, 48, 59, 139, 145, 170, 176, 178, 189, 366, 373, 437.

Ф. Р-2. Томская уездная земская управа (1917 г. – апрель 1918 г., июнь 1918 г. – 1920 г.). Оп. 1. Д. 8, 9, 10.

Ф. Р-6. Каинская уездная земская управа, г. Каинск (1917–1920 гг.). Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. Р-9. Волостные земские управы (1917–[1920] гг.). Оп. 1. Д. 10, 12, 13, 14, 16, 20, 80, 83, 84.

Ф. Р-72. Сибирская областная Дума, г. Томск (январь 1918 г., июнь – ноябрь 1918 г.). Оп. 1. Д. 2, 3, 6, 7, 9, 12, 18.

Ф. Р-383. Каинское уездное земское собрание, г. Каинск (1918 г. – не уст.). Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. Р-552. Первый Сибирский областной съезд (8–13 октября 1917 г). Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13.

Ф. Р-570. Начальник милиции 2-го участка Томского уезда, д. Тискина Тискинской волости (не уст.). Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-578. Чрезвычайный Общесибирский областной съезд (7–15 декабря 1917 г.). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

Ф. Р-809. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (губчк), г. Томск Томской губернии (1919–1922). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 11[а].

Ф. Р-810. Томское губернское управление государственной охраны Министерства внутренних дел Российского правительства А.В. Колчака, г. Томск Томской губернии (03.1919–12.1919). Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 5, 6.

Ф. Р-934. Томский губернский земельный комитет Главного земельного комитета Министерства земледелия (губземкомитет), г. Томск Томской губернии (1917–1918). Оп. 1. Д. 6, 10, 15, 19, 21, 22, 27.

Ф. Р-935. Томский уездный земельный комитет Томского губернского земельного комитета (уземкомитет), г.Томск Томской губернии (1917–1918). Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 8, 11, 12, 13.

Ф. Р-1032. Товарищ прокурора Кузнецкого участка Томского окружного суда Российского правительства А.В. Колчака, г. Кузнецк Томской губернии ([1918–1919]). Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-1138. Исполнительный комитет Томского губернского народного собрания (1917–[1918] гг.). Оп. 1. Д. 12, 14.

Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией (1918–1919 гг.). Оп. 1. Д. 1, 3, 13, 14, 17, 18, 20, 23. 26, 28, 179, 182, 186, 188, 190, 192, 193, 197, 211, 217, 220, 230, 243, 245, 286, 374, 442, 447, 457, 460, 464, 465, 467, 490, 495, 497, 513, 516, 523, 524, 602, 612, 613, 614.

Ф. Р-1674. Совет Всесибирского профессионального союза рабочих печатного дела, г. Томск (1918–[1920]гг.). Оп. 1. Д. 1.

2. Документальные издания

2. 1. *Борьба* за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.) : сборник документальных материалов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1967. – 428 с.

2. 2. *Борьба* за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.) : сборник документальных материалов / ред. В.С. Флеров. – Томск, 1957. – 565 с.

2. 3. *В борьбе* с контрреволюцией (1918–1920 гг.) : сборник документальных материалов (1918–1919 гг.) / сост. В.Ф. Девтеров. – Омск: Омское книжное издательство, 1959. – 200 с.

2. 4. *«В настоящий* момент является крайняя необходимость в издании закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле». Документы Временного Сибирского правительства / сост. Л.А. Молчанов // Белая гвардия : Белое движение на востоке России. – М., 2001. – № 5. – С. 92–97.

2. 5. *Временное* Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов / сост. и научн. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – 362 с.

2. 6. *Временное* правительство автономной Сибири // Красный архив. 1928. – Т. 4 (29). – С. 87–138; 1929. – Т. 4 (35). – С. 37–107.

2. 7. *Временное* Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов / сост. и научн. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 818 с.

2. 8. *Государственному* делу преданы… / публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. 1999. – № 6. – С. 80−89.

2. 9. *Государственный* переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года / сост. В.М. Зензинов. – Париж, 1919. – 194 с.

2. 10. *Гражданская* война в России (1918–1921 гг.) : хрестоматия / сост. С. Пионтковский. – М.: Издание Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1925. – 708 с.

2. 11. *«За вами* не осталось ничего политически честного». Открытое письмо А.В. Сазонова правительству адмирала А.В. Колчака. 1920 г. // Исторический архив. С. 202–207.

2. 12. *Законодательная* деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Выпуск I–III / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. – Томск: Издательство Томского университета, 1998. – 448 с.

2. 13. *Законодательная* деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) : сборник документов / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. – Томск: ТГУ, 2002–2003. Вып. 1: 148 с.; Вып. 2: 202 с.

2. 14. *Западно-Сибирский* комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов. / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: НГУ, 2005. – 246 с.

2. 15. *Из истории* колчаковщины // Красный архив. 1928. – Т. 3 (28). – С. 225–228.

2. 16. *К истории* интервенции в Сибири // Красный архив. 1929. – Т. 3 (34). – С. 126–165.

2. 17. *Как Колчак* стал Верховным правителем / публ. В.И. Шишкина // Сибирские огни. – 1993. – № 5–6. – С. 143–148.

2. 18. *Колчак* и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. – Владивосток, 1995. – 216 с.

2. 19. *Конституция* Уфимской директории // Архив русской революции. – Берлин, 1923. – Т. XII. – С. 189–193.

2. 20. *«Необходимо* усилить пропаганду». Отчет о деятельности Русского бюро печати. 1919 г. // Исторический архив. 1996. № 3. – С. 191–198

2. 21. *Об участии* английских империалистов в организации интервенции против Советской России // Исторический архив. 1957. № 2. – С. 65–84.

2. 22. *Омские* большевики в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.) : сборник документальных материалов / под ред.: А.И. Моисеевой, И.Д, Клеткина. – Омск, 1952. – 246 с.

2. 23. *«Они…* представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // Отечественные архивы. 2008. № 3. – С. 73–82.

2. 24. *Партизанское* движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.) : сборник документов. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. – 830 с.

2. 25. Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. – Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. – 374 с.

2. 26. *Партизанское* движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 310 с.

2. 27. Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 – февраль 1919 гг.) : документы. – М.: Воениздат, 1961. – 360 с.

2. 28. *Партийно-политическая* работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.) : документы. – М.: Воениздат, 1964. – 536 с.

2. 29. *Партия* социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. Т. 3, ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1055 с.

2. 30. *Показания* П.Д. Яковлева / публ. Е.Б. Шабодоева // Сибирский архив: архивные документы, публикации, факты, комментарии: научно-популярный историко-краеведческий сборник. – Иркутск: Оттиск, 2000. – Вып. 1. – С. 36–63.

2. 31. *Последние* дни колчаковщины : сборник документов. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 231 с.

2. 32. *Приказы* начальника штаба Верховного главнокомандующего. Декабрь 1918 – март 1919 г. № 60–239. – Омск, 1919.

2. 33. *Приказы* начальника штаба Верховного главнокомандующего. Март – июнь 1919 г. № 240–530. – Омск, 1919.

2. 34. *Приказы* начальника штаба Верховного главнокомандующего. Июль – август 1919 г. № 531–769. – Омск, 1919.

2. 35. *Приказы* начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. 8–24 сентября 1919 г. № 1001–1150. – Омск, 1919.

2. 36. *Протоколы* допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе – феврале 1920 г. // Архив русской революции. – Берлин, 1923. – Т. X. – С. 177–321.

2. 37. *Процесс* над колчаковскими министрами. Май 1920 / под. ред. А.Н. Яковлева; отв. ред. В.И. Шишкин. – М.: МФД, 2003. – 672 с.

2. 38. *«Реальная»* политика Временного Сибирского правительства / публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. 2001. – № 9. – С. 29−41; 2002. – № 10. – С. 35−47.

2. 39. *Российские* либералы: кадеты и октябристы: документы, воспоминания, публицистика. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.

2. 40. *«Россия* погибнет в волнах новой анархии» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. – С. 79–83.

2. 41. *Союзническая* интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 100 с.

2. 42. *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1992. –132 с.

2. 43. *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Ч. 1–2. – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 348 с.

2. 44. *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1992. –220 с.

2. 45. *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 206 с.

2. 46. *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 206 с.

2. 47. *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 207 с.

2. 48. *Съезды,* конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.).– Томск: Издательство Томского университета, 1992. Ч. 1–2. – 332 с.

2. 49. *Уфимское* Государственное Совещание // Русский исторический архив. Сборник первый. – Прага, 1929. – С. 57–280.

2. 50. *Хроника* гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. / сост. В. Максаков, А. Турунов. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 302 с.

2. 51. «*Я все время* вел примиряющую политику». Временное Сибирское правительство в оценке его премьер-министра П.В. Вологодского. 1918 г. // Исторический архив. – 2010. – С. 43–112.

3. Дневники, воспоминания, письма

3. 1. *Авксентьев Н.Д.* Государственный переворот Колчака / Н.Д. Авксентьев // Гражданская война в Сибири и Северной области. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – С. 64–135.

3. 2. *Алексеев Н.Н.* Из воспоминаний / Н.Н. Алексеев // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. XVII. – С. 170–255.

3. 3. *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // Минувшее : исторический альманах. М.; СПб., 1996. – Вып. 20. – С. 435–635.

3. 4. *Андрушкевич Н.А.* Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке / Н.А. Андрушкевич // Кадетская перекличка. – № 75. – Нью-Йорк, 2004. – С. 228–254; № 76. – Нью-Йорк, 2005. – С. 241–265.

3. 5. *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922) / В.П. Аннич-ков. – М.: Русский путь, 1998. – 368 с.

3. 6. *Аргунов А.А.* Между двумя большевизмами / А.А. Аргунов. – Париж, 1919. – 47 с.

3. 7. *Арнольдов Л.В.* Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск / Л.В. Арнольдов. – Шанхай: Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. – 278 с.

3. 8. *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты / В.Г. Болдырев. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.

3. 9. *Валентинов А.А.* Крымская эпопея / А.А. Валентинов // Архив русской революции. – Берлин, 1922. – Т. V. – С. 5–100.

3. 10. *Виллиам Г.* Побежденные / Г. Виллиам // Архив русской революции. – Берлин, 1922. – Т. VII. – С. 203–245.

3. 11. *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.) / П.В. Вологодский; составл., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. – Рязань: част. изд-во П.А. Трибунского, 2006. – 619 с.

3. 12. *Врангель П.Н.* Записки // Трагедия казачества. – М., 1994. – С. 179–276.

3. 13. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) / Г.К. Гинс. – Пекин: Общество Возрождения, 1921. – Т. 1. – 327 с.; – Т. 2. – 609 с.

3. 14. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. / Г.К. Гинс.– М.: Айрис-пресс, 2009. – 672 с.

3. 15. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К.И.Глобачев; под ред. З.И. Перегудовой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с.

3. 16. *Голиков Ф.И.* Красные орлы (Из дневников 1918–1920 гг.) / Ф.И. Голиков. – М.: Воениздат, 1959. – 328 с.

3. 17. *Гоппер К.* Четыре катастрофы : воспоминания / К. Гоппер. – Рига, 1935. 170 с.

3. 18. Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. – М.: Отечество, 1991. – С. 255–334.

3. 19. *Гревс В.* Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). – М.: Военгиз, 1932. – 248 с.

3. 20. *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу / В.И. Гурко // Архив русской революции. – Берлин, 1924. – Т. XIV. – С. 5–84.

3. 21. *Дневник* барона А. Будберга. 1919 год / А.П. Будберг // Архив русской революции. – Берлин, 1924. – Т. XIV. – С. 225–341; – Т. XV. – С. 254–345.

3. 22. *Дневник* Виктора Николаевича Пепеляева. 1918–1919 гг. // Окрест Колчака : документы и материалы / сост. А.В. Квакин. – М.: Аграф, 2007. – С. 43–108.

3. 23. *Дневник* В.Н. Пепеляева // Сибирь. – 1989. – № 6. – С. 76–88.; – 1990. – № 6. – С. 29–40.

3. 24. *Дневник* капитана Лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко // Звезда. – 1995. – № 2. – С. 3–18.

3. 25. *Дневник П.Н.* Милюкова. 1918–1921. – М.: РОССПЭН, 2004. – 847 с.

3. 26. *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области / С.Ц. Добровольский // Архив русской революции. – Берлин, 1921. – Т. III. – С. 5–146.

3. 27. *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926 / П.Д. Долгоруков. – М.: Центрополиграф, 2007. – 367 с.

3. 28. *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону / А. Дроздов // Архив русской революции. – Берлин, 1921. – Т. II. – С. 45–58.

3. 29. *Еленевский Е.* Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на Востоке России / Составл., научн. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрополиграф, 2004. – С. 134–173.

3. 30. *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом / Г.В. Енборисов. – Шанхай, 1932. 168 с.

3. 31. *Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины / под ред. Н.А. Корнатовского. – Л.: Издательство «Красная газета», 1930. – С. 103–145.

3. 32. *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. – М.: Аграф, 2005. – С. 325–510.

3. 33. *Зензинов В.М.* Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва – Самара – Уфа – Омск: Воспоминания / В.М. Зензинов // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г.А. Трукан. – М., 1995. – С. 11–26.

3. 34. *Зензинов В.М.* Из жизни революционера / В.М. Зензинов. – Париж, 1919. – 119 с.

3. 35. *Иванов В.Н.* В гражданской войне (Из записок омского журналиста) / В.Н. Иванов. – Харбин, 1921. – 137 с.

3. 36. *Иванов В.Н.* Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. – 1994. – № 12. – С. 3–73.

3. 37. *Иванов В.Н.* Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922). Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала : исторические повести. – М.: Художественная литература, 1992. – С. 380–540.

3. 38. *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны / В.И. Игнатьев // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. –Архангельск, 1993. – Вып. 1 / составл., научн. ред, предисл. и коммент. В.И. Голдина. С. 99–157.

3. 39. *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело: Летопись белой борьбы. Т. 1. – Берлин, 1926. – С.96–108.

3. 40. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте : мемуары / А.Ф. Керенский. – М.: Республика, 1993. – 384 с.

3. 41. *Кирдецов Г.* У ворот Петрограда (1919–1920) / Г. Кирдецов. – Берлин, 1921. – 356 с.

3. 42. *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. – № 4. – Прага, 1928. – С.36–68.

3. 43. *Клерже Г.* Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака / составл., научн. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрополиграф, 2004. – С. 262–325.

3. 44. *Клерже Г.* Ледяной поход // Великий Сибирский Ледяной поход / составл., научн. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрополиграф, 2004. – С. 467–494..

3. 45. *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге / П.Д. Климушкин // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага, 1930. – С. 38–102.

3. 46. *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. : в 2 кн. – М.: Наука, 1992. – Кн. 2.– 456 с.

3. 47. *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы / Е.Е. Колосов. – Пг.: Былое, 1923. – 190 с.

3. 48. *Кроль Л.А.* За три года. Воспоминания, впечатления, встречи / Л.А. Кроль. – Владивосток: Свободная Россия, 1922. – 212 с.

3. 49. *Кроль М.А.* Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской областной думы (Из воспоминаний) // Вольная Сибирь. – № 4. – Прага, 1928. – С. 69–82.

3. 50. *Кучкин А.П.* В боях и походах от Волги до Енисея (Записки военного комиссара) / А.П. Кучкин. – М.: Наука, 1969. – 296 с.

3. 51. *Лебедев В.* Борьба русской демократии против большевиков // 1918 год на Востоке России / составл., научн. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрополиграф, 2004. – С. 173–202.

3. 52. *Майский И.* Демократическая контрреволюция. – М.; Л.: Госиздат, 1923. – 360 с.

3. 53. *Маргулиес М.С.* Год интервенции : в 3 кн. / М.С. Маргулиес. – Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1923. – Кн. 1. – 366 с.; – Кн. 2. – 328 с.

3. 54. *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) / В.В. Марушевский // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. – Архангельск, 1993. – Вып. 1. / составл., научн. ред, предисл. и коммент. В.И. Голдина. – С. 170–341.

3. 55. *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 / Г.Н. Михайловский : в 2 кн. – М.: Международные отношения, 1993. – Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. – 688 с.

3. 56. *Молчанов В.М.* Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы / В.М. Молчанов; составл. Л.Ю. Тремсиной; коммент. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 400 с.

3. 57. *Моравский В.И., Моравский Н.В.* Из воспоминаний. – Томск: Издательство Томского университета, 2006. – 106 с.

3. 58. *Оболенский В.* Крым при Врангеле // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. – М.: Отечество, 1991. –С. 367–398.

3. 59. *Раковский Г.* Конец белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. – М.: Отечество, 1991. – С. 399–448.

3. 60. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы / П.П. Петров; составл. С.П. Петрова, Л.Ю. Тремсиной. – М.: Айрис-пресс, 2011. – 544 с.

3. 61. *Постышев П.П.* Гражданская война на Востоке Сибири (1917–1922 гг.). Воспоминания. – М.: Воениздат, 1957. – 60 с.

3. 62. *Путна В.К.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контр-революцией / под ред. И.Н. Смирнова, И.П. Флеровского, Я.Я. Грунта. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – С. 7–18.

3. 63. *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – М.: Книга, 1990. – 400 с.

3. 64. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923. – 324 с.

3. 65. *Селявкин А.И.* В трех войнах на броневиках и танках. – Харьков: Прапор, 1981. – 183 с.

3. 66. *Семенов Г.М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы / Атаман Семенов. – М.: АСТ, 2002. – 378 с.

3. 67. *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход / И.И. Серебренников; Сост. и предисл. В.А. Майера. – М: АСТ: Ермак, 2003. – 695 с.

3. 68. *Серебренников И.И.* К истории Сибирского правительства // Сибирский архив. – 1929. – № 1. – С. 5–22.

3. 69. *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / И.И. Серебренников; ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков; коммент. П.А. Новикова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – 592 с.

3. 70. *Смирнов И.Н.* Борьба за Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контр-революцией / под ред. И.Н. Смирнова, И.П. Флеровского, Я.Я. Грунта. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – С. 123–155.

3. 71. *«Совершенно* лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 / под ред. О. Будницкого : в 3 т.– М.: РОССПЭН, 2001. – Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. – 568 с.

3. 72. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). – София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – 294 с.

3. 73. *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. – М.: Воениздат, 1976. – 376 с.

3. 74. *Спасский Е.* Воспоминания. Автобиографический очерк // Фонд наследия Евгения Спасского [сайт]. URL: http://e-spassky.ru/about/2/3.html (дата обращения: 10.10.2012).

3. 75. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М.: Книга, 1990. – Т. 2. – 344 с.

3. 76. *Трубецкой Е.Н.* Из путевых заметок беженца / Е.Н. Трубецкой // Архив русской революции. – Берлин, 1926.– Т. XVIII. – С. 137–207.

3. 77. *Тухачевский М.Н.* Курган – Омск // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Воениздат, 1964. – Т. 1. 1919–1927. – С. 262–270.

3. 78. *Тухачевский М.Н.* На Восточном фронте // Тухачевский М.Н. Избранные произведения : в 2 т. – М.: Воениздат, 1964. – Т. 2. 1928–1937. – С. 222–228.

3. 79. *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 г. // Тухачевский М.Н. Избранные произведения : в 2 т. – М.: Воениздат, 1964. – Т. 1. 1919–1927. – С. 73–92.

3. 80. «*У России* одно будущее – Великая держава» (Письма С.Д. Сазонова и К.Д. Набокова П.В. Вологодскому. 1919 г.) / сост. С. Вакунов // Неизвестная Россия. XX век. – М.: Исторической наследие, 1993. – Кн. 3. – С. 9−33.

3. 81. *Уильямсон Х.* Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. – М.: Центрополиграф, 2007. – 303 с.

3. 82. *Уорд Дж.* Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда. – М.;Л.: Госиздат, 1923. – 172 с.

3. 83. *Устрялов Н.В.* 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. – 1993. – № 4. – С. 194–287.

3. 84. *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прош-лое. – 1991. – № 2. – С. 283–340.

3. 85. У*стрялов Н.В.* Былое – Революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи / Н.В. Устрялов. – М.: Анкил, 2000. – 246 с.

3. 86. *Филимонов Б.* Поход степных полков летом 1918 года // 1918 год на Востоке России / составл., научн. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрополиграф, 2004. – С. 253–330.

3. 87. *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного собрания / С.А. Щепихин // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага, 1930. – С. 165–214.

3. 88. *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

3. 89. *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии // Диалог. – 1996. – № 1. – С. 89–94; № 2. – С. 91–96; № 3. – С. 89–96; № 4. – С. 90–96; № 5–6. – С. 93–96; № 7. – С. 94–96; № 8. – С. 82–89.

3. 90. *Якушев И.А.* Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. – 1928. – № 3. – С. 9–27; № 4. – С. 100–113; 1929. – № 5. – С. 59–68. № 6–7. – С. 88–103.

3. 91. *Якушев И.А.* Февральская революция и сибирские областные съезды (к истории областного движения в Сибири) // Вольная Сибирь. – 1927. – № 2. – С. 13–40.

4. Политическая и философская публицистика

4.1. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 220 с.

4.2. *Бердяев Н.* Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.

4.3. *Ильин И.А.* Наши задачи // Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2, кн. 1. – 496 с.; т. 2, кн. 2. – 480 с.

4.4. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.

4.5. *Ильин И.А.* Родина и мы. – Смоленск: Посох, 1995. – 512 с.

4.6. *Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 34. – С. 214–228.

4.7. *Ленин В.И.* Все на борьбу с Деникиным! (письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 39. – С. 44–63.

4.8. *Ленин В.И.* О пропаганде и агитации. – М.: Политиздат, 1978. – 240 с.

4.9. *Ленин В.И.* Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 39. – С. 151–159.

4.10. *Ленин В.И.* Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 38. – С. 333–372.

4.11. *Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 38. – С. 39–73.

4.12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.

4.13. *Струве П.Б.* Дневник политика (1925 – 1935). – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. – 872 с.

4.14. *Струве П.Б.* Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1999. – 472 с.

4.15. *Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. – 527 с.

4.16. *Устрялов Н.В.* Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 888 с.

4.17. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. / составл., вступ. статья и примеч. Бойкова В.Ф. – СПб.: София, 1991. Т. 2. – 352 с.

4.18. *Энгельс Ф.* Письмо Францу Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – М.: Политиздат, 1966. – Т. 39. – С. 82–86.

5. Пропагандистские брошюры

5. 1. *Агелов Е.* Колчак или Ленин? – Ростов н/Д, 1919. – 12 с.

5. 2. *Адмирал* Колчак. – Ростов н/Д, 1919. – 16 с.

5. 3. *Ауслендер С.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. – Омск, 1919. – 38 с.
5. 4. *Верховный* правитель России – адмирал А.В. Колчак. – [Б.м.], [Б.г.]. – 16 с.
5. 5. *Вожди* армии. Почему и как создалась Добровольческая армия и за что она борется? – [Б.м.], [Б.г.]. – 30 с.
5. 6. *Кирилин Ф.* Основатель и Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. – Ростов н/Д, 1919. – 18 с.
5. 7. *Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Издание литературно-художественного отделения Осведомительной канцелярии штаба 3-й армии. – [Б.м.], 1919. – 38 с.
5. 8. *Огоньков.* В Красной России. Сообщение бежавшего красноармейца газете «Земля и труд». – Омск: Русское бюро печати, 1919. – 14 с.
5. 9. *Ольгин И.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. – [Б.м.], [Б.г.]. – 32 с.
5. 10. *Простые* беседы Панька Макогона. – Омск: Русское бюро печати, 1919. – 24 с.
5. 11. *Сибирь* и Москва. – Новониколаевск, 1919. – 16 с.

6. Периодическая печать

Газеты

6. 1. Акмолинские областные ведомости. – Омск, 1918–1919.
6. 2. Алтай. – Бийск, 1918–1919.
6. 3. Алтайская мысль. – Барнаул, 1919.
6. 4. Алтайские губернские известия. – Барнаул, 1918–1919.
6. 5. Алтайский вестник. – Барнаул, 1919.
6. 6. Алтайский день. – Барнаул, 1919.
6. 7. Алтайский край. – Бийск, 1919.
6. 8. Алтайский луч. – Барнаул, 1918.
6. 9. Амурская жизнь. – Благовещенск, 1919.
6. 10. Амурское эхо. – Благовещенск, 1919.
6. 11. Ачинский край. – Ачинск, 1919.
6. 12. Барабинская степь. – Каинск, 1918–1919.
6. 13. Бюллетень о текущих событиях. – Тобольск, 1918.
6. 14. Великая Россия. – Екатеринодар, 1919–1920.
6. 15. Великая Россия. – Томск, 1919.
6. 16. Великая Россия. – Уфа, 1919.
6. 17. Вестник Акмолинской области. – Омск, 1919.
6. 18. Вестник Всероссийского Временного правительства. – Омск, 1918.
6. 19. Вестник Временного правительства Автономной Сибири. – Владивосток, 1918.
6. 20. Вестник Змеиногорска. – Змеиногорск, 1919.
6. 21. Вестник Манчжурии. – Харбин, 1919.
6. 22. Вестник Приуралья. – Челябинск, 1919.
6. 23. Вестник Тобольской губернии. – Тобольск, 1919.
6. 24. Вестник Томской губернии. – Томск, 1918–1919.
6. 25. Вестник Уральских стрелков. – [Б. м.], 1919.
6. 26. Вечернее время. – Ростов-на-Дону, 1919.
6. 27. Военные ведомости. — Новониколаевск, 1918–1919.
6. 28. Вольная Кубань. – Екатеринодар, 1919.
6. 29. Воля Сибири. – Красноярск, 1918–1919.
6. 30. Восточный курьер. – Чита, 1919.
6. 31. Вперед – Екатеринбург, Омск, 1919.
6. 32. Голос армии. – [Б. м.], 1919.
6. 33. Голос народа. – Томск, 1918.
6. 34. Голос Приморья. – Владивосток, 1918–1919.
6. 35. Голос Сибири. – Томск, 1918, 1919.
6. 36. Голос Сибирской армии. – Екатеринбург, 1919.
6. 37. Голос сибиряка. – Уфа, 1919.
6. 38. Голос социалиста. – Якутск, 1919.
6. 39. Далекая окраина. – Владивосток, 1918–1919.
6. 40. Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1919.
6. 41. Дальний Восток. – Владивосток, 1919.
6. 42. Дело. – Иркутск, 1918, 1919.
6. 43. Друг армии и народа. – [Б. м.], 1919.
6. 44. Друг народа. – Иркутск, 1918.

6. 45. Друг народа. – Славгород, 1919.
6. 46. Дума народная. – Оренбург, 1918.
6. 47. Думы Алтая. – Бийск, 1918.
6. 48. Единство. – Петропавловск, 1918–1919.
6. 49. Енисейский вестник. – Красноярск, 1919.
6. 50. Жизнь Алтая. – Барнаул, 1918–1919.
6. 51. За Родину! – Семипалатинск, 1919.
6. 52. Заря. – Омск, 1918–1919.
6. 53. Заря. – Томск, 1918.
6. 54. Заря народоправства. – Камышлов, 1919.
6. 55. Звено. – Мариинск, 1918–1919.
6. 56. Земля и труд. – Курган, 1918–1919.
6. 57. Знамя революции. – Томск, 1918, 1920.
6. 58. Известия Временного Сибирского областного совета. – Томск, 1918.
6. 59. Известия министерства земледелия. – Омск, 1919.
6. 60. Иркутский стрелок. – Красноуфимск, 1919.
6. 61. Ишимская жизнь. – Ишим, 1918–1919.
6. 62. Ишимский край. – Ишим, 1918.
6. 63. Каменская мысль. – Камень-на-Оби, 1918–1919.
6. 64. Канский вестник. – Канск, 1919.
6. 65. Канский земский голос. – Канск, 1919.
6. 66. Карпаторусское слово. – Екатеринбург, Омск, 1918–1919.
6. 67. Крестьянский вестник. – Омск, 1919.
6. 68. Курганская свободная мысль. – Курган, 1919.
6. 69. Московская группа армий («Третья армия»). – [Б. м.], 1919.
6. 70. Мысль. – Иркутск, 1919.
6. 71. На страже свободы. – [Б. м.], 1919.
6. 72. Надежда России. – Новониколаевск, 1919.
6. 73. Накануне. – Томск, 1919.
6. 74. Народная газета. – Омск, 1919.
6. 75. Народная газета. – Томск, 1918–1919.
6. 76. Народная мысль. – Пермь, 1919.
6. 77. Народная свобода. – Барнаул, 1918–1919.
6. 78. Народная Сибирь. – Новониколаевск, 1918–1919.
6. 79. Народное дело. – Оренбург, 1918.
6. 80. Наш голос. – Томск, 1918.
6. 81. Наш путь. – Омск, 1919.
6. 82. Наш Урал. – Екатеринбург, 1919.
6. 83. Наша газета. – Омск, 1919.
6. 84. Наша газета. – Томск, 1919.
6. 85. Наша газета. – Оса, 1919.
6. 86. Наша заря. – Омск, 1919.
6. 87. Наша мысль. – Томск, 1918.
6. 88. Наше дело. – Иркутск, 1918–1919.
6. 89. Народный вестник. – Томск, 1919.
6. 90. Нижнеудинская земская газета. – Нижнеудинск, 1918.
6. 91. Новая Сибирь. – Иркутск, 1918–1919.
6. 92. Новое слово. – Семипалатинск, 1919.
6. 93. Новый Алтайский луч. – Барнаул, 1918–1919.
6. 94. Новый луч. – Барнаул, 1918.
6. 95. Новый путь. – Енисейск, 1918–1919.
6. 96. Омский вестник. – Омск, 1918.
6. 97. Оренбургское земское дело. – Оренбург, 1918.
6. 98. Освобождение России. – Пермь, 1919.
6. 99. Отечественные ведомости. – Уфа, Екатеринбург, 1918–1919.
6. 100. Отечество. – Пермь, 1919.
6. 101. Понедельник. – Томск, 1918–1919.
6. 102. Правительственный вестник. – Омск, 1918–1919.
6. 103. Приишимье. – Петропавловск, 1918–1919.

6. 104.Простое слово. – Мариинск, 1919.
6. 105.Рабочее знамя. – Томск, 1918.
6. 106.Речь Алтая. – Барнаул, 1919.
6. 107.Родина. – Томск, Красноярск, 1919.
6. 108.Русская армия. – Омск, 1918–1919.
6. 109.Русская речь. – Новониколаевск, 1918–1919.
6. 110.Русский восток. – Чита, 1918–1919.
6. 111.Русский воин. – Омск, 1918–1919.
6. 112.Русский голос. – Томск, 1919.
6. 113.Русское дело. – Омск, 1919.
6. 114.Русь. – Омск, 1919.
6. 115.Свободная Пермь. – Пермь, 1919.
6. 116.Свободная речь. – Семипалатинск, 1918–1919.
6. 117.Свободная Сибирь. – Красноярск, 1918–1919.
6. 118.Свободное слово. – Тюмень, 1919.
6. 119.Свободный край. – Иркутск, 1918–1919.
6. 120.Свободный луч. – Барнаул, 1918.
6. 121.Сегодня. – Томск, 1919.
6. 122.Сибирская жизнь. – Томск, 1918–1919.
6. 123.Сибирская земская деревня. – Тобольск, 1918–1919.
6. 124.Сибирская речь. – Омск, 1918, 1919.
6. 125.Сибирские стрелки. – [Б. м.], 1919.
6. 126.Сибирский благовестник. – Омск, 1919.
6. 127.Сибирский вестник. – Омск, 1918.
6. 128.Сибирский казак. – Омск, 1919.
6. 129.Сибирский крестьянин. – Барнаул, 1918–1919.
6. 130.Сибирский старообрядец. – Барнаул, 1918–1919.
6. 131.Сибирский стрелок. – Челябинск, 1919.
6. 132.Сибирь. – Иркутск, 1918.
6. 133.Слово. – Омск, 1918.
6. 134.Телеграммы. – Енисейск, 1919.
6. 135.Тобольское народное слово. – Тобольск, 1918–1919.
6. 136.Третья армия. – [Б. м.], 1919.
6. 137.Труд. – Томск, 1919.
6. 138.Уральская жизнь. – Екатеринбург, 1919.
6. 139.Утро Приуралья. – Златоуст, 1918–1919.
6. 140.Утро Сибири. – Челябинск, 1918–1919.
6. 141.Утро Юга. – Екатеринодар, 1919.
6. 142.Уфимец. – [Б. м.], 1919.
6. 143.Шадринская народная газета. – Шадринск, 1919.
6. 144.Эхо. – Владивосток, 1919.
6. 145.Ялуторовская жизнь. – Ялуторовск, 1918, 1919.

Журналы

6. 146.Вестник финансов, промышленности и торговли. – Омск, 1919.
6. 147.Возрождение. – Омск, 1919.
6. 148.Известия Всесибирского союза земств и городов («Сибземгора»). – Томск, 1919.
6. 149.Отечество. – Омск, 1919.
6. 150.Русский богатырь. – Новониколаевск, 1919.
6. 151.Промышленность Западной Сибири. – Омск, 1918.
6. 152.Промышленность Сибири. – Омск, 1919.
6. 153.Сибирская кооперация. – Новониколаевск, 1919.
6. 154.Сибирские записки. – Красноярск, 1918–1919.
6. 155.Сибирский крестьянин. – Барнаул, 1918–1919.
6. 156.Солдат и крестьянин. – Омск, 1919.

7. Справочные издания

7. 1. *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири с указателем изданий в 1918 г. / А.В. Адрианов. – Томск, 1919. – 31 с.
7. 2. *Белое* движение : Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.) / Сост. Г. В. Михеева. – СПб.: РНБ, 2000. – 504 с.

7. 3. *Волков Е.В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны : биографический справочник / Е.В. Волков, Н.Д. Егоров, И.В. Купцов. – М.: Русский путь, 2003. – 240 с.

7. 4. *Газеты* 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки : библиографический каталог. – М.: РГБ, 1994. Вып. 1. – 118 с.

7. 5. *Гражданская* война и иностранная интервенция в СССР : энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

7. 6. *История* «белой» Сибири в лицах: биографический справочник. – СПб.: Нестор, 1996. – 73 с.

7. 7. *Историческая* энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири»; Институт истории СО РАН. – Т. 1 – 715 с.; Т. 2 – 807 с.; Т. 3 – 783 с.

7. 8. *Косых Е.Н., Фоминых С.Ф.* Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.) : указатель газет и журналов. – Томск, 1991. – 54 с.

7. 9. *Несоветские* газеты (1918–1922 гг.) : каталог собрания Российской национальной библиотеки. – СПб.: РНБ, 2003. – 168 с.

7. 10. *Новейший* философский словарь. Постмодернизм. – Минск: Современный литератор, 2007. – 816 с.

7. 11. *Пашков А.* Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 годов. – Париж, 1961. – 40 с.

7. 12. *Политические* партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 872 с.

7. 13. *Революция* и Гражданская война в России : энциклопедия : в 4 т. – М.: Терра, 2008. – Т. 1. – 558 с.; – Т. 2. – 558 с.; – Т. 3. – 558 с.; – Т. 4. – 558 с.

7. 14. *Рудиченко А.И.* Награды и знаки белых армий и правительств 1917 – 1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. – М.: Любимая книга, Collector's Book, 2008. – 496 с.

8. Исследования

8. 1. *Альтюссер Л.* За Маркса / Л.Альтюссер. – М.: Праксис, 2006 – 392 с.

8. 2. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Журнальный зал [сайт]. URL: http://magazines.russ. ru/nz/ 2011/3/al3.html (дата обращения: 12.11.2012).

8. 3. *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны (1917–1920) / А. Анишев. – Л.: ГИЗ, 1925. – 288 с.

8. 4. *Балмасов С.С.* Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири. 1918–1920 гг. // Белая гвардия. – 2001. – № 5. – С. 3–10.

8. 5. *Балмасов С.С.* Функционирование органов военной цензуры Российского правительства в 1918–1919 гг. // Гражданская война на Востоке России : новые подходы, открытия, находки. – М.: Посев, 2003. – С. 53–62.

8. 6. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 320 с.

8. 7. *Белл Д.* Конец идеологии // Новое время. – 1990. – № 27. – С. 42–43.

8. 8. *Белов В.* Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). – Пг.: Госиздат, 1922. – 127 с.

8. 9. *Белое* движение в Гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию Белого движения / под ред. В.Т. Тормозова, Г.И. Письменского. – М.: Издательство Современного гуманитарного университета, 2008. – 331 с.

8. 10. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

8. 11. *Бернейс Э.* Пропаганда / Э Бернейс; пер. с англ. И. Ющенко. – М.: Hippo Publishing, 2010. – 176 с.

8. 12. *Блументаль Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну. 1914–1918 гг. Обработка общественного мнения. – М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1928. – 168 с.

8. 13. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – С. 168–215.

8. 14. *Болтин Е.А.* Контрнаступление южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919) / Е.А. Болтин. – М.: Воениздат, 1949. – 136 с.

8. 15. *Бордюгов Г.А.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. – М.: Русский мир, 1998. – 320 с.

8. 16. *Бровкин В.Н.* Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 24–39.

8. 17. *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

8. 18. *Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. – 2007. – № 3 (56). – С. 5–27.

8. 19. *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М.: РОССПЭН, 2005. – 522 с.

8. 20. *Бурдье П.* Социология социального пространства / П. Бурдье. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

8. 21. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с.

8. 22. *Бучко Н.П.* К вопросу о политической идеологии Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг. // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) : сборник научных статей. – Хабаровск: Краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. – Вып. 4. – С. 72–79.

8. 23. *Бучко Н.П.* К вопросу о политической идеологии Белого движения в Сибири и на Дальнем востоке в 1917–1922 гг. // Казачество Дальнего Востока России во 2-й половине XIX–XX вв. – Хабаровск: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабаровский краевой краеведческий музей, 2006. – С. 139–150.

8. 24. *Бучко Н.П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук. – Хабаровск, 2006. – 253 с.

8. 25. *Василевский В.И.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории / В.И. Василевский. – Чита: Поиск, 2000. – 180 с.

8. 26. *Вегман В.* Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // Сибирские огни. – 1923. – № 1–2. – С. 127–147.

8. 27. *Вегман В.* Областнические идеи, возрожденные колчаковщиной // Сибирские огни. – 1923. – №5–6. – С. 149–162.

8. 28. *Вегман В.* Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. – 1928. – № 1. – С. 135–144.

8. 29. *Вегман В.* Сиболдума // Сибирские огни. – 1923 – № 4. – С. 89–111.

8. 30. *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание / М.В. Вишняк. – М.: РОССПЭН, 2010. – 450 с.

8. 31. *Власть* и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. – Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1997. – 171 с.

8. 32. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

8. 33. *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51–64.

8. 34. *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды / Л. Войтасик – М.: Прогресс, 1981. – 278 с.

8. 35. *Волгин А.П.* Буржуазная пресса Сибири и подготовка военной диктатуры Колчака // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. – Томск: Издательство Томского университета, 1984. – С. 108–109.

8. 36. *Волгин А.П.* К характеристике периодической печати как источнике по истории колчаковщины // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1986. – С. 64–75.

8. 37. *Волгин А.П.* Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / А.П. Волгин. – Томск, 1990. – 18 с.

8. 38. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства / С.В. Волков – М.: Центрполиграф, 2001. – 508 с.

8. 39. *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. – 1996. – №5–6. – С. 28–38.

8. 40. *Гарипова Л.Г.* Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е годы) : дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1991. – 249 л.

8. 41. *Гармиза В.В.* Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.) // История СССР. – 1965. – №6. – С. 47–64.

8. 42. *Гармиза В.В.* Директория и Колчак // Вопросы истории. – 1976. – № 10. С. 16–32.

8. 43. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств / В.В. Гармиза. – М.: Мысль, 1970. – 294 с.

8. 44. *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России / С.С. Гинзбург. – М.: Аграф, 2007. – 496 с.

8. 45. *Гирц К.* Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

8. 46. *Глезеров С.Е.* Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – 2000. – № 7. – С. 43–27; – № 8. – С. 47–74; – 2001. – № 9. – С. 50–70.

8. 47. *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.) / В.И. Голдин. – Архангельск: БОРГЕС, 2000. – 277 с.

8. 48. *Голдин В.И.* Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. – 2008. – № 3. – С. 3–8.

8. 49. *Головин Н.Н.* Российская контр-революция в 1917–1918 гг. : в 12 кн. – Париж, 1937. – Кн. 1. –170 с.; – Кн. 2. –160 с.; – Кн. 3. –116 с.; – Кн. 4. –90 с.; – Кн. 8. –156 с.; – Кн. 9. –112 с.

8. 50. *Гражданская* война в СССР : в 2 т. / под ред. Н.Н. Азовцева. – Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 – март 1919). – М.: Воениздат, 1980. – 368 с.; Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 – октябрь 1922). – М.: Воениздат, 1986. – 446 с.

8. 51. *Гражданская* война в России: Перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. –380 с.

8. 52. *Гражданская* война на востоке России: проблемы истории: межвузовский сборник научных трудов / Бахрушинские чтения / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: НГУ, 2001. – 175 с.

8. 53. *Грамши А.* Избранные произведения / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1980. – 422 с.

8. 54. *Грамши А.* Искусство и политика : в 2 т. / А. Грамши. – М.: Искусство, 1991. – Т. 1. – 336 с.; – Т. 2. – 432 с.

8. 55. *Грамши А.* Тюремные тетради / А. Грамши. М.: Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 560 с.

8. 56. *Греков Н.В.* Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 209–221.

8. 57. *Греков Н.В.* Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История «белой» Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 59–61.

8. 58. *Гришанин П.И.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии / П.И. Гришанин, В.Д. Зимина. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2008.– 180 с.

8. 59. *Гудошников М.А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири / М.А. Гудошников. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1959. – 206 с.

8. 60. *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции / К.В. Гусев. – М.: Мысль, 1975. – 383 с.

8. 61. *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции (1917−1923 гг.). – Новосибирск: Наука, 2002. – 398 с.

8. 62. *История* Дальнего Востока России. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – Т. 3, кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. – 632 с.

8. 63. *Дворянов Н.В.* В тылу Колчака / Н.В. Дворянов, В.Н. Дворянов. – М.: Мысль, 1966. – 262 с.

8. 64. *Ван Дейк Т.А.* Расизм и язык / Ван Дейк Т.А. – М.: ИНИОН, 1989. – 76 с.

8. 65. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / Ван Дейк Т.А. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

8. 66. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты : в 5 т. Берлин, 1924–1925. – Т. 3. – 278 с. – Т. 4. – 248 с.

8. 67. *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) : дис. … д-ра ист. наук. – Томск 2009. – 589 л.

8. 68. *Дубровский К.В.* В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция 1918–1919 гг. / К.В. Дубровский. – М.;Л.: Госиздат, 1929. – 128 с.

8. 69. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) / Н.Г. Думова – М.: Наука, 1982. – 416 с.

8. 70. *Думова Н.Г.* Черчилль и Милюков против Советской России / Н.Г. Думова, В.Г. Трухановский. – М.: Наука, 1989. – 205 с.

8. 71. *Журавлев В.В.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май – нояб. 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 276 л.

8. 72. *Журавлев В.В.* Государственное совещание в Уфе: к вопросу о путях и характере консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле – сентябре 1918 г. // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв.: Бахрушинские чтения: межвузовский сборник научных статей. – Новосибирск, 2007. – С. 70–94.

8. 73. *Журавлев В.В.* К вопросу о легитимации антибольшевистских правительств Сибири (май – ноябрь 1918 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 100–104.

8. 74. *Журавлев В.В.* К вопросу о характере политического режима на востоке России в период правления А.В. Колчака // Гражданская война в Сибири : материалы научной конференции. – Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 1999. – С. 34–41.

8. 75. *Журавлев В.В.* Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. С. 3–20.

8. 76. *Журавлев В.В.* «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 353–388.

8. 77. *Журов Ю.В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны / Ю.В. Журов. – Красноярск, 1972. – 248 с.

8. 78. *Журов Ю.В.* Крестьянство Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Томск, 1975. – 88 с.

8. 79. *Звягин С.П.* А.К. Клафтон – российский либерал в условиях революции и гражданской войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы Всероссийских научных чтений. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С. 23–29.

8. 80. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А. В.Колчака / С.П. Звягин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 352с.

8. 81. *Звягин С.П.* Руководители Томской губернии в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) / С.П. Звягин. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2011. – 192 с.

8. 82. *Звягин С.П.* Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 1998. С.68–78.

8. 83. *Зимина В.Д.* Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – 1996. – № 1. – С. 9–16.

8. 84. *Зимина В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны : дис. ... д-ра ист. наук. – Волгоград, 1998. – 470 л.

8. 85. *Зимина В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В.Д. Зимина. – Волгоград: Волгоградская академия государственной службы, 1997. – 485 с.

8. 86. *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / В.Д. Зимина. – М.: РГГУ, 2006. – 472 с.

8. 87. *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак. Верховный правитель России / П.Н. Зырянов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 635 с.

8. 88. *Иванов А.А.* Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага / А.А. Иванов. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 224 с.

8. 89. *Иванов А.В.* Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – 2003. – № 12. – С. 5–27.

8. 90. *Игрицкий Ю.И.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 55–70.

8. 91. *Из истории* интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука, 1985. – 232 с.

8. 92. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

8. 93. *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – М.: Мысль, 1983. – 294 с.

8. 94. *Ипполитов Г.М.* Моральный дух Красной армии и его укрепление (1918–1923 гг.): исторический опыт, уроки / Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов, С.А. Пилипенко. – Самара: Самарский институт (филиал) РГТЭУ; Изд-во Ас Гард, 2010. – 387 с.

8. 95. *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргсен, Л. Филлипс. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

8. 96. *Кадейкин В.А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. / В.А. Кадейкин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1959. – 99 с.

8. 97. *Кадейкин В.А.* Сибирь непокорённая (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны) / В.А. Кадейкин – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. – 556 с.

8. 98. *Казакова Е.А.* П.В. Вологодский: личность и общественно-полити-ческая деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2008. – 31 с.

8. 99. *Казанчиев А.Д.* Уфимская Директория 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1996. – 21 с.

8. 100.*Казанчиев А.Д.* Уфимская Директория 1918 г. / А.Д. Казанчиев. – Уфа: Восточный университет, 2003. – 116 с.

8. 101.*Какурин Н.Е.* Как сражалась революция: В 2 т. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 271 с.; – Т. 2. – 430 с.

8. 102.*Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2003. – 256 с.

8. 103. *Карасик В.И.* Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

8. 104. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

8. 105. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: Гнозис, 2003. – 479 с.

8. 106. *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. / Н.Ф. Катков. – Л.: Издательств ЛГУ, 1977. – 168 с.

8. 107. *Квакин А.В.* Между белыми и красными: Российская интеллигенция 1920-х годов в поисках Третьего Пути / А.В. Квакин. – М.: Центрполиграф, 2006. – 413 с.

8. 108. *Кенез П.* Идеология белого движения // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С. 268–279.

8. 109. *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление.1917–1918 / П. Кенез. – М.: Центрполиграф, 2007. – 287 с.

8. 110. *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. / Н.С. Кирмель. – М.: Кучково поле, 2008. – 512 с.

8. 111. *Кирмель Н.С.* Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 91–98.

8. 112. *Кожевников В.А.* Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 – март 1920 г.) : дис. … канд. ист. наук. – Хабаровск, 2000. – 265 с.

8. 113. *Кокоулин В.Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.) / В.Г. Кокоулин. – Новосибирск: Издательство НГУ, 2002. – 289 с.

8. 114. *Константинов С.И.* Пропагандистская работа в армии А.В. Колчака // История «белой» Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 64–67.

8. 115. *Контрреволюция* на востоке России в период Гражданской войны (1918 – 1919 гг.): сборник научных статей / под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск, 2009. – 195 с.

8. 116. *Корнева Е.А.* Контрразведка А.В.Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый исторический вестник. – 2000. – № 1. – С. 63–77.

8. 117. *Косых Е.Н.* О характере «информационной войны» пропагандистских систем в Сибири в 1917 г. // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опт уходящего столетия : материалы международной научно-практической конференции. – Омск, 2000. – Ч. 1. – С. 231–236.

8. 118. *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы. – Томск: Издательство Томского университета, 1994. – 250 с.

8. 119. *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. –Томск, 1995. – 46 с.

8. 120. *Красильников С.А.* Периодическая печать Сибири в период Октября в системе политической пропаганды. К постановке проблем и методов исследования // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1984. – С. 155–184.

8. 121. *«Круглый* стол»: Гражданская война в России // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 102–115.

8. 122. *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память / А.С. Кручинин. – М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. – 538 с.

8. 123. *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 1996. – 47 с.

8. 124. *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917−1918 гг.: дис. … д-ра. ист. наук. – Томск, 1996. – 575 л.

8. 125. *Ларьков Н.С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории. Бахрушинские чтения : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск, 2001. – С. 48–66.

8. 126. *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть / Н.С. Ларьков – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 252 с.

8. 127. *Ларьков Н.С.* О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История белой Сибири : материалы 6-й международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 205–211.

8. 128. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 200 с.

8. 129. *Лассвелл Г.* Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. – М., 2003. – С. 238–239.

8. 130. *Лассвелл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – 2006. – С. 264–279.

8. 131. *Левитский В.М.* Коммунистическая пропаганда и борьба с нею. / В.М. Левитский. – Париж, 1931. – 114 с.

8. 132. *Лившиц С.Г.* Временное Сибирское правительство // Вопросы истории. –1979. – № 12. – С. 98–107.

8. 133. *Лившиц С.Г.* Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. – 1974. – № 8. – С. 87–98.

8. 134. *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика антисоветских правительств в Омске и изменение государственного статуса Сибири в ноябре 1918 г. // «Сибирь – мой край…»: Проблемы региональной истории и исторического образования. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 199–211.

8. 135. *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1997. – 15 с.

8. 136. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

8. 137. *Луков Е.В.* Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 2002. – Т. 12. – С. 122–126.

8. 138. *Луков Е.В.* Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории Гражданской войны в Сибири (конец мая – начало ноября 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1999. – 22 с.

8. 139. *Луков Е.В.* К вопросу об изменении закона о выборах гласных городских дум Российским правительством Колчака // История белой Сибири: материалы 6-й международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 132–135.

8. 140. *Луков Е.В.* Нормативные акты как источник для реконструкции идеологических и программных установок антибольшевистских правительств Сибири // Документ в меняющемся мире. – Томск, 2004. – С. 174–177.

8. 141. *Луков Е.В.* Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири. – Томск, 2007. – С. 183–188.

8. 142. *Луков Е.В.* Формирование образа власти антибольшевистскими правительствами Сибири (по материалам периодической печати) // Сибирь в период Гражданской войны. – Кемерово, 2007. – С. 140–143.

8. 143. *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Белая идеология как альтернатива большевизму (на примере антибольшевистских правительств Сибири) // Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября 2007 г.). – Томск: Издательство Томского университета, 2008. – С. 244–251.

8. 144. *Луков Е.В* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918–январь 1920 г.) / Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. – Томск: Издательство Томского университета, 2007. – 181 с.

8. 145. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. / Г.М. Маклюэн. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.

8. 146. *Мальцева Т.В.* Земства Западной Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1974. – 194 л.

8. 147. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

8. 148. *Медведев В.Г.* Белое движение как результат кризиса политико-правового развития России в 1917–1918 гг. / В.Г. Медведев. – М.: Юрист, 2002. – 260 с.

8. 149. *Медведев В.Г.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Ульяновск, 2004. – 422 л.

8. 150. *Медушевский А.Н.* Причина крушения демократической республики в России // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 3–24.

8. 151. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака : в 2 т. / С.П. Мельгунов. – М.: Айрис-пресс, 2005. – Т. 1. – 570 с.; Т. 2. – 493 с.

8. 152. *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). – Париж, 1929. – 320 с.

8. 153. *Милюков П.Н.* История второй русской революции / П.Н. Милюков. – М.: РОССПЭН, 2001. – 768 с.

8. 154.*Милюков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции : в 2 т. / П.Н. Милюков.– Париж, 1927. – Т. 2: Антибольшевистское движение. – 282 с.

8. 155. *Михайлов И.В.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? / Гражданская война в России. События, мнения, оценки: сб. памяти Ю.И. Кораблева. – М., 2002. – С. 639–655.

8. 156. *Модели* общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с.

8. 157. *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Посев, 2001. – 160 с.

8. 158.*Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272с.

8. 159. *Молчанов Л.А.* Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 150–164.

8. 160. *Молчанов Л.А.* Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Археографический центр,1997. – 196 с.

8. 161. *Молчанов Л.А.* Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия : альманах. – М.: Посев, 1998. – Вып. 2. – С. 17–23.

8. 162. *Молчанов Л.А.* «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 137–139.

8. 163. *Молчанов Л.А.* «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: К истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны (1918–1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Посев, 2007. – 207 с.

8. 164. *Молчанов Л.А.* Цензура «белой» Сибири // История «белой» Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 76–78.

8. 165. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.

8. 166. *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.) / В.В. Московкин. – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – 214 с.

8. 167. *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революции и Гражданской войны (1917–1921) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Тюмень, 2004. – 46 с.

8. 168. *Мышанский А.А.* Органы местного самоуправления Сибири в период Гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2004. – 239 л.

8. 169. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922) / И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 496 с.

8. 170. *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 47–57.

8. 171. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.

8. 172. *Наумова Н.И.* Автономизм и федерализм в идеологии и политике Белого движения // Вестник Томского государственного университета.– 2004. – № 281. – С. 58–61.

8. 173. *Наумова Н.И.* Национальная политика колчаковского правительства: управленческие структуры и законодательство // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза : материалы международной научной конференции. – М.: Социально-политическая мысль, 2005. – С.153–168.

8. 174. *Наумова Н.И.* Панславизм в политике колчаковщины // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири : сборник статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – С. 51–55.

8. 175. *Наумова Н.И.* Право наций на самоопределение и целостность России в политике колчаковской власти // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – Т. 305, вып. 7. – С. 85–95.

8. 176. *Наумова Н.И.* Феномен нации в идеологии белогвардейцев // История белой Сибири: материалы 6-й международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 173–177.

8. 177. *Наумов В.П.* Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР / В.П. Наумов. – М.: Мысль, 1972. – 471 с.

8. 178. *Немчинова Т.А.* Белое движение в Сибири: современная российская историография : дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2002. – 243 л.

8. 179. *Немчинова Т.А.* Современная историография белого движения в Сибири / Т.А. Немчинова – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 189 с.

8. 180. *Нестеренко П.Л.* Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 2000. – 22 с.

8. 181. *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение / А.Н. Никитин. – М.: Национальный институт бизнеса, 2004. – 336 с.

8. 182. *Никитин А.Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (источниковедческие и историографические аспекты изучения) / А.Н. Никитин. – Томск: Издательство Томского университета, 1994. – 163 с.

8. 183. *Никитин А.Н.* К вопросу о характере и содержании агитационно-пропагандистской работы большевиков в колчаковском тылу // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: История и современность. – Томск: Издательство Томского университета, 1991. – С. 59–67.

8. 184. *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири / А.Н. Никитин – Омск: Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. – 204 с.

8. 185. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири / П.А. Новиков. – М.: Центрполиграф, 2005. – 416 с.

8. 186. *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 33 с.

8. 187. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне / Т.В. Осипова. – М.: Стрелец, 2001. – С. 312.

8. 188. *Остапенко А.И.* «Белое движение» и проблема целостности России // Российское государство и общество, XX век : К 70-летию Юрия Степановича Кукушкина. – М.: Издательство МГУ, 1999. – С. 519–556.

8. 189. *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. / [В.В. Авдеев, С.В. Козлов, С.Н. Лютов и др.] ; отв. ред. А.Л. Посадсков. – Новосибирск: ГПНТБ, 2002. – Т. 3. 1917–1930 гг. – 435 с.

8. 190. *Пайпс Р.* Россия при большевиках / Р. Пайпс. – М.: РОССПЭН, 1997. – 662 с.

8. 191. *Пайпс Р.* Русская революция : в 3 т. / Р. Пайпс. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1 – 478 с.; т. 2 – 716 с.; т. 3 – 696 с.

8. 192. *Пайчадзе С.А.* Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.) / С.А. Пайчадзе, С.Н. Лютов, Е.Н. Савенко. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. – 180 с.

8. 193. *Парсонс Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

8. 194. *Парфенов П.* Гражданская война в Сибири 1918–1920 / П.С. Парфенов. – М.: ГИЗ, 1928. – 168 с.

8. 195. *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне / Н. Перейра. – М.: Институт истории РАН, 1996. – 200 с.

8. 196. *Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. / С.П. Петров. – М.: АИРО-XX, 2006. – 368 с.

8. 197. *Петров Ю.П.* КПСС – руководитель и воспитатель Красной Армии (1918–20 гг.) / Ю.П. Петров. – М.: Воениздат, 1961. – 440 с.

8. 198. *Пеше М., Фукс К.* Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. – С. 105–123.

8. 199. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И.Ф. Плотников. – М.: Центрополиграф, 2003. –702 с.

8. 200. *Плотников И.Ф.* Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 г. / И.Ф. Плотников. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 336 с.

8. 201. *Плотников И.Ф.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны(1918–1920) / И.Ф. Плотников. – М.: Мысль, 1968. – 342 с.

8. 202. *Плотникова М.Е.* Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г. : дис. … канд. ист наук. – Томск, 1953. – 463 л.

8. 203. *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.) / М.Е. Плотникова. – Томск: Издательство Томского университета, 1974. – 252 с.

8. 204. *Плотникова М.Е.* Современная советская историографическая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. – М.: Наука, 1974. – С. 420–430.

8. 205. *Плотникова М.Е.* Современная советская историография гражданской войны в Сибири // История СССР. – 1985. – № 5. – С. 101–116.

8. 206. *Плотникова М.Е.* Историография крестьянства Советской Сибири. / М.Е. Плотникова, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976. – 462 с.

8. 207. *Плотникова М.Е., Шишкин В.И.* Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 177–187.

8. 208. *Познанский В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск: Наука, 1973. – 306 с.

8. 209. *Познанский В.С.* «Революция в Колчакии»: спорные вопросы // Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 59–72.

8. 210. *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. / В.Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1989. – 389 с.

8. 211. *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России / В.Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1976. – 415 с.

8. 212. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992. – №6. – С. 33–42.

8. 213. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 3–14.

8. 214. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 98–117.

8. 215. Поляков Ю.А. Поиск новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М.: Наука,1994. – С. 280–288.

8. 216. *Полторацкий Н.П.* «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения // Русское прошлое. – 1991. – № 1. – С. 280–305.

8. 217. *Посадсков А.Л.* «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. – 1999. – № 4. – С. 99–104; 2000. – № 1. – С. 63–69.

8. 218. Посадсков А.Л. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. – Новосибирск, 1997. – С. 140–143.

8. 219. *Посадсков А.Л.* К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 135–139.

8. 220. *Посадсков А.Л.* Книга в армии Колчака: к вопросу о восстановлении книжного репертуара «белой» Сибири // Армия и книга. – Новосибирск, 1995. – С. 55–58.

8. 221. *Посадсков А.Л.* Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С. 162–167.

8. 222. *Посадсков А.Л.* Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII – XX вв.). – Омск: Сибирский филиал Российского институтата культурологии; ОмГУ, 1998. – 219 с.

8. 223. *Посадсков А.Л.* Пропаганда как элемент быта белых армий Сибири в 1919 г. // Человек и война. XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. – Омск, 2002. – С 140–144.

8. 224. *Посадсков А.Л.* Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. / А.Л. Посадсков. – Новосибирск: Наука, 1977. – 282 с.

8. 225. *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио. – 1997. – № 2. – С. 131–133.

8. 226. *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 196–198.

8. 227. *Привалова Е.А.* В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России (1917–1920-е годы) / Е.А. Привалова. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 320 с.

8. 228. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное Собрание. История рождения и гибели / Л.Г. Протасов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.

8. 229. *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи / Л.Г. Протасов – М.: РОССПЭН, 2008. – 460 с.

8. 230. *Разгон И.М., Плотникова М.Е.* Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // Вопросы истории Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1972. – С. 3–15.

8. 231. *Разгон И.М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1969. – Вып. 4. – С. 3–28.

8. 232. *Разгон И.М.* Политические партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // 60 лет Великого Октября. – Томск, 1979. – С. 3–14.

8. 233. *Романишина В.Н.* Социальный состав и идеология Белого движения в годы Гражданской войны в России, 1917– 1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 182 с.

8. 234. *Романовский В.К.* Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму / В.К. Романовский. – Нижний Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2010. – 462 с.

8. 235. *Рыбников В.В.* Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги / В.В. Рыбников, В.П. Слободин. – М.: Терра, 1993. – 186 с.

8. 236. *Рыбников В.В.* «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблемы белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.) / В.В. Рыбников, В.Г. Казаков, Г.М. Ипполитов. – М.: МА МВД РФ, 2001. – 115 с.

8. 237. *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). – Новосибирск, 2009. – С. 105–126.

8. 238. *Рынков В.М.* Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: материалы международной научно-практической конференции.– Омск: Издательство ОмГПУ, 2000. – Ч. 1. – С. 289–298.

8. 239. *Рынков В.М.* Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 13–22

8. 240. *Рынков В.М.* Проблема частной собственности в экономической политике «белых» правительств в Сибири: законодательство и практика // История белой Сибири: материалы 2-й международной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 86–91.

8. 241. *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (1-я половина 1918–1919 гг.) / В.М. Рынков. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. – 440 с.

8. 242. *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (2-я половина 1918 – начало 1920 г.) / В.М. Рынков. – Новосибирск: НГУ, 2006. – 212 с.

8. 243. *Рынков В.М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 30 с.

8. 244. *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – Новосибирск: Наука, 1983. – 333 с.

8. 245. *Семенова Н.М.* Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977. – 24 с.

8. 246. *Семенова Н.М.* Печать об отношении крестьян к социально-экономической политике Временного Сибирского правительства // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1984. – С. 137–145.

8. 247. *Семенова Н.М.* Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). – Томск: Издательство Томского университета, 1982. – С. 278–286.

8. 248. *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / П. Серио. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.

8. 249. *Сибирь* в период Гражданской войны : материалы международной научной конференции. – Кемерово: Издательство КРИРПО, 2007. – 231 с.

8. 250. *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск, 2010. – 610 с.

8. 251. *Слободин В.П.* Белое дело в годы гражданской войны в России (1917–1922) / В.П. Слободин. – М.: МЮИ МВД, 1996. – 80 с.

8. 252. *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154–161.

8. 253. *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны / В.Л. Соскин. – Новосибирск: Наука, 1965. – 280 с.

8. 254. *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1968. – 438 с.

8. 255. *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало 20 века – 1920 г.) / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1977. – 366 с.

8. 256. Спирин Л.М. Разгром армии Колчака / Л.М. Спирин. – М.: Воениздат, 1957. – 296 с.

8. 257. *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) / М.И. Стишов – М.: Издательство МГУ, 1962. – 418 с.

8. 258. *Тимашев Н.С.* Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда / Н.С. Тимашев. – Париж, 1931.– 44 с.

8. 259. *Тичер С.* Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. и научн. ред. А.А. Киселева. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

8. 260. *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998) : автореф. дис. … д-ра. ист. наук. – М., 1998. – 376 с.

8. 261. *Трукан Г.А.* Антибольшевистские правительства России / Г.А. Трукан. – М., 2000. – 256 с.

8. 262. *Устинкин С.В.* Трагедия Белой гвардии / С.В. Устинкин. – Нижний Новгород: НижГУ, 1995. – 404 с.

8. 263. *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России / А.И. Ушаков. – М.: АИРО-XX, 2004. – 96 с.

8. 264. *Ушаков А.И.* Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – 2004. – 447 с.

8. 265. *Ушаков А.И.* История гражданской войны в исследовательской и мемуарной литературе русского зарубежья 20–30-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 1992. – 28 с.

8. 266. *Филатьев Д.В.* Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. / Д.В. Филатьев. – Париж: ИМКА-Пресс, 1985. – 144 с.

8. 267. *Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

8. 268. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование / К.Флад. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264с.

8. 269. *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / П. Флеминг. – М.: Центрополиграф, 2006. – 252 с.

8. 270. *Фоминых С.Ф.* Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири : дис. … канд. ист наук. – Томск, 1969. – 321 с.

8. 271. *Фоминых С.Ф.* Американская дипломатическая переписка как источник по истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : дис. … д-ра ист наук. – Томск, 1969. – 386 с.

8. 272. *Фоминых С.Ф.* К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. – Томск: Издательство Томского университета, 1988. – 198 с.

8. 273. *Фоминых С.Ф.* Колчак и союзники // История белой Сибири : материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 34–38.

8. 274. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с.

8. 275. *Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005. – 448 с.

8. 276. *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы / В.Г. Хандорин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 278 с.

8. 277. *Хандорин В.Г.* Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны / В.Г. Хандорин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 368 с.

8. 278. *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного коллоквиума. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 83–102.

8. 279. *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 45–93.

8. 280. *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения / Д. Цаллер. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 488.

8. 281. *Цветков В.Ж.* Белое движение в России, 1917−1922 годы // Отечественная история. – 2002. – № 7. – С. 56–73.

8. 282. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. – М.: Посев, 2008. – 520 с.

8. 283. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. – М. : Посев, 2009. – 636 с.

8. 284. *Цветков В.Ж.* Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2010. – 52 с.

8. 285. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение в России и его крах (1917–1922) / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 2000. – 120 с.

8. 286. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – 1996. – № 1. – С. 31–48.

8. 287. *Черняк Э.И.* Общественно-политическая жизнь Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2001. – 409 л.

8. 288. *Черняк Э.И.* Революции в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных и политических объединений и организаций (март 1917 –ноябрь 1918 г.) / Э.И. Черняк. – Томск: ТГУ, 2001. – 235 с.

8. 289. *Шацилло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов / М.К. Шацилло. – М.: Наука, 2008. – 342 с.

8. 290. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика / Д. Шварцмантель. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

8. 291. *Швец И.В.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке России: борьба республиканской и монархической тенденций: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – 28 с.

8. 292. *Шевелев Д.Н.* Белая Сибирь: политическая риторика, репрезентация власти и мир повседневности // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 83–89.

8. 293. *Шевелев Д.Н.* «В железном кольце»: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания в периодической печати Урала и Сибири весной – осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 45–49.

8. 294. *Шевелев Д.Н.* Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати) : дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1999. – 230 с.

8. 295. *Шевелев Д.Н.* Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: ведомственные и межведомственные совещания // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 108–113.

8. 296. *Шевелев Д.Н.* Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340. – С. 113–117.

8. 297. *Шевелев Д.Н.* Журналы заседаний Совещания по делам печати как источник по истории организации государственной пропаганды Российским правительством адмирала А.В. Колчака // Документ в системе социальных коммуникаций. – Томск, 2008. – С. 317–323.

8. 298. *Шевелев Д.Н.* Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего: в поисках оптимальной структуры // История белой Сибири. – Кемерово, 2009. – С. 142–148.

8. 299. *Шевелев Д.Н.* К истории создания Русского бюро печати // История белой Сибири. – Кемерово, 2011. – С. 197–203.

8. 300. *Шевелев Д.Н.* Образ будущей власти в постановлениях и декларациях сибирских представительных органов (август 1917 – январь 1918 г.) // Документ как социокультурный феномен. Томск, 2010. – С. 428–432.

8. 301. *Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат Российского правительства адмирала А.В. Колчака: структура, основные направления деятельности, специфика пропагандистского дискурса // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. – Самара, 2009. – С.278–289.

8. 302. *Шевелев Д.Н.* Особенности дискурса политической пропаганды антибольшевистских правительств Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 4 (44). – С. 56–62.

8. 303. *Шевелев Д.Н.* Официальная периодическая печать белой Сибири: особенности пропагандистского дискурса и риторики // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. – Томск, 2006. – С. 293–297.

8. 304. *Шевелев Д.Н.* Политическая мифология восточной контрреволюции и ее роль в формировании положительного образа Сибирской армии // Гражданская война в Сибири. – Красноярск, 1999. – С. 109–115.

8. 305. *Шевелев Д.Н.* Реорганизация осведомительного аппарата Белой Сибири летом 1919 г.: факторы изменения отношения к антибольшевистской пропаганде // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2011. – С. 173–175.

8. 306. *Шевелев Д.Н.* Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 90–94.

8. 307. *Шевелев Д.Н.* Сибирское–Российское–Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 106–111.

8. 308. *Шевелев Д.Н.* Сибирь под властью антибольшевистских правительств: городская повседневность и политическая пропаганда // Падение империи, революция и Гражданская война в России. – М., 2010. – С. 356–379.

8. 309. *Шереметьева Д.Л.* Власть и пресса Сибири в период «демократической» контрреволюции (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. – 2009. – Т. 8, вып. 1. – С. 129–134.

8. 310. *Шереметьева Д.Л.* Газетная пресса органов государственной власти в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. – Новосибирск, 2011. – С. 138–144.

8. 311. *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2011. – 300 с.

8. 312. *Шереметьева Д.Л.* Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. – Новосибирск, 2010. – С. 37–63.

8. 313. *Шереметьева Д.Л.* Уездные газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – Вып. 2. – С. 49–69.

8. 314. *Шерман И.Л.* Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931) / И.Л. Шерман. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1964. – 340 с.

8. 315. *Шиканов Л.А.* Сибирская контрреволюция на начальном этапе Гражданской войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1989. – 24 с.

8. 316. *Шилко К.П.* Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти (октябрь 1917 – март 1919 гг.). – Минск: Издательство БГУ, 1975. – 200 с.

8. 317. *Шиловский М.В.* Декабрьский (1917 г.) Сибирский чрезвычайный областной съезд // Вопросы истории Сибири XX века: межвузовский сборник научных статей. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 59–66.

8. 318. *Шиловский М.В.* Как изучали историю белой Сибири (1995–2005 гг.) // Сибирь в период Гражданской войны : материалы международной научной конференции (6–7 февраля 2007 г.). – Кемерово: Издательство КРИРПО, 2007. – С. 174–177.

8. 319. *Шиловский М.В.* К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX в. : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 2000. – Вып. 4. – С. 47–55.

8. 320. *Шиловский М.В.* Консолидация «демократической» контрреволюции в Сибири весной – летом 1919 г. // Актуальные вопросы истории Сибири : 2-е научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина, 1999 г. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 27–34.

8. 321. *Шиловский М.В.* Особенности деятельности земских организаций в Западной Сибири (конец 1917 – начало 1920 г.) // Материалы Всероссийской конференции к 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 256–260.

8. 322. *Шиловский М.В.* Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века : межвузовский сборник научных статей. – Новосибирск, 1998. – С. 42–57.

8. 323. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 428 с.

8. 324. *Шиловский М.В.* Сибирская областная дума (август – ноябрь 1918 г.) // История белой Сибири : материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 23–26.

8. 325. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. / М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2008. – 270 с.

8. 326. *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С. 4–18.

8. 327. *Шиловский М.В.* Формирование основных политических группировок в Сибири после Февральской революции (март – июль 1917 г.) // Проблемы истории и исторического познания : сборник научных статей. – Томск: ТГУ, 2001. – С. 142–154.

8. 328. *Шишкин В.И.* Административный совет Временного Сибирского правительства // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения : межвузовский сборник научных статей. – Новосибирск, 2007. – С. 60–69.

8. 329. *Шишкин В.И.* Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 20 – начала 30-х гг. // Социальная активность советской сибирской деревни. – Новосибирск, 1988. – С. 6–29.

8. 330. *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 103–119.

8. 331. *Шишкин В.И.* Как Колчак стал Верховным правителем // Сибирские огни. – 1993. – № 5–6. – С. 144–147.

8. 332. *Шишкин В.И.* Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История белой Сибири: материалы 2-й международной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 7–12.

8. 333. *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири : сборник научных статей. – Кемерово, 2011. – С. 54–61.

8. 334. *Шишкин В.И.* Правовое положение и компетенция Совета министров Российского правительства (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XXI вв. : материалы V Всесибирской научной конференции. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 90–100.

8. 335. *Шишкин В.И.* Современная советская историография интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 20–40.

8. 336. *Шишкин В.И.* 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. – 2008. – № 10. – С. 42–61.

8. 337. *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1991. – 24 с.

8. 338. *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.) / А.А. Штырбул. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2008. – 612 с.

8. 339. *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920 : в 2 кн. – М.: Центрополиграф, 2004. – Кн. 1. – 748 с.; – Кн. 2. – 607 с.

8. 340. *Щюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

8. 341. *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма (1917–1937) / И.Д. Эйнгорн. – Томск: Издательство Томского университета, 1982. – 224 с.

8. 342. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл / Г.Х. Эйхе. – М.: Воениздат, 1966. – 386 с.

8. 343. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (март – апрель 1919) / Г.Х. Эйхе – М.: Воениздат, 1960. – 308 с.

8. 344. *Эйхе Г.Э.* Большевистская печатная пропаганда среди войск противника и населения оккупированных районов в годы гражданской войны и иностранной интервенции: дис. … канд. ист. наук. – М., 1968. – 240 л.

8. 345. *1917 год* в судьбах России и мира : материалы научной конференции / отв. ред. В.И. Голдин. – Архангельск: СОЛТИ, 2007. – 267 с.

8. 346. *1918 год* в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: материалы научной конференции. – Архангельск: СОЛТИ, 2008. – 223 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……. 7

Глава 1. Государственная идеология антибольшевистских правительств востока России……... 30

1.1. Антибольшевистские правительства в информационном пространстве востока России в годы Гражданской войны: модель коммуникации, теоретические основания и определение основных понятий исследования…… 30

1.2. Особенности дискурсивной репрезентации государственной власти антибольшевистских политических режимов востока России…… 49

Глава 2. Формирование, структура и функции органов политической пропаганды и осведомления антибольшевистских правительств востока России (лето 1918 – весна 1919 г.)…… 73

2.1. Информационно-пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства (конец мая – начало ноября 1918 г.):
от замыслов к воплощению……..……. 73

2.2. Организационная и функциональная эволюция осведомительных учреждений антибольшевистских правительств востока России (осень 1918 – весна 1919 г.):
путь проб и ошибок ……. 95

Глава 3. Осведомительный аппарат Российского правительства адмирала А.В. Колчака (март 1919 – январь 1920 г.)……. 119

3.1. Русское бюро печати……..... 119

3.2. Правительственные и военные учреждения осведомления и политической пропаганды……..... 150

3.3. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов по объединению и координации антибольшевистской пропаганды……. 160

Глава 4. Основные направления, формы и методы осведомительной и пропагандистской работы антибольшевистских правительств на территории Сибири (июнь 1918 – январь 1920 г.)…… 169

4.1. Информационное обеспечение деятельности государственной власти на востоке России в период Гражданской войны……..……... 169

4.2. Печатная пропаганда: формы организации и способы распространения пропагандистской продукции……..... 188

4.3. Организация устной пропаганды, использование наглядных и технических средств, агитационно-пропагандистские кампании и акции…… 208

4.4. Культурно-просветительная и воспитательная работа в войсках……..... 217

4.5. Осведомительная работа и политическая пропаганда антибольшевистских правительств востока России: закономерные итоги…… 229

Заключение……..... 241

Список использованных источников и литературы…… 246

Н а у ч н о е и з д а н и е

Дмитрий Николаевич ШЕВЕЛЕВ

«РОЛЬ ПЕЧАТНОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ НЕ МЕНЬШЕ ПУЛИ И ШТЫКА…»

Осведомительная работа
антибольшевистских правительств
востока России

Редактор Н.А. Петрова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 11.05.2017.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 16,75; усл. печ. л.28,14; уч.-изд. л. 30,25. Тираж 500. Заказ 393.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1